

1853

ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ

ПАНТЕОНЪ

№ 7.

Юль.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТКЕ. 20.

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМОЙ КНИЖКИ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЗНАХАРЬ. Историческій романъ въ трехъ частяхъ. (Часть 3). *В.*

И. Савинова.

ШАФЕРЪ. Повѣсть Шарля Бернара.

АРАВСКІЯ КАССИДЫ. *В. Р. Зотова.*

МАЙСКАЯ ПѢСНЬ. *Графини Евдокии Растопчиной.*

II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ О РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ ДВАДЦАТЫХЪ И ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ. *Л. В. Брандта.*

ВИЛЬЯМЪ ГОГГАРТЪ И ЛОНДОНЪ СТО ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ. Статья первая.

МЕМУАРЫ.

НОВОБРАНЕЦЪ 1812 ГОДА. Записки *И. И. Лажечникова.*

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Открытие сезона — *Марія Симова*, — Нѣсколько словъ о содержаніи и направленіи современныхъ французскихъ драмъ. — Длинноты пьесъ и отсутствіе замѣчательныхъ характеровъ. — Пьесы изъ процессовъ и уголовныхъ дѣлъ. — Драмъ изъ современнаго быта и трагедій. — Мнѣніе Эдгара Кинэ о трагедіяхъ и герояхъ ихъ. — Фелисьенъ Мальфиль и его комедія. — Бенефисъ г. Верне. — *Сочиненія Горациа*. — *Дамскій угодникъ*. — *Другъ Франсуа*. — Волшебный фарсъ, за невѣжіемъ фокусовъ. — Бенефисъ г-жи Бурде. — Явное несчаствіе лучше скрытаго счастья. — Водевиль изъ оперы и оперная пѣвица въ водевилѣ. — Г. Люге. — *Закоренный другъ*. — Типъ Жюкрисса.

IV. СМѢСЬ.

1. Ящички. *В. В. Толбина.*

2. Петербурго-Московская желѣзная дорога. Письмо къ пріятелю.

3. Бѣлоруссія, въ характеристическихъ описаніяхъ и фантастическихъ повѣрьяхъ. *Павла Шпилевскаго.*

4. Мой капитанъ. Эпизодъ изъ войны 1825 года въ Южной Америкѣ.

5. Прогулка по Россіи. Поездка въ Загѣскій и Ярославскій край, лѣтомъ 1852 года.

Н. И. Розанова.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА. — Понсаръ и его пьесы. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Нынѣшнее состояніе газоосвѣщенія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ (*подробности устройства и дѣйствій газоваго заведенія въ Филадельфіи*), статья *В. Карелина.* — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** — Добрый совѣтъ, *разсказъ Сторно де-Солони.* — Школа художествъ въ Манчестерѣ. — **ШЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, АНЕКДОТЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ.** — Башня Барнума. — Барнабиты во Франціи. — Выставка въ Нью-Йоркѣ. — Надписи въ Синайской долинѣ и египетскіе гіероглифы. — Японскіе обычаи: Вѣры, сватовства, женитьба. — Американскіе денди. — Счастіе приходитъ иногда во снѣ, но глупому сыну не въ помощь богатство. — Растеніе *Aegilops.* — Соляные и огненные колодцы въ Кіатингѣ (*въ Китаѣ*). — Забѣчательная долина въ Сѣверной Америкѣ. — Новая желѣзная дороги въ Сѣверной Америкѣ. — Ночное приключеніе (*разсказъ нѣмецкаго негодянта*). — Подводный городъ (*изъ записокъ путешественника*). — Банковая облигація (*разсказъ*).

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА:

Журналы и книги лѣтомъ. — Июльскіе нумера «Отечественныхъ Записокъ», Библиотеки для Чтенія и «Современника». — Сътованіе «Новаго Поэта» о томъ, что у насъ нѣтъ будто-бы критики. — Последніе пять выпусковъ «Москвитянина». — Движущіеся столы въ литературѣ; «Отшельникъ», истинное происшествіе, и новая брошюра о холерѣ.

II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:

Древніе и современники. — Фельетонъ и его антагонисты. — Дневникъ одного петербургскаго джентльмена. — Анахоретъ. — Екатерингофъ и дачи близъ Нарвской-заставы. — Напрасныя метаморфозы. — «Марьяна-роща», превращенная въ «Монплеzierъ», и бывшая «Александрія», переименованная въ «Дорданъ». — Рыцарскіе праздники въ Любекѣ и танцевальныя вечера въ Полюстровѣ. — Первое іюля на Елагиномъ-островѣ. — Невозмутимая тишина въ Муринѣ и непрерывное движеніе въ Новой-деревнѣ. — Тамашніе потѣшныя огни и бенефисы, живыя картины и восковыя фигуры. — Аполлонъ и музы въ Павловскомъ воксалѣ.

V. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 7.

УРОКЪ МУЖЬЯМЪ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. *Н. Крестовскаго.*

УПРЯМСТВО И НАСТОЙЧИВОСТЬ. Комедія въ одномъ дѣйствіи, *Г. А. Стойковича.*

ПРИЛОЖЕНІЯ: — *ОТСУТСТВУЮТ*

I. Музыка: 1. **ВОСПОМИНАНІЕ О СЕРГИНСКОМЪ.**

Французская кадрили *И. О. Кони.*

2. **ПОЛЬКА** соч. *Е. Поанье.*

II. Портретъ *Ѳ. А. Кони.*

О П

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Седоромъ Коши.

№ 10440
72252.
7064

ТОМЪ X.

ЮЛЬ — КНИЖКА СЕДЬМАЯ.

1853.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Августа 5-го 1853.

Ценсоръ *Н. Пейкеръ.*

ЗНАХАРЬ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ,

В. П. САВИНОВА.

ЧАСТЬ III.

—

I.

Свадебный поѣздъ. — Толки. — Встрѣча старыхъ друзей. — Подгулявшій Кузнецовъ. — Талковъ самъ не ворожилъ, а его бабушка. — Драгоценная добыча.

Въ нѣсколько дней Яикскій городокъ совершенно измѣнилъ свою физиогномію. Людный и тѣсно застроенный, до появленія въ немъ буйной ватаги Пугачевскихъ, онъ вдругъ опустѣлъ, и середина его превратилась въ огромную пустынную площадь, на которой кое-гдѣ мелькали обгорѣлые остатки избъ, да надъ этими черными развалинами возвышались двѣ деревянныя батареи, поставленныя измѣнниками. Ни днемъ, ни ночью ни одного живаго существа не показывалось на этой выжженной равнинѣ. Враги прятались за своими укрѣпленіями, и ни конный, ни пѣший, не осмѣливался показаться изъ-за засады. Нижняя часть крепостной колокольни уцѣлѣла и на ней успѣли поставить нѣсколько орудій, которыя мѣтко обстрѣливали окрестность. Заключенные въ крепости и ея защитники изнывали отъ голода и нужды, измѣнники сдавшіе городъ, въ свою очередь, не смѣли оставлять мазанокъ, на которыя падала мѣткая картечь, дробя черепицу кровель. Грустные дни лежали надъ раззореннымъ городкомъ, еще грустнѣе были его ночи! Въ городѣ цар-

становалъ тогда совершенный мракъ, даже въ слободкѣ, раскинутой на выѣздѣ изъ городка, въ которой помѣщался самъ Емелька, не проглядывало и искры огня, разумѣется изъ опасенія подвергнуться выстрѣламъ крѣпостныхъ орудій. Въ эти долгія степныя ночи молчаніе ничуть не нарушалось, а между-тѣмъ въ немъ бодрствовали—каждое извѣстіе, злоба враговъ, отвага и добрая совѣсть служака.

Но вотъ однажды очнулась эта могила. Въ городкѣ, съ первымъ разсвѣтомъ дня загудѣли колокола, нарядные наѣзтники и толпа горожанъ, осторожно обходя выстрѣлы, стали выбираться за городъ, и скоро изъ-за пригорковъ, со стороны отъ хутора Кузнецова, показался свадебный поѣздъ. Съ появленіемъ его звонъ въ городѣ усилился, но въ тоже время толпа народная, и особенно старые казаки, казалось, не сочувствовали усердію звонарей... Многіе изъ любопытныхъ съ явнымъ ропотомъ и негодованіемъ оставили свои мѣста, когда въ новобрачной четѣ узнали Емельку и Устинью.

— Пусть я не дошупаюсь головы, сказалъ одинъ сѣдой казакъ, бросая слова свои въ первое встрѣчное ухо, если вся эта продѣлка похожа на что-нибудь толковое!..

— Те... вы, пустоголовые! замѣтилъ третій казакъ: каркали бы на свою шею, гдѣ-нибудь за угломъ, а то становятся рядомъ съ другими, да бѣду на нихъ накликають... Объ вашей головѣ вѣрно некому плакать?..

— Правда, что некому! возразилъ тотъ же казакъ, который по костюму скорѣй походилъ на ямщика, и только одинъ остовъ ржавой сабли, прицѣпленной къ его кушаку, составлялъ его вооруженіе. Правда, продолжалъ онъ: только скажи голубчикъ, за что ты такъ стосковался за свою то башку? Еще молода брать, нескоро ее сносишь.

— Толкуй себѣ!

— Чего толковать! видимое дѣло, что тебѣ охота отдать поклонъ поясный честной четѣ... Валяй во всю спину, помѣхи не будетъ... вались въ ноги.

— Вѣстимо, что клаваться надо, замѣтила какая-то баба. Еще вечерось было сказано, чтобы Устинью Петровну чествовать...

— Какъ чествовали простую босоногую казачку Устюшку Кузнецову! съ негодованіемъ и запальчиво перебилъ старый казакъ.

Еслибы въ эту минуту въ средину толпы упало полсотни гранатъ, готовыхъ лопнуть, то и тогда бы общій испугъ и замѣшательство не сравнились съ тѣмъ испугомъ и тревогою, которыя были слѣдствіемъ послѣднихъ словъ стараго говоруна. Какъ отъ зачумленного отхлынули отъ него посадскіе и казаки. Незнакомецъ презрительнымъ взглядомъ

обинулъ трусливыхъ сосѣдей, надвинулъ на брови шапку—и обращаясь къ немногимъ рисковавшимъ раздѣлить его мысли, сказалъ:

— Э... эхъ, православные! Совѣсть—то нашу вѣрно мы въ кабалу нечистому отдали? Ну, статочное ли дѣло, чтобы нашъ набольшій былъ тѣмъ, къмъ мы его величаемъ?

— Вѣстимо! вѣстимо! откликнулось десятокъ нетвердыхъ голосовъ!

— Ну, умные люди, спрошу васъ: не было ли бы посмѣшищемъ, еслибы даже какой ни-на-есть кошевой вздумалъ повѣнчаться съ Устиньей... а то!.. Умъ за разумъ заходить, братцы... какая жъ она намъ командерша?

— Правда... и это разумно!

— А тутъ еще велятъ чествовать ее поклономъ пояснымъ.

— Эва!.. Устюшку—то!

— Просто насъ морочать, православные... и повѣрите не бывать добру: за все про все дадимъ отвѣтъ Богу...

— Морочить, право Емелька морочить... Скрутилъ бы его, да и къ Симонову! раздалось позади стараго храбреца.

Но эта послѣдняя фраза, такъ рано высказанная прежде полного одушевленія толпы, навела новый страхъ на большую половину смельчачковъ; къ тому же видъ поѣзда, обруженнаго двумя сотнями плецкихъ наѣзниковъ, заставилъ уснуть всякую храбрость. Не измѣнилъ себя только одинъ старый казакъ.

— Чего тутъ крутить, хладнокровно замѣтилъ онъ, вотъ только бы приударить на плецкихъ щеголей, такъ посмотрѣли бы на ихъ удалъ... такъ бы дѣлымъ стадомъ и гони ихъ за городскія ворота...

— Попробуй-ко, я вижу ты изъ бойкихъ! замѣтилъ одинъ изъ посадскихъ.

— А что же!.. И попробовать могу, если только здѣсь не всѣ такіе храбрецы, какъ ты...

— Ребята! Да нешто не видите, что это симоновскій лазутчикъ? вскричалъ горожанинъ.

— Вишь ты пришелъ подбивать на злое дѣло, да еще и браниться...

— Связать его, да и на расправу!

— Въ одну берлогу съ Таликовымъ!

— Вяжи, вяжи его!

И толпа сдвинула тѣсный кругъ, но въ ту же минуту нѣсколько рыняныхъ защитниковъ плецкой слободы, какъ-будто разбросанные вихремъ, полетѣли съ ногъ направо и налево.

— Ни съ мѣста! крикнулъ бравый казакъ, заслонивъ собою стара-

го говоруна и еще швырнувъ на землю двухъ, трехъ нападающихъ... Гдѣ же ваша казацкая совѣсть, молодцы наѣздники, сказалъ онъ... Хотите тащить подъ топоръ челоуѣка, который послѣ лишней чарки разболтался не въ мѣру! Развѣ не хмѣль говорить въ немъ... А вы, посадская мелюзга, огородники, только сунься кто, лобъ изъ головы вышибу! заключилъ казакъ, взявшись за свою саблю.

— Бери ихъ ребята! Хватай обоихъ! крикнулъ посадскій, которому досталось первому испытать на себѣ быстроту и силу казацкаго толчка.

— Въ дубѣ ихъ! въ сабли! заговорили обиженные горожане и казаки.

Между-тѣмъ еще при началѣ возникшаго въ толпѣ спора, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея остановился всадникъ, повидимому весьма заинтересованный смѣлыми выходками стараго казака. Едва замѣтилъ онъ, что для послѣдняго дѣло принимается весьма дурной оборотъ, какъ, не теряя мгновенія, вытащилъ изъ запояса кожаный мѣшокъ, и опрокинувъ его, метнулъ въ толпу цѣлымъ дождемъ грошей и пятаконъ.

— На драку, дѣтүшки!.. Подбрай! Гей!.. На еще!.. Вотъ такъ... Лови, лови! кричалъ находчивый избавитель атакованныхъ смѣльчаковъ.

Жадная толпа, забывая двухъ храбрецовъ, хлынула цѣлымъ потокомъ на землю и въ пыли и въ травѣ завязала ожесточенную драку.

— Слава Богу, во-время поспѣлъ! прошепталъ всадникъ — оставляя сѣдло и бросаясь къ двумъ друзьямъ.

— Здорово — Недорѣзъ, Ѳомичъ! сказалъ онъ.

— А, Марка!.. выручилъ дружище! отозвался молодой казакъ...

— Ну, на уходъ, товарищи! шепнулъ знахарь... сюда, за мной!

И менѣе, чѣмъ въ полминуты, трое нашихъ знакомцевъ скрылись за стѣною чаганской батареей. Скоро и бѣгомъ достигли — они зарѣчнаго, еще не выжженного посада, теперь совершенно опустѣлаго. Марка отперъ калитку крайней избы — и ввелъ въ нее своихъ друзей.

— Неладно, друзья! сказалъ онъ, когда бѣглецы въ изнеможеніи опустелись на лавку... Нашли время среди бѣлаго дня, да еще едва ли не подъ саблями плечикхъ, начинать задуманное дѣло... Не говорилъ ли я, что надо обождать вечера, когда Емелька уподучетъ всю свою сволочь!..

— Не я виноватъ, право не я! замѣтилъ Недорѣзъ, всю бѣду набликалъ Ѳомичъ...

— Да, по моему резону такъ бы и слѣдовало, отозвался старый ящикъ... Чтó жъ думаю—гульнулъ, хлѣбнулъ, въ голову приударило—берись, Ѳома, за дѣло...

— Эхъ ты блажное дѣтище! насмѣшливо сказала Марка... сунулся въ воду не спросясь броду: вотъ теперь и сиди у моря, да жди погоды...

— Это почему? Хочешь опять пойду?

— Попробуй... Нѣтъ, голова, теперь и на свѣтъ Божій не показывайся, прячься, какъ кротъ въ нору... Ты думаешь, не скажетъ мнѣ завтра Емелька: «Сейчасъ укажи мнѣ въ ковшѣ — кто этотъ длинноязыкой, и гдѣ его достать?»..

— Ну а ты, что скажешь?

— Тамъ подумаемъ, а теперь—есть другое дѣло... Надо погадать, да спознать, какъ бы накормить нашихъ осажденныхъ...

— Да, голубчикъ Марка, успѣшилъ сказать Недорѣзь: въ укрѣпленіи ни зерна, мрутъ съ голоду православные; вотъ бы дѣло—то христіанское справилъ, елибы помогъ нашимъ бѣднымъ ребятушкамъ—душа изныла смотрѣть на эту напасть.

— Такъ—таки всѣ и сидятъ безъ хлѣба? спросилъ знахарь.

— Теперь почитай ужъ седьмыя сутки... Только и питаются глиной, которую достаютъ съ чаганскаго берега... Сварятъ ее, сердечные, въ казанѣ, да и за ложку...

— И всѣ такъ?

— Всѣ отъ малаго ребенка до отца-командира Симонова...

— И даже мой голубчикъ Сила Львовичъ? почти сквозь слезы спросилъ Марка.

— А онъ—то за что счастливѣе другихъ?..

— Стой же, Недорѣзь, хоть головой отвѣчать, а раздобуду сегодня хлѣба... Нужны только товарищи... Ночь темна, Емелькина сволочь пьяна, и мы обрабатываемъ дѣлишко... Ты вѣдь завтра уѣзжаешь въ степь, искать отряда, который идетъ подъ городъ изъ Бузулука...

— Вѣрно, братъ сегодня, да и молвить правду, сердце здѣсь щемить крѣпко больно... Въ степи—то ему есть гдѣ поразмыкаться...

— Ну, ужъ безъ тебя ни шагу; съ однимъ Оумичемъ немного надѣлаемъ. Останься, Недорѣзь, а если Богъ дастъ къ полночи покончимъ все... иди себѣ съ Богомъ, куда надо...

Казакъ не возражалъ, и съ наступленіемъ поздняго вечера трое друзей, заключенные въ толпу враговъ и такъ отчаянно и смѣло дѣйствовавшіе въ пользу несчастныхъ осажденныхъ, — безъ шума и тревоги оставивъ посадъ, пустились свѣжными сугробами по направленію къ хутору Кузнецова.

Послѣдній только—что пріѣхалъ съ свадебной пирушки отъ своего зятя. Конь его еще дымился паромъ, оставленный безъ всякаго при-

смотря у околицы. Поравнявшись съ нею наши путники остановились, и всё трое, по какому-то неразгаданному обстоятельству, нѣсколько разъ, съ живо выражавшеюся на ихъ лицахъ грустію, переглянулись между собою. Марка при взглядѣ на этотъ хуторъ не могъ не вспомнить съ сердечною тоскою о своей разлукѣ съ бариномъ, потомъ грозное заключеніе, и, наконецъ, ту минуту, въ которую онъ получилъ свою жалкую свободу. Въ сердцѣ втораго еще болѣе проснулось воспоминаніи при взглядѣ на эти амбарныя мазанки, на это рѣзное крыльцо, передъ которымъ онъ такъ часто гарцовалъ въ полѣ и съ котораго Устя любовалась его молодецкой посадкой. Наконецъ, даже и Оомичъ, отвѣчая общему настроенію чувствъ, не могъ не заплакать, когда разглядѣлъ казацкаго коня... Съ-тѣхъ-поръ какъ онъ лишился своей повозки и пары кормильцевъ лошадокъ, — Оомичъ не могъ не разчувствоваться при взглядѣ на самого не бойкаго скакуна. Первый одумался Марка, и стараясь развлечь грусть Недорѣза, обратился къ нему съ предложеніемъ отвести коня за избы...

— Онъ намъ пригодится, добавилъ знахарь. Теперь, Недорѣзушко и ты, Оомичъ, ждите меня, а я отправлюсь на раздобычу... На счастье же наше, Кузнецовъ еще не спитъ, — въ то время, какъ вѣрно — всё батраки его подгуляли... Ну, да оно намъ и на руку.

Въ избѣ стараго казака, по заведенному порядку, царствовала обыкновенная чистота, и вся утварь, какъ и въ былое время, освѣщалась яркимъ огнемъ лампады. Только самъ Кузнецовъ на этотъ разъ измѣнилъ своему личному обыкновенію и не заглядывалъ въ желтую книгу. Всегда воздержный, казакъ теперь едва держался на ногахъ и горько рыдалъ надъ старою душегрѣйкою Устиньи...

— Вотъ тебѣ и дочурочка, говорилъ онъ, совершилась не радость сердце веселящая, а злобѣсіе лютое... Пришелъ змѣй Горынычъ и пожралъ... Да!.. А Устюши нѣтъ!.. Право нѣтъ!.. Ломоть отрѣзанный, ломоть съѣденный... И кѣмъ же... кѣмъ? я тебя спрашиваю, Петръ Родіонычъ... А-ну-ко, глаголь? Звѣремъ, кровѣдомъ... За что?.. Бесплатно, безмздоимно... И въ грѣхъ тебя ввелъ, Петръ Родіонычъ, за твое же, голубчикъ, добро... Охо-хо-хо!.. А Богъ-то все видитъ... Я не хотѣлъ... И непричастенъ злу... и никакого мудрованія... такъ сказать, мудрованія этого... Ну, да ужъ вѣстимо что...

— Много лѣтъ и столько же радостей! послышалось въ дверяхъ. Кузнецовъ вздрогнулъ и остановилъ изумленный взглядъ на пришлецѣ, не узнавая въ немъ Марка.

— Кто здѣсь? Кто сулитъ мнѣ радостей? спросилъ онъ.

— Я, батюшка, Петръ Родіонычъ...

— А ты!.. Ну и ладно... Послушай... внимай: пришелъ звѣрь лютый... и прийдя пожралъ мое дѣтище. Ей-Богу! И пожавши не сказалъ мнѣ спасибо.. Послушай, кто ты?..

— Я, Марка, твой усердный слуга...

— А, Марка! А зачѣмъ пришелъ?

— Какъ зачѣмъ? Да вѣдь извѣстное дѣло, что велѣно мнѣ жить у тебя на хуторѣ.

— Правда, не облыжно... Ну, а видѣлъ ты Устю?

— Какъ же...

— Что, вѣдь красавица!.. гм..

— Красавица..

— А что съ ней будетъ?

— Какъ что, Петръ Родіонычъ?..

— Ну, вразумись о чемъ глаголю... Что будетъ? Ха! Извѣстно, пропадетъ она, пропала! сказалъ старикъ, и при послѣднемъ словѣ, рыдая опустился на скамью.. Отворожи бѣду, Марка, отворожи — все дамъ, все!.. Вотъ только дай уснуть... А спать... ужъ крѣпко хочется...

— Да ты бы прилежь, Петръ Родіонычъ...

— Можно... Марка, доведи старца до койки,—истаялъ отъ горя...

Марко не заставилъ Кузнецова повторять его просьбы. Онъ бережно довелъ старика до постели и послѣ нѣсколькихъ минутъ, въ теченіе которыхъ, по его расчетамъ, — казакъ долженъ былъ уснуть, тихо подкрался къ стѣнѣ, спялъ съ нею связку ключей и оставилъ избу.

На свистокъ знахаря, Оумичъ и Недорѣзь показались у околицы.

— За работу, товарищи, время дорого! сказалъ Марка. Хочу спросить тебя, Недорѣзушко, только объ одной аказіи, добавилъ онъ...

— Говори, говори!

— Вотъ связка ключей... Вотъ этотъ отомкнетъ намъ мучной амбаръ, а вотъ этотъ мышеловку Таликова...

— Что ты говоришь?

— Право не лгу. Ну, такъ скажи, пускать-ли звѣрка на волю, пригодится ли онъ намъ въ чемъ-нибудь?

— Пожалуй, что и пригодится, отвѣчалъ Недорѣзь... Таликовъ также, какъ я и какъ немногіе, знаетъ ходъ съ Чагана въ крѣпость, къ которой именно съ рѣки мы и должны подвезти нашу добычу.. Такъ какъ я тороплюсь въ степь, то въ нашемъ дѣлѣ Антошка не будетъ лишнимъ... Только гляди, Марка, не накитъ-бы намъ съ нимъ бѣды... Какъ его хватятся, что тогда?

— Тогда я и скажу завтра, что онъ бѣжалъ, да что онъ то и подзадоривалъ посадскихъ...

— Ну такъ дѣлай, какъ вѣдаешь... Миѣ нужна мука, а ужъ Таликовъ... моя братъ хата съ краю, ничего не знаю! Зла къ нему не имѣю... Богъ ему судья!..

Не разсуждая болѣе, наши храбрецы миновали обширный дворъ хутора, и предводимые Маркою, подошли къ той самой мазанкѣ, гдѣ нѣсколько недѣль назадъ былъ заключенъ вѣрный слуга Силы Львовича. Очень хорошо знакомый съ помѣщеніемъ и расположеніемъ хаты, Марка прямо подошелъ къ нарамъ и весьма неласковымъ толчкомъ разбудилъ заключеннаго.

— А!.. Кто!.. За мною? Дрожа отъ ужаса, вскричалъ Таликовъ

— За тобою, дружекъ, отвѣчалъ Марка... Кайся, конецъ твой пришелъ...

— Ни въ чемъ не повиненъ, взмигуйтеся...

— Поздно... Зачѣмъ водилъ дружбу съ дьяволомъ.

— Кто я... Неправда... Никогда, никакого знакомства!..

— А!.. Еще запираешься... Развѣ ты не ворожилъ?..

— Да пусть я провалюсь, если когда и кому-нибудь хоть полслова сказалъ правды...

— Такъ ты еще отпираешься, что не умѣешь ворожить?

— И ни, ни!.. Вотъ бабушка моя знаетъ, умѣеть... Идите къ ней, она живетъ въ Астрабатѣ, старуха такая ветхая, рыбой торгуетъ.

— Пстой, пстой! Не запирайся! перебилъ Марка, едва удерживаясь отъ смѣха, и забывая, что для нихъ дорого время, онъ продолжалъ пытать несчастнаго писаря... А, ну-ко скажи, дружекъ: ты, небойсь, не вѣдаешь травокъ приворотныхъ?

— Кто... я-то?.. Да я во всю жизнь мою терпѣть не могъ никакой зелени... Чѣмъ хочешь поклянусь, что кромѣ фіалковаго корня, который клалъ за щеку, являясь къ командиру, никакихъ другихъ корней не знаю...

— Стой, Стой!.. А не ты ли далъ казаку Недорѣзу приворотной травы?..

— Вреть онъ, разбойникъ, вреть — если онъ это говорить, глупецъ онъ... Эка, нашолъ кому повѣрить!.. Просто, не оттавалъ отъ меня человекъ... Ну, я... виновать, сознаюсь, далъ ему порошокъ... Да, вѣдь не самъ же я его сдѣлалъ, а стянулъ унашего фельдшера...

— Ай да Антоша Таликовъ! рѣшился сказать Недорѣзъ... Спасибо, удружилъ!

— Батюшки свѣты, вскричалъ Таликовъ, шаря во все стороны ру-

ками, чтобъ поймать въ нихъ казака, въ появленіи котораго видѣлъ вѣрное свое спасеніе... Недорѣзушко, Сеня, голубчикъ! Обойми меня... Пойдемъ-же отсюда, пойдемъ?..

— Тс... Куда ты! перебилъ Марка... Мы присланы за тобою, чтобы отправить тебя... Понимаешь, будетъ съ тебя, пожилъ, погрѣшилъ...

— Ну, довольно, довольно! перебилъ Недорѣзъ: оставь его товарищъ, не то вѣдь онъ умретъ отъ страха.

Когда дѣло объяснилось, Таликовъ бухнулъ нѣсколько разъ въ ноги своимъ избавителямъ, и отправился вездѣ за ними грузить мукѣ на лошадей Кузнецова.

Черезъ полчаса работа счастливо была окончена, ключи положены на старое мѣсто, и караванъ двинулся, въ обходъ города, степью, на Чаганъ.

— Рѣшено было свалить грузъ на рѣчкѣ, и писарю, такъ неосторожно сознавшемуся въ своихъ обманахъ, пробраться въ укрѣпленіе.

— Какъ? спросилъ послѣдній, а развѣ вы нейдете со мною.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Недорѣзъ, съ тобою отправится только Оумичъ; я ѣду въ степь встрѣтить отрядъ, который идетъ къ намъ на помощь, и довести его...

— Такъ, такъ... Ну, а ихъ-то милость...

— Не съ руки, пріятель, отвѣчалъ Марка... Если не будетъ здѣсь и меня, такъ ужъ никто не подастъ вѣсточки осажденнымъ, никто не похлопочетъ въ ихъ пользу... Къ тому же шенну тебѣ на ушко, а ты скажи коменданту, что если удастся, что если Богъ благословитъ, я постараюсь сжечь чаганскую батарею; она много вредитъ нашимъ солдатамъ...

При поворотѣ къ Чагану, у открытой степи, Недорѣзъ простился съ товарищами...

— Ну, быть-можетъ и навсегда, сказалъ онъ, обнимая Марка... Прости молодецъ, вотъ только забѣгу на посадъ за конемъ, да и въ дорогу... Увидишь Устинью, скажи ей, что горько, крѣпко горько мнѣ сиротникъ... Все буду думать о ней, пропала моя засточка... Не сдобровать коршуну, у котораго она въ когтяхъ, да стало-быть и ей много придется мыкать горя... Другъ, товарищъ, продолжалъ казакъ: ужъ если началъ, доганай Толкачева! Если наши налетятъ въ распахъ сюда, зааркань злодѣя, дай мнѣ надъ нимъ потѣшиться... вѣкъ ему не прощу, онъ все дѣло обработалъ, онъ, варнакъ, указалъ Пугачеву на Устинью!

Напутствуемый словомъ дружеской ласки, молодой казакъ повернулъ къ посадѣ, а Марка и его товарищи стали спускаться къ Чагану...

II.

Ночь въ укрѣпленіи. — Офицерская квартира. — Раненный. — Добрый служака. — Фурьяровка Сапугольцева. — Баронъ восхищенъ стихами и пораженъ прозой.

Далеко еще было до разсвѣта. Зимняя ночь, какъ бы нарочно, не разставалась съ степью, раскинувшись непроницаемымъ мракомъ надъ осажденнымъ укрѣпленіемъ и скрывая все ужасы, какіе выносили полумертвые отъ голода страдальцы. На стѣнкахъ царствовало безмолвное молчаніе, казалось, при орудіяхъ и у сторожевыхъ мѣстъ оставалась только одна смерть; на площади кое-гдѣ бродили медленно шатающіяся тѣни; въ окнахъ комендантскаго дома было темно, и только въ одномъ изъ нихъ, при слабомъ свѣтѣ почника, мелькали два силуэта, въ которыхъ бѣдный Подставаловъ могъ бы узнать головку Вариньки и профиль Силы Львовича... Далѣе, за пороховымъ магазиномъ, въ офицерскомъ флигелѣ, также было освѣщено одно окно. Въ небольшой квадратной комнаткѣ, которой оно принадлежало, любознательный встрѣтилъ бы картину, какую не создать воображенію безъ помощи самой дѣйствительности. Здѣсь было надъ чемъ задуматься, было гдѣ улыбнуться и, наконецъ, было отчего и погрузиться... По чернымъ и не высокимъ стѣнамъ этой комнатки, спускаясь отъ верхняго карниза — на полъ-аршина внизъ, въ замысловатыхъ фестонахъ и тонкихъ кружевныхъ кругахъ, паукъ раскинулъ свои сѣти; подъ ними, въ самыхъ неправильныхъ направленіяхъ, лишенныхъ всякой симметріи, отдѣлялись отъ черныхъ стѣнъ картинки въ рамкахъ и безъ рамокъ, между которыми знатоки и археологъ могли найти много замѣчательнаго, и въ тоже время мечтательница повстрѣчала бы купидона, вооруженнаго стрѣлами, и рядомъ съ нимъ сладкіе стишки, снятые какъ и купидонъ, съ одной и той же мучной конфетки. Казалось, что все эти виды битвъ, ихлегическіе сюжеты, купидончики и леденечные амурсы составляли предметъ особенной любви и заботливости хозяина, но въ тоже время, нельзя было не обратить вниманія и на то, что хозяинъ иллюстрировалъ свою стѣну безъ всякихъ видовъ на симметрію. Стѣна эта чрезвычайно походила на ломберный столъ молодого холостяка, на которомъ можно встрѣтить и книгу въ щегольскомъ переплетѣ, и обгрызенную зубочистку, рядомъ съ лимонною коркою, и недопитую рюмку хересу, и счетъ портнаго, и нѣсколько ничего невыражающихъ цифръ, оставленныхъ на краяхъ стола героями преферанса. Подъ иллюстрированную стѣною, на простомъ березовомъ столѣ, рисовались пузырьки съ чернилами, помадная банка, и лежала пара эполетъ, нѣсколько лоскутковъ бумаги, исписанной стихами, съ бездною помарокъ, шейшикъ, и въ немъ два или три цвѣтка давно усохшихъ. Противуположная стѣна

украшалась множеством ружей, шпажных клинковъ и пистолетовъ, развѣшенныхъ надъ койкою... При слабомъ свѣтѣ глиняной плошки, невозможно было безъ состраданія и сожалѣнія остановить свой взглядъ на больномъ, который въ тихомъ забытїи спалъ на ней. Блѣдное, почти синее лицо молодого человѣка выражало всю силу душевнаго и физическаго страданія... Нѣсколько распутанныхъ и окровавленныхъ бинтовъ были положены въ его изголовьи и таже еще свѣжая кровь черными и блестящими каплями сверкала на подушкѣ... Могильное и грустное молчаніе этого характернаго прїюта нарушалась только шелестомъ и шорохомъ Сапугольцева... Помѣщаясь на низкой табуреткѣ возлѣ постели раненнаго, добрый солдатъ, то внимательно заглядывалъ въ лицо спящаго, то успокоенный его тихимъ сномъ, онъ съ усердіемъ и торопливо обращался къ стклянкамъ и порошкамъ, мѣшая какую-то микстуру. Встряхнувъ нѣсколько разъ стклянку, Сапугольцевъ съ ловкостію фельдшера перевернулъ ее и поднесъ къ плошкѣ.

— Задалась, да хоть ты что хочешь! сказалъ съ досадою солдатъ... Кажется, всего намѣшалъ поровну, что только велѣно было смѣшать, а вотъ не выходитъ коричневой, бурда-бурдой, зелень какая-то грязная!.. Дай еще подбавлю этихъ черныхъ капель.

Сапугольцевъ исполнилъ свое намѣреніе, снова встряхнулъ составъ, и наконецъ, совершенно довольный цвѣтомъ жидкости, бережно поставилъ пузырекъ на столъ, и также осторожно возвратился къ койкѣ больного.

— Голубчикъ ты мой, Петръ Николаевичъ! сказалъ солдатъ съ глубокимъ и задумчивымъ вздохомъ... Уходила коня изрытая дорожка... Просто сказать — ты ли не царскій слуга, не добрѣющей человѣкъ, а вотъ нѣтъ, какъ нѣтъ тебѣ талану! На-смерть изрѣшетила пуля вражеская, да на смерть подкузмила и красна дѣвица... Охъ, этотъ бабїи глазъ, ворогъ молодецескій!.. Проснется голубчикъ мой, охнетъ, вздохнетъ—о рапахъ ни гугу, только и спросу, что о командирской воспитанницѣ... Какъ же, много она о тебѣ думаетъ!... Почитай въ цѣлую недѣлю ни одного раза сюда ни заглянула... все-то ухмыляется съ этимъ, какъ его!... нишчемъ—что голодно, что ѣсть нечего,—видно жить весело... Ухъ, ужъ я бы этого цифирку необстрѣленнаго, я бы на комендантскомъ мѣстѣ сѣлъ бы ему пѣню на голось: «Ты поди-поди, моя коровушка, домой». За чѣмъ, дескать, пришоль? А! отвѣчай... Погостить? За три тысячи верстъ погостить ты пришель,.. Стой! Руки по швамъ — смотри совѣстливо, шалонай!.. Дѣлать тебѣ нечего!. Налѣво кругомъ... Маршь, иди по квартирамъ, да иди не оглядывайся у меня! Вотъ что!.. Ей-Богу!.. Да еще ногой бы притопнулъ.

Въ эту минуту тихій, но судорожный стонъ Полстовалова заставилъ солдата отъ Силы Львовича перейти къ мысли о раненномъ офицерѣ. Съ заботливостію нѣжнаго отца, онъ, почти затаивъ дыханіе, нагнулся къ лицу молодого человѣка...

— А... Сапугольцевъ!.. Ты здѣсь? едва внятно прошепталъ Полстоваловъ.

— Здѣсь—батюшка, Петръ Николаевичъ здѣсь.

— Добрый мой... не отходишь отъ меня... Спасибо... Только пошелъ бы—самъ уснулъ...

— Те... При этомъ звукѣ солдатъ приложилъ палецъ къ губамъ, давая знакъ молчанія.

— Что? спросилъ поручикъ.

— Не извольте говорить много, ваше благородіе: докторъ накрѣпко запретилъ...

— Господи! тяжело тряхнувъ головою, прошепталъ раненный.. И говорить-то не велятъ... Ладно, ладно—не буду.

— Вотъ лучше, сударь, продолжалъ солдатъ, я перемѣню вамъ бинты и перевязки—примочка готова... Не извольте только, ваше благородіе, снимать перевязокъ... Видите, опять кровь показалась...

— Да жарко мнѣ, Сапугольцовъ... въ этихъ перевязкахъ такъ тяжело мнѣ... Охъ!

— Что дѣлать, батюшка... Надо терпѣть. Позвольте... И Сапугольцевъ ловко и осторожно, почти можно сказать спеленалъ израненнаго офицера.

— Спасибо, спасибо, родной мой...

— Пить не угодно ли?..

— А есть развѣ? съ восторгомъ спросилъ Полстоваловъ, почти приподнявшись на подушкахъ.

— Есть... Раздобылъ...

— Давай, давай!.. Что это?..

— Вода съ виномъ, ваше благородіе...

— Съ виномъ... Съ виномъ вода! у насъ?.. Гдѣ ты взялъ, Сапугольцевъ?

— Емелька вчера, ваше благородіе, женился на невѣстѣ нашего Недорѣза. Къ вечеру перешлись всѣ Пугачевскіе, вотъ было мы и хотѣли приударить на нихъ, такъ—сказать, сдѣлать веполохъ, да некому: изранены и голодны. Подъ вечеръ я съ Быстрошагаевымъ, молвить правду—безъ командирскаго приказа, выбрался на Чагань, а оттуда на пробѣжную дорогу — къ посаду. Глядимъ, все пусто! дальше вѣдти не посмѣли.. Рѣшились было запалить хоть чаганскую башню,

да услышали тамъ такой гвалтъ! Вдругъ, глядь, въ-сторонѣ, на рѣчкѣ что-то чернеется... Мы туда ползкомъ... Смотримъ тѣлега; а въ ней Ицка Бѣлинкій... я его, не кладя охулки на руку—по зубамъ да и за воротъ.

— Стой! говорю. Куда и съ чѣмъ?

— Въ пасадъ, говоритъ; съ виномъ—изъ умета «Старого Малахая».

— А еще что есть?

— Пирог.

— Ладно... Поворачивай оглобли! молвилъ я. А чтобы жидъ не зартачился, погрозилъ ему пистолетомъ... Такимъ то манеромъ, ваше благородіе,—черезъ десять минутъ дѣло было слажено. Боченокъ винца раскупорили, половину добычи представилъ я коменданту, другую раздѣлилъ побратимамъ, да и для васъ, про запасъ, оставилъ пирогъ и три бутылочки... Кушайте во здравіе, ваше благородіе! съ низкимъ поклономъ заключилъ бравый солдатъ.

Между-тѣмъ Полстоваловъ уже давно, съ жадностію больного, измученнаго жаждою, проглотилъ вѣсколько капель вина, смѣшаннаго съ водою.

— Еще, Сапугольцовъ... еще! Мнѣ такъ легко... Еще! сказалъ онъ.

— Сію минуту, батюшка Петръ Николаевичъ. Съ этими словами солдатъ снова налилъ рюмку, дунулъ на нее крестообразно и передалъ поручику. Можно было думать, что преданный Полстовалову служака напоилъ его какимъ-нибудь живительнымъ нектаромъ, а не простымъ и, вѣроятно, весьма кислымъ астраханскимъ виномъ. Поручикъ совершенно ожилъ; на лицѣ его выступилъ яркій румянецъ, глаза свергнули жизнью, онъ даже весьма свободно закинулъ голову...

— Послушай, голубчикъ — Сапугольцевъ, началъ молодой человекъ... Можно мнѣ немножко...

— Что прикажете!

— Я хотѣлъ бы немного поговорить...

— Немного можно, сударь... да только немного...

— Два слова...

— Извольте. Слушаю.

— Теперь ночь, или день?

— Ночь, ваше благородіе.

— Да, да... вѣдь такъ темно...

— Очень темно, ваше благородіе.

— Ну... все здоровы?

— Все больны.

— Больны?

— Да, какъ говорится, отъ голоду пухнемъ... Вѣдь только малую толику подкрѣпились... Прапорщикъ Вубновъ крѣпко раненъ—не сегодня завтра умретъ, капитанъ Крыловъ осѣдлалъ оба костыля, коменданта носимъ на рукахъ... Вылазки сдѣлать и не подумай... Всѣ безъ ногъ... Немногихъ Богъ сберегъ, да и тѣ нужны при орудіяхъ.

— Господи! прошепталъ больной... Когда же кончится это испытаніе!.. А постой, Сапугольцевъ... Варинька что... Сила Львовичъ?..

Старый солдатъ какъ будто не вслушался въ послѣдній вопросъ офицера и обратился къ стклянкамъ, внимательно переставляя ихъ съ мѣста на мѣсто.

— Сапугольцевъ, а Сапугольцевъ, повторилъ больной... Я говорю, Варинька...

— Что-съ?.. Позвольте, сударь, посправлю подушечку... видите, она гора-горой.

— Нѣтъ... мнѣ ловко, ничего—ловко... Слышишь ты, я спрашиваю: здорова ли Варинька?

— Кажись... Слава Богу... Кажинный разъ объ васъ спрашиваютъ. Полстоваловъ горько улыбнулся, и поблѣднѣвъ, какъ полотно, съ чрезвычайнымъ усиліемъ могъ сказать:

— Не утѣшай, не обманывай... Она забыла меня... разлюбила. Я все знаю.

— Что вы сударь!.. Господь съ вами! Да, барышня вотъ съ часъ назадъ, какъ подозвали меня къ окну и говорятъ...

— Съ часъ... Сапугольцевъ... и ты умѣешь лгать?..

— Право не лгу-съ.

— Лжешь... Ты болѣе полусутокъ не выходилъ изъ моей комнаты... Ну, ладно... оставимъ! Дай вина! съ какимъ-то отчаяніемъ сказалъ больной.

— Нельзя, ваше благородіе... Много будетъ... Вредно, батюшка Петръ Николаевичъ.

— Дай! крикнулъ раненый... Дай!.. Не то перевязки долой и пошелъ вонъ...

— Господи! Онъ помѣшался! почти сквозь слезы проговорилъ солдатъ... За что же вонъ-то, батюшка? сказалъ онъ.

— Кого вонъ? Кому я сказалъ вонъ? съ безмысленнымъ удивленіемъ спросилъ Полетоваловъ.

— Да сію минуту мнѣ изволили погрозить, что если не дамъ вашей вина, то оборвете перевязки, а меня вышлете вонъ.

— Вина? съ изумленіемъ повторилъ Петръ Николаевичъ — какого вина?.. Да развѣ, Сапугольцевъ — я пью вино?

— Немогимъ знать, ваше благородіе. Успокоились бы, батюшка, уснули бы, отецъ-родной.

— Уснуть — можно, успокоиться!.. Эхъ, Сапугольцевъ, какъ ты поглупѣлъ, братъ...

— Не могимъ знать, ваше благородіе

— Право поглупѣлъ.. И мутный взглядъ Петра Николаевича, оставившаяся на солдатѣ, или блуждая по стѣнамъ комнатки, выражалъ-то бессмысленную улыбку, то вдругъ оживалъ огнемъ сильного одушевленія, особенно въ тѣ минуты, когда падалъ на предметы, разбросанные на столікѣ.

— Дай ко ихъ сюда, наконецъ и послѣ долгаго молчанія, съ глубокимъ вздохомъ сказалъ больной.

— Кого сударь?

— Ну—письма, ея письма... Вонъ вынь ихъ, онѣ накрыты моими эпилетами... на столѣ.

Сапугольцевъ бросился къ столу, вынулъ нѣсколько бумагъ, и въ ту же минуту подошелъ къ больному. Но въ эту минуту глаза раненаго закрылись, и тяжело дыша — онъ заснулъ.

— Слава тебѣ Господи, уgomился! А ужъ я думалъ быть лихой бѣдѣ, говорилъ служака, кладя на старое мѣсто нѣсколько записокъ и два листка, исписанные стихами. Затѣмъ Сапугольцевъ — заглянулъ въ окно, и удостовѣрся, что все спокойно въ укрѣпленіи, расположился на своемъ табуретѣ.

Двѣ ночи вѣрный стражъ спокойствія раненаго, старый солдатъ, не смыкалъ глазъ, и самъ, измученный и утомленный, онъ уже не могъ болѣе бодрствовать; къ тому же могильное молчаніе, окружавшее его, полумракъ освѣщенія—все это навѣяло крѣпкій сонъ на Сапугольцева. Нѣсколько минутъ тревожно вздрагивая и съ испугомъ озираясь кругомъ, онъ, наконецъ, невольно прислонился къ стѣнѣ и захрапѣлъ богатырскимъ сномъ.

Полусумракъ утра заглянулъ въ крошечное окно поручичьей квартиры, а больной и старый солдатъ все еще не просыпались. Только изрѣдко отрывистый бредъ перваго нарушалъ молчаніе комнаты, какъ вдругъ у двери скрипнулъ снѣгъ подъ слѣдами какого-то прихожаго, и затѣмъ, напѣвая вполголоса веселую ариетку — къ Полстовалову вошелъ Сила Львовичъ.

Изумленіе и неразгаданная улыбка выразились на лицѣ барона,

когда внимательный взгляд его прослѣдил обстановку поручичьей квартиры.

— Стало-быть все обстоит благополучно, вѣчно безпечный, или по-крайней-мѣрѣ, стараясь казаться имъ, проговорилъ баронъ: большой спитъ, какъ сыто накормленный младенецъ, усатая сидѣлка — тоже... Ну такъ и запишемъ, такъ и доложимъ дядюшкѣ! Выказавъ эти фразы, Сила Львовичъ совершенно забылъ о Полстоваловѣ и Сапугольцовѣ, обративъ свое вниманіе на иллюстрированную стѣну.

— Скажите пожалуйста, какъ это оригинально и затѣливо, продолжалъ баронъ, взявъ догорающій свѣтильникъ... Поручикъ, какъ видно, большой охотникъ до леденцовъ... Нельзя, молодъ еще... Что это? русскіе при Кагулѣ, славная гравюра... батюшки сколько тутъ убитыхъ турокъ!.. А это? Стихи :

«Прелеста милая сказала мнѣ
Стараю вся — въ любви огонь...

Фу-ты пропасть, какъ это не дурно! Вотъ еще, продолжалъ Сила Львовичъ, кажется пастушокъ и пастушка. Что же это они дѣлаютъ?.. А! онъ играетъ на свирѣли, должно быть на свирѣли?.. трудно понять: чубукъ у него во рту, или дудка... А, а! Еще стихи!.. Ну-ко:

«И крылышкомъ касаюсь струнъ
Чинять въ сей арфѣ нѣкій звонъ...

Что за странный отрывокъ... Ба, ба! Да, Вариника не лжетъ... Полстоваловъ самъ поэтъ... вотъ лоскутъ, измаранный, неписанный и еще разъ измаранный... однако доберемся смыслу... Напрягая зрѣніе, баронъ принялся читать вслухъ :

КЪ ПРЕЛЕСТѢ.

За что я въ горести моей,
Скажи мнѣ милая Прелеста,
Безъ сна провелъ тму-темъ ночей?
По что.....

Вотъ ужъ теперь и трудно разобрать... Какая это рифма? видно только одно *ста*... Что же это: невѣста, лѣста, тѣста?.. Не могу прочитать... Ну-съ, а это? Ай да поручикъ! Смотри пожалуй сколько у него писанаго... Но въ это мгновеніе, при взглядѣ на бумажку, которую взялъ со стола Сила Львовичъ, какъ-будто бы сотня иглъ вонзилось въ его сердце. Онъ невольно обернулся къ постели больного, какъ-будто бы хотѣлъ сдѣлать ему какой-нибудь вопросъ, и съ глубо-

кимъ вниманіемъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, дочиталъ исписанный клочекъ бумаги.

Руки Силы Львовича дрожали, голова его кружилась, и еслибы кто-нибудь въ эту минуту придвинулъ барону стулъ, то могъ бы оказать ему тѣмъ великую услугу... Но какъ стульевъ въ квартирѣ Полстовалова не было, то Сила Львовичъ едва ли не въ маленькомъ помѣшателствѣ добрелъ до окна и опустился на него.

— Вѣтрениная, злая дѣвчонка! съ чувствомъ сильнаго негодованія проговорилъ онъ, послѣ долгаго молчанія. Чего же яснѣе... этотъ несчастный высказалъ здѣсь всѣ свои предсмертныя признанія, всѣ жертвы, которыя принесъ для тебя... наконецъ... эта записка. За что же, зачѣмъ же было дарить человѣка надеждой... Чего надеждой!.. Фай!.. а я то что тутъ?... Забдаю чужое счастье... Вѣрно справедливо намекнулъ мнѣ дядюшка, что Петя не встаетъ потому, что кромѣ четырехъ ранъ въ лопатку и шею, еще крѣпко раненъ въ сердце...

Послѣ долгаго раздумья, Сила Львовичъ еще нѣсколько разъ прочелъ сокровенную исповѣдь Полстовалова, его полныя задушевною грусти жалобы на судьбу, жалобы, въ которыхъ не было ни одного упрека Варинькѣ. Съ чувствомъ непритворнаго сожалѣнія онъ бросилъ взглядъ на больного, стараясь избѣгать шума, и подошелъ къ спящему солдату.

— Сапугольцевъ! шопотомъ сказалъ Сила Львовичъ.

Чуткій служака въ ту же минуту оставилъ свой табуретъ, встрепетулся, и вѣрно бы, пораженный неожиданной встрѣчею съ барономъ, сдѣлалъ десятокъ шаговъ назадъ, еслибы спина и затылокъ его не встрѣтили капитальной стѣны.

— Другъ мой, ты измучился, усталъ! тономъ непринужденной ласки сказалъ Сила Львовичъ... Дядюшка прислалъ меня навѣстить больного... позволь мнѣ остаться принять, а ты иди отдохнуть.

Съ этими словами Сила Львовичъ занялъ табуретъ Сапугольцева.

Между-тѣмъ послѣдній терялся въ догадкахъ, дѣлая себѣ важный вопросъ: «откуда въ душѣ Силы Львовича взялось это участіе къ раненому Полстовалову?»

— Да, какъ же это, сударь, вы здѣсь останетесь? спросилъ онъ.

— Просто любезный, также, какъ и ты оставался.

— Да вѣдь вы не изволите знать...

— Чего?

— Какъ услужить ихъ благородію.

— Ты меня научишь. Скажи, когда должно дать ему лекарство, когда перебинтовать раны... все это я сдѣлаю съ большою точностію и усердіемъ.

Сила 10440-7064

Сапугольцевъ смотрѣлъ на Силу Львовича съ прежнимъ изумленіемъ и не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— Наконецъ, другъ мой, будь спокоенъ, продолжалъ баронъ, что я владѣю такимъ лекарствомъ, которое въ нѣсколько минутъ едва ли не на ноги подниметъ твоего поручика... Ну, гдѣ же примочки, бинты, питье... Укажи и отправляйся съ Богомъ.

Отуманенный Сапугольцевъ не смѣлъ не повиноваться желаніямъ комендантскаго племянника; съ мельчайшими подробностями онъ объяснилъ ему весь процессъ ухода за больнымъ, указавъ на аптекарскіе матеріалы—и, по своему обыкновенію, сказавъ: «счастливо остаться!» вышелъ за двери.

Служака, несмотря на откровенный видъ Силы Львовича, мало довѣрялъ ему, и потому, оставивъ комнату Полстовалова, осторожно подкрался къ окну, чтобы наблюдать за неожиданнымъ гостемъ.

Послѣ десяти минутъ наблюденія, Сапугольцевъ не могъ не сказать себѣ, когда замѣтилъ, что Сила Львовичъ усердно, у постели больного, щиплетъ корпію: Экой же я дурень... вѣдь онъ и впрямъ добрый человекъ!

Между-тѣмъ время шло. Полный ясный день заглянулъ въ окно поручичьей квартиры. Полстоваловъ спалъ; баронъ не скучая своимъ занятіемъ, продолжалъ щипать корпію... Но вотъ Сила Львовичъ какъ-то неосторожно загремѣлъ табуретомъ, и съ судорожнымъ трепетомъ больной очнулся. Удивленіе его было сильно, когда на мѣстѣ Сапугольцева, онъ увидѣлъ Силу Львовича.

— Что вы здѣсь дѣлаете? могъ только проговорить больной.

— Щиплю корпію, мой любезный Петръ Николаевичъ, равнодушно отвѣчалъ баронъ, продолжая свое занятіе.

— А зачѣмъ вамъ корпія?

— Не мнѣ, душечка — Петръ Николаевичъ... Она нужна для васъ... Видите ли, мнѣ сказала Варинька: подите братаецъ, навѣстите нашего больного, побудьте при немъ... и, какъ милости... слышите Полстоваловъ, какъ милости, говорите, попросите, чтобы онъ позволилъ мнѣ навѣстить его, .. мы вѣдь, говорить съ нимъ недавно ссорились... Варинька; васъ поручикъ, я замѣчаю, крѣпко любить, да и Марья Ивановна тоже... У нихъ только и спросу, что объ васъ... Право, даже обидно! заключилъ Сила Львовичъ.

Полстоваловъ, вдушиваясь въ слова барона, нѣсколько разъ готовъ былъ ущипнуть себя для того, чтобы рѣшительно опредѣлить: во снѣ или на яву онъ слышитъ эту отрадную вѣсть, отъ которой, казалось, силы его вполнѣ возобновились.

— Не хотите ли пить?.. Какъ ваши бинты? снова началъ баронъ, подавая видъ, что не замѣчаетъ смущенія своего собесѣдника.

— Пить... не хочу, бинты... Да позвольте, вы что-то говорили.

— Я говорилъ, что Варинька и...

— Такъ, такъ! И вы не ждете, баронъ?

— Вотъ тебѣ разъ! съ громкимъ смѣхомъ замѣтилъ Сила Львовичъ. Развѣ вы въ состояннн придумать какую-нибудь причину, на основаннн которой можно предполагать, что я могу забавляться вашими чувствами?

— Правда, вы справедливы, отвѣчалъ молодой человекъ, нѣсколько приподнявшись на подушку... Но-съ, сдѣлать такой вопросъ... прости-те... я, какъ-бы сказать, объясняться не умѣю...

— Говорите, говорите какъ-умѣете, безцеремонно замѣтилъ Сила Львовичъ.

— Я хочу сказать, что сдѣлать такой вопросъ... я, прости меня, право, мнѣ кажется, имѣлъ небольшое право.

— Право? возразилъ съ улыбкою баронъ, какъ нельзя болѣе довольный своимъ каламбуромъ. Почему же такъ, будемте откровенны— объяснитесь...

— Въдь вы, Сила Львовичъ, почти задыхаясь началъ Полстоваловъ, любите Вариньку...

— О, разумѣется...

— Что разумѣется?

— То, что я ее очень люблю, но люблю не больше, какъ братъ.

— Неправда.

— А кто вамъ это сказалъ?

— Да помилуйте... вы смотрите на нее такъ страстно...

— Это вамъ кажется, вы большой ревнивецъ.

— Вы безотлучно при ней...

— Сдѣлайте милость, научите, съ кѣмъ бы другимъ въ этой глуши я могъ такъ прнятно коротать время, какъ съ Варинькой — и вы не увидите меня болѣе съ нею...

— Хорошъ-съ... я вѣрю вамъ .. оставимте... прости мои по-дозрѣнннмъ...

— Отъ души...

— Такъ вы говорите, что Варинька желаетъ навѣстить меня?

— Непремѣнно.

— И скоро?

— Да я думаю сегодня, если я ей только скажу, что вы...

— Ахъ, скажите, скажите ей, перебилъ Полстоваловъ, что мой

страданія увеличались еще болѣе въ разлукѣ съ нею... Еслибы только ея одно слово, одинъ взглядъ... Боже мой.. да я, кланусь вамъ, всѣ бы стѣлаики, банки, примочки—все бы швырнулъ за окно... Зачѣмъ мнѣ они тогда? Вотъ посмотрите, говорилъ простодушный Полстова-ловъ, вотъ посмотрите, если я увижусь сегодня съ нею, то завтра, пусть я не буду поручикъ седьмой храброй команды, если не явлюсь на валь... оживу, Сила Львовичъ, право оживу!..

— Вотъ ужъ это и неладно, я думаю васъ за это побранить и сама Варинька, потому-что жизнь ваша для нея дорога, спокойствіе и здоровье тоже.

Въ избыткѣ счастья бѣдный молодой человѣкъ закрылъ лицо руками и упалъ на подушку.

— Не вѣрится, не вѣрится! прошепталъ онъ.

— Увидите, другъ мой.. Однако позвольте, я перемѣню вамъ ко-рпю— и поспѣшу съ отвѣтомъ къ Варинькѣ...

III.

Рыцарство Силы Львовича — Изумленіе Вариньки. — Дневникъ Петра Николаевича. — Твердость стараго каменданта. — Подарокъ во-время.

Никогда еще не болѣло такъ сильно сердце Силы Львовича, какъ въ ту минуту, когда онъ оставилъ квартиру молодаго человѣка. Въ этомъ сердцѣ было много добра, много благородства и въ тоже время бездна страсти, съ которою онъ полюбилъ свою названную сестрицу. Страшная борьба происходила въ душѣ барона; чувство сожалѣнія къ Полстовалову и чувство искренней привязанности къ Варинькѣ заставляли его испытывать всю мѹку обманутыхъ надеждъ. Мрачный и грустный проходилъ онъ площадь укрѣпленія, невнимательный къ ужаснымъ суетамъ, совершавшимся на этой площади. Какъ-будто чрезъ пни—равнодушно шагаль баронъ чрезъ трупы солдатъ, дѣтей и женщинъ, умершихъ въ ночь отъ голода. Онъ былъ глухъ къ мольбамъ страдальцевъ, которые, ползая у ногъ прохожаго и сжимая въ холодныхъ объятіяхъ грудныхъ младенцевъ, просили хлѣба или денегъ.

При всемъ своемъ умѣнии скрывать даже рѣзкія чувства и впечатлѣнія подъ маскою веселости и безопасности, Сила Львовичъ, въ это утро, не могъ владѣть собою, и его встрѣча съ Варинькою была причиною испуга послѣдней.

— Что съ вами, что случилось, Сила Львовичъ, спросила дѣвушка... вы такъ страшны, такъ блѣдны?

— Не удивительно, Варинька, отвѣчалъ баронъ, когда посмотришь на подобныя страданія, какія испытываетъ бѣдный Полстоваловъ...

— Что же онъ?..

— Ничего... Человѣкъ въ истязаніяхъ боли, сердечной мѹки и тоски, жертвовавшей сто разъ, по прихоти, быть-можетъ, кого-нибудь, своею жизнію, умираетъ безъ участія ближнихъ, безъ... Просто я здѣсь въ пыткѣ, продолжалъ Сила Львовичъ, въ изнеможеніи опускаясь на диванъ, просто въ пыткѣ! Рѣшительно не знаю, какъ дожидаться конца этой проклятой исторіи, чтобы скакать сломя голову въ мою прекрасную Москву...

— Въ Москву?

— Ну да! Что-жъ мнѣ здѣсь дѣлать? Ждать, когда какой-нибудь плечіи разбойникъ перехватитъ мнѣ горло арканомъ, или какъ на томъ же арканѣ, будто гончую на сворѣ, поведетъ меня киргизъ въ свои степи... Покорно васъ благодарю! Вѣдь я пріѣхалъ сюда погостить, а не прозакладывать свою голову за ломоть хлѣба... Въ Москвѣ, Варинька, ждетъ меня жизнь, полная наслажденій, удовольствій... ждетъ... хорошенькая... невѣста... При послѣднихъ словахъ Силѣ Львовичу показалось, что языкъ рѣшительно отказывается служить ему. Высказавъ ихъ, онъ не шутя почувствовалъ какую-то острую боль въ горлѣ, какъ-будто бы живой ершъ остановился тамъ.

Варинька, едва держась на ногахъ, отшатнулась и съ тихимъ стономъ прислонилась къ стѣнѣ.

Баронъ сидѣлъ, какъ на горячихъ угольяхъ.

— Ужъ не рѣзко ли я началъ? думалъ Сила Львовичъ: быстрота не есть искусство, сказалъ кто-то... Сохрани насъ Богъ отъ обмороковъ, продолжалъ разсуждать молодой человѣкъ, наблюдая блѣдное лицо дѣвушки.

Но Варинька умѣла владѣть собою.

— Ахъ, какъ же вы скрытны братецъ, сказала она тономъ наивной шутки... Вѣдь никогда даже и не проговорились, что у васъ есть невѣста...

— Да не было случая, сестрица. А я вѣдь ужъ обрученъ, право...

— Вотъ какъ! Можно знать ея имя?

— О, это не секретъ. Ее зовутъ Настинька... слышите, Настинька... такое, такъ-сказать, палидисческое имя...

— И не дурна?

— О, красавица!... Да ужъ положитесь, сестрица, на мой вкусъ...

Напримѣръ, буду откровененъ... вы, моя добрая Варинька, съ вашимъ хорошенькимъ личикомъ, хоть кому бы вскружили голову... Вы... да я ужъ и не умѣю сказать, какъ вы хороши...

— Скажите, какой сюрпризъ...

— Да... Ну, а она... она лучше васъ.

Варинька готова была заплакать отъ досады, и закусивъ свои малиновыя губки, чтобы скрыть яркій румянецъ, выступившій на щекахъ ея, и пару непризванныхъ слезъ, дѣвушка съ истерическимъ хохотомъ оставила свое мѣсто.

— Послушайте, сказала она,—несмотря на вашу предшествующую любезность, всякая бы на моемъ мѣстѣ могла негодовать на васъ.

— За что же? Я люблю правду — и говорю ее, говорю, не желая обидѣть ни васъ, ни моей прекрасной Настиньки.—Ахъ, думалъ баронъ, еслибы ты знала, Варинька, что въ цѣломъ мѣрѣ нѣтъ очаровательнѣе тебя и что моя воображаемая Ньстинька передъ тобою суздальская картинка.

— Какъ я сожалею о вашей бѣдной невѣстѣ, снова начала дѣвушка.

— Но развѣ она жалка?

— Да, какъ же... вѣроятно же она груститъ въ разлукѣ съ вами.

— О, очень вѣроятно... она меня такъ любитъ... А я, Боже мой! Какъ я ее люблю!

— Такъ зачѣмъ же вы ее оставили?

— Зачѣмъ? Да... такъ... Ну то-есть для того...

— О, тутъ вѣрно есть какая-нибудь тайна: вы въ смущеніи, братецъ?

— Сознаюсь. Видите... вамъ, Варинька, я все готовъ довѣрить... я васъ такъ люб...

Сила Львовичъ какъ-то при послѣднемъ словѣ неловко замоталъ головой и успѣшилъ сказать: такъ уважаю, что отъ васъ у меня не можетъ быть тайнъ...

— Ну-съ говорите... Ужасно люблю откровенныхъ жениховъ... вѣдь согласитесь, что это самые интересныя мужчины...

— То-есть, вы хотите сказать, у этихъ людей самыя интересныя планы, мысли и затѣи?

— Пожалуй, пусть будетъ по вашему... Но извольте продолжать.

— Извольте, вамъ, какъ моему доброму другу, — я выскажу все откровенно... Представьте, Варинька, что до той минуты, въ которую я сталъ уже формальнымъ женихомъ моей прелестной Настиньки, мнѣ и въ голову не приходило задуматься надъ своимъ будущимъ, мнѣ казалась женитьба дѣломъ весьма обыкновеннымъ... Но когда я увидѣлъ на своей рукѣ кольцо, когда меня назвали счастливецомъ мои милые

друзья... Стой, сказала я, въ-самомъ-ли дѣлѣ я счастливецъ? Гдѣ увѣренность въ томъ, что Настинька истинно меня любитъ, что за первыми днями брака не послѣдуетъ холодность?... гдѣ доказательство въ ея постоянствѣ? Послѣ такихъ вопросовъ, заданныхъ себѣ, я рѣшился на испытаніе... то-есть, поступилъ почти такъ, какъ вы съ бѣдняжкой Полстоваловымъ, я говорю *почти*, потому-что вы, между нами, рѣшительно ужъ не испытываете его, а пытаете... Рѣшась на этотъ подвигъ, я не нашелъ ничего лучше, какъ разстаться съ моимъ временнымъ наслажденіемъ для вѣчнаго счастья, на нѣсколько мѣсяцевъ... то-есть, далъ себѣ слово уѣхать куда-нибудь подальше, куда-нибудь въ глушь... Согласитесь, что въ этомъ случаѣ я не могъ найти лучшаго пріюта, какъ въ Яикскомъ городѣ... О, чего бы я не далъ, съ притворнымъ вздохомъ заключилъ Сила Львовичъ, чтобы встрѣтить въ моей Настинькѣ тоже постоянство и ту же любовь, какія вы встрѣчаете въ своемъ скромномъ и миломъ Петрѣ Николаевичѣ!

— Но кто вамъ сказалъ о его постоянствѣ? съ досадою спросила Варинька.

— Кто? Вы не можете понять, сколько вынесъ я грустныхъ впечатлѣній, оставляя квартиру молодого человѣка... Послушайте, я вамъ расскажу все то, чему я былъ свидѣтелемъ... Для васъ это должно-быть интересно... Представьте, вхожу я въ комнату... въ ней такой грустный слабый свѣтъ разливала какая-то смрадная плошка. Въ постели и въ забытѣ лежалъ нашъ раненный; рядомъ съ нимъ на стулѣ качался измученный безсонницею Сапугольцевъ. При первомъ шагѣ за порогъ офицерской квартиры, мнѣ показалось, что какъ будто бы большой встрѣчаетъ меня какимъ-то привѣтствіемъ, я поспѣшилъ къ его постели и едва ли не въ испугѣ отступилъ отъ нея. Мертвенная блѣдность разливалась по лицу раненаго, губы его были сухи; легко было понять, что внутренній жаръ сжигаетъ грудь несчастнаго; окровавленная рука его, выбившись изъ перевязокъ, то сжимала грудь, то голову...

— Бѣдняжка, бѣдный Петръ Николаевичъ! съ участіемъ произнесла Варинька, увлеченная разсказомъ брата.

— Прекрасно, подумалъ въ эту минуту Сила Львовичъ, — я лгу, какъ въ заказъ... Цѣль моя достигается... И вотъ, продолжалъ баронъ—онъ вздрогнулъ, легкій трепетъ пробѣжалъ по лицу его, оно сверкнуло мгновенною улыбкою и румянцемъ... и я услышалъ ваше имя...

— Чтò? спросила дѣвушка, внавсѣя въ глубокое раздумье и неслышавшая послѣднихъ словъ барона.

— Онъ прошепталъ «Варинька»! Но еслибы вы могли слышать

сколько высказалось въ этомъ словѣ чувства... О, я увѣренъ, что вы въ невинномъ забытіи—откликнулись бы: «Петя!» Ахъ, Варинька, какъ мнѣ съ той минуты стало грустно за Полстовалова... Изъ одного слова, высказаннаго имъ, я понялъ всю боль его души, всю его нѣжную страсть къ вамъ... Очнувшись, бѣдный молодой человѣкъ былъ радъ не-сказанно моей встрѣчѣ, но не подумайте, чтобы причиною этой радости былъ именно я... ничего не бывало, простодушный поручикъ скоро высказался—онъ обрадовался мнѣ для васъ... Въ-теченіе цѣлаго часа у него только и вертѣлись на языкѣ вопросы о вашемъ здоровьѣ, о васъ... Я его утѣшалъ, какъ могъ, говорилъ, что и вы грустите за него...

— Грустить она? сказалъ онъ не довѣрчиво взглянувъ на меня. Вы говорите грустить?.. Нѣтъ! и съ этимъ нѣтъ больной впалъ въ долгое и безмолвное молчаніе, котораго я не рѣшался нарушить.—Не обманывайте меня, сказалъ онъ,—я знаю, Варинька, какъ балованный котенокъ, хотѣла поиграть первымъ попавшимся ей клубкомъ, а этотъ клубокъ было мое сердце... его перепутали, изцарапали, смяли и бросили..

Варинька подняла на Силу Львовича свои черныя блестящія глаза, которые какъ-будто бы говорили да я виновата... но довольно, не говорите больше, не мучьте меня!

Сила Львовичъ продолжалъ.

— Нѣтъ, баронъ, сказалъ мнѣ Полстоваловъ,—я вѣрю своимъ глазамъ и своему обманутому сердцу больше, чѣмъ вамъ. Извините... Если-бы Варинька хотя на одинъ мигъ имѣла ко мнѣ сочувствіе, она бы вспомнила обо мнѣ, она бы хоть разъ, хотя вмѣстѣ съ доброю Марьею Ивановною, пришла навѣстить меня... Она знаетъ, какое бы я встрѣтилъ счастье, встрѣчая ее... Она знаетъ и то, что Полстоваловъ жилъ мечтою о ней, и теперь, изнывая въ страданіяхъ, быть-можетъ умереть не сегодня, завтра—необласкавннй ею...

— Но словомъ, Варинька, говорилъ баронъ, всего я вамъ не могу и не хочу пересказывать, что слышалъ во-время нашей бесѣды... Ахъ, грѣшно вамъ, сестрица, право грѣшно... Пощадите Полстовалова... Пора кончить эту тяжелую и, быть-можетъ, убійственную для него шутку... Не повторяю вамъ того, какъ онъ васъ любитъ, но вотъ не угодно-ли... здѣсь все ясно... Это предсмертныя признанія поручика, которыя я увесъ со стола его, прочтите.

Зардѣвшись румянцемъ, съ душевнымъ трепетомъ,—дѣвушка приняла отъ барона дневникъ Петра Николаевича.

— Благодарю васъ братецъ, благодарю! выразительно сказала она, пожавъ руку Силы Львовича.

Съ послѣднимъ скрипомъ двери, за которою скрылась Варинька,

маска принужденной веселости упала съ лица барона. Онъ тяжело вздохнулъ и бросился въ комендантскія кресла, остановивъ взглядъ тоски на платкѣ, забытомъ дѣвушкою.

Еслибы кто-нибудь могъ тогда заглянуть въ душу нашего героя, то пожалѣлъ бы отъ чистаго сердца Силу Львовича. Еще никогда не испытывалъ онъ столько задушевной грусти, столько тоски за свое настоящее, какъ въ эту минуту... Не легко было ему самому разбить свои надежды, и съ рыцарскимъ самоотверженіемъ отказаться отъ своей мечты! Встрѣтивъ Вариньку, Сила Львовичъ только впервые узналъ блаженство истинной и чистой страсти. Онъ съ презрѣніемъ взглянулъ тогда на свою скитальческую жизнь, и съ восторгомъ заглядывалъ въ будущее, которое обѣщало ему скромную семейную жизнь со всѣми ея идиллическими обстановками. До объясненія съ Полстовалымъ, баронъ считалъ любовь послѣдняго къ Варинькѣ небольшою, какъ забавою молодого поручика, которому въ глуши, далеко отъ свѣтскихъ развлеченій, надо же было чѣмъ-нибудь занять свое сердце. Но какъ ужаснулся почтенный Сила Львовичъ, когда бѣднякъ Полстоваловъ откровенно высказалъ ему свое горе... Совершенно понимая теперь, что любовь Петра Николаевича сжилась съ его сердцемъ, съ его думами и жизнію, баронъ рѣшился великодушно отказаться отъ своихъ исканій, не желая лишать бѣднаго молодого человѣка единственнаго счастья, которое онъ впервые повстрѣчалъ въ своей жизни. Къ тому же, Сила Львовичъ, легко могъ разсудить, что и Варинька, увлекаясь его свѣтскостію, быть-можетъ, послѣ и очень скоро разочаровавшись, искренно пожалѣетъ о своей жертвѣ, Полстоваловѣ.

— Благодарю васъ, братецъ, благодарю! сказала она, думалъ баронъ... Право, въ ея взглядѣ и голосѣ было столько рѣзкой искренности, что я рѣшительно долженъ ее понять... Не за тетрадку благодарила меня она... Нѣтъ, она мнѣ просто сказала: вы благородный человѣкъ... Будемъ утѣшаться этими мыслями... Ахъ, бѣжалъ бы отсюда! сказалъ Сила Львовичъ, но хватитъ ли у меня твердости, устою ли я въ этомъ тяжеломъ испытаніи? добавилъ онъ.

Въ то время, какъ Сила Львовичъ задавалъ самъ-себѣ такіе вопросы, Варинька, жадно пробѣгая тетрадь Полстовалова, не могла не оцѣнить всей чистой и благородной страсти поручика. Первые страницы были прочтены съ чувствомъ сожалѣнія къ ихъ автору, послѣдующія съ грустнымъ раскаяніемъ, и наконецъ — послѣднія со слезами. Теперь-то, въ своемъ сознательномъ раздумьи, дѣвушка не могла не сравнить двухъ своихъ рыцарей. Результатъ этого сравненія вышелъ въ пользу поручика. Варинька нашла, что онъ, во-первыхъ моложе Силы

Львовича, который разочаровалъ дѣвushку своимъ обиднымъ и наивнымъ признаніемъ, во-вторыхъ, что онъ не такой дерзкій болтуни, какъ баронъ, въ-третьихъ, что взглядъ его выразительнѣе, улыбка пріятнѣе и шолкъ волосъ далеко мягче напудренного парика братца. Но самое главное, что для Полстовалова ея взаимность дороже всѣхъ сокровищъ міра, а для Силы Львовича, у котораго есть такая миленькая невѣста, она не находка.

— Прощу разгадать этихъ напудренныхъ юношей, этихъ свѣтскихъ болтуновъ! заключила Варинька. Кто могъ думать, что они говорятъ всегда какъ влюбленные пастушки, что вся ихъ поддѣльная искренность, весь ихъ бредъ,—условная манера объясняться и коротать время съ женщинами.

Уязвленная до глубины души своимъ разочарованіемъ, дѣвushка подошла къ окну и не могла безъ трепета и чувства не взглянуть на крайнее окно офицерскаго флигеля...

Въ это утро, крѣпостная площадь представляла видъ особеннаго движенія, чего давно не случалось. Грязныя, блѣдныя, въ лохмотьяхъ, дѣти, женщины и разночинцы толпами сходились къ комендантскому дому. Иные изъ этихъ несчастныхъ, предводимые товарищами, энергически размахивали руками и громко говорили что-то, указывая то на крѣпостныя ворота, давно уже заваленныя бревнами и кирпичемъ разрушенной колокольни, то на окна Симонова. Изрѣдка толпы, встрѣчая солдатъ, дерзко заставляли послѣднихъ уступать имъ дорогу... Солдаты, также составляя отдѣльную партію, слѣдили за народомъ,—и скоро все населеніе крѣпости, исключая служака, разставленныхъ на валу,—громдой волнующейся массой остановилось у дома Владиміра Петровича.

Вотъ посылались рѣзкіе, хриплые голоса несчастныхъ, почти полумертвыхъ отъ истомленія и голода.

— Коменданта! коменданта! Мы голодны... хлѣба или сдачи!

Варинька съ ужасомъ отшатнулась отъ окна, готовая съ страшною вѣстью броситься къ дядѣ, но въ эту минуту въ растворенныхъ дверяхъ, едва держась на ногахъ, показался самъ израненный и больной старикъ, поддерживаемый Марьею Ивановною.

— Что за шумъ? Кто кричить? Что случилось? болѣе съ досадою, чѣмъ тревожно спросилъ Симоновъ.

Варинька была нѣма отъ ужаса, и только молча могла указать на окно.

Вбѣжалъ Сапугольцевъ, сопровождаемый двумъ унтеръ-офицерами.

— Что у насъ случилось? спросилъ Симоновъ.

— Ваше высокоблагородіе, неслухи требуютъ хлѣба или сдачи...

— Сдаться! Сдаться! вскричалъ старый комендантъ, сжавъ кулаки и побавровѣвъ отъ негодованія... Мы хотимъ сдаться разбойникамъ!.. А! я вамъ дамъ сдаться!.. Я васъ... Что солдаты?

— Команда ждетъ вашихъ приказаній!

— Спасибо... Солдатская совѣсть помнить свой долгъ... Веди меня Сапугольцевъ... Веди—я ихъ!

— Что ты дѣлаешь! вскричала Марья Ивановна, поблѣднѣвъ при мысли о той опасности, которой подвергался ея мужъ... Они убьютъ тебя, Владиміръ Петровичъ...

— Убьютъ, матушка... Все можетъ случиться, голодный человѣкъ что бѣшенный!

— Не ходи, Владиміръ Петровичъ... не губи себя отецъ родной! звывала старушка.

— Что ты, Машенька, рехнулась никакъ! Да развѣ можно это... Слышешь ревуть какъ... Видишь, какъ я имъ понадобился... Прощай... Молись?.. Ну, ребята, спасибо!.. Веди меня скорѣе... Ей ты, Силковъ, бѣги на валъ, къ орудію, и по моему знаку стрѣляй... Ты, Сапугольцевъ, доведя меня до крыльца, отправляйся... Тутъ старикъ что то шепнулъ на ухо солдату, добавивъ: «и перекрестясь, съ Богомъ!»

Женщины въ нѣмомъ отчаяніи слѣдили испуганнымъ взглядомъ за удаляющимся старикомъ.

Въ корридорѣ къ коменданту присоединились нѣсколько человѣкъ офицеровъ съ обнаженными саблями, и Сила Львовичъ. Окруженный и поддерживаемый ими, Симоновъ вышелъ на подвѣздъ.

— Надо сдаться! Мы умираемъ съ голоду! Хлѣба! Сдайся! зарѣвела сотня голосовъ, навстрѣчу коменданту.

— Ахъ вы безумные... Вотъ я васъ! спокойно и тихо сказалъ старикъ. Обойдите друзья мои, со своими взводами, по флангамъ и съ тылу этой сволочи, продолжалъ онъ, обращаясь къ офицерамъ. Приказаніе Симонова было исполнено съ удивительною быстротою, такъ что охотники до сдачи не успѣли еще одинъ разъ спросить хлѣба, какъ ужъ были окружены штыками. Но эта мѣра, казалась, только усилила настойчивость и отчаяніе несчастныхъ. Съ воплемъ угрозъ они повторили свое требованіе.

— Молчать! Крикнулъ Симоновъ.

Далекій глухой ропотъ пробѣжалъ въ толпѣ.

— Чего вы хотите, дѣтушки? ласково спросилъ онъ.

— Хлѣба или сдаться! отвѣчали страдалцы, забывая въ мѣкахъ голода долгъ свой.

— Хлѣба? Вы знаете, началъ комендантъ, у меня его нѣтъ, стало

быть бесполезно его отъ меня и спрашивать... Мое семейство не мнѣ тершитъ нуждъ, и благодареніе Всевышнему, споситъ испытаніе безъ ропоту. Сдаться я не могу, и еслибы родная мать умирала на рукахъ моихъ, мучась всеми страданіями голодной смерти, то и ею я пожертвовалъ бы моему долгу. Скажите, за что-же мы измѣнимъ нашей доброй матушкѣ Царицѣ, нашей присягѣ, нашей чести, и сами, выстрадавъ, какъ герон, болѣе трехъ мѣсяцевъ, пойдемъ подъ топоръ или на висѣлицу!..

— Но дѣти, жены мрутъ на глазахъ нашихъ, проклиная наше упорство! сказалъ одинъ изъ толпы.

— Отпустите, какъ добрые христіане, имъ грѣхъ этотъ; жены и дѣти ваши существа слабыя.

— Ладно, толкуй тутъ... подсахаривай! заговорили въ народѣ.

— Молчать! снова повторилъ Симоновъ... Женъ и дѣтей вашихъ, сказалъ онъ, я высылалъ за крѣпость...

— Да ихъ прогнали назадъ...

— Наконецъ, отпускалъ и васъ, измѣнниковъ! готовый умереть здѣсь одинъ, съ моими вѣрными солдатами.

— Прогнали и насъ! перебилъ тотчасъ-же дерзкій молодецъ изъ народа... Говорятъ: ступайте, накормимъ и примемъ васъ тогда, когда сдастся гарнизонъ.

— Этого не случится! И первый, который осмѣлится заикнуться объ этомъ позорномъ дѣлѣ, будетъ повѣшенъ!

— Такъ мы силою разломаемъ ворота и впустимъ пугачевскихъ... Не боимся твоихъ штыковъ... Насъ въ сотню разъ больше.

— Къ воротамъ! Къ воротамъ! На словъ! крикнула толпа, готовая исполнить свою угрозу.

— Штыкъ на руку! раздалась команда взводныхъ командировъ.

— Смирно! Ни съ мѣста! сказалъ въ свою очередь Симоновъ...

Храбрецы оторопѣли и смолкли.

— Вижу, началъ старикъ, что вы потеряли честь и совѣсть! Вижу, что призвать васъ къ честному дѣлу невозможно... Не вы ли клялись мнѣ, цѣловавъ св. крестъ, что никакія мѹки не заставятъ васъ измѣнить Государынѣ?.. и не вы ли, выстрадавъ столько, рѣшаетесь, быть-можетъ, въ то время, какъ спасеніе наше близко, и въ дни, въ которыя страдалъ нашъ Спаситель * запятнать свое имя позоромъ, проклятіемъ Церкви и вѣрныхъ слугъ своего отечества?.. Такъ нашъ об-

* Последнія свои испытанія осажденные терпѣли на Страстной-недѣлѣ. См. От. Зап. 1823 г. № 52

щій конецъ близокъ! Клянусь, что безнаказанно вы не сдѣлаете и одного шага! Знаю и то, что мѣ съ моими храбрыми не устоятъ противу вашего нествования... Такъ умремъ вмѣстѣ!...

Вниманіе безмолвныхъ слушателей росло съ каждою минутой, какъ между-тѣмъ лицо почтеннаго коменданта, одушевляясь съ каждымъ словомъ, наконецъ, свергнуло огнемъ отваги. Съ усиленіемъ приподнявъ израненную руку, онъ указалъ на пороховой погребъ.

— Вы думаете, сказалъ онъ, что я не ждалъ, не угадалъ вашего безсовѣтнаго намѣренія... Нѣтъ, я предвидѣлъ все... Молитесь! Конецъ нашъ близокъ... Сапугольцевъ съ зажженнымъ фителемъ стоитъ надъ порохомъ и ждетъ сигнала... А вонъ и сигнальное орудіе!.. На колѣни! твердымъ и громкимъ голосомъ сказалъ комендантъ, опускаясь съ окружавшими его на колѣни.

Въ толпѣ послышался говоръ, потомъ плачь, который скоро перешелъ въ рыданія.

— Помилуй насъ! Прости отецъ! Виноваты!.. Смилуйся! заговорили непокорные, ползая у ногъ старика Симонова...

— Безумцы, сумасшедшіе! сказалъ послѣдній, неужели вы думали, что старый солдатъ не счумѣетъ отстоять свою честь?.. Настанетъ общая радость; мы скоро будемъ освобождены. . отряды близко, я имѣю вѣрныя свѣдѣнія! По домамъ! Кто явится на площадь безъ призыву, того разстрѣляю или повѣшу, а Сапугольцевъ, до дня нашего освобожденія не потушитъ своего фителя... Вамъ я уже больше не вѣрю!.. По домамъ! повторилъ Симоновъ... Поставить караулъ у порохового магазина! добавилъ онъ.

И толпа страдальцевъ за свой непремѣнный долгъ, безъ говора, въ тихомъ молчаніи, съ поникшими головами готова была разбрестись по своимъ жалкимъ лачугамъ, какъ въ эту минуту, изъ-за раздвинутаго взвода команды, закрывавшей тылъ горожанъ, показался Таликовъ, навьюченный какою-то тяжелою ношею... За нимъ съ такою же тяжестью слѣдовало девять человѣкъ солдатъ, снятыхъ съ батареи лѣваго фаса укрѣпленія...

— Братцы... вотъ вамъ мукѣ! сказалъ знахарь, сбросивъ на землю громадный мѣшокъ съ мукою.

— Мукѣ, мукѣ! съ воплемъ неистовой радости повторили несчастные... Мы будемъ ѣсть! Будемъ сегодня сыты! кричали они... Ура Таликовъ! Спасибо Антоша! Черезъ пять минутъ вся площадь была увѣшена казанами, подъ которыми пылалъ огонь...

Таликовъ добрался до коменданта и упалъ въ ноги своего командира.

— Спасибо, Антонъ Федоровичъ! ласково сказалъ Симоновъ, вотъ ужъ братъ, какъ говорится, во-время поспѣлъ!..

— Батюшка, ваше высокогородіе, не возьму больше грѣха на душу, и лгать не хочу!.. Не я сдѣлалъ это доброе дѣло: все смастерилъ Недорѣзь, да слуга ихъ милости... И Таликовъ указалъ на Силу Львовича.

— Какъ, мой слуга? спросилъ послѣдній... Живъ онъ, здоровъ?

— Шлетъ честной поклонъ вашей милости. Безъ него бы, какъ безъ рукъ! отвѣчалъ писарь... У него и для него все отворено.

— Такъ онъ измѣнникъ, онъ слуга пугачевскій? съ невыдержанною досадою спросилъ Симоновъ.

— Измѣнилъ, батюшка ваше высокоблагородіе для вашей пользы... Все, что можетъ, то и дѣлаетъ, не во вредъ своимъ... А ужъ нечего сказать, плутъ, какъ видно такой, что и днемъ съ огнемъ поискать такого! Морочить пугачевскихъ... прослылъ такимъ знахаремъ, что хоть кого ему за поясъ!

Сила Львовичъ съ удивленіемъ пожалъ плечами.

— Не вѣрится, сказалъ онъ... Марка дуракъ, какихъ можно показывать за деньги.

— Однакожь, батюшка, подхватилъ Таликовъ, онъ такъ разумно и бойко дурачить людъ, что намъ три дни не спать, два дни не ѣсть—того не придумаешь...

— Такъ стало-быть муку-то онъ прислалъ? спросилъ Симоновъ.

— Онъ, батюшка, ваше высокоблагородіе... онъ... Просто взявъ, да и вынесъ съ хутора Кузнецова, да и мою-то грѣшную душу спасъ...

— Bravo! подказалъ Крыловъ, который въ эту минуту, оставивъ валь, подошелъ къ обществу офицеровъ.

— А ну-ко, Таликовъ, началъ Симоновъ, не слыхать о нашихъ отрядахъ, которые идутъ къ намъ на подмогу?

— Близко, отецъ-командиръ, безоблыжно говорю — близко!.. Марка, которому большую вѣру далъ Емелька, поразноухалъ много... Онъ и Недорѣзю-то указалъ дорогу, на которой казакъ можетъ встрѣтить отрядъ Мансурова...

— Какъ? вскричалъ съ невыдержаннымъ восторгомъ Симоновъ... Къ намъ отдѣленъ, отъ Михельсона отрядъ...

— Да ужъ вѣрно такъ, ваше высокогородіе!

— И Мансуровъ идетъ сюда?

— Какъ говорить Марка... Идетъ и скоро будетъ; потому-то и уходитъ сегодня Емелька изъ городка.

— Уходитъ! Куда?

— Подъ Оренбургъ...

— Ну, а за него кто останется?

— Овчинниковъ и Толкачевъ...

— Да чего! прибавилъ Таликовъ... Марка обѣщаль ихъ живьемъ доставить къ вашему высокородію.

— Марка! прошепталъ Сила Львовичъ... Вотъ ужъ никогда не думаль, чтобы онъ такъ ловко среди миллионовъ опасностей разыграль трудную роль... Ну, а обо мнѣ-то онъ помнитъ? спросилъ Сила Львовичъ.

— Да такъ, батюшка, помнитъ, что прислалъ вамъ сотню поклоновъ, командеру отцу тысячу поклоновъ, да и штофъ кизлярской... Вотъ онъ!

И Таликовъ вытащилъ изъ-за пазухи громадную глиняную посудину, наполненную виномъ.

IV.

Посѣтительница. — Въ пятницу сны сбываются. — Бѣгство враговъ. — Опять Марка. — Кладъ. — Пѣнники. — Поимка Пугачева. — Поѣхал!

Слова Таликова или, лучше сказать, слова Марки оправдывались съ каждою минутою. Едва только офицеры разошлись отъ коменданта—довольные своею лукуловскою закускою, какъ сторожевые въ ретраншаментъ донесли, что въ городѣ замѣтно особенное движеніе. Дѣйствительно нѣсколько сотенъ конныхъ, со значками, выѣхали за ворота города... Это ободрило осажденныхъ, которые удостовѣрились, что Пугачевъ отправился подъ Оренбургъ.

Настала ночь, передъ которою долго все фасы укрѣпленія одѣвались дымомъ крѣпостныхъ орудій, провожая картечью неприванныхъ и незванныхъ гостей. Въ полночь смолкли эти выстрѣлы. Укрѣпленіе осталось въ своемъ покойномъ положеніи... Симоновъ, ободренный маленькою удачею, даже закурилъ свою *пенку*, какъ онъ ее называль; Крыловъ потребоваль еще лишній стаканъ кизлярки; словомъ, все ждали, что чрезъ день, а много, если чрезъ три, укрѣпленіе будетъ освобождено! Населеніе крѣпости, довольное подаркомъ Таликова, разбрелась по домамъ, и площадь, до того людная страдальцами была совершенно пуста.

При свѣтѣ факеловъ, которые не угасали на валу, легко можно было видѣть каждого проходящаго чрезъ площадь...

Въ эту-то минуту, когда все и все, успокоенные минутною удачею

предались крѣпко безтревожному сну; въ укрѣпленіи можно было замѣтить женщину, которая, закутавшись въ черный плащъ, осторожно и осматриваясь, вышла изъ комендантскаго дома, направивъ шаги свои къ офицерскому флигелю.

Несчастный и больной поручикъ въ этотъ день страдалъ за всѣ дни своего отдыха отъ раскрывшихся ранъ въ плечахъ, пронизанныхъ пулями, отъ ранъ увлеченнаго сердца. Подлѣ него не было вѣрнаго Сапугольцева, съ которымъ молодой человѣкъ рука объ руку совершилъ столько подвиговъ, не было человѣка, который бы перемѣнилъ его перевязки и корпію, начинавшую, въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, востать въ мучительныя раны молодаго офицера.

— Гдѣ онъ, мой добрый другъ? думалъ Полстоваловъ? Что случилось.. Ужъ не враги ли? И какъ будто бы вѣря въ остатокъ своихъ силъ, бѣдный молодой человѣкъ бросилъ взглядъ надежды на оружіе, висѣвшее надъ его кроватью.

Въ это мгновеніе скрипъ дверей и шумъ женскаго платья совершенно вызвалъ къ дѣйствительности изнывавшаго въ страданіяхъ Петра Николаевича.

— Варинька!.. Это вы! вскричалъ онъ, сляясь приподняться..

— Те!.. Я! отвѣчала дѣвушка, останавливаясь на порогѣ скромной комнатки Полстовалова.

— У васъ никого нѣтъ? спросила она.

— Никого! Ахъ, Варинька!.. Столько счастья!

Полстоваловъ не могъ досказать послѣднихъ слезъ, онъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Но когда бѣдный, умирающій поручикъ почувствовалъ, что въ его рукѣ лежитъ рука Вариньки, онъ ожилъ въ одно мгновеніе, и ожилъ совершенно.

— Такъ вы меня любите?! спросилъ онъ съ тою непринужденностію, какая дозволяется больнымъ и умирающимъ.

— Больше чѣмъ когда-нибудь, Петръ Николаевичъ! отвѣчала Варинька.

— Господи! Какъ мнѣ теперь легко! Варинька, Варинька! дрожа отъ упоенія, проговорилъ Полстоваловъ: всю мою жизнь вамъ... Правда, небольшая жертва: ея осталось немного!

— Живите, Петръ Николаевичъ, живите для моего счастья...

— Что говорите вы? съ неразгаданнымъ изумленіемъ спросилъ больной.

— Я говорю, что люблю васъ, что жизнь ваша для меня дороже моей собственной...

Полстоваловъ, измученный своими страданіями, натурально былъ сильно пораженъ словами любимой имъ дѣвушки, — и впалъ въ какое-то бессмысленное забытѣе.

Вариныча испугалась этого неожиданнаго и непонятаго припадка.

Не теряя ни минуты, она обратилась къ помощи стоявшихъ предъ нею лекарьствъ, и вотъ — между множествомъ подобныхъ предметовъ вниманіе испуганной и оторопѣвшей Варинычи остановилось на небольшой стеклянкѣ со спиртомъ... Взять ее и броситься къ постели больного было для посетительницы дѣломъ одного мгновенія... Дрожа всѣмъ тѣломъ, дѣвушка заглянула въ лицо Полстовалова. Его довольно ровное дыханіе, легкій румянецъ, начинавшій выступать на щекахъ больного, и самое выраженіе въ лицѣ, все говорило, что обморокъ Полстовалова неопасенъ.

Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько мгновеній онъ открылъ глаза, безъ цѣли и мысли остановилъ ихъ на противоположной стѣнѣ, и совершенно забывая минувшее, довольно твердымъ голосомъ спросилъ, не поворачивая головы и не подозрѣвая присутствія Варинычи:

— Сапугольцевъ!.. Я не бредилъ сейчасъ?.. Представь себѣ, продолжалъ Полстоваловъ, какой пріятный сонъ видѣлъ я сію минуту... Будто бы у меня вотъ также темно—какъ и теперь, тебя нѣтъ, жажда мучаетъ меня... а я не могу ни встать, ни приподняться... И вдругъ входитъ Вариныча... Сегодня у насъ какой день, Сапугольцевъ? А... среда?..

— Пятница, отвѣчала Вариныча.

Полстоваловъ, занятый своими мыслями, даже и въ эту минуту нисколько не обратилъ вниманія на мягкость и пріятное трепетаніе отвѣчавшаго голоса.

— Пятница! повторилъ онъ. Гм... пятница... Что жъ, это хорошо, Сапугольцевъ... Таликовъ говорить, что на пятницу сны сбываются. Ахъ, какъ бы я былъ радъ продолжалъ большой, еслибы меня не обманывалъ этотъ счастливый Сила Львовичъ... Дайка мнѣ пить, товарищъ, да потомъ расскажешь, чѣмъ у васъ кончилась исторія на площади.

Дѣвушка готова была съ усердіемъ замѣнить въ эту минуту для молодого человека его вѣрнаго Сапугольцева, но въ комнаткѣ было такъ темно, выгорѣвшая полка много если освѣщала полшага пространства, а Вариныча не знала, гдѣ поставлено питье больного, и потому для нея теперь не было никакой возможности хранить свое инкогнито. Опасаясь однакожъ, чтобы не повторился припадокъ Полстовалова, она рѣшилась на быструю и неожиданную для него встрѣчу... Хотя съ под-

дѣльнымъ, по тѣмъ не менѣе съ громкимъ и веселымъ смѣхомъ, дѣвушка остановилась у изголовья больного.

— Что это значить? Кто здѣсь? вскричалъ Полстоваловъ.

— Я здѣсь, я! отвѣчала Варинька, сжимая руку молодого человѣка. Пришла васъ навѣстить, продолжала дѣвушка голосомъ, которому старалась придать тонъ безпечной веселости; а вы — злой!.. даже и узнать меня не удостоили, съ упрекомъ заключила гость.

— Не сердитесь, Варинька! отозвался покорный и совершенно счастливый поручикъ. Ей-Богу, сказалъ онъ, я не могъ узнать васъ... видите, какая у меня тьма...

— Но я вѣдь съ вами говорила...

— Ахъ, Боже мой... какой я чудакъ... Я васъ не слыхалъ.

— Слышали...

— Слышалъ и молчалъ?.. Да не шутите, Варинька, не то я въ вѣкъ себѣ не прощу этаго невѣжества... Скажите, что же вы мнѣ говорили?

— Что сегодня — пятница!.. съ плутовскою улыбкою и закусивъ свои розовыя губки, отвѣчала дѣвушка.

— А такъ вы — все слышали!.. Вы Варинька — все еще та же шалунья, та же насмѣшница.

— А что же бы могло измѣнить меня, Петръ Николаевичъ?

— Наши общія страданія...

— О, вы справедливы... Но вѣдь эта минутная шутка не большой для меня отдыхъ за тѣ пасмурные дни, въ которые я такъ надолго разставалась съ удовольствіемъ и радостью...

— Надолго? съ непритворнымъ изумленіемъ и небольшимъ упрекомъ спросилъ Полстоваловъ... Право, Варинька?

— Что же это васъ такъ удивляетъ... Развѣ все это время я жила въ садахъ гесперидскихъ и кушала золотыя яблоки, а не общія корки и объѣдки... Развѣ, въ то время, какъ смерть раскидала около меня столько жертвъ, въ то время, какъ всѣ, къ кому такъ привязано мое сердце—или больны, или на краю опасности...

— Развѣ Сила Львовичъ захворалъ? спросилъ Полстоваловъ, стараясь пламеннымъ пожатіемъ руки въ ту же минуту подсластить свой язвительный вопросъ.

— Ревнивецъ! сказала Варинька... за это я вамъ выдеру уши... или уйду...

— Ни того, ни другаго—Варинька... Знаю, продолжалъ онъ, какъ ваше сердце неравнодушно... къ...

— Тс!.. Черестаньте, все, все лжете... Скажите лучше, гдѣ ваше вино...

— Ахъ, да! я и забылъ. Потрудитесь, оно на окнѣ... Такъ вы говорите, продолжалъ молодой человекъ, принимая вино отъ Вариньки и стараясь поддержать все тотъ же разговоръ, — вы говорите, что вы очень грустили и скучали?..

— Очень, очень, другъ мой...

— И даже въ обществѣ Силы Львовича...

— Въ послѣднее время для меня бароиъ былъ скучнее, чѣмъ кто-нибудь.

— Возможно ли! Чтó вы говорите?

— Истинную правду... Представьте себѣ, что онъ съ утра до вечера твердитъ о томъ, какъ ему здѣсь грустно и скоро ли онъ уѣдетъ въ Москву, гдѣ его ждетъ невѣста...

— Батюшки мои... невѣста, невѣста! почти въ безмысленномъ восторгѣ вскричалъ Полстоваловъ. И онъ не жетъ?

— Нѣтъ, едва удерживая свою досаду, отвѣчала дѣвушка: онъ говоритъ, что она очень хороша, что она даже очень хороша!.. Вотъ чтó онъ говоритъ...

— И говоритъ вамъ, — вамъ это говоритъ онъ, Варинька? спросилъ Полстоваловъ, особенно нажимая на слово вамъ.

— Да, миѣ... Онъ вотъ какъ сказалъ: «Вы, Варинька, очень не дурны, вы, говоритъ, даже очень хороши...

— Правда, правда! шепталъ Полстоваловъ.

— «Ну, добавилъ онъ, а она лучше васъ!» почти сквозь слезы окончила дѣвушка.

— Не правда, чѣмъ хотите поклянусь, что это неправда!

— Да почему вы знаете? невольно спросила дѣвушка.

— Почему я знаю?... спросилъ Полстоваловъ... Да ужъ я знаю... Она не можетъ быть лучше васъ... Вѣрьте миѣ, Варинька... Ужъ не можетъ этого быть... и Сила Львовичъ прихвастнулъ...

— Ну, да хорошо, — оставимте объ этомъ.

— Разумѣется оставимте... Какая намъ надобность до московской красавицы... Ну, положимъ, что она и лучше васъ, да зачѣмъ же это говорить, это нехорошо... Ахъ онъ, Сила Львовичъ, этакой... какой онъ странный...

— Чѣмъ же, странный?

— Да какъ же—говорить: «ну, а она лучше васъ?» Во-первыхъ этого быть не можетъ, а во-вторыхъ... Ей-Богу, неприлично, Варинька... Впрочемъ миѣ тутъ никакого нѣтъ дѣла, я вѣдь, сохрани Богъ! рѣшительно не думаю васъ ссорить съ Силою Львовичемъ... Теперь я просто счастливъ и увѣренъ въ своемъ будущемъ, теперь скажу откоро-

венно, я не боюсь Силы Львовича... Ужъ, какъ хотите, не можетъ же онъ жениться на васъ и на московской красавицѣ... Ей же онъ предложилъ прежде свою руку...

— Онъ даже обрученъ! подсказала Варинька, не замѣчая, какъ невыгодно и какъ странно было бы ей поддерживать избыточность вопросовъ Полстовалова... Онъ даже обрученъ! повторила она.

— Ну, вотъ видите, какъ и мы съ вами! Замѣтилъ Полстоваловъ.

— Да, да!

На этомъ *да*, оба говорившіе умолкли. Различныя мысли волновали ихъ души. Варинька, обратившись къ тому счастливому времени, когда Полстоваловъ формально назвался женихомъ ея, не могла безъ чистаго раскаянія вспомнить, сколько этотъ бѣдный и скромный человекъ вынесъ тоски, минутныхъ но глубоко падавшихъ въ душу его обидъ—съ появленіемъ Силы Львовича. Полстоваловъ, въ свою очередь, былъ также погруженъ въ думу, но мысли его не были тревожимы ни раскаяніемъ, ни грустными воспоминаніями. Довольный своимъ открытіемъ, ласкою Вариньки, и наконецъ, безпечною, съ которою Сила Львовичъ общался ему приходъ дѣвушки,—поручикъ мечталъ только о днѣ своего выздоровленія, о днѣ снятія осады, и наконецъ о днѣ свадьбы... Только при послѣдней мысли, онъ позволилъ себѣ сдѣлать вопросъ: «Простила ли меня Варинька, за тѣ подозрѣнія, которыми я разрушилъ наше счастье»? подумалъ Полстоваловъ, обвиняя только самого-себя во всѣхъ минувшихъ встрѣчахъ съ Варинькою, кончившихся недоразумѣніемъ и капризомъ. Этотъ же вопросъ, повторенный вѣдухъ, заставилъ дѣвушку понять всю глубь доброты и наивной простоты поручичьяго сердца...

— Забыла, рѣшительно забыла! поспѣшила отвѣчать Варинька... И къ чему намъ вспоминать теперь объ этомъ, продолжала дѣвушка: я пришла къ вамъ не съ желаніемъ говорить вамъ упреки, такъ же и не затѣмъ, чтобы самой ихъ слышать отъ васъ... Всему будетъ свое время! съшалавливою наивною замѣтила Варинька... Вотъ выздоравливайте скорѣй, Петръ Николаевичъ... Дядюшка такъ груститъ за васъ...

— Скоро, скоро! отвѣчалъ Полстоваловъ... Теперь я совершенно ожилъ...

— Те!.. Пойдите! Что это? съ испугомъ спросила Варинька... Слышите, какой шумъ на улицѣ!

— Да, да!.. Что бы это значило?

— Неужели опять...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я слышу ясно, что народъ кричитъ «ура»!..

— Такъ, такъ! продолжала Варинька, подбѣгая къ окну, въ кото-

рое уже заглянулъ свѣтъ утра, на улицахъ все дѣлуются, обнимаются... что за причина? какое счастье посѣтило нашу крѣпость?

— Съ большимъ праздникомъ честь имѣю поздравить, ваше благородіе! весело сказалъ вошедшій Сапугольцевъ.

— Какой праздникъ, Сапугольцевъ, какой? въ голосъ спросили Полстоваловъ и Варинька.

— Съ вала видно, какъ измѣнники со всехъ ногъ торопятся уходить изъ городка... Такая тамъ идетъ суматоха, что разлюли, ваше благородіе...

— Что же значить это бѣгство?..

— А то, что отрядъ Мансурова въ четырехъ верстахъ отъ городка разбилъ пять тысячъ разбойниковъ и идетъ сюда... Недорѣзъ привелъ нашихъ голубчиковъ... Молодецъ сію минуту промчался мимо укрѣпленія съ пятью человекѣми—вѣрно бойкихъ поддѣлъ?

Между-тѣмъ въ городкѣ волненіе и ужасъ измѣнниковъ росли съ каждою минутою. Бросая награбленное добро, злодѣи, уже нѣсколько дней оставленные Пугачевымъ, кидались на перваго встрѣчнаго коня и уходили въ степь. Главные налеты: Овчинниковъ, Толкачевъ и Голованъ, несмотря на свою отвагу и запальчивую дерзость, не могли остановить бѣгущихъ и увѣрить ихъ, что слухъ о приближеніи линейныхъ войскъ несправедливъ. Неправда, говорили илецкіе и горожане, теперь поздно... никто не воротился изъ нашихъ, послѣ вчерашней баталіи подъ городомъ.

— Не слушай ихъ, братцы, — уходи! кричали другіе: вонъ какая пыль взвилась подъ городомъ! Плохо намъ, плохо!

Большая часть горожанъ, видя наконецъ, что настала часъ ихъ наказанія, бросились съ повинною къ крѣпости, прося Симонова не казнить, помиловать ихъ горемычныхъ.

Командантъ прислалъ сказать, что тогда только они могутъ ждать помилованія, когда приведутъ къ нему главныхъ измѣнниковъ.

Не зная еще этого условія, на которое съ радостію были согласны горожане, трое главныхъ налетовъ, не торопясь выбирались изъ города, въ то время, какъ по пятамъ ихъ спѣшилъ Недорѣзъ со своими молодцами. У городскихъ воротъ Голована, всегда нетрезваго въ опасности, натгналъ Марка, которому крѣпко хотѣлось оказать еще одну и, быть-можетъ, послѣднюю услугу осажденнымъ. Именно, мнимый знахарь, далъ Недорѣзу слово задержать на нѣсколько минутъ старшинъ въ условномъ мѣстѣ, по выѣздѣ изъ города, съ тѣмъ, что по всемъ разсчетамъ, если ужъ не Недорѣзъ, то горожане успѣютъ заарканить Толкачева и Овчинникова.

— Куда, кормильцы! вскричалъ Марка, равняясь съ Голованомъ

— На уходъ, пріятель!.. Видишь, какъ пришло намъ жутко!

— Вижу, отецъ родной, вижу! Хоть-бы кто-нибудь изъ васъ, за мою службу, прихватилъ меня къ себѣ на стремя... Не бери грѣха на душу... выручи товарища!

— А что думаешь, отозвался Овчинниковъ, вѣдь человѣкъ-то нужный... Иди ко мнѣ, пріятель! сказалъ онъ, сдерживая своего коня.

Марка ловко ухватился за луку казачьяго сѣдла и повисъ на немъ съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, какъ-будто бы онъ обронилъ какую-либо драгоценность.

— Стой, товарищи! вскричалъ онъ.

— Что еще?

— Вѣдь ужъ намъ сюда не воротиться... За что же я отдамъvorgамъ кладъ мой... Давай, примемся за него... Все годится на дорогу!

— Кладъ? спросилъ Голованъ... Какой кладъ?..

— Около пуда золота, отвѣчалъ Марка... и отсюда рукой подать...

— Да вѣдь ты говорилъ, нашему влецкому казаку, что твой кладъ зарытъ на хуторѣ Кузнецова, а туда брать еще добрыхъ четыре версты переходу! сказалъ Толкачевъ.

— Эва! вскричалъ Марка... Стану я такихъ молодцовъ атамановъ, какъ простаго казака, подчивать какою ни-на-есть дрянью... Тотъ кладъ передъ этимъ такая же невидная крошка, какъ я передъ твоею милостію... съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ Марка.

— Ну ладно, ладно, веди, укажи! замѣтилъ жадный Овчинниковъ... Я, пожалуй, непрочъ друзья! сказалъ онъ, не безъ боязни оглядываясь на городъ.

— Да и я бы не положилъ охулки на руку! подсказалъ Голованъ.

— А какъ насъ накроютъ! перебилъ Толкачевъ.

— Кто? запальчиво вскричалъ Овчинниковъ. Стыдись, старшина, продолжалъ онъ... Не думаю, чтобы кто-нибудь рѣшился гнаться за нами и ловить насъ...

— Къ тому же теперь всякій за себя долженъ хлопотать, подхвалилъ Голованъ.

— Вотъ, нашла твоя милость время, осмѣлился замѣтить Марка, обращаясь къ Толкачеву, нашель время думать о томъ, чтобы насъ сталъ кто-нибудь ловить... Теперь у всякаго своя забота, и о чужой головѣ думать некогда...

— Ну, такъ къ дѣлу! перебилъ нетерпѣливый Голованъ. Указывай намъ путь-дорогу къ кладу.

— Да вот онъ, отцы благодѣтели... Вотъ онъ не за горами, радостно сказалъ Марка. Вотъ, продолжалъ онъ, бугорокъ, а въ-право отъ него курганъ... тутъ и есть...

— Какъ! на курганъ? подозрительно спросилъ Овчинниковъ.

— Такъ-таки на самой вышкѣ и есть, хладнокровно отвѣчалъ знахарь.

— Но помилуй, повторилъ Овчинниковъ, мы тутъ будемъ на такомъ открытомъ мѣстѣ, что насъ за версту можно видѣть.

— Точно такъ же, какъ и сами мы не лишены того же удобства! подхватилъ неосторожный Толкачевъ, отуманенный жаждою богатства.

— Вѣстимо такъ! поддакнулъ Голованъ... Если насъ будутъ видѣть, то увидимъ и мы...

— Вотъ съ разумными-то людьми какъ-то и пиво-то скоро закипаетъ! льстиво примолвилъ Марко, оставляя стремя Овчинникова. Здѣсь, стой, товарищи! сказалъ онъ. Коней-то мы привяжемъ—и за дѣло.

— А послушай, чертовщины и навожденій не будетъ? спросилъ Толкачевъ.

— Развѣ малую толику, отвѣчалъ Марко, фальшиво сбатовывая коней, которые лего могли распутать уздечки произвольно.

Знахарь засучивъ по локоть рукава своего кафтана, надвинулъ шапку на брови, что было предложено сдѣлать и товарищамъ на случай какого-либо навожденія, и готовъ былъ уже приступить къ дѣлу, какъ Овчинникову, менѣе храброму, чѣмъ его пріятели, показалось, что будто бы въ голыхъ кустахъ баялища, опушавшаго курганъ, кто-то шевелится... Наѣздникъ еще не успѣлъ высказать своихъ подозрѣній, какъ изъ кустовъ съ провозительнымъ визгомъ выпрыгнулъ маленькій Неулыбинъ и бросился на лошадей. Испуганные кони, фыркнувъ, прыгнули въ сторону и стрѣлою понеслись вдоль по опушкѣ лѣса, къ хутору Кузнецова. Въ одно мгновеніе ловкій Марка успѣлъ сообразить, что они въ засадѣ, и если не на прицѣлѣ Недорѣза, то все-таки кто-нибудь долженъ быть тутъ изъ друзей его. Съ этою мыслию знахарь кубаремъ скатился внизъ и прямо упалъ въ ноги Недорѣза, сопровождаемого шестью отчаянными удалцами...

— Измѣна! Засада! крикнули пугачевскіе...

— Проклятый плутъ! зарѣвелъ Голованъ, хватаясь за свою саблю.

— Ни съ мѣста! замѣтилъ Недорѣзъ, въ то время, какъ изъ-за плеча его пять винтовокъ свѣтлой оградой загородили дорогу двинувшимся было съ мѣста Толкачеву и Овчинникову...

— Отступай, товарищи! крикнулъ Голованъ.

— Сдайся—лучше! подхватил Недорѣзь.

— Да и отступать—то некуда!.. на кладь наступим! насмѣшливо сказалъ Марка, указывая на толпу горожанъ, которая съ крикомъ бѣжала къ кургану.

Голованъ съ презрительною улыбкою взглянулъ на своихъ товарищей, лившихшихся отъ ужаса памяти и употребленія языка.

— Ужъ лучше сдаться своему брату казаку, сказалъ онъ, обращаясь къ Толкачеву, чѣмъ отдаться въ руки тѣхъ, которые не нашли другой оказіи выручить свою голову, какъ поставивъ нашу.

Съ этими словами старшина бросилъ восторону свою саблю, и протянувъ къ Недорѣзу руки, безопасно промолвилъ:

— Вяжи, братъ! Много бѣдъ надѣлалъ... Довольно кувшину по воду ходить!

Овчинниковъ и Толкачевъ не защищались... Связанныхъ, съ воплемъ радости, толпа горожанъ повлекла ихъ къ Симонову.

Проходя площадью, плѣнники встрѣтили передовой отрядъ Мансурова, въ ногахъ котораго съ воплемъ о пощадѣ валялись виновные горожане. Ворота крѣпости уже были отперты; у нихъ толпились бабы, ребятишки, казаки, солдаты и офицеры... Одни несли короваи хлѣбовъ, свинину, масло, другіе принимали это давно невиданное сокровище...

Проходя посадомъ, занимаемымъ когда-то Пугачевымъ, Недорѣзь едва удержавъ слезу, готовую было повизнуть у него на рѣсницѣ... У окна избы онъ встрѣтилъ блѣдную и встревоженную Устинью, съ которой обмѣнялся молчаливымъ, но выразительнымъ взглядомъ; тутъ же у дома Пугачева, окруженнаго крѣпкимъ карауломъ, горько плакалъ, сидя на завалинкѣ—старый Родіонъчъ.

За стѣнами укрѣпленія, со дня освобожденія, Яикскаго городка отъ осады, все приняло свой прежній, спокойный, радушный и такъ-сказать семейный видъ. Оправившійся отъ ранъ Симоновъ попрежнему велъ бесѣду съ задумчивымъ другомъ Крыловымъ. Марья Ивановна штопала чулокъ и грустила въ отсутствіи Мостовщикова о томъ, что ей не съ кѣмъ уже дремать такъ дружно и такъ усердно предлагать: «Не хотите ли понюхать?» Варинька не отходила отъ постели Полстовалова, начинавшаго выздоравливать. Молодые люди, пытки и терзанію хотя великодушнаго, но тѣмъ не менѣе больнаго и страждущаго сердца Силы Львовича, казалось, были совершенно счастливы... Сила Львовичъ, можно сказать, почти не жилъ въ укрѣпленіи. Съ утра до вечера, въ сопровожденіи своего Марка, бродилъ онъ или по городу, или по рошѣ, и только ночью возвращался къ своей постели, встрѣчая на крѣ-

постномъ валу—старого знакоца Недорѣза, который, какъ помѣшанный—неподвижно и ничѣмъ въ мірѣ не развлекаемый глядѣлъ, не сводя глазъ, на домикъ, изъ котораго подъ конвоемъ увезли Устинью и отца ея въ Казань

Горе, которое грызло сердце барона, заключалось въ невозможности оставить укрѣпленіе. Симоновъ настаивалъ, чтобы племянникъ дождался поимки Пугачева, утверждая, что окрестныя дороги очень не безопасны: Не столько изъ страха, снова нести ремесло доктора и сидѣть въ ямѣ, какъ изъ уваженія къ старику, Сила Львовичъ ждалъ, вмѣстѣ со всѣми, для всѣхъ благодѣтельной кары преступника...

Наконецъ, однажды въ осенній вечеръ, въ укрѣпленіи сдѣлалось особенная суматоха. Симоновъ въ мундирѣ, несмотря на свои раны, прыгнулъ въ сѣдло и съ отборными офицерами и казаками поскакалъ загородъ... Причиною этого торжественнаго поѣзда былъ въѣздъ въ городокъ генераль-поручика Суворова, въ-послѣдствіи знаменитаго Римникскаго героя! По распоряженію Императрицы—генераль шель добить пугачевскую шайку... Но въ ту же ночь, въ Яикъ, былъ привезенъ скованный Пугачевъ и представленъ къ Симонову. Емельку выдали его же слуги, уральцы Чумаковъ и Федуловъ...

Съ первыми лучами солнца въ этотъ день двѣ телеги и нѣсколько отставшая отъ нихъ бричка выѣзжали изъ города... Первая, окруженная сильнымъ конвоемъ неслась легкою рысью, въ ней заключенъ былъ возмутитель при-уральскаго края. Во второй, на простой кожанной подушкѣ, рядомъ съ адъютантомъ, ѣхалъ невзыскательный Суворовъ... Въ бричкѣ сидѣли наши знакоцы Сила Львовичъ и Марка, на козлахъ Омичъ...

Крѣпостной валъ былъ полонъ народа. Впереди всѣхъ можно было замѣтить Симонова, рядомъ съ нимъ Полстовалова на плечо котораго опиралась его молодая жена Варвара Николаевна...

— Теперь скоро они скроются изъ города, замѣтилъ Полстоваловъ.

— Да, да! съ грустію отвѣтилъ старый Симоновъ, радъ я, что отъ одного гостя Богъ избавилъ, а за другаго грустно... душой полюбилъ Силушку, умный, добрый человѣкъ, благородный... У! какой благородный! Знаешь-ли... Тутъ Симоновъ, нѣсколько минутъ поговоривъ шопотомъ съ изумленнымъ Полстоваловымъ, добавилъ: каковъ?.. какая обширная душа, батинька!

— Да! сказалъ Полстоваловъ, нѣжно взглянувъ на жену, я догадывался, я предвидѣлъ, что это съ его стороны жертва.

— Те... те!. Молчи! Не говори Варъ... скажешь послѣ, когда

будешь звать насъ на крестины, а то немудрено, что еще и про-
снется сердце.

А между-тѣмъ Сила Львовичъ, отвѣчая поклономъ на знаки, кото-
рыми провожалъ его бѣлый платокъ Вариньки, со вздохомъ говорилъ
про себя:

— Зачѣмъ я не поручикъ? Для чего я не поручикъ седьмой коман-
ды?.. Съ кѣмъ ты кланялся, Марка? вдругъ спросилъ онъ.

— Отдаю честный и послѣдній поклонъ, сударь, Недорѣзу... Моло-
децъ—то впереди насъ, провожаетъ до Симбирска своего кровного недру-
га... Тутъ поѣздъ разъединился. Телеги повернули къ Гниловскому-фор-
посту, а бричка Силы Львовича, легко подпрыгивая на неровной дорогѣ,
покатилась къ Авраамову скиту.

— Марка! Поправь мнѣ очки! сказалъ баронъ, бросивъ послѣдній
и выразительный взглядъ на выжженный городъ....

ШАФЕРЪ.

ПОВѢСТЬ ШАРЛЯ БЕРНАРА.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, весеннимъ, свѣжимъ утромъ, молодой человѣкъ пріятной наружности, хорошо сложенный и съ благородными манерами, вышелъ изъ парижскаго дилижанса за два лье отъ Провенса (Provins). Мѣсто, гдѣ онъ вышелъ, нельзя было назвать ни деревней, ни равниной: направо и на лѣво отъ дороги было разбросано бездна дачъ, окруженныхъ парками или садами, смотря по состоянію владѣльцевъ.

Огляdvшись кругомъ, путешественникъ подозвалъ къ себѣ молодаго крестьянина, шедшаго за каретой, всунулъ ему въ руку монету, а на плечо взвалилъ свой чемоданчикъ, и отправился къ одной изъ дачъ. Крыша этого сельскаго жилища была выведена терассой, въ итальянскомъ вкусѣ, и украшена четырьмя гипсовыми статуями, представлявшими четыре времени года и поставленными по четыремъ угламъ зданія, въ такомъ порядкѣ, что Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ нашелъ бы все это полнымъ гармоніи; а именно: весна стояла на востокѣ, осень на западѣ, лѣто на югѣ, зима на сѣверѣ. Путеводимый скульпторной аллегоріей, молодой человѣкъ счастливо выбрался изъ лабиринта дорожекъ и тропинокъ, гдѣ, безъ этого, онъ непремѣнно запутался бы. Пять минутъ спустя, онъ очутился передъ желѣзными воротами, охраняемыми двумя глиняными львами; черезъ рѣшетку сада онъ могъ окончателно узнать, гдѣ находится. Увѣрившись, что не ошибся, онъ обмахнулъ пыль

съ сапоговъ, поправилъ галстухъ, за неимѣніемъ гребня разчесалъ волосы пальцами, однимъ-словомъ, сдѣлалъ туалетъ на скорую руку, и наконецъ позвонилъ.

— Это домъ г. Симара? спросилъ онъ какого-то парня въ родѣ работника, примазаннаго и пріодѣтаго по праздничному, который растворилъ ему дверь.

— Хозяйна нѣтъ дома, отвѣчалъ грубо мужикъ, удерживая за ошейникъ огромную черную меделянскую собаку, не столь мирной наружности, какъ сосѣди ея, львы, и которая, безъ зазрѣнія совѣсти, громкимъ лаемъ заглушала разговоръ гостя со слугою.

Выведенный изъ терпѣнья, молодой человѣкъ поднялъ палку и ударилъ ею по мордѣ собаку. При такомъ неожиданномъ наказаніи собака такъ сильно рванулась, что слуга полетѣлъ къ дверямъ; потомъ съ минутой посмотрѣла на молодаго человѣка, какъ-будто собиралась его съѣсть; но при видѣ палки, которая поднималась вторично, она вдругъ сдѣлала полукругъ назадъ, и опустивъ хвостъ и уши, спряталась въ кануру.

— За чтò вы бѣете нашего Солимана, чтò онъ вамъ сдѣлалъ? спросилъ деревенскій дворникъ, полу-слуга, полумужикъ, скорѣе грубымъ, чѣмъ твердымъ тономъ.

Вмѣсто отвѣта, молодой человѣкъ взялъ чемоданъ свой съ плеча своего носильщика и однимъ взмахомъ руки перебросилъ его на плечо изумленному крестьянину.

— Если господина Симара нѣтъ дома, сказалъ онъ погоды немного, то господинъ Тесеъ долженъ быть дома; сведи меня къ нему въ комнату и сходи за нимъ.

Покоряясь повелительному тону гостя, слуга повиновался, хотя и ворчалъ себѣ чтò-то подъ носъ.

Чтобъ вымѣстить на комъ-нибудь злость свою, слуга, проходя мимо кануры Солимана, толкнулъ его презрительно ногою; тогда собака, оскорбленная въ своей засадѣ, съ яростію выскочила оттуда, и въ одну минуту превратила въ камзолъ сюртукъ обидчика.

— Страшно подумать, что мамзель Селестина любитъ этого разбойника Солимана, и что надо выбирать одно изъ двухъ: или позволять кусать себя этой проклятой собакой, или лишиться своего мѣста! Жаль что ваша палка не совѣзмъ раскроила ей морду! вскричалъ мужикъ, не подозрѣвая несчастья, приключившагося его праздничному наряду.

— А! такъ мамдуазель Селестина любитъ собаку? сказалъ въ полголоса путешественникъ. Но какъ же ладить она съ Тесею, который ихъ терпѣть не можетъ? Впрочемъ, любовь чудеса дѣлаетъ!

Пройдя дворъ и сѣни, уставленные кадками съ апельсинными и померанцовыми деревьями, молодой человѣкъ взошелъ на лѣстницу, довольно красивую; потомъ въ концѣ корридора перваго этажа остановился и безъ церемоніи отворилъ дверь, когда человѣкъ сказалъ ему:

— Здѣсь.

Когда онъ вошелъ въ комнату, первый предметъ, бросившійся ему въ глаза, былъ человѣкъ, сидящій за письменнымъ столомъ, облокотясь локтями на бюитръ и опустя голову на руки; ухо его было украшено перомъ, на манеръ конторскихъ прикащиковъ; онъ сидѣлъ въ глубокомъ раздумьи передъ огромной чернильницей и тетрадью протечной бумаги, испачканой съ верху до низу класами и странными арабесками.

— Ахъ, это ты! сказала задумчивая особа, повернувъ голову: я ждалъ тебя. Матѣе, поставь чемоданъ въ уголъ и ступай.

— Я самъ, отвѣчалъ путешественникъ, когда слуга вышелъ: я прилетаю на твой призывъ, чтобъ держать брачный покровъ надъ головой твоей. Когда же свадьба?

— Кажется завтра подписываютъ контрактъ, отвѣчалъ мрачно Тесѣе.

— Тебѣ кажется! Слѣдовательно ты не увѣренъ? Впрочемъ, тутъ нечему удивляться: съ твоимъ нерѣшительнымъ характеромъ ты никогда не знаешь, что будешь дѣлать завтра.

— Садись, любезный Драмонтъ, и побесѣдуемъ, сказала, вздыхая, Тесѣе. Я нахожусь въ страшномъ недоумѣніи. Вообрази, когда я объявилъ тебѣ, что женюсь на Селестинѣ Симаръ, я былъ въ припадкѣ восторга; я видѣлъ будущность сквозь призму, отбрасывающую радужный отблескъ на мрачный грунтъ сущности.

— Однимъ-словомъ, ты хочешь сказать прозою, что перевернулъ медаль. Ну что жъ ты тамъ видишь?

— Адское существо! вскричалъ Тесѣе, и сталъ судорожно жевать перо, которое вынулъ изъ-за уха.

— Ты говоришь о невѣстѣ? спросилъ Драмонтъ смѣясь.

— Говори тише: насъ насъ могутъ подслушать; можетъ-быть, стѣны эти обладаютъ ушами.

— Эге! ужъ не въ жилищѣ-ли мы Нерона? Ну, успокойся; вотъ мы сидимъ теперь рядомъ. Слушай: бьюсь объ закладъ, что напередъ знаю твою тайну: ты вѣрно нашелъ дефицитъ въ приданомъ?

— Напротивъ, у Селестины чистыми деньгами шесть тысячь ливровъ дохода, а отецъ ей даетъ столько же; между-тѣмъ какъ я считывалъ всего на девять или на десять тысячь.

— Такъ, можетъ-быть, ты открылъ что-нибудь не совсѣмъ ловкое въ твоёмъ будущемъсе мействѣ; нѣтъ-ли тамъ какого-нибудь сумасшед-

шаго или повѣшеннаго, или, можетъ-быть, какого-нибудь бѣдняка параличнаго, котораго надо содержать.

— Фи! Какъ это можно! Симары и Валоны считаются самыми честными, добрыми и нравственными людьми всей провинціи.

— Такъ вѣрно ты замѣтилъ, что корсетницѣ мадмуазель Селестины нужно призывать на помощь все свое искусство, чтобы скрыть какую-нибудь не граціозную кривизну...

— Какое безуміе! Талію Селестины можно сравнить вотъ съ этимъ молодымъ тополемъ, который качается отъ вѣтра, сказалъ Тесе, указывая въ садъ.

— Такъ ты узналъ, можетъ-быть, что какой-нибудь двоюродный братецъ опередилъ тебя въ ея сердцѣ?

— У нея нѣтъ двоюродныхъ братьевъ, и я совершенно увѣренъ, что она никогда никого не любила.

— Исключая Солимана.

— Ты знаешь Солимана! вскричалъ Тесе, вскочивъ со стула. Ужь не укусилъ-ли онъ тебя?

— Напротивъ, я его прибилъ.

— Другъ! благодарю тебя. На этотъ разъ ты угадалъ; проклятое это животное было первою причиною всего моего горя.

— Какъ это?

— Ты знаешь, что я вообще терпѣть не могу животныхъ, а въ особенности собакъ. Вѣрно Солиманъ угадалъ это по лицу моему, потому-что съ самаго перваго дня моего пріѣзда онъ показываетъ ко мнѣ страшную ненависть, и не упускаетъ ни одного удобнаго случая, чтобы броситься на меня. Сначала я улыбался, потомъ принужденъ былъ дѣлать гримасы, и наконецъ сталъ просить, чтобы Солимана привязали въ его кануръ. Господинъ Симаръ охотно-бы согласился на мою просьбу; но Селестина приняла сторону Солимана, наговорила мнѣ бездну не-приятностей, сказала, что я несправедливо хочу лишить его свободы, что у меня жесткое сердце, нечувствительная душа, что во мнѣ нѣтъ никакого снисхожденія, и такъ далѣе... Вотъ ужъ недѣля, какъ продолжается эта глупая ссора. Каждый день она возобновляется и ведетъ за собою бездну споровъ, которыхъ я напрасно стараюсь избѣгать. Наконецъ, этотъ проклятый пёсъ сдѣлался въ женитбѣ моей настоящимъ камнемъ преткновенія. Хорошо, еслибъ онъ только лаялъ; но вѣдь онъ кусается!..

— Ты съ ума сошелъ, отвѣчалъ Драмонъ, пожимая плечами. Ужь не намѣренъ ли ты окончательно поссориться съ невѣстой изъ-за собаки? Въ такомъ случаѣ извѣстно, какъ надо поступать; это очень

просто. До свадьбы давай ему пирожки, а послѣ свадьбы дай шарикъ, отъ котораго онъ... понимаешь?

— Я ужъ объ этомъ думалъ, и съ этой стороны горю можно еще пособить; но меня приводитъ въ недоумѣніе и страхъ поведеніе Селестины въ этомъ случаѣ. Тебѣ извѣстно, что характеръ особенно выказывается въ мелочахъ, а въ Селестинѣ, какъ я замѣтилъ, преобладаютъ живость, духъ противорѣчія, раздражительность и даже вспыльчивость; всѣхъ этихъ качествъ она не постаралась скрыть отъ меня, и это, признаюсь, наводитъ меня на самыя грустныя размышленія на счетъ моего будущаго счастья. Если она теперь такая, что-же будетъ послѣ?

— Ты полагаешь, что она зла?

— Зла! Нѣтъ, но капризна, своенравна и неблагоразумна, какъ избалованный ребенокъ. Ты увидишь ее и скажешь, преувеличиваю ли я ея недостатки, потому-что Селестина не умѣетъ ихъ скрывать; она очень откровенна, и я увѣренъ, что не позже, какъ сегодня, она доставитъ тебѣ случай узнать себя насквозь. Ты не думаешь жениться, Франсисъ, и очень хорошо дѣлаешь: ты избавляешь себя отъ многихъ непріятностей.

— Мнѣ жениться! вскричалъ Драмонъ, который во-время разговора открылъ чемоданъ, чтобъ переодѣться. Мнѣ жениться! Что за мысль! Бракъ пристань, а я пока люблю еще море. Ты женишься, и хорошо дѣлаешь, но для меня брачный часъ еще не насталъ...

— Что и говорить, чудная роза! замѣтилъ, подемѣиваясь, Тесе.

Драмонъ расхохотался и вынулъ изъ чемодана платье, изъ кармана котораго выпала въ эту минуту желтая засохшая роза и упала на полъ. Молодой человекъ поднялъ ее, и посмотрѣвъ на цвѣтокъ, съ одушевленіемъ сказалъ:

— Ты говоришь о розахъ, вотъ тебѣ роза на лицо; легка на поминѣ, и кажется, нарочно затѣмъ, чтобъ напомнить мнѣ, что я еще недостойнъ думать о бракѣ. Видишь ли, любезный Аристидъ, хоть я и могу казаться вѣтренникомъ, однако въ сущности я удивительно какъ благоразуменъ. Я рѣшился, женившись однажды, любить жену свою, составить ея счастье. Но чтобъ рѣшиться на такой важный шагъ, я хочу быть увѣреннымъ въ самомъ-себѣ.—

— Что жъ общаго между твоими словами и этимъ гадкимъ желтымъ цвѣткомъ, который ты, вѣроятно, укралъ со шляпы какой-нибудь шестидесятилѣтней красавицы.

— Гадкій цвѣтокъ! сказалъ Драмонъ, нюхая безопасно розу: роза эта имѣла свой разцвѣтъ жизни и красоты. Теперь она завяла и засохла; но за неизмѣнимъ благоуханія, она издаетъ для меня такой за-

пахъ, который я назову философскимъ запахомъ. Она напоминаетъ мнѣ мою слабость; разсматривая ее, я повторяю поученія мудрости и нравственности. Однимъ-словомъ, знаешь ли, что говорить мнѣ эта роза?

— Ужъ не принимаешь ли ты меня за персіанина? сказалъ Тесе съ досадою.

— Она говоритъ мнѣ, продолжалъ Драмонъ: не женись еще, погоди. Но тутъ цѣлая исторія, а я не хочу мѣняться съ тобой ролями, потому-что не мнѣ, а тебѣ слѣдуетъ рассказывать. Я пріѣхалъ сюда, чтобъ быть твоимъ шаферомъ, свидѣтелемъ при брачномъ договорѣ, другомъ, новѣреннымъ, напереникомъ, однимъ-словомъ, твоимъ вѣрнымъ Пиладомъ. Слѣдовательно, за тобой должна остаться привиллегія рассказовъ, описаній, амплификацій и другихъ бредней. Такъ начинай же, я вооружился терпѣніемъ; а главное, не конфузьясь, говори все откровенно. Да, вѣдь ты мнѣ еще не сказалъ, какіе глаза у мадуазель Селестины, черные или голубые.

— Нѣтъ, расскажи прежде свою исторію; можетъ-быть она разсѣтетъ меня, прогонитъ мои мрачныя думы. Симара теперь нѣтъ дома, Селестина Богъ знаетъ гдѣ гуляетъ съ своей кухней; слѣдовательно, до обѣда ты успѣешь мнѣ рассказать эту исторію.

— Хорошо, отвѣчалъ Драмонъ, продолжая перемѣнять свое дорожное платье на болѣе щегольской нарядъ. Такъ слушай же. Два мѣсяца тому, или около того, Бейро, котораго ты знаешь, Мервиль, и еще нѣсколько добрыхъ малыхъ согласились со мною ѣхать повеселиться въ маскарадъ Оперы. Замѣть это: повеселиться въ маскарадѣ Оперы! Чтобъ имѣть подобную претензію, надо было возбудить фантазію винными парами. Зато мы и накатились; смотри не ошибись въ значеніи этого слова: я подразумѣваю тутъ не грязное пьянство, не неистовую оргію, но то состояніе веселой, радостной экзальтаціи, въ которое изящный обѣдъ Веры, окрошенный холоднымъ шампанскимъ, можетъ погрузить съ полдюжины молодыхъ людей, совершенно здоровыхъ и тѣломъ и душой.

Въ такомъ воинственно-веселомъ расположеніи мы вошли въ Оперу, съ поднятою къверху головою и готовностію болтать на-пропалую, съ сверкающимъ взоромъ и красными щеками; мы толкали локтями мужчинъ и напѣвали любезности женщинамъ; однимъ-словомъ, искали приключеній, какъ волкъ въ баснѣ; только его скорѣе можно было извѣстить, чѣмъ насъ, потому-что онъ былъ голоденъ. Надо тебѣ сказать, что, противъ маскараднаго правила, многимъ изъ насъ показалось милымъ нарисовать себѣ усы жженой пробкой; мнѣ и Мервилю особенно понравилась эта граціозная идея, и желая осуществить ее какъ

можно рельефнѣе, мы наклеили себѣ фальшивые носы, такъ, что насъ невозможно было узнать. Насъ принимали, вѣроятно, за подгулявшихъ ремесленниковъ, почему никто и не хотѣлъ съ нами ссориться, и мы могли свободно предаваться нашей веселости.

Мнѣ скоро надоѣло такого рода удовольствіе и стало совѣстно ходить съ такимъ носомъ; но я боялся снять его, чтобъ меня не узнали; я вышелъ изъ залы, взшелъ наверхъ и сталъ ходить по корридорамъ, гдѣ началъ разыгрывать роль наблюдателя, прикладывая лицо свое поочередно къ каждому окошечку ложъ. Я переходилъ изъ яруса въ ярусъ, продолжая это довольно глупое занятіе, и кончилъ тѣмъ, что остановился у дверей ложи третьяго яруса. Тамъ сидѣли двѣ дамы, совершенно одинаково одѣтыя въ черное домино; обѣ онѣ были не велики ростомъ, и такъ похожи другъ на друга съ перваго взгляда, что необходимо было посмотреть на знакъ, которымъ онѣ вооружились, вѣроятно для какой-нибудь интриги, чтобъ можно было отличить ихъ другъ отъ друга. У одной, сверхъ перчатки, было надѣто изумрудное кольцо; другая держала желтую розу.

— Вѣрно эту! Остальное угадываю, перебилъ Тесье.

— Вовсе не угадываешь! Рѣдко случается, чтобъ двѣ женщины вмѣстѣ внушали страхъ или уваженіе, особенно въ маскарадѣ. Я усталъ стоять, а тутъ представлялся прекрасный случай сѣсть; впрочемъ дверь была полуотворена и казалось говорила: войдите! Я взялся за ручку, дверь скрикнула, домино повернули головы и одно изъ нихъ вскрикнуло, какъ-будто вызывало на разговоръ; по-крайней-мѣрѣ, мнѣ такъ показалось, и потому я сѣлъ рѣшительно; потомъ я началъ разговаривать, и пустился въ масляничныя любезности, успѣхъ которыхъ не подлежалъ долговому сомнѣнію. Сначала дамы не отвѣчали, и повидимому были испуганы; потомъ онѣ начали перешептываться, смѣяться потихоньку надъ глупостями, которыя я имъ отпускалъ, и наконецъ, кончили тѣмъ, что начали отвѣчать; такимъ-образомъ разговоръ завязался. Особенно домино съ желтою розою принимало въ немъ такое живое участіе, которое показалось бы мнѣ наивнымъ всюду, кромѣ маскарада. Спутница ея, повидимому, поскромнѣе, потому-что, вѣроятно, была постарше, наклонялась по временамъ къ уху своей собесѣдницы и шепотомъ совѣтовала ей умѣрить свою веселость; тогда обѣ онѣ наклонялись на балюстраду ложи, какъ-будто желая прекратить разговоръ, и блуждали взорами по залѣ съ какимъ-то безпокойствомъ.

Выборъ труденъ, когда дѣло идетъ о двухъ домино; мой выборъ былъ однако уже рѣшенъ, если предположить, что приключеніе это должно было имѣть развязку. Отъ самой незнакомки, принявшей эм-

блемою пѣтокъ, вѣяло такимъ свѣжимъ благоуханіемъ молодости; смѣхъ ея былъ такъ звонокъ, такъ простосердеченъ, голосъ такъ звучно-ѣдокъ, движенія такъ живы, выходки такъ неожиданны, что мнѣ казалось невозможнымъ, чтобъ она не была красавица. Оставляя дальнѣйшія справки, я отдалъ ей сердце, и въ замѣнъ этого возненавидѣлъ другое домино, которое, несмотря на свою благородную осанку, производила на меня непріятное впечатлѣніе, напоминая собою старую дуэнью. Многіе любятъ нечетное число, но влюбленные ненавидятъ его, и совершенно справедливо. Что до меня касается, я проклиналъ въ душѣ это несносное третье лицо, отъ котораго не зналъ, какъ отдѣлаться, какъ вдругъ въ эту минуту сильный ударъ кулака чуть не выломилъ дверь ложи. Дамы вздрогнули.

— А! каждому своя часть! сказалъ кто-то голосомъ, подобнымъ мяуканью кошки.

Я обернулся и увидѣлъ краснаго, какъ піонъ, Мервиля, страшный, приклеенный носъ котораго чуть было не упалъ въ ложу черезъ окошечко двери.

— Не отворяйте! сказали дамы.

Я бы и не отворилъ, еслибъ не сдѣлалъ въ эту мину слѣдующаго размышленія: одинъ и три составляютъ четыре, а когда находишься вчетверомъ, то остаешься только вдвоемъ.

И такъ я отворилъ тому, кого считалъ своимъ союзникомъ, но скоро раскаялся въ своей глупости. Уходя изъ залы, я оставилъ Мервиля въ фойе, и несчастный подбавилъ себѣ тамъ бодрости. Въ эту минуту онъ былъ не въ состояніи выслушать или выговорить порядочное слово. Зная грубость его въ подобномъ случаѣ, я предчувствовалъ непріятную сцену; но было уже поздно избѣжать ее. Не обращая вниманія на знаки, которые я дѣлалъ ему, Мервиль не сѣлъ, а почти упалъ на порожній стулъ, захохоталъ полудержкимъ и полубезсмысленнымъ тономъ, сталъ дышать шумно, какъ будто хотѣлъ набрать въ себя воздуха, и заговорилъ такимъ высокимъ слогомъ, что дамы немедленно встали.

— Отворите намъ, сказали онъ мнѣ въ одинъ голосъ, который дрожалъ отъ страха или гнѣва.

Я обернулся, чтобъ исполнить ихъ желаніе, потому-что никогда не могъ быть невѣжливымъ съ женщинами, даже во-время карнавала.

— Ты съ ума сошелъ! закричалъ Мервиль. Если эти дамы дурны собой, то пускай отправляются; если же, напротивъ, хоршенькія, то, вѣроятно, не откажутся отъ вкуснаго ужина. Я умираю съ голоду. И такъ, мой крошечки, прочь маски!

Онъ намѣревался было присоединить дѣло къ слову, но я одной

рукой усадилъ его на стулъ, а другой отворилъ дверь, къ которой обѣ маски, какъ испуганныя лани, бросились со всѣхъ ногъ. Мервиль, взбѣшенный такой развязкой, съ отчаяннымъ усиліемъ приподнялся со стула, и протянулъ руку къ убѣгающимъ дамамъ; случайно или нарочно онъ задѣлъ рукой за одну изъ масокъ и сорвалъ ее. Домино съ желтою розою, потому-что Мервиль съ него сорвалъ маску, обернулось посѣшно, и я остолбенѣлъ, обомлѣлъ отъ восторга: предо мной стояла совершенная красавица; лицо ея сіяло прелестью, молодостью и гнѣвомъ, а глаза, черные какъ кашшонъ, подъ которыми они еще старались укрыться; казались двумя неподвижными молніями. Созерцаніе мое не долго продолжалось. Вырвать маску изъ рукъ Мервиля, дать ему тяжело-вѣсную пощечину, какую ни Морфиза, ни Клоринда не дали бы съ болѣею граціею, выскочить изъ ложи и захлопнуть съ трескомъ дверь, все это было для разгнѣванной красавицы дѣломъ одной минуты.

— Чортъ возьми!.. оплеуху... лучший другъ... дуэль на смерть... оплеуху!.. бормоталъ Мервиль, падая противъ воли въ кресла.

Не обращая вниманія и не понимая несвязныхъ восклицаній моего товарища, котораго по дѣломъ отдѣляли, (и что окончательно спутало всѣ его идеи), я бросился въ коридоръ, чтобы догнать дамъ; но размашированная фея исчезла съ своей пріятельницей. Вдругъ на ступенькахъ лѣстницы я увидѣлъ розу, и не переставая бѣжать, поднялъ ее; сначала она навела меня на слѣдъ своей обладательницы; но толпа однообразныхъ домино загородила мнѣ дорогу при входѣ въ фойе, такъ что мнѣ невозможно было отыскать ихъ. Послѣ двухъ часовъ напрасныхъ и бесполезныхъ поисковъ, я уѣхалъ изъ маскарада, не заботясь о своихъ товарищахъ, и возвратился домой; занятый прелестнымъ личкомъ незнакомки, которую не успѣлъ даже хорошенько рассмотреть; она до того наполняла всѣ мои мысли, какъ-будто со мной случилось первое маскарадное приключеніе.

Въ часъ пополудни Бейро вошелъ ко мнѣ въ комнату.

— Въ состоянн ты меня выслушать? сказалъ онъ мнѣ серьезно.

— А что случилось? спросилъ я его въ свою очередь.

— Развѣ ты забылъ, что случилось нынѣшнюю ночь?

— Нѣтъ, не забылъ, и даже думалъ объ этомъ, когда ты вошелъ. У этой малютки чудные глаза; такихъ черныхъ глазъ я отъ роду не видывалъ.

— Тутъ дѣло не о глазахъ, а пощечинѣ, которую ты далъ Мервилу.

Я громко захохоталъ.

— Я право не вижу, что находишь ты тутъ смѣшнаго; пощечина

остается пощечиной, даже и тогда, когда можетъ извиниться виномъ; слѣдовательно, ты понимаешь, что Мервиль, несмотря на дружбу свою къ тебѣ, не можетъ сохранить на память пощечину, которою ты его наградилъ; онъ считаетъ дуэль необходимостью, и я пришелъ отъ его имени. Миѣ очень неприятно, что я принужденъ передавать подобныя посланія; во всякомъ другомъ случаѣ я бы, вѣрно, исполнялъ роль примирителя; но ты долженъ понимать, что примиреніе тутъ невозможно. Я не думалъ, чтобъ вино на тебя такъ задорно дѣйствовало; какая муха укусила тебя? У бѣднаго Леона щека вотъ какъ распухла.

Я снова захохоталъ; потомъ рассказалъ исторію, какъ она случилась, опровергая такимъ образомъ странное мнѣніе, напечатлѣвшееся, отъ виновныхъ паровъ, въ мозгу нашего пріятели. Онъ привялъ даму съ желтою розою за меня. Бейро захохоталъ вмѣстѣ со мною, и мы отправились къ Мервилю, рассчитывая, что онъ посмѣется вмѣстѣ съ нами надъ этимъ забавнымъ приключеніемъ, и примирится съ своимъ злополучіемъ. Мы застали его передъ каминомъ, въ большихъ креслахъ; онъ съ яростью мѣшалъ уголья, какъ-будто придумывалъ тайный ударъ противъ дровъ, горящихъ въ каминѣ; ящикъ съ пистолетами, въ сообществѣ двухъ шпагъ, на столѣ, доказывалъ смертоносныя намѣренія, которыя и безъ того ясны были по яростному взгляду, съ которымъ онъ меня встрѣтилъ.

— Зачѣмъ не взяли вы съ собой секунданта? спросилъ онъ насъ отрывистымъ тономъ.

Я хотѣлъ объяснить его ошибку; но онъ не захотѣлъ меня слушать. Бейро тоже пытался заговорить, и въ свою очередь принужденъ былъ замолчать.

— Вы хотите меня увѣрить, что все это я во снѣ видѣлъ, началъ кричать упрямый Мервиль, съ бѣшенствомъ разъяреннаго льва. За ребенка чтò ли вы меня принимаете? Правда, что въ ложѣ были двѣ дамы, правда и то, что я снялъ маску съ одной изъ нихъ; по этому вы видите, что я въ полной памяти; чтò же до оплеухи... то ею я обязанъ Драмону, и онъ отдастъ мнѣ за нее отчетъ, хотя ему и угодно сваливать теперь вину на маленькое домино. Да съ какою еще силой онъ ударилъ меня!.. Будто я не знаю, чтò такое пощечина женщины!.. и не умѣю различить ее отъ мужской; женская пощечина громко раздается, но не причиняетъ боли; а эта пощечина чуть было не вывернула у меня глаза. Только мужская рука способна бить съ такою силою, а въ ложѣ, кромѣ Драмона, не было другихъ мужчинъ; слѣдовательно, онъ далъ мнѣ оплеуху, а не кто другой. Кажется это ясно? Теперь, вы мнѣ, вѣроятно, скажете, что мы слишкомъ хорошо пообеда-

ли, что онъ былъ пьянъ, и что, наконецъ, мы съ нимъ друзья? Тѣмъ хуже! Ни дружба, ни кутѣжъ не могутъ извинить подобнаго оскорбленія. Мнѣ надо крови, чтобъ смыть оплеуху со щеки моей. Такъ, сдѣлайте милость, безъ разговоровъ, безъ фразъ... вотъ оружіе; возьмемъ его, заѣдемъ за Борегаромъ или Терси, и въ Булонскій лѣсъ.

Болѣе полчасу я уговаривалъ этого безумнаго; наконецъ терпѣніе мое лопнуло.

— Хорошо! пусть будетъ по твоему! ѣдемъ въ Булонскій лѣсъ! вскричалъ я въ свою очередь. Нынѣшнюю ночь тебя ужъ проучили за твою дерзость, а я беру на себя вылечить тебя отъ безумія. Ты хочешь сдѣлать меня отвѣтчикомъ за оплеуху, которую тебѣ дали; ну, хорошо, я принимаю на себя эту отвѣтственность, потому-что нахожу, что ты заслужилъ пощечину. Иди же смывать пятно со щеки своей. Я готовъ..

Краснорѣчивое это преніе кончилось дуэлемъ въ тотъ же день. Последствія его тебѣ извѣстны. Правая рука Мервиля еще до-сихъ-поръ подвязана. Рана протрезвила его. Теперь онъ убѣжденъ, что если ударъ шагаи, которымъ онъ поставилъ меня въ необходимость наградить себя въ-самомъ-дѣлѣ мужскаго свойства, то пощечина, въ замѣну того, совершенно и достовѣрно слетѣла съ женской руки; такъ что мы остались друзьями; но онъ поклялся, что никогда больше не поѣдетъ со мною въ маскарадъ.

— А домино съ жолтою розой? спросилъ Тесье, который, чтобъ разсѣять себя отъ брачныхъ заботъ, старался принять участіе въ разсказѣ своего друга.

— Съ тѣхъ поръ я не видалъ ее, отвѣчалъ раскачикъ, хотя болѣе трехъ недѣль бѣгалъ по всемъ публичнымъ собраніямъ, въ надеждѣ встрѣтить ее.

— Такъ ты влюбленъ въ нее?

— Влюбленъ! Да, влюбленъ, если хочешь, какъ влюбляются въ женщину, съ которою знакомятся въ маскарадѣ.

— Такъ ты не знаешь, кто она?

— Я бы принялъ ее за танцовку или актрису; но она еще такъ молода и такой ослѣпительной свѣжести, что предположеніе это становится невозможнымъ. Я увѣренъ, что бѣлила и румяны никогда не пачкали эту розу. По правдѣ сказать, двѣ женщины, которыя однѣ, безъ провожатаго, рыскаютъ въ маскарадѣ, невольно подвергаются справедливому подозрѣнію. Я боюсь, что моя красавица, одно изъ тѣхъ прелестныхъ созданій, которыя кромѣ красоты не имѣютъ никакихъ матеріальныхъ и нравственныхъ капиталовъ. А жаль! Она такъ хороша,

и еще такъ молода! Но Парижъ страшная бездна... Кто бы она ни была, только невозможно вообразить себѣ существо восхитительнѣе этой женщины. Я не могу забыть выраженія ея лица въ ту минуту, когда съ нея сорвали маску. Ахъ, еслибъ я умѣлъ рисовать! Вообрази себѣ самый чистѣйшій типъ итальянской красоты, озаренной гнѣвомъ, роскошный, какъ картина, освѣщенная жгучимъ, полуденнымъ солнцемъ; волосы, черные, какъ у креолки; дѣтскій ротикъ, чуть-чуть выказывающій ожерелье живыхъ перловъ, которые какъ-будто хотятъ раздавить другъ друга отъ негодованія; на щекахъ вся свѣжесть весны, во взорѣ вся неукротимость льва.

— Ты нарисовалъ портретъ Селестины, самъ того не подозрѣвая, замѣтилъ Тесье. Иногда и у нея бываетъ львиный взоръ, и тогда...

— Въ такомъ случаѣ я тебя поздравляю; невѣста твоя должна быть восхитительна; но для тебя, я желалъ бы, чтобъ сходство это останавливалось на этомъ, и не шло далѣе.

— Можетъ-быть, ты несправедливо клеветешь на свою незнакомку; можетъ-быть, она очень нравственная женщина, что даже видно по тому, какъ она обошлась съ Мервилемъ.

— Пощечина еще ничего не доказываетъ.

Объединный звонокъ прекратилъ разговоръ двухъ друзей. У Симара обѣдали въ часъ. Они сошли въ столовую, гдѣ нашли хозяина дома, которому Тесье представилъ своего друга, въ качествѣ будущаго шопера. Симаръ былъ толстый человекъ, добродушной наружности; красное лицо его докладывало о совершенномъ и вожденномъ здравіи, которому нисколько не вредило поклоненіе бутылкѣ. Онъ явился къ гостямъ въ простомъ нарядѣ помѣщика, давно поссорившагося съ парижскимъ этикетомъ. Сюртукъ неизвѣстной матеріи и неизвѣднаго цвѣта составлялъ главную часть его наряда; довершали его нанковыя панталоны и одна изъ тѣхъ деревенскихъ фуражекъ, которыя какъ-будто дѣлаются по фасону страбургскаго пирога. Симаръ торговалъ прежде мѣхами; но онъ оставилъ эту торговлю нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и обладалъ какъ качествами, такъ и недостатками, особенно свойственными этому почтенному классу людей. Какъ всѣ люди, общественная важность которыхъ можетъ подлежать сомнѣнію или опроверженію, онъ очень дорожилъ своими гражданскими правами; какъ избиратель, онъ подавалъ свой голосъ смотря по тому, что говорилъ журналъ, его политическій совѣтникъ; какъ присяжный, онъ филантропически обманывалъ свою совѣсть, когда дѣло шло о приговорѣ къ смерти; за-топрокуроръ обыкновенно отстранялъ его въ уголовныхъ дѣлахъ; какъ

членъ національной гвардіи, онъ дослужился до чина подпоручика, обходя чинъ капрала; разработывая гряды въ саду своемъ, онъ сравнивалъ себя мысленно съ Цицинатомъ, и взглядъ на ленточку почетнаго-легіона срывалъ съ губъ его кисло-сладкую улыбку, потому-что труды его промышленной жизни и служба въ національной гвардіи казались ему недостаточными правами на эту награду; но онъ рѣшился не просить ее.

Чтобъ докончить въ нѣсколькихъ словахъ эскизъ этого характера, надо сказать, что Симаръ вставалъ рано и ложился поздно; онъ ненавидѣлъ шаркуновъ, приходилъ въ умиленіе при воспоминаніи о Лафайетѣ, и читалъ романы Поль-де-Кока. Однимъ-словомъ, Симаръ былъ добрейшій человекъ въ мірѣ и провелъ большую часть жизни въ повиновеніи женѣ. Со времени вдовства своего, онъ вручилъ домашнюю власть Селестинѣ, и былъ ея покорнѣйшимъ рабомъ, несмотря на то, что по временамъ покушался возставать противъ этой власти; но это случалось очень рѣдко, и развязкой такой выходки всегда бывала еще большая покорность капризамъ молодой дѣвушки.

— Что скажешь ты о моемъ будущемъ тестѣ? спросилъ Тесъе своего друга, пока Симаръ разговаривалъ съ другимъ гостемъ, человекомъ лѣтъ сорока, высокимъ, худымъ и почти плѣшивымъ.

— Кажется, онъ хорошій человекъ; я увѣренъ, что онъ играетъ въ лото.

— Нѣтъ не играетъ; но онъ удить рыбу.

— Вотъ именно что въ немъ хорошо! Нельзя желать лучшаго тестя.

Въ эту минуту дверь въ столовую отворилась и въ нее вошли три женщины; Драмонъ взглянулъ на первую, но взоръ его скользнулъ только по ней, потому-что это была старуха, и перешелъ на вторую, хорошенькую блондинку, лѣтъ двадцати пяти; но почти въ ту же минуту впился въ послѣднюю, которая и тогда заслужила бы это исключительное вниманіе, еслибъ даже нельзя было узнать въ ней невѣсту. Эта молодая дѣвушка была такъ свѣжа, такъ глбока, такъ рѣзва, въ ней проглядывалъ такой еще ребенокъ, что глядя на нее, такъ и хотѣлось освѣдомиться у ней о здоровьи ея куклы. Правильное и вмѣстѣ съ тѣмъ миловидное лицо ея соединяло въ себѣ и пламенную чистоту римскаго типа и граціозное кокетство простодушныхъ красавицъ Греза. Въ глазахъ ея была, такъ-сказать, двойная красота. Въ большихъ черныхъ зрачкахъ таилась вѣчная гроза, и хотя по временамъ въ нихъ и вспыхивала молнія, однако не помрачала прозрачности ихъ свѣтлой, бриллиантовой воды; глаза эти походили на глаза младенца въ колыбели.

Это смѣшеніе пылкости, ума и простодушія, спокойствія и страсти, лукавства и невинности придавали взору Селестины такое восхитительное выраженіе, что его немногіе изъ мужчинъ могли бы выдержать безнаказанно.

Одѣтая въ хорошенькое розовое платье, въ которомъ какъ-будто отражался румянецъ ея щекъ, живая, гибкая, граціозная во всѣхъ своихъ движеніяхъ, Селестина, скользя по паркету также быстро, какъ-будто танцевала галошъ, подошла къ столу, отвѣтила на поклонъ мужчине едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы, которымъ должны были всѣ довольствоваться, и не посмотрѣвъ ни на жениха своего, ни на гостя, который кланялся ей, сѣла за столъ съ самоувѣренностью опытной хозяйки. Маленькой, бѣлой и сильной ручкой она открыла миску, откуда вылетѣло благоуханное облако пару, а другою схватила серебряный колокольчикъ, на звонъ котораго немедленно явился дворецкій, который исполнялъ нѣсколько должностей въ домѣ господина Симара.

Всѣ гости сѣли; только одинъ Драмонтъ стоялъ неподвижно, съ удивленіемъ во взорѣ и съ полукрытымъ ртомъ.

— Потрудитесь сѣсть подлѣ моей дочери, сказалъ ему во второй разъ хозяинъ дома.

Вмѣсто отвѣта Драмонтъ поклонился, но не сѣлъ и остался въ прежнемъ положеніи.

— Ну, что за бѣда, если вы даже и пообѣдали, продолжалъ съ гостепріимною настойчивостію Симаръ, который былъ немного тугъ на ухо; на дачѣ можно обѣдать и два раза въ день.

Драмонтъ разсѣяннo улыбулся, какъ будто согласился на такое предложеніе; но онъ не пошевелился и не вымолвилъ ни слова; можно было подумать, что языкъ его прилипъ къ зубамъ, а сапоги къ паркету. Всѣ глаза устремились на него, а Селестина, разливавшая супъ, остановилась и посмотрѣла на молодого человѣка, который, увидѣвъ ее, остолбенѣлъ такимъ образомъ. Но лицо Селестины выражало только одно насмѣшливое любопытство, свойственное всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ.

— Рѣшительно, этотъ господинъ не хочетъ быть моимъ сосѣдомъ, сказала она шопотомъ, наклонясь къ бѣлокурой дамѣ, сидѣвшей почти напротивъ ея.

— Что съ тобою, Франсисъ? спросилъ Тесье, приписавшій непонятное поведеніе своего друга внезапному болѣзненному припадку.

— Прошу извинять меня, сказалъ наконецъ Драмонтъ, выходя изъ остолбененія: я бываю иногда до того разсѣянъ, что дѣлаюсь смѣшенъ...

— Можетъ-быть, какія-нибудь воспоминавія?.. перебила хорошенькая блондинка, съ сострадательною иронією, которую обыкновенно чувствуютъ женщины при видѣ красиваго, задумчиваго молодого человѣка.

Наконецъ Драмонъ съѣлъ; онъ взглянулъ на милую насмѣшницу, которая въ эту минуту подносила стаканъ къ губамъ своимъ, и отъ движенія этого изумрудное кольцо, надѣтое на рукѣ ея, засіяло тысячею огнями. При видѣ этого кольца новый гость Симара такъ неожиданно вздрогнулъ, что ложка задрожала у него въ рукѣ и онъ пролилъ супъ на скатерть. Селестина, боясь, чтобъ Драмонъ не запачкалъ ея платья, быстро отодвинула свой стулъ, съ безпокойствомъ посмотрѣла на свое розовое платье, и успокоившись на счетъ его неприкосновенности, громко захохотала, не стараясь даже удерживать своего смѣха.

Франспсъ посмотрѣлъ на свою сосѣдку серьезно и пытливо; потомъ обратясь къ блондинкѣ, и остановивъ на ней свой черные зрачки, какъ будто хотѣлъ пронзить ее ими до глубины души, сказалъ строго:

— Воспоминавія, сударыня?.. *Можетъ-быть!*

Молодая женщина съ минуту молчала и съ изумленіемъ глядѣла на Драмона, какъ будто онъ говорилъ съ нею по-гречески или по-арабски.

— Я васъ не понимаю, сказала она наконецъ, улыбаясь и безъ малѣйшаго волненія.

— А вы, сударыня, понимаете меня? продолжалъ Драмонъ, обращаясь къ своей сосѣдкѣ, и дѣлая удареніе на этой фразѣ почти насмѣшливымъ тономъ.

Селестина открыла во всю величину свои свѣтлые глаза.

— Если эта шарада, то обратитесь къ папа, онъ гораздо скорѣе меня отгадаетъ ее, отвѣчала она потомъ, вполне увѣренная, что шаферъ, выбранный женихомъ ея, не совсѣмъ въ полномъ умѣ.

— Шарада! посмотримъ, что за шарада, вскричалъ Симаръ, у котораго отъ радости уши заходили, какъ у лошади, при звукѣ трубы.

— Послѣ обѣда, если позволите, отвѣчалъ Драмонъ, сохраняя въ лицѣ выраженіе непонятной ироніи.

— Честное слово, онъ съ ума сошелъ, думалъ Тесье, опуская голову на тарелку, такъ ему было совѣстно за своего друга, странныхъ манеръ котораго онъ никакъ не могъ понять; и чтобъ заставить его вести себя приличнѣе, онъ подъ столомъ толкнулъ его ногою.

Драмонъ улыбнулся съ стоицизмомъ.

— Дуракъ! подумалъ онъ въ свою очередь: ты поражаешь своего генія! Онѣ не узнаютъ меня, а я ихъ узналъ, и на этотъ разъ самъ

сорву съ нихъ маску! Благословляю тебя, мой картонный носъ! ты даешь мнѣ надъ этими двумя сиренами такую власть, какую даетъ волшебнику его талисманъ. Мы сидимъ за столомъ, такъ станемъ ѣсть; но я пригото-вляю имъ для десерта сцену подраматичнѣе какой-нибудь шарады; по-тому-что, по совѣсти, я не могу допустить, чтобъ мой бѣдный Ари-стидъ женился на какой-нибудь маскарадной крысѣ.

Когда чинять водосточныя трубы, или мостовыя, предусмотритель-ная полиція обыкновенно предостерегаетъ несчастія неосторожныхъ, ого-родивъ яму и навѣсивъ надъ нею фонарь.

Присутствіе Селестины въ маскарадѣ Оперы казалось ему чѣмъ-то непозволительнымъ; онъ поклялся проникнуть эту тайну, и поста-вить, въ случаѣ нужды, неумолимый фонарь истины передъ ямой, въ которую Тесье, повидимому, готовъ былъ упасть.

Озабоченное лицо Драмона и пустая ссора, продолжавшаяся уже нѣсколько дней между будущими супругами, набросили какую-то хо-лодность на все общество. Выйдя изъ-за стола, все сошли въ садъ.

Селестина взяла за руку хорошенькую блондинку, бѣгомъ увлекла ее въ дальнія аллеи, и предаваясь тамъ безумному смѣху, удерживае-мому до-сихъ-поръ приличіемъ, обѣ пріятельницы начали разсуждать о новопріѣзжемъ и толковать его странномъ поведеніи. Оба друга тоже сошлись по обоюдному вдохновенію.

— Ну что, какъ она тебѣ нравится? спросилъ Тесье съ гордостью, которую не могъ скрыть, потому-что въ эту минуту прелести Селе-стины заставляли его забывать ея недостатки.

Въ присутствіи третьяго лица мужчина больше всего цѣнитъ кра-соту своей возлюбленной.

— Очень хороша, обворожительна, отвѣчалъ холодно Драмонъ: но скажи, сдѣлай милость, что это за особа, которая сидѣла за обѣдомъ противъ меня?

— Это мадамъ Реньо, кузина Селестины и жена этого высокаго... который разговариваетъ съ моимъ тестемъ.

— Кажется, она очень дружна съ мадмуазель Симаръ?

— Какъ нельзя больше. Она гоститъ здѣсь лѣтомъ, а Селестина проводитъ у нея зиму въ Парижѣ. Всего шесть недѣль, какъ онѣ воз-вратились оттуда.

— А!.. у этой дамы такое выраженіе лица!.. Сейчасъ видно.. что у нея пречувствительное сердце? А мужъ, съ своей стороны, обла-даетъ тоже... характеристической фізіономіей.

— Они очень согласно живутъ другъ съ другомъ.

— Это не мѣшаетъ...

— Что намъ за дѣло? Поговоримъ о Селестинѣ... Такъ ты находишь, что она—восхитительна.

Вѣдь ужъ я сказалъ тебѣ это; но...

— Но?

— Я не совѣтую тебѣ на ней жениться.

— Это почему? спросилъ сухо Тесе. Нерѣшительность характера соединялась у него съ противорѣчіемъ, и въ эту минуту кандидату въ мужа было немножко досадно на своего друга за то, что онъ не приходитъ въ надлежащій восторгъ отъ его невѣсты.

— Да потому, что ты самъ открылъ въ ней много недостатковъ, отвѣчалъ Франсисъ: развѣ ты не говорилъ сегодня утромъ, что она раздражительна, вспыльчива и даже взбалмошна?

— Все это ребяческіе недостатки, которые я легко исправлю, когда сдѣлаюсь ея мужемъ. Вспомни, что ей минуло только восемнадцать лѣтъ; къ тому же я преувеличилъ... Такъ если у тебя нѣтъ другихъ причинъ...

— Какъ не быть!.. есть.

— Какія-же? скажи ради Бога!.. Ты мучишь меня своимъ озабоченнымъ видомъ и запутанными словами, въ которыхъ ничего не разберешь.

— Завтра скажу, а до-тѣхъ-поръ постарайся доставить мнѣ случай поговорить наединѣ съ твоей невѣстой.

Аристидъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего друга.

— Просьба преоригинальная, сказалъ онъ, помолчавъ немного. Впрочемъ, дѣлай, что хочешь, я не стану тебя ревновать; но мнѣ невозможно доставить тебѣ случая переговорить съ Селестиной: развѣ ты не видишь, что она на меня дуется и не говоритъ со мною?

Молодые люди замолчали.

— Гдѣ онъ? спросилъ вдругъ Франсисъ, отыскивая глазами дамъ, которыя только что вышли изъ саду.

— Вѣрно въ бильярдной.

— Пойдемъ туда; мнѣ кажется... мы сегодня вовсе не любезны... что онъ объ насъ подумаютъ?

Друзья, въ свою очередь, возвратились въ комнаты.

Проходя сѣни, они услышали стукъ бильярдныхъ шаровъ, раздававшихся въ сосѣдней комнатѣ, что доказывало, что Тесе не ошибся. Они отворили дверь и увидѣли Селестину, которая встрѣтила ихъ съ веселымъ смѣхомъ; она выиграла партію.

— Мы станемъ играть всѣ четверо, вскричала Селестина съ жи-

востью, характеризовавшею всё ея движенія. Я буду играть съ кузиной, а господа эти противъ насъ, и я не доущу, чтобъ они выиграли.

— Я протестую противъ такого условія, отвѣчалъ, улыбаясь, Франсисъ; впрочемъ, партія въ бильярдъ должна основываться на правилахъ кадрили. Еслибъ мы танцевали теперь, то, вѣроятно, вы не приговорили бы меня быть кавалеромъ Аретида, вмѣсто того, чтобъ самой дать мнѣ руку?

Мысль, что женихъ ея будетъ танцевать за даму еще больше развеселила Селестину, которая рѣшила, что надо бросить жребій, кому съ кѣмъ играть. Слепой случай, къ которому обратились, повидимому была ясновидящей, потому-что соединила какъ партнеровъ будущихъ супруговъ. Партія началась. Драмонъ игралъ съ безпечною челоуѣка, увѣреннаго въ своемъ превосходствѣ; Тесье же, напротивъ, рассчитывалъ каждый ударъ, какъ-будто дѣло шло о чемъ-нибудь очень важномъ, и отъ этой побѣды зависѣло многое въ его жизни.

Обѣ кузины, съ своей стороны, принимали въ игрѣ то живое участіе, которое обыкновенно чувствуютъ женщины, когда дѣло идетъ объ удовольствіяхъ, которыми, повидимому, имѣютъ право пользоваться только одни мужчины.

Особенно Селестина съ дѣтскою страстью слѣдила за каждымъ ударомъ, за каждымъ шаромъ. То взволнованная, то огорченная, то торжествующая, молодая дѣвушка вызывала своихъ противниковъ, бранила союзника, не щадила и собственной неловкости, сердилась, когда не смѣялась, и смѣялась, когда гнѣвъ проходилъ; можно было подумать, что счастье всей ея жизни зависѣло отъ выигрыша или проигрыша партіи.

— Вотъ странная невѣста, да и характерецъ живой, нечего сказать! думалъ Франсисъ, который больше занимался партнеркой своего друга, чѣмъ игрой, и изучалъ Селестину со всѣхъ сторонъ. Чудная упряmica! Какое сокровище для влюбленнаго! но зато, какой бичъ для мужа!

Игра кончалась, и Селестина заранѣе прыгала отъ радости. Еще три очка и партія выиграна: красный шаръ стоитъ на краю блузы; слѣдовательно побѣда несомнѣнна.

Тесье слѣдовало играть: онъ медленно нагибается и прицѣливается съ свойственнымъ ему тщаніемъ. Въ эту самую минуту, Селестина, прыгая отъ нетерпѣнія, положила, къ несчастію, пальцы на закраину бильярда, какъ-будто хотѣла ускорить этимъ паденіе шара въ блузу. Эта бѣленькая, трепещущая ручка отвлекла отъ игры вниманье игрока,

который, не дотронувшись даже до краснаго шара, положилъ свой собственный въ блузу и такимъ-образомъ кончилъ игру, проигравъ партію.

Селестина вскрикнула, топнула ногой, и бросила гнѣвный взоръ на жениха своего.

— Вы самый противный, самый ненавистный человекъ! сказала она: такую партію каждый ребенокъ выигралъ бы! Вѣроятно вы это сдѣлали нарочно, чтобъ забѣсить меня?

— Я глядѣлъ на васъ... отвѣчалъ Тесе съ сокрушеннымъ видомъ.

— Для чего было глядѣть на меня? Вѣдь я не гляжу на васъ? Я говорю и повторяю, что вы это нарочно сдѣлали, чтобъ разсердить меня, потому-что когда играете противъ меня, то не кладете на себя шаровъ.

— Зато мы выиграемъ слѣдующую партію.

— Выигрывайте ее одни: я не играю больше.

Сказавъ это, избалованная дѣвушка бросила на полъ кій, подошла къ окну и начала барабанить по стекламъ. Аристидъ умолялъ глазами мадамъ Реньо; но та, какъ-будто не понимая, что онъ проситъ ее посредничества, сѣла на диванъ, съ котораго можно было слѣдить за игрой, потому-что диванъ стоялъ на возвышеніи, противъ самаго бильярда.

— Ну, господа, начинайте играть, сказала она: я буду рада поучиться.

— Позабавимъ этихъ дамъ, Франсисъ! вскричалъ Тесе съ досадой.

Селестина поспѣшно повернула голову.

— Вы вовсе не забавны, особенно для меня, сказала она, и снова принялась барабанить по стекламъ.

Въ порывѣ досады, Тесе началъ играть, какъ ни попало, и пускать шары со всего размаху. Самые неистовые удары, самые непонятные дублеты, самые взбалмашные карамболи, однимъ-словомъ — все ему удавалось.

Сидя на возвышеніи, мадамъ Реньо насмѣшливо улыбалась, какъ-будто въ тайнѣ радовалась несогласію будущихъ супруговъ. Драмонтъ въ это время покорялся своему пораженію и поглядывалъ однимъ глазомъ на Селестину, пальцы которой продолжали ходить по стекламъ; она наигрывала какой-то галопъ.

Вдругъ мадамъ Симаръ отворила окно, и стала звать громкимъ голосомъ дворника, который проходилъ въ это время по двору.

— Матье! вскричала она: кто приказывалъ тебѣ держать на цѣпи Солимана? Отвяжи его, сейчасъ-же, слышишь!

Крестьянинъ пробормоталъ что-то невнятно и поспѣшилъ исполнить приказаніе.

Солиманъ, чувствуя себя на свободѣ вырвался изъ кануры, въ два прыжка перебѣжалъ дворъ, однимъ перескочилъ черезъ окно, и какъ громъ упалъ посреди бильярдной.

— Бѣдное животное, сказала Селестина, глядя бѣленькою своею ручкою огромную голову собаки, которая прыгала около нея, какъ-будто благодаря за освобожденіе. Бѣдная жертва! Изъ тебя хотятъ сдѣлать невольника; но будь спокоенъ, я не потерплю этого, я вступлюсь за тебя.

Говоря это, Селестина бросала на жениха своего такіе взоры, какъ-будто вызывала его на бой.

При видѣ своего смертельнаго врага, Тесье нахмурилъ брови. Каждый разъ, какъ игра требовала, чтобъ онъ проходилъ мимо злобнаго животного, онъ съ недоумѣніемъ поглядывалъ то на собаку, то съ безпокойствомъ на свои ноги, и безпокойство это оправдывалась двойнымъ рядомъ страшныхъ, огромныхъ зубовъ, которые Солиманъ выставялъ вмѣсто поклона, каждый разъ, когда Тесье проходилъ мимо него.

Все это, повидимому, до крайности забавляло Селестину, которая по временамъ перемигивалась съ своей кузиной и злобно улыбалась.

Наконецъ, молодая дѣвушка не могла устоять противъ желанія сдѣлать зло, пошалить, что, впрочемъ, было довольно простительно въ ея лѣта; къ-тому-жъ это была потребность ея характера.

Въ эту минуту Аристидъ, наклонясь, прицѣливался къ шару своего противника и медленно пилилъ кіемъ большой палецъ лѣвой руки: эта привычка многихъ игроковъ почти всегда изобличаетъ нерѣшительность характера.

По знаку госпожи своей, Солиманъ векочилъ на бильярдъ и схватилъ въ зубы шаръ. Възбѣшенный, но владея еще собой, Тесье пытался вырвать шаръ изъ пасти Солимана, острые зубы котораго затмѣвали бѣлизною свою цвѣтъ шара. Солиманъ выпустилъ шаръ, но въ-замѣнъ схватилъ руку врага своего, который прежде, чѣмъ успѣлъ отдернуть ее, почувствовалъ, какъ собака прокусила его до костей, и чуть было не оставилъ два или три пальца въ пасти животного.

Боль взяла верхъ надъ терпѣніемъ.

Аристидъ схватилъ кій и изо всей силы ударилъ имъ Солимана, который съ визгомъ отодвинулся на край бильярда.

— Какъ, вы смѣете бить его! попробуйте еще разъ! вскричала

Селестина, бросааясь къ Тесье съ алыми щеками и разгорѣвшимся отъ гнѣва глазами.

Власть мужа, въ которую онъ скоро будетъ облеченъ, величественно представилась воображенію Тесье.

— Если я покажу слабость характера, думалъ онъ, то навсегда погибну; надо рѣшительно дѣйствовать.

Чтобъ показать, что право и справедливость были на его сторонѣ, онъ со строгимъ видомъ выставилъ свою окровавленную руку, а другою снова ударилъ нѣсколько разъ Солимана. Собака завyla, заворчала и спряталась подъ бильярдъ.

— Палачъ! вскричала дѣвушка, поднимая гнѣвно свою крошечную ручку.

— Селестина! вскричала въ тоже время мадамъ Реньо, вскакивая съ дивана.

Селестина, самая вепльчивая изъ всѣхъ балованныхъ дѣтей, съ геройскимъ усиленіемъ удержала почещину, готовую опуститься на щеку жениха ея; но дѣйствіе, произведенное на нее этимъ напряженіемъ, было такъ сильно, что слезы брызнули у ней изъ глазъ.

Солиманъ, видя, что госпожа его плачетъ, и несмотря что у него не хватило храбрости для собственной защиты, ободрился и выскочилъ съ яростью изъ-подъ бильярда; но въ ту самую минуту, какъ онъ бросался на горло Аристиды, Франсисъ схватилъ его обѣими руками за шею и заднія ноги, и выбросилъ изъ окна, которое немедленно заперъ.

Во-время этого происшествія, быстрога какъ молнія, мадмуазель Спимаръ, которую кухарка напрасно старалась успокоить, подошла къ дверямъ и отворила ихъ. Обратясь тогда розовымъ лицомъ своимъ, по которому катились горячія перлы, она сказала Аристу:

— Такъ знайте, что я васъ ненавижу, потому-что вы мнѣ дѣлаете все наперекоръ, стараетесь всѣми силами не правиться, и успѣваете въ томъ больше, чѣмъ желаете. Бить Солимана! Лучше-бъ вы меня прибили. Я васъ ненавижу. Слышите! и никогда не выйду за васъ за-мужъ.

Сказавъ это съ неподражаемымъ выраженіемъ въ голосѣ и лицѣ, Селестина выпихнула мадамъ Реньо изъ залы, потомъ сама вышла и захлопнула дверь со стукомъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ разсерженныя дѣти.

Посмотрѣвъ на друга своего, Франсисъ расхохотался.

Аристидъ стоялъ неподвижно, опершись спиною на бильярдъ; подбородокъ его ушелъ въ галстухъ, руки повисли, голова тоже.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, это очень смѣшно, сказалъ Тесеъ съ горечью: чрезвычайно забавно, увѣряю тебя.

— Прости меня, сказалъ Драмонъ: но ты сдѣлалъ такую плзчевую физиономію...

— Потому-что не вижу, чему тутъ радоваться. Ну, что я тебѣ сказалъ? Ты видѣлъ теперь образчикъ ея милого характера. Что ты на это скажешь?

— Что это дѣтскіе недостатки, которые ты легко исправишь, когда сдѣлаешься ея мужемъ, отвѣчалъ Драмонъ, повторяя насмѣшливымъ тономъ слова, сказанныя, не задолго передъ тѣмъ, его другомъ.

— Ея мужемъ! Никогда!... вскричалъ Тесеъ съ запальчивостью. Ты слышалъ, что она сказала? Но я самъ не стану утруждать ее, и не допущу до того, чтобъ она мнѣ отказала: это слишкомъ обезпокоитъ ее; я самъ не хочу на ней жениться, самъ разрываю этотъ бракъ. Я докажу ей, что и у меня тоже есть свой характеръ. Сейчасъ пойду объяснюсь съ отцомъ ея, и немедленно уѣзжаю. Въ Парижѣ я найду двадцать тысячъ невѣсть не хуже ея, и вѣрно добрѣе этого бѣсенка. Видѣлъ ты, какъ она замахнулась?

— Какъ не видать! отвѣчалъ Франсисъ, выставляя впередъ нижнюю губу и важно качая головою.

— Такъ, что съ минуту я боялся...

— И я тоже; я думалъ ужъ, что съ тобой поступятъ такъ, какъ поступили съ Мервилемъ въ маскарадѣ.

— Говорю тебѣ, что это маленькая вѣдьма, настоящій демонъ! вскричалъ разочарованный молодой человѣкъ, стуча кулакомъ по бильярдѣ.

На сколько Тесею былъ боязливъ и нерѣшителенъ, на столько другъ его обладалъ быстротою соображенія и твердостью характера. Въ двѣ секунды онъ уже все обдумалъ и готовъ былъ дѣйствовать.

— По всему вѣроятію, она должна быть вѣтрена, и безъ сомнѣнія зла, думалъ Драмонъ, а это ужъ слишкомъ, особенно для Тесею; онъ не долженъ рѣшиться на такой нелѣпый бракъ. Если разрывъ необходимъ, такъ лучше воспользоваться этой ссорой, чѣмъ вызывать воспоминанія о желтой розѣ, и начинать объясненія, которыя могутъ повредить репутаціи молодой дѣвушки.

Не отдавая себѣ отчета въ невольномъ участіи, которое онъ принималъ въ эту минуту въ Селестинѣ, Драмонъ обратился къ другу.

— Ты рѣшительно отказываешься отъ нея? спросилъ онъ.

— Рѣшительно и непременно, отвѣчалъ Аристидъ, дѣлая ударенія на каждомъ слогѣ этихъ величественныхъ нарѣчій.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемъ къ Симару.

— Пойдемъ... хоть это будетъ не совсѣмъ ловко.

— Ты ужь колеблешься?

— И не думаю; но Симаръ такой добрякъ, замужество дочери такъ радовало его, что право неловко будетъ сказать ему... вовсе неожиданно... «Я не хочу жениться на вашей дочери»... Еслибъ было средство избѣжать такого непріятнаго разговора... объявить мой отказъ письменно, вмѣсто того, чтобъ говорить другъ-другу въ глаза... признаюсь...

— Признайся, что колеблешься и не рѣшаешься отказаться. Впрочемъ, нѣтъ ничего легче, какъ избавиться перваго объясненія, которое я беру на себя, какъ и разрывъ твоей свадьбы.

— Это какимъ-образомъ?

Франсиесъ, по обычаю людей, соображающихъ какое-нибудь дѣло, потерь себѣ лобъ, и черезъ секунду былъ готовъ; онъ никогда не затруднялся, какъ дѣйствовать.

— Вотъ какъ надо поступать въ этомъ дѣлѣ, сказалъ онъ: чтобъ не огорчать г. Симара, надо оставить домъ безъ всякихъ объясненій, а потомъ написать, что ты отказываешься отъ его дочери; первый пунктъ конченъ. Теперь, слушай меня: у дяди твоего Маржолье сдѣлался ударъ, и потому тебѣ немедленно надо отправиться въ Парижъ.

— Какъ! у дяди моего Маржолье... ударъ!.. вскричалъ Тесье, измѣняясь въ лицѣ.

— Нѣтъ! онъ такъ же здоровъ и невредимъ, какъ мы съ тобой, отвѣчалъ Драмонъ со смѣхомъ. Развѣ ты не догадываешься, что я убиваю дядю твоего для оправданья твоего отъѣзда?

— Понимаю... но ты испугалъ меня.

Молодые люди отправились къ г. Симару. Узнавъ причину неожиданнаго отъѣзда Тесье, бывшій мѣховщикъ почесалъ съ досадою за ухомъ.

— Ну, въ чемъ-же дѣло? помолчавъ немного, сказалъ онъ съ добродушіемъ. Мадамъ Реньо разказала мнѣ ссору вашу съ Селестиной; неужели вы еще объ этомъ думаете? Дядюшка вашъ захворалъ очень некстати и слишкомъ неожиданно.

— Какъ обыкновенно бываетъ въ такого рода болѣзняхъ; ударъ всегда пришибаетъ неожиданно, отвѣчалъ Драмонъ докторскимъ тономъ.

— Перестаньте, продолжалъ старикъ, забудемъ все это. Вамъ извѣстенъ характеръ моей дочери; у нея предобрѣйшее сердце, слѣдовательно надо быть снисходительнымъ къ ея вспышкамъ.

— Вспышкамъ! вскричалъ Тесье, котораго Драмонъ заставилъ молчать выразительнымъ взглядомъ.

— Представьте себѣ, г. Драмонъ, сказалъ добрякъ Симаръ, что они оба настоящія дѣти. Признаюсь, что Селестина была немощно избалована; но вашъ другъ, съ своей стороны, тоже горячится. Впрочемъ, они любятъ другъ-друга, какъ два голубка, а цѣлый день проводятъ въ самыхъ пустѣйшихъ спорахъ. Ну, Тесье, перестаньте сердиться. Селестина въ залѣ, подите, помиритесь съ нею.

Видя, что другъ его уже колеблется и готовъ идти за будущимъ своимъ тестемъ, Франсисъ почувствовалъ необходимость вмѣшаться въ это дѣло.

— Увѣрю васъ, сказала онъ, обращаясь къ отцу Селестины, что Аристидъ вовсе не думаетъ о томъ, что случилось; въ эту минуту только одна мысль вертится у него въ головѣ—это болѣзнь его дяди.

— Слѣдовательно, это не выдумка? спросилъ Симаръ.

— Выдумка! повторилъ Драмонъ, какъ будто оскорбляясь такимъ предположеніемъ. Я, милостивый государь, привезъ другу моему эту грустную вѣсть, и разсудилъ, что бесполезно объявлять ее до обѣда, потому-что парижскій дилижансъ проходитъ здѣсь только вечеромъ; слѣдовательно, онъ успеетъ еще уѣхать сегодня.

— Маржолье! вѣдь я знаю его, отвѣчалъ Симаръ: такой высокій, худой! еще выше и еще худощавѣ племянника моего Реньо! Непостижимо, какимъ-образомъ съ его темпераментомъ онъ умудрился наагнуть себѣ ударъ? Вотъ я, такъ это другое дѣло: ударъ виситъ у меня на носу.

— Позвольте, сказалъ Франсисъ, съ вкрадчивою улыбкою: въ этомъ случаѣ я знаю, что говорю, потому-что учился медициной. Это заблужденіе, признаюсь, хотя вообще вѣрнѣе принятое, однако же все-таки заблужденіе, думать, что сухіе и нервныя темпераменты не такъ подвержены приливамъ крови, какъ полнокровные люди. Шея болѣе или менѣе короткая, лицо болѣе или менѣе красное, вовсе не идутъ къ дѣлу, и я бы могъ разсказать вамъ... но рѣчь не о томъ, а объ честномъ и добромъ Маржолье, который въ эту минуту умираетъ, можетъ-быть, на рукахъ корыстолюбивыхъ слугъ. Вспомните, что Тесье его племянникъ и наследникъ, продолжалъ Драмонъ, наклонясь къ уху Симара, какъ-будто желая пощадить чувствительность своего друга; особенно же не забудьте, что у Маржолье есть домоправительница.

— Домоправительница! вскричалъ негоціантъ. Да, я помню, что у Маржолье была домоправительница, бывшая его кормилица; вѣдь онъ человѣкъ слабый, безхарактерный; его каждый можетъ опутать сѣтями

такъ что онъ способенъ отдать свое состояніе первому плуту. Такъ поѣзжайте, Тесье, поѣзжайте немедленно; съ такими молодцами не надо терять времени. Вѣдь я давно знаю вашего дялюшку; онъ человѣкъ слабоумный, не дальновидный, и подписывается на Quotidienne. Чего тутъ ожидать путнаго? Такъ поѣзжайте сейчасъ же, немедленно; не теряйте ни минуты.

Аристидъ стоялъ неподвижно, и вмѣсто того, чтобъ отвѣчать, глядѣлъ во все углы комнаты, Испуганный остолбенѣніемъ Тесье и внутренно радуясь испугу негоціанта, Драмонъ взялъ друга своего за руку, и обращаясь къ хозяину дома сказалъ:

— Мы скоро возвратимся, потому что я все еще считаю себя шаферомъ.

Симаръ задумался.

— Знаете что? сказалъ онъ съ откровенною и добродушною улыбкою: вмѣсто того, чтобъ возвращаться, не уѣзжайте, останьтесь съ нами, чтобъ доказать мнѣ, что въ этомъ неожиданномъ отъѣздѣ нѣтъ ничего косвеннаго, сомнительнаго, однимъ-словомъ, что тутъ нѣтъ никакого подлога. Въ Парижѣ и безъ васъ могутъ обойтись, ваше присутствіе вовсе не нужно. Я оставляю васъ въ залогъ до пріѣзда Тесье. Ну что, согласны?

— Согласенъ! отвѣчалъ Драмонъ съ такою поспѣшностью, что ее можно было принять за радость, и потрясъ толстую руку, которую дружески протянулъ ему бывший мѣховщикъ.

— Такъ не теряйте же времени, Тесье, продолжалъ Симаръ, совершенно успокоенный общаніемъ Драмона. Я велю заложить карету; она доведетъ васъ до большой дороги.

— Ну вотъ, страшное это дѣло кончилось, сказалъ Франсисъ, когда остался одинъ съ Аристидомъ.

— Послушай, отвѣчалъ Тесье: ты заставляешь меня ѣхать, а самъ остаешься! Кажется, мы не такъ сговаривались!

— Если тебѣ это хоть сколько-нибудь неприятно, я ѣду съ тобою, отвѣчалъ Драмонъ. Если я принялъ приглашеніе Симара, то единственно изъ желанія быть тебѣ полезнымъ. Я думалъ, что ты будешь радъ оставить здѣсь посредника, который изъбавилъ бы тебя отъ неприятности объясняться, и безъ тебя кончилъ бы этотъ разрывъ.

— Впрочемъ... ты правъ, отвѣчалъ Аристидъ, котораго пугала мысль лично объясняться: оставайся, и устраивай это дѣло, какъ знаешь.

— Ты даешь мнѣ полную власть?

— Полную и совершенную.

Мамуазель Симаръ ушла въ залу, и такъ сильно и громко начала

колотить по роялю, что эхо раздавалось по всему дому. Узнавъ объ отъѣздѣ жениха своего, она, все еще дуясь на него, заперлась въ свою комнату, чтобъ не прощаться съ нимъ. Слѣдовательно, Аристидъ былъ принужденъ ѣхать, не видѣвшись съ нею.

Драмонъ проводилъ его до станціи, гдѣ надо было ждать дилижанса, и тогда только разстался съ своимъ другомъ, когда тотъ сѣлъ въ карету, и лошади тронулись съ мѣста.

Возвращаясь одинъ въ домъ, въ которомъ жила Селестина, Драмонъ почувствовалъ что-то необыкновенное: какой-то восторгъ овладѣлъ всѣмъ его существомъ; сначала это удивило его, но онъ скоро объяснилъ себѣ это чувство, и приписалъ его внутреннему удовольствію, которое всегда происходитъ отъ сознанія, что мы оказали кому-нибудь услугу или исполнили свой долгъ.

— Я не даромъ потерялъ день, подумалъ онъ съ самодовольною улыбкою. Бьюсь объ закладъ, что самые тонкіе дипломаты не могли бы искусѣе повернуть такое щекотливое дѣло, и лучше моего выйти изъ затрудненія. Съ одной стороны, я не допускаю друга моего до несправимой глупости, а съ другой берегаю честь почтеннаго семейства.

Преданность большая рѣдкость, а совершенное безкорыстіе и по-давно. Воображеніе чловѣка, по существенной силѣ притяженія, стремится обыкновенно къ наградѣ, которую, по убѣжденію своему, онъ заслужилъ.

Франсисъ покорился этому закону чловѣческаго сердца, не думая тоже сопротивляться его силѣ.

— Кажется, я заслужилъ нѣсколько веселыхъ дней, думалъ онъ, поворачивая на проселочную дорогу: почему не раскинуть мнѣ здѣсь палатку, хоть на недѣлю? Въ маѣ Парижъ такъ несносенъ, и деревня такъ очаровательна. Къ тому же, съ той минуты, какъ Аристидъ отказался отъ Селестины, миленькая дѣвушка эта перестаетъ быть для меня невѣстою моего друга; — въ моихъ глазахъ она обворожительное черное домино, за которымъ я такъ долго бѣгалъ. Не вижу причины, почему мнѣ не воспользоваться этимъ нечаяннымъ и удобнымъ случаемъ, не продолжать приключенія, начатаго такъ романически, такъ необыкновенно.

Успокоивъ совѣсть свою такими выводами, молодой чловѣкъ возвратился къ Симару съ веселымъ взглядомъ и улыбкою на губахъ. Рѣшась всею понравиться, онъ немедленно принялся за это дѣло: съ хозяиномъ заговорилъ о національной гвардіи, съ г. Рейно, который былъ что-то въ родѣ адвоката, о законахъ и приговорахъ уголовного суда; съ хорошенькой блондинкой, обладательницей изумруднаго кольца, о модахъ,

театрахъ и новыхъ романахъ, со старухой тетужкой о врачбеникахъ и лекарствахъ; и наконецъ, кончилъ вечеръ пѣніемъ дуэтовъ и разыгрываніемъ покуртъ съ Селестиной, которая, повидимому, переносила какъ нельзя тверже отсутствіе жениха своего.

Въ-продолженіе нѣсколькихъ дней, Франсисъ безпрестанно, съ глубокимъ участіемъ и скрытою настойчивостью наблюдалъ странную дѣвушку, на которой долженъ былъ жениться другъ его, и которой граціозная красота производила на него самого сильное впечатлѣніе, хотя онъ въ-половину только въ этомъ сознавался. Результатъ этого изученія превратился въ раздражительное и скоро потомъ въ невыносимое сомнѣніе. Кто не анализировалъ нѣжныя фибры женской организаціи въ самыхъ незамѣтныхъ сплетеніяхъ, тому характеръ мадуазель Симаръ и въ-самомъ-дѣлѣ долженъ былъ казаться трудною загадкою. То безпечна, какъ дитя, то задумчива, какъ женщина; поутру вѣтренна и рѣзва, вечеромъ грустна и мечтательна; то шаловлива до безумія, то серьезна до глубокомыслія; однимъ-словомъ, измѣнчивѣе самой волны, быстрѣе въ движеніяхъ рѣчной струи; бурная, какъ взволнованное море, и черезъ минуту отражающая въ себѣ спокойствіе яснаго неба, Селестина представляла одинъ изъ тѣхъ сложныхъ, неуловимыхъ характеровъ, передъ которыми обыкновенный человѣкъ остановится въ недоумѣніи, а артистъ въ восторгѣ. Несмотря на умъ свой и опытность, Франсисъ не зналъ сначала, на какомъ заключеніи слѣдуетъ ему остановиться.

— Геній или вѣдьма? спрашивалъ онъ самъ себя, и ежеминутно измѣнялъ отвѣтъ на вопросъ.

Разъ вечеромъ, три дня спустя послѣ отъѣзда Тесе, отъ котораго не получали писемъ и о которомъ, исключая старика Симара, никто и не думалъ, Селестина съ кузиной и Франсисомъ сидѣли въ бесѣдкѣ, на концѣ сада. Дамы работали, а Драмонъ, сидя у ногъ ихъ, читалъ вслухъ умилительныя страданія «Индіаны». Противъ обыкновенія, декламация не удавалась ему; онъ очень дурно читалъ, неумолимо коверкалъ краснорѣчивую прозу Жоржъ-Зацца, не обращалъ вниманія на точки, и занятая, перевертывалъ часто два листа разомъ, или останавливался посреди фразы и смотрѣлъ на Селестину. Опустивъ глаза на работу, мадуазель Симаръ, повидимому, не замѣчала ошибокъ Франсиса, потому-ли, что она больше вслушивалась въ звукъ голоса чтеца, чѣмъ въ смыслъ книги, или потому, что замѣтила (не гнѣваясь) разсѣяніе молодого человѣка, причину котораго уже угадала. Франсисъ повторилъ два или три раза одну и ту же фразу, которая, повидимому, ему такъ нравилась, что онъ не могъ съ нею разстаться.

Мадамъ Реньо, не столь снисходительная, какъ ея кузина, потому, можетъ-быть, что не имѣла особенной причины быть снисходительною, перебила чтевіе громкимъ смѣхомъ.

— Признаюсь, сказала она: я не понимаю ни одного слова изъ того, что вы читаете; у васъ пристрастная метода чтенія: когда читаютъ, то обыкновенно смотрятъ въ книгу...

— Хорошо, подумалъ Драмонъ, закрывая книгу: она угадала меня; сегодня вечеромъ она сообщитъ свои замѣчанія Селестинѣ, а завтра объбудутъ смѣяться надо мной.

— Вотъ ужъ и смерклось; пора домой, сказала Селестина, складывая свою работу, какъ-будто хотѣла во-время остановить насмѣшку, искры которой блистали уже въ глазахъ хорошенькой блондинки.

— Именно, пора, отвѣчала мадамъ Реньо: пойдемъ, поиграемъ на фортепьяно, или споемъ что-нибудь; можетъ-быть мосье Драмонъ будетъ имѣть больше уваженія къ Россини, чѣмъ къ Жоржъ-Занду...

Не давъ времени кузинѣ своей кончить фразы, Селестина принудила ее встать съ мѣста, обхватила одной рукой ея талію, и увлекая ее мѣрнымъ, быстрымъ движеніемъ, заставила протанцовать галопъ до самаго дома.

Франсисъ слѣдовалъ глазами за этою граціозною группою, но глядѣлъ только на половину группы; потомъ, вставъ медленно, онъ углубился въ чашу сада, и долго гулялъ тамъ сентиментально-яростной походкой, съ *думою на чель*. Наконецъ, темнота, понемногу сгущаясь вокругъ него, вывела изъ его мечтаній.

— Нѣтъ! такая неизвѣстность невыносима! Это слишкомъ! думалъ онъ. Я хочу знать, на чемъ остановиться. Или она олицетворенная невинность, или самая коварная изъ женщинъ. Въ первомъ случаѣ, сомнѣніе мое оскорбительно; во второмъ, чувство, которое я къ ней питаю, ничто иное, какъ обманъ. Маскарадъ этотъ не выходитъ у меня изъ головы и отравляетъ удовольствіе сближенія съ нею. Надо, чтобъ кошмаръ этотъ кончился однажды навсегда.

Войдя въ залу, Драмонъ засталъ тамъ все семейство. Старуха тетюшка играла въ шикетъ съ Реньо; кузины разучивали въ четыре руки новый кадрилъ; Симаръ, погружаясь въ бержерку, билъ тактъ съ видомъ знатока и любителя.

— А что, спросилъ добрякъ своего гостя: чай эта музыка такъ и подмываетъ васъ къ танцамъ?

— Я не люблю танцовать, отвѣчалъ Драмонъ съ угрюмостью, своею собственною всеѣмъ влюбленнымъ.

Услышавъ такое варварство, Селестина обернула голову, и пальцы

ея повисли на клавиатурѣ, между-тѣмъ какъ глаза устремились съ удивленіемъ на молодаго человѣка, который въ эту минуту показался ей не такимъ интереснымъ, какимъ она находила его за минуту передъ тѣмъ.

— Вы не любите танцовать? спросила она съ изумленіемъ: такъ что-жь послѣ этого вы любите?

— Тебя! подумалъ Франсисъ, съ трудомъ удерживая на языкѣ слово, которое чуть было у него не вырвалось изъ сердца.

— Я не такъ выразился, отвѣчалъ онъ: я хотѣлъ сказать, что не люблю такихъ баловъ, какіе обыкновенно бываютъ въ обществѣ, съ монотонными кадрилими и натянутыми вальсами. Удовольствіе безъ увлеченія не имѣетъ для меня никакой; цѣны надо искать удовольствія не въ залѣ. Чтобъ понимать электрическое дѣйствіе, которое танцы могутъ производить на воображеніе, надо ѣздить въ публичныя собранія, въ маскарады...

Глаза Драмона впивались съ пламеннымъ безпокойствомъ въ лицо Селестины, которая, и не думая избѣгать этого взгляда, пренаивно слушала похвалы вовея ненаивному удовольствію, и повидимому, принимала самое живое участіе въ словахъ готя.

— Только въ маскарадахъ не танцуютъ, замѣтила она вдругъ.

— Не танцуютъ! повторилъ молодой человѣкъ, который, несмотря на замиранье сердца, не осмѣливался на болѣе точные вопросы.

— Не правда ли, Гортензія? продолжала Селестина, обращаясь къ кузинѣ: когда мы были въ маскарадѣ, тамъ никто не танцевалъ, и я еще такъ этому удивлялась. Хорошъ балъ, гдѣ не танцуютъ! Вѣдь это пресмѣшно.

Сердце Драмона растаяло отъ блаженства, воздухъ, которымъ онъ дышалъ, казался ему полнымъ благоуханія. Простыя слова, сказанныя Селестиной, разсѣяли въ одно мигновеніе темную тучу, сквозь которую воображеніе его смотрѣло до-тѣхъ-поръ на это дѣвственное созданіе. Стыдясь своихъ подозрѣній, онъ считалъ себя виновнымъ, и съ тайнымъ наслажденіемъ предавался угрызениямъ совѣсти. Въ любви человѣкъ иногда бываетъ такъ счастливъ, когда чувствуетъ, что не правъ! Вѣроятно на лицѣ его слишкомъ рѣзко выражалось это внутреннее счастье, потому-что Селестина, орлиные глаза которой не опустились бы даже передъ самымъ солнцемъ, не могла выдержать этого взора, который устремлялся на нее, стараясь уловить выраженіе ея взгляда. Она смутилась, опустила голову, и въ первый разъ почувствовала, какъ на щекахъ ея распустились жгучія розы, корни которыхъ выходятъ изъ сердца.

— Расскажите-ка мосье Драмону ваши маскарадные похождения; я увѣренъ, что это развеселитъ его, сказалъ Реньо, продолжая играть въ пикетъ.

Сильный припадокъ дружбы къ долговязому и плѣшивому господину обхватилъ Франсиса съ головы до ногъ; онъ находилъ его и любезнымъ, и умнымъ, и образованнымъ; даже, въ случаѣ нужды, готовъ былъ увидѣть волосы на его гладкой головѣ. Противъ обыкновенія своего, Селестина была смущена.

Видя, что мадмуазель Симаръ не отвѣчаетъ, мадамъ Реньо обернулась къ молодому человѣку, раждающаяся страсть котораго не укрывалась отъ ея зоркихъ глазъ.

— Вы, можетъ-быть, замѣтили, сказала она съ насмѣшливымъ выраженіемъ въ голосѣ, что все мы здѣсь, безъ исключенія, покорнѣйшіе рабы этой дѣвочки; она взяла надъ нами верхъ и управляетъ всеми довольно деспотически; я для того вамъ это рассказываю, чтобы предостеречь васъ, и спасти отъ ея ига. Фантазіи ея, которыя часто бываютъ безтолковы, составляютъ для насъ законъ, а капризы—непремѣнные приговоры. Такъ ужъ дядюшка воспиталъ ее, а наша слабость утвердила эту прекрасную систему воспитанія. Теперь вы можете себя представить, какія взбалмачныя идеи должны гнѣздиться въ головѣ такого избалованнаго ребенка. Между многими нелѣпыми прихотями, Селестинѣ нынѣшнею зимою пришлось въ голову ѣхать въ маскарадъ, и знаете ли куда? Къ Мюзару!

— Да, къ Мюзару! перебилъ старикъ Симаръ, закатываясь громкимъ смѣхомъ: шалунья эта хотѣла ѣхать въ маскарадъ къ Мюзару; что вы на это скажете, любезный Драмонъ?

— Такое намѣреніе мнѣ казалось немножко смѣлымъ, продолжала мадамъ Реньо: но вѣдь съ нею нельзя спорить. Я должна была вступить въ переговоры, и считала себя слишкомъ счастливой, что успѣла уговорить Селестину замѣнить страшный балъ Мюзара маскарадомъ Оперы. Мы сѣли въ карету все трое, и наконецъ отправились.

— Трое? повторилъ Драмонъ, все еще съ безпокойствомъ: кто же еще былъ съ вами?

— Мужъ мой, отвѣчала мадамъ Реньо. О чемъ это вы думаете, что дѣлаете такіе вопросы? Впрочемъ надо правду сказать, въ этотъ день поведеніе моего мужа нельзя было назвать примѣрнымъ. Только что мы пріѣхали, мужъ мой, подъ предлогомъ, что въ залѣ слишкомъ тѣсно, усадилъ насъ въ ложу; между-тѣмъ, ему только хотѣлось отдѣлаться отъ насъ; онъ надѣялся, что кто-нибудь станетъ его интриговать. Онъ ушелъ, оставивъ насъ однихъ; мы просидѣли болѣе часу, онъ

все не являлся... такъ, что по милости его, съ нами случилось пре-
глупѣйшее приключеніе.

— Приключеніе? сказалъ Франсисъ съ притворнымъ любопыт-
ствомъ.

— Да, приключеніе, да еще какое! Двое пьяныхъ и страшно изу-
родованныхъ сорванцевъ принудили насъ убѣжать изъ ложи.

Селестина перебила кузину.

— Первый не былъ пьянъ, сказала она: напротивъ, онъ разгова-
ривалъ очень прилично; и ты сама сказала, что у него превыразитель-
ные глаза и чудесные зубы.

— Гмъ! ты не сообщила мнѣ своихъ замѣчаній, сказалъ Реньо,
обращаясь къ женѣ своей, между-тѣмъ, какъ Франсисъ, въ порывѣ
удовлетвореннаго самолюбія, улыбался, глядя на себя въ зеркало, ви-
сѣвшее надъ ройялемъ.

Симаръ, какъ мы уже сказали, любилъ ложиться рано, и потому
веталъ съ мѣста, давая этимъ знать, что пора расходиться, и пре-
кратилъ разговоръ.

Возвратясь къ себѣ въ комнату, Драмонъ предался чуднымъ меч-
тамъ любви, которыя въ первый разъ въ жизни вливалъ въ себя съ
совершеннымъ довѣріемъ. Прелестное личико Селестины и во снѣ не
покидало его ни на одну минуту. Утромъ, это радужное видѣніе из-
чезло, и на мѣстѣ его явилась вовсе неожиданная фигура Матье, ко-
торый, войдя въ комнату, подаль Драмону письмо изъ Парижа.

— Это отъ Тесея. Что онъ можетъ писать ко мнѣ? думалъ Фран-
сисъ, распечатывая посланіе съ досадою, какъ-будто угадывая его
содержаніе.

«Любезный другъ!» писалъ бывший зять Симара: вотъ уже четыре
дня, какъ мы разстались съ тобою, и я каждую минуту жду или пись-
ма отъ тебя, или твоего возвращенія, и потому каждый вечеръ посы-
лаю узнавать, не пріѣхалъ ли ты. Признаюсь, я не понимаю ни упор-
наго молчанія твоего, ни слишкомъ продолжительнаго отсутствія; но и
то и другое успокоиваетъ меня, несмотря на то, что оставляетъ въ
неизвѣстности; это доказываетъ, что дѣло, которое я поручилъ тебѣ,
еще не кончено. Все эти дни, любезный Франсисъ, я много думалъ и
раздумывалъ, и нахожу, что такая выгодная женитьба во всѣхъ отно-
шеніяхъ, и по сердцу и по разчету, должна состояться; что изъ-за
какого-нибудь ребячества,—а поступокъ Селестины ничто иное, какъ
ребячество,—нельзя такъ легкомысленно разрывать узы, давно уже
скрѣпленныя довѣріемъ и любовью. Къ тому же, я больше виноватъ,
чѣмъ она; если она немножко капризна, то я, въ свою очередь, бы-

ваю иногда слишком раздражителенъ; а въ мои лѣта это непростительно. Въ тотъ день, когда мы играли на бильярдѣ, мнѣ кажется, что мы оба не такъ поняли жестъ Селестины, въ-слѣдствіе котораго я обидѣлся; въ движеніяхъ Селестины такъ много живости; когда она разговариваетъ, то вѣчно вертитъ руками, и то, что мы приняли за угрозу, было въ сущности ничто-пное, — въ этомъ я убѣжденъ, — какъ необдуманное движеніе. Впрочемъ, еслибъ она даже и имѣла то намѣреніе, которое мы предполагали, то и въ такомъ случаѣ мнѣ не слѣдовало бы сердиться на ребенка, потому-что ударивъ Солimana, я выказалъ такую жестокость, что она должна была раздражить чувствительное сердце Селестины. И потому, любезный другъ, прошу тебя снова скрѣпить нити, которыя, можетъ-быть, ты уже разорвалъ, образуясь съ моимъ желаніемъ. Тебѣ это легко обдѣлать, въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь, потому-что мнѣ извѣстны все изгибы твоего ума и твои дипломатическіе таланты. Скажи Симару, что дялюшкѣ, слава Богу! гораздо лучше, что ударъ не имѣлъ никакихъ неприяныхъ послѣдствій, и что я надѣюсь выѣхать отсюда черезъ нѣсколько дней. Свидѣтельствуй мое низайшее почтеніе мадамъ Реньо и ея тетускѣ, и скажи Селестинѣ...»

— Убирайся въ преисподнюю! вскричалъ Франсисъ не докончивъ письма и сжавъ его въ комокъ. Если Селестина любитъ его, въ чемъ я очень сомнѣваюсь, то онъ можетъ обойтись и безъ адвоката; если же, напротивъ, не любитъ, то совѣтъ не позволить мнѣ уговаривать этого ребенка; тѣмъ болѣе, что она не будетъ съ нимъ счастлива; о, я увѣренъ, что она не будетъ съ нимъ счастлива! Онъ уступилъ свое мѣсто, тѣмъ хуже для него; я былъ увѣренъ, что онъ рѣшительно отказался отъ этой женитьбы, и потому имѣлъ полное право любить Селестину, и удерживаю за собой это право.

Мысль надуть друга и сдѣлаться главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на свадьбѣ, гдѣ ему предстояло быть только шаферомъ, не возбудила въ душѣ Драмона ни малѣйшаго угрызенія. Страсть говорила въ немъ слишкомъ громко и заглушала все упреки. Впрочемъ, онъ заключилъ слѣдующимъ разсужденіемъ: Селестина или любитъ, или не любитъ Тесе: если любитъ, то не приметъ моего предложенія, а если не любитъ, то нечего ему и жаловаться!

Оправданный въ собственныхъ глазахъ такимъ разсужденіемъ и сильно подстрекаемый извѣстіемъ скорого возвращенія Аристиды, Франсисъ рѣшился не терять ни минуты и дѣйствовать такъ, чтобъ разъяснить свое положеніе, и узнать навѣрное, можетъ ли онъ надѣяться или нѣтъ.

Послѣ обѣда онъ подошелъ къ мадамъ Реньо, и серьезнымъ тономъ просилъ ее позволить ему переговорить съ нею наединѣ. Хорошенькая блондинка, выслушавъ его съ насмѣшливою улыбкою, которая была постояннымъ выраженіемъ ея лица, сошла въ садъ съ молодымъ человѣкомъ, который, не мѣшая, началъ изъяснять ей свои задушевные тайны съ тою теплою откровенностію, которая почти всегда побѣждаетъ женщинъ и дѣлаетъ ихъ снисходительными.

— Не стану говорить вамъ, что я люблю вашу кузину до безумія, вы это и безъ того знаете...

— Неужели? перебила мадамъ Реньо съ притворнымъ удивленіемъ.

— Я увѣренъ, что любовь моя вамъ извѣстна; если вы читали въ глазахъ моихъ, то и я читалъ въ вашихъ. Я угадалъ тоже, что бракъ, о которомъ было говорено прежде, вамъ вовсе не нравился, также, какъ и самъ женихъ... Сдѣлайте милость, не перебивайте меня; я не вижу тутъ ничего дурнаго; напротивъ... вы поняли, что человѣку съ характеромъ моего друга нельзя составить счастья женщины, и были совершенно правы. Не знаю, какъ вы станете судить меня, и смѣю ли я надѣяться на ваше снисхожденіе. Я люблю Селестину... простите мнѣ такую фамильярность; вамъ извѣстно, что любовь запоминаетъ только собственные имена. Я люблю вашу кузину, но не смѣю сказать этого ей самой; она такъ простосердечна, такой еще ребенокъ, что я чувствую... Можно будетъ подумать, что я во зло употребляю такое радушное гостепріимство. Вѣроятно, тетушка ваша забыла, какъ любить; что касается г. Симара, то я сомнѣваюсь, чтобъ онъ когда-нибудь любилъ; а мужъ вашъ, несмотря на то, что обладаетъ всѣмъ, что можетъ возбуждать это чувство, наводитъ на меня страхъ своимъ глубокомысленнымъ видомъ. Слѣдовательно, вы видите, что кромѣ васъ, мнѣ не къ кому обратиться, потому-что вы только однѣ здѣсь можете понять меня. Умоляю васъ, скажите, что понимаете меня, что прощаете мое чувство, такъ внезапно и такъ не краснорѣчиво выраженное вамъ, и что будете моею покровительницею. Г. Симаръ знакомъ съ моимъ семействомъ; я богаче Тесье; а лично обо мнѣ и о моихъ достоинствахъ вы можете судить сами, потому-что, кажется, могли замѣтить, что я не дуракъ, а характеръ у меня, безъ хвастовства сказать, предобрѣйшій; клянусь вамъ честью, что Селестина будетъ счастлива. Вѣдь она его не любитъ, не правда ли?

— Какъ вы все скоро устроиваете! отвѣчала молодая Реньо, не будучи въ состояннн удержаться отъ улыбки; но въ улыбкѣ этой не

было больше ничего насмѣшливаго. Вы забываете, что съ моего или безъ моего согласія, а Тесье все-таки женится на Селестинѣ.

— Да вѣдь онъ еще не женился! А отъ васъ однѣхъ зависеть, чтобъ этого никогда не было. Утѣжая, Тесье положительно поручилъ мнѣ взять назадъ данное имъ слово; правда, что съ-тѣхъ-поръ онъ перемѣнилъ намѣреніе и прислалъ новыя инструкціи; но я принялъ на себя первое порученіе, и отказываюсь отъ втораго. Между Селестиной и Тесье, въ настоящую минуту, не должно существовать никакихъ отношеній, потому-что онъ самъ отказался отъ нея; слѣдовательно, я имѣю полное право просить руки вашей кузины, и прошу ее.

— Это особеннаго рода выводъ, хотя въ сущности я очень боюсь, чтобы тутъ не было иезуитства, какъ сказалъ бы мой дядюшка. Но все-равно, вы умны и чистосердечны; за эти прекрасныя качества у меня не хватаетъ духу сердиться на васъ, хоть вы и сдѣлали объясненіе не по веѣмъ правиламъ и формамъ. Вы угадали меня; я не люблю вашего друга, котораго и вы, кажется, не слишкомъ-то жалуете. Я буду рада, когда Селестина окончателно откажетъ ему; и если еще не слишкомъ поздно, то не отказываюсь помочь вамъ въ этомъ дѣлѣ.

— Я не ошибся въ васъ! оцѣнилъ васъ такъ, какъ слѣдовало! Вѣрьте, благодарность моя...

— Хорошо, хорошо, отвѣчала мадамъ Реньо, лицо которой снова и внезапно приняло насмѣшливое выраженіе. Мужъ мой смотритъ на насъ изъ окна; онъ не любитъ, чтобъ со мной разговаривали такъ долго и съ такимъ жаромъ.

— Еще одно слово, умоляю васъ! Если вы ужъ принимаете на себя роль моей посредницы, то довершите благодѣяніе, не дѣлайте добра въ половину; позвольте мнѣ сказать Селестинѣ, что я люблю ее.

— Нѣтъ, не позволяю, отвѣчала поспѣшно мадамъ Реньо; глаза ваши ужъ и безъ того слишкомъ болтливы. Вчера вы заставили ее краснѣть, а это, кажется, случилось съ нею въ первый разъ.

— Она покраснѣла... вы увѣрены? вскричалъ Франсисъ, и въ восторгѣ, схвативъ руку своей хорошенькой покровительницы, хотѣлъ было поцаловать ее.

— Мужъ мой!.. вскричала въ свою очередь мадамъ Реньо, отдергивая поспѣшно руку. Вамъ вѣрно хочется, чтобъ онъ подумалъ, что вы за мной ухаживаете. Перестаньте же, будьте благоразумны, и помните, что я вамъ запретила говорить Селестинѣ...

— При васъ можно!.. сказалъ умоляющимъ голосомъ Франсисъ.

— При мнѣ?.. У него на все есть отвѣтъ... Я слишкомъ къ вамъ добра... продолжала она, помолчавъ немного. Ну, перестаньте

же... не дѣлайте такую жалкую фізіономію... Пои́дите къ Селестинѣ, она сидитъ въ павильонѣ; я не могу запретить вамъ говорить съ нею.

— Обѣщайте не заставлять меня читать «Индіану». Обѣщаете?

— Клянусь, что не заставлю; потому-что вы слишкомъ гадко читаете, когда она васъ слушаетъ. Вы увидите, что я принуждена буду снова перечитывать тѣ главы, которыя вы такъ славно исковеркали. Въ это время, я позволяю вамъ стараться понравиться; но только помните, что у меня есть талантъ читать и въ то же время слушать, что говорятъ.

Франсисъ и мадамъ Реньо, пройдя садъ, вошли въ павильонъ, гдѣ Селестина вышивала; она была серьезна и задумчива, что производило рѣзкій контрастъ съ почти дѣтскимъ выраженіемъ ея лица. Сторы въ павильонѣ не были спущены, и солнце, врываясь въ окна, освѣщало яркимъ свѣтомъ ея италіанскую головку, черные волосы которой, гладко причесанные, блистали, какъ сіяніе.

Когда молодой человѣкъ вошелъ, Селестина, по инстинкту стыдливости, нашла, что въ павильонѣ слишкомъ свѣтло; можетъ-быть, она боялась, что опять покраснѣетъ, и не хотѣла, чтобы Франсисъ и мадамъ Реньо замѣтили это.

Она обратилась къ Драмону и сказала ему тихимъ, почти робкимъ голосомъ:

— Потрудитесь опустить стору.

Франсисъ бросился исполнить желаніе Селестины.

Окно выходило на дорогу, которая съ этой стороны окружала садъ. Нагибаясь, чтобъ отвязать сиурокъ сторы, Драмонъ увидѣлъ человѣка, который, пользуясь неровностями стѣны павильона, карабкался наверхъ, чтобъ достигъ окна. Въ человѣкѣ этомъ, Драмонъ узналъ Аристиду Тесею. Первою его мыслию было бросить на голову пріятелю горшокъ съ цвѣтами, стоявшій у него подъ рукой, и возобновить такимъ образомъ, въ пользу соперника своего, катастрофу Пирра, но какъ добродѣтельный человѣкъ, онъ восторжествовалъ надъ этимъ убійственнымъ искушеніемъ, опустил стору, какъ будто ничего не видалъ и затворилъ окно; потомъ, разсудивъ, снова открылъ его.

— Пусть слушаетъ, если хочетъ, подумалъ Франсисъ: я не люблю ничего неопредѣленнаго; неизвѣстность положенія невыносима; по крайней-мѣрѣ такимъ образомъ онъ будетъ знать, что ему дѣлать.

И Франсисъ, взявъ скамейку, сѣлъ на то самое мѣсто, гдѣ сидѣлъ наканунѣ, то-есть: у ногъ Селестины.

Возвратившись въ Парижъ, Аристидъ Тесею просыпался каждое утро съ твердымъ намѣреніемъ никогда не видать Селестины, но каждый вечеръ приносилъ ему совершенно противоположное этому рѣшенію. На четвертый день вечеръ начался для него съ самаго утра. Измученный тоскою любви, онъ написалъ другу своему письмо, часть котораго мы читали; спустя нѣсколько часовъ, лихорадка въ немъ до того усилилась, что бросила его самого въ дилижансъ. Дорога казалась ему безконечною; но подѣзжая къ дачѣ Симара, ему вдругъ почудилось, что у лошадей вырастаютъ крылья, и онъ началъ колебаться и раздумывать, выйти ему изъ дилижанса или возвратиться назадъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, какъ показаться ему, что говорить и какъ держать себя, если, по всему вѣроятію, Драмонъ исполнилъ его порученіе. Въ такомъ случаѣ, возвращеніе его не покажется ли низостью, или даже невѣжествомъ. Волнуемый такими размышленіями, Аристидъ медленно побрелъ къ дому Симара; дойдя до него, сердце у него до того забилось, что совершенно замерло. Робкимъ шагомъ онъ проскользнулъ мимо рѣшетки, алебастровые львы которой показались ему еще свирѣпѣе обыкновеннаго.

Снизойдя съ важнаго достоинства будущаго мужа, передъ которымъ распахиваются настежь всѣ двери, до неловкой роли человѣка, который самъ потерялъ выгодное свое положеніе, онъ обошелъ садъ, проклиная отъ всей души и совѣты друга своего, и свою собственную нерѣшительность, и всю породу бульдоговъ, и самаго добряка Симара, и наконецъ весь міръ, исключая Селестины, и скоро дошелъ до павильона, гдѣ мадмуазель Симаръ обыкновенно работала послѣ обѣда.

— Она тамъ, думалъ онъ: можетъ-быть, она думаетъ обо мнѣ! Почему не побѣдить въ себѣ смѣшнаго страха и не попытаться видѣться съ нею и заговорить?

Призвавъ на помощь всю свою храбрость, какъ и слѣдуетъ поступать въ подобныхъ случаяхъ, Тесею началъ осаду, не мѣшкая ни минуты. Въ это время дня, дорога, на которую выходилъ павильонъ, была обыкновенно пуста, и уголь стѣны впадинами своими и выдавшимися впередъ камнями представлялъ собою настоящую лѣстницу для воровъ. Аристидъ ухватился за него, не думая о царапинахъ и не страшась ушибовъ. Появленіе у окна Франсиса остановило его на минуту; но скоро увѣрившись, что его не замѣтили, онъ продолжалъ влезать, и наконецъ, достигши окна, помѣстился тамъ какъ могъ, то-есть, оперся ногами во впадину стѣны, а руками уцѣпился за оконную рѣшетку, у которой стояли горшки съ цвѣтами. Чтобъ тѣнь головы его не падала на стору и не выдавала его, Аристидъ пряталъ ее за горшки съ цвѣтами.

Такъ какъ тутъ не было ни одной благодѣтельной скважины, черезъ которую можно было бы видѣть, что дѣлается въ павильонѣ, то вся душа его перешла и сосредоточилось въ слухѣ.

Селестина молчала, и повидимому все вниманіе свое устремила на работу, отъ которой не отводила глазъ; мадамъ Реньо, съ другой стороны, вѣрная своему слову, держала въ рукахъ «Индіану», которую, повидимому, читала съ исключительнымъ вниманіемъ, но зоркій наблюдатель вѣрно замѣтилъ-бы, что одна очень медленно перевертывала листы, а другая еще медленнѣе тащила нитку.

Сидя на скамейкѣ, съ граціозною, свойственною ему небрежностью, Франсисъ чувствовалъ, какъ ему становилось неловко; взоръ его переходилъ отъ Селестины къ мадамъ Реньо, отъ мадамъ Реньо къ окну, отъ окна къ кончикамъ собственныхъ сапоговъ. Наконецъ, онъ впалъ въ то состояніе, въ которомъ находишься, когда рѣшаешься на что-нибудь важное, то-есть, хочешь говорить и не можешь, а если можешь, то не знаешь, съ чего начать; въ такомъ положеніи бывають даже самые рѣшительные люди.

— Ну, эту сцену гораздо труднѣе разыгрывать, чѣмъ я предполагалъ, думалъ Драмонъ: я говорилъ, что когда находишься въ четвертомъ, то бываешь только вдвоемъ... это довольно смѣшной парадоксъ; теперь представляется случай оправдать его: вѣдь насъ здѣсь четверо... а очень трудно найти первое слово.

Мадамъ Реньо наблюдала втихомолку за молодымъ человѣкомъ, которому обѣщала свое покровительство, и смущеніе его внушило ей еще больше къ нему участія; потому-что робость дѣлается прелестью, когда она не привычна человѣку, и также идетъ къ смѣлымъ и развязнымъ людямъ, какъ улыбка къ серьезному лицу. Несмотря на это, въ сочувствіи молодой женщины проглядывала та нѣжная иронія, которую, изъ кокетства или изъ осторожности, она прикрывала все свои ощущенія. Пользуясь правами покровительницы, она, не краснѣя, предавалась своему насмѣшливому инстинкту, и вмѣсто того, чтобъ подать помощь молодому человѣку, она, напротивъ, чувствовала злобное удовольствіе приводить его еще больше въ смущеніе.

— Кажется, вы сказали, что получено письмо отъ Тесея? спросила она неожиданно.

Предательское намѣреніе, съ которымъ сказаны были эти слова и полу-улыбочка, сопровождавшая ихъ, вмѣсто того, чтобъ сконфузить Франсиса, возвратили ему всю его самоувѣренность.

— Лучше ужъ что-нибудь говорить, чѣмъ молчать, думалъ про

себя Драмонъ: это поведетъ меня къ цѣли кратчайшимъ путемъ, а во всякомъ случаѣ, прямой путь — лучший.

— Да, получилъ, отвѣчалъ Франсисъ серьезнымъ тономъ: онъ пишетъ о своемъ возвращеніи и поручаетъ мнѣ извѣстить васъ объ этомъ.

— Такъ дядя его выздоровѣлъ? продолжала блондинка.

— Маржолье никогда не былъ болѣнъ; ударъ его служилъ только деликатнымъ предлогомъ, для оправданія отъѣзда, который другу моему казался, нѣсколько дней тому назадъ, необходимымъ.

Селестина подняла голову и ея выразительные глаза устремились на молодого человѣка.

— Если другъ вашъ, сказала она, ударяя на этомъ словѣ, нашелъ нужнымъ уѣхать, то ему нѣтъ никакой нужды и возвращаться. Вы можете написать ему это отъ моего имени.

— Неужели ты такъ злопамятна? замѣтила мадамъ Реньо съ притворною кротостью: если онъ намѣренъ возвратиться, значить, онъ признаетъ себя виноватымъ; если онъ раскаивается и проситъ извиненія въ томъ, что его укусила собака; если онъ бросается къ ногамъ твоимъ и умоляетъ о помилованіи, неужели ты будешь такъ жестока и не простишь ему.

— Я не умѣлъ цѣнить этой женщины, она предобрая, думалъ Арпстидъ, все еще цѣпляясь за окно.

Селестина молчала. Потомъ, опустивъ голову, она проговорила, наконецъ, дрожащимъ, почти невнятнымъ голосомъ и не глядя на молодого человѣка, сидящаго у ногъ ея.

— Вы, вѣроятно, одного мнѣнія съ кузиной?

Франсисъ придвинулся къ ней, и поглядѣвъ на нее страстно, сказалъ шопотомъ:

— Не его, а меня надо простить, меня, который васъ любитъ и приходитъ въ отчаяніе при одной мысли объ этомъ бракѣ. Селестина, счастье всей жизни моей зависитъ отъ одного вашего слова. Умоляю васъ, скажите, что вы не выйдете за него.

Молодая дѣвушка не отвѣчала, но рука ея, которую схватилъ Франсисъ, отвѣтила за нее. Драмонъ, вѣроятно, тоже находя, что слова бесполезны, выразилъ свою благодарность бросившись на колѣни.

Этотъ нѣмой разговоръ, эта выразительная пантомима показали мадамъ Реньо нарушеніемъ трактата, потому-что она съ досадой закрыла книгу, которая до-тѣхъ-поръ служила ей средствомъ все слышать и не казаться лишнею.

— Конечно, хлопотать за друга прекрасная черта, сказала она съ про-

нию; но вамъ можно бы и не горячиться такъ сильно. Впрочемъ, неучтиво говорить шопотомъ, когда съ вами третье лицо.

— Онъ просить за меня, думалъ Тесе, начинавшій находить, что ему неловко. Селестина встала смущенная; она прошла по павильону робкою поступью ребенка, котораго только что побранили, и сѣвъ подлѣ кухни, спрятала лицо свое на плечо хорошенькой блондинки. Мадамъ Ренью воспользовалась ея позой, чтобъ погрозить Франсиу. Страстный любовникъ не перемѣнилъ еще своего положенія; онъ быстро сдѣлалъ поворотъ на полу, и очутился на колѣняхъ передъ госпожею Ренью, которая, увидѣвъ это, тотчасъ же почувствовала, какъ гнѣвъ ея растаялъ, и обезоруженная, простила его улыбкою.

Ничего не слыша съ нѣкотораго времени, и не понимая этого молчанья. Тесе попробовалъ поднять стору, которая зашумѣла, какъ отъ порыва бурнаго вѣтра.

Только одинъ Франсисъ понялъ причину этого внезапнаго шума и въ тоже время необходимость довести эту сцену до рѣшительнаго результата, и потому тотчасъ-же принялъ позу, болѣе приличную своей роли и порученію, данному ему другомъ.

— Позвольте мнѣ, сказалъ онъ громко, исполнить порученіе Тесе: что долженъ я ему отвѣчать?

— Мосье Драмонъ правъ, сказала въ свою очередь мадамъ Ренью съ какою-то материнскою важною: пора на что-нибудь рѣшиться. Если ты любишь Тесе, то все эти ссоры не что-иное, какъ пустяки; а если не любишь, то надо сказать объ этомъ отцу твоему, который вѣрно не станетъ принуждать тебя.

— Я не люблю его, и никогда его не любила, отвѣчала Селестина твердымъ голосомъ.

Драмонъ посмотрѣлъ на окно; ему хотѣлось видѣть, отворено ли оно; стора сильно зашевелилась, значило, что отвѣтъ молодой дѣвушки дошелъ по адресу.

Обратясь тогда къ Селестинѣ, съ выраженіемъ счастья во взорѣ и съ улыбкою на губахъ, Франсисъ сказалъ вкрадчивымъ голосомъ:

— Между тѣмъ вы приняли его предложеніе?

— Я была такъ молода и такъ глупа, отвѣчала Селестина, съ тѣмъ презрѣніемъ, которое чувствуютъ сердца, недавно посвященные въ таинства любви, при воспоминаніи объ ихъ младенческомъ незнаніи; бракъ этотъ нравился моему отцу, а мнѣ хотѣлось жить въ Парижѣ; и потому я приняла предложеніе вашего друга, не понимая всей важности общанія. Да и онъ самъ, вѣрно, не придаетъ этому большой важности. Къ счастью, опытъ доказалъ намъ обоимъ, что мы не рождены

другъ для друга. Я не обвиняю его, и признаюсь даже, если хотять, что вся вина моя была съ моей стороны. Всѣмъ кажется, что у меня много недостатковъ; что я капризна, неблагоприятна, даже зла. Я несовѣтъ съ этимъ согласна, но мнѣ такъ часто это повторяютъ, что наконецъ, я принуждена повѣрить. Слѣдовательно, мнѣ надо найти много снисхожденія въ человѣкѣ, который захочетъ на мнѣ жениться, продолжала молодая дѣвушка не столь твердымъ голосомъ. Мосье Тесье вовсе не былъ ко мнѣ снисходителенъ. Я не была бы съ нимъ счастлива, и въ этомъ я теперь убѣждена вполне. Я откровенна; а какъ отъ меня нельзя отнять этого качества, то онъ увидѣлъ бы, что я не люблю его, и можетъ-быть, это огорчало бы его. По этому вы видите, что отказывая ему, я совершенно права.

Франсисъ сталъ ходить по комнатамъ въ ужасномъ волненіи.

— А если онъ вернется? сказалъ онъ наконецъ: какъ вы его примите?

— Я повторю ему тоже самое, что вамъ сейчасъ сказала.

— Ну, а еслибъ онъ очутился здѣсь неожиданно, и сталъ бы умолять васъ? что вы ему скажете?..

— Я скажу: я не люблю васъ и никогда васъ не любила, отвѣчала Селестина поспѣшно; потому-что не знала, какъ понимать взгляды и рѣчи Франсиса.

Драмонъ такъ хорошо сообразилъ все свои движенія, что въ эту минуту очутился уже у окна, и такъ быстро схватилъ шнурокъ сторы, что она поднялась до самаго потолка еще скорѣе и неожиданнѣе, чѣмъ театральная занавѣсъ. Солнце волной хлынуло въ комнату и освѣтило дѣйствующихъ лицъ этой сцены, которыя сквозь балюстраду окна и жидкую зелень двухъ гераній увидѣли растерянную фигуру Аристиды Тесье. Мадамъ Реньо приняла его за вора и громко вскрикнула: Селестина въ ту же минуту узнала жениха своего, но не двинулась съ мѣста, какъ-будто окаменѣла; наконецъ, Драмонъ разыгралъ роль удивленнаго, какъ нельзя натуральнѣе, и наклонясь къ окну, сказалъ съ любезной миной.

— А! здравствуй, любезный Аристидъ, какъ твое здоровье?

Измученный отъ усталости, насилу стоя на ногахъ, съ расцарапанными объ желѣзную рѣшетку руками, Аристидъ, при неожиданномъ поднятіи занавѣса, почувствовалъ, какъ холодный потъ обдалъ его съ ногъ до головы.

Наконецъ, стараясь переломить себя и дѣлая надъ собою послѣднее усиліе храбрости, онъ хотѣлъ улыбнуться; но улыбка его приняла такое комическое выраженіе, что дамы, несмотря на стараніе удер-

жаться отъ смѣха, громко расхохотались и бросились отъ окна. Только Драмонъ сохранялъ неподражаемое хладнокровіе.

— Скажи на милость, что ты тамъ дѣлаешь, стоя на солнцѣ? точно какой-нибудь маляръ или штукатуръ, сказалъ онъ Аристиду, протягивая ему руку.

Тесье приподнялся, чтобъ перелѣзть черезъ окно; но вдругъ оробѣлъ: громкій смѣхъ снова раздался въ комнатѣ.

Съ истерзанною душою, уничтоженный скорѣе смѣшнымъ своимъ положеніемъ, чѣмъ усталостью и горемъ, Аристидъ до того потерялся, что не могъ долѣе поддерживать достоинство своей особы и тяжесть своего тѣла. Руки его опустились; такъ, что онъ скорѣе упалъ, чѣмъ сошелъ со стѣны, и полумертвый отъ гнѣва, побѣжалъ по дорогѣ, изгибы которой скрыли его отъ насмѣшливыхъ взоровъ.

— Надулъ! подстрѣлили! думалъ Франсисъ, глядя на исчезающаго друга; потомъ, разыгравъ пьесу, онъ опустилъ стору, и поворотясь къ дверямъ, очутился передъ мадамъ Реньо. Селестины не было больше въ комнатѣ; она вышла изъ павильона.

— Знали вы, что онъ тамъ? спросила блондинка притворно серьезнымъ тономъ.

— Зналъ, отвѣчалъ онъ тоже серьезно.

— И вамъ не совѣстно?

— Я влюбленъ.

— И вы думаете, что сказавъ это, вы всегда будете правы въ глазахъ женщины?

— Не думаю, а увѣренъ.

— Мадамъ Реньо подумала съ минуту.

— Вашъ другъ не довольно уменъ, чтобъ жениться на Селестинѣ, продолжала она; не скажу, чтобъ и у васъ было слишкомъ много ума, потому—что хочу щадить вашу скромность; но признаюсь, что совершенство, съ какимъ вы разыгрываете комедіи, заставляетъ меня бояться за будущее счастье Селестины, если предположить, что вы когда-нибудь сдѣлаетесь ея мужемъ. Точно ли вы ее любите?

— Отъ всей души! вскричалъ молодой человѣкъ съ такимъ выраженіемъ, какого бы не нашлось у самаго искуснаго актера.

— Я вѣрю вамъ, продолжала она, скрывая подъ улыбкою этотъ припадокъ меланхоліи. Теперь вы можете говорить съ дядюшкой; я не вижу причины отлагать ваше предложеніе.

— Не лучше ли получить прежде согласіе вашей кузины? отвѣчалъ Драмонъ съ скромнымъ видомъ. Я не знаю еще, любить ли она меня?

Мадам Реньо отвѣчала молодому человѣку проникательнымъ, глубокимъ взоромъ, и пожавъ плечами, отвортилась отъ него.

Несмотря на такую краснорѣчивую пантомиму, Драмонъ на другой день получилъ отъ самой Селестины согласіе; въ которомъ, по мнѣнію мадамъ Реньо, женщины проникательной, нечего было сомнѣваться; она видѣла это слишкомъ ясно. Потомъ Драмонъ пошелъ свататься къ старику Симару, который сперва былъ удивленъ; но узнавъ, что Тесье первый изъявилъ желаніе взять назадъ свое слово, и что дочь его вовсе не противилась этому желанію, добрый старикъ не заставилъ долго ждать своего согласія.

— Видно избранный мною женихъ ей не нравится сказалъ онъ: пусть теперь сама выбираетъ, я не стану ей поперечить.

Взбѣшенный при одной мысли объ оскорбленіи, угрожавшемъ его дочери, старый негодянтъ тотчасъ же написалъ бывшему жениху письмо, въ которомъ формально ему отказывалъ, и повидимому раздѣлялъ нетерпѣніе Франсиса, который ничего не жалѣлъ, чтобъ сократить свадебныя приготовленія. Все устроилось съ удивительною быстротою. Шестъ недѣль спустя послѣ навильоннаго событія, бракъ влюбленныхъ совершился.

Нѣсколько дней предъ тѣмъ, Драмонъ написалъ другу своему слѣдующую записку:

«Любезный Аристидъ, въ жизни бываютъ непонятныя превратности: два мѣсяца тому, ты увѣдомлялъ меня о своей женитьбѣ; а теперь, я увѣдомляю тебя о своей; и странная вещь, я женюсь на дѣвушкѣ, отъ которой ты отказался. Надѣюсь, что ни одинъ изъ насъ не станетъ оплакивать своего рѣшенія, а напротивъ, будетъ радоваться. Чтобъ доказать, что ты на меня не сердился, пріѣзжай на свадьбу, и прими обязанность шафера, которую ты на меня возлагалъ; тебя примутъ здѣсь, какъ друга; я отвѣчаю за всѣхъ. Свадьбы часто расходятся; но ничто, надѣюсь, не можетъ разорвать нашей давнишней и неизмѣнной дружбы».

Твой Ф. Драмонъ...

Тесье разорвалъ въ клочки письмо это и разбросалъ по полу; потомъ наполнилъ воздухъ самыми энергическими проклятіями, сопровождаемыми страшною клятвой мести; но внезапная смерть дяди его Маржолье, которому выдумка Драмона, повидимому, нанесла несчастіе, остановила эти припадки ярости, и принудила его ѣхать въ Бретань, гдѣ корыстолюбивыя заботы о наслѣдствѣ отвлекли его на нѣкоторое время отъ горькихъ воспоминаній и мстительныхъ замысловъ.

Любя другъ—друга свѣтлою и тихою страстью, молодые супруги покорялись скорѣе законамъ сердца, чѣмъ обществу. Посвященная въ тайна счастья, котораго она никогда даже и во снѣ не угадывала, Селестина чувствовала къ мужу своему совершенный восторгъ, смѣшанный съ благодарностью. Драмонъ, съ своей стороны, любилъ нѣжно и глубоко прелестнаго ребенка, участь котораго зависѣла отъ него, и съ каждымъ днемъ привязывался къ нему все сильнѣе.

Связаннымъ такою любовью, имъ казалось невозможнымъ, чтобъ облако хотя однажды помрачило это свѣтлое небо счастья; облако появилось однако, и можетъ—быть своимъ преждевременнымъ появленіемъ сдѣлало много добра молодымъ супругамъ, потому—что утрення гроза не такъ опасна.

Франсисъ былъ увлеченъ въ брачное море однимъ изъ тѣхъ быстрыхъ и непредвидимыхъ потоковъ, которые не даютъ ни силы выбиваться, ни времени разсуждать. Но теперь въ сердце его запала странная боязнь, которая какъ червякъ точитъ цвѣтокъ и отрываетъ у него листокъ за листкомъ. Недостатки Селестины, которые онъ считалъ ребячествомъ, пока былъ только свидѣтелемъ ея взышекъ, показались ему съ—тѣхъ—поръ, какъ онъ началъ искать ихъ и не находилъ, въ гораздо большихъ размѣрахъ. Онъ думалъ, что они уснули только, а не искоренились, и молчаніе это беспокоило его. Еслибъ Драмонъ былъ фатъ, то приписалъ бы собственнымъ достоинствамъ такую перемѣну въ характерѣ жены своей; но Драмонъ не былъ фатомъ, хотя и не имѣлъ слишкомъ дурнаго мнѣнія о своей особѣ. Ровность характера, всегдашняя кротость, замѣнившія прежнюю раздражительность Селестины, сначала восхищали его, потомъ начали удивлять, и наконецъ ужасно мучить, тѣмъ болѣе, что онъ старался скрывать свои чувства. Вѣря въ половину только перемѣнѣ, на которую никакъ не надѣялся, онъ приписывалъ ее разнымъ причинамъ, исключая настоящей. Онъ не зналъ, что любовь перерождаетъ человѣка.

— Лявица спитъ, но кто можетъ поручиться, что она не проснется во всей ярости, думалъ иногда Драмонъ, поглядывая украдкой на молодую женщину, взоръ которой уже не искрился, а томно покоился въ бархатныхъ зрачкахъ своихъ.

Боязнь, что лявица проснется, сдѣлалась его постоянною заботою, безпрестаннымъ беспокойствомъ, и заставила понемногу предписать себѣ систематическій планъ поведенія. Живой, пламенный, раздражительный, и самъ до крайности вспыльчивый, онъ покорилъ свой нравъ и подчинилъ себя самому строгому наблюденію за самимъ—собою. Драмонъ легко увлекался и часто былъ неразумителенъ; теперь онъ покорился

неумолимой осторожности и благоразумію. Онъ подавилъ разсудкомъ свой огненный характеръ, чтобъ залить малѣйшія искры, которыя своимъ прикосновеніемъ могли поджечь женскую селитру, взрыва которой онъ такъ страшился. Охраняя такимъ-образомъ денно и ночью супружескій миръ свой, онъ удалялъ, со всѣмъ возможнымъ тщаніемъ, всѣ элементы, могущіе служить матеріаломъ къ раздору. Самый ничтожный споръ, малѣйшее противорѣчіе становились невозможными, до того онъ боялся ихъ и старался предупредить. Благодаря мирной этой политикѣ, Селестина, идя по брачному пути, не чувствовала подъ ногами ни камней, ни черепиць, ни шиповъ; но зато, грустное возмездіе! ей скоро показалось, что и цвѣтовъ тоже было мало на этомъ пути. Франсисъ перешелъ за предѣлы цѣли. Безпрестанное наблюденіе за самимъ-собою сдѣлало его непринужденныя манеры натянутыми; охраняя себя отъ собственнаго увлеченія, онъ во всѣхъ случаяхъ выказывалъ зрѣлость сужденія, спокойствіе ума, однимъ-словомъ, то хладнокровіе, ту обдуманность, въ которыхъ молодое сердце должно было иногда находить больше разсудка, чѣмъ нѣжности и теплоты. А какъ невозможно было удовлетворить благоразумною любовью, такую женщину, какъ Селестина, пылкое воображеніе которой всегда выбирало ближайшія облака для построенія своихъ воздушныхъ замковъ, то, не находя въ мужѣ своемъ той восторженности и теплоты сердца, которыя ей казались естественными стихіями любви, она начала понемногу чувствовать то тягостное состояніе души, похожее на ощущеніе птицы, когда она бьется въ слишкомъ тяжелой для крыльевъ ея атмосферѣ; она находила Франсиса слишкомъ смирнымъ и серьезнымъ для его лѣтъ. Судя по наружности, потому-что у ней было больше хитрости, чѣмъ проникательности, она приняла спокойствіе и преждевременное глубокомысліе мужа своего за уменьшеніе любви. И такъ Селестина думала, что она уже не такъ любима, какъ прежде, и мысль эта, которая привела бы ее въ раздраженіе, еслибъ она была еще дѣвухой, повергла ее теперь въ мрачное уныніе; она совершенно упала духомъ, потому-что энергія, которую она сперва тратила въ малѣйшихъ своихъ движеніяхъ, теперь сосредочилась въ ея сердѣ. Изъ вѣчно раздраженнаго, взволнованнаго ребенка, любовь превратила ее въ женщину.

Однажды вечеромъ, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, молодые супруги, жившіе постоянно въ Парижѣ, сидѣли вдвоемъ въ ложѣ Комической-Оперы.

Селестина, опершись на спинку стула, сидѣла въ томной задумчи-

вості, и машинально смотрѣла на сцену, не глядя на актеровъ и не слушая музыки. Франсисъ тоже, казалось, былъ погруженъ въ думу.

Нѣсколько дней тому, онъ замѣтилъ грусть жены своей и старался отыскать тому причину, но не находилъ ее. Они просидѣли такимъ-образомъ все время представленія. Оба молчали, обращаясь другъ къ другу только изрѣдка; однимъ-словомъ, они находились въ такомъ расположеніи духа, которое обыкновенно бываетъ предвѣстникомъ супружескихъ несогласій.

Между зрителями, взоры которыхъ привлекала красота госпожи Драмонъ, особенно одинъ, одѣтый въ черное платье, сидѣлъ въ балконѣ и съ неутомимымъ вниманіемъ наблюдалъ за всѣмъ, что дѣлалось въ ложѣ Драмона. Это былъ Аристидъ Тесеъ, недавно возвратившійся изъ Бретани.

При видѣ супруговъ, въ сердцѣ его пробудилась досада, убаюканная на-время наслѣдствомъ Маржолье.

Грусть, выражавшаяся на лицѣ Селестины, озбоченный видъ Драмона заставили его заключить, что его бывший другъ и бывшая невеста несовѣсь-то счастливы. При этой мысли, сердце его забилося злобною радостью.

— У нихъ очень кислыя лица, подумалъ онъ, улыбаясь какъ Яго.

Тесею не спалъ всю ночь; имъ овладѣло непобѣдимое желаніе, жгучая жажда мести, и онъ придумывалъ, какъ бы ему почувствительнѣе отплатить измѣнившей ему четѣ. Во всякомъ другомъ случаѣ такое намѣреніе привело бы его въ негодованіе, потому-что отъ природы Тесею былъ честный человѣкъ; но теперь онъ съ жадностію ухватился за свою мысль, потому-что оскорбленное самолюбіе превращаетъ человѣка въ тигра.

На другой день, съ головы до ногъ вооружившись лицемѣріемъ, онъ отправился къ Драмону, который съ радостью встрѣтилъ своего бывшего друга.

— Такъ ты не сердись на меня? спросилъ Франсисъ съ немного насмѣшливой улыбкой.

— Ну, еслибъ мы даже и перерѣзались, это ни къ чему не повело бы, и мнѣ не было бы отъ этого легче, отвѣтилъ Аристидъ съ притворнымъ добросердечіемъ. Ты сыгралъ со мной прескверную шутку; но какъ я не могу тебя наказать, то поневолѣ долженъ простить.

Селестина вошла въ это время въ гостиную.

Увидѣвъ человѣка, за котораго должна была выйти, она нисколько не смутилась; онъ такъ мало сдѣлалъ впечатлѣнія на ея сердце, что она могла принять его съ радушною улыбкою, съ какою обыкновенно встрѣчаешь старинныхъ знакомыхъ. Этотъ спокойный и дружескій пріемъ

еще больше разжегъ гнѣвъ Аристиды, но онъ скрылъ свои чувства, и повидимому, отказался отъ всѣхъ воспоминаній о женщинѣ, совершенно его забывшей. Тесье съ перваго визита былъ какъ дома у своего друга, который вниманіемъ и услужливостью, казалось, хотѣлъ загладить вину свою и заставить Аристиду забыть все, что между ними было непріятнаго.

Въ короткое время, онъ вошелъ въ совершенную короткость и сдѣлался домашнимъ челоѣкомъ.

Чтобъ не допустить Драмона ни до какихъ подозрѣній, Аристидъ безпрестанно говорилъ, что намѣренъ жениться и часто совѣтовался съ нимъ объ этой мнимой свадьбѣ, которой, повидимому, былъ очень занятъ.

Аристидъ, въ ожиданіи минуты мщенія, старался всячески снискать расположеніе Селестины, и принялся терпѣливо за ремесло дамскаго угодника; онъ выпрашивалъ себѣ маленькія порученія, бѣгалъ, хлопоталъ, суетился, и все это изъ чистой, безкорыстной дружбы.

Вскорѣ въ вѣдомство его перешли: концертные билеты, наемъ ложъ въ театрахъ, списыванье романсовъ, рисованье узоровъ для вышивокъ, комиссія по моднымъ магазинамъ. Онъ сдѣлался необходимой потребностію въ домѣ.

Сначала, угожденія эти надоѣдали Селестинѣ, которая не умѣла скрывать своихъ впечатлѣній; но потомъ, при видѣ приторнаго селадонства Тесье, ею овладѣло одно изъ тѣхъ пагубныхъ желаній, которыя женщинамъ не всегда удается побѣдить, именно, мысль — возбудить ревность мужа и тѣмъ испытать любовь его. При пылкомъ характерѣ Селестины мысль не могла долго оставаться безъ осуществленія, и вотъ она вдругъ измѣнила холодное обращеніе съ бывшимъ женихомъ, и стала къ нему особенно ласкова.

Тесье тотчасъ же почувствовалъ эту переѣну, но ошибся въ петинѣ; любовь и самолюбіе слѣпы: онъ не замѣтилъ притворства, и возвращается вечеромъ домой, сказалъ себѣ съ самодовольною улыбкою:

— Ты отнялъ у меня невѣсту, Франсисъ, ну, такъ постой—же: посмотримъ, кто изъ насъ останется въ дуракахъ.

Глаза Франсиса еще не такъ ослабѣли, чтобъ онъ не замѣтилъ наконецъ коварныхъ замысловъ своего такъ—называемаго друга.

Первою мыслию Драмона было выбросить изъ окна коварнаго искушителя, но одно странное размышленіе удержало его и предписало поведеніе, совершенно противоположное этой системѣ короткой расправы.

— Селестинѣ только восемнадцать лѣтъ, думалъ онъ: она хороша, какъ пери, хотя, увы! и не такъ непоколебима, какъ она; слѣдователь-

но, меня ожидаютъ еще двадцать лѣтъ опасности, двадцать лѣтъ ежедневной борьбы, въ которой изнемогаютъ столько людей, достойныхъ лучшей доли. Мы не въ Турціи; я не могу водить жену подъ покровомъ или держать подъ замкомъ въ гаремѣ. Мы живемъ въ Парижѣ; Селестина выѣзжаетъ, всѣ ее замѣчаютъ, многіе, вѣроятно, ей желаютъ нравиться; слѣдовательно, борьба неизбѣжна. Почему жъ, въ такомъ случаѣ, не начать ее съ этого же дня? Когда опасность извѣстна, то она уже не такъ страшна, и коварство Тесею можетъ мнѣ быть скорѣе полезно, чѣмъ вредно. Онъ представляетъ собою довольно позволительный образчикъ изъ породы влюбленныхъ; прежняя привязанность даетъ ему надежду на успѣхъ, а положеніе его въ нашемъ домѣ дѣлаетъ его въ-самомъ-дѣлѣ опаснымъ: пусть же онъ ухаживаетъ за Селестиной, я позволяю ему, потому-что пробуютъ же оружіе въ день боя, чтобы увѣриться, что оно остро и не переломится въ схваткѣ. Если жена моя выйдетъ побѣдительницей, въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь, то я приобрету двадцать лѣтъ спокойствія и довѣрія, и потомъ уже, какъ будто ничего не вида, стану охранять свое счастье.

Принявъ это рѣшеніе, мудрость котораго мы не станемъ доказывать, Франсисъ продолжалъ ласкать Тесею попрежнему. Тогда между Селестиной и двумя друзьями-недругами начался тайный бой, что въ родѣ невидимой драмы, въ которой каждое дѣйствующее лицо показываетъ видъ, какъ-будто не принимаетъ близкаго участія въ ходѣ дѣла.

Чѣмъ Драмонъ былъ спокойнѣе, тѣмъ жена его была кокетливѣе; такимъ образомъ, не понимая другъ-друга, оба обманывали Тесею, который одинъ только, несмотря на свои извилистыя козни, никого не обманывалъ.

Селестина первая устала притворяться; это было несвойственно ея характеру. Невозмутимое спокойствіе мужа показалось ей обидой; въ преувеличенномъ довѣрїи его она видѣла неоспоримое доказательство равнодушія, которое оскорбляло ее до глубины души. Въ отчаяніи, что не можетъ ему внушить ту бѣшенную ревность, на которую пылкія женщины смотрятъ снисходительно, какъ на доказательство любви, она изнемогла отъ своего притворнаго кокетства; но кокетство это, не имѣя больше цѣли, казалось ей гадкимъ, презрѣннымъ; душой ея овладѣло глубокое уныніе, въ которое, послѣ долгой борьбы, всегда впадаютъ разочарованныя сердца.

Увидѣвъ эти признаки, Драмонъ задрожалъ; онъ приписывалъ тоску жены своей угрызениямъ совѣсти, которая всегда пробуждается въ благородной душѣ отъ первыхъ прикосновеній недостойной страсти.

Аристидь думалъ тоже, и радуясь въ тайнѣ, немедленно пустилъ въ ходъ тактику, въ дѣйствительности которой онъ не сомнѣвался.

Каждый разъ, какъ онъ замѣчалъ легкое облако на лицѣ Селестины, или слѣды слезъ на глазахъ ея, онъ ворковалъ нѣжнымъ голосомъ слѣдующее предложеніе, форму котораго варьировалъ на разные лады, не измѣняя однакожъ главной мысли:

— Вы погибли для меня, но у меня осталось еще одно утѣшеніе— ваше счастье, которымъ вы теперь наслаждаетесь, и это облегчаетъ мое горе.

Если станешь такимъ образомъ говорить женщинѣ сто разъ въ день объ ея счастья, то, разумѣется, она начнетъ въ немъ сомнѣваться.

Селестина, не вѣрившая уже въ свое счастье, чувствовала ужасное стѣсненіе сердца каждый разъ, когда лицемѣрное это поздравленіе выходило на сцену; хотя оно было прикрыто участіемъ, но не менѣе того страшно терзало ее. Наконецъ она сбросила съ себя это иго.

— Счастье! вскричала она, выходя изъ себя, однажды вечеромъ, сидя вдвоемъ съ Аристидомъ. Когда вы перестанете говорить о моемъ счастья?

Аристидъ вздрогнулъ, какъ охотникъ, завидѣвшій дичь, давно имъ ожидаемую.

— Развѣ я ошибся? сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ. Я считалъ васъ самою счастливою женщиною въ мірѣ.

Мадамъ Реньо путешествовала съ мужемъ своимъ по Швейцаріи, Селестинѣ некому было повѣрять своихъ задушевныхъ мыслей, а довѣріе — благотворный клапанъ, который если запертъ, то страждущему сердцу становится невыносимо душно.

Въ эту минуту потребность облегчить сердце сдѣлалась для Селестины тѣмъ больше непреодолима, что долго была подавлена. Тайная скорбь молодой женщины, вырвалась наружу, хотя она старалась еще удерживать ее. Наконецъ, не будучи въ состояніи крѣпиться, она отвѣчала на вопросъ Аристида судорожнымъ рыданіемъ.

— Что съ вами? скажите ради Бога! Что значать эти слезы? спрашивалъ хитрецъ, отнимая платокъ, которымъ Селестина зажимала себѣ ротъ и глаза.

— Онъ не любитъ меня! отвѣчала Селестина, опускаясь съ отчаяніемъ въ кресло.

Это простосердечное восклицаніе не совсѣмъ-то понравилось Тесье; но скрывъ досаду свою, онъ продолжалъ сладкимъ голосомъ:

— Милая Селестина, умоляю васъ, откройте мнѣ свое сердце; если у васъ есть какое горе, кому же вы его повѣрите, какъ не мнѣ,

вашему преданнѣйшему другу;—вы вѣрно считаете меня своимъ другомъ? не правда ли, Селестина? Я былъ бы слишкомъ несчастливъ, еслибъ вы сомнѣвались въ моей привязанности потому только, что у меня нѣтъ довольно смѣлости выказать всю ея безпредѣльность. Такъ не удерживайте же слезъ своихъ, а доставьте мнѣ грустное счастье осушить ихъ.

Вкрадчивыя слова эти достигли своей цѣли. Селестина не смотрѣла уже на него, какъ на прежняго забавнаго обожателя, но какъ на искренняго друга, готоваго ее слушать, и способнаго, можетъ-быть, понять ее.

— Мой добрый, милый Аристидъ, отвѣчала она, не стараюсь больше удерживать слезъ своихъ: я совсѣмъ не такъ счастлива, какъ вы думаете; это будетъ слишкомъ долго вамъ рассказывать. Вы знаете мой характеръ, и знаете тоже, что несмотря на мои недостатки, у меня доброе сердце и что ласкою изъ меня все можно сдѣлать; а онъ не понялъ этого. Онъ не любитъ меня! говорю вамъ, что не любитъ! Помните ли, когда вы были женихомъ моимъ, я часто бывала очень зла; вы тоже, въ свою очередь, сердились; но наши маленькія ссоры, несмотря на то, что вы мнѣ нравились, не оставляли въ сердцѣ моемъ ни малѣйшей горечи. Когда бывало я побраню васъ, то ужъ больше не сержусь. Я никогда о васъ не думала, потому-что не любила; а его люблю! Я обожаю его, Аристидъ! Не правда ли, какъ я несчастлива?

Въ эту минуту Тесье узналъ, что должность повѣреннаго не совсѣмъ пріятна.

— Такъ онъ съ вами не хорошо обходится? спросилъ Аристидъ, кусая себѣ губы.

— Какъ можно! Право не знаю, какъ вамъ сказать! Онъ чрезвычайно добръ, имѣетъ ко мнѣ неограниченное довѣріе; чего я хочу, того и онъ хочетъ, малѣйшія желанія мои исполняются прежде, чѣмъ я успѣю ихъ выговорить, такъ, что я не успѣваю и придумывать новыя желанія; даже капризы мои... ахъ!.. только у меня нѣтъ больше капризовъ; они тогда бываютъ, когда человекъ счастливъ! Однимъ-словомъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ я замужемъ, мы ни разу не ссорились, даже не подумали объ этомъ. Слѣдовательно, судя по наружности, я не имѣю права жаловаться; но я васъ спрашиваю, Аристидъ: можетъ ли сердце жить безъ любви?

— Нѣтъ, не можетъ! отвѣчалъ Тесье, поднимая глаза къ потолку: сердце... любовь...

Селестина перебила его.

— Еслибъ вы знали, продолжала она, какъ въ началѣ жлзнь ка-

залась мнѣ прекрасною! Счастье мое было ни съ чѣмъ несравнимо. Любовь моя къ нему до того меня измѣнила, что вы не узнали бы меня; я сама себя не узнавала; характеръ мой, прежде строптивый, непреклонный, смягчился безъ всякаго усилія; я, которая отъ роду никому не повиновалась, никого не слушалась, я старалась угадывать, по выраженію лица, его волю, читать въ глазахъ его желанія; ничто не раздражало меня, я никогда не сердилась; наконецъ, вы не повѣрите, я перестала быть злою! Не правда ли, онъ могъ, онъ долженъ былъ любить меня? Вы вѣрно любили бы меня на его мѣстѣ?

— О!.. вскричалъ домашній другъ, не успѣвшій ничего сказать болѣе.

— А онъ!.. онъ не любитъ меня, продолжала Селестина съ уныніемъ. Нѣжность моя, кажется, иногда больше надобѣдаетъ ему, чѣмъ правится. Если онъ замѣчаетъ, что я увлекаюсь и слишкомъ живо выражаю чувства, то я вижу въ глазахъ его какое-то безпокойство, но въ нихъ нѣтъ и тѣни счастья; вмѣсто словъ нѣжныхъ, теплыхъ, пламенныхъ, я слышу отъ него только холодныя, обдуманныя фразы, которыя падаютъ мнѣ на сердце, какъ кусокъ льду. Сталъ ли бы онъ стараться охладить любовь мою, еслибъ не чувствовалъ, что не можетъ отвѣчать на нее такою спяльною любовью?

— Такъ вы думаете, что онъ васъ не любитъ? сказалъ Тесье, коварно настаивая на этомъ главномъ пунктѣ.

— Я въ этомъ увѣрена, отвѣчала съ жаромъ Селестина. Хотите доказательствъ? Когда вы стали къ намъ ѣздить, я принимала васъ ласково, даже была съ вами особенно любезна, потому-что рѣшилась испытать Франсиса и угадать, что происходитъ въ душѣ его. Вы не разсердитесь за то, что я скажу вамъ? Другу во всемъ можно признаться. Такъ знайте же, радость которую я выказывала, когда вы пріѣзжали, любезность моя, наконецъ кокетство... все это было не для васъ, а для него; я хотѣла наказывать его, помучить, заставить ревновать. Развѣ я успѣла? Вы вѣрно поняли мое поведеніе; я въ этомъ убѣждена; вы очень хорошо знаете, что я не люблю васъ, что я васъ любить не могу; но развѣ онъ можетъ знать мое сердце такъ, какъ я знаю? Еслибъ онъ дорожилъ моею любовью, то вѣрно сталъ бы бояться, что другой можетъ ее у него похитить? Еслибъ онъ любилъ меня, наконецъ, онъ сталъ бы ревновать. А развѣ онъ ревнуетъ? отвѣчайте. Вы бываете у насъ каждый день, каждый часъ, а онъ даже и не замѣтитъ этого, не замѣчаетъ и того, что вы за мной ухаживаете. Помнитъ ли онъ, что было время, когда вы должны были жениться на мнѣ, и понимаетъ ли, что короткость, которую онъ мало

того, что допускаеть, но даже поощряеть, можетъ быть опасна для меня? А ему все равно! Ему нѣтъ и дѣла до этого! Вотъ вы сидите тутъ битыхъ два часа, мы совершенно одни, глазъ на глазъ, онъ это знаетъ, но нисколько не заботится. Онъ вышелъ, когда вы вошли, и не думаетъ возвращаться. Аристидъ, онъ не любитъ меня, а я такъ люблю его!

На этотъ разъ утѣшитель не покушался отирать слезъ, которыя текли крупными каплями по щекамъ Селестины.

Простосердечное признаніе это развѣяло однимъ дуновеніемъ всѣ его воздушные замки, и озадачило его до того, что онъ не могъ, нѣсколько времени ни пошевелиться, ни выговорить слова; брови его сдвинулись, губы дрожали. Онъ пришелъ, однако, въ себя. Такой ударъ самолюбію придалъ новую силу его злобѣ, и навелъ его на темную тропинку клеветы.

— Я давно знаю Франсиса, сказалъ онъ вдругъ задумчиво, и никогда не замѣчалъ въ характерѣ его той холодности, въ которой вы его упрекаете; напротивъ, онъ всегда былъ полонъ восторговъ, увлеченья, и понималъ всякое чувство пылко, горячо. Если правда, что онъ васъ не любитъ, такъ это не потому, чтобъ онъ былъ совершенно равнодушень...

— А потому, что я ему больше не нравлюсь, сказала Селестина, грустно опустивъ голову.

Аристидъ съ недоумѣніемъ покачалъ головою.

— Тутъ должна быть другая причина, сказалъ онъ, помолчавъ немного.

— Какая же? спросила она поспѣшно, глядя ему пристально въ лицо.

Домашній другъ, не отвѣчая, опустилъ голову.

— Какая же причина? повторила Селестина, возвысивъ голосъ.

— Ужъ я и то слишкомъ далеко зашелъ, отвѣчалъ іезуитъ: впрочемъ, это только заключеніе; но какъ предполагать, чтобъ съ совершенно свободнымъ сердцемъ можно было васъ не любить?

— Такъ онъ любитъ другую? другую? вскричала Селестина, вскакивая съ креселъ.

Глаза ея пылали яростью. Львица проснулась, чего такъ давно боялся Драмонъ.

— Я не говорилъ, что онъ любитъ другую, отвѣчалъ Тесье, притворяясь, будто раскаявается въ своей неосторожности.

— Нѣтъ, вы сказали, перебила съ бѣшенствомъ Селестина. Теперь вы хотите меня обманывать; но я все по лицу вашему вижу.

Онъ любить другую! Хорошо! Тайна открыта. Отвѣчайте мнѣ... потому-что вы все знаете, я въ этомъ увѣрена; можетъ-быть, вы его повѣренный. А! онъ любить другую! Я убью его! Нѣтъ, я совершенно спокойна; да говорите же, вы видите, что я спокойна!

Аристидъ слишкомъ далеко зашелъ, чтобъ отступать назадъ въ эту минуту, и потому началъ искать въ воображеніи своемъ какой-нибудь измѣны, пригодной на этотъ случай, которую онъ могъ-бы очернить Франсиса. Вѣдя, что Драмона, какъ мужа, не чѣмъ было попрекнуть, онъ началъ отыскивать въ памяти своей разныя приключенія изъ холодной его жизни; а какъ взрывы гнѣва и нетерпѣнія допрашивающей не давали ему времени ничего придумать, онъ остановился на первомъ воспоминаніи, пробудившемся въ его памяти.

— Я ничего не знаю вѣрнаго, а только подозреваю... сказалъ онъ сострадательнымъ тономъ: но видя васъ въ такомъ состояніи...

— Ничего... я не плачу, отвѣчала Селестина, отирая слезы: только говорите... развѣ вы хотите уморить меня?

— Любовь, о которой я невольно намекнулъ, существовала еще долго до вашей свадьбы, и вы почти не имѣете права оскорбляться ею. Я помню, что Франсисъ говорилъ мнѣ объ этомъ въ тотъ самый день, какъ пріѣхалъ къ вамъ въ домъ, чтобъ быть моимъ шаферомъ.

— Ну!.. сказала Селестина, насилу переводя духъ отъ волненія.

— За нѣсколько времени предъ тѣмъ, онъ встрѣтилъ въ маскарадѣ одну прелестную особу, если вѣрить его описанію...

— Въ маскарадѣ.

— Да, въ маскарадѣ Оперы.

— А имя этой женщины?

— Имени ея я не знаю; онъ и самъ не зналъ его тогда. Вотъ все, что я узналъ отъ него: ихъ было двѣ дамы; онѣ сидѣли въ ложѣ третьяго яруса. На пальцѣ одной изъ нихъ было надѣто сверхъ перчатки изумрудное кольцо, а у другой въ рукѣ была роза, желтая роза.

Селестина вскочила, какъ-будто какая электрическая сила управляла ею; но снова тотчасъ же упала въ кресла, гдѣ оставалась неподвижна, почти безъ сознанія.

Аристидъ продолжалъ:

— Другъ Франсиса, войдя въ ложу, дерзко сорвалъ маску съ желтой розы; тогда мужъ вашъ увидѣлъ такое возмущительное лицо, что у него не доставало словъ описать его.

— Такъ она ему понравилась, онъ говоритъ, что она была хорошенькая? спросила Селестина дрожащимъ голосомъ.

— Да, онъ находить, что она обворожительна! Надо было слы-

шать, какъ онъ ею восхищался. Наконецъ, такъ-какъ вы принуждаете меня все сказать, онъ влюбился въ нее, и до того влюбился, что на другой день вышелъ изъ-за нея на дуэль съ другомъ своимъ, чтобъ наказать его за оскорбленіе, нанесенное такой обворожительной женщиной.

— Онъ нашелъ, что она хороша... и полюбилъ... съ перваго взгляду... и дрался за нее... пробормотала Селестина, по лицу которой лились обильныя слезы, между-тѣмъ, какъ губы ея были полуракрыты улыбкою.

Вдругъ она схватила обѣ руки Ариетиды, и сжимая ихъ съ судорожною силою, вскричала:

— Еслибъ вы потребовали моей жизни, я отдала бы вамъ ее; но за счастье, какимъ я вамъ обязана, ничѣмъ нельзя вознаградить.

Ариетидъ думалъ, что она съ ума сошла, и отодвинулъ свое кресло.

Въ эту самую минуту дверь отворилась, и Драмонъ, который съ перваго взгляда замѣтилъ волненіе разговаривающихъ, остановился на порогѣ; онъ поблѣднѣлъ, думая, что сдѣлался жертвою своего испытанія.

Услышавъ стукъ дверей, Селестина встала, но ноги ея подкосились; наконецъ, собравъ все силы, она бросилась къ мужу, повисла у него на шеѣ, и такъ крѣпко обняла, какъ-будто хотѣла его задушить.

— Гадкій! обманщикъ! лгунъ! говорила она, перебивая каждое слово поцѣлуемъ. А! вы разыгрываете комедіи, и находите недостойнымъ открывать сердце свое такому ребенку, какъ я. Посмотрите на этого холоднаго и благоразумнаго человѣка; онъ боится слишкомъ любить жену свою, а между-тѣмъ дерется за какую-нибудь дрянную маску.

При видѣ Драмона, Ариетидъ, по обычаю влюбленныхъ, застигнутыхъ мужемъ, схватилъ свою шляпу. Нежданный оборотъ супружескаго объясненія доказалъ ему, что присутствіе его и даже посѣщенія сдѣланы излишними. Пристыженный, какъ лисца въ баснѣ, онъ молча проскользнулъ къ дверямъ, и исчезъ изъ комнаты. Хозяева даже и не замѣтили отсутствія своего домашняго друга.

— Такъ тебѣ рассказали мои глупости? спросилъ Франсисъ, ласково обнимая жену свою.

— Глупости! повторила Селестина, очаровательно надувъ свои прелестныя губки: знаете-ли, что такое глупость? Это ваше благоразуміе! Развѣ у насъ не достанетъ времени сдѣлаться степенными? Но меня предупредили, и когда вы еще захотите обманывать меня, злой человѣкъ, я вамъ больше не повѣрю; потому-что знаю теперь, что вы и не думаете быть холоднымъ, серьезнымъ, или разсудительнымъ; напротивъ, вы неблагоразумны, неблагоразумны такъ же, какъ я, слышите вы это? Вы дрались на дуэли... О! еслибъ я была мужчиной, я бы тоже дра-

лась! Но вамъ, вамъ нельзя больше драться... Помните, что я вамъ запрещаю. На этотъ разъ я васъ прощаю, потому только, что это было за меня, за меня, неблагодарную, которая думала, что ты меня не любишь. Но вѣдь ты любишь меня? неправда ли?

— А ты сомнѣвалась?

— Да какъ еще! Еслибъ ты зналъ, какъ я страдала! Умоляю тебя, не испытывай меня больше. Зачѣмъ бояться показывать мнѣ любовь свою? Ты боишься, что я сдѣлаюсь гордою?

— Нѣтъ, не боюсь; по ты такъ неблагоприятна! Что станетъ съ нами, если я не буду уменъ за обоихъ?

— Послушай, раздѣлимся. Будь помоложе, я буду постарше. О! ты можешь быть спокоенъ: сердце мое еще очень молодо, но когда я захочу, то на плечахъ у меня вырастаетъ мудрая стариковская голова. Чтобъ придать болѣе вѣсу словамъ своимъ, Селестина дотронулась пальцемъ до бѣлаго и гладкаго, какъ слоновая кость, лба своего. Такъ я тебѣ съ перваго взгляда поправилась? А я тебя не узнала! Ты былъ такой смѣшной съ этимъ гадкимъ носомъ. Какъ Гортензія будетъ смѣяться, когда узнаетъ все это! Какъ это будетъ забавлять насъ! И ты дрался за меня, душка; но вѣдь въ послѣдній разъ? не правда-ли? Еслибъ тебя ранили, я умерла-бы съ горя! Къ тому-жъ ты долженъ знать, что я ревнива, страшно ревнива! Я только сейчасъ открыла въ себѣ этотъ новый недостатокъ. Да не давай же мнѣ такъ много говорить. Зажми мнѣ ротъ рукой. Я такъ люблю тебя, что съ ума сойду отъ безпрестаннаго повторенія одного и того же.

Франсисъ прижалъ ее къ сердцу, и въ-самомъ-дѣлѣ зажалъ ей ротъ только не рукой, но долгимъ и горячимъ поцѣлуемъ.

АРАБСКІЯ БАССИДЫ.

ВЕРБЛЮДЪ.

Вдоль по степи пустой легкой рысью бѣжитъ
Молодой и красивый верблюдъ,
И на немъ бедуинъ запыленный сидитъ,
Зорко въ яркую даль онъ нагнувшись глядитъ,
Чутко взоры врага стерегутъ.
Но пуста и тиха степь вокругъ съдока,
Нарушаетъ лишь бѣгъ тишину;
Продрожить вѣтерокъ на бурнусѣ слегка,
И не бьетъ сынъ степей бѣгуна подь бока,
Волю даль своему бѣгуну;

Повернулся на немъ, къ его шеѣ крутой
 Прислонившись, спокойно онъ легъ,
 По плечамъ распустилъ свой платокъ расписной
 И закрылъ все лицо имъ отъ пыли сѣдой,
 Положивши ружье поперегъ;

Свѣсилъ смуглыя ноги съ обѣихъ сторонъ,
 Задремалъ; и привольно ему,
 И покойно лежать, и ѣздой утомленъ,
 Тихой качкой верблюда доволенъ былъ онъ,
 И верблюду сказалъ своему:

«Эй! корабль мой степной, мой верблюдъ молодой,
 Не спиши, укроти быстрый бѣгъ,
 Ты усталъ на пути, тебѣ нуженъ покой,
 Благородный верблюдъ, я доволенъ тобой,
 Тебѣ славный готовятъ ночлегъ.

Солнце грѣетъ еще, и пора не пришла,
 И къ чему мнѣ мой бѣгъ ускорять?
 До ночи далеко! Гюльза слово дала,
 Какъ на землю сойдетъ ночи черная мгла,
 У колодца меня подождать.

Не спиши, мой бѣгунъ! время тихо идетъ
 И какъ ты, удалой, не летитъ,
 И пока ночи мракъ на поля не падетъ,
 Ты послушай меня, уменьшая твой ходъ,
 Расскажу я одну изъ кассидъ.

Про верблюда тебѣ, про степное житье,
 Про красавца лихаго Али,
 И еще,—не забудь же ты слово мое,
 Устрями мой бѣгунъ все вниманье свое,
 Про султана изъ франкской земли.

2.

«Подъ тѣню пальмы, вблизи у ручья,
 Гдѣ брызжетъ игриво на зелень струя,
 Гдѣ свѣжій кустарникъ и травы степныя
 Вбираютъ корнями струй капли живыя,
 Гдѣ яркіе пышно цвѣты разцвѣли,
 Лежалъ въ снѣ глубокомъ Геджидъ-эль-Али,
 Великимъ пророкомъ любимый,
 Всѣмъ родомъ и племенемъ чтимый.

Вблизи бедуина верблюдъ отдыхалъ,
 Онъ мягкую зелень спокойно щипалъ;
 Веселый, довольный, верблюдъ бедуину
 Былъ вмѣсто отца, или брата, или сына,
 Его одного лишь любилъ сирота, —
 А какъ та любовь высока и чиста!
 И съ дѣтства питомца пустыни
 Любилъ бедуинъ.....

Былъ строенъ, былъ силенъ прекрасный верблюдъ
 Съ полей Йемена, оазиса Грутъ;
 Весь въ шерсти волнистой, и ярко блестя
 Живые глаза, какъ у быстрой газели;
 Какъ былъ на бѣгу онъ красивъ и легокъ,
 Какъ стройныя ноги взбивали песокъ,
 И какъ онъ любилъ властелина,
 Пустыни отважнаго сына.

Вдругъ черная точка свергнула вдали,
 Но спалъ беззаботно Геджидъ-эль-Али,
 А точка темнѣла, росла, приближалась:
 Вотъ масса густая вдали показалась;
 Въ пустынѣ промчался вдругъ отзывъ глухой,
 Явился вдругъ Франковъ воинственный строй,
 И шелъ ихъ отрядъ запыленный
 По степи, путемъ утомленный.

И голову поднялъ верблюдъ отъ земли,
 И будить сердито ногою Али.

И всталъ бедуинъ, и глаза протирая,
 Онъ смотритъ на массу, а пыль поднимая,
 Летятъ къ нему гордо пять всадниковъ въ рядъ,
 И очи араба пылають, горятъ,
 И жадно слѣдитъ онъ очами
 За всѣми пятью сѣдоками.

И первый къ нему подсекалъ мамелюкъ,
 Коня осадилъ онъ и брякнулъ мундштукъ,
 И конь горделиво тряхнулъ головою,
 И шеей крутою, ударилъ ногою,
 И всадникъ погладилъ лихаго, а самъ
 Сказалъ бедуину обычный селамъ,
 Прибавивъ: «Мой братъ, успокойся!
 Друзья мы! и насъ ты не бойся!»

— «Али не боялся враговъ никогда!
 Отъ многихъ умчаться бѣ онъ могъ безъ труда,
 Но самъ онъ два дни ужъ здѣсь васъ дожидался,
 Для васъ онъ съ родимою ставкой разстался,
 Онъ зналъ, что пройдетъ здѣсь, взбивая песокъ,
 Султанъ Буонаберди, могучій пророкъ!
 Здѣсь ждалъ, чтобъ увидѣть его я.
 Гдѣ онъ? покажи мнѣ героя!...»

Межъ-тѣмъ всѣ гяуры столпились вокругъ;
 Одинъ усмѣхнулся сказавши: «Мой другъ!
 Султанъ Буонаберди стоитъ предъ тобою!»
 И палъ бедуинъ на песокъ головою,
 И жадно одежду вождя цѣловалъ,
 И жадно очами его пожиралъ,
 И взглядомъ его очарованъ,
 Стоялъ онъ, разстроганъ, взволнованъ.

И вотъ что волшебникъ ему говорилъ:
 «Когда такъ меня ты, не зная, полюбилъ,
 Прошу тебя, сдѣлай теперь мнѣ услугу,
 Не такъ какъ султану, какъ брату, какъ другу!»
 И клялся Али бороною отца
 И честью араба, степей удалца,—

Пожертвовать жизнью султану.
— «Я требовать жизни не стану»

Султанъ отвѣчаетъ, — но труднымъ путемъ,
И солнцемъ палящимъ и жгучимъ пескомъ,
И тряскою рысью коня молодого
Разбить я, измучень; не сяду я снова
Въ сѣдло, и тебѣ здѣсь коня моего
На память дарю я — возьми ты его,
А мнѣ на дорогу покуда,
Отдай своего ты верблюда!»

И въ первый разъ въ жизни араба глаза
Смочила, затмила, налившись, слеза.
И долго смотрѣлъ онъ въ глаза чародѣя,
Убитый тоскою, дрожа и блѣднѣя,
Потомъ онъ на шеѣ верблюда повисъ,
И слезы ихъ вмѣстѣ смѣшались, слились,
Не могъ отъ него оторваться, —
Такъ тяжело имъ было разстаться!

Но онъ чародѣю не могъ отказать;
Взглянувъ тотъ — и жизнь онъ готовъ былъ отдать.
Султанъ, отъѣзжая при музыкѣ ратной,
Сказалъ: «Возвращу я верблюда обратно,
Когда я поѣду при громѣ побѣдъ
Изъ Сиріи весь завоевывать свѣтъ,
Верблюда отдамъ здѣсь тебѣ я!»
И скрылись полки чародѣя.

И дни шли за днями своей чередой,
И снова полки показались стѣной,
Нестройною массой и кони и люди,
И ѣхалъ печально султанъ на верблюдѣ
Худомъ, изнуренномъ; подѣхавъ къ ручью,
Великій волшебникъ пилъ жадно струю,
И дальше въ дорогу собрался,
Но дальше верблюдъ отказался.

И сталъ онъ на мѣстѣ, ни шагу впередъ;
 Тащили и били—ничто не беретъ.
 Султанъ, раздраженный, съ верблюда слезаетъ,
 Идетъ и на что-то ногой наступаетъ,
 Нагнулся, и видитъ въ песку и пыли,
 Изсохшія кости лежатъ на земли...

И грустный султанъ догадался,
 Зачѣмъ здѣсь верблюдъ оставался!

Погладивъ верблюда по шеѣ крутой,
 Сказалъ онъ: «Прощай же, другъ вѣрный, прямой!
 Ты тотчасъ же кости узналъ господина,
 Степей безграничныхъ питомца и сына,
 Исчахъ ты въ чужбинѣ, араба любя,
 А умеръ онъ здѣсь, дожидась тебя!

Прощай же, верблюдъ благородный!
 Умри здѣсь на волѣ, свободный.»

И скрылся волшебникъ съ полками вдаль,
 И тѣни ночныя на землю легли,
 И голодомъ, жаждой, путемъ утомленный,
 Стоялъ надъ костями верблюдъ изнуренный,
 И желтыя кости онъ чутко стерегъ;
 На утро онъ вынести больше не могъ,
 И тѣло питомца пустыни
 Легло близъ костей господина.»

3.

И окончивъ разсказъ, бедуинъ задремалъ,
 Позабывши и горе и трудъ.
 А вдаль солнца лучъ потухалъ, догоралъ,
 Вдоль по степи пустой легкой рысью бѣжалъ
 Молодой и красивый верблюдъ.

II.

БУОНАБЕРДИ.

Вотъ что говорилъ семерымъ сыновьямъ
Въ Аравіи знойной Эмиръ-Ибнъ-Арамъ:

«Удалые дѣти разгульныхъ степей,
Во имя Аллаха! скорѣй на коней!
Берите и ружья и сабли кривыя,
Привѣсьте кинжала ножны костяныя.
Пришлецъ нечестивый изъ франкской земли
Явился неожиданно и ввелъ корабли
Въ покойное устье широкаго Нила.
Его чародѣйство уже побѣдило
Лихихъ мамелюковъ, отваги сыновъ,
Но намъ неопасенъ невѣрнаго ковь.
Покорныя волѣ всевластнаго рока,
Мы все правовѣрные, дѣти пророка,
Мы въ Меккѣ далекой бывали не разъ,
И камень Каабы лобзали, молясь.
Къ далекому Нилу вамъ надо спѣшить,
За падшихъ собратій своихъ отомстить.
Пусть будетъ терзаться пришлецъ пораженный,
Пусть плачутъ невѣрныя франкскія жены
По братьяхъ убитыхъ, по мертвыхъ мужьяхъ!
Спѣшите! да будетъ надъ вами Аллахъ!»

Вотъ что говорилъ семерымъ сыновьямъ
Въ бояхъ посѣдѣлый Эмиръ-Ибнъ-Арамъ.

И очи у храбрыхъ грозой засверкали;
Разспросовъ и слезъ удалцы не теряли,
Но взявъ дорогое оружье свое:
Дамасскую саблю, съ насѣчкой ружье,

Надвинувъ на брови тюрбанъ свой зеленый,
 За поясъ заткнувъ пистолетъ свой граненый,
 Отважно, съ размаху вскочивъ на сѣдло,
 И желтое грозно нахмурилъ чело,
 Съ отцемъ посѣдѣлымъ угрюмо простились,
 Какъ страусы дружно въ дорогу пустились
 И гордые кони, питомцы степей,
 Летѣли и молнии и вѣтра быстрѣй,
 Лишь только копыты по степи звучали,
 Да въ облакѣ пыли изъ согнутой стали
 Клинокъ обнаженный блисталь полосой,
 Какъ на небѣ мѣсяцъ ночью порой.

И время въ разлукѣ бѣжить и летить,
 Эмиръ посѣдѣлый тоскуетъ, груститъ.
 Вотъ разъ, какъ къ закату приблизился день,
 И ночь разостлала прохладную тѣнь,
 Молился и думалъ Эмиръ-Ибнъ-Арамъ:
 «Вернуться ль моимъ удалымъ сыновьямъ?
 Въ объятья родныя дѣтей я прижму ли?
 Иль всѣхъ поразили ихъ франкскія пули,
 И въ чуждой землѣ, подъ навѣсами скалъ
 Ихъ сырые трупы терзаетъ шакаль,
 Иль вѣтеръ ихъ кости по степи разноситъ,
 Пескомъ раскаленнымъ самумъ ихъ заноситъ,
 И вьется лишь коршунъ, питомецъ степей,
 Надъ прахомъ родимыхъ, любимыхъ дѣтей!..»

И грустно поникнулъ сѣдой головой
 Эмиръ посѣдѣлый, эмиръ удалой.

Не вѣтеръ, крылами шума и свистя,
 По степи безплодной рева и летя,
 Вздываетъ и роетъ песокъ раскаленный,
 То всадники мчатся. И вотъ изумленный
 Старикъ поднимаетъ сѣдую главу,
 И думаетъ: «Всадниковъ я подзову,
 Въ палаткѣ моей угощу запоздалыхъ,
 Коней напою, накормлю ихъ усталыхъ,

И радостнѣй сердцу при добрыхъ гостяхъ,
И тамъ награждаетъ за это Аллахъ!»

Встаетъ онъ съ порога, толпа удалыхъ
Все ближе и ближе; привѣтствовать ихъ
Идетъ посѣдѣлый и храбрый эмиръ.
«Да будетъ надъ вами, о странники, миръ!
Съ дороги уставши, въ шатеръ небогатый
Войдя, отдохните!» И рой тотъ крылатый,
Съ коней соскочивши, къ нему побѣжалъ,
Старикъ въ ихъ объятья родныя упалъ,
И дѣтямъ своимъ, удалымъ сыновьямъ,
Сквозь сладкія слезы сказалъ Ибнъ-Арамъ:

«О милые дѣти, мои сыновья,
Безъ васъ одинокій все мучился я;
Безъ васъ жизнь была мнѣ тяжка и горька!
Мнѣ кажется, съ вами въ разлукѣ вѣка
Я пробылъ, родные!... Скажите жъ скорѣе,
Изъ васъ кто же первый зарѣзалъ злодѣя,
Въ разгулѣ кровавыхъ и гибельныхъ сѣчь,
Кто первый пришельцу снесъ голову съ плечъ?»

Но семеро братьевъ стоятъ и вздыхаютъ,
Молчаньемъ разпросамъ отца отвѣчаютъ;
Вотъ выступилъ старшій изъ братьевъ впередъ,
Могучій отважный Абу-эль-Гарьотъ.

«Отецъ! говорилъ онъ, знать въ книгѣ пророка
Написана воля всевластнаго рока!
Свершился надъ нами его приговоръ.
Молю! не бросай ты на насъ гнѣвный взоръ,
Но выслушай прежде. По волѣ Аллаха
Врага не могли мы убить—не отъ страха:
Хоть всѣхъ насъ отправилъ ты противъ него,
Но мы воротились друзьями его!...

О! онъ не гяуръ, не невѣрный злодѣй,
 Достоинъ быть сыномъ онъ нашихъ стѣней!..
 И этого мало! онъ выше всѣхъ насъ!
 Когда-бъ его голосъ ты слышалъ хоть разъ,
 Послушалъ бы звучныя, сладкія рѣчи,
 Увидѣлъ бы въ боѣ, средь гибельной сѣчи,
 Въ совѣтѣ ученыхъ, сѣдыхъ мудрецовъ,
 Предъ строемъ покорнымъ отважныхъ полковъ,
 Въ кругу нашихъ шейховъ, эмировъ, имановъ,
 При звукѣ каленыхъ, кривыхъ ятагановъ,
 При грохотѣ пушекъ, при блескѣ огня,
 Тогда бы навѣрно ты понялъ меня!

И онъ не волшебникъ, не злой чародѣй,
 Онъ звуками чудныхъ плѣняетъ рѣчей,
 Онъ нашъ, правовѣрный, онъ вѣритъ въ пророка,
 Покорень судьбѣ онъ, велѣніямъ рока,
 Лишь слово онъ скажетъ—и доблестный строй
 На смерть, какъ на пиръ, понесется стрѣлой.
 И взоровъ орлиныхъ могучая сила
 Насъ всѣхъ безъ сраженья ему покорила.
 Подобнаго въ мірѣ ему не найти!
 И просимъ тебя мы: ты насъ отпусти
 Служить чародѣю; онъ такъ насъ плѣнилъ,
 Что свѣтъ безъ него намъ какъ прежде не миль.
 Отецъ нашъ родимый! прости сыновей!
 Хоть жаль намъ покинуть родныхъ и друзей,
 Но славному Франку служить мы хотимъ!
 И скоро увидишь ты насъ вмѣстѣ съ нимъ
 Съ побѣдой въ Аравіи нашей родимой;
 Весь свѣтъ покорить онъ, Аллахомъ любимый.
 Такъ ты, нашъ родимый, не плачь, не грусти,
 А славному Франку служить отпусти!
 Хоть всѣхъ насъ отправилъ ты противъ него,
 Но мы воротились рабами его! »

Вотъ что говорилъ, выступая впередъ
 Эмиру сѣдому Абу-эль-Гарьотъ.

И грустно поникнулъ съдой головой
 Эмиръ посѣдѣлый, эмиръ удалой.
 «О дѣти! я вижу, васъ Франкъ обольститъ,
 Меня сыновей чародѣйствомъ лишилъ,
 Ступайте, куда вы хотите! Безъ васъ
 Пробьетъ моей смерти таинственный часъ.
 Аллахъ всемогущій пошлетъ Азраила,
 Съдого эмира пригрѣетъ могила;
 Землею покрытый, добыча червей,
 Не будетъ онъ видѣть стыда сыновей.
 Ступайте, летите, я васъ не держу,
 Здѣсь сырыя кости безъ васъ я сложу...
 Пойдите; скажите мнѣ имя злодѣя!
 Когда я явлюся на судъ, цѣпенѣя
 Предъ грознымъ пророкомъ, скажу я ему:
 Ты свергни гаура и Франка во тму!
 Дѣтей моихъ милыхъ меня онъ лишилъ,
 Безъ нихъ, безъ родимыхъ глаза я закрылъ.
 Злой Франкъ былъ причиной моей ранней смерти!...
 Какъ имя гаура?»

«Султанъ Буонаберди!»

И грустно поникнувъ съдой головой,
 Съ дѣтьми не простился эмиръ удалой.
 Съ усомъ посѣдѣлыхъ онъ слезы отеръ
 И тихо, безмолвный, вошелъ въ свой шатерь.

И долго стояли всѣ семь сыновей
 У запертыхъ крѣпко отцовскихъ дверей,
 И съ думою тяжелой на двери глядѣли,
 На влажныхъ рѣсницахъ ихъ слезы блестѣли,
 И кони бряцаньемъ желѣзныхъ подковъ,
 Казалось, звали къ себѣ сѣдоковъ.
 И долго стояли въ тоскѣ и печали,
 И тяжкіе вздохи ихъ грудь поднимали,
 Потомъ, бросивъ взглядъ свой печальный, нѣмой
 На ставку родную средь степи родной,
 И смуглой рукой отирая чело,
 Всѣ дружно вскочили опять на сѣдло....

И кони какъ вѣтеръ по степи летѣли,
О камни копыты звенѣли, гремѣли,
И прыгали искры, и клубомъ песокъ
Взвивался, какъ туча, у нихъ изъ-подъ ногъ,
Да съ вихремъ пролетнымъ бурнусы играли,
И въ облакѣ пыли, изъ согнутой стали
Клинокъ обнаженный блисталъ полосой
Какъ на небѣ мѣсяцъ ночью порою....

В. З.

МАЙСКАЯ ПѢСНЬ.

Въ новый листъ пріодѣлись березы,
Разцвѣтають сирени въ саду,
На балконѣ красуются розы,
И лягушки проснулись въ пруду.

Весна пришла!... Ея дыханье
Вселенной жизнь даруетъ вновь;
Въ природѣ — все благоуханье,
Въ сердцахъ — все нѣга и любовь.

Отъ удушливой жизни гостинныхъ,
Отъ суеты хлопотливой зимы,
Сбросивъ цѣпи всѣхъ мелочей чинныхъ,
Въ глушь и лѣсъ порываемся мы.

И разбрелись ужъ горожане
Всѣ по болотамъ, по степямъ,
И на полгода въ поселяне
Отважно записались тамъ.

Обаянью весны уступая,
Ожилъ юноша, свѣтскій мертвецъ.....
На призывъ всемогущаго мая
Отвѣчаетъ биенье сердцеъ.

Кругъ модныхъ куколъ въ женщинъ страстныхъ
Вдругъ превратился, — и порой
Груститъ въ раскаяньяхъ напрасныхъ
О жизни даромъ прожитой.....

Не одна въ сладкой мукѣ томленья
Промечтаетъ всю ночь у окна.....
У судьбы вымоляя прощенья,
Ждетъ и плачетъ тайкомъ не одна!...

И вдругъ, какъ вызванный мечтою,
Желанный спутникъ предстаетъ.
Любовь засвѣтитъ имъ звѣздою,
И соловей для нихъ поетъ!....

А въ то время, въ углу одинокомъ,
Тайно страждетъ больная душа,
Утопая въ минувшемъ далекомъ,
Съ настоящимъ расчетъ соверша.

И ей, разрозненной, стѣсненной,
Въ холодной пустотѣ ея,
Все снится край благословенный
Съ знакомой пѣснью соловья.....

ГРАФИНЯ ЕВДОКІЯ РАСТОПЧИНА.

Вороново. — 48 мая 1853.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ О РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ ДВАДЦАТЫХЪ И ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ

Посѣщая художественную выставку, и вступая въ рядъ залъ, съ каталогомъ въ рукѣ, вы, конечно, предполагаете остановиться у каждой картины, внимательно разсмотрѣть ее, послѣдовательно переходить отъ одной къ другой. Доброе намѣреніе, — но удастся ли вамъ его исполнить?

* Мы не только не имѣемъ даже самой краткой исторіи журналистики русской, но и легкаго, поверхностнаго очерка за все время ея существованія, около столѣтія (съ 1755 г.); едва ли не единственныя по этому предмету указанія составляютъ: бѣглое обозрѣніе Н. И. Греча, въ его *Чтеніяхъ о русскомъ языкѣ* (ч. II, стр. 380—397), и статья, напечатанная въ двѣнадцатой 1851 г. книжкѣ «Сына Отечества». Въ нихъ обстоятельныя справки доведены до второй четверти нынѣшняго столѣтія, т. е. до періода, съ котораго именно начинается настоящій, предлагаемый нами обзоръ. Представляя собою отдѣльную, впрочемъ, монографію, онъ можетъ, выйдя съ тѣмъ, служить и какъ-бы продолженіемъ помянутой статьи С. О., тѣмъ болѣе, что оба принадлежатъ одному и тому же автору. — *Ред.*

Залъ цѣлый десятокъ; картинъ, картинокъ сотни, если не тысячи. Во второй, въ третьей залѣ у васъ начинается рябитъ въ глазахъ, отъ смѣшенія цвѣтовъ и красокъ, отъ множества разнообразныхъ или, если угодно, однообразныхъ предметовъ, изображенныхъ кистью, даже отъ блеска этихъ вызолоченныхъ рамъ и рамокъ...

Яркій свѣтъ полудня какъ будто-бы лишился части своей рѣзкости, и начинается едва замѣтно тускнѣть. Вы взглядываете на часы, и не вѣрите, что прошло около двухъ часовъ съ минуты вступленія вашего въ первую залу, а вы еще только въ четвертой, и миновали не болѣе трети предстоящаго вамъ пути...

Первоначальное намѣреніе ваше измѣняется; рѣже и рѣже смотрите вы въ каталогъ; усталая рука, въ которой его держите, неохотно то поднимается, то опускается; уже не каждая картина привлекаетъ ваше вниманіе—останавливаетесь только передъ главнѣйшими, гдѣ собирается толпа, привлеченная молвою...

Медленный, методическій прежде шагъ вашъ обращается въ быстрый, нетерпѣливый, потому—что солнце перестало бросать въ окна блестящіе снопы своихъ лучей, и первыя тѣни приближающагося вечера робко ложатся на картины, да на эти хорошенькія, румяныя личики въ шляпкахъ, картинки живыя, не менѣе искусственныхъ привлекательныя...

Торопливо пробѣгаете вы остальные залы, едва удостоивая общимъ взоромъ группы рисунковъ; пропускаете произведенія, не бросающіяся въ глаза, но, можетъ-быть, истинно прекрасныя, при всей своей скромности и миниатюрности...

Вотъ, наконецъ, послѣдняя зала. Утомленные, разсѣянные, вы уже лѣтвпо поводите глазами, и рады-рады, что передъ вами дверь, выводящая васъ въ корридоръ, и потомъ на чистый, свѣжій воздухъ. Бѣдное художество! Бѣдные художники!..

Улица, говоръ народа, вечеръ... а что вы видѣли, на сколько можете дать себѣ и другимъ отчета въ видѣнномъ? А между-тѣмъ потеряна половина дня...

Что-же—еслибъ вы вздумали изучать «досконально» всѣ эти безчисленныя картины, съ множествомъ ихъ фигуръ и подробностей, узнать біографію каждаго артиста, труды его, кромѣ находящихся на выставкѣ, и мнѣніе о нихъ разныхъ судей искусства? Определите число дней, мѣру времени, необходимаго для такого короткаго, или, точнѣе, длиннаго знакомства!..

Нѣтъ, вы никогда не рѣшитесь на подобный тяжелый, неблагодарный трудъ! Вы побывали на выставкѣ, составили себѣ общее о ней понятіе — и съ васъ довольно.

Все сказанное выше, въ извѣстномъ приложеніи, легко можетъ быть примѣнено къ журнальной выставкѣ, къ исторіи періодическихъ изданій той или другой литературы...

Мы любуемся, наслаждаемся собственною. Она, со времени Миллера и Сумарокова, произвела на свѣтъ около трехъ сотъ разнаго рода и достоинства повременниковъ. Каждый изъ нихъ состоялъ не изъ одной книжки, не изъ одного нумера, а каждая книжка или каждый номеръ не изъ одной статьи. Эти сотни тысячъ листовъ, эти милліоны страницъ не могутъ быть, ни въ какомъ случаѣ, подвергнуты одиночному разбору: вы ослѣпли бы, задохлись отъ пыли, — не вышли бы изъ этого закоулочнаго лабиринта, гдѣ мертвые и живые разсѣвали свой умъ и свои таланты; обрѣли бы вѣрную смерть среди этихъ катакомбъ безсмертія, не встрѣтивъ, въ утѣшеніе, въ нѣкую отраду, ни розовой, ни голубой шляпки, потому что это не картинная выставка, чистая, опрятная, заманчивая, въ золотыхъ рамкахъ...

Вѣрите ли, мы чихаемъ и пишемъ, пишемъ и чихаемъ (да будетъ во здравіе журналистикѣ нашей), едва дотрогиваясь, чуть касаясь этой старины, этихъ древнихъ листовъ, уже отмѣченныхъ роковою печатью разрушенія, то-есть, частію поѣденныхъ крысами... ихъ длинные хвосты неуважительно прогуливались по созданіямъ отличнѣйшихъ головъ, по историческимъ страницамъ, пропитаннымъ драгоцѣннѣйшимъ сокомъ мозговъ... О слава, тлѣнная слава сего міра! мы видѣли твои жалкія гробницы, тосковали и скучали, созерцая обломки этихъ саркофаговъ въ кожаныхъ и сафьянныхъ корешкахъ...

Подражая вольному любителю, быстро обѣжавшему залы художественной выставки, бросимъ бѣглый взглядъ на ходъ прежней нашей журналистики съ двадцатыхъ и до тридцатыхъ годовъ, когда наступаетъ дѣятельное ея развитіе, сосредоточивающее въ себѣ почти всю современную литературу, а частію и самую науку...

По обычаю всестороннихъ обозрѣвателей нашихъ, которые никакъ не хотятъ ограничиться избраннымъ предметомъ, захватывая все соприкосновенное съ нимъ, все его окружающее, до видимыхъ и невидимыхъ предѣловъ горизонта, — слѣдовало бы предпослать настоящему очерку общій взглядъ на литературу, въ предлагающей періодъ журналистики. Но мы почитаемъ это излишнимъ. О литературѣ, о писателяхъ будемъ

говорить на столько лишь, на сколько они были причастны самой журналистикѣ. Труды ихъ внѣ ея сюда не относятся. Впрочемъ, въ такихъ «взглядахъ», болѣе или менѣе прямыхъ и косыхъ, у насъ нѣтъ недостатка, тогда какъ поле исторіи журналистики нашей совершенно еще не вспахано, и по немъ проводятся первыя, грубыя борозды...

Отсылая желающихъ къ этимъ литературнымъ взглядамъ, напомнимъ только читателю, что двадцатые и тридцатые годы были счастливѣйшею порою русской литературы. Двинутая впередъ Карамзинымъ, заставившимъ полюбить и родное слово, и бытописаніе отечественное, она зашагала быстро по разнымъ путямъ, и мало-по-малу, оставляя дорогу заимствованія, проникалась чувствомъ и содержаніемъ народности. Карамзинъ, Жуковский, Крыловъ, Грибоедовъ, Пушкинъ, съ блистательными плеядами замѣчательныхъ прозаиковъ и стихотворцевъ, одно наименованіе которыхъ заняло бы цѣлую страницу, открывали шествіе, сопровождаемое многочисленными толпами любопытныхъ, радостныхъ читателей, дружными рукоплесканіями ободряющей и одобряющей публики. Повѣсти и романтическія поэмы, живые беллетрическіе рассказы и превосходныя стихотворенія, исторія и романъ, книги и простые альманахи, журналы и альманахи съ критикой и обзорѣніями — короче, то былъ богатый разливъ кастальскихъ ключей, въ которыхъ никто не тонулъ и всѣ плавали съ наслажденіемъ, какъ въ жаркій июльскій день, лобзаемые прохладою сладкозвучныхъ волнъ...

Около этихъ-то лѣтъ щедрого посѣва и обильной жатвы, слишкомъ за тридцать предъ симъ, вдругъ, въ самый центръ литературы упалъ, точно съ облаковъ, — вѣрнѣе, соскочилъ съ уланскаго коня, литераторъ, совершенно прежде неизвѣстный, хотя уже далеко не юноша. Въ зрѣломъ возрастѣ, послѣ многихъ приключеній, затѣйливыхъ и опасныхъ, отъ огня битвъ бросился онъ въ подыма книжное. Нужно ли пояснять, что рѣчь идетъ о О. В. Булгаринѣ. Въ 1822 году онъ является уже на поприщѣ журналистики, какъ издатель «*Сѣвернаго Архива*, журнала исторіи, статистики и путешествій». Въ 1825 году принялъ въ немъ участіе Н. И. Гречъ, и съ этого времени «Сѣверный Архивъ» назывался «журналомъ древностей и новостей по части исторіи, статистики, путешествій, правовѣдѣнія и правовъ». Въ 1833—35 годахъ «Сѣверный Архивъ» и «Сынъ Отечества» составляли одинъ соединенный журналъ. Сверхъ-того, г. Булгаринъ въ 1823 и 24 г. издавалъ *Литературные Листки*, гдѣ помѣщались, болѣею-частью, его собственныя правооши-

сательныя и сатирическія статьи и стихотворенія разныхъ лицъ. Что касается «Сѣвернаго Архива» — цѣль и содержаніе его достаточно указываются приведенными выше полными заглавіями журнала: это было изданіе полезное, посвященное предметамъ болѣе или менѣе важнымъ. Въ «Сѣверномъ Архивѣ», между-прочимъ, впервые показались систематическія критики на «Исторію Государства Россійскаго», Карамзина, писанныя Ходаковскимъ, самимъ Булгаринымъ и другими. Въ свое время, онѣ произвели много шума, толковъ и споровъ.

Но, чтобъ хоть нѣсколько ближе познакомить читателя съ характеромъ или составомъ «Сѣвернаго Архива», означимъ содержаніе (взятыхъ на выдержку) шести номеровъ его (четвертый томъ 1822): археологическія изысканія В. П. Берха о букварѣ Каріона Истомина; подневная записка пребыванія агента русскаго правительства, Лоренца Лауга, при китайскомъ дворѣ, въ 1721 году; письмо Петра Великаго къ маіору Преображенскаго полка Салтыкову*; четыре письма Суворова къ князю П. А. Зубову о военныхъ дѣйствіяхъ; историческое извѣстіе о русскомъ театрѣ; выписки: а) изъ Псковской лѣтописи (1473 г.) о прибытіи въ Россію греческой царевны Софіи, б) изъ статейной книги (1621 г.) о жалобѣ англичанъ, съ отвѣтами бояръ; о рунпческихъ письменахъ у европейскихъ народовъ; извѣстіе о первомъ учрежденіи губерній въ Россіи; о судоходствѣ по рѣкѣ Курѣ; о Гижигинской крѣпости; изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго города Ржева; остатки славянской мѣтологіи у бѣлорусскихъ поселянъ; путешествія: а) къ сѣверозападнымъ берегамъ Америки, б) въ Янину, во-время господства Али-Паши, в) по Гродненской губерніи; крушеніе судна св. Николай, принадлежавшаго руссійской американской компаніи; письмо изъ Италіи морскаго офицера, В. Броневскаго; нумизматика — о монетахъ князя Данила; наконецъ, въ отдѣленіи критики, разсмотрѣніе предисловія къ «Исторіи Государства Россійскаго» и сужденіе о томъ же твореніи, заимствованное изъ геттингенскихъ ученыхъ вѣдомостей.

Мы увѣрены, что одно оглавленіе предметовъ и статей, вошедшихъ въ составъ всѣхъ томовъ «Сѣвернаго Архива» могло бы возбудить и въ

* По краткости, приводимъ письмо это отъ слова до слова: «Господинъ маіоръ. Объявляю вамъ, что сей ночи Богъ далъ мнѣ рекрута отцовскимъ пмянемъ, дай Богъ, чтобы видѣть подь мушкетомъ. Прокну господамъ офицерамъ и солдатамъ мой отдать поклонъ и объявить, а что изойдетъ на веселье, пишете на мой счетъ. *Петръ*. 26 октября 1715 года». Въ немногихъ словахъ великій монархъ изображается. Подлинникъ этого письма хранится въ архивѣ А.-Г. Преображенскаго полка.

выпѣвшихъ читателейъ желаніе пересмотрѣть этотъ журналъ, содержащій въ себѣ не мало значитильныхъ матеріаловъ для науки.

Дѣятельность его и Греча на поприщѣ журналистики не удовлетворялась однакожь изданіемъ «Сына Отечества» и «Сѣвернаго Архива». При успѣхахъ у насъ просвѣщенія и литературы, чувствовалась потребность, необходимость для Россіи изданія, которое, быстрѣе другихъ тогдашнихъ повременщиковъ, передавало бы новости внутреннія, заграничныя, общественныя, литературныя, театральныя и мѣстные городскія. Въ слѣдствіе такого убѣжденія, одобреннаго Правительствомъ, явилась съ 1825 года «Сѣверная Пчела», газета политическая и литературная... столь нынѣ извѣстная всѣмъ и каждому, достигшая той степени популярности, что избавляетъ насъ отъ труда слишкомъ о ней распространяться. Сообщимъ только «историческія» свѣдѣнія*.

Въ первые годы своего существованія, «Сѣверная Пчела» выходила по три раза въ недѣлю, въ форматѣ почти вдвое мѣньшемъ противъ выпѣшняго, что не мѣшало полнотѣ содержанія, при мелкомъ шрифтѣ, при краткости и ловкости изложенія. Обиліе предметовъ и матеріаловъ скоро потребовало ежедневнаго выпуска этой газеты (исключая дней воскресныхъ и праздничныхъ), и съ теченіемъ времени объемъ ея постепенно увеличивался. Труды издателей были раздѣлены. Официальною и политическою частію газеты и вообще главною ея редакціей завѣдывалъ Гречъ; отдѣлъ литературный принадлежалъ Булгарину. Нѣкогда О. В. отличался въ «Сѣверной Пчелѣ» нравоописательными и критическими статьями. Своенравіе моды и новый характеръ литературы доставили господство другимъ родамъ прозы; тогда авторъ Выжигиныхъ и Самозванца, всегда слѣдившій за условіями времени, предоставивъ библіографію сотрудникамъ, затѣялъ фельетонъ, сначала неизмѣннѣйшій опредѣленной фирмы, потомъ называвшійся «журнальною мозаикою», и наконецъ, если не ошибаемся, лѣтъ за двѣнадцать предъ симъ, образовавшій знаменитую «журнальную всякую всячину», обыкновенно печатаемую по субботамъ. Здѣсь сходятся литература, искусства, политика, государственная экономія, общественные интересы, столпчныя новости; здѣсь, коротко сказать, судится и рядится обо всемъ, что составляетъ вопросъ настоящей минуты. «Всякая всячина» читается многими, не исклю-

* Любопытно, что еще въ 1807 году начался было журналецъ подъ названіемъ «Сѣверная Пчела». Но его вышелъ одинъ только номеръ, или, какъ сказано на оберткѣ, книжка первая, изданная отъ С.-Петербургской Гимназіи, и состоявшая изъ нѣсколькихъ прозаическихъ отрывковъ и стихотвореній.

чая и тѣхъ, которые иногда не соглашаются съ ея заключеніями и порицаютъ ее. Но девяти столбцовъ субботняго фельетона не доставало для еженедѣльной бесѣды О. В. съ публикою, для отвѣтовъ ей и объясненій съ нею—это вынудило его учредить въ «Пчелѣ» еще середовой фельетонъ, подъ рубрикою: «Замѣтки, выписки и корреспонденція О. В.», гдѣ разбираются вопросы второстепенные, журнальные, и, предлагаются читателямъ разныя указанія по предметамъ городской торговли и промышленности. Въ нѣкоторыхъ, важнѣйшихъ случаяхъ, О. В., отъ времени до времени, принимался и за обязанность критика, давно ему знакомую. Не смотря на двадцати-семи-лѣтнее противодѣйствіе почти во всѣхъ со-временныхъ періодическихъ изданіяхъ, Сѣверная Пчела сохранила свой авторитетъ... Вы скажете: ежедневная газета — возможность каждый день говорить, напоминать о себѣ — удобство возражать, защищаться, нападать... такъ; но, безъ ума, дарованія и ловкости, инымъ бы не одобровать въ—теченіе болѣе нежели четверти вѣка — особенно при множествѣ ядовитыхъ критикъ, статей и статейекъ на Булгарина, разсѣянныхъ въ двадцати или тридцати журналахъ и журнальцахъ, въ свою очередь, нещадно воевавшихъ съ нимъ, пускавшихъ въ него, порою, такія стрѣлы, что, по истинѣ, повторяя выраженіе Полеваго, за чело-вѣка становилось страшно. Перебирая теперь старые повременики, мы нечаянно встрѣчались съ этими «ужасными» страницами, и вчужѣ блѣднѣли.

Занятія Н. И. Греча по Сѣверной Пчелѣ, менѣе замѣтныя, менѣе видныя публикѣ, существенны и значительны; систематическое, веденіе внутреннихъ извѣстій и заграничнаго отдѣла, общее распорядженіе составомъ газеты, корректура ея — и слѣдствіе того, правильность и чистота изложенія, какія только возможны въ быстро-срочной работѣ, — все это, требующее безпрерывнаго вниманія, тяжелаго терпѣнія, составляетъ бремя и заслугу главнаго редактора. Даже и во время пребыванія своего за границею, онъ не переставалъ питать свою газету, еженедѣльно сообщая ей статьи, въ формѣ писемъ. Они назывались то письмами съ дороги, то письмами *парижскими*, заключавшими въ себѣ бѣглый обзоръ современныхъ европейскихъ происшествій, или характеристику общественной жизни столицы Запада.

Впрочемъ, въ—продолженіе двадцати-семи лѣтъ, характеръ «Сѣверной Пчелы» мало измѣнялся... Если въ одни годы литературная часть брала перевѣсъ надъ политической, а въ другіе, наоборотъ, послѣдняя заслоняла первую, то это зависѣло отъ обстоятельствъ и ха-

рактика времени, отъ обилія и степени литературныхъ дарованій, въ известное время подвизающихся, и наконецъ, отъ сотрудниковъ, которые довольно часто смѣнялись въ этотъ долгій срокъ, когда успѣло родиться вырасти и возмужать новое поколѣніе.

Лѣтъ десять тому, въ одной библиографической брошюркѣ, намъ приходилось говорить, между прочимъ, о «Сѣверной Пчелѣ»: Къ «Сѣверной Пчелѣ» русская публика, и въ особенности жители Петербурга, сдѣлали такую привычку, что еслибъ «Пчела» вдругъ перестала издаваться, многіе почувствовали бы, что чего-то недостаетъ у нихъ.»

Но «настоящія минуты» еще быстрѣе переходятъ въ прошедшія, и нѣкогда Сѣверная Пчела будетъ служить однимъ изъ самыхъ важныхъ, полныхъ и послѣдовательныхъ матеріаловъ для современной ей исторіи Россіи, ея литературы и нравовъ. Недавно мы перелистывали томы «Пчелы» за старые годы и... сколько любопытнаго! Многіе критики, по разнымъ, причинамъ, не отдавали ей своевременной справедливости, находили въ ней недостатки, слабыя, невыгодныя стороны... Она, конечно, далеко не идеалъ совершенства, не безукоризненный образецъ ежедневной газеты; но гдѣ они были, эти недосыгаемые идеалы, эти свѣтлыя образцы — въ тогдашнее время.

Одновременно съ «Сѣвѣрною Пчелою», въ томъ же 1825 году, возникъ въ бѣлокаменной *Московскій Телеграфъ*, Николая Алексѣевича Полеваго, писателя тогда еще малоизвестнаго, незадолго передъ тѣмъ выступившаго на скользкое и опасное литературное поприще. Программа новаго журнала, скопированная отчасти съ *Revue Encyclopédique de M. Jullien de Paris*, была слѣдующая: сообщеніе отечественной публикѣ всего лучшаго изъ главнѣйшихъ иностранныхъ журналовъ и новѣйшихъ сочиненій европейскихъ ученыхъ и писателей, также всѣхъ новыхъ опытовъ и открытій ума человѣческаго въ наукахъ, искусствахъ и нравственномъ мірѣ; статьи касательно русской исторіи, статистики, древней словесности; критическія обзоренія современной русской литературы; новѣйшія произведенія русскихъ писателей въ стихахъ и прозѣ; повѣсти, рассказы, отрывки. По отдѣлу наукъ и искусствъ предполагались историческія и археологическія изслѣдованія о нравахъ, обычаяхъ, памятникахъ всѣхъ народовъ, особенно народовъ славянскихъ, сѣверныхъ и азіатскихъ, относительно къ Россіи; извлеченія и переводы изъ писателей греческихъ, скандинавскихъ, восточныхъ, славянскихъ и вообще изъ сочиненій, признанныхъ классическими и въ Россіи мало известныхъ; географическія и статистическія извѣстія отечественныя; описа-

нѣ различныхъ многочисленныхъ обитателей имперіи; путешествія; сочиненія и переводы по предметамъ эстетики и теоріи изящнаго; критическія изысканія по части русской исторіи, археологіи, палеологіи, палеографіи; выписки изъ древнихъ русскихъ сочиненій, грамоты, старинныя пѣсни. Непрерывными статьями «Телеграфа» предназначались: критическія обзорѣнія литературы русской исторіи и сочиненій, писанныхъ иностранцами о Россіи; извѣстія о всѣхъ новыхъ книгахъ и журналахъ русскихъ; разборы замѣчательныхъ русскихъ сочиненій въ области изящной словесности, наукъ, искусствъ; перечень новостей европейской литературы и разсмотрѣніе важнѣйшихъ произведеній словесности французской, нѣмецкой, англійской и итальянской. Въ смѣси открывалось мѣсто новѣйшимъ любопытнымъ изобрѣтеніямъ и открытіямъ, біографіямъ извѣстныхъ современниковъ, извѣстіямъ о художественныхъ выставкахъ, засѣданіяхъ и задачахъ русскихъ и иностранныхъ академій. За тѣмъ, при каждой книжкѣ надлежало быть отдѣльному прибавленію, особенно посвященному *читательницамъ* Телеграфа. Здѣсь имъ предлагались небольшія сочиненія въ стихахъ и прозѣ, новости общественныя, описанія старинныхъ и нынѣшнихъ нравовъ, московскія записки, статейки о театрахъ, концертахъ и т. п. (прибавленія эти въ послѣдствіи составили *Живописца общества и литературы*, изданнаго потомъ и особо). Все это, къ полному удовольствію прекрасныхъ читательницъ, повершалось картинкою модъ, «хорошо гравированною и отлично раскрашенною», какъ сказано было въ объявленіи. Нынѣшнія читательницы расхотались бы, увидѣвъ и эти стародавнія моды — короткія таліи, неуклюжія шляпки съ огромными полями и другія подробности тогдашняго паряда, — и эту *отличную раскраску*. Домашней фабрикаціи модныя картинки при тогдашнихъ журналахъ, не исключая и «Дамскаго», к. Шаликова, невольно заставляютъ улыбнуться. Въ этомъ отношеніи нынѣшніе журналы далеко оставили за собою прежніе, догадавшіеся выписывать прямо изъ Парижа изящныя изображенія тамошнихъ модъ... точно также какъ лучшія произведенія иностранной литературы, въ послѣднихъ переводахъ, составляютъ добрыя двѣ трети содержанія нынѣшнихъ ежемѣсячныхъ сборниковъ...

Но теперь слово о «Телеграфѣ». Программа его была довольно обширная, чтобъ не сказать почти энциклопедическая. Правда, «Сѣверный Архивъ» уже нѣсколько намекалъ на нее. Смѣтливость Полеваго дополнила недостававшее въ предшествовавшихъ періодическихъ изданіяхъ, а его умъ, дарованія, желѣзное, упорное трудолюбіе, незнавшее отдыха, потому-что не знало утомленія, помогли ему, если не исполнѣ, то въ

значительной степени, осуществить плащъ предпринятаго журнала. Съ первыхъ книжекъ онъ удостоился благосклонности публики. Тутъ перемѣшались: *письмо издателя къ N. N.*, гдѣ говорилось, что «*совершенный журналъ долженъ отражать въ себѣ весь міръ нравственный и физическій*»; что для журналиста «*главное — сыскать скользкую дорожку, которая вьется между излишнею важностью и ничтожною легкостью*»; что «*въ литературѣ нѣтъ курса на умъ, и журналисту надобны только умѣнье выбрать и охота перевести*»; что «*критика одно изъ важнѣйшихъ отдѣленій журнала — пусть только будетъ она умна, правдива, дѣльна*»; затѣмъ присоветовали къ нему «*избрачныя новости литературныя, обзоръ всеобщаго просвѣщенія*» — и дѣло будетъ въ шляпѣ. Тутъ — приходится повторить — перемѣшались: это вымышленное письмо, рсовавшее идеалъ журнала и не нелестивый портретъ «Телеграфа»; *три дня въ трехъ вѣкахъ*, статья съ историческими размышленіями, съ Байрономъ и подробностями о его смерти; стихи к. Вяземскаго и Пушкина; путешествіе англійскаго флота капитана Кохрена, пѣшкомъ, *изъ Петербурга въ Камчатку*; *новѣйшія открытія въ Помпѣи*; *критическое разсужденіе объ изданіи русскихъ лѣтописей*; обзорѣніе русской литературы въ 1824 году; литература иностранная; современные нравы; взглядъ на Москву; разные другіе взгляды впрямь и вкривь; письмо Вольтера къ Миллеру, когда послѣдній не былъ еще издателемъ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій»; нѣчто о свѣтскомъ обществѣ и хорошемъ тонѣ; новѣйшія статистическія извѣстія о пространствахъ, числѣ жителей, войскѣ, флотѣ, доходахъ, расходахъ и долгахъ знатнѣйшихъ европейскихъ государствъ; статейка о рукописяхъ, привезенныхъ изъ Пекина извѣстнымъ нашимъ синологомъ Іакинѣомъ Бичурнымъ; разборы новыхъ русскихъ книгъ; повѣсть Клаурена; Корнель, Шекспиръ и Альфіери; картина Голландіи; историческое и географическое описаніе Россіи, извлеченное изъ *китайской* географіи; штатъ индійскаго идола; искусство дѣлать книги; кромѣ критики, антикритика; множество мелкихъ статей въ смѣси, занимательныхъ, разнообразныхъ, живыхъ; въ придачу «разговоръ двухъ покойниковъ» и еще повѣсть: «Предвѣстница смерти».

Мы привели содержаніе одного перваго тома «Московскаго Телеграфа», и читатель, конечно, не потребуетъ отъ насъ подобной передачи оглавленія за все годы существованія этого журнала, съ каждымъ годомъ приобретающаго болѣе и болѣе литературнаго значенія. Строгій, удачный выборъ матеріаловъ, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ; ловкій, интересный составъ книжекъ; участіе извѣстныхъ и талантливыхъ

выхъ литераторовъ; наконецъ, бойкая, одушевленная критика самого издателя, не столько всегда основательная и глубокомысленная, сколько живая, смѣлая и затѣйливая, въ непродолжительное время доставили «Московскому Телеграфу» необыкновенный успѣхъ и громкую извѣстность. Имя «самоучки» Полеваго быстро пронеслось по всей читающей Россіи, скоро стало въ ряду именъ, любимѣйшихъ публикою, и онъ однажды, съ гордостью воскликнулъ: «я знаю Русь, и Русь меня знаетъ!» что было нѣсколько смѣшно, какъ всё пышныя восклицанія. Другіе труды Полеваго, его романы, «Исторія русскаго народа», — все это впрочемъ неоконченное, не мало способствовало его удачамъ. Новость его критическихъ мнѣній, его рѣзкіе литературные приговоры, «учиненная» имъ оцѣнка и переоцѣнка многихъ прежнихъ и современныхъ авторитетовъ неизбежно вовлекли его въ сильные, продолжительные споры, въ крупную полемику съ другими журналистами и критиками. Началось легкою авангардною перестрѣлкою; кончилось жаркою канонадою и генеральными битвами чернильными...

Главная война Московскаго Телеграфа вѣдена была съ Сѣвѣрною Пчелою. Съ обѣихъ сторонъ дѣйствовали рѣшительно, неуступчиво. Легучіе отряды прочихъ журналовъ и журнальцевъ, вмѣшиваясь въ кампанію, производили, по волѣ вѣтра, партизанскіе набѣги на оба стана, занимавшіе позиціи крѣпкія. Побѣда не разъ клонилась то на ту, то на другую сторону. Извѣстность, дарованіе, остроуміе бойцовъ привлекали вниманіе публики, и тамъ, гдѣ взаимное совѣстничество, соперничество, играло не послѣднюю роль, читатели находили размѣнъ болѣе или менѣе поучительныхъ идей, назидательное движеніе кипучей, изыскательной мысли. Отъ столкновенія противоположныхъ мнѣній и различнаго направленія рождалась истина, кругъ критическихъ понятій распространялся, литература и писатели невидимо шли впередъ по пути эстетическаго совершенствованія; самый языкъ замѣтно улучшался, слогъ достигалъ зрѣлой твердости и привлекательнаго разнообразія. Полевой высказалъ много умнаго, справедливаго, вѣрнаго; но нерѣдко и заблуждался, путался въ собственныхъ изслѣдованіяхъ, противорѣчіяхъ, впадалъ иногда въ забавные промахи и грубыя ошибки, которыя, разумѣется, подхватывались на-лету и преслѣдовались безпощадно, потому что самъ онъ не щадилъ никого. Говоря вообще, въ критикѣ Полеваго, среди сужденій дѣльныхъ, пронизательныхъ, проскакивало кое-что и лишнее, не строго обдуманное; попадались великолѣпно-кудрявыя фразы, необремененныя точнымъ смысломъ; въ потокѣ многословія сквозила

нѣстами пустота; многія страницы, черезъ—чуръ распложенныя и растянутыя, утомляли длиннотами, желаніемъ высказать все и за всѣхъ.

Онъ имѣлъ несчастную привычку (къ сожалѣнію, перенятую нѣкоторыми позднѣйшими критиками) начинать чуть не со всемірнаго потопа; по—этому, случалось, въ критическихъ статьяхъ своихъ не доходилъ иногда до самаго предмета, подавшаго поводъ къ безконечному разсужденію. Помимо, однакожъ, всѣхъ этихъ недостатковъ, или правильнѣе, излишествъ, во всемъ, что писалъ Полевой для своего журнала и, въ—послѣдствіи, для другихъ, видны были наблюдательный, пытливый умъ, обширная, прилежная начитанность и многостороннее образованіе, чѣмъ онъ былъ обязанъ единственно и непосредственно самому—себѣ, нигдѣ не учившись въ первой молодости и никѣмъ неприготовленный къ тому трудному пути, на который призвало его несомнѣнное дарованіе, неодолимое, тревожное влеченіе, и который прошелъ онъ съ честію. Его Московскій Телеграфъ, издававшійся около десяти лѣтъ, безспорно, принадлежитъ къ числу лучшихъ русскихъ журналовъ; явившіяся послѣ него періодическія изданія наши старались подражать «Телеграфу» со стороны внѣшняго и внутренняго его расположенія, прибавивъ еще нѣкоторые отдѣлы и утучнивъ объемъ книжекъ...

Съ прекращеніемъ Московскаго Телеграфа не кончилось журнальное поприще Николая Алексѣевича Полеваго. Въ 1836 и 1837 годахъ онъ принималъ участіе въ «Библіотекѣ для чтенія», по отдѣламъ критики и библіографіи, гдѣ, впрочемъ, статьи его (присылаемыя изъ Москвы) подвергались произвольнымъ со стороны редакціи измѣненіямъ и передѣлкѣ, на что авторъ слезно жаловался въ предисловіи къ изданнымъ имъ, въ 1839 г., «Очеркамъ русской литературы» (собраніе важнѣйшихъ критическихъ статей его), заключивъ это горькое сѣтованіе такъ: «Радуюсь, что теперь, печатая *Очерки*, могу освободить себя отъ непринявшаго мнѣ и непризнавшаго мною. Беру изъ Библіотеки для Чтенія тѣ только мои статьи, которымъ (не имѣя у себя прежнихъ оригиналовъ моихъ) могъ я памятью возвратитъ, по возможности, настоящій смыслъ ихъ. Отъ всего остальнаго я рѣшительно отказываюсь, и ничего, тамъ помѣщеннаго, прошу не почитать моимъ: оно ни мое, ни редакторова, и что оно такое, я первый мнѣ всѣхъ понимаю» (стран. XVIII — XIX).

Въ этихъ строкахъ слышенъ голосъ огорченнаго авторскаго самолюбія. Зависимое сотрудничество тяжело было Полевому, еще недавно

сильному и самостоятельному журналисту. Опъ переселился въ Петербургъ. средоточіе русскаго просвѣщенія и литературной дѣятельности. Новый владѣтель «Сына Отечества», А. Ф. Смирдинъ, въ 1838 году, вручилъ Полевому редакцію этого журнала, и въ немъ тогда участвовали гг. Гречъ, Булгаринъ, Свищевъ, Бѣгичевъ, Кукольникъ, Губеръ, Д. В. Давыдовъ, графиня Ростопчина и другіе болѣе или менѣе извѣстные литераторы; печатались оригинальныя и переводныя повѣсти, статьи историческія, ученныя, вообще любопытныя и занимательныя, хорошія стихотворенія и разныя разности современныя, достойныя вниманія просвѣщеннаго читателя. Въ ряду нѣсколькихъ критическихъ статей самого Полеваго явилась памятная статья о сочиненіяхъ маститаго поэта И. И. Дмитріева, тогда только-что сошедшаго въ могилу. Въ этой статьѣ бывший издатель «Телеграфа», по-своему, по-телеграфски, оцѣнилъ и переоцѣнилъ современника Державина и друга Карамзина...

Но судьбы «Сына Отечества», со втораго двадцатипятилѣтія этого журнала, стали отличаться непостоянствомъ и переходомъ изъ рукъ въ руки. Въ 1840 году, Н. И. Гречъ, Н. А. Полевой и Н. В. Кукольникъ возобновили «Русскій Вѣстникъ» (С. Н. Глинки): но отсутствіе одного изъ редакторовъ, болѣзнь другаго и поэтическіе труды третьяго, вскорѣ отказавшагося отъ журнала, мѣшали исправному выходу его книжекъ. Въ слѣдующемъ году Полевой выздоровѣлъ, занялся дѣломъ своимъ прилежно и усердно: наполнялъ книжки «Вѣстника» любопытными и важными статьями, изъ которыхъ, конечно, болѣе половины писалъ самъ, и далъ ему опредѣленное, *русское* направленіе. Журналъ этотъ посвящался русской исторіи, литературѣ современной, словесности народной, обычаямъ и правамъ обитающихъ въ Россіи (въ Сибири и на Кавказѣ) иноплемennыхъ народовъ. Въ этомъ удостовѣрится всякій, кто просмотритъ вышедшіе за 1841 годъ нумера. *Три* редактора могли ручаться, что книжки будутъ выходить непременно 1-го числа каждаго мѣсяца; *одному* (Полевому) было это слишкомъ затруднительно, особенно потому, что онъ работалъ безъ постоянныхъ сотрудниковъ. (См. № 14-й «Сѣвери. Пчелы» 1842 года, статью Н. И. Греча о «Русскомъ Вѣстникѣ».)

Въ 1842 г. Полевой приготовлялъ «Русскій Вѣстникъ» также безъ постоянныхъ сотрудниковъ; однакожъ журналъ кое-какъ тянулся еще полгода, и былъ очень недурень по составу и исполненію, которое на-половину принадлежало самому редактору, сочинявшему *отрывки*

изъ повѣстей, оставшихся, разумѣется, вовсе ненаписанными, судившему современные наши журналы съ ихъ критикою, разбиравшему «*Матильду*» Сю и «*Мертвыя Души*» Гоголя, и наконецъ представившему статейку о замѣнѣ дровъ *кочерыжками*. Возгорѣлся маленькій, презабавный споръ. Кочерыжками печей не затопили, а «Русскій Вѣстникъ» потонулъ или истлѣлъ. Помилуйте, Ѳаддей Венедиктовичъ? — говорилъ Полевой, защищаясь: давно ли вы хвалили «Русскій Вѣстникъ»; сознаваясь, что я поставилъ его на ноги. Такъ, — отвѣчалъ Ѳ. В., — на ноги вы его поставили, да *ходу* ему не дали. И точно, «Вѣстникъ» не пошелъ; седьмая книжка его (на 1842-й г.) не появлялась въ свѣтъ, хотя, почти вполнѣ готовая, долго лежала въ типографіи, дожидаясь и не дождавшись нѣсколькихъ остальныхъ листовъ*.

Таковъ былъ жребій журнальной дѣятельности Полеваго въ Петербургѣ. Книжкамъ «Сына Отечества» и «Русскаго Вѣстника», вышедшимъ подъ его редакціей, при всемъ ихъ достоинствѣ, не посчастливилось, подобно «Телеграфу»: онѣ не могли бороться съ толстыми томами журналовъ, вновь возникшихъ. Измѣнилось ли время, съ своими требованіями и вкусами — измѣнился ли самъ Полевой? Въ жизни каждаго замѣчательнаго писателя бываетъ лучшая, полуденная пора, за которою, увы! наступаетъ закатъ дарованія. Оно блѣднѣетъ и угасаетъ, какъ солнце къ вечеру, все еще прекрасное и неуступающее новымъ звѣздочкамъ, заманчивымъ иногда одной лишь новизною своей... Уже утомленный прежними, непрерывными трудами, безпрестанно отвлекаемый другими занятіями (составленіемъ драматическихъ произведеній для бенефисовъ и разныхъ книгъ, не столько по собственному выбору, сколько по заказамъ издателей, спекулировавшихъ его именемъ, быстротою работы и необыкновенною ко всему способностью), Полевой не въ состояніи былъ долѣе дѣйствовать въ журналистикѣ съ прежнею силою и энергіей. Въ 1844 и 1845 годахъ писалъ онъ бібліографическія статьи для Сѣверной Пчелы: но то были уже лебединыя пѣсни громаго нѣкогда критика — голосъ его слабѣлъ и обрывался, какъ у Рубини, въ послѣдній сценической годъ сладковзвучнаго пѣвца. Печальный исходъ всѣхъ человѣческихъ пѣсенъ!.. Однакожъ, не теряя бодрости и надежды, Полевой, незадолго передъ смертію своею, принялъ на себя

* Мы хорошо знаемъ это обстоятельство, касавшееся насъ лично: въ числѣ *отпечатанныхъ* листовъ той книжки находилась повѣсть наша «Аристократка», и мы, съ согласія Н. А. Полеваго, воспользовались ими, для отдѣльнаго ея изданія, когда рѣшено было, что «Вѣстникъ» превращается...

редакцію «Литературной Газеты», и тутъ словно оживился, какъ умирающіе, которымъ становится легче наканунѣ кончины, — заговорилъ по-старому, какъ вовремя оно. Всѣ помнятъ его жестокое нападеніе на вышедшіе тогда первые два тома «Воспоминаній» О. В. Булгарина. Между давними противниками, не разъ сходящимися и расходившимися, снова завязался жаркій бой, чрезвычайно занимавшій публику, привлеченную дарованіемъ и ловкостью состязавшихся. Полевой нападалъ неустрашимо, Булгаринъ защищался горячо и начиналъ уже переходить изъ оборонительнаго положенія въ наступательное... но долженъ былъ вдругъ умолкнуть и пылкую антикритику смѣнить тихими строками некролога... смертельная болѣзнь постигла изнуреннаго силами труженика, и петербургскіе литераторы съ глубокимъ соболѣзнованіемъ проводили на Волково-поле простой гробъ Полеваго... «Сѣверная Пчела» первая выразила сожалѣніе о потерѣ его; «Библіотека для Чтенія» почтила его эпитетомъ *второго Ломоносова*, а главный тогдашній критикъ другаго петербургскаго журнала, недававшій ему покоя, въ послѣдніе годы его жизни, мелочными придирами, и, въ свою очередь, также уже покойный, не замедлилъ выдать брошюрку, подъ заглавіемъ *Николай Алексѣевич Полевой*. Въ ней, по-обыкновенію того критика (не въ укоръ памяти его будь сказано), наговорено было обо всемъ, и менѣе всего о Полевомъ, такъ-что изъ 55 страниць брошюры на долю предмета ея не досталось и пяти. Приводимъ нѣсколько мѣстъ, относящихся къ журнальному поприщу Полеваго, не потому, чтобы они представляли сужденіе вѣрное, а для того, чтобы читатели видѣли и мнѣніе одного изъ его поклонниковъ и подражателей, котораго въ публикѣ проницески называли «недопеченымъ» Полевымъ...

«Полевой былъ явленіемъ необыкновеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Человѣкъ, почти вѣсье неизвѣстный въ литературѣ, нигдѣ неучившійся, купецъ званіемъ, берется за изданіе журнала, — и его журналъ, съ первой же книжки, изумляетъ всѣхъ живостію, свѣжестью, новостію, разнообразіемъ, вкусомъ, хорошимъ языкомъ... Умная, оригинальная, чуждая *предразсудковъ* (?) критика «Московскаго Телеграфа» высказывала свои мнѣнія прямо, несмотря ни на какіе авторитеты... Не скажемъ, не только того, чтобы Полевой никогда не ошибался, но и того, чтобы онъ всегда былъ безпристрастенъ къ своимъ противникамъ... Онъ не столько утверждалъ, сколько отрицалъ, не столько доказывалъ, сколько оспаривалъ... все въ немъ было неопредѣленно, часто смутно, а иногда и противорѣчиво... Сначала въ «Телеграфѣ» принимали участіе, хотя и небольшое, даже Жуковский

и Пушкинъ, и весьма значительное участіе принималъ въ немъ князь Вяземскій. Но вскорѣ участь этого журнала стала зависѣть *только* отъ дѣятельности и таланта его издателя, постоянно вспомошествоваемаго *только* своимъ братомъ, К. А. Полевымъ... Повѣсти его потому именно и имѣютъ свое относительное достоинство, что явились во-время. Въ нихъ онъ былъ вѣренъ самому-себѣ, и для него онѣ были только особенною отъ журнальныхъ статей формою... Вѣренъ былъ онъ себѣ и въ своей «Исторіи Русскаго Народа»: и въ ней онъ былъ журналистомъ, а не историкомъ. Ему казалось, что смутный хаосъ, образовавшійся въ его головѣ изъ идей Гердера, Шеллинга, Гизо и Тьерри, очень удобоприложимъ къ русской исторіи. Это значило вобще не понять ее, и не нужно говорить, что изъ этого вышло...»

Въ заключеніе о Полевомъ, послушаемъ, какъ самъ онъ оцѣнялъ себя, въ качествѣ журнальнаго критика, и на сколько отдавалъ справедливость другимъ (см. предисловіе къ тѣмъ же «Очеркамъ», страницъ VIII, XIII и XIV):

«Немногіе изъ русскихъ литераторовъ, говоря вообще, писали столь много и въ столь многообразныхъ родахъ, какъ я. Едва ли какой-нибудь современный предметъ, сколько-нибудь занимавшій умы и сердца моихъ современниковъ, не обращалъ на себя моего вниманія, какъ критика и журналиста. Изученіе и разборъ всего, что мелькало передъ нами, увлекали меня непрерывно и постоянно. Осмѣливаюсь думать, что въ томъ, что было писано мною, и не одни современники найдутъ поводъ къ размышленію... Позволяю себѣ думать, что нѣкоторыя мысли мои о теоріи наукъ и искусствъ, изображенія Ломоносова, Державина, Кантемира, Дмитріева, Хемницера могутъ имѣть и не мимолетный интересъ; что разборы сочиненій Пушкина, Жуковскаго, Мерзлякова, Козлова, Карамзина, Кубольника, Берха, и проч., имѣютъ цѣну, какъ матеріялы для исторіи нашей литературы; что другія статьи, о путешествіяхъ Муравьева, Щукина, Бѣлявскаго, Турецкой войнѣ 1828 года, и теперь любопытны будутъ, какъ дополненіе характеристики нашего времени... да позволятъ мнѣ представить мои статьи, какъ *первыя* (?) опыты русской самобытной критики. До появленія моего въ журнальной литературѣ, критика только изрѣдка мелькала въ нашей журналистикѣ. Отдадимъ справедливость критическимъ статьямъ Греча, Мерзлякова, Каченовскаго, Булгарина и Воейкова: имена сихъ почтенныхъ литераторовъ останутся, какъ имена остроумныхъ критиковъ, за написанныя ими критическія статьи. Но никто не оспоритъ у меня

чести, что первый я сдѣлалъ изъ критики постоянную часть журнала русскаго, первый обратилъ критику на всѣ важнѣйшіе предметы современной литературы. Мои опыты были несовершенны, не полны— скажутъ мнѣ — и послѣдователи мои далеко меня обогнали въ сущности и въ самомъ образѣ воззрѣнія. Пусть такъ, да и стыдно было бы новому поколѣнію не стать выше насъ, поколѣнія уже преходящаго, потому выше, что оно старше насъ, послѣ насъ явилось, продолжаетъ что мы начинали, и мы должны быть довольны, если наши труды будутъ имѣть для него цѣну историческую. Критика Мерзлякова на Россіяду Хераскова, критика Каченовскаго на сочиненія Дмитріева, критика Греча на грамматику Академіи, критика Воейкова на трагедіи Грузинцова, критика Булгарина на образцовыя сочиненія и на Исторію Г. Р. Карамзина, будутъ достойны всегдашняго вниманія, какъ памятники ума...»

Исчисляя такимъ-образомъ замѣчательнѣйшія критическія статьи своихъ предшественниковъ, не противорѣчилъ ли Полевой собственному утверженію относительно того, что имъ представлены *первыя* опыты самобытной русской критики. Пересмотрите внимательно старые журналы наши, явившіеся до «Телеграфа», и вы найдете тамъ счастливыя проблески дѣльнаго, оригинальнаго сужденія, не говоря уже объ умныхъ критическихъ статьяхъ Карамзина и Макарова...

Между-тѣмъ какъ «Сынъ Отечества», «Сѣверный Архивъ», «Пчела» и «Телеграфъ» подвизались на первомъ планѣ, вторыя и третьи мѣста современной имъ журналистики русской также не оставались праздыми. Однажды мы имѣли уже случай перечислить третъестепенныя періодическія изданія двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ, принимавшія посильное участіе въ общемъ литературномъ движеніи того времени; теперь предлежитъ намъ указать на нѣкоторыя второстепенныя той же эпохи, болѣе или менѣе удостоенныя благосклоннымъ вниманіемъ публики, болѣе или менѣе, въ разныхъ отношеніяхъ, содѣйствовавшія развитію литературы русской, подававшіе, въ свой чередъ, голосъ, критиковавшія и книги, и другъ-друга, нерѣдко удачно, не безъ соли и эпиграммы.*

Говорить ли о *Невскомъ Зритель*, ежемѣсячномъ изданіи И.

* Къ третъестепеннымъ періодическимъ изданіямъ того времени, изображеннымъ, между прочимъ, въ вышеупомянутой статьѣ С. О. (Декабрь 1851 г.) могутъ быть отнесены: *Колокольчикъ*, Олина и Никонова; *Бабочка*, г. Филимонова и Зейделя (1830—31); *Дамскій журналъ*, вн. Шаликова; *Гирлянда*, *Сѣверный Меркурій*, Бестужева-Рюмина; *Европеецъ*, Кирѣевскаго; *Радуга*, Бюргера (1831—1832); *Атеней*, М. Павлова (1828—30); *Галател*, Раича (1829—40); *Санктпетербургскій Вѣстникъ*, г-на Е. Аладина (1831); *Сѣверная Минерва*, г. Иродіона Вѣтринскаго (1832), и т. п.

Сниткина, Г. Кругликова, П. Рожкова и М. Яковлева. По характеру своему и составу, оно примыкало еще къ ряду періодическихъ изданій нашихъ предшествовавшей эпохи, т. е. не имѣло строго опредѣленной цѣли, и хотя въ немъ мелькали хорошіе стихи и проза, но виднаго мѣста въ журналистикѣ оно занять не могло уже и по кратковременности существованія своего, продолжавшагося съ 1820 по іюль 1821 года.

Благонамѣренный, А. Е. Измайлова, начался двумя годами ранѣе: но какъ изданіе его тянулось около десяти лѣтъ (1818—1827), и слѣдственно захватило «Архивъ», «Сѣверную Пчелу» и «Телеграфъ», то въ немъ невольно отразились отчасти нѣкоторыя стороны дальнѣйшаго развитія повременной литературы русской. Измайловъ лицо типическое въ словесныхъ нашихъ хроникахъ, — соединеніе ума съ простодушіемъ, подражательности съ оригинальностью, доброты и кротости съ цинизмомъ и удалою хвостовней подъ перомъ. Еще въ концѣ прошедшаго столѣтія, девятнадцатилѣтнимъ юношей, онъ затѣваетъ русскій романъ, «Евгеній, или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и общества», какъ видно по самому заглавію внушенный тогдашними заморскими правоописательными сочиненіями, но исполненный не безъ отбѣнка собственнаго дарованія. Дурной публикою пріемъ этого опыта не смущаетъ молодаго человѣка. Вслѣдъ за «Бѣдною Лизою» Карамзина, онъ пишетъ свою «Бѣдную Машу», вслѣдъ за Дмитриевымъ свои басни и сказки, непохожія однакожь на образцы предшественника. Движимый порывами прекраснаго сердца, съ теплотою его разсуждаетъ о христіанской помощи бѣднякамъ въ брошюрѣ, отдѣльно изданной (1805 г.) При служебной дѣятельности находитъ время для срочныхъ литературныхъ занятій — издаетъ журналы «Цвѣтникъ», «С.-Петербургскій Вѣстникъ». Не будучи записнымъ ученымъ, состоитъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ. Всѣ его любятъ и уважаютъ — и немножко надъ нимъ посмѣиваются. Крупно ссорится онъ съ своими литературными противниками и зоилами — и чистосердечно, искренно примиряется съ ними при первой встрѣчѣ; шумно возстаетъ противъ порока, и снисходительно прощаетъ слабости ближняго. Вездѣ, во всемъ у него добрыя, благородныя побужденія. Онъ, точно, писатель и журналистъ *благонамѣренный*. Александръ Ефимовичъ самъ это чувствуетъ, сознаетъ, и — вотъ онъ издатель «Благонамѣреннаго». Онъ желаетъ нравиться дамамъ своими произведеніями, а его, въ стихахъ и прозѣ, увѣряютъ, что онъ писатель не для дамъ. А. Е. сердится, пыхтитъ, отдувается, и успокоивается не прежде, какъ сочинивъ на «враговъ» и «завистниковъ» презлую басенку, въ которой торжественно

выставляетъ себя слономъ. Всегда откровенный и наивный, онъ вѣренъ себѣ даже въ положительномъ объявленіи о подпискѣ на свой журналъ. Не угодно ли заглянуть въ одно изъ этихъ объявленій... «Благонамѣренный будетъ выходить и въ слѣдующемъ 1823 году, *только* не по одной книжкѣ въ недѣлю, какъ нынѣ, а по двѣ въ мѣсяць, какъ то уже было въ 1819, 20 и 21 годахъ. Еженедѣльное изданіе литературнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ *критическаго* (?) журнала сопряжено съ весьма большими затрудненіями и неудобствами: издавая маленькія книжки, по два только съ половиною печатныхъ листа, невозможно не раздроблять въ нихъ *многихъ занимательныхъ и любопытныхъ* статей, которыя всякой желалъ бы прочесть вдругъ, а не въ два или въ три раза, и сохранить разнообразіе въ предметахъ, составляющее главное достоинство всѣхъ вообще періодическихъ сочиненій. Притомъ, *по необходимости*, печатаются иногда въ *недѣльномъ* журналѣ такія пьесы, особенно стихотворенія, которыя *неизвинительно* было бы помѣщать въ *двунедѣльномъ* или *ежемесячномъ* изданіи. *И такъ, нижеподписавшійся* станетъ издавать съ наступающаго 1823 года по два нумера въ мѣсяць (1 и 15 ч. *непрерывно*), и каждый нумеръ или книжка заключать будетъ въ себѣ *пять* печатныхъ листовъ, или 80 страницъ». Александръ Ефимовичъ, конечно, не сталъ бы хвалиться такимъ объемомъ своего «Благонамѣреннаго», еслибъ предвидѣлъ, что лѣтъ чрезъ пятнадцать будутъ у насъ выходить ежемѣсячные журналы въ 30 листовъ или 600 страницъ, при каковомъ обиліи срочной доставки все должно быть *извинительно*... Между-тѣмъ программа «Благонамѣреннаго», для 120 печатныхъ листовъ *въ годъ*, была довольно обширная, претендуя на *семь* отдѣленій: изящную словесность, науки и искусства, критику, библіографію, театръ, нравы и смѣсь. Въ первомъ возвѣщались «оды, посланія, элегіи, идилліи, сказки, басни, пѣсни, романсы, эпиграммы и стихотворные отрывки», а въ прозѣ: «рѣчи, разговоры, небольшія драматическія сочиненія, *живописныя* путешествія, повѣсти, отрывки изъ романовъ, также переводы образцовыхъ басенъ лучшихъ древнихъ и новѣйшихъ *фабулистовъ*». Во второмъ—разсужденія по предметамъ литературы, наукъ и искусствъ. Въ третьемъ—разборъ *нѣкоторыхъ* новыхъ книгъ и образцовыхъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ, также замѣчанія *на все вообще* басни *лучшихъ отечественныхъ баснописцевъ* (басни были конькомъ критики почтеннаго Александра Ефимовича, считавшаго, кажется, собственныя басни лучшими со временъ Езопа). Въ четвертомъ—извѣстія о всѣхъ вообще новыхъ русскихъ книгахъ, съ краткими и незлобными замѣчаніями на немногія изъ нихъ, и перечень важнѣйшимъ *иностраннымъ*

сочиненіямъ. Въ пятомъ—правила декламаціи и театральнаго искусства; разборъ нѣкоторыхъ новыхъ пьесъ, представляемыхъ на петербургскихъ театрахъ, съ замѣчаніями на игру актеровъ. Въ шестомъ—описаніе нравовъ и обычаевъ различныхъ обществъ, картины домашней жизни людей разныхъ классовъ. Но самымъ заманчивымъ, курьёзнымъ отдѣленіемъ «Благонамѣреннаго» было послѣднее—смѣсь—гдѣ «біографіи знаменитыхъ мужей» пересыпались анекдотами, «нравоучительныя мысли» догоняли мелкія новости и сообщенія о парижскихъ модахъ, извѣстія о благотвореніяхъ предшествовали «загадкамъ, шарадамъ, логогрифамъ, омонимамъ и анограммамъ»; гдѣ, наконецъ, одинъ уголокъ назывался «сатирическою газетою, безъ всякихъ однако личностей».

Въ заключеніе издатель объявлялъ, что «по временамъ и по приличію прилагаемы будутъ картинки, портреты, чертежи и ноты», что «будетъ онъ имѣть у себя постоянныхъ сотрудниковъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ корреспондентовъ, и преимущественнѣе предъ прочимъ наипрѣвъ онъ займется благонамѣренною критикою...»

Несмотря на всѣ эти обѣщанія, болѣе или менѣе исполненныя въ 1823 и 24 годахъ, «Московскій Телеграфъ», въ первый годъ своего существованія, разразившись «обозрѣніемъ русской литературы въ 1824 году», такъ лаконически и неуважительно выразился о «Благонамѣренномъ»: «въ немъ помѣщались проза, стихи, критика, но болѣе всего статьи *шуточныя*». Н. А. Полевой *шутить* не любилъ и, сказать правду, не умѣлъ—шутка и острота рѣдко ему удавались... Кстати объ этомъ обзорѣ. Оно было первою депешкою «Телеграфа», адресованною самолюбію тогдашнихъ писателей и журналистовъ, возбудившею сначала легкія перестрѣлки, а потомъ тяжелую и скучную полемику. Приведемъ еще отзывъ его о другомъ того времени періодическомъ изданіи:

«Много хотѣли мы писать о «Дамскомъ журналѣ», но какъ нарочно—ни одна мысль не мелькнула въ головѣ, ни одно чувство не вспыхнуло въ сердцѣ. Не имѣя передъ собою бюста Ж. Ж. Руссо, мы взяли—сочиненія издателя, развернули наудачу, и намъ попались мысли его о *самомъ себѣ*, столь *милыя*, столь привлекательныя, что мы рѣшились выписать ихъ. Вотъ онѣ:

«Для чего я жилъ до сихъ-поръ? Для чего буду жить впередъ? Какая польза въ томъ, что занимаю мѣсто въ системѣ бытія? Зачѣмъ это чувствительное сердце въ груди моей? Зачѣмъ сіи мысли въ головѣ у меня? Грущу, тоскую, лью слезы—о себѣ, ближнемъ—и *болѣе ничего!*.. Думаю о челоувѣчествѣ, о судьбѣ его, о величіи и ничтож-

ности, о суетности и заблужденіяхъ, о счастіи и горестяхъ, о добродѣтели и порокахъ, объ успѣхахъ разума и слѣдствіяхъ страстей,—разбираю, сравниваю, взвѣшиваю, измѣриваю... беру посохъ свой, иду въ поле, съ тѣмъ, чтобъ облегчить голову и ни о чемъ не думать! Къ чему служить мнѣ моя чувствительность, мои разсужденія?» (Соч. К. Шаликова. М. 1819 г. Часть первая, стран.—90—91.)

Заслуживали ли насмѣшки эти кроткія мысли, выраженный такимъ нѣжнымъ, сладенькимъ языкомъ? Но «Дамскій Журналъ» не оставался въ долгу. Въ немъ иногда являлись довольно «чувствительныя» отвѣды, и, между прочимъ, колкія эпиграммы и мѣткія статеечки покойнаго А. Θ. Воейкова, печатавшіяся подъ разными псевдонимами. Переходимъ къ этому журналисту *.

Переводчикъ Делилевыхъ Садовъ и Георгикъ Виргилія отличался качествами, совершенно противоположными свойствамъ Измайлова. Его несправедливо было бы упрекнуть въ излишней добротѣ, простодушіи, наивности. Говоримъ о немъ съ увѣренностью, не по наслышкѣ или преданію: мы знавали его лично, принимая нѣкоторое участіе въ одномъ изъ его изданій, гдѣ помѣщены были первыя наши повѣсти. Какъ теперь, видимъ передъ собою угрюмаго, недовольнаго старика, съ насмѣшливостью въ мутномъ взглядѣ, съ жѣлчною, ледяною, хотя иногда и льстивою рѣчью на посинѣвшихъ устахъ. Вотъ въ длинномъ сюртукѣ или курткѣ сидитъ онъ въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, мрачномъ не менѣе хозяина, и на простомъ, неокрашенномъ квадратномъ столѣ медленно пишетъ свои ядовитыя литературныя замѣтки... Вотъ, какая-то странная радость сверкнула въ глазахъ его подъ зонтикомъ; смуглое, мертвенное лицо его будто оживилось нѣсколько: ему удалось мѣткое, эпиграмматическое словцо; острая стрѣла попадетъ прямо въ сердце досадившаго противника. Кто не знаетъ его язвительной, безпощадной сатиры «Сумасшедшихъ домъ», въ которомъ онъ разсадилъ по нумерамъ современныхъ литераторовъ, не разбирая ни друзей, ни враговъ, или, лучше сказать, разобравъ ихъ по косточкамъ. Умные люди не сердились, и печатно хвалили ѣдкое остроуміе автора...

Воейкову принадлежали три періодическія изданія: *Новости литературы* (1822—1826), *Славянинъ* (1827—30) и *Литературныя*

* Въ томъ же литературномъ обзорѣнн «Телеграфа», въ числѣ повременныхъ московскихъ изданій 1824—1825 г., говорится и о *Мнемозинѣ* князя Одоевскаго; но какъ это былъ не собственно журналъ, а скорѣе альманахъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ выпусковъ, то мы и не включаемъ «Мнемозину» въ нашъ обзоръ. Полевой отозвался о ней несо-
всѣмъ благосклонно...

Прибавленія къ Русскому Инвалиду (1833—1836), котораго онъ былъ непремѣннымъ редакторомъ.

И «Новости литературы», начавшіяся съ іюня 1822, въ одинъ годъ съ «Сѣвернымъ Архивомъ», прежде издавались также при «Инвалидѣ», еженедѣльно по листу, а со второй половины 1824-го до конца ежемѣсячно, книжечками въ три листа. Соредакторомъ Воейкова въ этомъ изданьицѣ, первые два съ половиною года, былъ В. Козловъ.

Содержаніе «Новостей литературы», которыя, по миниатюрному объему и формату книжечекъ, читались удобно и скоро, не имѣло притясаіи на многосложность. Единственными ихъ отдѣлами были такъ называемая изящная проза и стихи,—стихи, часто очень недурные, сообщаемые извѣстѣйшими поэтами. По-крайней-мѣрѣ, количество стихотвореній въ «Новостяхъ литературы» могло возбудить зависть другихъ журналистовъ. Въ одной, напримѣръ, майской 1825 года книжечкѣ, состоявшей изъ 80 страничекъ, встрѣчаемъ 16-ть стихотвореній, въ числѣ ихъ съ именами Языкова, к. Вяземскаго, О. Н. Глинки и — Жуковскаго. Краснорѣчивый авторъ «Писемъ русскаго офицера» заувывно выражаетъ здѣсь:

ЖЕЛАНІЕ ПРЕЖНЯГО.

Эльмира! при тебѣ мнѣ, страннику, все радость,
Все счастье для моей затихнувшей души;
Я жадно нѣгу пью въ безпечной сей тиши,
И мнѣ мила, какъ жизнь, твоя златая младость...

О, милая, при имени твоёмъ
Я слышу на устахъ и аромать и сладость,
И все мнѣ кажется какимъ-то дивнымъ сномъ...
Я свѣтомъ глазъ твоихъ, какъ счастьемъ, утѣшаюсь,
И, въ тихой радости, нѣмѣя, забываюсь,
Какъ-будто я въ странѣ волшебства и чудесъ...

Но отчего-жъ покой души моей исчезъ?—
Увы! она полна желанной тишиною,
И въ тишинѣ желанной сей груститъ!
И память о быломъ опять ее манитъ
Въ поля, зажженныя войною,
Въ тревогу битвы роковой.

Опять желаетъ бурь за мирныя забавы,
И мила ей—привѣтъ и ласки прежней славы,
И свѣжесть жизни боевой!...

Конечно, въ нынѣшнихъ стихахъ больше *рефлексій*: но какъ они мало говорятъ чувству, сердцу, а ума большаго — простите! — въ нихъ не видимъ, то, въ простотѣ, предпочитаемъ «прежніе», написанные правильнымъ, гармоническимъ языкомъ русскимъ...

Прозическій отдѣлъ той же книжечки «Новостей литературы» — ужъ если пришлось ей быть вызванной на судъ потомства — состоялъ изъ двухъ статей, оригинальной и переводной. Первая, принадлежавшая самому издателю, называется: «Воспоминаніе о селѣ Савинскомъ и добродѣтельномъ его хозяинѣ». Содержаніе ея — краткое описаніе села, въ-особенности садовъ Савинскаго, и нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о прежнемъ владѣлѣ этого имѣнія, сенаторѣ И. В. Лопухинѣ, весьма впрочемъ любопытныя и даже поучительныя. Это былъ любимый родъ статей Воейкова, въ которыхъ онъ перемѣшивалъ прозу со стихами, чужими и собственными, старыми и новыми, наполняя текстъ примѣчаніями, выносками, цитатами и объясненіями. Въ послѣдней привычкѣ у него было нѣчто общее съ покойными графомъ Д. И. Хвостовымъ и С. Н. Глинкою. Такъ и въ ономъ «Воспоминаніи» найдете стихи В. А. Жуковскаго изъ элегіи Грея «Сельское кладбище», стихи М. Н. Муравьева, мало идущія къ предмету описанія, болѣе кетати приведенныя строфы изъ Делиевой поэмы, и наконецъ новые стишки автора, какъ бы вылившіеся въ порывѣ вдохновенія, искусственность котораго, однакожь, слишкомъ замѣтна и въ прозѣ, и въ стихахъ Воейкова...

«Колоколь замолчалъ: но звонкій соловей засвисталъ съ сумракѣ, иволга застонала; рожокъ за рѣкою заунывно наигрывалъ сельскія пѣсни; заря потухла; разлился сумракъ; чашечки цвѣтовъ раскрылися; благовонныя пары поднялись отъ земли, прелестный вѣтерокъ разнесъ ихъ по водамъ,

И рощи, и луга, и воды,

И красоты природы,

И образцовыя творенія искусствъ

Насъ въ Савинскихъ садахъ обворожали;

Но больше твердый умъ, сердечность нѣжныхъ чувствъ

И ласки добраго хозяина плѣняли.

Какъ видите, стихи уступаютъ прозѣ, а проза эпиграммамъ того же автора. Вообще Воейковъ одушевлялся только въ послѣднихъ, вдохновеніе служило ему только для порицанія. Хвалить онъ не умѣлъ — хвалить искусство трудное! Еще менѣе свойственны ему были нѣжность, чувствительность, мечтательность, хотя иногда онъ любилъ прикидываться растроганнымъ явленіями жизни и природы.

Вторая статья—«Черный паукъ», не лишенная замысловатости народная нѣмецкая сказка, въ прекрасномъ переводѣ В. Тило, гдѣ, кажется, и самъ Воейковъ приложилъ свою руку, какъ можно заключать, во-первыхъ, по соли нѣкоторыхъ фразъ и выраженій, а во-вторыхъ, потому—что двое изъ дѣйствующихъ лицъ, нѣмецкіе лавочникъ и портной, переименованы одинъ въ *Ханыгина*, а другой въ *Пуговкина*.

Славянинъ состоялъ изъ двухъ главныхъ отдѣленій: *военнаго* и *литературнаго*. Первое заключало въ себѣ статьи по части образованія и управленія военными силами въ разныхъ государствахъ, уставы, учрежденія, число войскъ и пр; военное искусство, тактику войскъ разнаго оружія; техническія изслѣдованія по предметамъ, касающимся артиллеріи, инженерной и морской науки; исторію войнъ, походовъ, войскъ древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ; описанія сраженій, съ критическими замѣчаніями, военную библиографію и наконецъ, въ смѣси этого отдѣленія, военные анекдоты, слова, письма, реляціи, приказы знаменитыхъ полководцевъ. Во второмъ отдѣленіи историческіе отрывки, повѣсти, сказки, путешествія, разборъ *лучшихъ* вновь выходящихъ книгъ и разнаго рода стихотворенія. Какъ видно изъ объявленій издателя, въ вознагражденіе авторамъ и переводчикамъ—предлагалось до 250 отдѣльныхъ экземпляровъ ихъ произведеній... чѣмъ, болѣею—частью, и оканчивались расчеты тогдашнихъ журналистовъ съ случайными сотрудниками, отчего ни тѣ, ни другіе въ существенномъ выигрышѣ не бывали...

«Славянинъ» выходилъ еженедѣльно, тоненькими книжками. Нѣкоторое время литературный отдѣлъ его главнѣйше пробивался переводами повѣстей фанъ-деръ-Фельда. Въ очеркѣ, подобномъ нашему, система оглавленій достаточно знакомитъ читателей съ содержаніемъ разсматриваемаго. Представляемъ перечень 2-й части «Славянина» за 1827-й годъ.

Отдѣленіе военное.—Осада испанскихъ крѣпостей союзными войсками въ 1811—13 годахъ.—О состояніи португальской арміи.—Медаль, выбитая въ честь Суворова въ 1791 г.—О малой войнѣ.—Великобританская артиллерія. Отрывокъ изъ записокъ Наполеона, изданныхъ Монтолономъ.—О желѣзныхъ судахъ.—Географическія и статистическія свѣдѣнія о персидскихъ провинціяхъ Гиланѣ и Мазендеранѣ.—Письмо Фукса къ полковнику Добрышину.—О состояніи и числѣ русскихъ войскъ въ началѣ второй турецкой войны, при Императрицѣ Екатеринѣ II.—Матеріалы для исторіи войны съ горцами и Персіанами.—Разборъ сочиненія подполковника Рувруа: *Уроки артиллеріи.*—

Опыты, дѣланные въ Норвегіи для опредѣленія длины пушекъ, дающей дальнѣйшіе выстрѣлы.

Отдѣленіе литературное. Здѣсь встрѣчаемъ нѣсколько повѣстей, болѣею—частью переводныхъ, и опять, какъ въ «Новостяхъ литературы», обильный запасъ стихотвореній, между прочими, Жуковского, И. Козлова, Языкова, Глики, Баратынскаго, Иличевскаго, Борозны, П. Г. Сбодовскаго.

У насъ теперь подъ рукою два нумера «Славянина» того же 1827 года, XXVI и LI. Въ послѣднемъ укажемъ на «таблицу всѣхъ государственныхъ войнъ, веденныхъ Россіей, и непріятельскихъ нашествій на оную отъ Рюрика до конца прошедшаго царствованія»; а изъ перваго заимствуемъ нѣсколько, изложенныхъ въ аллегорической формѣ, мыслей о критикѣ, которыя показались намъ замѣчательными:

«Критика (говорить одинъ забытый авторъ) есть старшая дочь *Труда и Истины*; родители ввѣрили ее еще въ дѣтствѣ *Правосудію*, и она воспитывалась въ чертогахъ *Мудрости*. Вскорѣ боги, замѣтивъ въ ней рѣдкія и отличныя дарованія, отдали подъ ея присмотръ *Воображенію*. Ея обязанностію было: присутствовать при пѣніи Музъ предъ Юпитеромъ. Музамъ вздумалось сойти на землю; имъ сопутствовала *Критика*. На дорогу вручило ей *Правосудію* жезлъ, у коего одинъ конецъ былъ напоенъ амврозіей, увѣнчанъ золотыми и лавровыми листьями; другой конецъ обернуть былъ кипарисомъ, макомъ, и обмоченъ въ водахъ рѣки *Забвенія*. Въ лѣвой рукѣ носила всегда *Критика* свѣтящій факель, сдѣланный *Трудою* и зажженный *Истиною*. Свойство сего факела состояло въ томъ, что онъ, освѣщая вещи, показывалъ ихъ въ настоящемъ видѣ, сколько бы ни было приложено старанія представить ихъ въ видѣ ложномъ.

«Имѣя въ рукахъ факель и жезлъ, *Критика* приступала къ разбору твореній тѣхъ людей, кои мнили быть любимцами Музъ. По мѣрѣ того, какъ ей представляли какое-нибудь произведеніе, она освѣщала его факеломъ *Истины*, и увѣрившись чрезъ сей неизмѣнный опытъ, что сочиненіе сходно съ данными правилами, она дотрогивалась до него тѣмъ концомъ жезла, который былъ увѣнчанъ лаврами, и налагала на сочиненіе печать безсмертія. Но случалось гораздо чаще встрѣчать ей недостатки и несовершенства въ сочиненіяхъ, представленныхъ ей сужденію: они были прикрыты обманчивыми красками; въ нихъ находилось несогласіе между выраженіями и чувствами; предметы, кои хотѣли описать, были изображены невѣрно; отдѣльныя части оныхъ сведены неудачно; пустоты между ими—наполнялись пустотами же, которыя ничего не придавали ни достоинству ихъ, ни красотѣ, ни пользѣ. Тогда

Критика, вмѣсто того, чтобы запечатлѣть ихъ печатью безсмертія, оборачивала жезлъ свой и вспыскивала ихъ макомъ и кипарисомъ, омоченными въ рѣкѣ *Летѣ*; составъ ужасный, непокидающій сочиненія до совершеннаго его уничтоженія!

«Бывало также, что сама *Критика* находилась въ недоумѣніи: ей представляли иногда произведенія, въ которыхъ красоты и недостатки находились въ борьбѣ; тогда, не зная, которымъ концомъ жезла должно ихъ коснуться, *Критика* держала оный въ равновѣсіи и предоставляла *Времени* оцѣнить ихъ надосугѣ.

«Сужденія *Времени* были медленны, но вѣрны, и оно судило столь хорошо, что *Критика* увѣрилась въ его исправности, увидѣла, что здѣсь ей болѣе дѣлать нечего, и удаллась. Но прежде своего отбытія, она разбила ненужный ей жезлъ: *Лестъ* ухватилась тотчасъ за конецъ, напоенный амврозіей, а *Злоба* овладѣла концомъ *Забвенія*...

«Послѣ сего мудрено ли, что *Разсудокъ* и *Здравый Смыслъ* не всегда управляли той частію жезла, которая досталась *Лести* или *Злобѣ*...

«Но *Время* продолжало судить по всей справедливости.»

Не смотря на столь прекрасныя, благородныя мысли объ истинной критикѣ, самъ «Славянинъ» не всегда имъ слѣдовалъ.

Систематическими, обстоятельными сужденіями о новыхъ книгахъ онъ не отличался; искусство отъ его критикъ немного выигрывало, потому-что Воейковъ больше хлопоталъ объ удачныхъ сарказмахъ, которые старательно направлялъ противъ своихъ противниковъ. Чужой усѣхъ ему не нравился, и, на этомъ основаніи, всѣ періодическія изданія, пользовавшіяся вниманіемъ публики, подвергались его набѣгамъ. Любимою мѣстою «Славянина» были «Сынъ Отечества», «Сѣверная Пчела» и «Телеграфъ». Иногда онъ поражалъ сильно, неотразимо. Какая-то ѣдкая злость ума замѣняла Воейкову дарованіе; колкости его больно ранили; эпитетическія выходки его не разбирали правоты или неправоты того, на кого обращались. Онъ оборонялся еще искусѣе, нежели нападалъ — съ любовью точилъ неприязненное слово, обмакивая перо свое уже не въ воду рѣки забвенія, а въ жѣльчъ, такъ-сказать.

Но и сатирическое притупляется, становится безопаснымъ, какъ змѣя, у которой вырвано жало. Позднѣйшіе листки Воейкова, «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», выходившіе по средамъ и субботамъ, въ послѣдніе годы своего существованія, были явленіемъ крайне-незначительнымъ. Въ нихъ не встрѣчаемъ уже именъ, украсившихъ прежнія изданія Воейкова, а литераторы съ именами малозвѣстными снабжали газетку эту произведеніями весьма посредствен-

ными. Оставалось трудиться самому издателю. И онъ трудился по мѣрѣ ослабѣвавшихъ силъ своихъ; писалъ-то «пересмѣшникъ», въ которомъ пересмѣживалъ нравы, рисовавшіеся въ его болѣзненной фантазіи, и который никого не смѣшилъ; то «литературныя замѣтки», въ которыхъ замѣчалъ мелкіе промахи, пустыя описки, придирался ко всему, ко всѣмъ, особенно къ новымъ журналистамъ, счастливо дебютировавшимъ. Но въ этихъ выходкахъ не было уже прежней остроты и извѣстности автора: мефистофельская улыбка скрылась — въ замѣнъ ей читатели видѣли только недовольную гримасу, бессильную досаду и холодное раздраженіе.

Кромѣ этого запоздалаго «пересмѣшника» и «замѣтокъ», являвшихся подъ псевдонимомъ «Караблинскаго», въ «Литературныхъ прибавленіяхъ» печатались иногда переводные, иногда оригинальные рассказы, рѣдко удачныя, стихотворенія, болѣею-частью плохія и, сверхъ-того моды, на двухъ языкахъ, французскомъ и русскомъ, на тотъ конецъ, чтобы, въ случаѣ непонятности послѣдняго, обращаться непосредственно къ первому...

Чувствуя, что прошла его пора, и пустивъ еще въ противниковъ нѣсколько притупленныхъ стрѣлъ, подобно послѣднимъ выстрѣламъ съ умолкающей батареи, которой орудія уже подбиты и снаряды израсходованы, — Воейковъ сошелъ со сцены журналистики, гдѣ, года за два передъ тѣмъ, начался новый періодъ, открывшійся «Новосельемъ» Смирдина и потомъ его обширнымъ ежемѣсячникомъ. Послѣднимъ литературнымъ предпріятіемъ Воейкова было также нѣчто въ родѣ этого «Новоселья», неимѣвшее однакожъ тѣхъ же блистательныхъ послѣдствій. Въ товариществѣ съ гг. Владиславлевымъ и Жуковымъ, завелъ онъ новую типографію, позвалъ на великолѣпный въ ней объѣдъ болѣшую часть извѣстныхъ петербургскихъ писателей, художниковъ, актеровъ. Первымъ лицомъ этого артистическаго собранія былъ маститый Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Здѣсь сошлись К. П. Брюловъ съ В. А. Каратыгинымъ, Н. А. Полевой съ Н. В. Кукольниковъ, баронъ Е. О. Розенъ съ И. И. Панаевымъ, и такъ далѣе. Слово теперь видимъ, какъ Воейковъ, медленно, сумрачною тѣнью, прихрамывая и опираясь на свой костыль, расхаживаетъ, въ синемъ фракѣ, между своими сверстниками или представителями новаго поколѣнія, и вотъ, весною 1838 года, является альманахъ съ слѣдующимъ предисловіемъ: «Просвѣщенные гости, праздновавшіе вмѣстѣ съ хозяевами открытіе типографіи, на память объ этомъ *событіи* подарили имъ по статьѣ, каждый въ своемъ родѣ. Изъ этого составился *Сборникъ*. Выходъ второй части «Сборника» бу-

детъ зависѣть отъ благосклоннаго вниманія публики.» Точь-въ-точь какъ предисловіе къ «Новоселью».

Альманахъ, хотя и далеко уступалъ Новоселью, но былъ вообще недуренъ. Публикѣ же и критикѣ не понравился потому, что состоялъ болѣею-частью изъ стихотвореній и отрывковъ, на которые тогда уже проходила мода. Въ немъ были только два оконченные, цѣлые разсказа *, а самому Воейкову, подъ псевдонимомъ Кораблинскаго, принадлежали двѣ сатирическія статейки: «*Ему везетъ*» и «*Разговоръ между стихотворцемъ Продажновымъ и помѣщикомъ Мечтателевымъ*», гдѣ въ послѣдніе блеснули потухающія искорки колкаго ума автора. Эти-то статейки и странное, смѣшное объявленіе о выходѣ альманаха, донельзя гиперболически превозносившее всѣхъ его вкладчиковъ (между прочимъ, переводчикъ Фауста, покойный поэтъ Губеръ, названъ былъ побѣдителемъ «великана» Германіи, Гёте) вызвали въ Сѣверной Пчелѣ строгую рецензію г. Булгарина, въ которой онъ пуще всего разгнѣвалъ Воейкова извѣстнымъ стихомъ Озерова изъ «Эдипа въ Афинахъ»: *я вѣкъ на камень кончу семъ*, примѣняя этотъ стихъ къ литературной неподвижности и однообразію таланта Воейкова. Намъ привелось столкнуться съ нимъ въ утро появленія этой рецензіи: онъ выходилъ изъ себя... но, помнится, не отвѣчалъ на нее печатно. И до того ли ему было? Бременимый седьмымъ десяткомъ лѣтъ, онъ быстро приближался къ предѣлу земнаго существованія, и скоро сошелъ въ могилу, непровожаемый сожалѣніемъ равнодушной къ нему современной публики. Печаленъ былъ конецъ его, какъ писателя, журналиста и человѣка! Теперь онъ принадлежитъ вполне исторіи литературы нашей, и мы, въ этомъ очеркѣ, не могли не увлечься нѣкоторыми о немъ воспоминаніями. Незбѣжно сухой, по свойству своему, обзоръ нашъ, конечно, оживился бы нѣсколько, еслибъ и о другихъ старыхъ журналистахъ русскихъ мы знали бы по-крайней-мѣрѣ столько, сколько извѣстно намъ о Воейковѣ...

Около десяти лѣтъ, именно съ мая 1820 до 1830 года, длилось изданіе «Отечественныхъ Записокъ» Павла Петровича Свиньина. Основаніемъ ихъ послужила книга его подъ тѣмъ же названіемъ, отпечатанная въ 1818—19 г., въ двухъ частяхъ. Свиньинъ исключительно посвящалъ литературные труды свои полезному, и преимущественно отечественному. Рѣдко писалъ онъ не о Россіи и не о русскомъ, и то лишь въ такомъ случаѣ, когда ему приводилось переплывать моря.

* Покойнаго Е. П. Гребенки: *Вотъ кому зузукъ ковала!* и И. И. Панаева: «*Сумерки у камина*», очень милый разсказецъ, съ семью эпиграфами изъ Шекспира, Байрона, Гюго, Беранже, Бальзака, Гёте и Пушкина.

Побывавъ за моремъ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, онъ пишетъ «взглядъ на соединенныя области» (1814), и представляетъ «опытъ живописнаго путешествія по Сѣверной Америкѣ» (1815; второе изданіе въ 1818 г.). Въ Лондонѣ ведетъ онъ «ежедневныя записки», изданныя въ 1817, а въ слѣдующемъ году являются его «записки» же о жизни генераль-фельдмаршала князя Николая Ивановича Салтыкова. Еще черезъ годъ, онъ рассказываетъ «жизнь русскаго механика Кулибина и его изобрѣтенія». Въ Москвѣ составляетъ «указатель главнѣйшихъ достопримѣчательностей, сохраняющихся въ мастерской оружейной палатѣ» (1826), а въ новой столицѣ описаніе «достопамятностей Петербурга и его окрестностей» (6 частей, 1816—1828). Не пренебрегая ничѣмъ, что можетъ пригодиться ближнему, публикуетъ «несомнѣнное исцѣленіе отъ укушенія бѣшеныхъ собакъ» (1817), а спустя двадцать-два года, когда развитіе на Руси изящной словесности потребовало и отъ него посильной дани, которая упрочила бы вѣрнѣе его имя и наружность, онъ влагаетъ въ изданіе Смирдина, «Сто русскихъ литераторовъ» (семидесяти изъ коихъ не досчитываются до-сихъ-поръ), свой портретъ и свое «драматическое представленіе въ трехъ картинахъ — Александръ Даниловичъ Меньшиковъ» (1839), плодъ долговременнаго изученія авторомъ эпохи Петра Великаго.

Если не въ исполненіи и критическомъ взглядѣ, то въ цѣли и содержаніи нельзя не замѣтить нѣкотораго сходства между «Сѣвернымъ Архивомъ» и «Отечественными Записками» Свинына. Оба журнала представляли любопытныя матеріалы для исторіи, статистики и географіи Россіи, оба собирали разнородныя свѣдѣнія для науки русской.

Послушаемъ, какъ отзывался о послѣднемъ Полевой, въ первый годъ выступленія своего на журнальное поприще: «Намѣреніе издателя заслуживаетъ благодарность: одно *Русское* входитъ въ составъ его журнала. Знакомить читателей съ отличными произведеніями русскими, съ художниками и людьми, достойными вниманія соотечественниковъ, сообщать имъ историческіе акты, записки, путешествія по Россіи—все это полезно и любопытно. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» содержится много такого, что заставитъ заглянуть въ нихъ историка и географа. Въ прошломъ (1824) году замѣчательны статьи: *Дѣйствія Россійскаго флота противъ Шведовъ*.—*О костюмахъ четвероногихъ животныхъ*, соч. г. Соколова.—*Письма и мысли графа Румянцева-Задунайскаго*.—*Походныя записки артиллериста*, г. Раджицкаго *. — *Слово предъ избраніемъ судей*, Преосвященнаго Митрополита

* Сочиненіе это вполне издано въ 1835 г., въ четырехъ частяхъ. Оно объимаетъ со-

Евгенія.—*Оборона крѣпости Яика.*—*Извѣстiе о страннопріимомъ домѣ Кн. Куракиныхъ.*—*О Кавказской линiи,* г. Дебу.—*Разсужденiе о Дону* и проч. Адм. Крейца. Не менѣ замѣчательны статьи: *Памятныя записки А. В. Храповицкаго* и *Жизнь И. И. Неплюева*. Но мы осмѣливаемся замѣтить г. издателю, что сіи статьи не по его журналу. Чтобы придать имъ настоящую цѣну и дать удобство читателямъ обнять оныя вполне, должно бы напечатать ихъ особыми книгами. Но можно ли печатать, напримѣръ, Записки Храповицкаго въ—продолженіе четырехъ лѣтъ? Разбросанныя въ двадцати—пяти книжкахъ, онѣ еще не кончатся лѣтъ въ пять, и для чтенія и для справокъ теряютъ все удобство и занимательность. Тоже скажемъ и о жизни Неплюева. Г. издатель печатаетъ даже *Первое путешествіе Россiянъ* вокругъ свѣта, изъ записокъ бывшаго посланника въ Японію г. Резанова; но въ *семи* большихъ отрывкахъ Резановъ доѣхалъ только до Тенерифа: сколько же книжекъ надобно занять, чтобы черезъ Японію, Америку и Камчатку привезти его въ Сибирь! Намъ кажется, что изъ подобныхъ сочиненій можно помѣстить въ журналѣ двѣ, три статьи, описывающія что—нибудь любопытное; такъ сдѣлалъ нѣкогда В. А. Жуковскій, помѣстивъ въ «Вѣстникѣ Европы» (1808 г.) *отрывокъ изъ рукописи Кн. Я. П. Шаховскаго*; но онъ не считалъ безсмыслнымъ матеріаломъ для журнала всю рукопись, особо изданную въ двухъ томахъ. Журналъ, подобный «Отечественнымъ Запискамъ», не такой магазинъ, гдѣ можно складывать все, что находится въ книгахъ: въ семъ случаѣ надобно бы издавать «Отечественныя Записки» не маленькими тетрадками, какъ онѣ издаются нынѣ, но *огромными книгами* (Полевой дожилъ до времени, когда требованіе его было вполне удовлетворено, и тотъ же журналъ, въ рукахъ другаго издателя, сталъ выходить *огромными книгами*). Лѣтопись Курбскаго, Кривоборекаго, или книги разрядныя, очень важны, но можно ли въ какомъ—бы то ни было журналѣ помѣщать ихъ цѣликомъ? Почтенный издатель «Отечественныхъ Записокъ», конечно, извинитъ нашу искренность; а мы, рѣшившись сказать всю правду, дополнимъ наши замѣчанія тѣмъ, что дружески напомнимъ ему *несдержаніе слова*. Онъ именно сказалъ, объявляя о своемъ журналѣ на 1824 г., что, къ оправданію лестнаго довѣрія публики, онъ сдѣлалъ поѣздку болѣе 4000 верстъ, для обозрѣнія занимательнѣйшей части отечества, для открытія новыхъ любопытныхъ источниковъ къ составленію «Отечественныхъ Записокъ»,

сдѣланныхъ въ продолженіи 4-хъ лѣтъ, и принадлежить къ числу любопытнѣйшихъ военныхъ записокъ. Изъ него черпали многіе,

и убѣжденный болѣе и болѣе, что Россіянинъ можетъ путешествовать по отечеству своему не только для услажденія сердца и ума, но и самаго воображенія, издатель постарается *доказать себѣ*, представивъ на судъ читателей, въ слѣдующихъ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ», *собственныя свои наблюденія и многія драгоцѣнныя свѣдѣнія, приобрѣтенныя имъ во время сего путешествія...* — Гдѣ же это? Годъ прошелъ, и всего помѣстилъ издатель двѣ статьи, въ которыхъ принадлежить ему очень небольшое» (Московскій Телеграфъ, 1825, № II, январь; стран. 154—156).

Выписка эта достаточно знакомитъ читателя съ содержаніемъ, составомъ и направленіемъ прежнихъ «Отечественныхъ Записокъ».

Современные критики упрекали еще Свиньина въ излишнемъ увлеченіи и слѣпомъ пристрастіи при выборѣ однихъ и тѣхъ же предметовъ для своего журнала, а иногда и въ недостоверности и преувеличеніи показаній. Много было шутокъ на этотъ счетъ. Остроумнѣйшую изъ статей своихъ Баронъ Брамбеусъ начинаетъ такъ: «Въ нѣдрахъ земнаго шара есть огромная зала, имѣющая, кажется, 99 веретъ вышины. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» сказано, будто она вышиною въ 999 веретъ» (*Новоселье*, 1833; стран. 129). Время, однакожъ, какъ сказано въ другой выпискѣ, выше помѣщенной, судить справедливо, и нынѣ все признаютъ полезную дѣятельность покойнаго Свиньина. Онъ душою любилъ все русское, и радовался появленію всякаго самобытнаго русскаго таланта. Тотъ же, взыскательный къ нему пѣкогда Полевой, позже, черезъ 14 лѣтъ, признательно его воспоминаетъ, говоря о началѣ своей литературной карьеры: «Лѣто 1821 года прожилъ я по дѣламъ въ Петербургѣ. Здѣсь въ первый разъ увидѣлъ я Грибоѣдова и Жуковскаго. Н. И. Гречъ и Ѳ. В. Булгаринъ оказали мнѣ самое радушное вниманіе. П. П. Свиньинъ встрѣтилъ меня, какъ друга, съ распростертыми объятіями: онъ видѣлъ во мнѣ *кулика-самоучку*, и былъ отъ меня въ восторгѣ» (см. предисл. къ Очерк. Русск. Лит., стран. XII).

Воейковъ и Свиньинъ были послѣдними представителями журналистики нашей двадцатыхъ годовъ. Къ одному и тому же лицу перешли изданія обоихъ, «Литературныя Прибавленія» перваго и «Отечественныя Записки» втораго, въ измѣненномъ видѣ и содержаніи. Но намъ остается назвать еще три, четыре изданія, предшествовавшія новѣйшему періоду журналистики русской, который начинается 1834-мъ годомъ...

Неважнымъ и недолговременнымъ явленіемъ въ журналистикѣ русской была *Литературная Газета*, предпринятая въ 1830 году барономъ Дельвигомъ. Не пособили ей печатавшіяся въ листахъ ея сти-

хи лучшихъ тогдашнихъ стихотворцевъ и даже самаго Пушкина. Она не просуществовала и двухъ лѣтъ*. Въ одной изъ своихъ «литературныхъ замѣтокъ» Воейковъ говоритъ: «Упадокъ періодическаго изданія, нѣсколько лѣтъ продолжавшагося, имѣетъ свой источникъ: 1) въ несостоятельности издателя и несвоевременной выдачѣ его листовъ; такъ упали всѣ журналы, издаваемые г. Олинымъ; такъ скончалась *Литературная Газета*, надѣлавшая столько шуму при своемъ появленіи... 2) Въ помѣщеніи слишкомъ длинныхъ, хотя и хорошихъ произведеній, или въ печатаніи тяжелыхъ статей, наводящихъ тошноту и скуку на душу читателя; таково было безконечное розысканіе г. Каченовскаго о Банномъ строеніи, положившее первое начало паденію «Вѣстника Европы», журнала, начатаго Карамзинымъ и со славою поддержаннаго Жуковскимъ; таковы были утомительныя, многословныя разсужденія о литературѣ П. А. Катенина въ «Литературной Газетѣ» (Лит. Приб. къ Русск. Инв., 1836 г., № 36, стран. 287). Листки эти, помнится, выражали мнѣнія и интересы одной современной литературной партіи, неудачно нападавшей на другую или защищавшейся отъ ея нападений. Лучшая партія журнала — публика, которой нѣтъ ровно никакого дѣла до личныхъ отношеній между собою гг. журналистовъ и литераторовъ, и которая обыкновенно пристаётъ къ сторонѣ *успѣха* и превосходства дарованій. Иногда, нѣсколько времени, она бываетъ въ заблужденіи, если ее искусно морочатъ, но рано или поздно открываетъ глаза, и отличаетъ мишуру отъ золота...

Въ приведенной замѣткѣ, Воейковъ далеко не указалъ на всѣ причины упадка или неуспѣха періодическихъ изданій. Въ числѣ этихъ причинъ не послѣднее мѣсто занимаетъ сухость и *односторонность* содержанія журнала, сколько бы оно ни было важно и дѣльно. Въ 1838-мъ году выступили на сцену *Воспоминанія* Руссова, не безъ пользы трудившагося въ исторической нашей критикѣ, писавшаго замѣчанія на «Исторію Русскаго Народа» Полеваго, на критики Арцыбашева и Ходаковского Исторіи Г. Р. Карамзина, и многія другія историко-изыскательныя статьи. Изъ этихъ-то статей вздумалъ онъ составлять ежемѣсячныя книжечки. Достаточно просмотрѣть три первые выпуска «Воспоминаній», чтобы убѣдиться въ невозможности издавать подобный однообразный, слишкомъ серьёзный журналъ. Вотъ что въ нихъ найдете: *Слово похвальное похвалимъ*; *Рюрики*; замѣчанія на книги: 1) Царствованіе царя Алексѣя Михайловича, В. Н. Берха, 2) Мо-

* Въ 1831 году, по смерти барона Дельвига, «Литературная Газета» перешла къ г. Оресту Сомову, и превратилась на 37-мъ номерѣ. Въ 1830 вышло ея 72 номера.

сковскія Записки барона Герберштейна, 3) Сказанія современниковъ о Димитрѣ Самозванцѣ, изданныя Н. Г. Устряловымъ; Отрывокъ (изъ) Русской лѣтописи (переводъ съ польскаго); Винцентія Кадлубка (лѣтопись польская); нѣсколько египетскихъ гіероглифовъ; санскритскій словарь, и въ придачу, нѣсколько стихотвореній, тяжелыхъ не менѣе прозы Руссова. Не угодно ли заглянуть въ начало баснословной лѣтописи польской, которую самъ издатель «Воспоминаній» называетъ *романомъ*: «Предприемлю описывать сокращенно происхожденіе или начало польскаго народа, отъ сотворенія міра, какъ узналъ я изъ многихъ историческихъ сочиненій. Прежде всего надобно знать, что поляки произошли отъ Яфета, сына Ноева...» и т. д. Забавно, что къ этой очевидно замысловатой шуткѣ Руссовъ дѣлаетъ переважно примѣчаніе: «на многія несообразности съ исторіей я хотѣлъ приобщать замѣчанія; но несообразности столь явны, что не стоятъ возраженія».

Слишкомъ тщательныя, «глубокія» историческія изслѣдованія, справки, выводы, заключенія — иногда затемняютъ здравый смыслъ и крѣпкихъ головъ. Этою умственною болѣзнью, кажется, страдалъ отчасти почтенный Руссовъ. Его «Воспоминанія» были анахронизмомъ въ современной журналистикѣ, и скрылись, какъ анахронизмъ, безъ слѣда и воспоминаній *...

Между-тѣмъ, въ Москвѣ, успѣхъ «Телеграфа» вызвалъ существованіе двухъ довольно замѣчательныхъ журналовъ: *Московского Вѣстника* (1827—31), М. П. Погодина, и *Телескопа* (1831—36) Н. П. Надеждина. Несмотря на значительное сходство обоихъ повремениковъ съ своимъ первообразомъ и нѣкоторое не замѣтное ему подражаніе, частію въ составѣ, частію въ исполненіи, особенно со стороны «Телескопа», котораго самое названіе не неродственно «Телеграфу», оба новые журнала нерѣдко сильно воевали съ послѣднимъ. Такъ, на примѣръ, при выходѣ, въ 1830 г., перваго тома «Исторіи Русскаго Народа», «Московскій Вѣстникъ» безъ малѣйшаго снисхожденія, ужъ слишкомъ непощадно, вооружился противъ труда Полеваго. Мы вовсе

* Въ 1-й книжкѣ «Воспоминаній» представлены примѣры «необыкновенной памяти» и, между прочимъ, сказано: «При библіотекѣ А. Ф. Смирдина, состоящей слишкомъ изъ 10,000 сочин., есть библіотекаръ Цвѣтаевъ, который можетъ сказать наизусть, подъ какимъ именно номеромъ каждая изъ книгъ состоитъ по каталогу, объявивъ, хотя поверхностно, и содержаніе оной. Я это испыталъ неоднократно, да и великій можетъ удостовѣриться лично. Товарищи его иногда надъ нимъ шутятъ, да и самъ онъ едва ли понимаетъ себѣ цѣну.»—О Ф. Цвѣтаевѣ донинѣ подвизается на томъ же поприщѣ, управляя библіотекою, принадлежавшею бывшему книгопродавцу Ольхину; донинѣ сохранилъ свою феноменальную память — всегда готовъ всѣмъ и каждому, въ особенности литераторамъ, служить своими библіографическими свѣдѣніями, и потому было бы несправедливо не вспомнить о немъ при случаѣ.

не намѣрены оспаривать оснований и правоты критики «Московского Вѣстника» — говоримъ только о рѣзкомъ ея тонѣ; и еслибъ читателю случайно попалась въ руки статья этого журнала по поводу 1-го тома П. Р. Н., читатель, конечно, призналъ бы, что съ-тѣхъ-поръ критика русская сдѣлала большіе успѣхи въ отношеніи къ вѣжливости и умѣренности сужденій. Дѣйствительно, въ послѣдніе годы мнѣнія журналовъ нашихъ высказываются съ несравненно-большою учтивостью и приличіемъ. Можно не соглашаться съ противникомъ; можно и должно указывать на его ошпбки; можно самому ошибаться въ приговорѣ; но ни въ какомъ случаѣ нельзя и не должно оскорблять разбираемаго писателя...

Оставляя въ сторонѣ тонъ и суровую иногда манеру критики «Московского Вѣстника», повторяемъ, что этотъ журналъ, въ другихъ частяхъ своихъ, заслуживалъ вниманія просвѣщенныхъ читателей, преимущественно по отбѣлу матеріаловъ для отечественной исторіи, и вообще учеными и дѣльными статьями. О составѣ и содержаніи его не распространяемся, потому-что выпѣшій «Москвитянинъ», того же издателя, можетъ-быть названъ какъ бы продолженіемъ «Московского Вѣстника», разумѣется, съ измѣненіями, дополненіями и «усовершенствованіями», какія потребовались позднѣйшимъ характеромъ нашей журналистики... Впрочемъ, помимо спора своего съ покойнымъ Полевымъ, журналъ этотъ рѣдко вдавался въ полемику, рецензіями былъ не обремененъ, повѣстями также, за современностью слѣдилъ мало, и, можетъ-быть, по тому самому, при неотъемлемомъ своемъ достоинствѣ, скоро угасъ: журналы держатся именно свѣтлыиикомъ современности, и если онъ не горитъ, — жаждающая новостей публика, въ свою очередь, не пламенѣетъ любовью къ періодическому изданію, которое болѣе подходит на книгу, нежели на журналъ, преуспѣвающій свѣжестью и разнообразіемъ содержанія...

«Телескопъ», кажется, не подлежалъ упреку въ отсутствіи того и другаго. Въ немъ были повѣсти, оригинальныя и переводныя, отрывки изъ русскихъ романовъ, готовившихся тогда къ печати, стихотворенія; статьи по части наукъ и искусствъ; біографіи знаменитыхъ современниковъ, преимущественно писателей, новости всякаго рода, бібліографія, критика, антикритика, рекритика и — полемика, очень затѣйливая, порою очень остроумная и забавная, но — должно сказать правду — не весьма разборчивая и деликатная. Въ «Телескопѣ» печаталъ, напрямѣръ, удалыя статейки свои извѣстный *Феофилактъ Косичкинъ*, разившій противниковъ несовѣтмъ великодушно. Конечно, подъ этими «шаловливыми» статейками онъ никогда и ни за что не рѣшился бы

выставить своего настоящего, славнаго имени: все знаютъ, что за псевдонимомъ проказника Косичкина скрывался не кто-иной, какъ самъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ... Мастерски владѣлъ онъ копьемъ полемической шутки и злого сарказма; но все-таки для его памяти было бы лучше, еслибъ онъ вовсе не писалъ этихъ безбрежно «юмористическихъ» статей, въ которыхъ шутка, юморъ и «шалость» увлекали его за рубежъ литературной истины и справедливости. Умѣренная и вѣжливая критика, повторяемъ—лучшая критика. Правда, высказанная съ утонченною учтивостью и полнымъ приличіемъ, нисколько не теряетъ своей силы — напротивъ, вѣрнѣе достигаетъ цѣли, и скорѣе убѣдитъ, нежели рядъ грубыхъ выходокъ и жѣлчныхъ эпиграммъ, прикрытыхъ или неприкрытыхъ искусственною или неподдѣльною веселостью пера...

Вотъ что почтенный издатель «Телескопа», посвятившій въ послѣдствіи труды и способности свои служебному поприщу, говорилъ, между прочимъ, въ объявленіи объ изданіи журнала этого на 1835 годъ: «Я не смѣю утверждать, чтобъ «Телескопъ» вполне удовлетворялъ требованіямъ публики, которой взыскательность безпрестанно увеличивается. Но безъ всякаго пристрастія и снисхожденія къ себѣ, смѣло скажу, что онъ дѣлалъ все, что могъ сдѣлать. Лучшія произведенія современной иностранной словесности переводились въ немъ въ-слѣдъ за ихъ появленіемъ. Знакомые съ европейской журналистикой знаютъ, что статьи изъ текущихъ періодическихъ листовъ передавались имъ, прямо съ оригинала, прежде чѣмъ на всѣхъ прочихъ европейскихъ языкахъ. «Телескопъ» можетъ хвалиться, что онъ первый ознакомилъ русскихъ читателей съ именами многихъ современныхъ писателей, переводомъ ихъ сочиненій. Укажу на одно имя Бальзака, впервые показавшееся въ «Телескопѣ» при повѣсти Vendetta. Біографіи знаменитыхъ двигателей современнаго просвѣщенія также были постояннымъ его отдѣленіемъ. Взгляды на современное состояніе иностранныхъ литературъ, критическіе разборы важнѣйшихъ произведеній, въ свое время предлагались публикѣ...»

«Телескопъ» выходилъ по двѣ книжечки въ мѣсяцъ (не всегда исправно), съ прибавленіями къ нимъ, которыя назывались *Молвою*, «газетою модъ и новостей». До 1835 г. «Молва» эта являлась въ свѣтъ подъ одною оберткою съ «Телескопомъ», подобно «Живописцу общества и литературы» при «Московскомъ Телеграфѣ», а съ 1835 выпускалась отдѣльнымъ листкомъ. Самъ издатель откровенно именовалъ ее *вѣстовицей* и, кажется, лично мало принималъ въ ней участія, предоставивъ веденіе ея молодымъ литераторамъ. Она наполнялась разными мелкими городскими извѣстіями и бібліографіей, которою главнѣйше занимался покойный г. Межевичъ, въ послѣдствіи редакторъ «Вѣдомостей Спб. Го-

родской Полиціи», и покойный же г. Бѣлинскій, въ послѣдствіи пресловутый критикъ одного позднѣйшаго петербургскаго журнала. — Бѣлинскій дебютировалъ въ «Молвѣ», «литературными мечтаніями, элегіей въ прозѣ», распложенною на десять номеровъ (1834). То было истинно — мечтательное обозрѣніе словесности русской от Ломоносова до Пушкина и новѣйшихъ дѣйствователей, съ оцѣнкою и переоцѣнкою ихъ, виѣ справокъ и размышленія, но зато смѣлымъ и размахистымъ почеркомъ, невѣдавшимъ остановки и затрудненія. И по прошествіи восемнадцати лѣтъ, нельзя безъ смѣха и сожалѣнія читать этой «слихой» импровизаціи, которую правильнѣе было назвать не *мечтаніями*, а литературнымъ «бредомъ». Юный авторъ съ жаромъ и пафосомъ судилъ обо всемъ и обо всѣхъ — Державинѣ и Шатобрианѣ, Гете и Грибоѣдовѣ, Шекспирѣ и Херасковѣ, Шиллерѣ и Кукольникѣ, наивно сознаваясь притомъ, что незнакомъ съ европейскою литературою и не знаетъ иностранныхъ языковъ... «Телескопъ» былъ бы гораздо лучше безъ этой пустой, многоглаголивой «Молвы», которая перерывы оныхъ «мечтаній», вмѣсто общепринятыхъ словъ — «продолженіе впредъ», возглашала такъ: *сльдующій листокъ покажетъ, опять не кончилось, просятъ сбоеждать еще, не все еще...* И войдя въ лѣта, г. Бѣлинскій не переставалъ *мечтать*, упорно остался при своихъ странныхъ литературныхъ теоріяхъ, которыя потомъ развивалъ въ длинныхъ, предлинныхъ статьяхъ другаго журнала, то-есть, не развивалъ, а запутывалъ до такой степени, что едва ли и собственнымъ разумѣніемъ отчетливо постигалъ свое писаніе. Это называлось *ученою* литературною критикою. Она была въ модѣ съ исхода тридцатыхъ и до половины сороковыхъ годовъ, — имѣла почитателей, но не читателей, и потому мало-по-малу сошла со сцены, къ удовольствію здраваго смысла и большинства истинно-просвѣщенной публики...

Такимъ-образомъ мы довели очеркъ нашъ до половины тридцатыхъ годовъ, когда наступаетъ новый періодъ журналистики русской. Попытаемся, въ немногихъ словахъ, изобразить общій характеръ предъидущаго или предпослѣдняго...

«Зритель», «Благонамѣренный» и другіе журналы, начавшіеся передъ наступленіемъ двадцатыхъ годовъ, походили нѣсколько на старинныя наши періодическія изданія, отличаясь отъ нихъ, однакоже, очищеннымъ уже языкомъ, значительною отдѣлкою прозаическаго и стихотворнаго изложенія, бѣльшимъ разнообразіемъ и полнотою состава и, наконецъ, покушеніями на критику, иногда не неудачною.

«Отечественныя Записки» Свиньина, «Сѣверный Архивъ» Булгарина, и, позже, «Московскій Вѣстникъ» разрабатываютъ частные мате-

ріалы русской исторіи, географіи, статистики. Въ этихъ повременникахъ значительно развивается и преуспѣваетъ самостоятельная историческая критика, начало которой положено Каченовскимъ въ «Вѣстникѣ Европы».

Собственно литературная критика и вообще библиографія утверждаются въ «Сѣверной Пчелѣ», «Сынѣ Отечества», «Телеграфѣ», «Телескопѣ» и, болѣе или менѣе, въ другихъ современныхъ имъ журналахъ. Является уже подробная, отчетливая лѣтопись движенія словесности нашей, довольно зрѣлые и основательные взгляды и на замѣчательнѣйшія произведенія литературъ иностранныхъ.

«Пчела», «Сынъ Отечества», «Телеграфъ», «Телескопъ» вмѣстѣ съ тѣмъ представляли удовлетворительное разнообразіе предметовъ, входившихъ въ составъ ихъ содержанія. Они дѣятельно преслѣдовали современность. Ихъ листы и книжки уже не сборники того и сего, а систематическій, опредѣленный отчетъ о томъ, что можетъ и должно въ настоящемъ интересовать просвѣщеннаго читателя.

Журнальцы Воейкова занимаютъ, правда, въ этомъ періодѣ, мѣсто второстепенное; но Воейковъ лично не дремлетъ, критикуетъ коротко, отрывисто. Онъ ищетъ преимущественно слабыхъ, темныхъ сторонъ, пятенъ и, разумѣется, находитъ ихъ, потому-что пятна есть вездѣ, во всемъ, а на свѣтломъ они замѣтнѣе. Онъ ловитъ промахи, указываетъ на нѣкоторыя несообразности, обмолвки, а порою, и недобросовѣстности, легкія и тяжелыя неправды въ современныхъ ему петербургскихъ и московскихъ періодическихъ изданіяхъ, — самъ при этомъ уклонится отъ истины, скажетъ, пожалуй, крупную неправду — но все-таки выведетъ на свѣжую воду противниковъ...

Журналы главные, второстепенные, въ этой статьѣ разсмотрѣнные, и менѣе значительные, означенные въ одномъ изъ примѣчаній къ ней, вели между собою почти безпрерывныя распри, то утихавшія на время, то сильнѣе возобновлявшіяся послѣ непрочнаго и неискренняго примиренія. Много умнаго, остраго, живаго, а случалось, и полезнаго высказывалось въ этихъ ратоборствахъ неуступчивыхъ и самолюбивыхъ дарованій...

Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ повѣсть, оригинальная и переводная, обращается въ любимое достояніе русскаго журнала, недопускающаго еще, впрочемъ, въ свои предѣлы, ни объемистаго романа, ни обширныхъ, цѣлыхъ произведеній историческихъ или ученыхъ...

Въ этотъ же періодъ возникаетъ и развивается между журналистами неизбѣжное совмѣстничество, соперничество, потому-что въ игру вступаютъ уже не одни авторскія или издательскія самолюбія, но и расчеты вещественные. Хорошо идущій журналъ доставляетъ выгоды ма-

теріальныя, славу или, по-крайней-мѣрѣ, пріятную павѣстность, видное положеніе въ обществѣ. Есть изъ-чего поспорить съ счастливымъ совмѣстникомъ! Повременныя изданія должны выходить въ срокъ, публика дѣлается взыскательнѣе, не прощаетъ небрежности и неисправности: необходимы *постоянныя* сотрудники, и журналисть дѣлается съ ними своимъ доходомъ, вознаграждаетъ ихъ трудъ, чего прежде не было, потому-что доходъ былъ малый и изданіе журнала составляло болѣе литературное, нежели коммерческое предпріятіе...

Пришла затѣмъ пора, когда періодическому изданію становилось тѣсно въ рамкахъ листковъ и книжечекъ—оно, во что бы то ни обошлось, непременно пожелало быть книгою, томомъ, сохраняя между тѣмъ свойства и условія повременника. Ему уже стало не мило быть какимъ-нибудь *Журналомъ для милыхъ, Весеннимъ цвѣткомъ* или мелкимъ *Кабинетомъ* какой-нибудь *Аспазіи* *. Въ энциклопедическомъ порывѣ просвѣщенія, оно жаждало замѣнить собою большой кабинетъ цѣлую бібліотеку, и вотъ, въ 1834 году, возникла въ Петербургѣ толико извѣстная всѣмъ и каждому *Библіотека для чтенія*. Но—исторія кончена—замѣчательный журналъ этотъ открываетъ собою новѣйшій, послѣдній, современный періодъ журналистики русской, долженствующій пѣкогда составить любопытный предметъ особой статьи...

Л. БРАНТЬ.

Журналисты начала вѣншнѣго столѣтія. Первые два издавались въ Москвѣ, одинъ въ 1807 — М. Н. Макаровымъ, другой въ 1804 — Козьмой Андреевымъ, а третій въ Петербургѣ, въ 1815 г., гг. Рихтеромъ, Бахиревымъ, Исаковымъ и Борисомъ Михайловичемъ Федоровымъ ...

ВИЛЬЯМЪ ГОРГАРТЪ

ЛОНДОНЪ СТО ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.

(Статья первая).

I.

Литературная таверна въ Дрюри-Ленъ. — Очерки будущихъ знаменитостей прошлаго столѣтїя.

На углу Бриджъ-Стрита, близъ стариннаго дрюриленскаго театра, построеннаго въ 1674 году, на мѣстѣ Кокъ-шита, гдѣ во-времена Кромвеля играла труппа Давенана, — существовала лѣтъ сто тому назадъ таверна, бывшая въ то время въ большой модѣ; туда стекались мелко-травчатые авторы, гуляки того квартала, и заглядывали довольно часто констабли. Она всю ночь не запиралась.

При входѣ въ залу (изображеніе которой передано потомству одною современною гравюрою), посетителю тотчасъ же бросалась въ глаза хозяйка таверны, мистрисъ Таттенгемъ, дремавшая за своею стойкою, окруженною всевозможными сосудами и защищаемою рядами оловянныхъ кружекъ, расположенныхъ въ видѣ трубокъ въ органахъ. Въ залѣ же разставлены были столы со стабанами и рюмками всѣхъ величинъ.

Тоненькія сальныя свѣчи слабо боролись съ темнотою, наклонивъ къ столу нагорѣвшїя свѣтильни, въ видѣ гриба изъ темно-красной сажи. Единственнымъ украшеніемъ таверны была модель корабля, висѣвшая на потолкѣ. Были права тутъ и старыя часы, — но этихъ часовъ нельзя было никакъ назвать предметомъ роскоши.

Тамъ-то начинающіе свое поприще артисты, кандидаты на будущую славу, страстные къ деньгамъ и почестямъ, подгудявшіе работники, статисты сосѣдняго театра и молодые люди, недоучившіеся въ Кембриджъ, или Оксфордъ — приходили забывать и запивать свое горе, заливая его элемъ, джиномъ и портеромъ. Для нихъ печальная эта коштыльня была прелестнымъ убѣжищемъ, чертогами, украшенными всеми мечтами пламеннаго воображенія, блистающими весельемъ и надеждами.

Много поколѣній истерло рукава своихъ кафтановъ на столахъ дрюриленской таверны, предназначенной быть колыбелью Общества художествъ. Предмѣстники постепенно уступали мѣста преемникамъ, которымъ, въ свою очередь, суждено было подвергаться всемъ испытаніямъ бѣдности.

Въ углу залы, далеко отъ хозяйки и отъ двери, нѣсколько молодыхъ людей весело разговаривали, изрѣдка удивляя посѣтителей таверны громкимъ смѣхомъ, который такъ страненъ между англичанами.

— Другъ мой, Джонъ! — говорилъ одинъ темноволосый молодой человекъ, полный живости, другому товарищу, лѣтъ двадцати-четырехъ, — ты не сдѣлаешь подобной глупости. Теперь конецъ марта; чрезъ три мѣсяца ты выдержишь экзамень и поприще твое навсегда обезпечено. Нѣтъ! не вѣрю, чтобъ сынъ знаменитаго Веніамина Гольди оставилъ свое званіе и пошелъ въ комедіанты.

— Братецъ! — прибавилъ старшій сынъ Гольди: Давидъ Гаррикъ правъ. И я люблю театръ. Учась медицинѣ, я часто приношу жертвы музамъ. Но зачѣмъ же терять плоды воспитанія и разрушать надежды нашего отца? Будь тѣмъ, чѣмъ онъ, пиши стихи и посѣщай театръ. Одно не мѣшаетъ другому.

— И что это въ-самомъ-дѣлѣ за жизнь, которую ведетъ у насъ комедіантъ! съ жаромъ вскричалъ Гаррикъ. Трудъ самый неблагодарный. Признаюсь, я много испыталъ неудачъ. Я учился разнымъ наукамъ въ Листфилдѣ, былъкоммиссіонеромъ виноторговца въ Лиссабонѣ, учителемъ безъ учениковъ въ Оксфордѣ, адвокатомъ безъ процессовъ въ Линкольнсъ-Иннѣ, служителемъ у землемѣра въ Рочестерѣ. Повѣрь же, любезный другъ, я лучше буду всю жизнь продавать вино пополамъ съ водою въ Чипсейдѣ, буду продолжать заниматься науками для собственнаго удовольствія, но ужъ никакъ не пойду искать лавровъ на сценѣ. Ходить по подмосткамъ, истощать всеи силы, чтобъ заставлять смѣяться или плакать безсмысленную толпу, подвергаться своенравію свистковъ, или печенымъ яблокамъ, — нѣтъ! лучше тотчасъ же умереть! (И все это говорилъ — помните — Гаррикъ).

— *Optime*, — любезный Гаррикъ, важно проговорилъ высокій мужчина, котораго угловатыя черты едва видны были въ темномъ углу, потому-что больные глаза боялись свѣта.

— Актеръ! — вскричалъ Ричардъ Севеджъ. Что за глупое презрѣніе невѣждъ къ этому званію. Это, напротивъ, пресвеселая жизнь. Дѣлать нечего, — только играть. О! я непременно пойду въ актеры.

— Другъ Севеджъ, — возразилъ тотъ же бѣднякъ, — я всегда предсказывалъ, что тебѣ никакъ не умереть своею смертію. Вѣдь и я глупъ, что полюбилъ такого негоднаго малаго.

— Еслибъ я былъ негоднымъ, то Риверсъ не подкупилъ бы другихъ негодяевъ, чтобъ уничтожить меня. Хорошо, что мы съ тобою спасаемся отъ нихъ и уже десять ночей спимъ на улицѣ. Квартира дешева, но постель жесткая. Хозяйка! джину!

— Джину, — закричалъ вдругъ кто-то, входя въ таверну. Если требуютъ джину, такъ Ричардъ Севеджъ вѣрно здѣсь.

— А! Вильямъ Гогартъ! вскричала вся удивленная бесѣда.

— Я самъ, во весь ростъ и съ натуры, отвѣчалъ Гогартъ. Франція выбросила меня опять на берега Альбіона.

Этотъ новый товарищъ, чей приходъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе, былъ очень молодой человѣкъ, плотно сложенный, небольшого роста и одаренный живыми жестами, болѣе приличными жителю южныхъ странъ, нежели британцу. Лицо его было довольно измято, черты очень обыкновенныя, но обнаруживающія энергію, откровенность и смѣлость; взглядъ пронизательный; на губахъ всегдашняя насмѣшливая улыбка. Бѣглымъ взглядомъ окинулъ онъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ все собраніе.

Только одного лица онъ не зналъ и на нѣсколько секундъ остановилъ на немъ свой взглядъ. Это былъ высокій мужчина, товарищъ Ричарда Севеджа. Осмотрѣвъ съ ногъ до головы эту длинную фигуру, Гогартъ обратился къ Гаррику и громко сказалъ:

— Никогда я не видалъ такого крѣдкаго на ногахъ больного, никогда не встрѣчалъ столько честолюбія на лицѣ мелкаго школьнаго учителя.

— Остается подписать имя, проворчалъ Веніаминъ, портретъ вѣрнень и конченъ.

Но тотъ, въ комъ Гогартъ угадалъ учителя, сжалъ кулакъ и повидному поблѣднѣлъ, хотя, судя по цвѣту лица, это уже было почти невозможно. Вообразите на атлетическомъ непропорціональномъ тѣлѣ, которое безпрестанно нервически подергивалось, маленькую, угловатую голову полу-араба; глубоко впавшіе глаза, всегда больные. Глухота на

одно ухо принуждала бѣдняка склонять голову на сторону здороваго уха, что придавало ему боязливое и полудикое выраженіе. Все его туловище казалось разбитымъ; черты жестки; голосъ торжественный и какъ бы разбитый; цвѣтъ лица зеленоватый; губы сухія и тонкія, широкой и сплюснутый лобъ остроконеченъ, какъ у существъ слабыхъ и суетвѣрныхъ; походка боязлива, движенія неловки; но широкой носъ и развитіе челюстныхъ костей доказываютъ страшную силу воли, и въ тоже время по неподвижнымъ, густымъ и округленнымъ бровямъ видно, что онъ одаренъ большою щекотливостію. У этого безобразнаго человѣка нѣтъ опредѣленныхъ лѣтъ. Круглый парикъ его растрепанъ, локти прорвались сквозь грязные и широкіе рукава. Платье было чинено и перечинено неразъ, и многочисленныя пятна на немъ доказывали, что давнишняя неизлечимая бѣдность этого лица перестала уже и скрываться. Однѣ руки его красивы, и ихъ-то онъ безпрестанно старался выставять на показъ.

Грубое привѣтствіе Гоггарта взволновало кровь его, но онъ не хотѣлъ показать своего неудовольствія, и спокойно отвѣчалъ:

— *Experte probasti!* Я точно болѣнъ и уже полуразрушенъ. Я точно силенъ, и могу переломить тебя, какъ тростникъ; я честолюбивъ... но не очень, и точно былъ школьнымъ учителемъ.

— Онъ былъ *моимъ* учителемъ, съ жаромъ сказалъ Гаррикъ, а теперь—мой другъ: я неразъ говорилъ тебѣ о всѣхъ благородныхъ качествахъ Самуэля Джонсона.

Незнакомецъ вздрогнулъ при этомъ имени и при похвалѣ ему. Онъ привыкъ, что надъ нимъ всегда смѣялись, и конечно никто изъ присутствующихъ не догадывался, что передъ нимъ будущая знаменитость Англии, что гробница его будетъ въ Вестминстерѣ и что знатнѣйшіе перы будутъ спорить о чести, кому нести на плечахъ его гробъ.

Однакоже Гоггартъ, боясь, что легкомысленно оскорбилъ своего друга Гаррика, старался придумать фразу, чтобъ ослабить дѣйствіе первыхъ своихъ словъ, и тихо прибавилъ:

— Я бы желалъ имѣть возможность отвѣчать на ваши учтивости, г. Джонсонъ, но не умѣю говорить по латыни, потому—что меня ничему не учили. Я простой живописецъ и самъ выучился своему искусству. Чтобъ никогда больше не сердить васъ, я торжественно обещаюсь не писать вашего портрета.

Наивность этого отвѣта произвела всеобщій смѣхъ. Одинъ Джонсонъ остался серьезнымъ; но когда всѣ замолчали, онъ на минуту захохоталъ, и опять сдѣлался угрюмымъ и молчаливымъ.

Покуда Гоггартъ говорилъ, Веньяминъ Гольди, указывая на него, сказалъ брату:

— Заставь его пожалуйста рассказать свои похождения въ Кале. Онъ думаетъ, что никто о нихъ не знаетъ. Посмотримъ, какъ-то онъ вывернется въ своемъ рассказѣ.

— Да что съ нимъ тамъ случилось?

— Его приняли за шпиона, въ то время, какъ онъ срисовывалъ городскія ворота. Жители Кале поколотили его, взяли подъ стражу, бросили въ тюрьму, а потомъ, по приказанію губернатора, онъ былъ отвезенъ обратно въ Дувръ, гдѣ и выброшенъ на берегъ. Вотъ какъ онъ возвратился изъ своего путешествія, въ которое такъ долго собирался.

— Бѣдняжка! прошепталъ Гольди. Послушай, любезный Вилль! вскричалъ онъ потомъ громко. Что ты за жизнь ведешь. На прошлой недѣлѣ ты съ нами простился, чтобъ ѣхать во Францію. Мы тебя обнимали, оплакивали, а ты черезъ недѣлю назадъ воротился.

— Какъ быть! Я чуть съ голоду не умеръ въ этой ужасной землѣ. Эти люди ѣдятъ теплую воду съ плавающими въ ней кусочками хлѣба, лягушекъ, жабъ, мышей, улитокъ. Это просто звѣри. Они и не говорятъ, а квакаютъ только по-французски. Правда, что губернаторъ Кале обрадовался, увидя англичанина, и всячески старался удержать меня, но я отказался. Притомъ же жители испугались меня. Они боялись, чтобъ я не овладѣлъ городомъ. Я даже принужденъ былъ боксировать съ двадцатью пятью, или двумястами изъ нихъ, чтобъ образумить ихъ. Солдаты помогли мнѣ, и мы ихъ порядочно поколотили.

— Такъ это правда, подхватилъ знаменитый кулачный боецъ Фиггъ, что они ѣдятъ лягушекъ. Я не вѣрилъ. Правда ли, что они сперва снимаютъ съ нихъ шкуру?

— Да! это было прежде, но съ-тѣхъ-поръ какъ Франція раззорена, французы ѣдятъ лягушекъ съ кожею, а иногда и одну кожу. Ихъ всеневный обѣдъ—по лягушкѣ на человѣка, а въ постный день по три улитки.

Фиггъ съ жадностію слушалъ эти рассказы. Это была, впрочемъ, со стороны англичанъ любимая оцѣнка своихъ сосѣдей. Даже теперь чернь величаетъ французовъ лягушкоѣдами. Въ странѣ ростбифа прозвание это—горькая обида. Бѣдность и дурная пища самое унижительное состояніе въ Англіи.

Вскорѣ Гаррикъ замѣтилъ, что Гогартъ принялся пить. Любя его дружески, онъ рѣшился его оторвать отъ этого занятія, и подхватя подъ руку, увелъ изъ таверны, сдѣлавъ знакъ Джонсону, чтобъ и тотъ съ ними шелъ.

Они пошли чрезъ Боу-стритъ къ Лонгъ-Авру. На улицахъ было совершенно темно. Гоггартъ молчалъ.

— Теперь ты можешь говорить, — сказала ему Гаррикъ. Джонсонъ и я — одно и тоже.

— Охотно! Я не люблю ничего скрывать; молчать не умѣю и не помню, чтобъ когда-нибудь солгалъ, — развѣ когда шучу, какъ сей-часъ. Впрочемъ, я всякому говорю прямо въ лицо, а не за глаза. Потому-то я не боюсь говорить передъ вами, мистеръ Джонсонъ.

— Мы тѣмъ лучше поймемъ другъ-друга, — отвѣчалъ Джонсонъ, — что наши правила совершенно противоположны.

— Я принадлежу къ вигамъ — сказалъ Гоггартъ, — но не занимаюсь политикою. Я живописецъ. Въ молчаніи и въ свободномъ наблюденіи создалъ я себѣ собственный свой родъ живописи, странный, но могущественный; отвергнувъ традиціи искусства и правила условной классической красоты и изящества, я сдѣлалъ изъ живописи — картину жизни. Въ одно и тоже лицо вложу я все противурѣчающія страсти и ощущенія. Взгляните напримѣръ на Гаррика. Есть ли существо откровеннѣе его и добродушнѣе. Ну, такъ я нарисую его за карточнымъ столомъ, и придамъ его фizioноміи такое выраженіе, что вы вскрикнете: «это нетолько игрокъ, но и шулеръ. Повторяю вамъ, что кто попадется мнѣ подъ руку, съ тѣхъ уже будетъ сорвана личина, тѣ уже будутъ приговорены общественнымъ мнѣніемъ. Одни возбуждаютъ только смѣхъ, другіе отвращеніе или удивленіе, — и при всемъ этомъ я клянусь, что ни на линію не отступлю отъ оригинала.

— Я не думалъ, — сказалъ Джонсонъ, чтобъ могъ существовать человекъ съ такимъ непомятымъ самолюбіемъ...

— Вы забываете себя.

— И то правда. Но отчего же при вашей самонадѣянности Гаррикъ боится за васъ?

— Оттого, что я вамъ рассказалъ однѣ мечты мои. Эта самоуверенность гаснетъ, эта сила исчезаетъ, воля моя слабѣетъ; мысль несвободна, — тайная печаль беспокоитъ меня. Гаррикъ знаетъ ее и расскажетъ вамъ. Здѣсь въ Лондонѣ... есть одно лицо, близъ котораго я не могу быть ни спокойнымъ, ни разсудительнымъ; я бѣжалъ во Францію... но и оттуда *принужденъ* былъ воротиться?

— Вѣрно вы, по обыкновенію, что-нибудь напроказили.

— *Что-нидудь* — значить только одно глупое дѣло, — а я ихъ сдѣлалъ двѣсти. Какъ быть. Я ненавижу французовъ; они у меня отобрали все деньги, бросили въ лодку, и отправили безъ шляпы. Теперь я долженъ рѣшиться на отчаянное средство.

— Вотъ въ чемъ дѣло, любезный Джонсонъ, — сказала Гаррикъ: Гогартъ влюбленъ въ дочь королевскаго живописца Торнгилля, — и самъ ей понравился. Но баронетъ богатъ, честолюбивъ. У Вильяма нѣтъ ни славы, ни денегъ. Его идеи объ искусствѣ не понравились знаменитому мастеру, — и тотъ отказался отъ этого союза. Два года сряду Гогартъ работалъ какъ негръ, чтобъ накопить денегъ; онъ по двѣнадцати часовъ трудился по найму въ мастерской, — и успѣлъ собрать достаточную сумму, чтобъ самому открыть мастерскую. Но Торнгилль упорно отказывалъ, — и Гогартъ въ отчаяніи уѣхалъ во Францію. Остальное вы знаете. Теперь послушаемъ, что онъ намѣренъ начать.

— Я разоренъ, — проворчалъ Гогартъ, — и не въ силахъ теперь опять попрежнему работать. Здѣсь все мнѣ слишкомъ напоминаетъ мои страданія. Къ чему скрывать? Эта дѣвушка сдѣлалась теперь для меня необходимостію, чтобъ поддержать мои силы и существованіе. Въ пустотѣ нельзя ничего создавать. Джени была однимъ существомъ, которое вѣрило моему гению. Сверхъ-того, я чувствую, что долженъ вести жизнь серьезную, сосредоточенную, чтобы достигнуть предполагаемой мною цѣли въ искусствѣ. Наша цыганская жизнь для меня чрезвычайно тягостна. Я хотѣлъ бѣжать: судьба привела меня назадъ. Покорюсь судьбѣ. Джени должна быть моею женою. Какимъ образомъ? не знаю.

— Не надѣйтесь, — возразилъ Джонсонъ, восторжествовать противузаконнымъ поступкомъ надъ священною властію отца. Эта власть составляетъ основу общества и символъ всякой іерархической власти. Я извиняю слабость любви; я сострадаю къ ней, хотя и не понимаю ее. Но если вы намѣрены похитить миссъ Торнгилль, то я по дружбѣ обязанъ вамъ сказать, что завтра пойду и предувѣдомлю отца ея о вашемъ умыслѣ...

— Опасности, угрозы, вызовъ!.. Теперь я увѣренъ въ успѣхѣ; уже десять мѣсяцевъ, какъ я колебался рѣшиться на этотъ поступокъ. Да, вы сильный и могучій человекъ, Джонсонъ. Вы схватили меня робкаго за воротъ и перебросили на ту сторону бездны.

— Любезный Джонсонъ! вскричалъ Гаррикъ, — ты ничего не понимаешь въ любовныхъ дѣлахъ.

— Судьбѣ угодно было, — съ непоколебимымъ хладнокровіемъ отвѣчалъ Джонсонъ, — создать меня такъ, чтобъ я обошелся безъ этихъ познаній. Но Платонъ говорить...

— Эхъ! оставь академію въ покоѣ. Теперь дѣло въ томъ, чтобъ спасти моего друга.

— Мой планъ уже составленъ, — сказалъ Джонсонъ. Я явлюсь

къ Торнгиллю и буду сватомъ Гоггарта. Если онъ отвергнетъ мое сватовство, я предупреждаю его объ угрожающей ему опасности.

— Вы этимъ меня обяжете, прибавилъ Гоггартъ. Это подстрекаетъ меня.

— Если ваше намѣреніе исполнится, значить судьба рѣшила дѣло въ вашу пользу, а я все-таки тоже исполню свой долгъ.

Долго разговаривали эти три знакомца, и наконецъ возвратились въ прежнюю таверну. Гаррикъ постарался напоить Джонсона, чтобъ заставить его забыть доносъ на Гоггарта, — а тотъ побрелъ къ Лейчестеръ-Фильду, гдѣ былъ домъ Торнгилля, и болѣе часа стоялъ подъ окнами своей возлюбленной.

II.

Мастерская художника.—Биографія сира Джемса Торнгилля. — Спасеніе и несчастіе.

Иногда случается, что люди, одаренные искусствомъ и дарованіемъ, имѣютъ столько истиннаго достоинства, чтобъ возвыситься до точки, на которую поставила ихъ судьба и остаться при этомъ съ тѣми же правилами. Тогда все радуются ихъ успѣхамъ и уважаютъ ихъ. Зависть, часто скрывающаяся подъ предлогомъ безпристрастія, бессильна противъ этихъ людей, а соревнованіе, возбуждаемое ими, не раждаетъ никакой вражды. Такова была счастливая участь сира Джемса Торнгилля. Онъ родился въ 1678 году, и былъ дворяниномъ. Онъ много трудился сдѣлался живописцемъ, и какъ дарованіе, такъ и счастье, сдѣлали его первымъ и даже единственнымъ историческимъ живописцемъ Англіи.

Раззоренный революціею 1648 года, отецъ Торнгилля мало-по-малу продалъ все свое имѣніе. Благодаря своей кисти, сынъ его Джемсъ вскорѣ успѣлъ выкупить все достояніе отца, и занялъ опять въ обществѣ мѣсто своихъ предковъ. Ученье было непродолжительно. Незвѣстный маляръ научилъ его владѣть кистию и составлять краски, и Джемсъ на счетъ дяди отправленъ былъ во Францію, Германію, Фландрію и Голландію, осмотрѣть все произведенія сѣверныхъ живописцевъ. Онъ не поѣхалъ въ Италію. Онъ говорилъ, что качества южныхъ художниковъ не соотвѣтствуютъ организаціи сѣверныхъ жителей, которые слѣдуя имъ, теряютъ свой характеръ, колоритъ, національность, и становятся чѣмъ-то неопредѣленнымъ. Замѣчательно, что за два вѣка предъ тѣмъ флорентинецъ Фра-Бартоломео возвратился изъ Рима съ подобными же идеями, и не прежде, могъ опять достигнуть совершенства въ своихъ произведеніяхъ, какъ успѣвъ забыть все то, чему научился прежде.

Повозвращеніи въ отчизну, Торнгилль очень скоро прославился. Всѣ оспаривали другъ у друга картины его. Королева Анна назначила его для росписанія купола церкви св. Павла, и съ-тѣхъ-поръ онъ уже безспорно былъ первымъ живописцемъ. Въ этой работѣ онъ болѣе всего подражалъ Пуссену; но потомъ его плѣнилъ колоритъ Рубенса. Глядя на огромныя работы его въ морскомъ музеѣ въ Гриничѣ, видно, что онъ хотѣлъ состязаться съ фландрскимъ Веронезомъ. Эти стѣны составляютъ лучшей памятникъ англійской живописи, за который Торнгилля и прозвали англійскимъ Рубенсомъ.

Георгъ I пожаловалъ ему званіе королевскаго живописца. Георгъ II возвелъ въ званіе баронета, а Лондонъ избралъ его членомъ парламента. И дочь этого-то человѣка полюбилъ Гогартъ, не пользовавшійся еще ни малѣйшею извѣстностію и не имѣвшій ни пенни за душою.

Мы уже видѣли, что Гогартъ продолжалъ питать надежду и послѣ отказа отца, который, впрочемъ, не запретилъ ему входа въ свой домъ, чувствуя, что подобное запрещеніе приишутъ когда-нибудь зависти.

Въ одно прекрасное утро Торнгилль ожидалъ посѣщенія принца Валлійскаго. Толпа придворныхъ уже съѣзжалась заранѣе и съ любопытствомъ смотрѣла, какъ живописецъ оканчивалъ свою картину: *Нимфа, застигнутая Фавномъ*. Сцена происходила въ обширной мастерской съ готическимъ потолкомъ, колоннами и скульптурными медальонами. Стѣны были разрисованы во вкусъ вѣка Людовика XIV; около стѣнъ стояли мягкіе диваны, позолоченныя кресла, группы цвѣтовъ, мраморовъ, портреты работы Ванъ-Дика, наконецъ, все, что было тогда въ модѣ между знатными и богатыми. Лорды и члены парламента разлеглись на подушки и внимательно смотрѣли за дѣйствіемъ кисти своего товарища, изрѣдка совѣтуя ему, но еще чаще получая отъ него наставленія.

Стоя на своей лѣсенкѣ съ кистью въ рукѣ, съ напудренною головою, въ парадномъ платьѣ, со шпагою, Торнгилль работалъ въ ожиданіи пріѣзда высокаго посѣтителя. Чтобъ избавиться отъ безтолковыхъ замѣчаній своихъ гостей, художникъ завелъ разговоръ о послѣднемъ биллѣ, и германской войнѣ, о министерствѣ. Наконецъ зашла рѣчь и о немъ самомъ.

— Да! могу побожиться, говорилъ онъ, что никогда въ жизни я не были въ такой опасности, какъ вчера. Ужъ никакъ бы не имѣть мнѣ чести видѣть сегодня у себя такое блистательное собраніе, еслибъ изумительное хладнокровіе и присутствіе духа одного незнакомца не спасли меня отъ очевидной смерти.

— Что же случилось, расскажите скорѣе! спрашивали съ участіемъ гости.

— Вы знаете, что недавно куполь св. Павла далъ трещину, Каменщики задѣлали ее, но какъ при этомъ работа моя въ куполѣ была, разумѣется, повреждена, то я долженъ былъ приступить къ подновленію многихъ фигуръ.

— Да какъ это вы рѣшаетесь на тоненькихъ подмосткахъ, между небомъ и землею, работать безъ перилъ, безъ...

— Старая привычка! Я такъ свыкъ съ нею съ малолѣтства, что вчера даже забылъ одно изъ главныхъ условій,—осторожность. И такъ я очень спокойно работалъ и окончилъ одну изъ главныхъ головъ... Не знаю, по какому случаю очутился вмѣстѣ со мною на верхнихъ подмосткахъ какой-то незнакомецъ, но я не обратилъ на него вниманія и полагалъ, что онъ одинъ изъ служителей церкви. Окончивъ свою работу, я хотѣлъ взглянуть на нее издали. Отступилъ, на шагъ, на два...

— А подъ вами такая ужасная бездна!

— Да, но я забылъ объ этомъ. Въ ту же минуту незнакомецъ бросился къ оконченной фигурѣ и взмахомъ кисти замаралъ ее всю. «Злодѣй! что ты дѣлаешь?» вскричалъ я, и кинулся впередъ. «Покупаю вамъ жизнь» — хладнокровно отвѣчалъ онъ и указалъ назадъ. Дѣйствительно, по слѣду моей ноги, раздавившей мѣлъ, видно было, что пятки мои были уже надъ бездною. Я былъ спасенъ, но долженъ былъ сѣсть отъ испуга. Я былъ въ безопасности, но голова моя кружилась...

— Вотъ удивительное присутствіе духа! вскричали посѣтители.

— Когда я сошелъ внизъ, избавитель мой подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что нарочно пришелъ въ церковь, чтобъ видѣться со мною, надѣясь, что со мною удобнѣе всего говорить во-время работы, тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ ко мнѣ большую просьбу. «Говорите, говорите!» вскричалъ я, но этотъ человѣкъ отвѣчалъ: «Теперь неловко. Вамъ надобно успокоиться; я зайду къ вамъ завтра. Не хочу вынудить въ такую минуту ваше согласіе... И теперь, господа, я съ большимъ любопытствомъ жду этого посѣтителя.

Гости были еще подъ вліяніемъ этого разсказа, какъ вдругъ слуга приподнялъ портьеру и ввелъ безъ доклада просителя, который былъ не кто-иной, какъ Самуиль Джонсонъ.

Присутствіе лордовъ и членовъ парламента видимо смутило пришедшаго. Торнгилль старался ободрить его, и просилъ, чтобъ онъ объявилъ ему вчерашнее свое желаніе. Но Джонсонъ боязливо посмотрѣлъ на го-

стей и продолжая молчать. Тѣ, изъ скромности, удалились и пошли ходить по картинной галлерей.

— Теперь мы одни, мой избавитель, сказалъ Торнгилль, посадивъ подле себя Джонсона,—и я съ нетерпѣніемъ жду...

— Я вижу, что вы очень заняты, отвѣчалъ Джонсонъ, и буду какъ можно короче объясняться. Дѣло мое очень важно, сирѣчь. Я пришелъ у васъ просить руки единственной вашей дочери.

При этомъ неожиданномъ предложеніи, баронетъ бѣглымъ взоромъ артиста окинулъ нарядъ и черты незнакомца. Но потомъ, боясь оскорбить его, спѣшилъ отвѣчать:

— Всякое другое ваше желаніе я заранѣе далъ-себѣ слово тотчасъ выполнить, но дочь моя не принадлежитъ къ матеріальной моей собственности. Вы понимаете, что прежде всего долженъ я имѣть въ виду сердечную ея склонность...

— Позвольте, вашъ отвѣтъ неостороженъ. Онъ даетъ мнѣ много преимуществъ, а я не хочу нечаянно вырвать у васъ согласія...

— Какъ! вскричалъ удивленный Торнгилль, — развѣ дочь моя любить...

— Надѣюсь и опасаюсь, что этотъ вопросъ уже рѣшенъ ею. Чувства миссъ мнѣ извѣстны, но я хочу, чтобъ любовь всегда покорялась священной власти отца.

— Вы меня совершенно смущаете. Вы знаете дочь мою, и она рѣшилась...

— Я ее никогда не видалъ. Но между нами, кажется, candidus ergo, маленькое недоразумѣніе. Дѣло идетъ совсѣмъ не обо мнѣ, но объ одномъ изъ друзей моихъ, за котораго-я взялся ходатайствовать. Вы конечно знаете Вильяма Гогарта...

— Слишкомъ хорошо! вскричалъ живописецъ, и вскочивъ, подошелъ къ стѣнѣ, снялъ съ гвоздя картину, обороченную къ стѣнѣ, и поднесъ ее къ Джонсону. Посмотрите сами. Вотъ вашъ Гогартъ, и вотъ его родъ и рисунокъ. Вы, можетъ-быть, думаете, что это пуасардка съ фришъ-стритскаго рынка. Нѣтъ! это Даная. Подивитесь же воображенію вашего друга, посмотрите на эту кухарку, присѣвшую позади этого проливнаго дождя монетъ. Чѣмъ она занята? она держитъ въ зубахъ одну изъ падающихъ монетъ, чтобъ попробовать, настоящее ли это золото и не надуваетъ ли ее Юпитеръ? Каковъ вкусъ? Каковы цвѣты его поэзіи! Пачкунъ, гордецъ, думаетъ, что больше моего знаетъ толку въ живописи. И онъ лезетъ въ храмъ славы и искусства! И я отдамъ дочь свою на жертву такому маляру вывѣсокъ. Нѣтъ, я лучше соглашусь, чтобы она сейчасъ за васъ вышла...

— Много чести, сирь Джемсъ, благодарю. О художествѣ я съ вами спорить не буду. Можетъ-быть, Данаю можно было и иначе написать. Но мнѣ очень жаль, если изъ-за нея сдѣлаются несчастными два любящихся сердца, потому-что—повторяю вамъ, дочь ваша любитъ моего друга...

— Быть не можетъ. Это *онъ* васъ увѣрилъ въ этомъ. Она слишкомъ скромна, слишкомъ хорошо воспитана... Она никогда мнѣ ни слова не говорила объ этомъ негодяѣ.

— И такъ вы не согласны. Слѣдственно, я исполнилъ долгъ свой. Я ненавижу порокъ и защищаю всѣми силами всякую законную власть. Молодой Гоггартъ, увлеченный страстью, объявилъ мнѣ, что намѣренъ похитить миссъ Торнгилль—съ ея согласія. Эта угроза заставила меня рѣшиться испытать прежде убѣжденія, просьбы, формальное сватовство... Вы не согласны, и роль моя кончена...

Онъ хотѣлъ продолжать разговоръ, но леди Торнгилль вбѣжала въ залу, вся въ слезахъ, держа въ рукѣ распечатанное письмо.

— Дочь моя!—вскричала она... Скорѣе, другъ мой... можетъ-быть ты успеешь догнать ее, спасти...

— Слѣдовательно дѣло кончилось! — угрюмо отвѣчалъ Торнгилль. Надобно покориться судьбѣ—и молчать. Зачѣмъ давать поводъ смѣяться надъ нами?.. У насъ была дочь, теперь нѣтъ ее,—вотъ и все...

Вдругъ въ домѣ раздался шумъ; царедворцы засуетились; леди Торнгилль вбѣжала въ слезахъ; мужъ просидѣлъ еще нѣсколько секундъ въ креслахъ, печальный и молчаливый, — но когда отдернули портьеру и вошелъ въ залу принцъ Валлійскій, Торнгилль быстро всталъ, поправилъ галстухъ, шагу, прикрасилъ лицо улыбкою, и бросился навстрѣчу къ высокому гостю.

III.

Нравственное положеніе Гоггарта въ началѣ поприща. Самуилъ Джонсонъ, — жизнь его и дарованія.

Въ скромной квартиркѣ въ Соуть-Ламбетъ (предмѣстье на правомъ берегу Темзы,) сидѣлъ Вильямъ Гоггартъ у стола и гравировалъ на мѣдной доскѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него занималась работою молодая и прелестная женщина, щегольская одежда которой не соответствовала скромности квартиры. Оба молчали и только изрѣдка вздыхали. По всему видно было, что работа Гоггарта не подвигается впередъ. Наконецъ, онъ совсѣмъ бросилъ ее, — и съ нѣмымъ отчаяніемъ сѣлъ противъ работавшей женщины.

Мистрисъ Дженни Гогартъ молча плакала.

— Несчастный! — вскричалъ Вильямъ, — что я сдѣлалъ? За что эгоистическая любовь моя лишила тебя всѣхъ удовольствій отеческаго дома? Что ты нашла у меня? Одиночество и нищету. Можешь-ли ты меня простить за это, когда я самъ безъ состраданія осуждаю себя

— Сколько разъ повторять мнѣ, милый другъ, — отвѣчала Дженни, стараясь улыбнуться, — что все мое счастье въ одномъ тебѣ. Лучшій день въ моей жизни былъ тотъ, когда пасторъ соединилъ насъ на вѣки предъ алтаремъ. У меня одна мысль, одно желаніе, — твое счастье. Но я чувствую, что ты несчастливъ, и плачу.

— Я хотѣлъ, чтобъ жена моя гордилась моимъ именемъ. Что-жь вышло? Мы въ нищетѣ и презрѣніи.

— Ошибаешься, другъ мой. Если я съ колыбели гордилась славнымъ именемъ отца, то это не стоило мнѣ никакой борьбы. Въ твоей же славѣ я хочу участвовать съ самаго начала твоего поприща, и вмѣстѣ съ тобою буду мужественно сражаться противъ судьбы. Перестань же думать, что это съ моей стороны жертва.

— Братъ! жена твоя права! — торжественно сказалъ Джонсонъ, вошедшій въ эту минуту и слышавшій послѣднія слова ея. Твое сомнѣніе и уныніе — признаки слабаго духа. Ты долженъ ободрять и поддерживать это молодое созданіе, — а самъ съ перваго шага на пути теряешь бодрость и силу. Она плачетъ, — но оттого, что вѣра твоя въ Провидѣніе колеблется, потому-что привыкнувъ уважать тебя, она должна о тебѣ жалѣть. Работай, будь бѣденъ, но будь великъ, — и ты увидишь, что она будетъ улыбаться.

Гогартъ ходилъ по комнатамъ въ сильномъ волненіи. Дженни съ удивленіемъ смотрѣла на Джонсона, не постигая, какъ съ своимъ безобразіемъ онъ такъ хорошо проникнулъ тайныя ея мысли.

— Ты падаешь духомъ въ началѣ поприща, — продолжалъ Джонсонъ, — ты воображаешь себя несчастнымъ, думаешь, что уже много вытерпѣлъ, — и сердце твое наполняется отчаяніемъ. Хочешь-ли, чтобъ я далъ тебѣ урокъ? Хочешь научиться, какъ жить и быть твердымъ на пути добродѣтели? Выслушай исторію моей жизни, — и тогда бодрость твоя возвратится. Надѣюсь, что *моя* біографія растрогаетъ когда-нибудь всегдашній эгоизмъ и равнодушіе англичанъ.

Джонсонъ сѣлъ на столъ, болтая длинными ногами; Дженни и мужъ ея помѣстившись у ногъ его на дубовой скамьѣ.

— Я уже не молодъ, Гогартъ. Много страданій, скопившихся надъ моею головою, провели морщины на лицѣ моемъ и согнули плечи мои.

А въ самомъ-то дѣлѣ, Вилль, знаешь-ли, что я моложе тебя восемью годами.

Дженни изумилась, Гоггартъ сказалъ съ улыбкою.

— Вѣрю, Джонсонъ, потому что давно догадывался объ этомъ.

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ я существую, продолжалъ Самуилъ, — я борюсь съ нищетою и съ врожденною лѣнностію. Видъ мой внушаетъ отвращеніе ко мнѣ; характеръ мой не имѣетъ гибкости, а насмѣшливый умъ не даетъ мнѣ искреннихъ друзей. Я страдаю съ самаго дня рожденія. Отецъ мой былъ пламенный якобитъ и книгопродавецъ, мать умерла, когда я еще былъ младенцемъ, передавъ мнѣ въ наслѣдство ядъ, который отравлялъ ея кровь. Отъ золотухи выпали у меня все зубы, я окривѣлъ на одинъ глазъ, и послѣ сильныхъ страданій сдѣлался полуглухимъ. Сверхъ-того, первическія спазмы заставляютъ все члены мои безпрестанно подергиваться. Всякій трудъ стоить мнѣ чрезвычайныхъ усилій.—Я былъ еще ребенкомъ, когда отецъ мой раззорился, умеръ съ печали, и оставилъ мнѣ въ наслѣдство двадцать гиней. Не зная ничего, я дотащился въ Оксфордъ, гдѣ жилъ въ подвалѣ, работая день и ночь и питаюсь однимъ чернымъ хлѣбомъ. Мало-по-малу я выучился кое-чему, но совершенно отдѣльно, потому что товарищи мои не хотѣли имѣть никакого дѣла съ такимъ уродомъ, какъ я. Нужно ли говорить, что этотъ образъ жизни еще больше разстроивалъ мое здоровье, увеличивалъ мои страданія; не упоминаю уже о перенесенныхъ мною униженіяхъ и объ отсутствіи всякой дружбы, и привязанности ко мнѣ.

Наконецъ, средства мои истощились, и я принужденъ былъ оставить университетъ, гдѣ отличился переводомъ Пове латинскими стихами. Я сдѣлался помощникомъ школьнаго учителя въ одной деревнѣ, но насмѣшки надъ моимъ безобразіемъ заставили меня удалиться оттуда. Въ Бирмингамѣ одинъ лекаръ взялъ меня къ себѣ въ писцы. Дѣло было въ томъ, что онъ изучалъ болѣзнь, которою я страдалъ, — и я ему былъ нуженъ, чтобъ производить надо мною опыты своими лекарствами. Благодаря крѣпкой моей натурѣ, онъ не уморилъ меня. У него перевелъ я съ французскаго *Путешествіе въ Абиссинію* Жерома Лобо, за которое одинъ книгопродавецъ заплатилъ мнѣ пять гиней. На эти деньги купилъ я себѣ новое платье, но въ то же время лекаръ мой увозилъ меня, видя что все усилія его къ излеченію надо мною болѣзни—безполезны. Я впалъ въ меланхолію, которую получилъ въ наслѣдство отъ отца и во-время припадковъ которой меня обыкновенно запираютъ, какъ сумасшедшаго. Въ этомъ-то положеніи впервые встрѣтилъ я на землѣ существо, которое почувствовало ко мнѣ состраданіе. Это

была старая торговка въ деревнѣ Эдіаль, близъ Бирминггама. Она взяла меня къ себѣ, накормила, и въ благодарность за это я женился на ней. На ея восемь сотъ фунтовъ стерлинговъ основаль я училище, — но предпріятіе это было такъ неудачно, что все имѣніе жены погибло. Я бѣжалъ отъ нея. Бѣдная женщина, она не знаетъ причины этого побѣга, и думаетъ, что я былъ неблагодаренъ, тогда какъ мнѣ чрезвычайно было тяжело разстаться съ единственнымъ существомъ, которое питало ко мнѣ привязанность. Я ошибаюсь, впрочемъ: это была не единственная привязанность. Между моими учениками былъ одинъ живой и веселый мальчикъ, сынъ офицера, у котораго не было ни пенса, и внукъ французскаго купца, изгнаннаго изъ отечества нантскимъ адиктомъ. Этотъ мальчикъ полюбилъ меня, и мы вмѣстѣ съ нимъ отправились въ Лондонъ. Это Давидъ Гаррикъ. Въ немъ много ума и генія, но никакого постоянства.

Въ Лондонѣ испытываль я всѣ средства къ существованію, и рѣшился наконецъ лучше умереть съ голоду, но не выходить изъ сферы литературы. Я написалъ трагедію *Ирену*, но ее не приняли на театрѣ. Я писалъ сатиры, — ихъ никто не читалъ; я за нѣсколько пенсовъ сочинялъ нравственныя пѣсни для тавернъ. Попе, прочтя мою поэмъ, сказалъ однажды, что я выйду изъ неизвѣстности. Число моихъ проектовъ было многочисленно. Севеджъ считалъ ихъ и дошелъ уже до тридцать-девятаго. Но въ Англіи не можетъ имѣть успѣха предпріятіе, не обѣщающее прямо груды золота, — и до-сихъ-поръ, умирая ежедневно отъ голода и болѣзни, я живу только тѣмъ, что сдираю со стѣнъ старья объявленія, — и на этой бумагѣ пишу свои сочиненія. И однако же, любезный Вилль, я увѣренъ въ будущемъ моемъ торжествѣ, потому что воля моя такъ сильна, какъ была при появленіи моемъ въ Оксфордѣ, и потому-что я увѣренъ въ моемъ дарованіи. Одинъ умный французъ Арузъ, по прозванію Вольтеръ, писалъ недавно, что я по краснорѣчію равняюсь съ ораторами Рима и Аѳинъ.

— Быть не можетъ, Джонсонъ...

— Увидишь, Вилль. Недавно вся Англія стала восхищаться краснорѣчіемъ своихъ парламентскихъ чиновъ. Рѣчи ихъ, печатаемыя въ *Gentleman's Magazine* читаютъ всѣ наперерывъ...

— Ну, что-жь?

— И Вольтеръ даже восхищался этими рѣчами.

— Правда.

— Только тутъ есть одинъ секретъ. Въ парламентъ не пускаютъ никого изъ публики, — и пренія засѣданій сообщаются редакторамъ газетъ за деньги парламентскими служителями въ самомъ краткомъ видѣ.

Изъ этихъ-то краткихъ извлеченій составляю я, за ничтожную плату, самыя краснорѣчивыя рѣчи, и выдаю ихъ за парламентскія. До-сихъ-поръ никто изъ этихъ пресловутыхъ ораторовъ не протестоваль еще противъ этого; напротивъ того, наши лорды говорятъ, что въ одномъ Gentleman's Magazine *врно* сообщаются засѣданія парламента. Обо мнѣ никто не знаетъ и знать не хочетъ. Еслибъ я разсказаль свои продѣлки, меня бы тотчасъ же обвинили, отдали подъ судъ и сослали бы. Но эта невинная хитрость убѣдила меня въ моемъ дарованіи. Я теперь силенъ своимъ сознаниемъ, и сдѣлаюсь извѣстнымъ—когда захочу.

— Но когда ты замолчишь, — сказалъ изумленный Гоггартъ, — что-жь будетъ съ нашими Цицеронами и Демосоенами?

— Другіе будутъ продолжать идти по указанному мною пути, — и Цицероны наконецъ сами убѣдятся въ своемъ краснорѣчии.

— Удивляюсь твоей выдумкѣ.

— Которая меня однакоже ни къ чему не привела. Но я не отчаиваюсь и буду попрежнему бороться съ неудачами. Я утомлю самое несчастіе. Перестань же и ты, Гоггартъ, жаловаться на судьбу. Ты живешь подъ крышею, у тебя есть существо, которое тебя любитъ, — и ты смѣешь жаловаться, и заставляешь жену свою плакать.

— Нѣтъ! — вскричала Дженни, — я нѣкогда буду гордиться, что была дочерью и женою первыхъ живописцевъ Англіи.

Съ восторгомъ обнялъ Гоггартъ Джонсона, который какъ перо поднялъ его на воздухъ и вскричалъ, какъ Ричардъ III: «О зачѣмъ нѣтъ у меня способности правиться?» — Но все-равно. Страстямъ моимъ дано другое направленіе. Цѣль моя состоитъ теперь въ томъ, чтобъ быть полезнымъ. Меня не будутъ любить, но будутъ благословлять. Я принужу современниковъ своихъ къ такому сочувствію, которое не истребляется ни годами, ни своенравіемъ. Ты, Вилль, счастливецъ меня, — у тебя есть гений. У меня только твердая воля и познанія. Я буду критикомъ, біографомъ, моралистомъ, филологомъ, и даже поэтомъ, если нужно, — а въ литературѣ я хочу быть оракуломъ. У Англіи много было умныхъ людей, но умственная жизнь ея только начинается. У нея еще недостаетъ тѣхъ элементовъ, которые служатъ основаніемъ системъ и традицій. Шекспиръ и Мильтонъ еще не разобраны; самый языкъ нашъ еще не достигъ до преобладанія и единства. У насъ нѣтъ классиковъ. Я открою имъ дорогу и сдѣлаюсь всеобщимъ синтезисомъ. Я классикъ и тори: эти лица нераздѣльны. Въ произведеніяхъ ума человѣческаго нужна дисциплина; для воображенія тоже нужны границы, какъ въ политическомъ порядкѣ — законы и единство власти. Только французы могутъ, по своему народному легко-

мыслию, не чувствовать этихъ аксіомъ. Я никогда не буду льстить страстямъ, проповѣдовать нововведенія, — слѣдственно, успѣхъ мой будетъ медленъ. Ты, Вильямъ, принадлежишь къ другой партіи. За тебя будутъ дѣйствовать человѣческія страсти. Твоя ладья пойдетъ внизъ по теченію рѣки; моей надобно подниматься вверхъ. Съ моимъ болѣзненнымъ тѣломъ я могу пасть на пути, и всё скажутъ, что я мечталъ о невозможномъ, но если ты лишаешься бодрости, то значить, самъ признаешь себя малодушнымъ и безвѣрнымъ.

Разказъ Джонсона подѣйствовалъ на Гогарта; ему казалось, что онъ пробудился отъ тягостнаго сна, сдѣлался другимъ человѣкомъ.

— Благодарю, братъ! — сказала онъ, и дружески пожалъ руку Джонсону. Съ этой минуты я буду всю жизнь бороться съ случайностями; ты меня научилъ твердости и терпѣнію. Если и ты въ часы меланхоліи упадешь подъ бременемъ ударовъ судьбы, то помни, что объятія друга ждутъ тебя здѣсь. Теперь примусь за работу. Эти доски почти готовы, хоть я и недоволенъ ими.

— Потому-что началъ ихъ не для славы и искусства, а для прокормленія жены.

— Ты правъ..

— Я незнатокъ въ живописи, но еслибъ зналъ сюжетъ...

— Это современный процессъ Сары Малькольмъ... А вотъ эта картина сатирическая. Ты узнаешь нѣкоторыя лица...

— Очень хорошо! Кентъ, Чандосъ, Бормингтонъ... Что я вижу? Попе! — и ты не боишься?..

— Напротивъ, надѣюсь...

— Что онъ, отвѣчая тебѣ, сдѣлаетъ твое имя извѣстнымъ? Не ошибись. Попе будетъ молчать, куда ты будешь въ толпѣ. Но едва поднимешься, онъ припомнитъ тебѣ насмѣшки... Ну, а еще что ты сдѣлалъ?..

— Онъ дѣлалъ рисунки Тейсу, — сказала Дженни, — за то, что онъ даетъ намъ эту квартиру, и приготовилъ картину четырехъ временъ года для Геймана, которую бы и отецъ мой похвалилъ.

— Такъ продай свои доски и займись серьезною работою...

— Одна неудача остановила меня, я написалъ портретъ г. Б*** но онъ отказывается взять его.

— Вѣрно зато, что ты сдѣлалъ его слишкомъ похожимъ; онъ некрасивѣе меня, а сверхъ-того еще горбатъ.

— Именно.

— Такъ сдѣлай тоже, что одинъ французскій живописецъ въ та-

комъ же случаѣ. Онъ нарисовалъ на портретѣ желѣзныя рѣшетки и сдѣлалъ надпись: «посажень за долги».

— Пстой! ты подалъ мнѣ мысль...

И Гоггартъ написалъ къ г. Б*** слѣдующую записку.

«Если г. Б. неблагоугодно будетъ взять своего портрета, добровольно исполненнаго, то Гоггартъ вынужденъ будетъ чрезъ три дня продать его на вывѣску въ одинъ звѣринецъ, разумѣется съ нѣкоторыми измѣненіями.»

Угроза эта удалась; Б. въ тотъ же день взялъ портретъ и сжегъ его.

Отправя записку, Гоггартъ самъ ушелъ съ своими досками и просилъ Джонсона подождать его возвращенія. Къ вечеру воротился онъ съ деньгами и съѣтными припасами. Все троѣ пообедали и поужинали въ одно время, — потомъ Джонсонъ просилъ Гоггарта проводить его.

Дорога шла чрезъ Вестминстерское кладбище.

— Вѣришь ли ты, Гоггартъ, предчувствіямъ? — спросилъ Джонсонъ.

— Не всегда?

— Тѣмъ хуже, они-то меня и поддерживаютъ. Будучи слабъ и болѣзненъ, я увѣренъ, что Провидѣніе создало меня для какой-нибудь цѣли, и потому я тружусь и восторжествую. Еслибъ я пересталъ трудиться, — жизнь моя не имѣла бы никакой цѣли, и я умеръ бы тотчасъ же...

— Что за мысль?...

— Она допускаетъ сверхъестественность... Но всѣ древніе мудрецы вѣрили ей, — и даже скажу тебѣ, что въ день смерти своей отецъ мой явился мнѣ...

Джонсонъ замолчалъ. Они проходили въ эту минуту чрезъ кладбище, и Джонсонъ со страхомъ ускорилъ шаги. Но какъ скоро они дошли до Черингъ-Кресса, онъ отпустилъ Гоггарта и сказалъ, что теперь одинъ найдетъ дорогу.

— Онъ боялся идти одинъ чрезъ кладбище, — подумалъ Гоггартъ, возвращаясь къ женѣ. Кто бы могъ думать, что онъ суевѣренъ, что вѣрить въ примѣты, несчастные дни, въ привидѣнія и боится мертвцовъ... Надобно придумать картину, чтобъ доказать, что умнѣйшіе люди часто бываютъ съ порядочными предразсудками.

IV.

Семейныя дѣла. — Первые успѣхи Гоггарта. — Разговоръ объ искусствѣ между тестемъ и зятемъ. — Результатъ разговора.

Старый сирь Джемсъ Торигилль былъ однакоже непреклоненъ.

онъ никогда не говорилъ о своей дочери, — и старался развлечься работою. Напрасно леди Торнгилль не разъ заговаривала съ нимъ объ этомъ, онъ упорно не отвѣчалъ ни слова. Однажды она сказала ему:

— Неужели ты всю жизнь будешь сердиться на свою дочь? Она молода, неопытна, увлеклась умомъ и способностями Гоггарта. Кто знаетъ, можетъ-быть, съ твоими уроками и совѣтами изъ него вышло бы что-нибудь...

— Онъ ихъ и знать не хочетъ, — отвѣчалъ Торнгилль. Онъ считаетъ себя великимъ живописцемъ, гораздо выше меня.

— Такъ я обращаюсь къ твоему сердцу. Еслибъ даже служанка наша оставила нашъ домъ и вышла за мужъ несчастливо; ты, вѣрно, не отказалъ бы ей въ помощи. Я не хочу дѣйствовать противъ твоей воли, но чувствую, что нищета Дженни убиваетъ меня и что я не переживу этого.

— Развѣ я тебѣ когда-нибудь мѣшала распоряжаться моими деньгами и хозяйствомъ. У меня нѣтъ дочери, но ты имѣешь право поступать какъ хочешь. Я ничего не буду ни знать, ни видѣть...

Это было больше, нежели леди Торнгилль смѣла надѣяться.

Три дня спустя, комиссіонеръ принесъ къ Дженни кошелекъ съ двадцатью гинеями, и по кошельку, работы самой Дженни, легко было узнать, кто прислалъ деньги. Гоггартъ тотчасъ же возвратилъ ихъ. Вторая посылка была при письмѣ отъ матери, но оставя письмо, деньги опять отослали назадъ. Тогда леди Торнгилль пріѣхала сама.

Это была трогательная сцена, которую легче представить себѣ, нежели рассказать.

Въ это время Гоггартъ писалъ цѣлую драму въ шести картинахъ. Это была жизнь падшей женщины. Онъ хотѣлъ дать жестокой урокъ юношеству, и заклеймить порочныхъ людей, которые посредствомъ золота распространяютъ испорченность нравовъ. Эти поразительныя картины должны были доставить Гоггарту славу и извѣстность между художниками и моралистами.

Одну изъ этихъ картинъ (Гоггартъ самъ выгравировалъ ихъ) леди Торнгилль поставила въ столовой, и мужъ ея былъ пораженъ новымъ произведеніемъ искусства.

— Какая образцовая картина, вскричалъ онъ. Я ничего подобнаго не видѣлъ. Кто написалъ ее?

— Молодой человекъ, который подноситъ тебѣ первый оттискъ своей гравировки...

— Ужъ не изъ учениковъ ли моихъ кто-нибудь?

— Онъ... твой.. родственникъ.

Торнгилль быстро отвернулся отъ картины и весь объѣдъ ничего не говорилъ. Но послѣ объѣда опять внимательно разсмотрѣлъ картину, и насмѣшливо сказалъ:

— Человѣку съ такимъ дарованіемъ не нужно приданого. У него много способностей, но онъ не живописецъ. Гравированіе—ремесло. Конечно, онъ гравируетъ собственныя свои картины, но одна живопись дѣлаетъ великихъ артистовъ; еслибъ самъ Рембрантъ гравировалъ, то никто бы и не зналъ объ немъ.

На другой же день леди Торнгилль передала Гоггарту слова мужа, но Гоггартъ рѣзко отвѣчалъ ей:

— Это мелочныя придирки. Но я ихъ предвидѣлъ. Вотъ вамъ картина, писанная масляными красками.

При этомъ онъ показалъ ей первую картину того же содержанія. Сама леди Торнгилль была въ восторгѣ отъ нея.

— Милый Вилльямъ, сказала она. Рѣшишься ли ты на трудное испытаніе? Пойдемъ къ мужу. Если ты будешь хоть нѣсколько уступчивъ, мы побѣдимъ... Но знай напередъ, что твое самолюбіе жестоко пострадаетъ.

— О! тогда мы погибли!—наивно вскричала Дженни.

— Пойдемте, сказалъ Гоггартъ.—Я готовъ на все—не для себя; мнѣ ничего не нужно, но для жены. Я буду помнить объ ней, и можетъ-быть перенесу все.

— Я буду подлѣ тебя,—сказала ему Дженни.

При пробужденіи Торнгилля картина Гоггарта уже стояла передъ нимъ. Онъ тотчасъ-же понялъ, чья она. Жена его дрожала отъ страха, видя, что мужъ былъ мрачнѣе обыкновеннаго. Долго онъ молчалъ, принимался за работу, бросалъ ее, и наконецъ съ видимымъ усиліемъ сказалъ жепѣ:

— Ты все ждешь моего приговора о картинѣ. Скажу тебѣ, что никто не въ состояніи написать другой подобной. Довольна ли ты?

— Я всею довольна, какъ скоро ты доволенъ... но живописецъ желалъ бы слышать самъ твои совѣты и наставленія.

— Понимаю. Онъ здѣсь, и какъ кошка прячется. Мои совѣты! и ты думаешь, что онъ ихъ уважаетъ. Ты это сейчасъ услышишь. Ну, гдѣ онъ? Подавай его сюда!

Вилльямъ явился.

— Мнѣ говорили, сирѣ Вилльямъ, гордо сказалъ Торнгилль, что вамъ угодно посовѣтоваться со мною на счетъ этой картины. Я долженъ вамъ сознаться, что не знатокъ въ этомъ родѣ живописи, который не покоряется ни общимъ правиламъ, ни условіямъ. Ваша картина

прекрасна. Вотъ мое мнѣніе. Вы видите, что я не хочу прослыть знатокомъ.

— Но кромѣ правилъ и стила, — отвѣчалъ Гогартъ, вы можете, какъ первый нашъ живописецъ, судить о фигурахъ, о колоритѣ, о свѣто-тѣни...

— Всѣ это ученическіе вопросы, прервалъ Торнгилль, о которыхъ съ вами нечего разсуждать. Я смотрю въ картинѣ на одинъ эстетическій вкусъ. Художество должно правиться изяществомъ и утѣшать благородныя сердца.

— То-есть вы думаете, что мой родъ картинъ не составляетъ уроковъ нравственности. Я бы смѣлъ не согласиться съ вами. Если художество должно часто прибѣгать къ идеальнымъ украшеніямъ, то оно можетъ изображать и самую истину.

— Истину? — возразилъ съ нетерпѣніемъ Торнгилль. Потому только, что ваши лица простонародны, вы думаете, что они истинны. Не знаю, только я никогда ихъ не встрѣчалъ.

— И я могу увѣрить васъ, — отвѣчалъ Гогартъ, что нигдѣ не встрѣчалъ вашихъ Юпитеровъ, Аполлоновъ, Венеръ, Діанъ.

— Вы забываете... вскричала леди Торнгилль, видя, что ссора разгорается.

— О нѣтъ, миледи. Но я не смѣю уступить въ такомъ пунктѣ искусства, не переставъ самъ-себя уважать. Знаменитый вашъ супругъ и я — мы избрали два разные рода художества. Онъ угрождаетъ страстямъ великихъ людей, — и они его сдѣлали великимъ. Я, напротивъ того, ищу моделей въ массѣ людей — и она меня оцѣнитъ.

— Потому-что вкусъ простаго народа также грубъ, какъ вашъ, сказалъ Торнгилль. Если вы для того только пришли, чтобъ показать всю вашу гордость и необразованность, то напрасно беспокоились, я зналъ эти качества и прежде. Послѣ вашихъ семейныхъ проступковъ, я надѣялся, что ваши идеи перемѣнятся, и тогда, признаюсь, я бы самъ могъ быть такъ слабъ, чтобъ съ вами сблизиться...

— Сиръ Джемсъ! сказалъ Гогартъ, мнѣ легче отказаться отъ вашихъ милостей, нежели отъ вашего уваженія. Я въ отчаяніи, что слова мои оскорбили васъ, но ни за что въ свѣтѣ не откажусь отъ своихъ убѣжденій.

— Несчастный! и вы смѣете еще упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ? Все между нами кончено. Вы неблагодарный человекъ! Я хотѣлъ васъ направить на путь истины и сдѣлать васъ своимъ преемникомъ... Но вы уже отняли у меня дочь, — теперь отнимаете у нея отца навсегда...

— Гоггартъ! въ слезахъ сказала леди Торнгилль,—то ли вы мнѣ обѣщали?

— Я не обѣщаль, миледи, за золото играть комедіи и жертвовать своими убѣжденіями. Я скорѣе умру. Дочь же вашу за любовь отца постараюсь вознаградить *своею* любовью.

— Этотъ человѣкъ съума меня сведеть, закричалъ Торнгилль. Поди же ко мнѣ, негодный, и обними меня...

Радостный крикъ раздался въ ближайшей комнатѣ.

— Но непрежде меня, батюшка, вскричала Дженни, и бросилась къ ногамъ отца.

— Это просто нападеніе разбойниковъ, прошепталъ старикъ, и съ восторгомъ прижалъ дочь къ своему сердцу. Вильямъ! продолжалъ онъ, обратясь къ Гоггарту. Ты истинный артистъ, у тебя сердце благородное, безкорыстное, хотя нѣсколько вспылчивое. Знай же, еслибъ ты уступилъ мнѣ, ты погибъ бы, я бы презиралъ тебя.

Вильямъ былъ у ногъ Торнгилля, который поднялъ его и съ жаромъ сжалъ въ своихъ объятіяхъ.

МЕМУАРЫ.

НОВОБРАНЕЦЪ 1812 ГОДА.

(Изъ моихъ памятныхъ записокъ.)

И. И. Лажечникова.

Въ роковыя двадцатая числа роковаго 12 года находился я въ Москвѣ. Вышедши только-что изъ-подъ опеки гувернеровъ, Messieurs Beaulieux и маркизовъ Жюльекуровъ, еще недавно архивный юноша, проглотившій съ двѣнадцатилѣтняго возраста не мало пыли при разборѣ полу-сгнившихъ столбцовъ, перешедши потомъ въ канцелярію московскаго гражданскаго губернатора Обр., по приглашенію его, для узнанія службы, я, однакожь, оставался въ Москвѣ не по служебнымъ обязанностямъ. Въ то время дана была каждому воля идти на всѣ четыре стороны. Паспортовъ не выдавалось, потому-что всѣ дѣла канцеляріи были выпровожены на владимірскую дорогу. Въ Москвѣ же задерживало меня ожиданіе письма отъ моего отца, который жилъ въ деревнѣ, за восемьдесятъ верстъ отъ Москвы, къ сторонѣ Коломны. Я рвался въ ряды военные, и ждалъ на это разрѣшенія. Сердце мое радостно билось при одной мысли, что я скоро опояшусь мечомъ, и крупно поговорю съ непріятелемъ.

лемъ за обиды моему отечеству. Въ войну 12 года, истинно народную, патриотизмъ воспламенялъ и старцевъ и юношей. Порою рисовалось моему юношескому воображенію зарево биваковъ, опасное участіе въ ночномъ пикетѣ, къ которому вѣтерокъ доносить жуткой говоръ непріятели, жаркая схватка, отважная выручка. Не скрою, что порой прельщали меня и красный ментикъ съ золотымъ украшеніемъ, и лихой конь, на которомъ буду гарцовать передъ окнами дѣвушки, любимой мною страстно... до первой новой любви. Но увы! мои надежды недолго тѣшили меня. Въмѣсто ожидаемаго разрѣшенія, получаю отъ отца приказъ немедленно къ нему явиться. Я плакалъ, какъ ребенокъ, но скоро одумался. «Чего бъ ни стоило», сказалъ я самъ себѣ, «а буду военнымъ, хоть бы солдатомъ.» Мыслию уже ослушникъ волѣ родительской, я тотчасъ сдѣлался ослушникомъ и на дѣлѣ, и не очень спѣшилъ выѣхать изъ Москвы.

Уже дошла до насъ вѣсть о Бородинской-битвѣ: все, что дѣлалось въ арміи, было черезъ нѣсколько часовъ извѣстно въ Москвѣ; каждое біеніе пульса въ русскомъ войскѣ отзывалось въ сердцѣ ея. Многіе купцы содержали по пути къ мѣсту военныхъ дѣйствій конныхъ гонцовъ, которые безпрестанно сновали взадъ и впередъ. Два исполина дрались съ ожесточеніемъ: французъ шелъ, очертя голову, въ бѣлокаменную, и хвалился передъ міромъ побѣдой; русскій, истекая кровью, но готовый лучше умереть, чѣмъ покориться, сильный еще силою крестнаго знаменія, любви и преданности къ Государю и отечеству, шелъ отстаивать святыхъ сорокъ сороковъ матушки бѣлокаменной, пока не положитъ въ виду ея костей своихъ: *мертвые бо срама не имутъ.*

Но—въ военномъ совѣтѣ Кутузова рѣшено было сдать Москву безъ боя. Настали дни скорбные и вмѣстѣ великіе. Москвичи, не помышляя болѣе о спасеніи своихъ домовъ, думали только честно покинуть ихъ. Кажется, въ одно время въ сердце народа и въ голову великаго полководца пала мысль, для блага Россіи: принести на алтарь ея въ жертву первопрестольный городъ. Одинъ, для исполненія своихъ высшихъ плановъ, замышлялъ отдать Москву; другой замышлялъ сжечь ее, въ случаѣ сдачи неприятелю, и тѣмъ очистить ее отъ поруганія нашествія. Такъ въ дни Божіи избранники его и народъ понимаютъ другъ-друга и дѣйствуютъ согласно, не повѣряя другъ-другу своихъ намѣреній. Въ эти дни я слышалъ нерѣдко отъ купцовъ, извозчиковъ и моего дядьки, что, въ случаѣ сдачи Москвы, наши готовятся спалить ее до тла — «не доставайся жъ матушка неприятелямъ.» И потому, если мое свидѣтельство можетъ что-нибудь прибавить къ показаніямъ историковъ 12 года, считаю долгомъ засвидѣтельствовать, что пожаръ московскій

былъ просто слѣдствіемъ народнаго побужденія. Тогдашній градоначальникъ Растопчинъ; отгадавъ это побужденіе, не только не мѣшалъ, но даже содѣйствовалъ ему—вотъ что надобно еще прибавить. Кому принадлежитъ честь этого подвига, судите сами.

Высокое и трудное бремя несъ тогда Растопчинъ. Надо было въ одно время поддерживать пламенное усердіе къ дѣлу общему, ослаблять уныніе, возбуждаемое вѣстями о скоромъ нашествіи непріятели, и умирать народные порывы. Рѣдки, однакожь, были случаи вмѣшательства черни. Видны были кое-гдѣ грозныя лица, которыя заглядывали въ повозки, отѣзжавшія изъ Москвы, и провожали удалявшихся именемъ *измѣнниковъ*... Въ тоже время оставшіеся въ столицѣ, болѣею частью отцы семействъ, старики, женщины и дѣти и торгующій классъ покидали стѣны ея, хотя не безъ тревоги, однакожь безгласно.

Для исполненія своихъ благоразумныхъ видовъ, градоначальникъ бросалъ каждый день въ пищу народу свои животрепещущія посланія, столько извѣстныя, и народъ, съ жадностію хватая ихъ, не только успокоивался, но и обращалъ свои помыслы къ благому—защитѣ города. Вскорѣ, однакожь, представилась жертва сама-собою. Безразсудный В*, сынъ купца, отмѣченный молвою какъ измѣнникъ, былъ обхваченъ буйствомъ толпы, и заплатилъ жизнью за свой поступокъ. Наканунѣ видѣлъ я В* въ кофейной на Никольской, тогдашнемъ фойе всѣхъ политическихъ и не политическихъ новостей. Можно вообразить, что я чувствовалъ, узнавъ на другой день объ его участи.

Между-тѣмъ, какъ дядька мой устраивалъ дорожные сборы, поѣхалъ я за городъ, къ Филямъ и на Поклонную-гору, куда народъ стекался смотрѣть на плѣнныхъ французовъ, взятыхъ въ дѣлѣ бородинскомъ. Солнце ужъ западало, но далеко не доходя до земной черты, скрывалось въ туманномъ горизонтѣ, который образовали жаръ и пыль, поднятые тревожною жизнью города и еще болѣе тревожною жизнью между городомъ и отступающимъ войскомъ. Въ Филяхъ нашелъ я дѣйствительно много плѣнныхъ разнородныхъ націй. Въ рѣчахъ и поступкахъ своихъ французы казались въ это время не плѣнниками нашими, а передовыми *великой арміи*, посланными занять для нея квартиры въ Москвѣ. На Поклонной-горѣ особенное мое вниманіе привлекъ къ себѣ многочисленный кружокъ, составленный, болѣею частью, изъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ. Въ серединѣ толпы стоялъ мужчина, довольно высокій, плечистый; лицо его казалось вдохновеннымъ, голосъ звучалъ знойно, энергически. За толпою, тѣсно окружившей его, я не могъ слышать его рѣчи, обращенной къ народу, но до меня долетали по временамъ слова его, глубоко западавшія въ грудь. Толпа, творя крестное знаме-

ніе, повторяла съ жаромъ его послѣднія слова: «за батюшку Царя и Русь православную, подъ покровомъ Царицы небесной!» Я узналъ, что это былъ Сергій Николаевичъ Глинка, ревностный сподружникъ московскаго градоначальника въ тогдашнихъ его подвигахъ на служеніи отечеству. Съ какимъ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на него! Онъ извѣстенъ мнѣ былъ заочно, какъ издатель «Русскаго Вѣстника», поощрившій мой первый литературный лепетъ: помѣстивъ въ своемъ журналѣ мою *военную пѣснь* и напечатавъ подъ нею мое имя, онъ сдѣлалъ меня на нѣсколько дней счастливымъ. Мое восторженное сердце поклонялось тогда всѣмъ современнымъ знаменитостямъ. Увидѣть Карамзина было однимъ изъ самыхъ пламенныхъ желаній: сколько разъ собирался я идти къ нему, чтобы положить передъ нимъ мой сердечный поклонъ! Разъ въ театрѣ мнѣ указали его; онъ былъ съ женой въ креслахъ. Во все представленіе я не видалъ ничего, кромѣ Карамзина; когда во время антракта, онъ вставалъ, я устремлялъ на него такъ пристально глаза, что онъ разъ улыбнулся, и перешептываясь съ женой, указалъ ей осторожно на меня. Въ послѣдовавшую затѣмъ ночь я не спалъ отъ блаженства, что видѣлъ великаго чловѣка и былъ имъ замѣченъ. Съ Сергѣемъ Николаевичемъ Глинкою знакомъ я былъ въ послѣдствіи. Дивная была эта личность! Онъ содержалъ пансіонъ, въ которомъ воспитывались дѣти богатыхъ донцовъ, въ томъ числѣ и сынъ Платова. Золото обильно лилось въ его карманы, между-тѣмъ не было у него часто копѣйки за душою. Выходя изъ дому съ деньгами, или изъ книжной лавки, куда являлся для полученія денегъ на крайнія домашнія нужды, онъ возвращался бѣдный, какъ Пръ, и всегда довольный. Часто, когда нечего ему было дать просящему у него бѣдняку, нѣ отдавалъ ему что попадалось подъ руки — носовой платокъ, шейный жилетъ, пустой кошелекъ, книжку... Онъ почти всегда ходилъ пѣшкомъ, если же бралъ извозчика, то самаго худаго, котораго, вѣроятно, нанималъ для того, чтобы ему помочь. Замѣтенъ онъ очень былъ тѣмъ, что ходилъ въ самые жестокіе морозы въ сюртукѣ на ватѣ. Весь московскій людъ зналъ его; я видѣлъ часто, какъ извозчики на биржахъ кланялись ему въ поясъ, а многіе проѣзжавшіе мимо снимали передъ нимъ шапки.

Когда я выѣхалъ изъ Филей, по смоленской дорогѣ показался въ клубахъ пыли обозъ, которому не видно было конца. Везли раненыхъ. Поѣздъ тянулся въ нѣсколько рядовъ, и затруднился у Драгомиловскаго моста. Сдѣлалась остановка. Надо было видѣть въ это время усердіе москвичей къ воинамъ, пролившимъ кровь свою за отечество. Калачи летѣли въ повозки, сыпались деньги пригоршнями, то-и-дѣло опорож-

нялись стаканы и кувшины съ квасомъ и медами; продавцы распоряжались добромъ своихъ хозяевъ, какъ своею собственностію, нетолько не боясь взысканія, но еще увѣренные въ крѣпкомъ спасибо; восклицаніямъ сердечнаго участія, благословеніямъ, предложеніемъ услугъ не было конца. Облако пыли большею частью заслоняло это зрѣлище, и только изрѣдка, когда вѣтерокъ спахивалъ ее или густой лучъ прорѣзывалъ, видно было то добродушное лицо бородача, который подавалъ свою лепту, то лицо воина, истомленное, загорѣлое, покрытое пылью, то печальныя черты старушки, которая, облокотясь на телегу, разспрашивала о своемъ сынѣ—служивомъ. Въ одинъ изъ этихъ просвѣтовъ палъ на меня болѣзненно—унылый взоръ раненаго офицера. Ему могло быть лѣтъ двадцать пять съ небольшимъ; смертная блѣдность покрывала прекрасное и благородное лицо его; одна рука была у него въ перевязи, другую опирался онъ на задокъ телеги, гдѣ лежало нѣсколько солдатъ. Невольное чувство увлекло меня къ нему. Не ужъ ли не сыскалось для васъ повозки? спросилъ я его. — «Была, отвѣчалъ онъ, но случились раненыя тяжелѣе меня... Слава Богу, я могу еще дойти. При этихъ словахъ съ трудомъ приподнялся изъ телеги одинъ изъ солдатъ, лежавшихъ въ ней, и сказалъ со слезами на глазахъ: «Его благородіе нашъ ротный командиръ; намъ четверымъ раненымъ было тѣсно въ одной телегѣ.. онъ уступилъ намъ свою.» Тутъ онъ не могъ продолжать и опустился въ повозку.

Возвратившись домой, я сталъ собираться въ путь, къ отцу въ деревню. Квартира моя была на Стрѣтенскомъ-бульварѣ (помнится, въ домѣ профессора Горюшкина) подлѣ узорочнаго дома съ садомъ, гдѣ хозяинъ, старый инвалидъ, причудливо устроилъ гауптвахту, поставилъ деревянную батарею и солдатъ, не смѣнявшихся со стражи. Онъ и на покоѣ, въ городѣ, не хотѣлъ разстаться съ военною жизнью. Старожилы, конечно, запомнятъ этотъ домъ, который ни одинъ проѣзжій не миновалъ, не полюбовавшись на игрушечный лагерь. Послѣ моего отъѣзда съ квартиры, гдѣ я жилъ, занялъ ее раненый офицеръ Франкъ съ рядовымъ Ишутинымъ. Выписываю страничку объ этихъ лицахъ изъ моихъ походныхъ записокъ: «По окончаніи Бородинской битвы, когда смерть утомилась надъ безчисленными жертвами своими, раненый рядовой 2-й роты своднаго гренадерскаго баталіона, Никифоръ Ишутинъ, присоединяясь къ ротѣ своей, шелъ отдаленно за нею съ поля сраженія. Вдругъ слышитъ онъ за собою слабые стоны, которые, казалось ему, звали его на помощь. Пренебрегая страхомъ попасться въ плѣнъ къ неприятелю, разставлявшему въ виду его свои пикеты, онъ возвратился на то мѣсто, откуда доносились звуки зампрающаго голоса. Тамъ нашелъ онъ роты

своей прапорщика Франка, плавающего въ крови отъ полученной имъ тяжелой раны пулею въ ногу. «Богъ привесъ меня къ вашему благородію, сказалъ онъ, дамъ-ли я непріятелю ругаться надъ вами? Не смотря на собственную боль, онъ втащилъ офицера на плеча свои и готовился одинъ нести его изъ опаснаго мѣста, какъ другой солдатъ той же роты, видѣвшій издали его усилія, присоединился къ нему и помогъ ему донести драгоценную ношу въ цѣпь, гдѣ перевязывали раненныхъ. Съ этого времени Ишутинъ не отходилъ отъ больнаго Франка; въ-продолженіе отступленія досталъ ему повозку съ лошадыю, перевязывалъ рапы, и смотрѣлъ за нимъ, какъ нѣжный отецъ. При выходѣ русскихъ войскъ изъ Москвы онъ не разстался съ умирающимъ офицеромъ. Все, что они претерпѣли въ пребываніе непріятелей въ древней столицѣ нашей, не можетъ быть описано. Довольно сказать, что домъ, въ которомъ нашли они себѣ покойный уголокъ, преданъ былъ пламени. Вѣрный Ишутинъ вынесъ Франка изъ огня на плечахъ своихъ, какъ новый Эней отца своего Анхиза.

Я простился съ Москвою, какъ прощаемся съ роднею, которую опускаемъ въ землю. При выѣздѣ изъ заставы, я приобрѣлъ себѣ дорожныхъ товарищей, шесть или семь дюжихъ мужичковъ. Они не преминули упрекнуть меня за оставленіе первопрестольной столицы. Мой геройскій духъ снова былъ озадаченъ въ Волчьихъ-воротахъ жалобными криками умирающаго... На зарѣ, подъ Островками, я сшелъ съ повозки и мимоходомъ взглянулъ въ часовню, которая стояла у большой дороги. Вообразите мой ужасъ: я увидѣлъ въ часовнѣ обнаженный трупъ убитаго человѣка... Еще теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, мерещится мнѣ бѣлый трупъ, блѣдное молодое лицо, кровавыя, широкія полосы на шеѣ; и надъ трупомъ Распятіе...

На берегу Москвы-рѣки, въ виду сельскаго крова, подъ которымъ провелъ я лучшія лѣта моего дѣтства, встрѣтили меня родные со слезами радости. Въ ожиданіи меня сколько страху испытали они: не попался ли я въ плѣнъ французамъ, не убили ли меня недобрые люди!

Черезъ нѣсколько дней узнали мы, что Москва занята непріятелями. Ожидали этого извѣстія, а между-тѣмъ оно судорожно пронеслось по всемъ классамъ народа. Таковъ ужъ русскій народъ: онъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и всякій неуспѣхъ приписываетъ или фатализму, или изменѣ. Много нелѣпныхъ слуховъ распускали по святой Руси люди несвѣдущіе! А говорили это именно тогда, когда знали, что къ концу Бородинской битвы капитаны командовали полками, когда каждый изъ нашихъ генераловъ творилъ въ ней чудеса храбрости и кровью платилъ

любовь свою къ отечеству. Не даромъ Бородинская битва названа битвой генераловъ!

Въ первый вечеръ, слѣдовавшій за печальной вѣстью, въ сѣверной сторонѣ отъ нашей деревни разостлалось по небу багровое зарево: то горѣлъ, за восемьдесятъ верстъ отъ насъ, первопрестольный городъ; и вѣзмъ намъ казалось, что горитъ наше родное пепелище. Нѣсколько дней сряду, каждый вечеръ, Москва развѣтывала для насъ эту огненную хоругвь. При свѣтѣ ея сельскіе жители собирались толпою передъ господскимъ домомъ, или передъ церковью, молились и вздыхали о потерянномъ Сіонѣ. Тяжкимъ свинцомъ пало уныніе на душу нашу; казалось всѣ ждали послѣдняго часа. Поплакавъ нѣсколько дней надъ пепломъ Москвы, стали однакожь думать о спасеніи своемъ. Никто не помышлялъ о покорности непріятелю, о томъ, чтобы оставаться въ своихъ домахъ, бить ему челомъ. Ожидали его только съ тѣмъ, чтобы въ виду его спалить свои жилища. Имущество поцѣннѣе хоронили въ погребахъ, подъ овинами и подклетями, въ лѣсахъ, но топоры и косы приберегали на случай подъ рукою. Стали къ намъ приближаться переселенцы съ тѣхъ мѣстъ, которыя занялъ уже непріятель. Толпы, болѣею частію, дѣти, женщины, старики, переходили съ мѣста на мѣсто, нерѣдко по ночамъ освѣщаемые кострами, воздвигаемыми изъ собственныхъ домовъ. Гдѣ могло остановиться это переселеніе? Никто не вѣдалъ; знали только, что къ восходу солнечному, къ Сибири шель народъ. Въ эту тяжкую годину всѣ дѣлились между собою, какъ братья; каждый, кто-бы онъ ни былъ, садился за чужой столъ, какъ семьянинъ; многіе богачи сравнивались съ бѣдняками, и часто бѣднякъ изъ сумы своей одоужалъ вчерашняго богача. Все это казалось, въ годину общаго бѣдствія, дѣломъ очень обыкновеннымъ.

Въ это время сталъ я проситься вновь у родителей своихъ вступить въ ряды военные, и опять напрасно.

Казаки прискакали съ вѣстью, что французы скоро появятся. Въ казенномъ селеніи Новлянскомъ, на противоположномъ отъ насъ берегу Москвы-рѣчки, ударилъ роковой набатъ — это былъ народный сигналъ зажигать свои дома. Къ счастью, тревога тотчасъ оказалась ложною, и селеніе уцѣлѣло. Но какъ непріятель дѣйствительно перешелъ уже Бронницы (въ 27 верстахъ отъ насъ), то мы и рѣшились по-добру по здорову выбраться изъ своего гнѣзда. Меня повезли, какъ плѣнника; по-крайней-мѣрѣ, я считалъ себя такимъ. Я помышлялъ уже освободиться изъ этого плѣна, но куда не видѣлъ къ тому возможности. Передъ Коломною присоединился къ намъ огромный караванъ помещиковъ съ ихъ домочадцами. Въ числѣ послѣднихъ была стая собакъ, съ

которыми владѣлец ихъ, чудакъ и охотникъ страстный, не хотѣлъ разстаться.

Мы пріѣхали въ Коломну. Это моя родина. Горжусь ею, потому что въ ней родился одинъ изъ знаменитѣйшихъ духовныхъ сановниковъ и проповѣдниковъ нашего времени (Филаретъ, митрополитъ московскій и коломенскій). Сколько воспоминаній о моемъ дѣтствѣ толпилось въ головѣ моей, когда мы вѣзали въ Зауруды! Предстали предо мною, какъ на чудной фантазмагорической сценѣ, и вечернія, росистыя зори, когда я загонялъ влюбленного перепела на обманчивый зовъ подруги, и лунныя ночи на обломкѣ башеннаго зубца, при шумѣ водъ смиренной Коломенки, лѣниво движущихъ мельничныя колеса — ночи, когда я воображалъ себя на мѣстѣ предковъ своихъ, переселенныхъ Грознымъ изъ великаго Новгорода въ Коломну; и прогулку на козлѣ, и добраго француза гувернера съ длинною косою за плечами, которую вмѣстѣ съ головою своей вынесъ онъ изъ-подъ гильотины. Явились предо мною и ты, *maître corbeau*, и вы, пламенные страницы Руссо, которыми душа моя жадно упивалась, какъ дикій конь, выпущенный изъ загона на широкую степь, и вы, великіе мужи Плутарха!.. Все это, и многое, многое, что глубоко бросило сѣмяна въ сердцѣ моемъ, прошло теперь мимо меня во всѣхъ радужныхъ цвѣтахъ очарованія. — Кто идетъ? закричалъ караульный громовымъ голосомъ у воротъ нашего дома, и очарованіе, спугнутое голосомъ часоваго, исчезло. Домъ этотъ славился нѣкогда роскошью своего убранства: вездѣ паркеты изъ краснаго, чорнаго, пальмоваго дерева, мраморъ, штофъ... Въ немъ отецъ мой угощалъ великолѣпныхъ сыновъ кончавшагося 18 вѣка

изъ стаи славной

Екатерининыхъ орловъ.

Теперь помѣщалась въ немъ артиллерійская рота (въ-послѣдствіи онъ былъ проданъ подъ трактиръ), и мы съ трудомъ, въ собственномъ нашемъ домѣ, могли найти уголокъ, гдѣ бы преклонить на ночь голову.

Съ развѣтомъ были мы уже на дорогѣ къ Рязани. Близъ первой почтовой станціи (не помню названія деревни) расположили мы свой таборъ, для полдневанія. Раскинутыя по лугу безчисленныя палатки, табунъ степныхъ коней, оглашающихъ воздухъ ржаніемъ своимъ, зажженные костры, многолюдство, пестрота возрастовъ и одеждъ, немолчное движеніе, — все это представляло зрѣлище прекрасное. Но могло ли это зрѣлище восхищать насъ? Я пошелъ съ нѣсколькими помѣщиками и купцами прогуляться по деревнѣ. Когда мы подходили къ станціонному дому, возлѣ него остановилась колясочка; она была откинута. Въ

ней сидѣлъ—Барклай-де-Толли. Его сопровождалъ только одинъ адъютантъ. При этомъ имени почти все, что было въ деревнѣ, составило тѣсный и многочисленный кругъ и обступило экипажъ. Смутный ропотъ пробѣжалъ по толпѣ... Не мудрено... отступление къ Москвѣ расположило еще болѣе умы противъ него; кромѣ Государя и нѣкоторыхъ избранниковъ, никто не понималъ тогда великаго полководца, который съ начала войны—до Бородинской отчаянной схватки сберегъ на плечахъ своихъ судьбу Россіи, охваченную со всѣхъ сторонъ еще неслыханною отъ вѣка силою военнаго генія и столь же громадною вещественною силой. Но ропотъ тотчасъ замолкъ — его мигомъ сдержалъ величавый, спокойный, холодный взоръ полководца. Ни малѣйшая тѣнь смущенія или опасенія не пробѣжала по лицу его. Въ этомъ взорѣ не было ни угрозы, ни гнѣва, ни укоризны, но въ немъ было то волшебное, неразгадываемое простыми смертными могущество, которымъ надѣляетъ Провидѣніе своего избранника и которому невольно покоряются толпы, будучи сами не въ состояніи дать отчета, чему они покоряются. Мнѣ случалось послѣ видѣть, какъ этотъ холодный, спокойный, самоувѣренный взглядъ водилъ войска къ побѣдѣ, какъ онъ одушевлялъ ихъ при отступленіи (изъ подъ Бауцена и окрестностей Парижа, когда мы въ первый разъ подходили къ нему). Русскій солдатъ, всегда недовольный ретиратами, не ропталъ тогда, потому—что, смотря на своего предводителя, увѣренъ былъ, что онъ не побѣжденъ, а отступаетъ ради будущей побѣды.

День былъ ясный, коляска стояла подъ тѣнью липы, урвавшей на улицу нѣсколько густыхъ сучьевъ изъ-за плетня деревенскаго сада. Барклай-де-Толли скинулъ фуражку, и засіялъ голый, какъ ладонь, черепъ, обезсмертный кистью Дова и перомъ Пушкина. При этомъ движеніи разнородная толпа обнажила свои головы. Вскорѣ лошади были готовы, и экипажъ исчезъ въ клубахъ пыли. Но долго еще стояла толпа на прежнемъ мѣстѣ, смущенная и огроменная видѣніемъ великаго человѣка.

Не знаю, куда ѣхалъ тогда Барклай-де-Толли, но знаю, что 25 сентября обѣлъ нѣ въ Калугѣ. Оттуда писалъ онъ, именно этого числа, къ графу Остерману-Толстому (у котораго въ—послѣдствіи былъ я адъютантомъ) письмо, чрезвычайно замѣчательное по тогдашнему положенію бывшаго начальника арміи. Въ немъ изъяснялъ онъ грусть свою, что разстается съ русскимъ войскомъ, и пріятную увѣренность, что въ немъ остаются полководцы, которые поддержать честь русскаго имени.

Богатое село Дѣдово, въ которомъ мы остановились на два дня, расположено на берегу Оки. Оно извѣстно сколько промышленностью

крестьянъ, столько и оригинальностью своего помѣщика Л. Д. Измайлова, осуществившаго въ себѣ типъ феодальнаго владѣльца среднихъ вѣковъ. Такого рода дворяне нынѣ уже въ Россіи не существуютъ. Особенно было оживлено Дѣдово въ нашъ пріѣздъ, потому-что въ немъ собиралось рязанское ополченіе, котораго начальникомъ былъ владѣлецъ этого имѣнія. Левъ Дмитріевичъ угостилъ насъ по боярски.

Въ Рязани пробыли мы недолго. Здѣсь вскорѣ узнали, что французамъ не поздоровилось въ Москвѣ и что они, какъ журавли къ осени, начали потягивать на теплыя мѣста, и потому мы возвратились въ Коломну.

Здѣсь я сталъ вновь проситься у родителей моихъ позволить мнѣ идти въ военную службу, и получилъ опять тотъ-же отказъ. Тогда я далъ себѣ клятву исполнить мое намѣреніе, во что-бы ни стало, бѣжать изъ дому родительскаго, и какъ я не имѣлъ служебнаго свидѣтельства, идти хоть въ солдаты. Намѣренію моему нашель и скоро живое поощреніе. Въ городѣ остановился отставной (помнится, штабъ-офицеръ) кавалеристъ Беклемишевъ, посѣдлый въ бояхъ, который, записавъ сына въ гусары, собирался отправить его въ армію. Съ этимъ молодымъ человѣкомъ ѣхалъ туда-же гусарскій юнкеръ Ардал., сынъ богатаго армянина. Я открылъ имъ свое намѣреніе: старикъ благословилъ меня на святое дѣло, какъ онъ говорилъ, и обѣщался доставить въ главную квартиру рекомендательное письмо, а молодые люди дали мнѣ слово взять меня съ собою. За душой не было у меня ни копѣйки: коломенскій торговецъ-аферистъ купилъ у меня шубу, стоящую рублей 300, за 50 рублей, подозревая, что я продаю ее тайно... Съ этимъ богатствомъ и дѣдовскою мѣховою курткой, покрытой зеленымъ рытымъ бархатомъ, шелъ я на службу боевую. Назначенъ былъ день отъѣзда. Всѣ приготовления хранились въ глубочайшей тайнѣ. Роковой день наступилъ—сердце было у меня не на мѣстѣ. Въ одиннадцатомъ часу вечера простился я съ матерью, расточая ей самыя нѣжныя ласки; съ трудомъ удерживалъ я слезу, готовую упасть на ея руку; я сказалъ ей, что хочу ранѣе лечь спать, потому-что у меня очень разболѣлась голова. И она, будто по предчувствію, необыкновенно ласкала меня и раза два принималась меня благословлять. Въ своей спальнѣ я усердно молился, прося Господа простить мнѣ мой самовольный поступокъ и облегчить горестъ и страхъ моихъ родныхъ, когда они узнаютъ, что я ихъ ослушался и бѣжалъ отъ нихъ. Меньшому брату, который спалъ со мною въ одной комнатѣ, сказалъ я, что пойду прогуляться по саду, и чтобы онъ не беспокоился, если я долго не приду. Помолвившись еще разъ, я вышелъ въ сѣни. Условный колокольчикъ зазвенѣлъ за воро-

тами; я видѣлъ, какъ ящикъ на лихой тройкѣ промчался мимо ихъ, давая мнѣ знать, что все готово къ отъѣзду. Еще нѣсколько шаговъ въ кремль, гдѣ жилъ Беклемишевъ, и я на свободѣ. Но въ сѣняхъ встрѣтилъ меня дядька мой Ларіонъ. «Худо, баринъ, затѣяли вы», сказала онъ мнѣ съ неудовольствіемъ, «я знаю всѣ ваши продѣлки. Оставайтесь-ка дома, да ложитесь спать, не то я сейчасъ доложу папенькѣ, и вамъ будетъ нехорошо.» Точно громовымъ ударомъ ошибли меня эти слова. Я обидно сталъ упрекать дядьку, что онъ выдумываетъ на меня небывицу, завѣряя его, что я только хочу пройтиться по городу. Но Ларіонъ былъ неумолимъ. «Воля ваша, продолжалъ онъ», заднія сѣни въ садъ у меня заперты на замокъ; я стану на караулѣ въ нижнихъ сѣняхъ, что на дворъ, и не пропущу васъ, а если вздумаете бѣжать силою, такъ я тотчасъ подниму тревогу по всему дому. У воротъ поставилъ я караульнаго, и онъ то же сдѣлаетъ, въ случаѣ удачи вашей вырваться отъ меня». Тутъ я перемѣнилъ упрекъ на моленія; я слезно просилъ его выпустить меня, я нѣжно цаловалъ его. Но дядька былъ неумолимъ. Дѣлать было нечего; надобно было оставаться въ заключеніи. Отчаяніе мое было ужасно; можно сравнить это положеніе только съ состояніемъ узника, который подпилилъ свои цѣпи и рѣшетку у тюрьмы, готовъ былъ бѣжать, и вдругъ пойманъ... Дядька мой преспокойно сошелъ внизъ. Проклиная его и судьбу свою, я зарыдалъ, какъ ребенокъ. Вся эта сцена происходила въ верхнемъ этажѣ очень высокаго дома. Изъ дверей сѣней видѣнъ былъ, сквозь проломъ древняго кремля, огонь въ квартирѣ стараго гусара, который собирался посвятить меня въ рыцари. Я вышелъ на балконъ, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ на этотъ завѣтный огонекъ и проститься навсегда съ прекрасными мечтами, которыя такъ долго тѣшили меня. Вдругъ, съ правой стороны балкона, на столѣтней ели, растущей подлѣ него, зашевелилась птица. Какая-то невѣдомая сила толкнула меня въ эту сторону. Вижу довольно крѣпкій сукъ отъ ели будто предлагаетъ мнѣ руку спасенія. Не разсуждая объ опасности, перелезаю черезъ перила балкона, бросаюсь внизъ, цѣпляюсь проворно за сучекъ, висну на немъ и упираюсь ногами на другой, болѣе твердой сучокъ. Тутъ, какъ вѣша, сползаю проворно съ дерева, обдираю себѣ до крови руки и колѣна, становлюсь на землѣ и пробѣгаю минуты въ три довольно обширный садъ, бывший за домомъ, на углу двухъ переулковъ. Отъ переулка, ближайшаго къ моей цѣли, былъ заборъ сажени въ полторы вышины: никакая преграда меня не останавливаетъ. Перелезаю черезъ него, какъ искусный волтижеръ. Еслибы заставили меня это сдѣлать въ другое время, у меня не достало бы на это ни довольно искусства, ни

довольно силы. Но таково могущество воли, что оно удесятеряетъ всё способности душевныя и тѣлесныя. Перебѣжать переулочъ и площадь, раздѣляющую домъ нашъ отъ кремля, и влетѣть въ домъ, гдѣ ожидали меня, было тоже дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Я прибѣжалъ задыхаясь, готовый упасть на полъ; на головѣ у меня ничего не было, волосы отъ поту липли къ разгорѣвшимся щекамъ. Мои друзья уже давно ждали меня, сильно опасаясь, не случилось-ли со мною какой невзгоды. Старый гусарь благословилъ меня образомъ, передъ которымъ только-что отслужили напутственный молебенъ; на меня нахлобучили первый попавшійся на глаза картузь; мы сѣли въ повозки и промчались, какъ вихорь, черезъ городъ, берегомъ Коломенки и черезъ Запрудье. Кормили лошадей за 40 верстъ, потомъ въ Островцахъ. Нѣсколько разъ дорогою, казалось мнѣ, насъ догоняютъ; въ ушахъ отзывался топотъ лошадиный, насъ преслѣдующій; въ темнотѣ за мной гнались какія-то видѣнія. Сердце трепетало въ груди, какъ голубь. Въ Москву въѣхали мы поздно вечеромъ. Непрiатель уже оставилъ городъ; у заставы на караулѣ были изюмскіе гусары; они грѣлись около зажженныхъ костровъ. Русскіе солдаты, русскій станъ были для насъ отрадными явленіями. Мы благоговѣйно перекрестились, въѣзжая въ заставу, и готовы были броситься цѣловать караульныхъ, точно въ заутреню свѣтлага Христова Воскресенія. И было чему радоваться, было съ чѣмъ братьямъ поздравить другъ-друга: Россія была спасена!

Москва представляла совершенное разрушеніе: почти всё дома были обгорѣлые, безъ крышъ; нѣкоторые еще дымились; однѣ трубы безобразно высились надъ ними; оторванные желѣзные листы жалобно стонали; кое-гдѣ въ подвалахъ мелькали огоньки. Мы проѣхали весь городъ до калужской заставы, не встрѣтивъ ни одного живаго существа. Только видѣли два, три трупа французскихъ солдатъ, валявшихся на берегу Яузы. Великолѣнная гробница! сказалъ я, обратившись къ московскимъ развалинамъ: въ тебѣ похоронены величіе и сила небывалаго отъ вѣка военнаго генія; но изъ тебя возстанетъ новая могущественная жизнь, тебя оградитъ новая нравственная твердыня, чрезъ которую ни одинъ врагъ не посмѣетъ отнынѣ перейти; да увѣрится онъ, что русскій не преклонитъ головы передъ чужеземцемъ и что для него нѣтъ невозможной жертвы, когда ему нужно спасать честь и независимость родины.

Мы остановились въ селеніи Троицкомъ (имѣніи моего товарища Ардал.), помнится, верстахъ въ трехъ отъ Москвы. Въ домѣ мы нашли мы величайшій беспорядокъ; казалось, непрiатель только-что его

оставилъ. Зеркала были разбиты, фортепяно разломано, уцѣлѣвшее платье, въ томъ числѣ и мальтійскій мундиръ покойнаго помѣщика, которое не годилось въ дѣло, валялось по полу. Въ Троицкомъ прожили нѣсколько дней; здѣсь, казалось, укрывался я въ совершенной безопасности отъ поисковъ. Мы ѣздили разъ въ Москву, посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Народъ съ каждымъ днемъ прибывалъ въ нее; строились противъ гостиного-двора и на разныхъ рынкахъ балаганы и досчатые лавочки; торговля зашевелилась. Дымились на улицахъ кучи навоза, зажженные для огражденія отъ заразы мертвыхъ тѣлъ.

Намъ, съ товарищами, надобно было еще объѣхать деревни Ардал., которыя находились въ Московской губерніи, въ ближайшихъ уѣздахъ, помнится Звенигородскомъ и Дмитровскомъ, и собрать оброки, потому-что молодой помѣщикъ, отправлявшійся въ армію, былъ совершенно безъ денегъ. Казалось, время для такого сбора, по случаю военной невзгоды, тяжело налегшей на эти края, было самое неблагоприятное. Напротивъ того, крестьяне этихъ уѣздовъ собрали богатую дань съ непріятелей, взявшихъ ее съ Москвы: почти у каждого мужичка были деньги, серебряные или золотые часы, богатые матеріи, сукна, головы сахару и пр. Крестьяне вездѣ встрѣчали своего молодого господина съ хлѣбомъ и солью, и немедленно вносили ему оброкъ, даже часть впередъ. Только въ одной деревнѣ они немного заупрямились, но мы трое юношей (и на меня надѣли гусарскій ментикъ, и меня опоясали саблею) на сходкѣ загремѣли саблями, и буйныя головы немедленно съ повинною преклонились передъ грозными воинами, у которыхъ еще усъ не пробивался. Морозы уже наступали; разъ, въ дорогѣ, желая согрѣться, я пошелъ пѣшкомъ, и оставши отъ товарищей, едва не замерзъ въ виду какой-то господской великолѣпной дачи, совершенно опустѣлой. Только-что возвратились мы въ Троицкое, и собирались уже на другой день отправиться въ главную квартиру арміи (это было поздно вечеромъ), какъ вѣжалъ ко мнѣ въ комнату хозяинъ и объявилъ, что пріѣхалъ мой отецъ. Не зная, что дѣлать, я спрятался въ *людскую*. Тутъ, подлѣ меня лежала на смертномъ одрѣ какая-то старушка: я слышалъ предсмертный колоколецъ; первый разъ въ жизни видѣлъ я, какъ человѣкъ умираетъ. Лихорадка трясла меня, но не отъ этого зрѣлища, а отъ страха, что отецъ узналъ мое убѣжище и пріѣхалъ исторгнуть меня изъ него, чтобы вновь тѣснѣ связать мою волю. Но вскорѣ я услышалъ его голосъ, нѣжный, выходящій изъ любящей души: «Пускай покажется Ваня», говорилъ онъ, «пускай придетъ къ моему сердцу; я его прощаю, я самъ благословлю его на службу». Тутъ, не колеблясь ни минуты, бросился я въ его объятія, цѣловалъ его руки, обливалъ ихъ

слезами. Съ груди моей свалился камень. Это была одна изъ счастливейшихъ минутъ моей жизни.

На другой день отецъ повезъ меня въ Москву и представилъ бѣглеца московскому гражданскому губернатору Обрѣз., который возвратился въ столицу съ должностными чинами (Онъ стоялъ тогда въ Леонтьевскомъ-переулкѣ). Губернаторъ, въ присутствіи многихъ лицъ, сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ, что я огорчилъ родителей своимъ побѣгомъ, но приказалъ однакожь тотчасъ выдать мнѣ служебное свидѣтельство, и вручилъ мнѣ рекомендательное письмо къ генералу Маркову, главному начальнику московскаго ополченія. Вскорѣ пріѣхалъ я въ московское ополченіе офицеромъ, и черезъ нѣсколько дней былъ переведенъ въ московскій гренадерскій полкъ. Счастіе мнѣ улыбнулось: начальникъ 1-й гренадерской дивизіи, Принцъ Мекленбургскій Карлъ, взялъ меня къ себѣ въ адъютанты.

Вотъ какъ 12 великій годъ завербовалъ меня въ свои новобранцы.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Открытие сезона — *Марія Симонъ*, — Нѣсколько словъ о содержаніи и направленіи современныхъ французскихъ драмъ. — Длинноты пьесъ и отсутствіе замѣчательныхъ характеровъ. — Пьесы изъ проц-совъ и уголовныхъ дѣлъ. — Драмъ изъ современнаго быта и трагедій. — Мнѣніе Эдгара Кинэ о трагедіяхъ и герояхъ ихъ. — Фелльсьенъ Мьяльфиль и его комедія. — Бенедиктъ г. Верне. — *Сочиненія Горація*. — *Дамскій угодникъ*. — *Другъ Франсуа*. — Волшебный фарсъ, за неизбѣимъ фокусовъ. — Бенедиктъ г-жи Бурде. — Явное несчастье лучше скрытаго счастья. — Водевиль изъ оперы и оперная пѣвица въ водевилѣ. — Г. Люге. — *Закоренный другъ*. — Тинъ Жокресса.

Нынѣшній театральный сезонъ начался довольно поздно. Двадцать-третьяго апрѣля французскіе спектакли открылись пятиактною драмою гг. Альбуаза и Сент-Ива *Марія Симонъ* (*Marie Simon*) съ музыкою Мея (*May*).

Принимая на себя и въ нынѣшнемъ театральномъ году обязанность сообщать читателямъ «Паптеона» извѣстія о нашемъ французскомъ театрѣ, мы считаемъ излишнимъ повторять то, что уже говорили, — начиная въ прошломъ году нашу театральную лѣтопись, — о той точкѣ, съ которой мы смотримъ на драматическое искусство вообще и на современный французскій репертуаръ въ-особенности. Скажемъ только, что, считая

незанимательнымъ и излишнимъ подробный разборъ содержанія пьесъ, являющихся на Михайловскомъ-театрѣ, мы попрежнему будемъ преимущественно обращать вниманіе на идею и цѣль ихъ. Подробный рассказъ, сцена въ сцену, каждаго новаго явленія французской драматической литературы не доказываетъ и не объясняетъ ничего читателямъ. Современнымъ французскимъ драматургамъ, конечно, никто не откажетъ въ совершенномъ знаніи сцены, въ умѣннн хорошо вести интригу пьесы, и если это умѣнье поддержать интересъ въ зрителяхъ бываетъ часто причиною успѣха очень слабыхъ произведеній, во всякомъ случаѣ успѣхъ этотъ непродолжителенъ, и относительно недурныя пьесы, переживъ два, много три сезона, замѣняются другими пьесами въ такомъ же родѣ, которыя также скоро забываются. Что же выигрываетъ искусство отъ подробнаго разбора минутныхъ явленій литературы? Поэтому, для полноты театральной лѣтописи, довольно внести на ея страницы названіе подобной пьесы и сказать въ короткихъ словахъ, въ чемъ состоитъ ея идея, если еще въ пьесѣ есть какая-нибудь идея. Мы всѣ улыбались, читая анекдотъ о математикѣ, спросившемъ послѣ чтенія прекрасной поэмы: а что она доказываетъ? Вопросъ этотъ однако же вовсе не такъ страненъ, какимъ кажется съ перваго взгляда. Если нѣтъ необходимости, чтобы каждое литературное произведеніе что-нибудь доказывало, то намъ кажется нисколько не неумѣстно спросить по крайней-мѣрѣ: къ чему оно ведетъ, съ какою цѣлью написано? Тѣмъ болѣе зритель имѣетъ полное право спросить: зачѣмъ писатель приглашалъ его въ театръ и заставилъ три, четыре часа слушать монологи, діалоги, смотрѣть, какъ одни лица приходятъ, другія уходятъ. Публику упрекаютъ въ томъ, что она нынче сдѣлалась нетерпѣлива и не любитъ длинныхъ пьесъ. Это справедливо, хотя въ этомъ больше виноваты авторы, нежели публика. Въ длинныхъ пьесахъ бываютъ обыкновенно длинныя сцены, въ которыхъ лица говорятъ длинныя тирады, вовсе неотносящіяся къ ходу, содержанію пьесы, а то, что можно прочесть терпѣливо въ своемъ кабинетѣ, утомляетъ на сценѣ. Если сценическія условія допускаютъ быстроту завязки и развязки, если въ пьесахъ позволено уничтожать время и разстояніе, то тѣмъ страннѣе заставлять зрителя выслушивать сцены, только растягивающія пьесу, но не погвигающія впередъ ея дѣйствія. Необходимость развитія характеровъ вводитъ часто въ заблужденіе писателей, не владѣющихъ даромъ въ нѣсколькихъ очеркахъ изображать характеръ. Современные драматурги часто забываютъ, что характеръ лучше всего объясняется самимъ дѣйствіемъ; и что въ пьесѣ дѣйствіе важнѣе характеровъ.

Въ наше время, въ пьесахъ, взятыхъ изъ современнаго быта и об-

щества, мало замѣчательныхъ характеровъ. Авторы перестали представлять рѣзко очерченные типы той или другой стороны человѣческаго духа, выражающейся въ характерѣ. Оттого ли, что теперь подобные типы рѣдко являются въ обществѣ, на которое проишествія, случайности жизни имѣютъ такое огромное вліяніе, которое сравниваетъ всѣ рѣзкія явленія урвнемъ своихъ постановленій и правилъ?..

Драма *Марія Симонъ* принадлежитъ къ числу сценическихъ произведеній, которыя очень легко составляются. Берется исторія какого-нибудь знаменитаго процесса или уголовного дѣла (causes célèbres) рассказанная въ Судебной-газетѣ (Gazette des tribunaux) или изданная отдѣльно, для поученія и назиданія современниковъ, — и переносится на сцену цѣлкомъ, или съ какими-нибудь драматическими прикрасами. Такихъ пьесъ является множество на парижской сценѣ; онѣ имѣютъ успѣхъ, потому-что любопытство публики, возбужденное процессомъ, придаетъ интересъ самой пьесѣ. Въ послѣднее время изъ подобныхъ пьесъ на Михайловскомъ-театрѣ мы видѣли *Стеллу*, *Герцогиню Лавобальеръ*, *Лафайль* и *Клару д'Обервилъ*; двѣ послѣднія являлись въ переводѣ и на Александринскомъ-театрѣ. *Лесюркъ*, *Кастень* и *Герцогиня Праленъ* являлись только въ Парижѣ. Впрочемъ, не въ наше время вошли въ моду подобныя пьесы: стоить только припомнить исторію служанки въ Палезо, невинно казненной, являвшейся потомъ на сценѣ въ разныхъ драмахъ и комедіяхъ и окончательно перешедшей въ потомство въ превосходной оперѣ Россіи.

Марія Симонъ также исторія служанки, обвиненной въ отравленіи своего господина и разумѣется невинной, потому-что при всей своей страсти къ сильнымъ сценамъ, врядъ-ли французы рѣшились бы представить публикѣ подобный сюжетъ, еслибы служанка была дѣйствительно преступна. Само-собою разумѣется также, что всѣ обстоятельства слагаются такимъ-образомъ, что Марію Симонъ всѣ подозреваютъ въ преступленіи и только одинъ зритель знаетъ ея невинность, также по обыкновенію обнаруживающуюся только въ самомъ концѣ пьесы, и награждаемую какъ слѣдуетъ.

Кромѣ любопытнаго вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ можно и слѣдуетъ выводить на сцену уголовныя дѣла и процессы, *Марія Симонъ* возбудила въ насъ много мыслей о томъ: неужели сцена окончательно приняла за правило выводить передъ нами только современнаго человѣка съ его страстями, идеями и желаніями, слишкомъ хорошо уже намъ извѣстными? Неужели древній и средне-вѣковой міръ, олицетворившійся нѣкогда въ трагедіи, навсегда изгнанъ со сцены?.. Читателей нашихъ можетъ удивить то, что намъ вздумалось сожалѣть о временахъ клас-

сических трагедій, давно забытыхъ и осмѣянныхъ. Но мы не думаемъ воскрешать эти почтенныя произведенія съ александрійскими стихами, съ монологами, наперсниками и разказами Терамена; мы хотимъ только предложить вопросъ: неужели въ наше время невозможна трагедія, то есть пьеса, взятая изъ жизни прошлыхъ вѣковъ, въ которой главное лицо — одно изъ тѣхъ созданій, которыя выходятъ изъ разряда обыкновенныхъ людей и которыхъ называютъ *героями*. Неужели въ наше время невозможны трагедіи?

Все, что бы мы ни сказали по этому случаю въ защиту трагедіи, не могло бы имѣть рѣшительнаго авторитета передъ публикою и писателями, которыхъ еще занимаютъ литературные вопросы. Поэтому мы приведемъ мнѣніе о томъ же предметѣ Эдгара Кине, извѣстнаго профессора литературы и исторіи, одареннаго замѣчательнымъ талантомъ, написавшаго, въ числѣ многихъ трудовъ заслужившихъ всеобщее уваженіе, два драматическія произведенія: *Прометей* и *Агасверъ*. Изучивъ и изслѣдовавъ въ этихъ драматическихъ поэмахъ, за что Греція и Средне-вѣка предали такому строгому, неумолимому осужденію эти два типа, Кине — въ послѣднемъ номерѣ журнала *Revue des deux mondes* — пишетъ, что онъ окончилъ третью пьесу *Спартакъ*, въ которой также изслѣдуетъ, за что Римъ былъ такъ безжалостенъ къ этому человѣку. Новая пьеса Кине также не назначается для сцены, и вотъ что онъ говоритъ по поводу своей *трагедіи*. Мы не переводимъ его вполнѣ, а только передаемъ его мысли.

«Будемъ измѣнять сколько намъ угодно внѣшнія условія сцены, главный вопросъ все-таки состоитъ въ томъ, въ какой степени театръ можетъ имѣть вліяніе на общество? Любопытно, что на людей болѣе всего дѣйствуетъ форма, нежели сущность вещей, даже въ искусствѣ. И сколько надобно было борьбы и усилій, чтобы опрокинуть эти формы, вырваться изъ этихъ оковъ?

Но уничтоживъ форму, нашъ вѣкъ не захотѣлъ принять и идеи трагедіи, можетъ-быть потому, что въ его понятіяхъ эта идея слишкомъ тѣсно, почти нераздѣльно срослась съ формою. Послѣ героической драмы нашли, что драма мѣщанская составляетъ прогрессъ въ искусствѣ. Это совершенно ложно. Для народа самаго бѣднаго и жалкаго — герой необходимъ.

Пьеса древняго театра возбуждаетъ въ насъ не одни чувства ужаса, состраданія, удивленія, — какъ увѣряютъ критики; — эти же самыя чувства можетъ произвести и другой родъ поэзіи. Героическая драма возбуждаетъ во мнѣ особенное чувство, котораго не производитъ никакой другой видъ поэзіи, — а именно чувство геройства. Я живу жизнью

великихъ людей; я испытываю такое же сильное впечатлѣніе, какъ-будто видѣлъ ихъ передъ собою; я раздѣляю ихъ ощущенія, мыслю, страдаю, радуюсь вмѣстѣ съ ними. Неужели эти чувства не свойственны нашему времени?

Цѣль драматическаго искусства, состоитъ не въ томъ только, чтобы потрясти душу зрителя. Я хочу въ этомъ потрясеніи сочувствовать силѣ и мужеству, которыя, высказываясь въ піесѣ, возвышали бы меня въ собственныхъ глазахъ. Походить хотя на минуту на избранное высшее существо — величайшее удовольствіе, какое только можетъ испытать наша душа! — И въ этомъ отношеніи одинаковое дѣйствіе производятъ піесы Софокла, Шекспира, Корнеля и Расина; они принадлежатъ къ разнымъ школамъ, но цѣль у нихъ одна: отвлечь вниманіе зрителя отъ мелкихъ интересовъ окружающей его жизни, придать ему моральное величіе, сдѣлать его участникомъ въ судьбѣ героевъ, товарищемъ полу-боговъ, заставить его почувствовать, что несмотря на различныя эпохи, современный человѣкъ все-таки близокъ давно истлѣвшему герою, составляетъ часть великаго хора человѣчества. Въ самомъ-дѣлѣ, публика въ наше время играетъ почти ту же роль, какую игралъ хоръ въ древнихъ трагедіяхъ. Она произноситъ — хотя не вслухъ — приговоры надъ дѣйствующими лицами піесы, радуется или печалится вмѣстѣ съ ними, награждаетъ или осуждаетъ.

Въ современной драмѣ, несмотря на то, что она не скована никакими условіями и правилами, герои мелки, рабски скопированы съ ежедневныхъ, будничныхъ персонажей. Драма нисходитъ до зрителя, тогда какъ должна бы возвышать его до себя. Въ глубинѣ души каждаго зрителя есть другое существо лучшее, высшее, которое вышло бы на ружу въ полномъ блескѣ, еслибы авторъ обратился къ нему, дѣйствовалъ на это существо, а не на то, которое занято своими мелочными интересами.

Зачѣмъ же уничтожили разстояніе мѣста, единства и времени въ піесахъ, если содержаніе ихъ вертится только около одного, условнаго пункта? Развѣ зритель ребенокъ, и не пойметъ событій, потрясавшихъ все человѣчество? Развѣ ему необходимо знать только то, что дѣлается вокругъ него? Развѣ Орестъ, Агамемнонъ, Прометей, Гораций, Сидъ менѣе интересны, нежели мой сосѣдъ, котораго я и безъ того вижу каждый день? Пусть же эти великія лица указываютъ мнѣ путь, по которому я могу идти вслѣдъ за ними. Я смѣло пойду по этому пути, хотя бы за привидѣніями, если это только привидѣнія любви, славы и добродѣтели.

Въ современной драмѣ авторъ приковываетъ меня къ моему времени, моимъ занятіямъ, моему общественному положенію,—а я стремлюсь жить въ вѣчности, общечеловѣческими интересами; я слышу на сценѣ тѣже софизмы, которые раздаются вокругъ меня. Я, можетъ-быть, даже забылъ ихъ, а вы стараетесь мнѣ напомнить объ нихъ... Отдайте намъ великихъ людей, безъ которыхъ мы погибаемъ!...

Въ наше время многіе требуютъ отъ искусства только одного: чтобы оно ихъ забавляло; ко всему остальному они равнодушны. Желаніе представлять высокіе примѣры называютъ педантизмомъ; они правы говоря писателю: «слова твои похожи на кипарисы—они высоки и кудреваты, но не приносятъ плода.» И точно, какого плода ждать въ такую эпоху, когда Марціала и Петронія предпочитаютъ Сенеку и Тациту? Первые, конечно, вѣрны дѣйствительности. Но развѣ цѣль искусства изображать одну дѣйствительность, особенно если она такова, какъ въ *Эпиграмахъ* Марціала и *Сатириконъ* Петронія?»

Намъ не остается ничего прибавить къ словамъ Эдгара Кине. Мы вполне раздѣляемъ его мнѣніе, но желая видѣть на сценѣ побольше утѣшительныхъ, хотя-бы и нѣсколько идеализированныхъ явленій—остаемся покаместъ при одномъ желаніи.

Второю новостью нынѣшняго сезона (мы будемъ говорить только о тѣхъ пьесахъ, которыя не являлись въ прошломъ сезонѣ) была пяти-актная комедія Фелисіена Мальфиля: *Сердце и приданое* (Le coeur et la dot). Мальфилъ принадлежитъ къ небольшому числу французскихъ писателей, не гонящихся за деньгами и извѣстностью. Онъ написалъ очень мало, но каждое изъ его произведеній строго обдуманно, художнически выполнено. Его *Записки Донъ-Жуана* принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ французской литературы. *Сердце и приданое*—его первое драматическое произведеніе. Содержаніе пьесы ново, самая пьеса ведена не очень искусно, есть много длиннотъ и мало эффектовъ, но она написана превосходнымъ языкомъ, какой рѣдко случается слышать на сценѣ. Множество прекрасныхъ мыслей, блистательныхъ афоризмовъ разсыяно въ этой пьесѣ, что придаетъ ей еще болѣе достоинства въ чтеніи. Въ чемъ состоитъ пьеса—объясняетъ самое названіе: это не новая исторія борьбы чувства и денегъ, сердца и приданого, оканчивающаяся, къ удовольствію всѣхъ безприданницъ и по заведенному обыкновенію — побѣдою сердца надъ деньгами. Характеры главныхъ лицъ: корыстолюбиваго жениха, собирающагося жениться на приданомъ, корсара, храбраго на словахъ, и его чувствительной сестрицы,—обрисованы прекрасно. Молодые люди одни не очень интересны: они очень скоро влюбляются другъ въ друга, и классическое похищеніе, для развяз-

ки комедіи, уже очень устарѣло. Пьеса была разыграна въ совершенствѣ. Мы хотѣли привести образчикъ превосходнаго языка пьесы, но въ переводѣ не останется ничего отъ всѣхъ тонкостей и блестящихъ фразъ подлинника.

Пройдя молчаніемъ возобновленный водевиль *Реподенъ изъ Кана* (Repodin de Caen) по самой уважительной причинѣ: многого говорить объ немъ нечего, онъ ни хорошъ, ни дуренъ—поговоримъ о двухъ бывшихъ въ это время бенефисахъ: г. *Верне* и г-жи *Бурде*, давшихъ намъ *девять* новыхъ пьесъ, изъ которыхъ на долю г. Верне приходится *пять* и *семь* дѣйствій.

Бенефисъ этотъ начался водевилемъ: *Дворникъ расходится съ женою* (Une séparation ou le divorce dans la loge). Пьеса эта дается въ началѣ спектакля, для съезда публики. Содержаніе состоитъ въ томъ, что дворникъ и его жена ссорятся, хотятъ разойтись — потомъ мирятся. Незамысловато и неинтересно.

Комедія *Сочиненія Горация* (Les oeuvres d'Horace) была бы недурна, есlibъ авторъ ея не прибѣгнулъ уже къ слишкомъ избитому и наскучившему фарсу: переодѣванью женщины въ мужское платье — съ цѣлю возбудить ревность мужа и заставить его отказаться отъ пустыхъ идей объ эманципациі женщинъ. Г. Бертонъ былъ очень хорошъ въ роли писателя Горация Прюдана.

Дамскій угодникъ (Le chevalier des dames) лицо очень забавное, хотя и не совсемъ вѣроятное. Это человекъ, посвятившій всю свою жизнь, свое состояніе, жертвующій всею на свѣтѣ — для того, чтобы угождать женщинамъ, даже вовсе незнакомымъ ему, и разумѣется съ совершеннымъ безкорыстіемъ. Пьеса наполнена похождениями этого рыцаря учтивости, оканчивающимся счастливо, хотя его принимаютъ за вора, а самъ онъ теряетъ значительную сумму денегъ. Бенефициантъ неподражаемъ въ подобныхъ роляхъ.

Другъ Франсуа (L'ami François) пьеса въ ложно-чувствительномъ родѣ, избобрѣтенномъ французами. Два друга любятъ одну дѣвушку. Другъ Франсуа признается другу Леону, что умереть, если не женится на Эмилиі; другъ Леонъ передаетъ это Эмилиі, хотя самъ влюбленъ въ нее и она тоже его любитъ. Другъ Франсуа готовъ уже жениться, но узнаетъ, что другъ Леонъ тоже собирается умереть отъ любви и отчаянія. Тогда, чтобы заставить Эмилию отказаться отъ предполагаемаго брака, другъ Франсуа не придумываетъ ничего лучше, какъ притвориться пьянымъ. Средство это должно быть очень дѣйствительно, если Эмилиа выходитъ дѣйствительно за друга Леона. Пьесу проводило въ могилу легкое шиканье. Жаль было видѣть г. Мондиѣе въ такой не-

лѣпой роли. Г-жа Мальвина, прекрасно исполняющая всѣ роли, была очень хороша и въ этой пьесѣ; г. Дешанъ тоже игралъ очень хорошо, но бываютъ пьесы, которыхъ никакія усилія не спасаютъ отъ паденія...

Спектакль заключился также очень старымъ, очень длиннымъ, очень пустымъ фарсомъ: *Три веретена* (*Trois quenouilles ou les amoureux en cruches*). Пьеса эта названа *folie fantastique et féerie* и принадлежитъ братьямъ Коньяръ, поставившимъ нѣкогда въ провинціи подобныя фантастическія нелѣпости. Зачѣмъ вздумалось г. Верне возобновить эту неостроумную сказку? Дѣло темное или лучше сказать очень ясное. Германа съ его фокусами на этотъ разъ нельзя было пригласить участвовать въ своемъ бенефисѣ, поэтому явились на сцену превращенія, карточные носы, оплеухи, геніи, феи и названія каждаго акта для афиши. Все это однакоже не помѣшало фарсу быть очень утомительнымъ, хотя въ немъ есть мѣстами остроуміе. Но три акта фарсовъ и каламбуровъ по поводу стеклянныхъ веретенъ и ихъ хрупкости — право это уже немножко много, и большая часть публики, вѣроятно, раздѣляла наше мнѣніе, потому что ушла изъ театра не дождавшись окончанія волшебнаго вздора.

Бенефисъ г-жи Бурде начался комедіей: *Скрытое счастье* (*Un bonheur ignoré*). Идея пьесы не дурна: явное несчастье лучше скрытаго счастья: *Mieux vaut un malheur connu, qu'un bonheur ignoré*, говоритъ главное дѣйствующее лицо этой пьесы, и мысль эта совершенно справедлива для тѣхъ лицъ, которыя дорожатъ мнѣніемъ свѣта и заботятся о томъ, чтобы свѣтъ зналъ, какъ они живутъ и что дѣлаютъ. Молодой левъ ухаживаетъ за богатой, знатной и хорошенькой вдовой, которая согласна выдти за него по окончаніи срока траура, но до тѣхъ поръ, по семейнымъ причинамъ, не позволяетъ жениху ни слова говорить о своемъ будущемъ счастьи, и даже принимаетъ его тайно ото всѣхъ. Такое положеніе скоро надоедаетъ блестящему льву, привыкшему гордиться своими успѣхами, и онъ, изъ вѣтренности, сильно оскорбляетъ свою невесту и разглашаетъ все, о чемъ далъ обѣщаніе молчать до времени. Само-собою разумѣется, что вдова беретъ назадъ свое слово и отдаетъ руку другому, болѣе скромному обожателю, тутъ же кстати подвернувшемуся.

Свадьба Жанетты (*Les noces de Jeannette*), водевиль, передѣланный изъ комической оперы г. *Массе*, композитора, котораго хвалятъ французскіе журналы, но въ которомъ, по-крайней-мѣрѣ судя по этой опереткѣ, мало новыхъ мелодій и еще меньше музыкальнаго дарованія. Содержаніе оперы самое немногосложное: Жанъ женится на Жанеттѣ,

но въ минуту подписанія контракта его беретъ страхъ и раздумье, и онъ бѣжитъ отъ своей невѣсты, которая однако же, въ твердомъ намѣреніи выдти за мужъ, убѣждаетъ жениха разными оперными доказательствами въ томъ, что холостая жизнь гораздо хуже брачной. Пьеса оканчивается, конечно, примиреніемъ и свадьбой. Г-жа Бурде, перешедшая на нашу сцену со сцены парижской Оперы, сочла своею обязанностью доказать въ свой бенефисъ, что она не потеряла еще голоса. Это совершенно справедливо, но намъ кажется, что сдѣлавъ изъ оперы водевиль, напрасно было оставлять въ немъ столько нумеровъ пѣнія, мѣстами довольно неумѣстнаго. Наше мнѣніе впрочемъ раздѣляла не вся публика, потому-что три, четыре голоса настоятельно требовали даже повторенія нѣкоторыхъ нумеровъ, и г-жа Бурде была такъ внимательна, что исполнила тотчасъ же желаніе этой мѣншей части публики, что должно было, конечно, доставить удовольствіе и большинству. Г. Люге прекрасно исполнилъ роль Жана. Этотъ актеръ видимо совершенствуется на нашей сценѣ, хотя ему часто приходится играть довольно неблагоприятныя роли. Изъ четырехъ пьесъ этого бенефиса онъ игралъ въ трехъ, и вездѣ былъ очень хорошъ.

Закоренный другъ (Un ami achainé) лучший водевиль этого бенефиса и всего этого времени. Ревнивый мужъ подозреваетъ, что одинъ господинъ ухаживаетъ за его женою. Въ то же время этотъ мнимый волокита говоритъ мужу, что если когда-нибудь пожметъ руку своего знакомаго—честь этого человѣка дѣлается для него священною. Надобно видѣть, какія усилія употребляетъ послѣ этого ревнивый мужъ, чтобы сдѣлаться другомъ волокиты, какія жертвы приносить для него, и все для того только, чтобы тотъ пожалъ ему руку. Разумѣется, что со своею услужливостью онъ только мѣшаетъ молодому человѣку, разстроиваетъ его планы и заставляетъ ненавидѣть себя. Къ счастью, товарищъ мужа поправляетъ дѣло. Молодой человѣкъ женится на дѣвущкѣ, которую любить, и узнавъ, что его закоренный другъ женатъ на особѣ, съ которою онъ самъ былъ хорошо знакомъ еще до ея замужства, жметъ ему руку отъ всего сердца. Enfin! je suis sur de mon fait! говоритъ успокоенный мужъ, и занавѣсъ опускается. Лемениль неподражаемъ въ этомъ веселомъ, уморительномъ водевилѣ.

Бенефисъ окончился старою пьесою Варнера: *Сестра Жокрисса* (La soeur de Jocrisse). Жокриссъ, этотъ типъ простодушно-глупаго слуги, являлся не въ одной пьесѣ и въ свое время былъ въ большой модѣ. Руже превосходенъ въ этой роли, требующей много искусства, на которой вертится вся пьеса. Сестра Жокрисса служить тутъ только для того, чтобы поправлять ошибки брата и выдти, въ концѣ пьесы, за мужъ

за стараго холостяка, у котораго Жюкрисъ въ услуженіи. Неужели, однакоже, мы рѣшительно теряемъ г. Руже?

Вотъ и всѣ новости нынѣшняго сезона, данныя въ-теченіе мая и въ послѣднихъ числахъ апрѣля, въ продолженіе восемнадцати спектаклей. Съ іюня мѣсяца начались лѣтніе спектакли на Каменномъ-Островѣ и мы поговоримъ объ нихъ, когда они закроются съ наступленіемъ поста, то-есть перваго августа. Весною, въ восемнадцать представленій, даны были пятьдесятъ четыре пьесы.

В. З.

СМѢСЬ.

ЯМЩИКИ.

Ты—ы, Маша, Маша — Машенька!

Ямщицкая пьсня.

Ямщики люди как-то необыкновенно счастливые. Поэты воспѣваютъ ихъ сердечную чувствительность, не замороженную дорожною вьюгой, не выбитую изъ груди ухабами и другими случаями; дѣвицы, вѣря поэтамъ на слово, расцѣлуютъ про ямщиковъ своими розовыми губками; родители приходятъ въ восхищеніе, видя дѣтей своихъ одѣтыми настоящими ямщиками; гдѣ бы передъ вами ни змѣлилась дорога, въ какое бы захолустье ни бросилъ васъ случай, вы вездѣ можете быть увѣрены, что найдете ямщика, куда будутъ существовать верстовые столбы, и почтовые дороги не замѣнятся чугунными рысакими-паровозами.

Сословіе ямщиковъ самое древнее на всемъ земномъ шарѣ. Если заглянуть въ міеологическій міръ, окажется, что родоначальникомъ ихъ былъ Фебъ, разѣзжавшій на своей золотой колесницѣ по голубой дорогѣ небесъ. Къ этому же времени относится и первая ямщицкая неприятность. Малютка Фаэтонъ, взявшись до времени не за свое дѣло, былъ разбитъ огненными конями Феба. По дѣломъ вору и мѣлка, говори безъ всякихъ нравоученій! Будемъ продолжать, пропустивъ безъ всякаго вниманія періодъ времени отъ Феба до нашихъ дней, и начнемъ прямо съ современныхъ представителей ямщицкаго сословія.

Ямщикъ... какъ вамъ опредѣлить съ германскою точностію, что такое именно ямщикъ? Онъ крестьянинъ и не крестьянинъ, потому—что рукавъ его некогда держать борону и соху. Онъ скорѣе промышленникъ, торгующій пространствомъ и временемъ, человѣкъ, богатѣющій отъ быстроты и постоянного сбыта живаго, мыслящаго груза отъ извѣстнаго ему мѣста до извѣстнаго вамъ.

Ямщики очень рано начинаютъ свое поприще. Чуть только мальчишка станетъ бѣгать и ходить безъ посторонней помощи, онъ уже возится около лошадей, таскаетъ имъ сѣно, водить ихъ на водопой и исправляетъ всѣ посильныя ему ямщицкія обязанности. Чаше всего ямщицкіе мальчишки гоняютъ назадъ домой обратныхъ. Въ десять, въ одиннадцать лѣтъ, мальчикъ начинаетъ уже форрейторствовать. Безъ сѣдла, на одной рогожѣ, перекинувъ, вмѣсто стремянъ, связанную петлями веревку, подпрыгивая и покрикивая, скачетъ онъ по двадцати и болѣе верстѣ. Прогонъ существуетъ еще тогда только въ его воображеніи; онъ галопируетъ единственно по необходимости, когда нѣтъ какого-нибудь взрослога парня, который могъ бы, раздѣливъ шестерикъ на двѣ тройки, возвратиться обратно, вмѣстѣ съ кучеромъ, на двухъ отдѣльныхъ повозкахъ. По прибытіи домой, мальчика не спрашиваютъ, не болитъ ли у него спина, не растрясло ли его? Отецъ обращается къ нему только съ вопросомъ:

— Ну что, лошадей не заморилъ?

— Эва, еще бы!

— Умница! А на чай-то дали?

— Какъ бы нетакъ! Подстѣга только чаемъ поподчивалъ...

— Ишь ты!

Этимъ и кончается вся родительская попечительность. Форрейторъ поѣстъ чего-нибудь, и даже плечъ не почешетъ, какъ-будто прокатился въ экипажѣ на лежачихъ ресорахъ, а не протрясся на позвоночномъ костяномъ столбѣ, едва обтянутомъ кожею.

Очень часто случается, что тотчасъ же требуется опять форрейторъ, и тотъ же мальчишка, еще порядочно не поѣвшій и не отдохнувшій, опять вдѣваетъ ноги въ веревочныя стремяна и опять скачетъ нѣсколько десятковъ верстѣ.

Иногда, на полупути, шестерикъ встрѣчается другой шестерикъ. Ямщики останавливаются на минуту и форрейторы перемѣняютъ свои мѣста, но этимъ выигрывается только время къ возвращенію и къ отдыху; пространство же нисколько не убавилось. Впрочемъ ямщицкому мальчику и дѣла нѣтъ до пространства. Спина его бываетъ какъ-то такъ странно устроена, что не чувствуетъ никакой боли.

Въ семнадцать, восемнадцать лѣтъ, форрейторствовавшій поступаетъ за умѣренную плату въ работники; ему сдаютъ на попеченіе тройку, и онъ вмѣстѣ съ прочими участвуетъ въ очереди.

Многіе полагаютъ, что съ такими ямщиками-новобранцами ѣздить гораздо лучше, что они и сговорчивѣе, и вѣжливѣе, и повезутъ васъ быстрѣе за обѣщанное лишнее награжденіе. Ничуть не бывало! Не смотря на молодую природу, падкую на средства, могущія доставить возможность удовлетворить пуждамъ и желаніямъ, малый никогда не позабудетъ, что тройка принадлежитъ хозяину. Пожалуй, онъ начнетъ яростно размахивать кнутомъ, громко покрикивать и посвистывать, подниметъ тройку въ галопъ, но этотъ галопъ не стóитъ и порядочной рыси, а удары, вмѣсто того, чтобы принести ожидаемую отъ нихъ пользу, только щекотать лошадиныя бока.

— Что это ты только мухъ сгоняешь, а не бьешь лошадей, замѣтите вы ямщику; поѣзжай скорѣе.

— Да и то ѣдимъ, будто перцу лошади обѣлись, отвѣтитъ онъ. Нельзя шибче ѣхать.

— Почему?

— Телега плоха.

— Зачѣмъ же ты взялъ такую телегу?

— Не я взялъ; она сама себя взяла, очередная была, а другихъ кромѣ фельдгегерскихъ не нашлось.

— Такъ мы этакъ и голову, пожалуй, можемъ сломать.

— Зачѣмъ же голову ломать, отвѣчаетъ флегматически ямщикъ: понасесться маленько можно, а голову ломать не хорошее дѣло.

Вполнѣ увѣренныя въ непрочности телеги, вы рѣшаетесь ѣхать маленькой рысью, даже приказываете объѣзжать осмотрительно колес и выбоины; но вотъ за вами раздается вдали звукъ колокольчика и начинается долетать все слышнѣе, все ближе. Ямщикъ вашъ привстаетъ на облучкѣ и поворачивается: съ вашею повозкою равняется другая тройка.

— Что, Ванюха, стекло что ли везешь? кричитъ насмѣшливо вашему ямщику, поравнявшійся съ вами ямщикъ. Смотри-ка, у лошадей-то твоихъ копыта никакъ отпали.

Но Ванюха не дослушалъ послѣдней насмѣшки, онъ уже подобралъ вѣжи, онъ уже пріосанился, и лошади его, сперва обжавшія очень лѣнливо подъ частыми ударами кнута, будто переродились; онѣ будто проныгнулись одинакимъ негодованіемъ, одинаково оскорбились невыгоднымъ замѣчаніемъ. Ваша тройка понеслась, поравнялась, перегоняетъ другую тройку.

— Что, далеко уѣхалъ на своихъ коровахъ? кричитъ въ свою очередь Ванюха.

— Тихе, кричите вы, тихе: вѣдь телега плоха.

— Поживетъ еще, куда мы натѣшимся, отвѣчаетъ Ванюха, котораго задѣла за ретивое насмѣшка ямщика не его станціи.

Съ людьми, которые въ-правѣ требовать отъ ямщиковъ быстрой ѣзды, они употребляютъ другую уловку. Стоить вамъ только замѣтить посадку ямщика на облучкѣ. Онъ садится къ вамъ полубокомъ, и внимательный взглядъ его, совершенно для васъ незамѣтно, слѣдитъ за каждымъ вашимъ движеніемъ. Чуть вы задумались или вздремнули немного, рысь уже поубавилась, постромки пристяжныхъ *хлябаютъ*, говоря ямщицкимъ языкомъ. Но чуть вы приподняли голову, въ ухахъ вашихъ раздается возгласъ:

— Что уши-то развѣсили, лодари!

И снова лихорадочнѣе и тревожнѣе зазвенить колокольчикъ, и пыль снова гуще окружить васъ облакомъ.

Иногда случается, что усталыя пристяжныя начинаютъ отставать, бить задомъ о передъ телеги, спотыкаться: ямщикъ отвязываетъ постромки и доѣзжаетъ до станціи на парѣ или иногда на одной коренной.

Людамъ, проезжающимъ часто по одному и тому же почтовому тракту, случается иногда ѣздить съ ямщикомъ, уже знакомымъ. Путникъ справляется о лошадяхъ, на которыхъ онъ не разъ катался, и получаетъ въ отвѣтъ.

— По скорой надобности недавно на дорогѣ совѣмъ подгуляла!

— Какъ подгуляла?

— Пала.

— Славный былъ конь!

— Ужъ, то есть, такой, что какъ роднаго жаль. Да ужъ видно такъ на роду написано.

— Жаль тебѣ было?

— Просто воишь, какъ по женѣ, и шестьдесятъ рублей не сладки были. Вѣдь такая пригожая была, что съ кнутомъ нѣкогда не зналась! Такъ иногда развѣ только изъ ласки ее приударить.

Зато, какъ любо смотрѣть со стороны на ямщика, когда онъ, заложивъ на бекрень свою маленькую шляпу съ павлиньимъ перомъ, чудно какъ-то держащуюся на правомъ ухѣ, скинувъ поддѣвку, въ красной рубахѣ, выпрямивъ во весь ростъ, мчится по большой дорогѣ. Такъ и приходитъ тогда на память пѣсня, сложенная на ямщицкомъ праздникѣ со- держателя петербургской губерніи:

Въ кольца шеи, въ стрѣлы ноги!

Трогай! путь великъ...

Горы рѣки, прочь съ дороги!

Русскій я ямщикъ.

Сильнѣе самаго хорошаго вознагражденія дѣйствуетъ на ямщиковъ, что бы вы думали? Угрозы, принужденія, скажете, можетъ-быть, вы — ничуть не бывало! Кричите сколько вамъ угодно, отъ ямщицкаго гикъ и свисту у васъ заболятъ уши, но дѣло ни сколько не подвинется. Видно ямщицкія лошади такъ особенно созданы, что очень хорошо понимаютъ желанія своего хозяина. И такъ, что же иногда заставляетъ ямщиковъ выказывать всю свою удалъ и всю прыть своихъ коней, безъ всякой надежды получить хорошую плату, и вихремъ скакать извѣстное пространство, не разбирая ни пней, ни колодъ, не повинуюсь вашимъ приказаніямъ, вашимъ просьбамъ побережь и себѣ и вамъ голову. Слабость, общая всему человѣчеству слабость—самолюбіе! Даже старымъ ямщикамъ, поразстрясшимъ порядочно свои кости, слабость эта не чужда. Мысль, что въ деревенскихъ хороводахъ оглянутся на его громкую пѣсню, подвигается его осанкѣ и конямъ, и скажутъ: «Глянь-ка, глянь-ка, ишь какъ Андриюху-то лѣшіе несутъ,»—дороже для него надежды получить двойные прогоны. Прозваніе ухара и молодца доставляетъ ямщику въ хороводахъ и на поесдѣлкахъ лучшій почетъ и приемъ и готовитъ ему въ будущемъ званіе ямщицкаго старосты.

Сонъ у ямщиковъ чутокъ, непогода для нихъ не существуетъ. Въ какое бы позднее время ночи ни раздался звукъ колокольчика и ни принеслась тройка къ почтовой избѣ, очередной ямщикъ черезъ минуту уже готовъ; дрема уже совершенно его оставила, и онъ везетъ васъ, не чувствуя ни ливня, ни мороза, который заставляетъ васъ иногда жаться и дрожать въ вашей повозкѣ. Колочій пней бьетъ ему въ глаза, слепляетъ ихъ, въ лицо ему дуетъ вѣтеръ; но свыкшійся съ ними взоръ все видитъ передъ собою, и вашъ ямщикъ ловко минуетъ растапуганные по дорогѣ неправильною линіею обозы.

Проѣздивъ нѣсколько времени и выказавъ каждый свои особенности, ямщики, какъ американскіе дикари, получаютъ прозвища по своимъ личнымъ качествамъ, и изъ Ванюхъ, Тимошекъ, Ларекъ — превращаются въ отвагъ, въ грозы, въ увальни, въ растопыри, и тому подобные. Данное названіе мѣтко опредѣляетъ каждаго изъ нихъ, и остается уже какъ бы собственнымъ именемъ на всю жизнь, не переходя впрочемъ отъ отца къ сыну. Такъ у Увальни можетъ выйти сынъ Гроза или Отвага, а у Отваги и Грозы, Растопырь или Увальень. Отвагамъ и

Грозамъ предоставляется почетъ возить эстафеты, фельдъегерей и курьеровъ, а Растопырамъ и Увальнямъ степенныхъ людей и дамъ, не выдающихъ поэзіи въ быстротѣ и скорости.

У Отвагъ и Грозъ приемы всегда ухорскіе, лошади бойкія, словно налитыя ртутью. Такимъ ямщикамъ кажется все ни почемъ, и они не призадумаются даже промчатъ васъ вскачь хоть по натянутой струнѣ.

Садясь на облучекъ и будто собираясь на вѣрную смерть, онъ, прощаясь съ товарищами, лукаво проситъ не поминать его лихою, и съ возгласомъ:

— Ой-вѣй, милыя, чтобы вамъ ѣлось и пилося! съ добавленіемъ иногда:

— Ну, ваше благородіе, извольте только держаться теперь крѣпче за землю! поднимаетъ тройку съ самага мѣста вскачь, перекидываясь словами и прибаутками съ встрѣчающимися крестьянками и крестьянами.

— За двойные, что-ли, Отвага, катаешь? спрашиваютъ его прохажіе, дивясь быстротѣ, съ которою онъ несется.

— У насъ, все за двойныя, такой ужъ норовъ! отвѣчаетъ на всемъ скаку Отвага, поощряя лошадей ласковыми словами:

— Ну вы, родные, али забыли, какъ прежде любили... Ой вы купчики мои, голубчики!.. О, ту, ту, ту-т-у-у!.. Фт! Эй, съ горки на горку, баринъ дастъ на водку. Охъ вы соколики... волки, волки... улепетьвай, не давай костей, береги для гостей... Батюшки! грабятъ! Иногда, видя, что лошади не вполне соответствуютъ его нетерпѣнію, онъ обращается къ нимъ съ выговорами, и стегая то легко, то сильно кнутомъ ихъ спины, грозно цокрикиваетъ:

— Ты куда, лѣшій, въ сторону, морду воротить, аль тебѣ тамъ стойломъ запахло? Что ты, вахлакъ, думаешь, спину что ли тебѣ росписать не съумѣю?... Ахъ ты хомякъ!

И лошади, какъ бы понимая и нѣжность и упреки, мчатся во всю мочь. Вамъ тряско, не спокойно; предъ вами косогоръ, неровный и буристый; васъ тревожатъ опасенія. Вы говорите Отвагъ:

— Тихе, осторожнѣе, смотри, какая крутизна, можемъ опрокинуться...

— Не къ верху полетимъ, а къ низу, отвѣчаетъ, остря, Отвага: семи смертей не бывать, а одной не миновать... Сколько разъ ѣзжали, да Богъ миловалъ... Авось! Эй, вы, малиновыя...

И съ утѣшительнымъ *авось*, глядишь, вы уже внизу косогора, вы уже наслаждаетесь ямщицкою пѣснью. Ямщицкія пѣсни двухъ родовъ: однѣ могутъ быть нескончаемы, какъ лежащая передъ вами дорога, и состоятъ изъ однихъ звуковъ, въ родѣ слѣдующихъ:

О, о, о, о — ахъ!.. и, и, и — и — ихъ?..

И, и, и, и — а! о, и, и, о!..

или:

Ахъ, ма! да а, ахъ, ахъ!

А, а, ахъ, охъ ты.

Охъ ты, ну, ну, да.

Да—а, да, да, да, о — охъ!

Съ такимъ единственнымъ наѣвомъ можетъ васъ довести ямщикъ отъ Петербурга до китайской границы. Въ другихъ пѣняхъ бываетъ мысль, бываетъ иногда даже рима, и та пѣсня болѣею частію говоритъ про любовь, про разлуку, про судьбу безталанную. Подтоличнымъ ямщикамъ извѣстны даже многія пѣсни, поющіяся въ гостиныхъ, *тройка, аль бывалъ я удалъ* и многія другія. За вѣрность мотивовъ ямщики не отвѣчаютъ.

Главное богатство ямщиковъ составляютъ ихъ лошади, и потому они имѣютъ о нихъ чисто родственное попеченіе. Ямщикъ никогда не подумаетъ сперва о себѣ, но всегда прежде о лошадяхъ. Разговоритесь съ нимъ о его коняхъ, и онъ будетъ вамъ рассказывать объ нихъ съ охотою, съ увлеченіемъ.

Почти все ямщикія лошади имѣютъ также свои прозвища. Иногда случается вамъ вдругъ услышать возгласъ:

— Ну что, Алена Петровна, призадумалась!..

Это произнесъ вашъ ямщикъ, постегивая пристяжную, не много отставшую.

— Что за странное такое имя далъ ты лошади? спрашиваете вы.

— За добродѣтели, отвѣчаетъ ямщикъ: такъ мою хозяйку зовутъ. Нравъ то—есть такой, что умрешь не разстанешься. Вѣжливая, хлесткая, *стебнуть* не нужно, только подуматъ, такъ словно съ жаровни соскочить... Однимъ-словомъ—животъ!.. Вотъ тотъ, что въ корню, такъ другое дѣло, подлецъ и шельма большая, на чести ничего не сдѣлаетъ, все наровить, чтобъ ему напомними. А вотъ эта, наѣво, пристяжная, напимѣръ, Жила прозывается. Ты, то-есть, что съ ней ни дѣлай, ничего въ толкъ ни возьметъ; все зажилить да надуть тебя хочеть; *стебанешь* ее, кажется такъ и кинется впередъ, держись только постромки, а на дѣлъ муха глядишь больше свезеть... Вотъ за это она ужъ въ третьихъ рукахъ жила...

Ямщики не смотрятъ на наружную красоту лошадей и не заботятся объ ихъ тучности; они цѣнятъ въ нихъ только силу и крѣпкія, неповрежденные ноги. Бѣлма, повисшія уши, безхвостость не считаются пороками, и иногда тройка, похожая съ виду на остовы, обтянутыя ко-

жею, покупается дороже съ виду бодрой и статной тройки. Тридцать, тридцать пять верстъ проскакать иной тройкѣ ни почему. Не опасаясь западу, ей тотчасъ же дають кормъ, поятъ горячую, и она часа черезъ три снова готова мчаться на такое же разстояніе. Есть ямщики, которые берутся везти путешествующихъ за шестьдесятъ, за семдесятъ верстъ не кормя. Это бываютъ ямщики, называемые сдаточными, или вольными.

Сдаточные или вольные ямщики—люди особеннаго рода, нисколько не похожіе на ямщиковъ, гоняющихъ почту и ѣздящихъ за прогоны по подорожнымъ. Это настоящіе торгаши, готовые прижать васъ при первой возможности, особливо когда изъ вашего нетерпѣнія замѣтятъ необходимость скорого отъѣзда. Вы пріѣзжаете на станцію, лошади все въ разгонѣ, обратныхъ скоро не предвидится. Вы спрашиваете: нѣтъ ли вольныхъ?

— Есть, отвѣчаютъ вамъ и приводятъ.

Разстояніе до слѣдующей станціи верстъ пятнадцать, дорога хорошая, поклажи у васъ нѣтъ...

— Что возьмешь довести?

— Пять рублевъ.

Казенныхъ прогоновъ приходится гораздо меньше. Вы начинаете увѣщевать, представлять свои доводы; на нихъ вольный ямщикъ будетъ только отвѣчать:

— Вѣдь мы, ваше благородіе не неволимъ. Ваша воля ѣхать и ваша воля остаться...

— Да за что же такъ дорого? повторите вы.

— Работа того стѣдитъ. Люди дороги. Ызда рѣдкая, отвѣчаетъ ямщикъ.

Не старайтесь искать троекъ дешевле у другихъ ямщиковъ: цѣна у всехъ будетъ одинаковая.

Они уже сговорились все въ одну минуту и не выдадутъ другъ друга. Вамъ ждать рѣшительно некогда; вы рѣшаетесь заплатить, что требуютъ, и спрашиваете:

— По-крайней-мѣрѣ, во сколько времени ты меня доставишь?...

— Живѣе птицы, ваше благородіе.

— А какъ примѣрно?

— Какъ Богъ велитъ; лошади вѣдь у насъ добрыя, — скоро доведемъ.

— Хороша тройка?

— Перваго сорту, извольте взглянуть, вотъ стоитъ.

Тройка въ-самомъ-дѣлѣ хорошая. Вы приказываете запрягать, выходите, смотрите, — лошади не тѣ.

— Да это не тѣ лошади, замѣчаете вы.

— Тѣ самыя, батюшка, отвѣчаютъ вамъ.

— Тѣ были гнѣдые, а эти пѣгія...

— Да тѣ, нужно вашей милости доложить, Ивановы...

— Такъ гдѣ-жъ Иванъ?

— Ъхать ему не привелось, жеребій не выпалъ... Да ужъ остаетесь довольны.

Не возставайте лучше противъ жребія. Жребій у ямщиковъ считается дѣломъ священнымъ...

Очень часто ямщики берутся возить на часы, и какъ бы ни казался вамъ невозможнымъ ихъ вызовъ по пространству и скорости, не сомнѣвайтесь: есть тройки, которыя домчатъ васъ двадцать-пять, двадцать-шесть верстъ въ часъ. Вы показываете ямщику часы.

— А что если ты провезешь болѣе условленнаго времени? спрашиваете вы.

— Денегъ ни копѣйки не возьмемъ, отвѣчаетъ онъ.

И точно, часъ въ часъ, минута въ минуту, вы у цѣли вашего путешествія. Вы расплачиваетесь, прибавляете на водку. Ямщикъ стоитъ предъ вами, снявъ шапку и почесывая затылокъ.

— Ну что еще тебѣ? спросите вы...

— Да прибавить бы нужно, ваше благородіе; животы совсѣмъ заморилъ.

— Зачѣмъ вызывался?

— Да ужъ ей Богу только для вашей милости; для другаго, кажись, за тройные бы прогоны такъ не погналъ. Пади лошадь на дорогѣ, ничего бы за свое добро не могъ требовать.

Вы припоминаете стихи поэта:

Гдѣ ямщикъ нашъ, на попойку
Вставшій съ ранняго утра
И загнать готовый тройку
За полтину серебра?

И прибавляете еще кое-что вашему вожатому, котораго лошади въ самомъ-дѣлѣ еле-еле дышутъ и самъ онъ истекаетъ предъ вами потомъ, стоя въ овчинномъ тулупѣ, подъ палящимъ іюльскимъ солнцемъ. Прибавьте вы хоть одну лишнюю гривну къ данному вами, ямщикъ вполне доволенъ: въ ихъ натурѣ большаго корыстолюбія нѣтъ, хоть мелочное желаніе зашибить лишнюю копѣйку и существуетъ. Иногда, отъѣхавъ отъ станціи версты четыре, ямщикъ вашъ вдругъ останавливается и обращается къ вамъ съ просьбою позволить довести до ближайшей деревни

на облучкѣ больнаго родственника пѣшехода, на котораго онъ вамъ указываетъ. Вы соглашаетесь. Родственникъ ѣдетъ съ вами мимо многихъ деревень, и слѣзаетъ лишь за версту или полверсты отъ станціи. Ямщикъ опять останавливается. Родственникъ лѣзетъ въ карманъ...

— Пять копѣекъ сдачи есть? спрашиваетъ онъ у ямщика.

— Нѣту-ти; да давай: на станціи отдамъ, отвѣчаетъ ямщикъ, кладя за пазуху какой-нибудь четвертакъ.

Тутъ только вы догадываетесь о настоящей причинѣ участія вашего возничаго.

— Такъ вотъ какихъ ты родственниковъ возишь, плутъ, замѣчаете вы.

— Винавать, ваше благородіе, о себѣ лукавій шепнулъ подумать. Дѣло работническое, почти изъ одной чести службу, а тутъ невѣста есть на примѣтѣ, а какъ своей тройки нѣтъ, такъ отецъ и слышать не хочетъ объ замужствѣ. Что ты, говорить, мнѣ за зять, когда жену въ церковь на наемныхъ повезешь.

— Неужели ты думаешь много набрать двугривенными на тройку? дѣлаете вы замѣчаніе.

— Въ годъ мало наберу, въ два года можно побольше, а въ десять лѣтъ совѣмъ тройку собрать.

— Да въ это время твоя невѣста можетъ раза два выйти замужъ, замѣчаете вы влюбленному.

— Такъ что-жь? отвѣчаетъ онъ: другую найдемъ. Нашему брату, ваше благородіе, только чтобы баба была. Есть баба и кони, и все хорошо.

Не удивляйтесь такому убѣжденію. Въ ямщицкомъ, какъ и въ крестьянскомъ быту, хозяйка въ домѣ — главное дѣло, и особенно въ домѣ ямщика, въ которомъ онъ бываетъ не постояннымъ жильцомъ...

В. ТОЛБИНЪ.

ПЕТЕРБУРГО—МОСКОВСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА.

(Письмо къ пріятелю.)

Наконецъ и я въ Москвѣ! я, врагъ путешествій всякаго рода, которому такъ трудно было отказаться отъ своего домашняго комфорта. Ты спросишь, какимъ чудомъ перенесся я во вторую столицу? Отвѣчаю тебѣ, что это было дѣйствительно чудомъ, — потому-что я не умѣю назвать иначе этого исполинскаго сооруженія, приведеннаго въ исполненіе чело-вѣческимъ умомъ, заслуги котораго составляютъ эпоху въ нашей исторіи.

Я ѣхалъ въ Москву съ людьми, путешествовавшими по всей Европѣ; я говорилъ съ лицами, разѣзжавшими по всеѣмъ желѣзнымъ дорогамъ; я слышалъ разказы техниковъ, специально изучавшихъ устройство дорогъ этого рода,—и вотъ одно общее, безпристрастное, единодушное мнѣніе: наша желѣзная дорога—верхъ совершенства, красоты, прочности; въ ней соединено все, что опытъ и улучшеніе многихъ лѣтъ нашли необходимымъ примѣнить къ подобнымъ постройкамъ; она вполне удовлетворяетъ всеѣмъ требованіямъ, даже прихотямъ, отстраняетъ все неудобства, доставляетъ все то, чего можно желать отъ такого великаго сооруженія.

Хотѣлось бы мнѣ описать тебѣ въ подробности эту удивительную дорогу, эти тридцать-четыре станціи, эти мосты, виадуки, насыпи, прорѣзы горъ исполинскія, вѣковыя работы, въ которыхъ надо было бороться съ величайшими препятствіями и затрудненіями, но подробное описаніе этихъ чудесъ за няло бы слишкомъ много мѣста и времени, потребовало бы слишкомъ много данныхъ, которыхъ у меня нѣтъ подъ рукою; и къ тому же я спѣшу передать тебѣ только собственныя свои ощущенія и впечатлѣнія во-время поѣздки по петербурго-московской желѣзной дорогѣ.

Но даже и въ этомъ случаѣ, говоря только о себѣ, я вижу, что принялъ на себя обязанность, которую очень трудно выполнить. Инди-

видуальныя впечатлѣнія мои, также какъ и всѣхъ моихъ товарищей путешествія, можно выразить нѣсколькими словами: мы были въ постоянномъ восхищеніи во все время, на каждомъ шагу, при каждой остановкѣ, и если непріятныя ощущенія чловѣка очень разнообразны, то его удовольствіе и восхищеніе выражаются одинаково и однообразно, а наполнить письмо одними междууметіями или коротенькими фразами съ длинными восклицательными знаками—было бы странно и смѣшно. Постараюсь однакоже дать тебѣ самое неполное понятіе о моей поѣздкѣ въ Москву по желѣзной дорогѣ.

Великолѣпіе петербургской станціи тебѣ извѣстно. Не думаю, чтобы нашелся петербургскій житель, не видѣвшій, хоть изъ одного любопытства, этого прекраснаго зданія, не заглянувшій на его внутреннее устройство, не полюбовавшійся на образцовый порядокъ этого дебаркадера. Ровно въ 11 часовъ утра тронулся нашъ поѣздъ, провожаемый густою толпою знакомыхъ и родныхъ тѣхъ путешественниковъ, которые отправлялись въ двадцати-двухъ-часовой вояжъ.

Съ самыхъ первыхъ станцій мы были уже въ совершенномъ восторгѣ отъ желѣзной дороги. Я ѣхалъ съ извѣстнымъ тебѣ и уважаемымъ всѣми нами А. А. Противъ насъ помѣстился почтенный старичокъ съ миленькой дочкой, только что вышедшей изъ института. Можешь вообразить, что она чувствовала, перенесясь почти прямо со школьной скамейки въ вагонъ желѣзной дороги!.. Бесѣда наша была непринужденная, разнообразная, занимательная.

Мы неслись съ быстротою птицы, безъ малѣйшаго потрясенія, легко, плавно, какъ по воздуху; мимо оконъ мелькали картины ингерманландской природы, нелишенные своего рода поэзіи, несмотря на ихъ однообразный колоритъ. На станціяхъ пассажиры выходили, гуляли или закусывали; вездѣ составлялись кружки, закипали разговоры, полныя современныхъ интересовъ; мѣстами мы принимали новыхъ пассажировъ, или выпускали старыхъ, отправлявшихся по окрестнымъ деревнямъ; все было весело, оживлено, настроено къ самымъ пріятнымъ ощущеніямъ; теплый и даже жаркій день разогрѣвалъ сердца самымъ отраднымъ чувствомъ, и потомъ мимо оконъ вагона начали мелькать поля, терявшіяся въ синеватой дали, нивы, облитыя лучами солнца, села и деревни, сторожевыя едомики, пустыри, болота; подъ колесами вагоновъ гремѣли мосты; широко, далеко развивалась съ обѣихъ сторонъ живая панорама, и паровозъ, несясь впередъ, наводилъ на всѣ члены какое-то легкое, пріятное утомленіе. И мысли въ головѣ, и чувства на сердцѣ смѣнялись также скоро, какъ окрестныя виды, и съ такою же быстротою уносились все вдаль, и все впередъ прихотливыя грезы воображенія.

Существенность доложила намъ о себѣ однакоже на Маловишерской-станціи, гдѣ мы остановились обѣдать, и гдѣ за сходную цѣну накормили насъ соразмѣрно. Потомъ опять потянулась перелѣ глазами таже панорама, въ головѣ таже вереница мыслей. Самая ночь не прекратила бесѣды, не пригупила ошущеній; немногіе изъ пассажировъ заснули въ эту ночь: на это надо особенное умѣнье, или особенный положительный характеръ. Большая часть путешественниковъ, одолѣваемыхъ на нѣсколько минутъ дремотою, страхивали ее съ себя при каждой остановкѣ на станціяхъ, и опять заводили непринужденный разговоръ съ сосѣдями, или *vis-à-vis*, немножко посмѣиваясь надъ поклонниками Морфея, принявшими во снѣ разнообразныя, хотя и не всегда живописныя позы.

И зато какъ картинно было восхожденіе солнца надъ поѣздомъ желѣзной дороги! Это я уже рѣшительно отказываюсь описывать. Мнѣ пришла только въ эту минуту мысль о возгласахъ нашихъ поэтовъ противъ прозаичности нашего вѣка вообще и желѣзныхъ дорогъ въ особенности. Мнѣ кажется, напротивъ, что паровозъ настоящая поэзія, возбуждающая въ сердцѣ самыя пріятныя чувства, въ головѣ самыя утѣшительныя мысли. Сознаюсь, что для меня въ паровозѣ гораздо больше поэзіи, чемъ во многихъ поэмахъ современныхъ стихотворцевъ, которые умѣютъ развѣ только шипѣть и свистѣть, какъ паровозъ.

Сдѣлаю теперь краткій перечень замѣчательнѣйшихъ мѣстъ по желѣзной дорогѣ, и прежде всего замѣчу, что она идетъ вовсе не такъ прямо, какъ полагаютъ нѣкоторые, и что, разумѣется, придаетъ ей еще болѣе картинности и разнообразія. Есть высокіе и довольно крутые подъемы въ гору, какъ на примѣръ при станціи Веребынской, за Вышнимъ-Волочкомъ, и подъѣзжая уже къ Москвѣ, за Крюковскою станціею. Между Валдайской и Березинской станціями лежитъ самое высокое мѣсто дороги, при деревнѣ Кузнецовой, возвышающейся на 750 футовъ надъ уровнемъ Балтійскаго моря. За Вышнимъ-Волочкомъ дорога поворачиваетъ довольно круто къ сѣверо-востоку; за Тверью, между станціею Кузьминской и Завидовской, дорога дѣлаетъ даже нѣсколько поворотовъ, направляясь то къ С. В., то къ Ю. В.; за Клиномъ также. Замѣчательнѣйшіе мосты: черезъ Тосну, Тигоду, Рабонь, Керестъ, Волховъ, у Соснинской-пристани (одинъ изъ лучшихъ видовъ дороги), Мсту (образцовая великолѣпная постройка), Шагину и Тверцу (также удивительное совершенство). Виды у Клина, подъ Тверью, и подъѣзжая къ Москвѣ прекрасны.

Вся дорога въ Москву кажется какимъ-то сномъ. Это огромное разстояніе, проглоченное въ одни сутки, производитъ на душу смутное впечатлѣніе. Все какъ-то не вѣрится, что я проснулся въ Москвѣ, что

теперь она перело мною, съ ея странными улицами, непохожими на петербургскія, съ ея живописными видами, вѣковыми воспоминаніями, семисотлѣтнею давностью. Но описывать Москву я теперь не въ состояніи, и сдѣлаю это—когда нибудь современемъ, собравшись съ мыслями, также какъ и описаніе моей поѣздки въ Р***, оставившей во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія, которыми я въ особенности одолженъ одному рѣдкому семейству. Теперь въ моей головѣ одна желѣзная дорога, и я могу говорить только объ ней, хотя, оканчивая письмо, чувствую, что не сказалъ почти ровно ничего.

Не могу однакоже не прибавить, что стыдно будетъ тому изъ жителей Москвы или Петербурга, кто не съѣздитъ въ одну изъ столицъ русскаго царства, если не случилось ему прежде увидѣть ее. Теперь въ Москву съѣздитъ также легко, какъ въ Павловскъ, также удобно, какъ сдѣлать прогулку въ окрестности Петербурга:—два дни въ дорогѣ, три въ Москвѣ, для обозрѣнія всѣхъ главныхъ достопримѣчательностей, — и этого довольно. Въ пять дней вы сдѣлаете слишкомъ тысячу двѣсти верстъ, и привезете въ Петербургъ множество новыхъ, пріятныхъ и разнородныхъ впечатлѣній. Впрочемъ уже эта дорога сблизила до того наши столицы, что онѣ поминутно наполняются пріѣзжими и гостями. Умъ теряется, представляя себѣ послѣдствія этого благодѣтельнаго сооруже-
нія....

БѢЛОРУССІЯ

ВЪ ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИХЪ ОПИСАНІЯХЪ И ФАНТАСТИЧЕСКИХЪ ПОВѢРЬЯХЪ.

7. ВОЛШЕВНЫЙ-ЦВѢТОКЪ.

Преданіе могилевской, минской и витебской губерній.

Гдѣ-то, — помнится, — старики баяли мнѣ въ веселую годину, или нянюшка моя родная напѣвала мнѣ еще надъ колыбелью моею, — гдѣ-то, будто въ нашихъ земляхъ, бѣлорусскихъ странахъ, непроходимые лѣса росли и въ поднебесьи широко, привольномъ перешептывались они съ тихими южными вѣтрами вѣчно-зелеными своими вѣтвями; а въ тѣхъ лѣсахъ непроходимыхъ, въ чащѣ дубовыхъ и кленовыхъ деревьевъ, — высились крутыя горы, высокія-превысокія, и остроконечными своими верхами упирались въ облака надземныя и твердь небесную.

Межъ высокими горами славились сказками и разказами о кладахъ зарытыхъ-заклятыхъ гора, высочайшая изъ высокихъ; *знахари** и баяны называли ее *горою-стекляною*: — такова ужъ сказка про нее бѣлорусскихъ людей.

На горѣ той превысокой стоялъ замокъ изъ замковъ, замокъ каменный, неприступный, весь обнесенный скалами и цвѣтущими садами... Замокъ чудный, дивный былъ, — ни придумать, ни угадать, только въ сказкѣ сказать... Чего — чего тамъ не было: и птичекъ Божіихъ вся-

* О *знахаряхъ* подробно объяснено въ моей статьѣ — о *вовкалакахъ*. См. «Москвитинъ» 1853 г. № 5.

кихъ, и деревецъ съ цвѣточками огненными, и звѣрьковъ четвероногихъ и двуногихъ, и ручьевъ съ пресладкой водицей, и дорожекъ золотистыхъ, хрустальновидныхъ: недоставало лишь птичьего молока...

Жилъ въ томъ замкѣ невиданной—неслыханной красоты молодецъ, богатырь непроходимыхъ лѣсовъ; ума разума его и въ сказкѣ не рассказать; ну и прозвали за то его: Чудо—Краса, Разумъ—Разумовичъ...

Много дивъ разсказывали про разумаго богатыря, много слуховъ носилось по бѣлорусской землѣ про Чудо—Красу; многимъ видѣть его хотѣлось, — а не то и послушать сладкихъ медовыхъ его рѣчей. Да неприступенъ онъ былъ со своимъ замкомъ; нельзя было добраться къ нему съ человѣческой силою, съ простымъ умомъ: только и было у людей, что хотѣть хотѣли, а привести въ исполненіе хотѣнья своего не умѣли...

Долетѣла вѣсть о Чудо—Красѣ, Разумѣ—Разумовичѣ до колдуньи Ятаги, бабы старой, съ кошачьей головой, сестры родной вѣдьмы Яги. Долго думала Ятага, какъ бы заманить въ свои хоромы разумника богатыря и *зачаровать* его себѣ въ сердечные друзья: не выдавши ужъ полюбила молодца баба Ятага. . Да бѣда вѣдь та, что Чудо—Краса, Разумъ—Разумовичъ нелюдимъ, говорятъ, былъ, и найти себѣ по душѣ красавицы не могъ: много ѣздилъ онъ по бѣлому свѣту, веѣ моря и океаны облетѣлъ, а сердечной красоты не нашелъ себѣ, и заперся съ тѣхъ—поръ молодецъ въ свои замковые палацы и не хотѣлъ вести рѣчей ни съ кѣмъ изъ сосѣдей и далекихъ гостей.

Но задумала Ятага... и поставить на своемъ клятвой чаръ поклялась: хоть гори весь свѣтъ, а ужъ должно быть по ея; такая упрямая баба была колдунья Ятага!

По сосѣдству съ Чудо—Красою жилъ знахарь—колдунъ, пребольшой злодѣй; ненавидѣлъ онъ Разума—Разумовича за богатство его несмѣтно и за то, что не пускалъ онъ его въ свои лѣса и на скалистыя горы... У колдуна—знахаря были двѣ дочери. Ужъ какія красавицы онѣ были—право трудно было лучше ихъ найти; дивились веѣ, что краса—молодецъ не могъ встрѣтить ихъ нигдѣ и выбрать себѣ въ жены одну изъ нихъ... А красавицы были хоть куда; все различіе межъ сестрами было въ томъ, что у одной черная коса, у другой бѣлорусая, золотистая, какъ лень...

Знала баба Ятага, кошачья голова, что враждуетъ на красу—молодца злой чародѣй, и затѣяла еще болѣе вооружить колдуна противъ Разума—Разумовича...

Оборотилась Ятага въ муху жужжащую и полетѣла на Стекланую-гору, въ дивный замокъ богатыря, и очутилась въ палатахъ неприступ-

наго красы-молодца... Разумь-Краса кушать изволилъ... Вдругъ влетаетъ муха незамѣтно, и поддравшись тайкомъ невидимкой къ столу, всыпала въ молоко *зеле-приворотное*, истолченное въ порошокъ.

Разразилась хохотомъ Ягага и исчезла въ ту же минуту, какъ испилъ молока Разумь-Краса: рада была, что успѣла зачаровать молодца.

Вотъ и пошла бѣда за бѣдой на горѣ Стеклоной, въ замкѣ величавомъ; въ сердцѣ молодца закралась тоска, и ни вѣдать ни знать, откуда горестъ напала такая на молодца.

Не сидится Разуму-Красѣ дома: что-то манить его къ предѣламъ колдуна; чуетъ, сердце его, что найдетъ онъ тамъ себѣ красавицу-жену. Задумалъ думу и пошелъ къ колдуну-знахарю...

Не прошелъ и полпути, какъ на дорогѣ ему, у Синяго-ручья, встрѣчается прекрасавица-дѣвица, *Руса-Косица*: то была дочь злодѣя, враждебнаго чародѣя...

Остановился въ изумленіи Разумь-Краса; остановилась въ раздумьи бѣлолицая дѣвица и опустила свои ясныя, голубыя очи... кровь заиграла въ сердцѣ,—не тронется съ мѣста суженая невѣста...

— Ахъ, красавица дѣвица! воскликнулъ наконецъ Разумь-Краса: откуда шлетъ тебя навстрѣчу мнѣ моя судьба? Исходилъ я весь свѣтъ, извѣздилъ весь міръ земной, а не видѣлъ красы такой, какъ ты, бѣлолица, Руса-Косица... Расскажи мнѣ, не стыдись, гдѣ живешь и какихъ родителей дочь?..

— Много знать хочешь, отвѣтила дѣвица: ты, красавецъ-гордецъ, и не думалъ, что могутъ быть такія, какъ я, на землѣ, вблизи замка твоего, что на Стеклоной-горѣ... Такъ знай же и вѣдай, что за высокими твоими горами, за непроходимыми лѣсами, на песчаномъ берегу рѣки, живетъ пресловутый знахарь, родной мой отецъ, а твой недругъ, большой неуріатель; кромѣ меня, есть у отца дочь другая, старшая красавица; значить насъ двѣ сестры... Но къ чему тебѣ все говорить? Не бывать ни мнѣ, ни сестрѣ женой твоей: не отдастъ за тебя ни одной изъ насъ чаровникъ отецъ... Ну, прощай Чудо-краса, Разумь-молодецъ; мнѣ пора идти домой, загулялась слишкомъ долго я; ожидаетъ давно меня сестра, и того-гляди, отецъ пошлетъ слугъ искать бѣглянку...

— Нѣтъ, красавица прекрасная! не пущу я тебя, пока не услышу доброй вѣсти изъ медовыхъ устъ твоихъ, что согласна ты быть моею женой и всѣхъ владѣній моихъ госпожей... Не могу я разстаться съ тобою, красная дѣвица, Руса-Косица: полюби меня, добра молодца, не страшись ты гнѣва своего отца... Я съумѣю тебя приласкать, приголубить; окружу тебя всѣми дивами; будешь ходить по цвѣтистому,

шелковистому дугу, по золотистымъ дорожкамъ, будетъ покойно твоимъ крошечнымъ ножкамъ; спать будешь на лебяжемъ пуху... будешь слушать въ саду пѣніе райскихъ птичекъ; всѣ онѣ слетятся къ тебѣ и бѣлоснѣжными, серебристыми крылышками прильнуть къ груди, къ шейкѣ и къ розовымъ губкамъ твоимъ... Не разъ я позавидую имъ, что не могу быть птичкою и прильнуть всѣмъ сердцемъ къ сердцу твоему... Что-жь, красавица дорогая, не отвѣчаешь мнѣ? Милы ль рѣчи мои тебѣ, аль навсегда хочешь покинуть меня?..

— Хоть и милы мнѣ рѣчи твои, да отвѣтить теперь я не могу тебѣ.. Если хочешь знать отвѣтъ, приходи завтра къ намъ: будетъ данъ тебѣ отвѣтъ, услышишь его самъ...

Разумъ-Краса чуть не бросился было обнимать красавицу дѣвицу... но красавицы не стало на мѣстѣ... сказавъ послѣднія слова, она исчезла въ чащѣ глухихъ лѣсовъ...

Долго-долго стоялъ Чудо-Разумъ-Краса на одномъ и томъ же мѣстѣ, и опомнился ужъ тогда, какъ вечерняя заря засвѣтилась надъ его головой и туманная синева сѣтью раскинулась вокругъ него...

Воротился Разумъ-Краса въ замокъ дивный, и запершись въ золотыхъ палатахъ одинъ, думу сладкую думалъ всю ночь, а съ разсвѣтомъ дня на лихомъ конѣ помчался къ песчаному берегу рѣки, въ теремъ пресловутаго колдуна, раскрасавицы бѣлорусой отца...

У дверей встрѣтила молодца старшая дочь колдуна, невиданная красавица: очи ясныя, какъ заря денницы, и какъ черное, блестящее дерево черная, предлинная коса...

Взглянулъ Разумъ-Краса на чернявку дѣвицу, съ поклономъ на привѣтъ красавицы мимо бодро прошелъ, и прямо къ колдуну въ свѣтлицу — съ рѣчью молодецкою: сталъ просить у него позволенія купить себѣ въ жены младшую дочь его, бѣлорусую, голубоокою...

Разсердился колдунъ, что гордецъ сосѣдъ вздумалъ просить руки младшей дочери, вопреки старинному обычаю въ тѣхъ земляхъ, бѣлорусскихъ странахъ, и въ отвѣтъ на рѣчь молодецкую отвѣчалъ такъ:

— Смѣяться изволишь надъ нами, ты сосѣдъ богачъ; за такое оскорбленіе мѣсть объявляю я тебѣ родовую... будь готовъ защищаться: я нашла на тебя всѣ чары мои и на помощь призову *гарцуковъ* * и русалокъ Ягай...

Сказавъ это, колдунъ скрылся. Изумленный Разумъ-Разумовичъ съ горемъ въ сердцѣ оставилъ теремъ колдуна, тѣмъ болѣе оскорбленный,

* О гарцукахъ см. Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 г. прибав. кн. 4, — статью мою: бѣлорус. народ. повѣрья, — слово *гарцуки*.

что не могъ увидѣть красавицы бѣлорусой, и поклялся въ душѣ—силою-неволей завладѣть сокровищемъ знахаря, безъ котораго жизнь ему казалась смертию.

Сѣлъ на коня и помчался по песчаному берегу рѣки въ свои непроходимые лѣса...

Но не успѣлъ онъ проскакать и полпути, какъ навстрѣчу къ нему бѣжить красавица-дѣвица и машеть бѣлымъ платкомъ...

Остановился Разумъ-Краса, и не вѣря своимъ глазамъ, обратился къ дѣвѣ чудной съ нѣжными рѣчами.

Разказала дѣва чудная про любовь свою къ нему, про горе тяжкое, которымъ томилась душа ея во все время разлуки съ нимъ, красавцемъ-богатыремъ.

— Что же дѣлать мнѣ? грустно спросилъ дѣву Разумъ-Краса. Посовѣтуй мнѣ, пожалѣй меня...

— Я готова быть женой твоей, отвѣчаетъ дѣва... Посади меня съ собой на коня и умчимся вмѣстѣ въ замокъ дивный твой, на Стекляную-гору...

Соскочилъ Разумъ-Краса съ вороного коня, и обвивъ дѣву милую рукою, посадилъ ее съ собою на лихаго бѣгуна и въ минуту прискакалъ въ золотыя свои палаты...

Ждетъ—не дождется колдунъ младшей дочери своей... Заскрежеталъ злодѣй зубами отъ злости: силами чаръ своихъ догадался онъ, что сосъдъ богачъ похитилъ дѣтище его родное...

Но дѣлать нечего было... Нужно наказать похитителя... И вотъ колдунъ *оборотился* въ змѣя огненнаго и полетѣлъ къ Ятагѣ за совѣтомъ, какъ наказать Разума-Красу... Ятага никакъ съ-родни была колдуну-знахарю...

Обрадовалась Ятага прибытію змѣя-колдуна, и обѣщала погубить дерзкаго Разума-Красу, но за то предложила колдуну выгодное для себя условіе...

— Изволь, сказала Ятага, наказать накажу я примѣрно его: я нашла на него сонъ такой, что задумаетъ онъ отыскать въ Стеклоной-горѣ своей кладъ заклятый, самой-большой, ну и погибнетъ онъ подъ горой, не видать ему затѣмъ жены своей... Да зато долженъ будешь ты отдать свою дочь похищенную на услуженіе мнѣ, на пять лѣтъ... Хочешь — соглашайся, а не то я не помощница тебѣ...

Согласился колдунъ на предложенное условіе, лишь бы только отмстить сосѣду-богачу...

Сбылось сказаніе Ятаги...

Въ одну ночь ненастную, темную, — видитъ сонъ Разумъ-Краса,

будто глубоко въ землѣ, подъ Стеклоной-горой, стоитъ мѣдный котель величины необъятной, весь горитъ какъ въ огнѣ, а въ среднѣ въ немъ дивнымъ свѣтомъ свѣтится алмазъ на алмазѣ, ахонтъ на ахонтѣ, безъ счета, безъ числа; никакъ нельзя всего добра перечесть...

На зарѣ еще пробудился Чудо-Разумь-Краса и покоя въ душѣ не находить; захотѣлось ему добыть кладъ земной; зависть и жадность овладѣли душой молодца: мало стало, вишь, для него всякаго добра своего...

— Добыть кладъ хочу! твердитъ онъ женѣ своей всякій день съ утра до поздней ночи... Не то умру съ досады и печали..

— Ахъ, Разумь-Разумовичъ! Чудо-Краса! что затѣвать ты изволишь? такъ говорила Разуму жена, предчувствуя бѣду. Знать не мила я тебѣ стала, что погубить ты меня хочешь... Чуетъ сердце мое бѣдное, что Ятага злая готовить козни тебѣ: слышала я отъ отца-колдуна, что влюблена она въ тебя, и теперь разлучить меня съ тобою поклялась непременно... повѣрь мнѣ, душа-краса! Горе-горькое постигнетъ тебя, если ты не послушаешь меня, бѣдной жены своей, и пойдешь искать кладъ въ Стеклоной-горѣ той.. Не ходи искать клада! Ты погибнешь тамъ... Умоляю тебя, послушай меня, моя радость, мое утѣшеніе, моя душа-краса! — не ходи, не губи себя и меня...

Но слова любимой жены острѣй жала змѣйнаго отзывались въ душѣ Разума-молодца, и чѣмъ больше молила-просила его жена, тѣмъ пуще жажда пріобрѣсть новое богатство овладѣвала душой богатыря... Рѣшилъ — искать клада, и ничто не могло овлечь его отъ такого рѣшенія...

Видитъ жена, что грозитъ ей бѣда, и со слезами, въ отчаяніи, проситъ мужа выслушать хоть послѣдній совѣтъ...

— Если ужъ такъ непреклоненъ ты въ своемъ рѣшеніи, такъ послушай же, что скажу я тебѣ... Знаю я, что не видѣться намъ съ тобою много лѣтъ — съ этого дня: такъ по-крайней-мѣрѣ, не забудь, какъ увидишь тамъ у клада стоять будетъ стеклоной стражъ, чудище-большое, — не забудь разбить стеклоное это чудище; хоть этимъ ты поможешь своему великому горю... Слышала я отъ отца, что чудище это — заклятой богатырь: Ятага превратила его въ стеклоную-стекляницу (стеклянный сосудъ), чтобъ не могъ богатырь вредить чарамъ ея силою волшебнаго цвѣтка, который добылъ онъ по наследству отъ силача *Злыдня* *, похитившаго цвѣтокъ изъ *скарбницы* ** Перуна, бывшаго своего властелина.

* См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1852 г. Литер. Прибавл. № 3, — слово *Злыдзень*.

** Простонародье бѣлорусское вѣрить, что у Перуна есть *скарбница* (ларчикъ) съ разными волшебными приправами; этой скарбницей когда-то завѣдывалъ Злыдзень и потомъ свергнутъ былъ съ неба Перуномъ за то, что похитилъ волшебный цвѣтокъ.

Кончила рѣчь свою бесѣду красавица жена, и рыдая безотрадно-горько, стала прощаться съ Чудо-Разумомъ-Красою...

Попрощались... Не безъ слезъ прощался и Разумъ-молодецъ... Наконецъ, махнувъ рукой, — выбѣжалъ онъ изъ палатъ золотыхъ своихъ, и собравъ дворчанъ съ топорами, вилами, заступами и мечами, спустился внизъ къ подошвѣ горы...

Ударили дворчане топорами, вилами, заступами и мечами въ Стекланую-гору... и поколебалась гора высокая въ своихъ основаніяхъ... Ударилъ Разумъ мечомъ своимъ, и вдругъ, о диво! застонала земля страшно, завыли волки въ непроходимыхъ лѣсахъ, заревѣли медвѣди и львы... и въ добавокъ раздался вопль ужасный — не то женской, не то дѣтскій... «Быть бѣдѣ!.. говорятъ дворчане!.. не къ добру воютъ волки!..»

Но богатырь-краса не робѣетъ, и ободряя дворчанъ рѣчью своей, продолжаетъ разбивать мечомъ Стекланую-гору... Вотъ-вотъ разбить бы кажется гору, раза два ударить только мечомъ...

Замахнулся снова богатырь мечомъ... и гора затрещала... Искры огненные показались изъ отверстій горы... Потемнѣло небо ясное, налетѣли тучи со всѣхъ сторонъ... застонала пуще земля... и пронзительно закричала благимъ матомъ сова...

Грохнули перуны; молніи огненные озарили на минуту лица дворчанъ и богатыря... дрогнула гора и на двѣ части распалась... растворилась пропасть страшная и проглотила замокъ богатыря со всѣмъ его добромъ, палатами и садами, и красавицею женою; исчезли дворчане въ пропасти, полетѣлъ въ бездонную глубину и самъ Чудо-Богатырь...

Что же случилось съ богатыремъ Разумомъ-Красою?.. Залетѣлъ Чудо-Разумъ въ самую бездну безъисходную, непроходную; темнота мрачная вокругъ него; на дворчанъ его напали змѣи и совы крылатыя и разорвали ихъ на части, — не оставили костей, все до-тла поѣли... Туже долю горькую готовили змѣи—совы и богатырю Чудо-молодцу, но богатырь замахнулся мечомъ, и вдругъ—спустился, какимъ-то чудомъ, еще ниже въ пропасть...

Глядь молодецъ, — предъ нимъ сонъ на яву: горитъ огнемъ несгораемымъ котель съ алмазами, весь наполненъ блестящимъ добромъ... Но приступить къ нему нельзя: змѣи, ужи и драконы желѣзными крыльями и огненными хвостами машутъ на всѣ четыре стороны и не пускаютъ Чудо-Разума пробраться къ залятому кладу... Попробовалъ было Разумъ-Краса разогнать стражу волшебную своимъ мечомъ, да куда! ихъ и мечъ не беретъ... такъ и сыплотъ изъ пасти огненные искры... А одинъ изъ драконовъ какъ свиснетъ, да завизжитъ, такъ откуда взя-

лись вереницы русалокъ, и наивъ на красавца-молодца, стали щекотать его до-тѣхъ-поръ, пока не измучили до безчувства, и потомъ бросили его въ озеро глубокое, заросшее тростникомъ остролиственнымъ...

Не видать бы доброму молодцу свѣта Божья никогда, да спасло его то чудо, что уснулъ онъ богатырскимъ сномъ поверхъ озера стоячаго, поверхъ тростника растущаго... Спалъ онъ долго, нѣсколько лѣтъ спалъ онъ такъ... ну и проснулся наконецъ чрезъ цѣлыхъ пять лѣтъ: видно, спать прошла ужъ пора для него...

Пробудился Чудо-Разумъ... свѣту Божья не видать ни отколь... только гдѣ-то тамъ вдали блеститъ ярко—не то стекло, не то камень дорогой...

Вотъ подходитъ Чудо-Разумъ къ блестящему чуду: но не чудо то было, а чудище стекляное, стекляница-стекляная, о которой говорила богатырю любимая его жена...

Тутъ-то вспомнилъ нашъ молодецъ о своей женѣ и горько плакать сталъ — отчего не послушалъ совѣта жены и затѣялъ добыть кладъ земной, заклѣтый Ятагѣй...

Вдругъ слышитъ, стекляница говоритъ: «Эхъ, ты Чудо-Разумъ-Краса! а еще богатыремъ слывешь на землѣ... Чтѣ-жъ ты плачешь-горюешь? Аль забылъ, чему учила тебя жена, нанаглядная краса?..»

Ободрился Разумъ-молодецъ, и не думая долго, хватъ мечомъ по стекляницѣ...

Зазвенѣла стекляница... но не распалась на части и только на звонъ ея сбѣжались длинноволосыя русалки и чуть было не стали щекотать молодца опять... Но богатырь хватилъ еще мечомъ изъ всей молодецкой силы по стекляницѣ... и разлетѣлась въ дребезги стекляница... Захотали дико зачарованныя дѣвицы и исчезли въ туманъ... А изъ-подъ стекляницы выскочилъ раскрасавецъ молодецъ, богатырь не въ примѣръ Чудо-Красѣ...

Обезумѣлъ Разумъ-молодецъ, увидѣвъ такого богатыря и не могъ промолвить слова: такъ хорошъ, пригожъ былъ освобожденный богатырь...

«Чтѣ смотришь такъ безмолвно на меня, Чудо-Краса? спросилъ освобожденный красавецъ... Дай руку... мы съ тобой друзья съ этихъ поръ!.. Ты избавилъ меня отъ заклѣтой Ятагѣй, оказалъ мнѣ услугу безпримѣрную... Я въ долгу предъ тобой... Отплатить тебѣ хочу за услугу услугой... Есть у меня цвѣтокъ волшебный, изъ скарбницы громовержца Перуна: въ этомъ цвѣткѣ заключается таинственная сила, предъ которой трепещетъ даже Баба-Яга, а не то, что какая нибудь Ятагѣй... Погубить тебя она хотѣла и похитила у тебя раскрасавицу

твою жену... Ну такъ вретъ же, баба злая, не быть по еѣ: я спасу твою красу-жену, только дѣлай все, что я тебѣ скажу... а не то не берусь помочь спасти твою жену...

Подаль руку богатырю Чудо-Разумъ и обнялись молодцы, какъ два родные брата.

А потомъ богатырь такъ сказалъ своему освободителю: вотъ смотри что будетъ...

Сказалъ и изъ сапога лѣвой ноги вынулъ дивный волшебный цвѣтокъ...

Засіялъ цвѣтокъ радужными отливами; лучи яркіе, огневые отъ него сверкнули подъ сводами мрачной храмины кладовъ заклѣтыхъ; закружились земляные слои, заходили ходенемъ трясущіяся, топкія болота и заросшія тростникомъ озера... взвизгнули змѣи, засвистали драконы... пошатнулся котель мѣдный съ алмазами и въ минуту очутился предъ богатыремъ съ волшебнымъ цвѣткомъ...

«Стой, и не двигайся съ мѣста, котель мѣдный! говоритъ богатырь... Ожидай здѣсь насъ... Мы отправимся въ дальній путь — къ бабѣ-Ятагѣ... посмотрѣть на ея владѣнья и отвѣдать силы чаръ ея и волшебнаго *знахарства*—умѣнья...

Слышалъ, видѣлъ все это Разумъ-Краса и подивиться не могъ богатырской такой силѣ волшебнаго цвѣтка...

Но не все тутъ было диво... Было диво и другое.

Махнулъ богатырь волшебнымъ цвѣткомъ на все стороны храмины кладовъ, и замолкло все въ подземной долинѣ... Не стало богатыря.

Смотритъ Чудо-Разумъ, куда дѣвался богатырь... и готовъ былъ плакать съ горя, что не стало помощника-силача.

Сталъ тужить и горевать добрый молодець... Но въ тужъ минуту предъ нимъ сталъ сѣрый волчокъ, съ сребристою шерстью на спинѣ, золотистымъ хвостомъ, огненными глазами и желѣзнымъ языкомъ... на лбу горѣлъ яркимъ огнемъ волшебный цвѣтокъ...

«Ну садись на меня, волчка, добрый молодець; да смотри, дѣлай все, что скажу тебѣ, а не то сброшу тебя въ страшную трущобу... А чтобъ не скучно было намъ, спой-ка пѣсенку про сѣраго волчка, про лихаго бѣгуна...

Затянулъ Чудо-Разумъ звучнымъ, пѣвучимъ голосомъ пѣсенку про сѣраго волчка, про лихаго бѣгуна.

А сѣрый волчокъ топнулъ ножкой, взмахнулъ хвостомъ, и замотавъ головой, понесся лучше всякаго сокола вдоль по воздуху, по окраинамъ горъ...

Стонетъ земля, дрожатъ горы подъ бѣгуномъ, все деревья и расте-

нія подземелья преклоняють верхи свои предъ волшебнымъ цвѣткомъ и сѣренькимъ волчкомъ ..

Вотъ на дорогѣ, посрединѣ, стоитъ *Каменная-баба*, вся обросшая мхомъ: то была заклятая княгиня, стражъ-хранительница владѣній Ятаги.

Остановился волчекъ. А княгиня заклятая, баба каменная, съ просьбою къ Разуму-Красѣ...

«Пожалѣй меня, Разумъ-Чудо! Вотъ ужъ сколько лѣтъ, какъ заклятая здѣсь, вся обросши мхомъ, стою на одномъ мѣстѣ... Ты обмой меня красавецъ чистой водой, сотри пыль съ головы моей бѣлымъ платкомъ... А за то я въ награду тебѣ подарю алмазикъ небольшой. Пригодится онъ тебѣ потомъ...

Раземѣялся Чудо-Разумъ, услышавъ такія рѣчи заклятой княгини, и толкнувъ волчка ногой, думалъ было ѣхать дальше...

Но волчокъ ему на то: «Не хорошо дѣлаешь ты, Разумъ-Краса, что пренебрегаешь такимъ подаркомъ заклятой княгини... Сдѣлай то, о чемъ просить она тебя...

Соскочилъ Разумъ-Чудо съ волчка и исполнилъ просьбу Каменной-бабы... а въ награду за то получилъ отъ нея небольшой алмазикъ и великій поклонъ...

Скачетъ сѣрый волчекъ впередъ, дальше, пробѣгаетъ черезъ густыя лѣса, топкія болота; вотъ на окраинѣ глухаго озера растетъ яблоня пре-большая, вся закованная въ желѣзныя цѣпи, а на ней яблоковъ такая тѣма, что и пересчитать нельзя.

Остановился волчокъ...

А яблоня большая, обратилась къ Чудо-Разуму-Красѣ съ покорною просьбою.

«Ахъ, какъ въ пору подоспѣлъ ты, добрый молодецъ, господинъ!.. Ждала не дождалась я тебя: твоей помощи ожидала... Помогни мнѣ ветряхнуть своими вѣтвями и сбросить съ себя лишнюю тяжесть плодовъ, а за то я тебя награжу двумя розовыми яблочками... Придетъ время, скажешь спасибо мнѣ за нихъ...

Смѣшною показалась Разуму-Красѣ такая просьба яблони, и махнувъ рукой въ отвѣтъ, крикнулъ на волчка, чтобъ тотъ бѣжалъ дальше.

«Худо, дурно поступаешь ты господинъ молодецъ! говоритъ Разуму-Красѣ волчекъ. А какъ знать, вѣдь и правду говоритъ яблоня... Слазь поскорѣе и заслужи службой своей обѣщанную награду...

Слѣзь господинъ-молодецъ съ волчка и исполнилъ съ точностію просьбу яблони...

Поклонилась ему яблоня за такую услугу и въ награду дала два розовыя яблочка...

А волчокъ бѣжать да бѣжать дальше... все впередъ, чрезъ поля, чрезъ глухія стѣны: не видать нигдѣ ни деревца, ни травки, ни цвѣтка...

На окраинѣ стѣны стоитъ печка, *самогорьлка*; нѣтъ души живой при ней, кругомъ пусто, глухо; откуда-бъ взялся огню въ печи въ такой безлюдной стѣны? А горить вѣдь печь огнемъ пламеннымъ, горючимъ—подойти близко къ ней нельзя... Горить — и завидѣвъ Разумъ-Красу, кличетъ добраго молодца, чтобъ пожаловалъ подойти къ ней.

Вотъ подходитъ Разумъ-Краса къ печи; смотритъ передъ ней стоитъ огромный котелъ изъ кости съ водой...

— Чтѣ скажешь мнѣ, печь огненная? чѣмъ служить я могу тебѣ?.. Говори поскорѣй, а не то я поѣду дальше въ путь...

— Помоги, благодѣтель-красавецъ, горю тяжкому моему: вотъ много, много лѣтъ я горю въ пламенномъ огнѣ и сгорѣтъ придется мнѣ такъ... И вода вотъ стоитъ, да не кому затушить огонь водой... Злая вѣдьма Ятагѣ заколдовала меня на все вѣки... Помоги моей бѣдѣ, затуши огонь водою, а зато я тебѣ дамъ бѣленькую булочку хлѣба изъ муки степной, бѣлоснѣжной, и на вкусъ самой сладкой, нѣжной... Пригодится тебѣ хлѣбецъ: злой колдунѣ ты насолишь хорошенько этимъ даромъ моимъ... Вѣтъ у этой Ятагѣ плачетъ печалится по тебѣ твоя лебедка бѣлолицая, голубокая, раскрасавица жена...

Не махнулъ рукой въ отвѣтъ на этотъ разъ Разумъ-Краса, а охотно и усердно взялся помочь горю печки: схватилъ котелъ съ водой и въ минуту погасилъ пламя...

Поклонилась ему печка низко и исполнила свое обѣщанное слово: подарила молодцу бѣлоснѣжную мягкую булочку... Поблагодарилъ ее онъ за такой даръ и — поскорѣй къ сѣрому волчку, и ну просить его прибавить шагу впередъ...

«За такое послушаніе твое, господинъ молодецъ, говоритъ ему волчокъ, я готовъ исполнить твою просьбу и прибавлю шагу на бѣгу... Превращусь я въ птицу красную и полечу по верхамъ лѣсовъ, по окраинамъ горъ...

Сказалъ волчокъ — и превратился въ птицу красную. И полетѣла птица-красная съ Чудо-Разумомъ поверхъ лѣсу, поверхъ горъ и остроконечныхъ земляныхъ скалъ...

Но летѣли они недолго... Спустилась птица на лужекъ зеленый, погулять на берегу ручья... А на томъ лужку паслись гуськи заклѣтые, все чубатые, хохлатые; крыльями чуть машутъ и едва переступаютъ съ мѣста на мѣсто: такъ обросли они перьями въ тысячу годовъ...

Какъ увидѣли гуськи Разумъ-Красу, такъ и бросились все они къ нему... А старшій межъ ними такъ промолвилъ молодцу: Ты летяшь

на красной птицѣ къ бабѣ Ятагѣ спасти жену свою; такъ если хочешь, чтобъ пригодились мы тебѣ на обратномъ пути твоёмъ, помоги намъ освободиться отъ этихъ перьевъ большихъ, которыми мы обросли по заклятію Ятаги... Ощипли на нашемъ тѣлѣ лишнія перья, и ты будешь вправѣ требовать отъ насъ помощи... а помощь наша будетъ великая тебѣ...

Призадумался Разумъ-Краса и не зналъ, вѣрить ли словамъ старшей гусыни, аль смѣяться надъ шутовской рѣчью ея... Но въ ту пору подлетѣла къ нему красная-птица и сказала: «Не задумывайся по пустому, дѣлай то, чего хотятъ гуськи...»

Ощипалъ Разумъ-Чудо лишнія перья у гусей и забралъ ихъ съ собою, по совѣту красной-птицы...

«Благодарю тебя, господинъ молодецъ, сказала Разуму птица, за твое повиновеніе... Я охотно полечу съ тобою дальше въ путь... Садись... пора давно...

Разумъ-Краса сѣлъ на птицу, а птица закружилась, понеслась прямо къ морю волнистому, брызжущему цѣлыми рѣками на берега свои крутые, на песчаные обрывы. Перелетѣтъ птицѣ черезъ море не диво, да какъ-то будетъ дальше... Дальше скала огромная на всю дорогу: нигдѣ ни проходу, ни входу, только мухъ и пауку можно пробраться чрезъ скалу такую...

Вотъ и превратилась птица-красная въ длинноногаго паука и запрятался въ брюхѣ паука Разумъ-Краса: хоть не ловко и не роскошно было сидѣть въ такомъ мутномъ кабинетѣ безъ оконъ, безъ дверей, да для пользы своей Чудо-Разумъ соглашался на все: знать ужъ нужно было такъ, коли волшебный цвѣтокъ помогалъ нашему молодцу въ лицѣ дивнаго богатыря, превращеннаго теперь въ некрасиваго сѣраго паука.

Вотъ ползетъ паукъ длинноногій по высокой скалѣ, все выше и выше ползетъ, вотъ взбирается на верхушку скалы, вотъ сползаетъ внизъ тоненькими своими ножками, и обвился сѣтью прозрачною вокругъ кустарника краснаго деревца... изъ брюшка паука выскочилъ Разумъ-Краса и надивиться не могъ чудной картинѣ, явившейся предъ его глазами...

И не диво: вѣдь онъ все это увидѣлъ послѣ пряткокъ въ брюшкѣ сѣраго паука!.. А картина славная была... Садъ величественный красовался на протяженіи безграничнаго пространства: глазомъ богатыря измѣрить нельзя... Садъ такой, какого не было и у Разума-Красы на Стегляной-горѣ... А деревья и деревца, а кустарники пахучихъ, душистыхъ цвѣтовъ, чудо заглядѣнье! Сколько дорожекъ, тропинокъ, усыпанныхъ изумруднымъ, огнегорящимъ пескомъ! А на деревьяхъ что

за плоды: все золотые, изъ чистаго, яркаго, самороднаго золота и серебра...

Разбѣжались глазки Разума—Красы: самъ не знаетъ чѣмъ любоваться, на что взглянуть, чѣмъ потѣшить печальное сердце свое... Но что всего милѣе и ненагляднѣе въ волшебномъ саду было: — это чудный зеленый, атласный лужокъ: не цвѣты, не трава на немъ зеленѣли, а какой-то бархатистый, мягкій пушокъ, тонкій какъ паутина... А на томъ лужкѣ, на пушкѣ, бѣгаютъ-прыгаютъ кошечки и котенки разношерстные, съ огненными глазками, съ алмазными зубками; то подскочатъ звѣрочки, то кувырнутся клубкомъ, то кружатся-вертятся и ловятъ хвостики свои; то сбѣгутся вдругъ въ одну кучку и давай лизать другъ-другу... таковы ужъ кошачьи ласки!

Заглядѣлся разумъ-Краса на такую *проязу* (продѣлку) чародѣйки Ятагй, родной сестры бабы Яги... и простоялъ бы такъ на одномъ мѣстѣ весь вѣкъ... а пожалуй заманили бы его къ себѣ звѣрочки и сыграли бы съ нимъ штучку, на смѣхъ всему міру подземному, всему люду заклятому... Но отъ такого раздумья пробудилъ его богатырь съ волшебнымъ цвѣткомъ, превратившійся изъ паука въ чуднаго дѣтину-молодца хоть куда...

«Что стоишь, какъ зачарованный? — обратился къ нему съ рѣчью богатырь... Не гляди на этихъ звѣрковъ такъ пристально, а не то какъ разъ увидятъ тебя красу и разбѣгутся по своимъ хаткамъ... Чтобъ играть вмѣстѣ съ ними, мы должны превратиться въ разноцвѣтныхъ котенковъ... Становись возлѣ меня, да держись крѣпко за руку мою...

Подошелъ къ богатырю Разумъ-Краса и взялъ его за руку... Богатырь махнулъ волшебнымъ цвѣткомъ надъ головой Разума-Красы и потомъ своей: и не стало молодцовъ, — а явились вмѣсто нихъ прехорошенькіе котенки, съ огненными глазками, алмазными зубками, да вдобавокъ съ золотистыми хвостиками...

Зарѣзвились новые котенки и побѣжали дружно на лужокъ, поиграть съ бѣленькими кошечками...

«Кррмъ! кррмъ кривавъ!» раздалось между кошечками Ятагй... и давай онѣ обнюхивать пришлецовъ-котиковъ и лизать ихъ мордочки...

Вотъ играютъ вмѣстѣ часъ другой... Вдругъ слышатъ пришлецы-котенки такую рѣчь кошечки одной, прехорошенькой, бѣленькой, какъ свѣжій сыръ...

«Что за котики хорошіе такіе! откуда хвостики у нихъ золотые? Знать не нашего сада жильцы... Не ко мнѣ-ль они съ вѣсточкою о Разумъ-Красѣ моемъ?..

Тутъ котенокъ (богатырь) говорить другому (Разуму-Красѣ): слышшь!.. эта кошечка жена твоя... Чуетъ сердчишко ея, что ты тотъ господинъ, что погубилъ ее своимъ упрямствомъ, непослушаніемъ... Хочешь, я махну цвѣткомъ, и она превратится въ бѣлорусую, голубо-окую, — милую твою жену.

— Какъ не хотѣть:—сталь просить-молить даже о томъ Разумъ-Краса богатыря...

Пожалѣлъ Разума богатырь и вотъ вынулъ изъ-за кожи лапкой цвѣтокъ. Но лишь только онъ хотѣлъ махнуть имъ на кошечку, какъ вдругъ раздался дикій крикъ совы, стража Ятагъ... и всѣ котики и кошечки кубаремъ поскакали по лужку, по мягкому пушку, и запрятались въ свои норки на кровлѣ хатки Ятагъ...

Остались на лужку только два котика—богатырь да Разумъ-Краса. Доложила о томъ сова Ятагъ... Ятагъ взбѣсилась, разсердилась что гарцуки и всѣ прочіе духи—слуги ея осмѣлились пропустить въ садъ такихъ наглецовъ съ того свѣта, гдѣ не можетъ жить вѣдьма подземная... въ тужъ минуту велѣла она привести ихъ къ себѣ...

Но не тутъ то было: никакая сила гарцуковъ и прочихъ подземныхъ духовъ не могла устоять противъ силы волшебнаго цвѣтка изъ скарбницы громовержца Перуна...

Доложила и о томъ сова Ятагъ...

«А! проворчала сердито Ятагъ... Вотъ что! Такъ здѣсь враги мои: Разумъ-Краса и богатырь съ перуновымъ цвѣткомъ... О, злодѣи какіе! Мало того, что спаслись изъ пропастей Стегляной-Горы, да еще прилетѣли сюда беспокоить меня въ моихъ собственныхъ владѣніяхъ. Ну постой-же, Разумъ-Краса! хоть тебя я погублю, если такъ силенъ твой богатырь...

Между-тѣмъ богатырь съ волшебнымъ цвѣткомъ обращается къ Разуму-Красѣ съ рѣчью такой:

«Намъ бѣда вѣдь грозитъ теперь... Разсердилась баба Ятагъ и пожалуй съѣсть живую кошечку бѣлую, красавицу жену твою... Оставайся ты въ кустѣ краснаго деревца: вотъ тебѣ одинъ листокъ моего цвѣтка, спрячь его въ сапогъ лѣвой ноги... да смотри не вѣрь никакимъ словамъ Ятаги, если будетъ она говорить съ тобой, а не то пропадешь ты въ этомъ саду и погубишь свою жену. Сиди въ кустѣ котенкомъ и не трогайся съ мѣста... А я отправлюсь съ цвѣткомъ въ норку бѣленькой кошечки и попытаюсь спасти ее... А то вѣдь ужъ оканчивается срокъ ея наказанію, и если не съѣсть ее Ятагъ, такъ возьметъ бѣдняжку злой отецъ ея, пресловутый чародѣй-колдунъ... Ну,

будь смѣль, не страшись ничего. Я поспѣшу на помощь къ тебѣ. Я съ тобой и въ огонь и въ воду...

Сказалъ богатырь и полетѣлъ мушкой золотокрылой въ норку къ кошечкѣ бѣлой...

«Здравствуй, кошечка! говоритъ онъ ей; я пришелъ спасти тебя. Разумъ-Краса здѣсь въ саду ожидаетъ насъ.

— Ахъ, богатырь ты красавецъ, мой спаситель-благодѣтель! Неужели здѣсь Разумъ-Краса? Такъ, значить, вспомнилъ наконецъ онъ обо мнѣ... Счастье его и мое, что разбилъ онъ стеклянную-стекляницу и освободилъ тебя отъ чаръ Ягаги, а то осталась-бы я сиротою на весь вѣкъ, не видать бы мнѣ Разума-Красы, моего милого мужа... Благодарю тебя, богатырь молодецъ, что не забылъ ты меня въ моемъ горѣ, въ моей тяжелой долѣ... Ты спасти меня пришелъ — знаю; да не такъ-то легко справиться тебѣ съ чаровницей Ягагой... Есть-ли у тебя твой заветный цвѣтокъ?

«Онъ при мнѣ—мой волшебный цвѣтокъ; съ нимъ то я сюда залетѣлъ съ Разумомъ-Красой, а не будь его... не видать-бы мнѣ тебя...

— Ну такъ знай-же, храбрый молодецъ, что ты долженъ прежде отчаровать гуськовъ, печку, яблоню и каменную-бабу—заклятую княгиню, мою милую сестру... Князь съ далекихъ сторонъ пріѣхалъ къ намъ и увезъ сестру съ ея согласія въ свои земли, родовыя владѣнія... А отецъ нашъ, пресловутый колдунъ, чтобъ отомстить старшей дочери, моей милой сестрѣ, *оборотилъ* ее въ каменную глыбу и сослалъ ее къ бабѣ Ягагѣ, а князя голодомъ уморилъ въ подземельи... Вотъ что долженъ сдѣлать прежде ты... Сдѣлаешь—я спасена, а не сдѣлаешь, не отчаруешь,—пропадать мнѣ здѣсь во вѣки вѣковъ...

«Ахъ, красавица бѣлорусая! Я-ль не захочу исполнить такое порученіе? Говори — приказывай, я готовъ на все рѣшиться для спасенія тебя, жены-супруги моего добраго друга, Разума-Чудо-Красы... Я привезу тебѣ по подарку отъ всѣхъ этихъ бѣдныхъ заклятыхъ. Ну, прощай же, голубокая краса! Никакъ замѣшкался я... нужно спѣшить... Прощай, жена друга моего!..

Нарадоваться не могла кошечка красавица такой вѣсти богатыря: отъ радости чуть не отгрызла своего хвостика пушистаго... разыгралась ужъ больно кошечка-крошка.

Превратился богатырь въ чорнаго жучка и полетѣлъ отчаровывать гуськовъ, обросшихъ опять перьями, печку, горящую опять огнемъ пламеннымъ, яблоню, обременную новыми плодами, и наконецъ каменную-бабу, заклятую княгиню, обросшую мхомъ и покрывшуюся пылью...

Прочуяла о томъ Ягага, и пользуясь отсутствіемъ богатыря съ вол-

шебымъ цвѣткомъ, не замѣшкала напасть на Разума-Красу въ-распдохъ всеми силами чаръ и колдовства своего: и любовь и вражда вмѣстѣ закипѣли въ сердцѣ вѣдьмы...

Вотъ что сдѣлала баба Ятага...

Какъ ушелъ богатырь изъ волшебнаго сада, Чудо-Разумъ-Краса, по совѣту друга-покровителя, сѣлъ въ кустарникъ краснаго деревца и сталъ думать думу про свое горькое горе, про несчастное житье-бытье... Передумавъ думу, убаюканый чиликаньемъ волшебныхъ птичекъ, придремнулъ немножко, а листокъ цвѣтка и забылъ спрятать въ сапогъ лѣвой ноги... держалъ въ сжатой рукѣ... Налетѣли гарцуки со всехъ концевъ владѣній Ятаги и всякіе другіе воздушные духи и давай напѣвать на Разума-Красу сонъ тяжкій, глубокой: усыпили молодца... Вотъ является Куйдукъ, старшій гарцукъ, и подкравшись къ молодцу, сталъ щекотать его руку: растворилась ладонь руки, и листокъ цвѣтка очутился въ сапогѣ Куйдука...

Полетѣлъ Куйдукъ къ Ятагѣ и обрадовалъ свою госпожу вѣстью о службѣ своей молодецкой...

Поблагодарила Ятага Куйдука и пошла къ кустарнику краснаго деревца—чаровать спящаго молодца Чудо-Разума-Красу...

«А! Чудо-Краса! самодовольно воскликнула кошачья-голова: теперь ты въ моихъ рукахъ... Будь моимъ,—или не пощажу я твоей красоты и погублю твою молодость безъ сожалѣнія о томъ...

И сказавъ такъ, Ятага поднялась на воздухъ, закружилась, замаяхала крыльями и руками, и спустившись внизъ, обвела кругомъ головы Разума-Красы чародѣйскимъ прутикомъ, изукрашеннымъ какими-то значками и насѣчками... А потомъ свиснула на весь садъ, и со всехъ сторонъ слетѣлись служебные ея духи и сбѣжались чудныя дѣвицы-красавицы,—одна другой краше и пригожѣй...

Вдругъ, откуда взялся, предъ спящимъ молодцомъ силой чаръ Ятаги явился прозрачный весь изъ паутины, не то замокъ, не то палацъ: — чудный неземной дворецъ!

Заиграла музыка; звуки стройныхъ арфъ и гитаръ раздались во кругъ спящаго Разума-Красы... А дѣвицы-бѣлолицы-круглолицы съ распростертыми объятіями прямо бросились къ молодцу и давай его щекотать.

Пробудился молодецъ и не вѣрить видѣнію своихъ глазъ: предъ нимъ цѣлый хороводъ очаровательной красоты дѣвиць... Та манить его къ себѣ, та подбѣжить и улыбнется ему, точно сердце подарить, та кружится и вертится предъ нимъ, будто соблазнить хочетъ Чудо-Красу...

Наконецъ, всѣ красавицы-дѣвицы хороводомъ цѣлымъ окружили молодца, и схвативъ его подъ руки, понесли въ волшебный дворецъ...

Смотрить, да дивится Чудо-Разумъ-Краса; точно сонъ предъ нимъ грѣза... Не видалъ такихъ дивъ никогда онъ на землѣ... Полъ хрустальный по всему дворцу, устланъ коврами изъ живыхъ цвѣтовъ, пахучихъ розъ и фіялокъ... на стѣнахъ изъ паутины висятъ будто картины, но картины-то какія?.. будто живые люди движутся въ рамкахъ золотыхъ: все красавицы... все чудныя красавицы... А по всему дворцу не огни горятъ, не солнце свѣтитъ, а какой-то чудный розовый свѣтъ мигаетъ въ очахъ, и свѣтящіяся, алмазные огоньки летаютъ межъ потолокомъ хрустальнымъ и такимъ-же поломъ...

Принесли, посадили на воздушномъ сѣдалищѣ Разумъ-Красу; а потомъ, при звукѣ невидимой музыки, стали плясать и кружиться съ молодцомъ до-тѣхъ-поръ пока не закружили бѣднаго дѣтину и не отуманили его совѣмъ... Баба Ятага махнула прутикомъ, и исчезли дѣвицы-чаровницы...

Остался молодецъ-Краса да съ нимъ баба Ятага кошачья-голова...

Вотъ подходитъ она къ молодцу и подноситъ ему прохладительный будто напитокъ; молодецъ-Краса, усталый и измученный, съ жадностью схватилъ напой и до капли выпилъ его, — а напитокъ-то былъ волшебный...

Какъ выпилъ Разумъ-Краса, точно весь переродился, ожилъ, бодрость какая-то проявилась въ немъ... Глядь предъ нимъ не кошачья голова Ятага, а красавица чудная; на щекахъ огнемъ горитъ румянецъ, глаза искрами сыплютъ, губы розы свѣжѣй;

Предъ такимъ обличьемъ Чудо-Разумъ остоленѣлъ отъ изумленія, и уста его не могутъ промолвить ни одного словца... Весь дрожа въ какомъ-то дивномъ восторгѣ и обаяніи, онъ склоняетъ свою голову на плечо красавицы и не сводитъ глазъ съ ея коралловыхъ устъ, окаймленныхъ чудною улыбкою...

Молчитъ и какъ безумный смотритъ на такое дивное явленіе... А красавица-дѣвица такъ говоритъ ему...

«Забудь свою невѣрную жену, непокорную рабу... она измѣнила тебѣ и полюбила другаго, богатыря молодца— съ волшебнымъ цвѣткомъ... Ты повѣрилъ богатырю, что пошелъ онъ спасать твою жену... а не знаешь того, что онъ давно съ женой твоей улетѣлъ отсюда и живетъ на томъ свѣтѣ, въ твоёмъ дворцѣ... Вотъ какова твоя жена!! Брось ее, невѣрную.. Полюби меня, Чудо-Краса: я вѣрна тебѣ буду весь вѣкъ, я голубить тебя не перестану во всю жизнь твою, и измѣнить такому молодцу никогда не рѣшусь... Полюби ты только меня... Брось жену...

Слышитъ все это Чудо-Разумъ, что-то хочетъ сказать и не можетъ, только слезы льются у него изъ очей... Жаль ему стало жены...

И повѣрилъ молодецъ оборотню-красавицѣ; забылъ совѣтъ богатыря съ волшебнымъ цвѣткомъ—не вѣрить Ятагѣ... А вся оѣда въ томъ, что забылъ онъ спрятать листокъ отъ этого цвѣтка въ сапогъ лѣвой ноги...

Видитъ злая Ятага сердце Чудо-Разума-Красы, и понимаетъ, что колеблется его душа... Вотъ еще болѣе стала она лъвуть къ нему и сладко-обаятельные рѣчи напѣвать...

«Ты не плачь, не тоскуй, милый мой... Есть о комъ сожалѣть?! Позабудь ее невѣрную... Я люблю тебя!!! Не нахожу покоя безъ тебя...

И съ такими рѣчами наклонилась чаровница-красавица къ самымъ устамъ молодца... Обаянный силами чаръ волшебныхъ, прильнулъ устами онъ къ губамъ Ятаги. Огонь пробѣжалъ по всемъ фибрамъ и венамъ Разума-Красы... И видѣніе исчезло...

Свиснули вѣтры надъ головой Чуда-Разума и взвились вихремъ подъ его ногами... разразились громы со всехъ сторонъ; дождь, пропитанный запахомъ сырости, быстрымъ ручьемъ полился сверху; въ мгновеніе ока не стало чуднаго дворца...

Вѣдьма-Красавица скрылась въ вѣтрахъ и полетѣла-понеслась на тотъ свѣтъ, извѣстить о закланной новой жертвѣ—родича своего, пресловутаго знахаря-колдуна, и потомъ пригласить на волшебный пиръ всехъ сестрицъ-вѣдьмъ и самую старшую сестру, Бабу-Ягу...

А Чудо-Разумъ-Краса какой-то невѣдомой силой очутился въ волшебной хаткѣ Ятаги, строгой совою и разношерстными котенками и кошечками...

Сидитъ, пригорюнившись, бѣдный Разумъ-Краса на жерновахъ каменныхъ, весь закованный въ цѣпи, близъ раскаленной печки, не на радость себѣ молодцу: въ той печкѣ раскаленной горитъ-кипитъ смола на погибель Разуму-Красѣ... Пронадеетъ бѣднякъ ни за что въ смолѣ и не видѣть ему красавицы жены... Неужели-жь жена ушла съ богатыремъ, что съ волшебнымъ цвѣткомъ?!.. Обманула молодца баба Ятага... Жена ждетъ не дожидается его: въ норкѣ кошечкой сидитъ и только думы у нея, что про Разуму-Красу, да его друга богатыря...

А другъ Разума-Красы, богатырь съ волшебнымъ цвѣткомъ, давнымъ давно облетѣлъ жучкомъ все подземныя владѣнія Ятаги и отчаровать успѣлъ гусей, самопалку-печку, яблоню и княгиню, превращенную въ каменный истуканъ... Всехъ избавилъ отъ власти Ятаги, и въ награду за то обѣщали онъ ему свою помощь на возвратномъ пути, а княгиня поклялась быть его женой, если толико онъ спасетъ ей сестру и Чудо-Разума-Красу...

Все тѣмъ же жучкомъ летить богатырь назадъ въ волшебный садъ и прямо къ кустарнику краснаго деревца... Нѣтъ тамъ молодца!.. «А! говорить; плохо!» и махнулъ цвѣткомъ...

И нашло на него знаніе: смекнулъ богатырь, гдѣ сидитъ Разумъ-Краса, и невидимкой-пчелкой прямо въ хатку Ятагѣ...

А въ хаткѣ явился уже съ того свѣта земнаго знахарь-колдунъ и помѣшиваетъ въ печкѣ смолу; ему помогаетъ черный котъ: еще бъ не много позже прилетѣлъ жучокъ богатырь и засталъ бы Разума-Красу въ котлѣ со смолою.

Но вышло наоборотъ... Подлетаетъ пчелка къ Разуму-Красѣ и шепчетъ ему на ушко: «Ну братъ, Разумъ, не разумно поступилъ... потерялъ листокъ отъ цвѣтка... вотъ и сидишь теперь весь въ цѣпяхъ... Но постой, я докажу же тебѣ, что неправду тебѣ говорила баба Ятагѣ... Я спасу тебя и поведу къ твоей женѣ... Давай только мнѣ булочку, черья, яблочки и алмазикъ...»

Слышитъ Разумъ-Краса голосъ богатыря, а не видитъ никого; хочетъ что-то сказать, да языкъ какъ будто на цѣпи... Смотритъ на всѣ стороны, и кромѣ колдуна и чорнаго ката нѣтъ ни души въ хаткѣ...

Вдругъ богатырь махнулъ волшебнымъ цвѣткомъ, и цѣпи распались, Разумъ-Краса какъ будто на крыльяхъ перелетѣлъ изъ хатки на большой садовый дубъ, гдѣ нашелъ жену-красавицу, все такую же какъ была: и пригожа и молода, только слезы изъ глазъ текутъ въ три ручья; такъ обрадовалась бѣдняжка она, увидѣвъ возлѣ себя Чудо-Разума-Красу, своего милаго дружка...

А богатырь-молодецъ сѣлъ на жернова и прикинулся, будто плачетъ...

Вотъ колдунъ подходитъ къ жерновамъ, и несмотря на богатыря, говорить:

— Ну, зятюшка дорогой, пора намъ разсчитаться съ тобою: ты похитилъ у меня дочь, а я зато наказать тебя хочу... Снимай цѣпи...

Цѣпи зазвенѣли и покатались къ ногамъ колдуна...

Въ хаткѣ раздался хохотъ... Чорный котъ пронзительно сталъ мяукать...

Цѣпи, будто живыя, вкочили на колдуна и обвили змѣей во кругъ шеи, рукъ и ногъ его...

Колдунъ заревѣлъ дико—неистово...

— Ну что, тещушка дорогой!.. отозвался богатырь съ волшебнымъ цвѣткомъ... Не пора ль тебѣ сгорѣть въ смолѣ, чѣмъ проказничать на бѣломъ свѣтѣ... Ты готовилъ смолу для Разума-Красы... такъ покунайся жъ въ ней самъ... Пора тебѣ такъ давно!!..

Колдунъ еще страшнѣ заревѣлъ и сталъ метаться на всѣ стороны... Изъ рта его вспыхнуло пламя и тѣма драконовъ налетѣла въ хатку; черныя вороны откуда взялись и стали защищать колдуна...

Но сила волшебнаго цвѣтка была велика... Богатырь махнулъ имъ на весь волшебный мѣръ, хищныхъ птицъ и змѣй, и не стало духу ихъ въ хаткѣ... Тутъ колдунъ попробовалъ еще разъ силы чаръ своихъ; потомъ сталъ звать на помощь Ятагѹ, но Ятагѹ засидѣлась у своихъ воздушныхъ друзей и не слышала мольбы колдуна...

Пропалъ знахарь-колдунъ!! Богатырь согнулъ его въ три дуги и швырнулъ въ котелъ съ вскипяченною смолою... А чтобъ вѣдьма Ятагѹ не узнала отъ чорнаго кота, кто скипятился въ смолѣ, и гдѣ дѣвался родичъ ея—колдунъ, приласкалъ чорнаго кота и сманилъ его въ садъ вмѣстѣ играть: богатырь превратился въ такого-жъ чорнаго кота...

Вотъ, спустя немного времени, раздался по всѣмъ окраинамъ сада запахъ сѣры, и съ громомъ и молніями прилетѣлъ цѣлый гомонъ (общество) гостей къ бабѣ Ятагѣ...

Задастъ пиръ большой баба Ятагѹ... Вѣдьмы хохочутъ и грохочутъ, точно жернова въ мельницѣ... Шумъ, крикъ, гиканье и непотовое веселье слышатся въ хаткѣ волшебной... Засѣли гости пировать...

Баба Ятагѹ угощаетъ гостей человѣчьимъ мясомъ, мясомъ родича своего; горюха—она думаетъ, что то мясо Разума-Красы... Не въ домекъ вѣдьмѣ съ кошачьей головой хитрость—мудрость богатыря...

Наѣлись, угостились вѣдьмы съ Лысой-горы... остались довольны пиромъ Ятагѹ... поблагодарили хозяйку и разлетѣлись каждая въ свои предѣлы; наступала пора явиться на шабашъ—судъ, расправу чинить съ подчиненными духами...

Осталась одна Ятагѹ и вылетѣла въ садъ насладиться любимой забавой: свернула въ клубокъ и покатила по зеленому лужку, по мягкому пушку...

И качаясь говоритъ сама себѣ:

«Покачусь, поважусь, мяса Разума-Красы наѣвшись!..»

А ей кто-то въ отвѣтъ:

«Покатись, повались, мяса родича-колдуна наѣвшись!..»

— Кто это изволить смѣяться? спрашиваетъ Ятагѹ...

Отвѣта не было...

Ятагѹ опять стала кататься по лугу, и опять тоже слышитъ...

Три раза повторился такой же отвѣтъ: «покатись, повались, мяса родича-колдуна наѣвшись.»

Взбелѣла Ятагѹ, услышавъ такія слова въ третій разъ: засвер-

кали ея кошачьи глаза и стала звать гарцуковъ и разныхъ духовъ... Но ни гарцуги, ни духи не являлись, запахъ волшебнаго цвѣтка противень ихъ натурѣ былъ...

Еще болѣе разозлилась вѣдьма... Полетѣла въ норки кошечекъ... Нѣтъ бѣленькой кошечки!..

Кличеть Ятага чорнаго-кота и требуетъ у него отвѣта на вопросы о колдунѣ и Чудо-Разумъ-Красѣ...

Но чорный котъ неохотно исполняетъ волю бывшей своей госпожи: онъ ужъ согласился вмѣстѣ съ богатыремъ перелетѣть на землю и бросить злую бабу вѣдьму Ятагѣ...

А притомъ котъ лакомился булочкою, перьями, яблоками и игралъ съ красивенькимъ алмазикомъ: — ну такъ не до отвѣта, вишь, было ему...

«Котикъ-братикъ! чорненькій-усатикъ! стала просить его Ятага... Скажи мнѣ, мой котикъ, что такое слышала я сейчасъ въ саду?... Аль и вправду я наблась мяса колдуна?... Гдѣ же Разумъ-Краса?..»

— Постой, бабка, съѣмъ булочку...

Спустя нѣсколько времени, баба повторила просьбу...

— Постой бабка! съѣмъ яблоки... и оближу кровь на перушкахъ...

Баба въ третій разъ спрашиваетъ кота...

— Постой, говорить, поиграю съ алмазикомъ...

Такъ мучить Ятагѣ чорный-котъ и время мало-по-малу уходитъ... Богатырь, Чудо-Разумъ-Краса и его красавица жена сидятъ на дубѣ и ждутъ гусей...

Смекнула Ятага, что улетитъ богатырь съ Разумомъ-Красою и его женою: что дѣлать? Котъ не слушаетъ ея просьбы...

Оборачивается Ятага въ острую пилу и давай пилить дерево-дубъ, чтобъ погубить Разума-Красу и его жену...

Вотъ ужъ чуть-чуть держится дубъ на корнѣ: вотъ шатается, вотъ — вотъ повалится... вдругъ летятъ гуси и прямо къ дубу: — забрали богатыря, Разума-Красу и его жену... тамъ же пріютился и вѣрный слуга-дѣтина, бывший чорный котъ.

Богатырь махнулъ цвѣткомъ, и пила переломила... дубъ повалился на лугъ и раздавилъ колдунью...

Завизжала, застонала пила, или лучше баба Ятага... и провалилась въ пропасть огненную...

Засверкали огоньки, разбѣжались кошечки и котки: все дѣвицы-молodiцы и красавицы-молodiцы!

Разразились перуны, пронеслась молнія страшнымъ пламенемъ по окраинамъ сада, — и не стало чудаго сада...

Баба Яга превратилась въ бездонный, великій океанъ...

А богатырь и его спутники понеслись, полетѣли и на пути забрали съ собою самопалку печку, многоплодную яблоню, и наконецъ, раскрасавицу княгиню...

Обняла княгиню сестру и поблагодарила за спасеніе сестры богатыря... Богатырь обнялъ княгиню, и княгиня поклялась вѣчно быть его женой...

Полюбила княгиня богатыря, богатырь полюбилъ княгиню...

По дорогѣ—заглянули въ Стекляную-гору и забрали мѣдный котель съ алмазами и яхонтами...

Прилетѣли все на Стекляную-Гору, развоенную и разрушенную... Богатырь махнулъ цвѣткомъ и — опять предъ Разумомъ-Красой явился замокъ его чудный, съ золотыми палатами и красивыми садами...

И поселилась въ замкѣ вся семья родная: — богатырь и Чудо-Разумъ-Краса, его жена и княгиня, жена богатыря...

Созвали гостей и задали пиръ великій, пиръ такой, какого не видѣлъ я и у князя-князевича, молоде-королевича: пилъ я тамъ птичье молоко . и веселился я на Стекляной-горѣ...

8. ЮРЬЕВЪ-ДЕНЬ.

Народные обычаи и повѣрья по случаю этого дня.

Юрьевъ-день чуть ли не во всей Россіи пользуется особеннымъ значеніемъ, доказательствомъ извѣстная пословица русская: «вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ-день!»

Но особенно Юрьевъ-день чтятъ въ Бѣлоруссіи... Простонародье мѣстное ознаменовываетъ его празднованіемъ и пѣніемъ пѣсень, въ которыхъ упоминается о Юрьѣ... Мало того, наканунѣ Юрьева-дня совершаются какіе-то языческіе обряды *, ясно говорящіе о древнемъ значеніи этого дня и дающіе поводъ думать, согласно съ г. Мацѣвскимъ **,

* См. Жур. Мин. Нар. Просв. 1846. г. Прибавл. кн. 4., мою статью: Бѣлорусск. Народ. Повѣрья, № XXX, *Ляля*.

** Niezaropinajki, 1844 г.; статья Мацѣвскаго: *Swięta Polakow Pogan*, стр. 35, 36.

что прежде, во времена язычества славянскаго, день этотъ извѣстенъ былъ подѣ именемъ *Юра или Яра*, но въ-послѣдствіи, со введеніемъ христіанства, къ этому дню приуроченъ день памяти Георгія или, какъ выражается простонародье, Юрья.

Какъ бы то ни было, только Юрьевъ-день до-сихъ-поръ празднуется какъ день обрядный. Народъ бѣлорусскій вѣритъ, что Юрій — покровитель скотоводства и охраняетъ скотину домашнюю отъ всякихъ чаръ и привораживаній вѣдьмъ и огненныхъ змѣевъ, высасывающихъ у коровъ молоко *.

Кромѣ-того, думаютъ бѣлоруссы, что св. Юрій охраняетъ лѣса, гдѣ пасутся стада, и считаютъ его покровителемъ лѣсныхъ птицъ.

Но главная замѣчательность Юрьева-дня вотъ въ чемъ...

Въ Юрьевъ-день, первый разъ выгоняютъ на пастбища домашній скотъ. Для этого, завременно, къ Юрьеву-дню стараются найти честнаго, пожилаго *пастуха*; перѣдко одинъ и тотъ же пастухъ избирается въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. И такой пастухъ пользуется большимъ уваженіемъ всей деревни, уваженіемъ не потому только, что этотъ пастухъ обыкновенно бываетъ опытенъ, но потому, что онъ славится какъ извѣстный *знахарь* **. Нужно замѣтить, что эти бывалые пастухи очень дѣльные самоучки ветеринарные лекаря: имъ знакомы свойства травъ и разныхъ кореньевъ, и потому очень часто они удачно вылечиваютъ заболѣвшую скотину.

Въ-слѣдствіе такого уваженія, пастуху стараются всячески во всемъ угождать и нерѣдко исполнять все его прихоти. И не удивительно: ему вѣряютъ всю свою домашнюю скотину, очень важный источникъ сельскаго продовольствія и, пожалуй, богатства; не угоди чѣмъ-нибудь пастуху, онъ (говоритъ бѣлорусскій народъ) зачаруетъ тебѣ твою корову, и не дастъ она молока, загубитъ теленка, или *подчумитъ* (подкурить) овцу и не дастъ она тебѣ шерсти, пригодной въ хозяйствѣ.

Въ Юрьевъ-день, отправляя пастуха съ стадомъ скота на пастбища, вся деревня проводитъ его на поле съ освященнымъ хлѣбомъ, рожью, и разнымъ печивомъ изъ мяса, также съ сыромъ и копченымъ свинымъ саломъ. Какой-нибудь почтенный старикъ окропляетъ святою водою весь скотъ, и даритъ пастуху просфору, переданную ему во-время молебствія священникомъ, какъ напутственный хлѣбъ...

Скотину обыкновенно сгоняютъ въ одинъ дворъ, къ пастуху, и

* См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 г. Прибавл. кн. 1., мою статью: Бѣлорус. Народ. Преданія, слово *Цмокъ*.

** См. Мо наптяннъ 1853, № 5., статья о *вожвалакахъ*.

когда сойдутся всѣ хозяева, пастухъ три раза обходить со стадомъ вокругъ дома своего, и потомъ гонить скотину чрезъ разобранный заборъ, а не чрезъ ворота; у забора бросаютъ замкнутый замокъ и куриныя яйца, при чемъ наблюдаютъ, которое изъ животныхъ переступитъ чрезъ замокъ и которое чрезъ яйцо... и изъ этого выводятъ заключеніе о плодовитости коровъ и овецъ, о состояніи здоровья скота и проч.

Гоня стадо, пастухъ наблюдаетъ, чтобъ не встрѣтиться на поляхъ съ какою-нибудь старухою; въ случаѣ подобной встрѣчи, пастухъ бросаетъ на старуху горохъ и перегоняетъ скотину на другія пастбища...

А чтобъ на стада не нападали волки, для этого пастухъ обязанъ поймать наканунѣ Юрьева-дня одного волка, и живаго, связаннаго тащить за собою до самаго мѣста пастбища... Простонародье вѣрять, что волки, обнюхавъ слѣды пойманнаго своего собрата, не смѣютъ заходить въ тѣ мѣста. Если же пастухъ не можетъ поймать волка, то долженъ добыть какъ-нибудь хоть шерсти волчьей, и привязавъ ее къ веревочкѣ, тащить по дорогѣ до мѣста пастбища...

Пастухъ, особенно если онъ уже бывалый и нѣсколько лѣтъ пастеть въ одной и той же деревнѣ, знаетъ на перечетъ всѣхъ животныхъ, пасущихся у него, и зоветъ ихъ имъ самимъ придуманными именами... Животныя до того привыкаютъ къ пастуху, что на малѣйшій зовъ, кличку его сбѣгаютъ въ одинъ кружокъ и безъ позволенія своего пастуха не смѣютъ тронуться съ мѣста. Оттого-то бывалые пастухи не нуждаются въ такъ-называемыхъ *подпасычахъ* (помощникахъ) и сами, одни, управляютъ съ ввѣренными имъ стадами...

У каждаго пастуха есть свои любимцы и любимицы: есть коровка бурая или гнѣдая, есть волкъ лысый или бѣлобокій, есть *овечечка*, ласкающаяся къ своему патрону... И всѣмъ имъ даетъ пастухъ разныя нѣжныя имена: кого *чурочкою* назоветъ, кого *рябчикомъ* кличетъ, кого *куцылг* дразнитъ... Есть свои любезности между пастухами и скотами; есть разговоры между ними.. Вотъ пастухъ отдыхаетъ у куста вербъ или лиственницы..., манитъ къ себѣ любимицу-коровку: та съ мычаньемъ какимъ-то сладкимъ, точно къ матери родной, подбѣгаетъ къ пастуху, и махая хвостомъ отъ радости и животнаго восторга, лижетъ руки, голову, и даже лицо добраго человѣка... А человекъ вступаетъ въ разговоръ съ скотомъ, и лаская, милая его, ведетъ рѣчь-бесѣду съ нимъ, словно понимаетъ онъ рѣчь людскую, живое слово разумнаго творенія...

И счастливъ пастухъ бесѣдой такой: его ласкаютъ, его любятъ животныя, эти ручныя звѣрки; они цѣнятъ его заботы, его вниманіе; они умѣютъ по-своему благодарить добраго человѣка: кто полижетъ

руку, кто замычить радостно и замашетъ хвостомъ, кто прильнетъ къ нему спиной и потрется вокругъ него своимъ брюшкомъ... Доволенъ пастухъ, и кого покормитъ хлѣбцомъ, а кому и пирожка, аль печива какого поднесетъ...

Вѣчнымъ, не измѣннымъ спутникомъ пастуха его вѣрная, большая собака, а подчасъ и нѣсколько собакъ...

Собака не отходитъ отъ пастуха ни на шагъ; она вѣрный его стражъ; лежитъ съ закрытыми глазами и будто не видитъ и не слышитъ ничего, а пусть-ка кликнетъ пастухъ, пусть-ка пошлетъ ее собрать скотину въ одинъ кружокъ: въ тужъ минуту бросится она со всѣхъ ногъ, разнесетъ приказаніе пастуха по всѣмъ окраинамъ пастбища, и раздастся, залѣтся звонкимъ, веселымъ лаемъ; такъ и видно, что охотно исполняетъ волю господина.

И весело на душѣ у пастуха, и не на радуется онъ своей семьѣ, собравшейся вокругъ него; улыбка искренняя, привѣтная говоритъ ясно, что у пастуха свѣтло, весело на душѣ. Счастливый пастухъ!..

Съ закатомъ солнца, пастухъ сзываетъ всю свою семью и спѣшитъ домой сзади за нею... Полныя, круглыя коровы едва идутъ и переваливаются съ ноги на ногу; волы заигрываютъ съ баранами; овцы прыгаютъ и шалютъ съ молоденькими барашками... Всѣ довольны, всѣ рады по своему, по скотскому... Радъ и доволенъ пастухъ, а еще болѣе веселитъ его вѣрная собака: она то забѣгаетъ напередъ пастуха и скачетъ не наскочетъ предъ нимъ, то вертится кружкомъ по сторонамъ стада, то останется сзади пастуха и обнюхиваетъ какую-то собачью траву, а потомъ бѣжитъ въ запуски по слѣдамъ пастуха, и опять ласкается къ нему, опять лижетъ его руки, опять заигрываетъ съ нимъ...

Вотъ ужъ нѣсколько шаговъ осталось до деревни, вотъ проходятъ послѣднія поля хозяйскія... А пастуху навстрѣчу попадаются красныя-дѣвицы, звонко-голосыя пѣвицы...

Идутъ онѣ хороводомъ привѣтствовать пастуха съ счастливымъ началомъ дѣла, и подносятъ ему разные подарки, кто поясокъ дарить, кто *оборы* (нѣчто въ родѣ веревочекъ или ремней, которыми привязываютъ къ ногамъ лапти...), кто ленточку и разныя другія вещи.

Пастухъ приостанавливается съ стадомъ въ виду самой деревни, и садится вмѣстѣ съ дѣвушками на травѣ...

Дѣвушки собираютъ на травѣ росу и умываются ею... Потомъ кружатся хороводомъ воздѣ пастуха и начинаютъ кувыркатся...

* Замѣтьте, это бываетъ только въ Юрьевъ-день.

Затѣмъ пастухъ встаетъ и всѣ спѣшать домой...
Хороводъ дѣвицъ, приплясывая, поетъ слѣдующую пѣсню:

Ой иду я на улачку, а бычки бушуюць:
Юрѣя! Юрѣя!.. бычки бушуюць...

Бычки бушуюць, ба весну чуюць...
Юрѣя! Юрѣя! ба весну чуюць...

Зашумѣли рѣчки, леды паплыли:
Юрѣя! Юрѣя! леды паплыли...

Зачарнѣла зямліца, ба паарали,
Юрѣя! Юрѣя! ба паарали...

Зазеленѣла берѣза ба папукалася...
Юрѣя! Юрѣя! ба папукалася...

Завеселѣла дубѣрава: пташки сьпѣваюць:
Юрѣя! Юрѣя! пташки сьпѣваюць...

Зазеленѣла долица: квѣтки зацвилі...
Юрѣя! Юрѣя! квѣтки зацвилі...

Ой выду я выду квѣтки збираць:
Юрѣя! Юрѣя! квѣтки збираць...

Квѣтки збираць, вянѣчки виць:
Юрѣя! Юрѣя! вянѣчки виць...

Вянѣчки виць, Юрѣя сьпѣваць...
Юрѣя! Юрѣя! Юрѣя сьпѣваць...

(Ой иду я на улицу, а воли шалють, играютъ. Юрій! Юрій!
воли шалють, играютъ... Воли играютъ, потому-что чувствуютъ
весну: Юрій! Юрій! чувствуютъ весну. Зашумѣли рѣчки, сбросили съ
съ себя ледъ... Почернѣла земля, потому-что ее вспахали...: Юрій!
Юрій! потому-что ее вспахали. Зазеленѣла береза, потому-что распу-
стились почки на ея вѣтвяхъ: Юрій! Юрій! потому-что распустились
почки на ея вѣтвяхъ... Повеселѣли лѣса...: птички въ нихъ поють ...
Юрій! Юрій! птички поють... Зазеленѣла долина; цвѣтки зацвѣли:
Юрій! Юрій! цвѣтки зацвѣли... Ой, пойду я пойду цвѣтки собирать:
Юрій! Юрій! цвѣтки собирать... Цвѣтки собирать, вѣнки вить: Юрій!
Юрій! вѣнки вить... Вѣнки вить, Юрѣя прославлять (воспѣвать):
Юрій! Юрій! Юрѣя прославлять.

Поющихъ дѣвушекъ и пастуха со стадомъ хозяинъ дома (при которомъ живетъ пастухъ) встрѣчаетъ верхомъ на лошади и бросаетъ зерновѣй хлѣбъ на скотину...

Дѣвушки стараются подхватить хоть по зернышку, которое потомъ прячутъ у себя до того времени, пока сами не сдѣлаются хозяйками, т. е. пока не выйдутъ замужъ...

Потомъ дѣвушки кружатся возлѣ лошади, и поклонившись сидящему на лошади хозяину, поютъ:

Разыграйся Юра-коникъ

Залаценьки коникъ!

Разби камень капыцѣйкамъ

Пригожи коникъ!

У томъ камени ѡдзерка есьць...

Милы коникъ!!

Нехай же пастушокъ лго зѣсьць...

Нашъ ты коникъ!

Разыграйся Юра-коникъ!

Залаценьки коникъ!

Разби камень капыцѣйкамъ

Пригожи коникъ!

У томъ камени щасьце есьць...

Милы коникъ!

На наши нивки нехай Юра сашлѣць...

Ты нашъ коникъ!

(Разыграйся Юрьевъ коникъ, золотенькій коникъ! Разбей камень копытикомъ, красивый коникъ!—Въ камнѣ, въ срединѣ, есть ядрышко: милый коникъ! Пусть съѣстъ его пастушокъ: ахъ, ты нашъ коникъ!.. Разгуляйся Юрьевъ коникъ, золотенькій коникъ! Разбей камень копытикомъ, красивый коникъ! Въ томъ камнѣ хранится счастье, милый коникъ! Пошли, Юрій, счастье на наши поля! Ахъ ты нашъ коникъ!)

Тѣмъ оканчивается обрядность Юрьева-дня. Вечеромъ у пастуха бываетъ пирушка.

9. МОЛОДИКОВАЯ-НЕДѢЛЯ.

Мѣстный очеркъ.

Знаете ли вы, читатель, или по-крайней-мѣрѣ, слышали ль вы, что значить — *молодиковая недѣля*? Я думаю, не знаете, если вы никогда не бывали въ бѣлорусскомъ краю.

Вотъ видите ли, молодиковая недѣля значить — первое воскресенье послѣ новолунія, въ которое совершается богослуженіе въ церкви, или въ часовнѣ, хранящей въ себѣ чудотворный образъ Божіей Матери.

Въ это-то воскресенье, въ той деревнѣ или мѣстечкѣ, гдѣ совершается богослуженіе въ честь явленной чудотворной иконы, бываетъ большоѣ стеченіе народа, не только изъ сосѣднихъ деревень и городовъ, но даже, нерѣдко, изъ отдаленныхъ губерній Россіи... Стекается народъ не только простой, но очень часто такъ-называемый знатный, магнатскій. Всѣхъ влечетъ туда одно чувство искренней вѣры въ помощь Заступницы Небесной; всѣхъ ведетъ въ непроходимыя лѣса и глухія мѣста надежда на полученіе исцѣленія отъ болѣзней и тяжкихъ страданій; всѣхъ зоветъ, наконецъ, туда голосъ совѣсти, внушающій исполненіе обѣта, даннаго Богу во-время безотраднaго состоянія души.

Мѣста, ознаменованныя чудотворнымъ явленіемъ Небесной Заступницы извѣстны въ Бѣлоруссіи подъ именемъ *Прощь* или *Просьча*. Просьча или проща значить то мѣсто, въ которомъ мы обращаемся къ Святой Покровительницѣ съ просьбою, съ молитвою.

Эти прощи существуютъ почти во всякомъ уѣздѣ, мало-того, почти въ каждой главной деревнѣ или мѣстечкѣ бѣлорусскаго края.

Чтобъ познакомить читателей съ подобными прощами, я постараюсь описать одну изъ нихъ, и разскажу, какъ проводятъ въ Бѣлоруссіи молодиковыя недѣли; при чемъ буду имѣть въ виду и описаніе самой мѣстности той прощи, о которой буду говорить въ предлагаемомъ характеристическомъ очеркѣ.

Я хочу говорить о кривицкой прощѣ.

Въ минской губерніи, случкомъ уѣздѣ, въ завшицкомъ приходѣ есть деревня *Кривичи*, принадлежащая князьямъ Витгенштейнамъ.

Здѣсь не мѣсто распространяться о древнемъ значеніи этой деревни, такъ ясно напоминающей объ остаткахъ оселищъ русско-славянскихъ кривичей, — объ этомъ будетъ сказано въ особой статьѣ о Бѣлоруссіи; слѣдуетъ только замѣтить, что деревня эта носитъ первобытное названіе, данное ей еще въ XIII вѣкѣ, именно названіе *Куничной*; сосѣдніе поселяне до-сихъ-поръ называютъ кривичанъ куничными.

Деревня лежитъ на опушкѣ сосноваго лѣса; у подошвы ея стелется раскинутая пелена луговъ, полей и мелколиственныхъ кустарниковъ, кой-гдѣ окаймленныхъ ручейками и крошечными протоками.

Почти въ виду самой деревни, на довольно значительномъ возвышеніи, окруженномъ досчатымъ заборомъ, скромно выглядываетъ изъ-за высокихъ, довольно старыхъ сосенъ и березъ маленькая, деревянная, двухкупольная церковь, на каменномъ основаніи.

Направо отъ церкви устроена маленькая часовня, или, какъ говорятъ въ Бѣлоруссіи, *каплицца*, — которая составляетъ необходимую принадлежность всякой прощц. Каплицы эти обыкновенно безъ дверей, но съ открытымъ окномъ, изъ котораго видна копія той чудотворной иконы, подлинникъ которой хранится въ самой церкви.

Налѣво — небольшое зданіе, называемое *старожовкою*, въ которомъ ночуетъ сторожъ.

Вокругъ церкви, по всему погосту растутъ безчисленные деревья, составляющія почти лѣсъ; даже самыя дорожки и тропинки также унылы и мрачны, какъ и тѣ, которыя обыкновенно встрѣчаются въ непрочищенныхъ рощахъ. Между деревьямъ, кой-гдѣ навалены груды камней, обросшихъ буеракомъ и мхомъ; мѣстами встрѣчаются небольшія насыпи, курганчики — и могилы, осѣненные кустами дикой розы и сѣрыми, деревянными крестами.

Такая обстановка погоста придаетъ прощѣ что-то таинственное, и невольно приводитъ на мысль бѣлорусское народное преданіе, что всѣ прощц въ Бѣлоруссіи, по волѣ Промысла, сами-собою явились на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде, въ языческія времена нашихъ предковъ, совершались различныя *паганскія* (идолопоклонническія) служенія и жертвоприношенія въ капищахъ, храмахъ, или на открытомъ воздухѣ, въ густыхъ, таинственно-мрачныхъ лѣсахъ, или, наконецъ, на возгорьяхъ, пригоркахъ и вообще значительныхъ возвышеніяхъ, извѣст-

ныхъ подъ именемъ *городищъ*. Въ подтвержденіе такого преданія можно привести то обстоятельство, что при раскапываніи подобныхъ городищъ, не разъ находили нѣкоторыя орудія, употребляемыя нѣкогда славяно-русскими языческими жрецами при обрядахъ кумирнаго богослуженія *. Въ-послѣдствіи времени, со введеніемъ христіанства, желая привлечь языческой народъ къ богослуженію христіанскому, правительство строило на мѣстахъ прежняго языческаго служенія храмы и часовни, для служенія Богу истинному **.

Внѣ ограды погоста, у подошвы горы, съ одной стороны, именно съ самаго проѣзда къ прощѣ, нестрѣютъ дикіе кустарники и зеленѣютъ луга, кой-гдѣ пробиваются участки обработанныхъ крестьянскихъ полей, между которыми извивается довольно гладкая дорога, проложенная къ церкви изъ села *Завшичь*; съ другой открывается видъ густой осино-вой роши, отдѣленной отъ подошвы возвышенія прощю ухабистыми и какъ бы изрытыми берегами какого-то протока ***; съ третьей продолжается возвышеніе, еще болѣе заросшее дикимъ, непрочищеннымъ лѣсомъ, чѣмъ самый погостъ; — съ четвертой, у самаго обрыва возвышенія красуются цвѣтистыя, душистыя, пастбища, при видѣ которыхъ легко вообразить наслажденіе тѣхъ животныхъ, которымъ позволяется питаться такими ароматическими травами...

Съ разсвѣтомъ дня, вся дорога завшицкая наполняется богомольцами. Прежде всего, изъ сосѣднихъ деревень: Чижевичъ, Чапличь, Царовець, Романова, Иваничъ, Прусь, Погоста, Доросина—тянутся возы и брички съ поселянами, однодворцами и окольною шляхтою. Потомъ являются карафашки и буды съ горожанами и горожанками изъ Слуцка, Грозова, Пырашева, Хотлянъ, Игуменя и даже Минска. Наконецъ, въ 10 часовъ утра, проѣзжаютъ и коляски, а иногда и кареты изъ сосѣднихъ губерній. Впрочемъ, главную часть модельщиковъ составляютъ жители и помѣщики означенныхъ деревень и городовъ.

Большая часть собравшагося народа располагается у протока, и по-

* Напримѣръ каменные молотки, топоры, какіе-то сосуды въ родѣ мисокъ. Всѣ эти орудія описалъ Гр. Тышкевичъ, извѣстный бѣлорусскій ученый. (См. Его *Badania archeologiczne*, стр. 31, 32).

** См. *Собраніе актовъ* минской губерніи.

*** Одинъ кривичскій старожилъ рассказывалъ мнѣ, что когда-то здѣсь была рѣчка и называлась *Кривичкою*; но въ послѣднее время она высохла и вмѣсто ея остался только небольшой протокъ — *Кривча*.

ка звонъ колокола призоветъ къ молитвѣ, переодѣвается и прогуливается вокругъ прощя по красивымъ, цвѣтущимъ окраинамъ ея *.

Но вотъ раздался первый звукъ колокола... Народъ суетится, спѣшитъ со всѣхъ концовъ, какъ муравьи, и пробирается къ погосту...

Звукъ колоколовъ усиливается; — погостъ наполняется народомъ все болѣе и болѣе, такъ что, наконецъ, становится тѣсно, и запоздалый богомолецъ долженъ довольствоваться мѣстечкомъ внѣ ограды прощя...

Входятъ въ церковь—нѣкоторые, потому—что всѣмъ невозможно помѣститься въ маленькой церкви...

Внутренность церкви озаряется безчисленными огнями восковыхъ свѣчей, привезенныхъ, или принесенныхъ усердными богомольцами... Народу столько, что буквально нельзя птичкѣ пролетѣть межъ плечъ и даже головъ молящихся; священнослужитель съ трудомъ выходитъ на средину, для совершенія извѣстныхъ обрядовъ священнодѣйствія.

Церковныя двери растворены настежь, на паперти неменѣе народа, какъ и въ самомъ храмѣ...

Всѣ молилось, все преклоняло колѣни и падало ницъ предъ Всемогущею Заступницею; одни стояли съ обращеннымъ къ иконамъ взоромъ, и ударяя себя руками въ грудь, со вздохомъ повторяли молитву мытаря; другіе, болѣею частью женщины, лежали ничкомъ, съ распростертыми руками, и шептали покаянные псалмы; даже дѣти постоянно клали поклоны и усердно, искренно твердили молитву Господню...

Отрадно и весело было на душѣ среди такой искренней, чистой молитвы народа къ Премудрому и Всеблагому Создателю... Я давно не испытывалъ такого дивнаго восторга души; жизнь столичная надолго разлучала меня съ родными мѣстами Бѣлоруссіи, гдѣ я провелъ первые, чудные годы дѣтства, гдѣ впервые испыталъ столько радостей и наслажденій въ кругу родныхъ и близкихъ сердцу людей... Какъ невыразимо—отрадно было предаваться этому младенческому обаянію, доступному сердцамъ бѣлорусцевъ въ—теченіе всѣхъ періодовъ жизни, до самой могилы!

Мнѣ вспомнились тѣ чудные дни, полные неописаннаго веселья и понятнаго только тому, кто самъ это испыталъ, дни, въ которые я спѣшилъ на каникулы изъ губернскаго города въ отдаленный уѣздъ, и

* Я описываю стеченіе народа на богомолье въ лѣтнее время. Зимой меньше бываетъ народа.

могъ съ полною свободою разъѣзжать по деревнямъ и селамъ, гдѣ по какой-то страстной, безотчетной охотѣ къ изученію народныхъ повѣрій и сказокъ, прислушивался къ звукамъ гармоническаго, пѣвучаго бѣлорускаго языка, записывалъ слова и рассказы изъ устъ поселянъ домо-рошенныхъ *баяновъ* и *знахарей*, пробирался въ бѣлорусскія *хаты* и *клѣтки*, находилъ удовольствіе бесѣдовать за скромной деревенской трапезой съ сѣдолосыми стариками и морщинистыми старухами... Что влекло меня туда, въ эти хижины бѣдныхъ людей? Не знаю... я любилъ этихъ добрыхъ людей, я находилъ отраду въ ихъ, медленномъ, лѣнливомъ разговорѣ, въ ихъ пѣсняхъ, пословицахъ и поговоркахъ; мнѣ весело было жить съ ними, дѣлиться чистыми восторгами ихъ души; мнѣ не хотѣлось уходить изъ ихъ хатъ, мнѣ жаль было разставаться съ ихъ углами, гдѣ я слышалъ столько дивъ и чудесъ о князьяхъ заколдованныхъ и княжнахъ *зачарованныхъ*, о кладахъ не доступныхъ и стерегущихъ ихъ чуднцахъ, о волшебныхъ подземельяхъ и знахаряхъ-колдунахъ... Сколько новаго, невѣдомаго мнѣ за школьной скамьей, я узналъ въ этомъ народномъ училищѣ, богатомъ разнородными предметами и науками о родной землѣ и языкѣ, о древнемъ житьѣ-бытьѣ предковъ, дѣдовъ, о переворотахъ въ разныя эпохи исторіи Западной-Руси.

И я забывалъ съ ними о губернскомъ городѣ, о товарищахъ по школѣ, о знакомыхъ и даже родныхъ... я жилъ съ ними, я росъ между ними... И я часто молился съ ними подъ однимъ кровомъ, гдѣ-нибудь въ глуши, вдали отъ всѣхъ *книжниковъ* и мудрецовъ мірскихъ, въ скромномъ, уединенномъ деревенскомъ храмѣ... Я былъ счастливъ, я былъ восторженъ, потому-что могъ молиться искренно, тепло, горячо. А какъ часто потомъ... на душѣ у меня было тяжело: я былъ въ свѣтѣ, веселился—но молиться не могъ уже такъ, какъ молился въ Бѣлоруссѣмъ родной, подъ сосновой кровлей, осѣненной вѣковыми дубами и густыми елями... Какъ все измѣнилось съ-тѣхъ-поръ... Сколько бурь и непогодъ пролетѣло надъ головой моею: было время—я страдалъ безъисходно, сердце покоя не находило, и въ блестящихъ салонахъ я не видалъ отрады. Какъ тяжело было тогда!

Но теперь, — я опять въ родномъ краю, вдали отъ столицы, у подножія давно-видѣннаго мною алтаря и въ душѣ моеи пробудились восторженные минуты первой юности-дѣтства: мнѣ отрадно, весело... Я опять могу молиться... межъ родныхъ людей, бѣлорусскихъ *господарей*... Откуда взялась теплота прежняя въ душѣ; въ сердцѣ кровь ожила... Я молился въ бѣлорусскомъ деревенскомъ храмѣ... Какое свѣтлое воспоминаніе!..

Но вотъ масса народа заколебалась, раздвинулась и въ храмѣ образовалась пустота... Всѣ стали выходить, чтобъ дать мѣсто пройти духовенству и причту съ хоругвями и крестами: то былъ крестный ходъ по окончаніи литургіи.

Впереди шелъ почтенный пастырь съ евангеліемъ въ рукахъ; предъ нимъ два младшіе священника несли чудотворный образъ Богоматери; народъ, при видѣ этого образа, палъ ничкомъ и шестіе на нѣсколько минутъ остановилось...

Желая оказать снисхожденіе усерднымъ богомольцамъ, пастырь далъ народу время выразить свою преданность къ Небесной Заступницѣ и сталъ читать евангеліе... Народъ, стоя на колѣняхъ, съ поднятыми вверхъ руками, молча и благоговѣнно-восторженно слушалъ чтеніе старца и вливался взорами въ иконопись лика чудотворнаго образа...

Чтеніе кончилось, — ходъ продолжался, но народъ, не вставая съ своихъ мѣстъ, слѣдилъ за скрывавшимся въ чашѣ деревъ образомъ и въ благочестивомъ настроеніи ожидалъ возвращенія пастыря на прежнее мѣсто. Нѣкоторые, особенно женщины, по данному обѣту, на колѣняхъ слѣдовали за образомъ, заставляя тоже дѣлать и малютокъ—дѣтей своихъ...

Ходъ повторился трижды и вотъ пастырь съ клиромъ остановился у каплицы и сталъ читать евангеліе... Народъ валомъ прильнулъ къ каплицѣ и въ возможномъ, почтительномъ отдаленіи отъ пастыря припалъ къ землѣ...

Наконецъ, пастырь пропѣлъ славословіе Пресвятой Богоматери, и народъ, настроенный пѣніемъ къ высокому, благоговѣнному чувству, огласилъ все поднебесье прощя пзвѣтнымъ по всей Бѣлоруссіи гимномъ:
подъ покровъ твой, Богородице, прибѣгаемъ!..

Картина была величественная, какую только можно встрѣтить въ бѣлорусскомъ краю во-время молодиковыхъ недѣль...

Мною овладѣло какое-то непонятное, давно забытое чувство; въ душѣ моей происходило что-то особенное, необыкновенное... колѣни мои невольно согнулись и я сталъ пѣть знакомый мнѣ въ дѣтствѣ гимнъ. Какъ счастливъ я былъ въ эти минуты!

По окончаніи крестнаго хода, нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ отправились домой, но бѣльшая часть народа, по-преимуществу проетаго, осталась тутъ-же на погостѣ и внѣ погоста, по окраинамъ возвышенія, — и возвратилась домой къ вечеру.

За оградой погоста явились нѣкоторые промышленники съ товарами, съ сластями, пряниками, даже съ живыми курами, гусями и тому подобное; словомъ импровизировалась небольшая сельская ярмарка, безъ шума, безъ крика, ничуть впрочемъ непохожая на описанную мною *. Цѣль этой ярмарки очень простая—чтобъ доставить возможность пріѣхавшимъ изъ далекихъ мѣстъ поселянамъ, въ случаѣ нужды, купить что-нибудь для дневнаго продовольствія...

Оставшіеся расположились хороводами на курганахъ, и на разостланномъ обрусѣ поставили разныя печива и сырыя закуски **.

Но пусть себѣ кушаютъ эти оставшіеся на погостѣ и вокругъ погоста, а мы заглянемъ въ хаты завшицкихъ поселянъ, гдѣ проводятъ время сосѣдніе ихъ знакомые, бывшіе на богомольи и зашедшіе къ нимъ въ гости.

Такъ-какъ кривицкая проща принадлежитъ къ завшицкому приходу, то и обязанность принимать и угощать гостей лежитъ по преимуществу на завшицкихъ поселянахъ; — даже изъ Кривичъ заходятъ нѣкоторые въ Завшичи.

Почти вся деревня Завшичи, особенно если хороша погода, превращается въ гостиницу, или въ заѣздный домъ; ко всякому семьянину непременно зайдетъ или заѣдетъ нѣсколько гостей и знакомыхъ, а часто вовсе незнакомыхъ путешественниковъ, пришедшихъ изъ далекихъ сторонъ... На этотъ разъ, домъ каждаго хозяина открытъ для усталаго богомольца, — гдѣ предлагается ему гостепріимнымъ и радушнымъ семействомъ кровъ, постель, стулъ и столъ... Добрые поселяне готовы сами-себѣ отказать во многомъ необходимомъ, но не пожалѣютъ послѣдняго добра для гостя. «Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!» обыкновенно пріѣтствуютъ въ этомъ случаѣ бѣлорусецъ вошедшаго къ нему богомольца, и дѣлится съ нимъ послѣднею крохюю... Не правда-ли, что это прекрасное обыкновеніе живо напоминаетъ гостепріимство древнихъ предковъ нашихъ, русскихъ славянъ...

Нужно и то впрочемъ замѣтить, что вообще весь случій уѣздъ (минской губерніи) отличается хлѣбосоельствомъ, радушіемъ и рѣдкимъ гостепріимствомъ; развѣ только пинскій уѣздъ той же губерніи) можетъ нѣсколько поспорить съ нимъ въ этомъ отношеніи, Гостепріимство и

* См. № 4-й Памт. 1853 г., *Бѣлорусская ярмарка*.

** При этомъ совершаются иногда поминовенія, но чаще всего — собственно и ушаютъ и больше ничего. О поминкахъ будетъ особая статья.

хлѣбосолюство развиты не только между добродушными, простыми поселянами, но и между *застѣлнковою* (окольною) шляхтою, духовенствомъ и помѣщиками. Въ молодиковыя недѣли дома духовныхъ и помѣщиковъ и шляхты наполняются знакомыми и незнакомыми людьми: и всѣ эти люди, подъ однимъ именемъ гостей, находятъ искренній, радужный пріемъ въ домахъ мѣстныхъ владѣльцевъ.

Но по преимуществу, повторяю, деревня Завшичи превращается въ бесплатную гостиницу.

Вотъ по улицамъ тянутся длинныя, многочисленныя вереницы стариковъ и старухъ, хлопцевъ и молодицъ, парней и дѣтей, въ праздничныхъ нарядахъ; — и чѣмъ далѣе подвигаются къ противоположному концу деревни, тѣмъ рѣже и рѣже становятся вереницы: одни поворачиваютъ направо, другіе налево, наконецъ улицы пустѣютъ—всѣ разошлись по домамъ...

Хозяинъ и хозяйка съ радостью встрѣчаютъ гостей у воротъ и провожаютъ ихъ въ свои хаты. Длинные, узкіе столы о четырехъ ножкахъ съ перекладинками, покрытые чистыми скатертями, заставлены всѣми возможными кушаньями, но между ними первое мѣсто занимаетъ яичница и домашній сотовый медъ, прозрачный, какъ кристалль, и блестящій, какъ чистѣйшій, высокой доброты янтарь... Рядомъ съ кушаньями поставлены деревянные ковши съ пивомъ и бутылки съ водкою...

Первая встрѣча хозяйна въ свѣтлицѣ — встрѣча гостепріимная... Онъ не угощаетъ усталаго гостя сладкими, но не питательными побасенками и разказами, а прямо предлагаетъ ему—покушать и выпить.

Гости садятся.. Хозяева и дѣти ихъ (если они взрослые), стоя, угощаютъ посѣтителей обѣдомъ.

Старики и старухи, по просьбѣ хозяевъ, снимаютъ съ себя тяжелую одежду, откладываютъ ее въ сторону и, какъ у себя дома, свободно размѣщаются вокругъ стола. Молодые парни и дѣвицы, изъ уваженія къ старикамъ, не смѣютъ снять съ себя лишней тяжести и только послѣ нѣскольکو-кратнаго *понуканья* стариковъ рѣшаются снять свои суконныя (даже и лѣтомъ) свиты, и скромно, почтительно садятся рядомъ съ господами пожилыми.

Можетъ-быть, вамъ хочется знать, что и изъ какой посуды ѣдятъ бѣлорусскіе поселяне?.. Если угодно, я расскажу...

Кромѣ яичницы и меду, подаютъ жидкія горячія кушанья, а именно

капусту (тоже, что щи), *бураки* (то-есть, борщъ), *крупень* или *крупникъ* (то-есть, сушь), *зацирку* (родъ лапши, или клецокъ).

Капусту и бураки варятъ съ свинымъ саломъ, *вляной* (ветчина), или съ *затавкой* (то-есть съ мелко изрубленнымъ и растертымъ въ кашу свинымъ саломъ), — но почти никогда не варятъ съ говядиной, частью потому, что ее не во всякое время можно имѣть въ деревнѣ, а частью потому, что капуста и свекла, по понятію простолюдиновъ бѣлорусскихъ, не могутъ имѣть такого вкуса отъ говядины, какъ отъ свиного сала *. Что касается до крупени и зацирки, то онѣ варятся съ курятиной или съ говядиной. Крупень дѣлается изъ крупъ, болѣею частью ячменныхъ или гречневыхъ, домашняго приготовленія, а зацирка изъ пшеничной или гречневой муки. Нерѣдко случается, что подають вмѣстѣ и борщъ и крупень.

Изъ жаркихъ — подають телятину, курей, цыплятъ, баранину и колбасы; — все это готовится на салѣ и на *шкваркахъ* (мелко изрубленное сало съ верхнею кожицею), но не на маслѣ.

Послѣ жаркихъ подають сласти и лакомства, состоящія изъ *макушекъ* (маковники съ медомъ), *коржей* (засушенные блинчики, облитые сытою), аладій, *плески* (плеска, то-есть картофель съ молокомъ), также орѣховъ и дынныхъ сѣмянъ...

Жидкія кушанья подаются въ деревянныхъ или глиняныхъ мискахъ, а подъ чашъ и въ горшкахъ или *чугунахъ* (то-есть горшкахъ чугунныхъ, особаго фасона); жаркія—на сковородахъ или просто на деревянныхъ кружкахъ... Тарелокъ и вилокъ почти нигдѣ не употребляютъ, не потому, чтобъ не знали объ ихъ существованіи, но потому, что считаютъ ихъ излишними: «душа мѣру знаетъ, говорятъ они, къ чему наливать въ тарелки?» Обыкновенно старшій между гостями рѣжетъ говядину или сало и складываетъ на одинъ кружокъ; съ кружка берутъ руками по кусочку и не церемонясь, подносятъ ко рту. . Ложки употребляютъ деревянные, дубовыя или липовыя, некрашенныя, довольно красиво выточенныя, съ очень длинными рукоятками, но не слишкомъ глубокими желобками.

Послѣ обѣда, старыя отдыхаютъ, а старухи съ хозяйкою отправляются въ огороды.. Хозяйка хвалится своимъ хозяйствомъ, показываетъ, какъ хорошо у нее растутъ горохъ, огурцы; сколько насадила конопли, ранняго ячменя и кукурузы; сколько насадила моркови, рѣпы,

* Правда, что въ Бѣлоруссіи прекрасно умѣютъ солить и коптить свиное сало; копченое сало бѣлорусское поспоритъ вкусомъ съ любымъ заморскимъ сыромъ.

бобовъ и картофеля... словомъ, водить старухъ по всеѣмъ огородамъ, и показавъ все свое растительное добро, просить заглянуть въ хлѣвы,— посмотреть, сколько у нея дойныхъ коровъ; рассказываетъ, сколько каждая корова дала телятъ; — каковы овцы, бараны, сколько думаетъ получить съ нихъ шерсти;—потомъ ведетъ въ гусятникъ, курятникъ, хвалится индѣйками, утками и другими домашними птицами... Наконецъ, показываетъ гостямъ свое прядиво, кудель, ткацкіе станки; рассказываетъ, сколько у нея приготовлено для продажи полотна, нитокъ, льну и всякаго *пачесья* (дурной сортъ льнянаго волокна). — Старухи хвалятъ, дѣлаютъ свои замѣчанія, просятъ на раскладъ индѣйку или утку, и приглашаютъ хозяйку къ себѣ на храмовой праздникъ, а если есть у нихъ проща,—на слѣдующую молодиковую педблю.

Въ тоже самое время, молодые парни и дѣвицы, вмѣстѣ съ дочерьми и сыновьями хозяевъ, отираются гулять по деревнѣ или въ ближайшую рощу... Въ деревнѣ образуются хороводы, но хороводы безъ шалостей, безъ шумныхъ пѣсней; болѣею частью ходятъ и говорятъ,— то-есть собственно знакомятся, потому-что сходятся и встрѣчаются люди съ разныхъ сторонъ,—никогда не видавшіе другъ-друга... Вся сущность хороводовъ заключается въ пѣсняхъ, которыя поются дѣвицами по усмотрѣнію, какая которой нравится... Привожу здѣсь ту пѣсню, которую я самъ слышалъ и записалъ съ устъ одной-пѣвицы...

Туманъ, туманъ, туманъ на далинѣ,
 Широкій листъ на калинѣ, на калинѣ.
 Ширѣй таго, ширѣй таго на дубочку;
 Кличить голубъ галубачку, галубачку,
 Хоць не сваю, хоць не сваю, да чужую:
 Пастой, мила, пацалую—пацалую.
 На што-жъ тоя, на што-жъ тоя цалаванья,
 Серцу туги задаванья, задаванья?
 Не задавай, не задавай сердцу туги;
 Ня° возьмешь ты, возьме други, возьме други.
 Пастой, дзѣвка, пастой—дзѣвка! не журися;
 Я ищѣ моладъ—ня жанився, ня жанився.
 А якъ буду, а якъ буду жанитца,
 Прашу-й—пива напнтца, прашу дзива дзивитца.

Дваѣ-й-пива, дваѣ-й-пива мнѣ ня мила,
 Дваѣ-й-дзива—мнѣ ня дзива, мнѣ ня дзива.
 Только дзива, якъ мы съ табой гаварили:
 Твая маці чаравница, твая сестра разлучница.
 Разлучила, разлучила насъ съ табою,
 Якъ рыбацку и зъ вадою, и зъ вадою.
 Гариць агонь, гариць агонь за вадою;
 Я-й-ня виджу за бядою, за бядою.
 Гариць агонь, гариць агонь за лѣсами,
 Я ня виджу за слезами, за слезами!..

(Въ долинѣ стелется туманъ, на калинѣ шелестятъ листья,—листья побольше, чѣмъ на дубѣ. Зоветъ голубь голубку (самку) — не свою, чужую. Пстой миленькая, я тебя поцѣлюю. Къ чему тебѣ меня цѣловать, сердцу горе, скуку накликать? Не накликай горя себѣ, не быть мнѣ твоею, быть мнѣ женою другаго... — Пстой, дѣвица, пстой! не горюй! я еще молодъ и холостъ... А какъ задумаю жениться попрошу на пиво, подивиться моему диву... Не хочу я твоего пива, не удивить меня твое диво... Что-жъ за диво тамъ такое будетъ у тебя?—Вотъ скорѣе диво—то, что твоя мать колдунья и сестра злая разлучили меня съ тобой, какъ рыбку съ водою... Горить огонь, горить онъ и подъ водою; не видать мнѣ его за своей бѣдою. Горить огонь, горить онъ подъ землею; не видать мнѣ его за своими слезами...)

Между-тѣмъ, старики—господари уже встали, отдохнули и ведутъ межъ собой рѣчь о своихъ господарскихъ дѣлахъ... Хозяинъ рассказываетъ имъ объ урожаѣ на своихъ поляхъ, о новой столодѣ (сарай), недавно выстроенной для воловъ, объ удачной уборкѣ сѣна пахучаго, какъ ароматные цвѣты, о томъ, что затѣваетъ онъ посѣять на новыхъ *польткахъ* (новое поле для посѣва озимаго хлѣба), случайно открытыхъ имъ въ сосѣднемъ *березнякѣ* (березовая роща)... Старики съ *люльками* (трубками) въ зубахъ, сложивъ крестообразно руки на столѣ, внимательно слушаютъ и по временамъ, сквозь дымъ доморощенного табаку, пускаютъ красное словцо, ласкающее самолюбіе гостеприимнаго хозяина... Радужный хозяинъ предлагаетъ гостямъ прогуляться съ нимъ по полямъ, сѣнокосамъ и заглянуть въ гумно...

Вотъ отправляются на поля; разматриваютъ ново-вспаханные участ-

ки, любятъ густымъ, большимъ льномъ, предсказываютъ большіе барыши отъ льнянаго волокна; срываютъ колосья пшеницы, растираютъ ихъ въ рукѣ, пробуютъ зерна, и самодовольно покачивая головами, хвалятъ чудную пшеницу; подходятъ къ кошнамъ сжатой ржи, взвѣшиваютъ руками снопы, и радуются хорошему умолоту ихъ... Вотъ проходятъ межъ бороздъ гречи, и окинувъ глазами нѣсколько *загоновъ* (известная часть десятины), двигаются такому обилію добра хозяйскаго... Хозяинъ улыбается, и въ восторгѣ отъ похвалъ стариковъ, обнимаетъ и цалуетъ ихъ...

На сѣнокосахъ разсуждаютъ, какъ бы устроить такъ, чтобъ завести въ своемъ краю, бѣлорусской землѣ, тройную уборку сѣна, точно также, какъ въ благодатной Малороссіи... Хозяинъ возражаетъ... старики опровергаютъ его возраженія, и дѣло оканчивается тѣмъ, что хозяинъ даетъ слово попробовать счастья—завести тройную уборку на слѣдующее лѣто...

Потомъ пробираются въ гумно... Хозяинъ подводитъ стариковъ къ *озеродамъ* *, показываетъ, сколько онъ успѣлъ *уозеродить* ржи и ранняго ячменя; объясняетъ, сколько стоило ему трудовъ поставить новый озеродъ, по случаю недостатка лѣсу въ *Случизнѣ* **, какъ помогъ ему одинъ добрый человекъ, у котораго оказался лишній запасъ сосновыхъ и еловыхъ жердей... Старики просятъ хозяина показать ему свою молотильню; хозяинъ ведетъ ихъ въ *токъ* (мѣсто, гдѣ молотятъ),—разсказываетъ, изъ какого матеріала сдѣланъ его овинъ, какъ славно сохнетъ въ немъ збожье (всякой зерновой хлѣбъ); какъ много берегаетъ мякины и ометья (мелкая мякина, которая остается послѣ молотбы) и какъ выгодно молотить на току, вымощенномъ глиною...

Насмотрѣвшись вдоволь всякаго добра и порядковъ хозяйскихъ, гости и хозяинъ возвращаются въ хаты, гдѣ ихъ встрѣчаютъ старухи, молодичицы, парни и дѣвицы. Гости собираются домой.

Хозяинъ и хозяйка просятъ ихъ отдохнуть за столомъ и закусить на дорогу.

Слѣдуетъ небольшое угощеніе: пиво, медъ и водка не сходятъ со

* *Озеродъ*, т. е. переплетъ клѣтчатый изъ жердей еловыхъ или сосновыхъ, для провѣтриванія и просушиванія сноповъ.

** Случизною называютъ здѣсь весь случкій уѣздъ

стола, и гости-старьики позволяютъ себѣ немножко потѣшить себя *веселящими сердце* напитками.

Вотъ старухи, развеселившись, начинаютъ говорить громче и развязнѣе. Говоръ и хохоть увеличиваются... Хозяйка проситъ еще выпить, гостя отпѣкивается; просьбы повторяются, гостя, будто не хотя, беретъ кубокъ съ водкою, и поставивъ его предъ собою, начинаетъ что-то напѣвать; сосѣдки ей вторять... начинаются припѣвы... болѣе веселая поетъ:

Цижъ намъ бѣда не надаѣла?
Усімъ намъ кѣпска доля не припѣла..

Пасядзимъ, пагадайма...

Адна другую пацѣшайма!..

Ня великае ници дѣла,
Усімъ намъ въ вочахъ пачарнѣла...

Гаспадыня уважай,

Якъ не стане, даливай!..

Маешь трунакъ у пивницы,
Будуць повны усѣ шклянницы!

А ты, нутка, увивайся,

Многа гасѣцей — не улекайся!..

Пекъ вамъ! не баюся,

Усімъ догаджу, сама звернуся...

Будзя годзи!.. не праси...

Пбйдземъ да сваяси.

(Неужели-жъ намъ не надоѣло горе? Не вѣчно-жъ горевать на свою злую долю... Сядемъ, погадаемъ, одна другую утѣшимъ!.. Не велика вещь пить такъ, чтобъ въ глазахъ потемнѣло... Ты смотри, хозяйюшка, не жалѣй вина, подливай... Есть у тебя этого добра въ погребѣ довольно, есть откуда налить въ бутылки... Не пугайся только, что такъ много у тебя гостей... Послужи ты намъ... а ужъ такъ и быть, не побоюсь я за себя, угрожу и я вѣмъ вамъ, сама угощу васъ, пожалуйста ко мнѣ... Впрочемъ довольно! не проси больше, пора домой!..)

На другомъ концѣ стола, старики — тоже на веселѣ; тутъ сцена очень-умильная, чисто-идиллическая... Старики кланутся другъ-другу въ дружбѣ, обнимаются, цѣлуются и извиняются предъ хозяиномъ, что засидѣлись у него такъ долго... Хозяинъ, въ свою очередь, извиняется, что онъ не можетъ угостить чѣмъ-нибудь получше, и предлагаетъ гостямъ выпить еще на прощанье...

Наконецъ, какой-нибудь краснобай, поднимая рюмку вверхъ, прощается съ хозяиномъ и прочими знакомыми, и напѣваетъ, мотая головою, слѣдующую пѣсню:

Не усѣ жъ зъ вами быць, треба и разетатца,
 Зъ усими вами тутъ притомными папращатца...
 Выѣжджаю адъ васъ да свайго дому,
 И кланяюся вамъ зъ-асобна каждому.
 Кланяюся табѣ, щпры гаспадару,
 И дзякую табѣ за ужитаць дѣру;
 Не хай Богъ сто разъ надгародзиць цебѣ,
 А на сьмерци штобъ намъ быць разамъ у небѣ.
 Чимъ каго абразивъ, то перепрашаю,
 Добра щирае сердца да каждая маю,
 Даруйце образы, якую хто мае,
 А самъ нехай въ счасьци-здоровъ застае.
 Бывайце здаровы, да не забывайце,
 Што я васъ пріяцель, мяне вспаминайце;
 Вспаминайце мяне такими славами:
 «Бывъ тутъ добры чалавѣкъ, чшо бавився зъ нами!»

(Не все же съ вами быть, нужно и разетаться; нужно распрощаться со всѣми, сколько ни есть васъ здѣсь. Уѣзжаю я отъ васъ домой, и кланяюсь я вамъ всѣмъ и каждому по-одиночкѣ. Кланяюсь тебѣ, радушный хозяинъ, и благодарю тебя за твое угощеніе: пусть Богъ сто-рицей наградитъ тебя за твое добро; суди Боже быть намъ вмѣстѣ въ раю. Если я кого оскорбилъ, прошу прощенія, искренне, отъ сердца извиняюсь; простите меня, если кто оскорбленъ мною; желаю вамъ быть счастливыми и здоровыми... Будьте здоровы, да не забывайте, что я

вашъ другъ, вспоминайте обо мнѣ; помяните меня этими словами: «былъ здѣсь добрый человекъ, онъ веселился съ нами дружно!»

Хозяинъ и хозяйка проводятъ гостей до воротъ, и перецѣловавши всѣхъ просятъ ихъ къ себѣ на слѣдующую молодиковую недѣлю...

Гости, въ свою очередь, запрашиваютъ хозяевъ къ себѣ на какой-нибудь праздникъ, или просто отвѣдать хлѣба соли...

ПАВЕЛЪ ШПИЛЕВСКІЙ.

МОЙ КАПИТАНЪ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ВОЙНЫ 1825 ГОДА ВЪ ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ.

I.

КАЛЛАО 1825.

Это было въ мартѣ 1825 года. Я находился въ обществѣ нѣсколькихъ американцевъ и англичанъ, бѣльшую частію капитановъ купеческихъ судовъ, собравшихся передъ дверьми французской кофейни въ Лимѣ. Всѣ заняты общимъ были разговоромъ, который не очень меня интересовалъ.

Надо знать, что въ то время какъ Каллао блокированъ былъ съ сухаго пути и съ моря южными американцами, мы пошли изъ Балтимора въ Гавану, сдали тамъ нашъ грузъ и получили новый, частію на свой собственный счетъ, частію на счетъ испанскаго правительства. Изъ Гаваны мы вышли 4-го декабря, то-есть, восьмью днями прежде знаменитой битвы при Аягучо, молва о которой постоянно слѣдовала за нами, такъ что во все время плаванія нашего вокругъ южнаго материка Америки, мы предупреждали ее нѣсколькими днями; но придя на высоту Каллао, когда уже невозможно было вернуться назадъ, узнали мы объ этой битвѣ и о важныхъ ея слѣдствіяхъ.

Мы не могли скрыть своего назначенія въ Каллао: нашъ грузъ, въ томъ числѣ большой запасъ сигаръ для гарнизона, слишкомъ былъ явенъ. Капитанъ нашъ и не думалъ скрывать его, и конечно, пытался бы пройти чрезъ блокаду, подобно тому, какъ за четыре года предъ тѣмъ прорвался чрезъ эскадру, которою командовалъ знаменитый Кокренъ, а это не легко было сдѣлать, съ чѣмъ согласится всякій, кто зналъ Кокрена. Впрочемъ нашъ капитанъ походилъ въ этомъ случаѣ на настоящаго янки, у котораго если засядетъ какая мысль въ голову, то ее не вышибешь и молотомъ. Теперь у него была мысль, во чтобы то ни стало замедить взятіе Каллао. Надо сказать, что многіе изъ иностранныхъ моряковъ, и въ-особенности сѣверо-американцы раздѣляли эту мысль: участь Каллао для нихъ дороже была ихъ судовъ и груза. Эту симпатію сѣверо-американцевъ къ испанскому правительству легко понять, потому-что съ паденіемъ Каллао, послѣдняго укрѣпленнаго пункта, которымъ владѣла еще Испанія въ Южной-Америкѣ, оканчивалась война на материкѣ, а съ окончаніемъ войны прекращалась самая прибыльная отрасль нашей торговли. Близость къ театру войны давала намъ монополію, и мы, какъ люди смышленные, умѣли ею пользоваться, и ничего болѣе не желали, какъ продолженія этого выгоднаго для насъ *statu quo*. Испанцамъ мы возили мукѣ и мясо, когда они умирали съ голоду; помогли бы и противной сторонѣ, еслибъ довелось ей также терпѣть нужду въ жизненныхъ припасахъ. Во-время блокады натурально больше нуждались испанцы, потому и слѣдовало снабдить ихъ провизією, за которую они всегда платили хорошо. И такъ, въ то время, какъ капитанъ Риди лавировалъ въ четырехъ или пяти миляхъ отъ берега, выскивая случай проскользнуть чрезъ линію блокады, насъ задержали южные американцы и обошлись съ нами такъ невѣжливо, что мы призадумались объ окончательной развязкѣ этого дѣла. Правда, намъ оставили собственныя наши вещи и деньги; но мы немедленно свезены были на берегъ и отправлены въ Лиму. Что касается до брига и груза, то объ нихъ не было и помину. А грузъ меня очень интересовалъ: въ немъ заключалось все мое достояніе, все, что я приобрѣлъ въ десятилѣтнюю службу при торговомъ домѣ. Капитанъ имѣлъ въ немъ также пятую долю, сверхъ-того ему принадлежала половина самаго судна. Для новичка въ спекуляціи, какимъ я тогда былъ, весьма неприятно было видѣть, какъ ладья, на которой неслись мои надежды и все мое богатство, при самомъ выходѣ изъ порта (это было первое мое плаваніе) брошена была на мель и окружена жадными акулами, которыхъ разверстыя пасти готовы были съѣсть и меня. Акулами считалъ я южныхъ американцевъ и ненавидѣлъ ихъ отъ всей души.

Нетаковъ, былъ мой храбрый капитанъ. Онъ, какъ философъ, сносилъ свое несчастіе, будто бы оно не до него касалось. Какъ настоящій янки, проводилъ онъ время въ томъ, чтобъ рѣзать и скоблить перочиннымъ ножикомъ свою палку, а за неимѣніемъ палки рѣзалъ столы, стулья, диваны, словомъ все, что попадалось подъ руку. Правда, онъ скрежеталъ иногда зубами, когда заговаривали о бригѣ, но тотчасъ же принимался опять, съ новымъ жаромъ, за любимое свое упражненіе. Вообще капитанъ Риди говорилъ мало. Во-время длиннаго, нашего плаванія, по цѣлымъ недѣлямъ не слыхали отъ него слова, исключая необходимыхъ по службѣ приказаній; надо сказать правду, что мы не очень охотно и обращались къ нему съ вопросами. Его строгій видъ, суровый взглядъ, нахмуренныя брови, стиснутыя губы, не только не располагали къ нему, а напротивъ имѣли что-то отталкивающее... Но когда онъ начиналъ говорить, нельзя было не испытать совѣмъ другаго чувства. Въ его голосѣ была неизъяснимая прелесть. Черты лица, дотолѣ жесткія, принимали выраженіе доброе, ласковое. И такъ всякій, кто только зналъ ближе капитана, любилъ его какъ брата и искалъ его общества, несмотря на его угрюмость. Часто одно появленіе Риди прекращало самыя жаркіе споры. Однимъ-словомъ, онъ не только не имѣлъ между капитанами враговъ, но большая часть изъ нихъ готова была жертвовать для него послѣднимъ долларомъ.

Восемь лѣтъ уже я былъ съ нимъ знакомъ и связанъ дружбой, сколько можетъ дружитья купеческій прикащикъ съ капитаномъ. Во все это время я его зналъ какъ самаго честнѣйшаго человѣка; между-тѣмъ какое-то предубѣжденіе, относившееся къ прежнему времени, преслѣдовало репутацию его какъ моряка. Ему отказано было отъ одного торговаго дома, которому онъ служилъ и который въ немногіе годы вывелъ его, въ молодыхъ еще лѣтахъ, изъ должности юнга въ званіе капитана. Настоящая причина такого удаленія была неизвѣстна, хотя и говорили, что во-время плаванія его въ Гавану онъ сдѣлалъ проступокъ, навлекшій неприятность не только экипажу его судна, но и самому торговому дому, такъ что нѣсколько лѣтъ капитанъ не могъ являться въ этотъ портъ. Обвиненіе капитана было очень неопредѣленно, однакожъ оно закрыло ему главные торговые дома въ Филадельфій, тѣмъ болѣе, что онъ отказывался отъ всякаго поясненія по этому темному дѣлу. Въ-теченіе значительнаго времени, всѣ его попытки получить опять должность капитана отставались тщетными, несмотря на извѣстныя его достоинства. Наконецъ, возгорѣвшаяся война дала новое движеніе торговлѣ съ Южною Америкой; торговые дома сдѣлались менѣе разборчивыми въ избраніи капитановъ, и одинъ домъ въ Балтиморѣ, которому и я служилъ, рѣ-

шился, не безъ затрудненія, поручить Риди начальство надъ однимъ изъ своихъ судовъ.

Съ этого времени домъ нашъ сталъ возвышаться, и вскорѣ получилъ первенство надъ прочими домами въ Филадельфій, которые также вели непосредственную торговлю съ Южною Америкою. Тогда и прежніе хозяева начали дѣлать ему самыя выгодныя предложенія, которыя онъ съ гордостію отвергнулъ, и всякій разъ, какъ ему объ этомъ напоминали, замѣтна было на устахъ его горькая улыбка; видно, что это было для него непріятно, и потому никто не рѣшался болѣе его разспрашивать.

Эта темная страница въ его жизни, при его всегдашней молчаливости и скрытности, надобно сознаться, внушала и мнѣ, во-время нашего вояжа, непріятныя мысли. Но съ другой стороны, онъ былъ примѣрный морякъ. Обладая въ высшей степени хладнокровіемъ, съ энергіею и рѣшительностію, онъ умѣлъ однимъ жестомъ, однимъ взглядомъ, лучше чѣмъ другой словами, управлять своимъ экипажемъ.

На палубѣ у насъ было совершенное молчаніе какъ у квакеровъ! Въ-теченіе восьми лѣтъ никогда никто не видѣлъ, чтобъ капитанъ нашъ вышелъ изъ себя; даже и теперь, когда все его состояніе, съ такими трудами приобрѣтенное, подвергалось потерѣ, ни одинъ знакъ не обнаруживалъ его тайныхъ мыслей. Правда, иногда онъ рѣзалъ и скоблилъ живѣе; но и это можно было приписать національной привычкѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, надо было видѣть, съ какимъ жаромъ мои соотечественники скоблили, рѣзали и пилили, не только трости и палки, но, къ отчаянію хозяина, столы, стулья, диваны, словомъ, всю мебель въ кофейнѣ, какая только поддавалась острому желѣзу. Чѣмъ тверже было дерево, тѣмъ острѣе былъ ножикъ. Каждый запасался еще оселкомъ, и когда ножикъ тупился, тотчасъ его острилъ. Къ счастью, хозяинъ, для спасенія своей мебели, придумалъ одно средство, которое введено было въ употребленіе въ вашингтонскихъ присутственныхъ мѣстахъ*: онъ велѣлъ привезти цѣлый возъ брусочковъ, которые раскидалъ по столамъ, стульямъ и пр., такъ что для моихъ любезныхъ соотечественниковъ работа была готова, и они принелись за нее съ такою ревностію, что зала кофейни, билардная и дворъ походили на мастерскую столяра.

Южные американцы, служили для насъ развлеченіемъ и представляли изъ себя довольно забавное зрѣлище. Эти *senores* и *soldados* въ рубищахъ, какъ карикатуры расхаживали по улицамъ съ преважнымъ и пре-

* Привычка рѣзать и скоблить дерево такъ свойственна американцамъ, что каждый членъ конгресса, какъ увѣряютъ, при вступленіи своемъ въ него, получаетъ перочинный ножикъ и брусочекъ кедроваго дерева, который къ концу засѣданія превращается въ зубочистку.

смѣшнымъ видомъ. На одномъ былъ испанской камзолъ, похищенный въ Аякучо; на другомъ американская куртка, купленная у какого-нибудь матроса; третій надѣлъ халатъ, который преобразилъ въ блузу; этоть съ босыми ногами расхаживалъ въ мантильи, а тотъ набросилъ на себя бархатную эпанчу, обшитую галунами временъ Филиппа V. Волонтеры одѣты были лучше; но послѣ сраженія при Аякучо офицеры очень смѣшно франтили. На мундирахъ ихъ, залитыхъ золотомъ, у поручиковъ болталось на спинѣ и плечахъ по шести и даже по восьми эполетъ.

Итакъ, мы сидѣли предъ кофейной, отдыхая послѣ обѣда, рѣзали палки, курили и жевали табакъ, посмѣиваясь надъ перуанцами. Вдругъ растворилась боковая дверь кофейни, и изъ нея вышелъ офицеръ, котораго наружность вовсе не походила на его товарищей. Онъ казался лѣтъ тридцати, одѣтъ былъ просто, но со вкусомъ, и имѣлъ тотъ скромный видъ, который часто составляетъ принадлежность людей достойныхъ. Онъ не походилъ и на товарища своего, шедшаго за нимъ молодого челоуѣка, который одѣтъ былъ богаче, но казался его подчиненнымъ. Когда они съ нами поравнялись, офицеръ учтиво отвѣчалъ на нашъ поклонъ, приподнявъ свою военную шляпу. Мой храбрый капитанъ сидѣлъ немного поодаль и дорѣзывалъ десятый или двѣнадцатый брусокъ дерева. Наше движеніе заставило его приподнять голову въ ту минуту, какъ офицеръ проходилъ мимо его. Послѣдній сдѣлалъ знакъ удивленія, остановился, посмотрѣлъ пристально на капитана и бросился съ распростертыми руками обнимать его.

— Капитанъ Риди!

— Такъ точно, отвѣчалъ капитанъ.

— Капитанъ Риди! вскричалъ снова офицеръ.

Капитанъ, видимо удивленный, всматривался въ офицера, но, какъ казалось, ничего не могъ припомнить.

— Капитанъ Риди, повторилъ въ третій разъ офицеръ, — возможно-ли, чтобы вы меня не узнали?

— Нѣтъ, отвѣчалъ капитанъ, продолжая глядѣть на него.

— Вы, не узнаете меня! продолжалъ офицеръ какъ-бы съ упрямомъ; потомъ, наклонясь къ нему, шепнулъ что-то на ухо.

Капитанъ взглянулъ еще разъ; лицо его прояснилось, въ глазахъ блеснула радость; онъ дружески взялъ за руку офицера и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ кофейню.

Мы терялись въ догадкахъ объ этомъ происшествіи. Чрезъ четверть часа офицеръ и капитанъ вышли изъ кофейни. Первый съ своимъ блестящимъ товарищемъ отправились въ губернаторскій домъ, а капитанъ, съ обычной ему флегмой, подошелъ къ намъ и принялся до-

рѣзывать ножикомъ свою палку. Когда мы спросили его, кто былъ этотъ офицеръ, онъ ограничился отвѣтомъ, что знакомый его принадлежитъ къ арміи, осаждающей Калао, и что былъ однажды пассажиромъ на его суднѣ.

Это объясненіе конечно не удовлетворяло моему любопытству; я замѣтилъ, что перуанцы смотрѣли на офицера съ уваженіемъ и даже съ нѣкоторымъ страхомъ.

Между-тѣмъ соотечественники мои удовольствовались этимъ отвѣтомъ и не нашли въ немъ ничего необыкновеннаго. Они знали, что капитанъ купеческаго судна бываетъ въ сношеніяхъ съ людьми разныхъ классовъ, имѣеть тысячу случаевъ завести интересныя знакомства, сдѣлать услуги лицамъ, гораздо его высшимъ. Для пассажира путешествіе морское составляетъ эпоху въ жизни; рѣдко случается, чтобъ онъ заблѣлъ главное дѣйствующее лицо, капитана, тогда какъ этотъ послѣдній въ сотнѣ пассажировъ легко можетъ забыть того или другаго. Живѣйшая радость офицера при встрѣчѣ съ капитаномъ, и привѣтствіе, сравнительно холодное, послѣдняго—были понятны американскимъ капитанамъ.

На другой день поутру, когда мы принимались за шоколатъ, ординарецъ въ мундирѣ явился въ наружной галлерей кофейни и спросилъ капитана Риди.

Капитанъ тихонько всталъ, и отойдя всторону, выслушалъ посланнаго, потомъ спокойно сѣлъ на прежнее мѣсто и выпилъ или, лучше сказать, съѣлъ свой шоколатъ: въ Южной Америкѣ приготавливаютъ его очень густымъ. Окончивъ завтракъ, онъ спросилъ меня, не хочу-ли быть товарищемъ его въ поѣздкѣ, которая можетъ продолжиться день или два.

Я не заставилъ дважды повторять это приглашеніе, потому-что скука страшно насъ одолѣвала. Мы уложили въ чемоданы наше платье, взяли тесаки, пистолеты и передъ кофейней встрѣтили того же ординарца, ожидавшаго насъ съ парю испанскихъ богато осѣдланныхъ лошадей. Любопытство мое было чрезвычайно сильно. Лучше этихъ лошадей я не видывалъ еще въ Перу. Но на всѣ мои вопросы, я могъ только узнать отъ молчаливаго моего друга, что мы ѣдемъ къ вчерашнему офицеру, который занимаетъ важный постъ въ арміи и былъ нѣкогда пассажиромъ на его суднѣ.

Я долженъ былъ на время удовольствоваться этимъ отвѣтомъ, хотя нѣсколько принужденный видъ капитана заставлялъ меня подозрѣвать, что тутъ что-нибудь скрывается. Когда мы отѣхали около одной мили отъ Лимы, послышалась сильная пальба въ той сторонѣ, куда мы слѣдовали. Проѣхавъ еще съ милю, мы встрѣтили нѣсколько телегъ, на кото-

рыхъ везли раненыхъ въ Лиму. Пушечные выстрѣлы все болѣе и болѣе къ намъ приближались. По временамъ, за изгородами полей и садовъ показывались мародеры, которые тотчасъ, при видѣ ординарца скрывались. Мнѣ ужасно хотѣлось видѣть сраженіе, хотя я и не могу похвалиться, чтобъ былъ елишкомъ храбръ. Но въ настоящемъ положеніи, когда мнѣ угрожала совершенная потеря единственного моего имущества, я готовъ былъ подраться хоть съ пиратами, чтобъ излить на нихъ всю желчь моего гнѣва. Мнѣ также казалось возможнымъ, — впрочемъ этой мысли я не сообщалъ капитану, — что испанцы сдѣлаютъ сильную вылазку изъ крѣпости и загонять инсургентовъ, захватившихъ наше судно съ грузомъ, въ Тихій-океанъ.

Что касается до капитана, онъ былъ настоящій стоикъ; порохъ и свинець были для него самыя обыкновенныя вещи. Въ-теченіе четырнадцатилѣтней жизни на морѣ, когда онъ прорывался нерѣдко чрезъ блокирующія эскадры въ порты Южной Америки, неразъ мимо ушей его свистали пушечныя ядра. Онъ такъ часто сражался съ пиратами, что чувство страха не могло быть ему доступно. Теперь одна только мысль беспокоила его — не быть выбитымъ изъ сѣдла, потому-что онъ, какъ всѣ моряки, былъ плохой наѣздникъ, и прыгалъ на сѣдлѣ, какъ шкуна на взволнованномъ морѣ. — Къ счастью, мы оба не потерпѣли въ этомъ случаѣ никакой бѣды. Достигнувъ одной высоты, мы увидѣли съ лѣвой стороны темныя бастіоны крѣпости; съ правой стороны Белла-Висту и за нею Тихій-океанъ, который, по справедливости, заслуживалъ бы со-всѣмъ другое названіе. Белла-Виста — это селеніе, состоящее бѣльшею частію изъ виллъ, въ которыхъ богатѣйшіе перуанцы проводятъ жаркое время года, наслаждаясь морскою прохладою. Хотя она находилась подъ выстрѣлами крѣпости, но дома были такъ прочны, что главнокомандующій расколотился въ ней съ главною своею квартирою.

Ординарецъ показалъ намъ, или правильнѣе капитану, который бѣгло говорилъ по испански, разныя батареи осаждавшихъ, изъ которыхъ послѣдняя, хотя уже вполне устроенная, не открывала еще огня; она была не болѣе какъ въ разстояніи 300 футовъ отъ крѣпости, и закрывалась домами, которые должны были вскорѣ разрушиться подведенными подъ нихъ минами.

Въ то время, какъ офицеръ извѣщалъ намъ все касающееся до осады, лошади наши, и особенно капитанская, на которой вѣрно ѣздилъ начальникъ, потому-что она все впередъ забѣгала, заупрямились, и какъ я уже сказалъ, что храбрый капитанъ лучше умѣлъ управлять кораблемъ, чѣмъ лошадыю, конь его потерялъ терпѣніе и помчался во всю прыть; мы никакъ не могли сдержать своихъ лошадей и также за

нимъ поскакали. Вдругъ сдѣлался взрывъ, раздались пушечные выстрѣлы, поколебавшіе весь воздухъ, насъ обдало дымомъ и пылью, и мы попалали съ лошадей. Дѣло въ томъ, что наши лошади, предоставленныя бѣжать на произволь, повернули къ ближайшему посту отъ крѣпости и вскорѣ подорванная мина произвела дѣйствіе, подобное ужасному землетресенію.

Баттарейя осаждающей арміи только того и ожидала, чтобъ открыть свой огонь; крѣпость натурально также отвѣчала пушечными выстрѣлами; огонь распространился по всей линіи, сдѣлался страшный шумъ; ядра, бомбы и гранаты сыпались градомъ; казалось все обратится въ прахъ.

Мы полетѣли съ лошадей, какъ мѣшки съ мукою. Ординарецъ былъ почти безъ чувствъ, я едва дышалъ, одинъ капитанъ остался въ нормальномъ состояніи. Онъ, съ обычной ему флегмой, высвободилъ себя изъ-подъ лошади, потомъ помогъ мнѣ и дежурному встать на ноги, и спросилъ хладнокровно послѣдняго: гдѣ же мы найдемъ теперь офицера, къ которому ѣдемъ? Спокойствіе капитана было точно удивительное. По-крайней-мѣрѣ, тридцать ядеръ врѣзалось въ стѣну, за которую, по счастью, бросили насъ лошади, безъ чего мы, конечно, перестали бы тужить о бригѣ и его грузѣ. Осколки отъ стѣны летѣли прямо на насъ, но капитанъ не обращалъ на это вниманія; его безпокоила только настоящая египетская тьма, въ которую мы были погружены отъ дыма и пыли. Онъ спрашивалъ у нѣсколькихъ бѣжавшихъ мимо насъ солдатъ: въ которой сторонѣ баттарейя, но не добился толку; они какъ-будто его и не слышали.

Наконецъ облако пыли, покрывавшее, насъ разсѣялось; ординарецъ, осмотрѣвшись показалъ намъ баттарейю, къ которой капитанъ безъ дальней церемоніи и потащилъ меня. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, мы очутились подлѣ пушекъ; тамъ все было, какъ можно себя представить, въ движеніи. Баттарейя состояла изъ тридцати орудій 36-фунтоваго калибра, которыми дѣйствовали храбро и живо. Запальчивость осаждающихъ была такъ велика, что они заряжали пушки не отодвигая ихъ отъ амбразуръ и кричали испанцамъ, чтобъ они хорошенько цѣлили въ нихъ.

Не должно забывать, что это происходило спустя три мѣсяца послѣ побѣды при Аякучо. У первой пушки, къ которой мы подошли, полочки артиллеристовъ уже не существовало. Только что мы вошли на баттарейю, капитанъ сдѣлалъ знакъ, чтобъ я нагнулся, и въ ту же секунду ядромъ оторвало голову у артиллериста, стоявшаго возлѣ меня. Къ счастью, я немного отвернулся, и потому не былъ

оконтуженъ, однако глаза мои закрылись и все лицо обито было теплою кровью; когда я протеръ глаза, у ногъ моихъ лежалъ обезглавленный трутъ. Конечно, не въ первый разъ, я видѣлъ умирающаго человѣка, но въ первый разъ мнѣ сдѣлалось дурно, колѣни мои погнулись, кровь хлынула къ сердцу и я упалъ безъ чувствъ.

Но вотъ странность! Второй упавшій подлѣ меня артиллеристъ привелъ меня въ чувство; смерть его не сдѣлала уже на меня прежняго впечатлѣнія.

Третій случай еще менѣе былъ для меня чувствителенъ, такъ что по мѣрѣ падающихъ солдатъ, страхъ мой постепенно уменьшался, а бодрость увеличивалась.

Спустя полчаса, какъ мы вошли на батарею, я уже прислуживалъ капитану, и хотя по-временамъ еще невольно наклонялся, но уже не боялся свистѣвшихъ надъ головою ядеръ.

Надо однакожъ пояснить, какимъ образомъ попалъ я въ дѣло, будучи доселѣ самымъ мирнымъ изъ всѣхъ занимающихся веденіемъ бухгалтерскихъ книгъ. Когда мой храбрый капитанъ толкнулъ меня въ уголъ батареи и велѣлъ нагнуться, самъ онъ, какъ настоящій янки, прочистивъ себѣ дорогу, казалось, находился въ своей стихіи, и когда большая часть артиллеристовъ была убита, тотчасъ принялся за дѣло. Онъ взялъ банникъ изъ рукъ артиллериста, велѣлъ отодвинуть пушку, зарядилъ и самъ изъ нее выстрѣлилъ. Его видъ и дѣйствія такъ были рѣшительны, что не только никто не смѣлъ противорѣчить, напротивъ, всѣ повиновались ему безмолвно. Тутъ я имѣлъ случай видѣть—что значать присутствіе духа и самоувѣренность.

Капитанъ распоряжался, какъ-будто бы цѣлые годы командовалъ этой батареей, и никто не оспаривалъ его власти. Люди при второй пушкѣ также подчинились его командѣ.

Эта храбрость моего друга ободрила меня и заставила принять участіе въ дѣлѣ. Въ подобныхъ случаяхъ невольно увлекаешься. Я вынулъ картузъ изъ заряднаго ящика, сначала наклоняя голову, а потомъ держась прямо не хуже настоящихъ артиллеристовъ.

Около часа мы славно палили; потомъ огонь нашъ сталъ утихать. Многія изъ пушекъ не годились болѣе въ дѣло, только шесть, подъ командою нашего капитана, еще хорошо стрѣляли, потому-что онъ имѣлъ предосторожность давать имъ остынуть послѣ каждаго выстрѣла; этой предосторожности прочіе, при поспѣшности своей, не наблюдали. Надо замѣтить, что южные американцы, несмотря на ихъ пятнадцатилѣтнюю войну съ испанцами, были плохими артиллеристами; вообще артиллерія не приобрѣла еще у нихъ того значенія, какое имѣетъ у просвѣщен-

ныхъ націй. Это будетъ не удивительно, если мы вспомнимъ, что въ сраженіяхъ артиллерія у нихъ мало участвуетъ; даже въ битвѣ при Аякучо, которая рѣшила судьбу южнаго американскаго материка, не болѣе шести орудій дѣйствовало съ обѣихъ сторонъ. Самая природа Америки, высокія горы, рѣки, непроходимыя долины, недостатокъ дорогъ, сверхъ-того, усиленные переходы для достиженія непріятеля, рѣдко позволяютъ употреблять эти истребительныя орудія. Извѣстно также, что для успѣшнаго дѣйствія артиллеріею необходимы нѣкоторыя познанія въ математикѣ, которыхъ южные американцы не приобрѣтали, находясь подъ владычествомъ испанцевъ.

Между-тѣмъ капитанъ вновь зарядилъ и навелъ пушку. Онъ хотѣлъ уже приложить фитиль, какъ вчерашній офицеръ подошелъ къ намъ въ сопровожденіи цѣлой свиты. Я и прежде замѣчалъ, какъ онъ останавливался у каждаго орудія, ободряя однихъ, осуждая другихъ и принимаясь иногда самъ за дѣло. Всякій разъ обращаясь къ нашей сторонѣ, онъ останавливался, съ удовольствіемъ потирая руки. Въ этотъ разъ онъ также остановился, слѣдя глазами за всѣми движеніями капитана; я не сомнѣвался болѣе, что онъ принадлежитъ къ числу генераловъ арміи.

Капитанъ выстрѣлилъ, и въ ту минуту, какъ дымъ разсѣялся, мы увидѣли, что противолежащій бастионъ крѣпости зашатался и рухнулъ въ ровъ. Этотъ успѣхъ привѣтствованъ былъ радостными криками. Двадцать офицеровъ вдругъ бросились къ капитану и съ восторгомъ обнимали его, передавая другъ-другу. Все это сдѣлалось мгновенно. Хладнокровнаго капитана бросали, какъ мячъ, изъ рукъ въ руки. Можно было подумать, что всѣ они сошли съ ума. Ядра еще сыпались справа и слѣва въ батарею и однимъ изъ нихъ разорвало по поламъ одного ординарца. Но этотъ случай не только не погасилъ, а казалось еще усилилъ ихъ энтузіазмъ. Въ этой импровизированной сценѣ было что-то именно принадлежащее тропическому поясу, Южной-Америкѣ. Ядра еще свистѣли надъ головами, ноги скользили въ крови, земля покрыта была убитыми и ранеными, глазамъ повсюду представлялись смерть и разрушеніе, а въ это время мы летали (я также участвовалъ въ торжествѣ капитана) въ рукахъ дюжихъ молодцовъ съ черными бородами, завладѣвшихъ нами. Совершенно ошеломленный, я ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ и только смутно понималъ, что нахожусь въ Южной-Америкѣ, въ лагерѣ южныхъ американцевъ. Изъявленіе ихъ чувствъ было такъ сильно, что я почувствовалъ невольный страхъ; мнѣ казалось, что я кружусь въ вихрѣ, среди фантастическихъ сценъ тысячи и одной ночи, которыя чи-

талъ во-время нашего плаванія. Когда я пришелъ въ себя, все уже исчезло.

— Капитанъ, спросилъ я моего друга, что это все значить?

— Это значить, отвѣчалъ онъ, что мы разрушили бастионъ.

— Знаю, продолжалъ я: но чего хотѣли отъ насъ эти господа и куда они дѣвались?

— Вѣрно, возвратились къ своимъ мѣстамъ, отвѣчалъ спокойно капитанъ, отирая выступившій на лбу его потъ и приговариваясь осмотрѣть находившіяся близъ него пушки.

Съ нашей стороны огонь совершенно прекратился; непріятельскіе выстрѣлы становились все рѣже и рѣже. Мы дождались, пока они совсѣмъ умолкли, и тогда стали осматривать батарею. Она представляла, какъ легко вообразить, зрѣлище не очень пріятное, особенно для людей слабонервныхъ. Мы ходили между разбитыми пороховыми ящиками, вокругъ которыхъ разбросаны были разорванные человѣческіе члены, цѣлые трупы и осколки бомбъ; земляной валъ забрызганъ былъ кровью. Зрѣлище это возмущало мое сердце. Изъ осаждающихъ человѣкъ сто было убито въ батареѣ, чего и надо было ожидать отъ двухъ-фунтовыхъ ядеръ, бомбъ и гранатъ непріятельскихъ; при томъ и самая батарея устроена была не по правиламъ науки. Американцы еще слабѣе были въ фортификаціи, чѣмъ въ артиллеріи, и потому не мудрено, что такъ много потерпѣли отъ непріятельскаго огня. Болѣе половины пушекъ не годились болѣе въ дѣло: инныя были разорваны, другія упали съ подбитыхъ лафетовъ. Нашъ огонь менѣе вредилъ испанцамъ. Хотя обрушившійся бастионъ и сдѣлалъ брешь, чрезъ которую могла бы ворваться въ крѣпость сильная колонна, поддерживаемая артиллеріею, но американцы объ этомъ и не думали, хотя можно было бы употребить въ дѣло уцѣлѣвшія пушки. Офицеры почти все разошлись, очевидно довольные полученнымъ успѣхомъ. Оставшіеся приказывали только поднять раненыхъ и убитыхъ, ни мало не заботясь о пушкахъ, батареѣ и крѣпости. Хотя я былъ человѣкъ вовсе не военный, но не могъ понять, какъ послѣ столькихъ усилій и пожертвованій можно было имѣть такое равнодушіе. Мой капитанъ также покачивалъ головою; это значило, что и онъ не одобряетъ подобныхъ дѣйствій. Но здѣсь и видны южные американцы! И на войнѣ и на морѣ, они способны къ великимъ подвигамъ, готовы взлетѣть на Анды, терпѣть голодъ и жажду, сносить зной и стужу; не смотря ни на какія опасности, они преодолеваютъ все препятствія, наступаютъ въ распахъ непріятеля, обратятъ его въ бѣгство, и потомъ, вмѣсто того, чтобъ преслѣдовать его, преспокойно расположатся отдыхать и дадутъ мошенникамъ или мародерамъ воспользоваться ихъ побѣ-

дой. Къ счастію американцевъ, испанцы, въ подобномъ случаѣ, нѣсколько походили на нихъ.

Мы продолжали обозрѣніе нашей батареи, когда одинъ изъ ординарцевъ подбѣжалъ къ намъ и пригласилъ въ главную квартиру. Мы за нимъ послѣдовали, и имѣли случай дорогою сдѣлать нѣкоторыя наблюденія надъ солдатами. Большая часть осаждающей арміи расположена была въ виллахъ, или стояла на бивакахъ въ садахъ, такъ что мы могли ихъ видѣть запросто въ домашнемъ быту. Надо сознаться, что я рѣдко встрѣчалъ людей болѣе мужественнаго вида: это были вовсе не мародеры, блуждавшіе по улицамъ Лимы.

Ихъ бронзовыя лица, ихъ черныя бороды и еще болѣе черные глаза, имѣли что-то особенно выразительное. Посреди биваковъ они представляли живописное зрѣлище. Эти оборванные воины лежали на землѣ и даже лоскутками умѣли прекрасно драпироваться. Любимымъ ихъ препровожденіемъ времени было лежать; еслибъ лежа можно было работать, вѣроятно, они наработали бы много; но какъ для этого необходимо стоять или сидѣть, то вообще трудились они очень мало. Мы видѣли, какъ худо исполняли они главнѣйшія обязанности; едва нѣкоторые изъ нихъ принялись за чистку ружей. Но надо же было кому-нибудь заняться кухнею и стиркою бѣлья. Забавно было смотрѣть на тѣхъ, которые на это рѣшились. Руки стирпали и мыли, а въ головѣ бродили совсѣмъ другія мысли, и они не обращали никакого вниманія на низкія, какъ имъ казалось, занятія.

Наконецъ мы подошли къ богатой виллѣ; двое часовыхъ стояли передъ квартирой главнокомандующаго. Мы пробрались чрезъ толпу адъютантовъ и офицеровъ главнаго штаба; потомъ насъ поручили какому-то дворецкому, который ввелъ насъ въ комнату нижняго этажа, гдѣ мы нашли свои чемоданы, и очень кетати, потому-что съ запачканными лицами и разорваннымъ платьемъ, забрызганнымъ кровью и покрытымъ пылью, вовсе не походили на мирныхъ гражданъ сѣверо-американскихъ штатовъ. Дворецкій просилъ насъ поторопиться туалетомъ, потому-что по прибытіи главнокомандующаго тотчасъ долженъ начаться обѣдъ. Едва успѣли мы одѣться, какъ дворецкій опять пришелъ, чтобъ проводить насъ къ главнокомандующему.

Войдя въ залу, мы нашли столъ, накрытый челоуѣкъ на шестьдесятъ. Въ числѣ офицеровъ были и знакомцы наши на батарее. Не дожидаясь представленія нашего генералу, они бросились къ намъ, крича: «*Ben venidos capitanes!*» и снова обнимали насъ поочереди. У насъ почлось бы это невѣжливостію, но въ Южной-Америкѣ это очень натурально, потому-что происходитъ отъ живости чувствъ.

Обѣдъ былъ на славу; избранныхъ блюдъ и лучшихъ испанскихъ и французскихъ винъ было довольно. Шампанскаго пили много, однако ни у кого не отуманилась голова.

Первый тостъ провозглашенъ былъ въ честь «Боливара!»

Второй, «Сюкра!»

Третій, «Битвы при Аякучо!»

Четвертый, «Союза Колумбіи съ Перу!»

Пятый, «Гуалеро!»

Тутъ мы впервые узнали имя вчерашняго офицера. Генеральъ всталъ, поднялъ бокалъ свой и отвѣчалъ на тостъ растроганнымъ голосомъ.

«Senores amigos!» сказалъ онъ въ заключеніе: Если военный вашъ обратъ находится еще съ вами и можетъ посвятить свою жизнь на пользу отечества, этимъ обязанъ онъ старинному своему другу, который здѣсь на лицо, и раздѣлялъ сегодня съ нами труды и опасности.

Рекомендую его, какъ человѣка, заслуживающаго полное ваше расположеніе. Произнеся эти слова, онъ бросился къ нему на шею. Слезы выступили изъ глазъ хладнокровнаго моряка, губы его дрожали; онъ едва могъ произнести: «Amigo siempre!»

Всѣ офицеры еще разъ его обняли.

Мы пробыли слѣдующій день въ лагерь; но на третій день возвратились въ Лиму, гдѣ капитанъ долженъ былъ перебраться на житье къ своему другу. Отъ жены послѣдняго, которая послѣдовала за мужемъ своимъ въ Лиму, и частію отъ самаго генерала, узналъ я подробности о началѣ знакомства угрюмаго нашего капитана съ однимъ изъ знаменитыхъ генераловъ осаждающей арміи.

Начало этого знакомства сняло завѣсу съ тайны, покрывавшей прежнюю службу капитана.

II.

ГАВАНА 1816.

1816 годъ! Эпоха, которую не забудетъ Южная-Америка ни въ дни счастливые, ни въ годину испытаній. 19 ноября, спустя нѣсколько мѣсяцовъ послѣ сраженія при Качири, одинъ молодой человѣкъ, бѣдно

одѣтый, вышелъ изъ дому, которой занималъ въ Гаванѣ, на Гваделупской улицѣ (Calzada) и направилъ свой путь скорыми шагами къ морю. Было темно, солнце еще не восходило надъ Атлантическимъ океаномъ, и хотя Calzada была довольно далека отъ гавани, молодой человѣкъ, казавшійся иностранцемъ, пробирался окольными улицами и переулками, подобно индѣйцу, скрывающемуся отъ непріятеля. Когда онъ подходилъ къ гавани, другой человѣкъ осторожно вышелъ изъ-за кипы кофейныхъ мѣшковъ и груды брусковъ сандалнаго дерева, нѣсколько секундъ всматривался въ него, и потомъ, схвативъ за руку, увлекъ въ то мѣсто, гдѣ прежде скрывался. Тамъ ждали они чего-то съ безпокойствомъ, разговаривая тихо и стараясь проникнуть взорами густой туманъ, покрывавшій гавань и городъ. Всякій звукъ, долетавшій до нихъ черезъ туманъ, возбуждалъ ихъ опасенія; по мѣрѣ того, какъ разсвѣтало, боязнь ихъ увеличивалась. Черезъ четверть часа, шумъ весель возвѣстилъ приближеніе шлюпки; вскорѣ она обозначилась въ туманѣ, и быстро приближалась къ пристани. Прежде чѣмъ она пристала, одинъ изъ двухъ молодыхъ людей показалъ другому на человѣка, сидѣвшаго у руля шлюпки, и пожавъ въ послѣдній разъ ему руку, скрылся.

На шлюпкѣ было три человѣка, повидимому моряки; изъ нихъ одинъ казался офицеромъ. Въ ту минуту какъ шлюпка пристала къ пристани, офицеръ сказалъ нѣсколько словъ гребцамъ и началъ всходить по каменной лѣстницѣ. Бросивъ еще взглядъ на шлюпку, которая терялась въ туманѣ, онъ пошелъ въ городъ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ очутился возлѣ кипы мѣшковъ и сандалнаго дерева; скрывавшійся за ними незнакомецъ тотчасъ вышелъ и очутился предъ офицеромъ. Первое движеніе моряка было схватиться за оружіе; онъ былъ въ Гаванѣ, и въ эту пору едва разсвѣтало; но когда онъ увидѣлъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, то опустил тихонько тесакъ свой въ ножны. Молодой человѣкъ ни мало не походилъ на подозрительнаго человѣка. Платье его было очень поношено, грусть и безпокойство изображались на благородномъ лицѣ его, на которомъ болѣзнь и заботы оставили глубокіе слѣды. Голосомъ, обнаруживавшимъ душевное волненіе, незнакомецъ спросилъ офицера, не капитанъ онъ шкуны изъ Филадельфіи, которая должна скоро сняться съ якоря.

Морякъ, окинувъ глазами молодаго человѣка, отвѣчалъ утвердительно.

Глаза незнакомца заблестали. Волнующимся отъ страха и надежды голосомъ, онъ спросилъ капитана, не можетъ ли онъ взять его съ женою и двумя дѣтьми пассажирами на свое судно.

Морякъ на этотъ разъ посмотрѣлъ еще пристальнѣе на незнакомца. Между скромною его одеждою и горделивою осанкою была большая

противоположность, которая не могла ускользнуть отъ опытнаго глаза. Голосъ его дрожалъ, но огонь въ глазахъ обнаруживалъ самоувѣренность и мужество.

Капитанъ покачалъ головою.

При этомъ движеніи, волненіе незнакомца достигло высшей степени; онъ вынулъ полный кошелекъ и напередъ предлагалъ капитану взять все, что угодно за переѣздъ.

Капитанъ отступилъ на шагъ. Полный кошелекъ опять противорѣчилъ съ бѣдною одеждою, и на этотъ разъ онъ еще замѣтнѣе покачалъ головою.

Молодой человѣкъ устремилъ на него глаза, исполненные глубокой горести, губы его судорожно дрожали; онъ задыхался.

Капитанъ былъ тронутъ.

— Молодой человѣкъ, спросилъ онъ его по-испански: зачѣмъ нужно вамъ ѣхать въ Филадельфію? Вы не занимаетесь торговлею.

— Мнѣ нужно быть въ Филадельфіи, отвѣчалъ незнакомецъ, дѣлая надъ собою усиліе: я плачу за переѣздъ, вотъ деньги, вотъ паспортъ. Вы капитанъ: чего же вамъ нужно болѣе!

Слова эти произнесены были съ такимъ жаромъ, на лицѣ молодаго человѣка такое было отчаяніе, что капитанъ, покачавъ еще головою и бросивъ на него послѣдній взглядъ, хотѣлъ удалиться.

Но молодой человѣкъ дрожащею рукою остановилъ его.

— Капитанъ, ради Бога, возьмите меня съ несчастною женою и дѣтьми?

— Съ женою и дѣтьми! вскричалъ капитанъ болѣе ласковымъ голосомъ. Развѣ у васъ есть жена и дѣти?

— Да, прошепталъ незнакомецъ.

— Вы не сдѣлали преступленія? спросилъ съ живостію капитанъ: вы не скрываетесь отъ преслѣдованія законовъ?

— Богъ мнѣ свидѣтель, отвѣчалъ молодой человѣкъ, поднимая руки къ небу, я не сдѣлалъ никакого преступленія!

Капитанъ, съ минуту подумавъ отвѣчалъ: Въ такомъ случаѣ я беру васъ. Оставьте деньги при себѣ, пока не будете на суднѣ. Черезъ часъ я снимусь съ якоря.

Незнакомецъ не отвѣчалъ, но глубоко вздохнулъ, какъ человѣкъ съ котораго сняли тяжелую ношу и который возвращается къ жизни. Онъ взглянулъ на капитана съ признательностію, поднялъ глаза къ небу и поспѣшно удалился.

Капитанъ Риди, командовалъ шкуной «Чайка». Онъ сдалъ свой грузъ, окончилъ всѣ дѣла, и оставался въ Гаванѣ только за свѣжимъ

нордвестовымъ вѣтромъ. По утру вѣтеръ стихъ, и капитанъ возвращался на свою квартиру, чтобъ только расплатиться и захватить послѣднія свои вещи, послѣ чего немедленно располагалъ поднять паруса и идти въ Филадельфію.

Шкуна была готова. Это судно, построенное въ Балтиморѣ, было однимъ изъ лучшихъ по легкости своего хода, и въ маломъ размѣрѣ своемъ вмѣщало всѣ возможные удобства, въ томъ числѣ и удобство летать съ палубы, что я и самъ однажды испыталъ на себѣ. Четверо или пятеро пассажировъ легко могли помѣщаться въ каютѣ.

По счастью, капитанъ не имѣлъ другихъ пассажировъ. Между-тѣмъ онъ не очень былъ доволенъ своимъ новымъ приобрѣтеніемъ. Правда, что паспортъ, предъявленный незнакомцемъ, снималъ съ него отвѣтственность, но паспортъ могъ быть подложный; впрочемъ это было дѣло полиціи, а не его; если ему дѣлать справки о каждомъ пассажирѣ, такъ лучше не брать никого. Вѣроятно, онъ принялъ въ расчетъ это обстоятельство, хоть ему и не нравилась таинственность, облекавшая незнакомца, и его видимая боязнь. Притомъ, онъ могъ подвергнуться непріятности отъ начальства порта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ торговаго дома. Но морякъ былъ молодъ, имѣлъ характеръ рѣшительный. Хотя онъ исполнялъ въ отчужденности обязанности капитана, но ему не чуждо было челоуѣколюбіе; иностранецъ тронулъ живую струну въ его сердцѣ, и этого было довольно. Не думая болѣе о своихъ пассажирахъ, онъ хорошо позавтракалъ, кончилъ всѣ расчеты и возвратился на шкуну.

Въ ту минуту, какъ онъ вошелъ на палубу, незнакомецъ подошелъ къ нему, спустился съ нимъ въ каюту, и представилъ его молодой, прекрасной собою женщиной. Она одѣта была просто, но со вкусомъ, и всѣ движенія ея обнаруживали грацію и благородство. Возлѣ нея было двое милостивыхъ дѣтей. Брошенное на чемоданы верхнее плохое платье, показывало, что оно употреблено было ими для того, чтобъ лучше скрыться. Капитанъ, видя это, съ неудовольствіемъ покачалъ головою, но молодая женщина была прелестна, но въ ея трепещущемъ голосѣ было столько нѣжности, столько задушевной мольбы, что набѣжавшее на чело моряка облачко скоро исчезло.

Онъ учтиво предложилъ имъ считать себя на его шкунѣ какъ дома, и вошелъ на палубу. Вскорѣ послѣ того якорь былъ поднятъ, и судно пошло впередъ.

Солнце отдѣлилось отъ поверхности океана; сквозь туманъ, рѣдѣвшій отъ лучей его, начали видѣться гаванскія зданія. На первомъ планѣ показались суда, наполнявшія портъ, потомъ мрачная крѣость,

съ своими грозными амбразурами, изъ которыхъ выглядывали дула пушекъ. Къ этой крѣпости приближалась теперь шкуна.

Наши молодые супру́ги стояли на лѣстницѣ въ каюту, и держась правой рукой за фалрежь, а лѣвой обнявъ другъ-друга, смотрѣли съ неизъяснимымъ безпокойствомъ на крѣпость.

Послѣ крѣпкаго нордвестоваго вѣтра, настала, какъ обыкновенно случается, тишь съ слабыми порывами отъ зюйдъ-веста, которые способствовали выходу шкуны. Она была теперь противъ самой крѣпости. Тамъ не замѣтно было никакого движенія, только часовые мѣрнымъ шагомъ расхаживали взадъ и впередъ по одной и той же линіи. Все было мрачно и тихо, какъ въ могилѣ. Но вдругъ ближайшая къ пристани дверь отворилась. Изъ нея вышелъ офицеръ съ шестью солдатами; утренніе лучи солнца отражались на ихъ ружьяхъ. Четыре человѣка, лежавшіе на шлюпкѣ, привязанной къ кольцамъ нижней ступени пристани, вскочили. Офицеръ и солдаты спрыгнули на шлюпку, и шкунѣ сдѣланъ былъ сигналъ остановиться.

— *Jesus, Maria y Jose!* вскричала молодая дама.

— *Madre de Dios!* прошептала мужъ.

По знаку капитана большой парусъ упалъ. Капитанъ равнодушно смотрѣлъ на быстро приближавшуюся шлюпку. Черезъ минуту офицеръ и солдаты были на шкунѣ.

Молодой офицеръ, съ горделивымъ, свойственнымъ испанцу видомъ, предложилъ капитану показать его бумаги и вызвать на палубу всѣхъ матросовъ и пассажировъ.

Капитанъ пошелъ за бумагами, приказавъ лейтенанту собрать весь экипажъ. Возвратясь на палубу, онъ молча подалъ бумаги офицеру, который прочитавъ ихъ и пересмотрѣвъ по одиночкѣ всѣхъ матросовъ, обратился съ нетерпѣніемъ въ ту сторону, откуда должны были выдти пассажиры. Наконецъ они вышли; молодой человѣкъ несъ одного изъ дѣтей, жена вела за руку другаго.

При видѣ ихъ офицеръ вздрогнулъ. — Знаете-ли вы, сказалъ онъ громко, обращаясь къ капитану, знаете ли, что на вашемъ суднѣ находится военно-плѣнный; какъ осмѣлились вы взять его?

— «*Jesus Maria y Jose!*» прошептала вторично молодая женщина и упала безъ чувствъ на руки своего мужа.

Глубокая тишина прерываема была только воплемъ дѣтей; солдаты и матросы, глубоко тронутые, опустили глаза. Офицеръ бросился къ

* Веревка, служащая вмѣсто поручней.

молодому человѣку, осторожно освободилъ его отъ ребенка, и далъ ему возможность оказать помощь женѣ, упавшей въ обморокъ.

— Мнѣ очень больно, «senor», сказалъ офицеръ, но я долженъ васъ взять съ собою. Слова эти были произнесены ласковымъ, но рѣшительнымъ тономъ. Плѣнникъ ничего не слыхалъ; онъ стоялъ на колѣняхъ передъ женою и теръ ей виски. Между-тѣмъ капитанъ вынулъ изъ кармана свертокъ вѣтаго табаку, отрѣзалъ кусочикъ и положилъ за губу; потомъ, развернувъ хладнокровно паспортъ молодого человѣка, подаль его офицеру. Испанецъ оттолкнулъ эту бумагу съ презрѣніемъ. Дѣйствительно, въ этомъ хладнокровіи молодого моряка было что-то возмущающее душу. Конечно, онъ былъ капитаномъ купеческаго судна и для него было очень важно отклонить отъ себя подозрѣніе въ участіи къ побѣгу плѣнника; шкуна была подъ выстрѣлами крѣпости, — сдѣлай офицеръ знакъ, и волей-неволей, а надо повернуть назадъ, чтобы подвергнуться допросу, и можетъ-быть, строгому наказанію. Но это спокойное, хладнокровное чело среди оживленной сцены, казалось, обнаруживало величайшую нечувствительность. Не такъ было на самомъ дѣлѣ! У человѣка обыкновеннаго всѣ движенія душевныя отражаются на лицѣ, какъ въ зеркалѣ; у людей, одаренныхъ характеромъ сильнымъ, часто, подъ оболочкою неподвижною бьется сердце, доступное всему высокому, благородному..

Только одинъ лейтенантъ, замѣтивъ въ чертахъ лица капитана легкое судорожное движеніе, подошелъ къ нему. Капитанъ сказалъ ему нѣсколько словъ наухо. Потомъ предложилъ офицеру сойти въ каюту, чѣмъ-нибудь освѣжиться. Подобнойу чтивости капитаны никогда не забываютъ въ отношеніи къ портовымъ офицерамъ. Испанецъ согласился и они сошли внизъ.

Тамъ капитанъ сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ; съ учтивостію, которой никто въ немъ не подозрѣвалъ и которую никто не покажетъ лучше янки, когда ему нужно пустить кому-нибудь пылъ въ глаза, услуживалъ онъ своему гостю. Между-тѣмъ какъ буфетчикъ ставилъ на столъ сухари, миндаль, маслины, онъ раскупоривалъ бутылку мадеры, и наливая стаканъ за стаканомъ, изъяснялъ случившееся, — и умѣлъ такъ хорошо оправдать себя, что офицеръ, послѣ нѣсколькихъ стакановъ мадеры, сказалъ ему что паспортъ былъ фальшивый, потому что принадлежалъ совсѣмъ другому лицу, но что ему, капитану, бояться нечего; впрочемъ вино было доброе, плѣнный — человѣкъ важный, и офицеръ могъ поздравить себя съ такимъ призомъ. Рѣдкій испанецъ откажется отъ стакана хорошей мадеры съ маслинами. Офицеру повраилось въ каютѣ; онъ былъ въ лучшемъ расположеніи духа, однако не

забылъ приказать вынести всѣ вещи пассажировъ наверхъ и спустить шлюбку. Капитанъ, взвизываясь, что долженъ на минуту оставить офицера, вышелъ на верхъ, чтобъ отдать кое-какія приказанія. Когда всходилъ онъ по лѣстницѣ, бѣдный плѣнникъ подошелъ къ нему; лицо его было блѣдное, зеленоватое, черты лица показывали величайшее разстройство. Одинъ ребенокъ уцѣпился за правую его ногу; жена держала его въ своихъ объятіяхъ, молодая негритянка несла на рукахъ другаго ребенка. Капитанъ во-время путешествій своихъ посмотрѣлся на разныя сцены; но эта раздирала его сердце.

Страданія жены, отчаяніе мужа могли растрогать и самаго нечувствительнаго человѣка. Когда плѣнникъ подходилъ къ капитану, глаза его горѣли мрачнымъ огнемъ, мускулы и губы судорожно полергивались, губы стучали какъ въ лихорадкѣ и рука машинально хваталась за эфесъ пшаги. Что касается до жены,—казалось, она не принадлежала болѣе къ этому міру; но и лишившись чувствъ, она все еще была прекрасна. Капитанъ взялъ за руку молодаго человѣка, стараясь его утѣшить. Если бы вы 24 часа раньше мнѣ открылись, я нашелъ бы средство спасти васъ; но теперь, это почти невозможно: офицеръ имѣетъ положительныя приказанія, крѣпостныя пушки въ минуту могутъ пустить насъ ко дну. Жаль отъ всего сердца!.... Несчастный не далъ ему продолжать; какъ утопающій схватился за его руку, и послѣ невозможныхъ усилій, съ трудомъ, перерывисто сказалъ слѣдующее:

— Выслушайте меня, капитанъ: я родился въ Колумбій и служилъ офицеромъ въ арміи противъ испанцевъ. Попавшись въ плѣнъ въ несчастномъ сраженіи при Качири, я отвезенъ былъ въ Гавану съ прочими плѣнными. Испанцы позволили семейству моему послѣдовать за мною; такимъ-образомъ они имѣли въ своей власти одну изъ первѣйшихъ фамилій въ Колумбій. Четыре мѣсяца томился я въ ужасной тюрьмѣ; крысы и гады были единственными моими товарищами, и если я остался живъ, то обязанъ этимъ крѣпкому моему сложенію. Изъ семи сотъ плѣнныхъ осталось въ живыхъ самое-незначительное число. Двѣ недѣли назадъ тому, выпущенъ я былъ изъ тюрьмы, потому-что походилъ болѣе на скелета, чѣмъ на живое существо; мнѣ позволили жить въ городѣ, гдѣ я нѣсколько поправился. Между-тѣмъ, я узналъ, что дано приказаніе снова заключить меня въ тюрьму; но тамъ не прожить мнѣ и недѣли. Одинъ вѣрный другъ, сжалившись надъ нашею участью, пренебрегая всѣми опасностями, досталъ мнѣ паспортъ и снабдилъ деньгами, совѣтуя обратиться къ вамъ. Паспортъ принадлежалъ испанцу, умершему отъ желтой лихорадки. Съ этимъ видомъ, при вашей помощи, надѣялся я избавиться плѣна, а съ тѣмъ вмѣстѣ и смерти. Капи-

тань! вся надежда моя, жены моей и дѣтей теперь на васъ. Вопросъ идетъ о жизни и смерти! Если вы покинете меня, смерть моя несомнѣнна, но я предпочитаю ее вторичному заключенію въ темницѣ, и живой не отдамся въ руки испанцамъ. Но бѣдная моя жена! бѣдныя дѣти! бѣдная отчизна!

Капитанъ, проведя рукою по лбу, пошелъ скорыми шагами на бакъ * и приказалъ матросамъ вынести на палубу багажъ пассажировъ. Посмотрѣвъ на направленіе вѣтра и подумавъ съ минуту, онъ отдалъ тихонько приказаніе лейтенанту. Послѣ этихъ распоряженій, пошелъ онъ въ каюту. Проходя мимо семейства несчастнаго плѣнника, онъ сказалъ вполголоса, не поворачивая головы: надѣйтесь на Того, Кто не оставляетъ человека въ минуту бѣдствія! Едва произнесъ онъ эти слова, какъ испанскій офицеръ вбѣжалъ на лѣстницу, и увидѣвъ плѣннаго съ семействомъ, предложилъ имъ сойти на шлюбку; но капитанъ, ставъ между ними, просилъ офицера позволить несчастному пассажиру выпить на прощанье стаканъ вина.—Вы военный, я также полувойенный. Какъ храбрый и великодушный испанецъ,—какой же испанецъ не почитаетъ себя храбрымъ и великодушнымъ,—вы не допустите, чтобъ я отпустилъ бѣднаго пассажира, не оказавъ ему послѣдняго гостепріимства.

У офицера было доброе сердце; онъ согласился, и пропустивъ передъ собою пассажира, сошелъ за нимъ въ каюту. Капитанъ самъ принесъ вторую бутылку такой превосходной мадеры, что при первомъ стаканѣ глаза испанца заблестали. Несмотря на грусть плѣннаго, разговоръ оживлялся; капитанъ говорилъ бѣгло по-испански, и обнаруживалъ такую веселость, какой никто не подозрѣвалъ въ угрюмомъ, молчаливомъ морякѣ.

Такъ прошло полчаса.

Вдругъ почувствовали сильной толчекъ, стаканы и бутылки зазвенѣли.

Испанецъ вскочилъ съ мѣста.

— Капитанъ! вскричалъ онъ, судно идетъ?

— Разумѣется, отвѣчалъ капитанъ: согласитесь, что при такомъ прекрасномъ вѣтрѣ, шкуна не можетъ оставаться неподвижною.

Офицеръ, не отвѣчая, выбѣжалъ изъ каюты и бросился по лѣстницѣ на палубу. Быстро взглянулъ онъ на пристань; она была назади въ разстояніи уже двухъ миль.

Испанецъ пришелъ въ бѣшенство.

* Передняя часть судна.

— Солдаты! заревѣлъ онъ, арестовать капитана, арестовать пассажировъ! Насъ обманули! Руль на борту!

Очевидно, что употреблена была хитрость. Шкуна такъ тихо вступила подъ паруса, что ни солдаты, ни гребцы, потягивая ромъ, этого не замѣтили, и только тогда догадались, когда офицеръ явился на палубу.

Капитанъ оставался хладнокровенъ.

— Какой же тутъ обманъ? сказалъ онъ съ важностію. Благодаря Бога. мы американцы, и намъ обманывать некого. Намъ ничего не поручали, стало быть не въ чѣмъ давать отчета; что касается до плѣннаго, онъ останется съ нами.

— Съ вами? возразилъ офицеръ, увидимъ!

— Съ нами, повторяю вамъ, продолжалъ съ обычною флегмою капитанъ. Не хлопчите, по напрасну, «сепог». Ружья вашихъ солдатъ въ нашей власти, мои шесть вооруженныхъ матросовъ конечно справятся съ вашими обезоруженными солдатами. При первомъ ихъ движеніи, я велю стрѣлять.

Оглянувшись назадъ, офицеръ былъ пораженъ. Ружья солдатъ его, сложенные въ козлы, были подъ наблюденіемъ двухъ вооруженныхъ матросовъ.

— И вы осмѣлитесь... вскричалъ офицеръ, задыхаясь отъ бѣшенства.

— Конечно осмѣлюсь, и безъ дальней церемоніи, но я надѣюсь, что вы не доведете меня до этого, потому-что не вижу въ томъ никакой необходимости. Вы останетесь у меня еще нѣсколько часовъ гостемъ, и потомъ возвратитесь на берегъ на своей шлюпкѣ.

Эти слова прознесены были голосомъ спокойнымъ, но твердымъ. Испанецъ былъ точно въ пылкѣ.

— Maestro! maestro! вскричалъ онъ, я надѣюсь, что все это одна шутка.

— Нѣтъ, мы, американцы, шутить не любимъ, отвѣчалъ небрежно капитанъ.

— Но знаете ли, какое вы дѣлаете преступленіе? воскликнулъ офицеръ.

— Еслибъ я былъ испанецъ, такъ; но какъ я американецъ—то никакого, возразилъ капитанъ, обмакивая палецъ въ ведрѣ морской воды которое поднималъ буфетчикъ изъ-за борта. Мы на морѣ. Будьте же разсудительны, прибавилъ онъ болѣе дружескимъ тономъ.

Офицеръ скрежеталъ зубами, но очевидно было, что не терялъ еще надежды поправить дѣло. Сопротивляться ему конечно было нельзя: ружья его солдатъ были во власти американцевъ, вооруженныхъ пистолетами и тесаками. Солдаты выжили довольно рому, на гребцовъ—нег-

ровъ еще менѣе было можно разсчитывать; но неподалеку были военные и таможенные куттера. Сдѣлай одному изъ нихъ сигналъ, и шкуна должна будетъ остановиться. Офицеръ обратилъ все свое вниманіе на военный шлюпъ, плывшій къ порту.

Капитанъ, казалось, угадалъ его мысль.

— Сенор, сказалъ онъ ему, вы не откажетесь сдѣлать намъ честь вмѣстѣ позавтракать. Мы надѣемся, что будемъ имѣть удовольствіе и обѣдать съ вами; что касается до ужина, то, вѣроятно, вы будете ужинать уже дома.

Сказавъ это, онъ учтиво подалъ испанцу руку; тотъ по повелѣ согласился идти.

Плѣнникъ съ женою, оставшись одни, вскрикнули отъ радости и бросились другъ къ другу въ объятія. Сердца ихъ были полны невыразимыхъ чувствъ.

Они смотрѣли на Гавану и на крѣпость, отъ нихъ удалявшіяся. Мало-по-малу городъ, портъ съ лѣсомъ мачтъ и самая крѣпость стали скрываться. Блестящая полоса, какъ серебряная лента, росла въ длину и ширину между портомъ и судномъ. Молодая чета съ неизъяснимою радостію замѣчала, какъ эта свѣтлая полоса, постепенно расширяясь, превращалась въ обширную пелену воды, служившую надежнымъ ручательствомъ ихъ избавленія. Наконецъ и очеркъ города сталъ скрываться, мачты въ портѣ были невидимы, только вымпела на нихъ рѣяли вдали горизонта, какъ морскія птицы. Шкуна бѣжала по десяти узловъ въ часъ. Можно представить восторгъ пассажировъ; они забыли и голодъ и жажду, и только услыша голосъ испанца на лѣстницѣ, пришли опять въ себя.

Шкуна была уже въ двадцати миляхъ отъ Гаваны, крѣпость едва видѣлась. Пора было разстаться. Капитанъ не боялся, что его воротятъ, притомъ офицеру опасно было долѣе оставаться на суднѣ. И такъ онъ посѣшилъ сойти на шлюпку, и чрезъ минуту легкой яликъ летѣлъ къ порту.

Шкуна, тоже съ попутнымъ свѣжимъ вѣтромъ, быстро неслась къ Филадельфіи, куда и достигла чрезъ одиннадцать дней плаванія.

Пассажиръ остановился съ семействомъ своимъ въ домѣ капитана, молодая жена котораго приняла ихъ какъ старыхъ друзей.

Эстоваль (такъ названъ былъ въ паспортѣ колумбіецъ) и жена его тѣмъ охотнѣе согласились воспользоваться этимъ гостепріимствомъ; что появленіе въ свѣтъ подъ собственнымъ ихъ именемъ было бы и для нихъ небезопасно, и для капитана непріятно. Жители Филадельфіи, 10 узловъ равняются 17½ верстамъ въ часъ.

большую частью квакеры, ученые и купцы, смотрѣли на эту войну, которая причиняла имъ потери, вообще непріязненно, и въ-особенности не благоволяли къ южнымъ американцамъ. Притомъ испанскій посланникъ въ Соединенныхъ-Штатахъ имѣлъ сильную партію между городской знатью.

Всѣ эти обстоятельства требовали, чтобъ колумбіецъ сохранялъ свое инкогнито, тѣмъ болѣе, что и средства его были незначительны; надо быть бережливымъ, чтобъ имѣть возможность возвратиться на родину. Черезъ три мѣсяца представился къ тому случай: одинъ пріятель капитана согласился перевезти это семейство въ Сен-Маргериту, гдѣ была главная квартира южныхъ американцевъ и гдѣ, подъ предводительствомъ Боливара, продолжались военныя дѣйствія.

Только въ этотъ перѣздъ, колумбіецъ вспомнилъ, что не открылъ настоящей своей фамилии капитану, который, по скромности, самъ его объ этомъ не спрашивалъ, называя обыкновенно пассажировъ своихъ только по именамъ.

Между-тѣмъ капитану пришлось за это дѣло дорого расплатиться съ хозяевами своего судна. Дѣлу придана была тѣмъ болѣшая важность, что оно навлекло нѣкоторую непріятность ихъ гаванскимъ корреспондентамъ.

Капитанъ уволенъ былъ отъ должности, съ довольно двусмысленнымъ аттестатомъ, и вотъ начало брошенной на его репутацію тѣни, которая могла бы долго и даже навсегда остаться, еслибъ не поблагодарствовала ему случайность войны. Со всѣмъ тѣмъ прошло много времени, пока предубѣжденіе изгладилось.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ участь Колумбіи рѣшилась. Боливаръ искуснымъ форсированнымъ маршемъ предупредилъ соединеніе испанскихъ армій. Гуалеро отправленъ былъ съ другою арміею изъ Каракоса вокругъ мыса Горна въ Перу. Между-тѣмъ Сьюкръ напалъ на испанцевъ при Аякучо, разбилъ ихъ и заставилъ положить оружіе. Независимость Перу, а съ нею и всей испанской Америки, была обезпечена. На всемъ обширномъ материкѣ не оставалось испанскихъ войскъ исключая гарнизона въ крѣпости Каллао. Крѣпость эта за четыре года была блокирована и взята Мартиномъ и Кокреномъ, но потомъ опять попала въ руки испанцевъ; вторичное покореніе ея возложено было на генерала Гуалеро, прибывшаго съ арміею своею въ Лиму.

Эта армія только что была высажена на берегъ, когда мы пришли съ съѣстными припасами и сигарами, которыя такъ необходимы испанцамъ. Судьба опять свела капитана съ американскимъ офицеромъ, но въ обстоятельствахъ, совершенно различныхъ.

Прежній бѣглець командовалъ теперь значительной арміей. Янки-капитанъ былъ безъ судна и груза. Но тотъ и другой не измѣнили своему характеру. Гуаларо не забылъ своего благодѣтеля; капитанъ и въ несчастіи не утратилъ своего достоинства. Въ присутствіи генерала ни однимъ жестомъ, ни однимъ движеніемъ—не обнаружилъ онъ ни малѣйшаго замѣшательства.

Послѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ Лимѣ, капитанъ и генералъ растались съ чувствомъ глубокаго уваженія другъ къ другу и живѣйшей дружбы. Нечего и говорить, что дѣла наши приняли лучшій оборотъ. Чрезъ три дня по прибытіи нашемъ въ Лиму, капитану возвратили шкуну и грузъ, исключая, разумѣется, принадлежавшаго испанцамъ. Эта часть груза была конфискована, но генералъ выкупилъ ее и подарилъ капитану; сверхъ-того онъ сдѣлалъ родъ аукціона, на которомъ сигары пошли за высокую цѣну.

Капитанъ выручилъ три тысячи долларовъ, которые промѣнялъ на золото. Самая шкуна и остальной грузъ были куплены южными американцами для ихъ флота.

ПРОГУЛКА ПО РОССИИ.

ПОЪЗДКА ВЪ ЗАЛѢССКІЙ И ЯРОСЛАВСКІЙ КРАЙ,

ЛѢТОМЪ 1852 ГОДА.

И отдыхъ въ пользу.

Антонъ Прокоповичъ-Антонскій.

Суздааль и округъ его.—Ростовъ и промышленность огородниковъ его округа.—Ярославль и льняная промышленность края.—Романовъ—Борисоглабскъ.—Залѣсскій край; остатки потѣпной флотилии въ Переяславль и памятникъ Петру Великому.—Сельди и лещи Переяславскаго-озера.

Какъ ни обилень Петербургъ, зимою, удовольствіями, которыя, какъ извѣстно,—сосредоточиваются на это время года въ городѣ; но чтобы живущему тамъ круглый годъ можно было вполне пользоваться ими,—для этого необходимо имѣть извѣстныя лѣта и крѣпкое здоровье. При однѣхъ этихъ условіяхъ можно жить тамъ по-петербургски, т. е. до обѣда заниматься дѣломъ часовъ шесть за одинъ присѣтъ, а потомъ гастрономически обѣдать въ ресторанахъ, и послѣ веселиться до 2-хъ часовъ въ любимомъ публикою мѣстѣ, еще не утратившемъ интереса новости, или играть въ карты. А все ли въ Петербургѣ наслаждаются вполне здоровьемъ, и все ли имѣютъ способы предаваться публичнымъ веселостямъ, которыя не дешевы? Потому, очень немногіе, съ свободными средствами, выдерживаютъ, безвыѣздно изъ города, годичный круго-оборотъ; а чтобы сдѣлать себя хотя на зиму покрѣпче, переселяются на лѣто

на дачу. Такъ уже издавна ввелось въ Петербургѣ, въ этомъ дѣломъ, дѣятельномъ городѣ, гдѣ каждый изъ чего-нибудь бьется, и гдѣ безъ этого чего-нибудь чувствуетъ себя *désappointé*. Но способъ дѣлать такимъ образомъ годичное время сдѣлался, наконецъ, слишкомъ единообразенъ, сталъ надоѣдать; одиѣ и тѣ же дачи прискучили, а между-тѣмъ и поколѣніе перемѣнилось, и новое принесло съ собою въ общежитіе многое свое, новое. Вотъ придумали раздвинуть границы дачной жизни, сперва въ болѣе отдаленныя окрестности столицы, потомъ въ Ревель, въ Гельсингфорсъ и т. д. Но ни деревня, какъ, впрочемъ, ни мало между петербургскими дачниками помѣщиковъ, ни Москва, если у кого не было тамъ своихъ близкихъ, не приходили на мысль: гдѣбы лучше провести лѣто, пока не легъ по тонкому грунту новгородской губерніи рельсъ, и паровикъ не началъ переносить, какъ коверъ самолетъ, въ 21 часъ, петрогородцевъ въ Москву, москвитянь въ С. Петербургъ. Самые жаркіе поборники желѣзной дороги едва ли воображали себѣ переворотъ, долженствовавшій совершиться въ передвиженіяхъ народа послѣ открытія дороги, и послѣдствія относительно развитія многихъ новыхъ промысловъ, какія теперь являются уже на дѣлѣ. Что впередъ будетъ—о томъ одинъ Богъ вѣдаетъ. Мы говоримъ о лѣтнемъ провозженіи времени, и потому скажемъ, что 21-часовой поѣздъ по желѣзной дорогѣ, гдѣ въ креслахъ вагона путешественникъ сидитъ, какъ въ своемъ кабинетѣ, приблизилъ Москву къ Петербургу на разстояніе, какимъ въ старину опредѣлялось въ царскихъ грамотахъ пространство жалованныхъ помѣстій, т. е. на птичій полетъ и на воловій рыкъ. При этомъ область лѣтняго провозженія времени для петрогородцевъ раздвинулась едва ли не на всю Великороссію: кто уже въ Москвѣ, тому ея окрестности съ загородными мѣстами, всѣ ближайшіе города, съ ихъ привольемъ и дешевизною, по берегамъ Волги, Оки, и мало ли еще гдѣ, становятся все-равно, что рукой подать.

Нездоровый, я рѣшился весною нынѣшняго года ѣхать на лѣто въ Москву; а пріѣхавъ туда въ апрѣлѣ, спросилъ себя: что я стану дѣлать въ Москвѣ? Поѣду-ка лучше въ деревню. И съ мая помѣстился въ деревнѣ въ полномъ смыслѣ этого названія, которой не означено и, думаю, никогда не будетъ означено, на самой подробной топографической картѣ, да и мѣсто ея географически не опредѣлишь, что, впрочемъ, ни къ чему и не повело бы. Избранная мною на лѣто деревня лежитъ за Москвою, около 18 верстъ далѣе Переславля-Залѣскаго, между ярославскою и владимірскою дорогами; а въ какомъ разстояніи отъ тѣй и другой? подводчикъ сказалъ мнѣ: «версты по проселкамъ мѣрила баба клюкой, да махнула рукой», и потомъ другой крестьянинъ:

«шутъ ихъ мѣрилъ и веревку порвалъ». Послѣ двухъ первыхъ мѣсяцевъ апатическаго спокойствія, я началъ чувствовать, что во мнѣ возникаетъ желаніе еще чего-то, кромѣ сельскаго единообразія, не потому, что деревня, гдѣ жилъ я, не была похожа на Тускулумъ, а ближайшій городокъ—на Фраскати и Альбано близъ Рима; но вѣроятно потому, что жизнь по природѣ, воздухъ, беззаботность и занятіе несрочное, по произволу, когда былъ расположенъ заняться, приведа въ порядокъ органическія отправления, сдѣлали этимъ именно то, въ чемъ я нуждался и чего не сдѣлала бы полная лучшими лекарствами аптека въ городѣ, или курсъ гимнастики у де-Рона (въ Петербургѣ). Мнѣ захотѣлось поближе узнать край, въ которомъ я до того времени не бывалъ. Вообще интересны мѣста, о которыхъ говоритъ исторія, или которыя сами за себя говорятъ! Поэтому, іюль и часть августа я рѣшился поѣздить. Думалъ начать разѣзды съ Суздаля, чтобы посмотреть, между-прочимъ, школу иконописцевъ, но слышу, что въ Суздали не пишутъ образовъ. Есть тамъ, какъ и во многихъ другихъ городахъ, иконописцы, однако 2—3 человѣка не болѣе; но иконопись, какъ исключительный народный промыселъ, изѣтари и донинѣ ведется между крестьянами экономической холуйской волости въ селѣ Холуѣ съ деревнями, верстахъ въ 80—90 отъ Суздаля; лучшія работы выходили прежде изъ селенія Полахъ; но съ нѣкотораго времени, какъ эти, такъ и вообще иконописцы холуйскіе, сбили, какъ говорится, руку отъ успѣшности и отъ множества работъ; слывутъ же образа суздальскими во-первыхъ, отъ того, что въ старину холуйская волость заключалась въ границахъ суздальской провинціи, гдѣ Суздаль, а не Владиміръ, какъ въ нынѣшней губерніи, былъ главнымъ городомъ, и потому произведенія, какъ назывались въ то время именемъ главнаго города, такъ и до нынѣ называются тѣмъ же именемъ; а во-вторыхъ, образцами холуйскимъ иконописцамъ всегда служили болѣею частію образы изъ иконостаса Рождественскаго собора въ Суздали, образа чистаго греческаго стиля.

Въ Суздали есть и еще нѣкоторые предметы, достойные вниманія; но ихъ интереснѣе будетъ видѣть, когда они довершатся, какъ наприм. монументъ надъ гробницею стратига Россіи, князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Развѣ для нѣкоторыхъ, можетъ-быть, не бесполезно знать, какое употребленіе тамъ дѣлаютъ изъ корья, выходящаго изъ дубильныхъ чановъ съ кожевенныхъ заводовъ? Скажемъ объ этомъ нѣсколько словъ. Корье, вмѣсто того, чтобъ оставлять безъ пользы, раскупаютъ жители, имѣющіе домашнюю рогатую скотину. Возъ корья стѣитъ до 1 р. с. Корье сырое или сухое, прежде нежели давать скотинѣ

кладуть въ корчаги, ведра по $1\frac{1}{2}$, по 2, наливаютъ водою и ставятъ въ теплую печь съ полдня, когда печь вытопится; до слѣдующаго утра, чтобъ корье хорошенько упрѣло; а потомъ выкладываютъ его въ корыта и обсыпаютъ мукою, или отрубями, или толченою збойною, т. е. остатками отъ сѣменнаго масла, по фунту и по два на задачу для каждой скотины (чѣмъ больше, тѣмъ лучше), и такимъ приготовленіемъ кормятъ скотъ. Скотина съѣдаетъ разомъ до 2-хъ ведръ утромъ, и столько же вечеромъ. Сначала вновь заведенный скотъ ѣсть такую пищу неохотно; но скоро къ ней привыкнувъ, предпочитаетъ всякому другому корму. Отъ корья скотъ становится жирнѣе, шерсть на немъ получаетъ лоскъ, молоко коровъ—нѣсколько особенный, вкусъ, нѣсколько, впрочемъ, не противный, и розово-желтый оттѣнокъ.

И такъ, вмѣсто Суздаля, я отправился къ Ростову и далѣе. Надобно замѣтить, что Переяславль, названный Залѣскимъ отъ обилія лѣсовъ между нимъ и Москвою, нынѣ потерялъ эту залѣность, потому что замосковными лѣсами фабричная производительность распорядилась по своему; теперь они остаются массами болѣе между св. Троицею-Сергіемъ и Переяславлемъ и отъ Переяславля къ Ростову, тамъ и сямъ, въ сторонѣ отъ большой дороги. Дорога отъ св. Троицы идетъ мѣстами съ горы на гору. На этомъ пути есть живописные виды, особенно съ возвышенности на тринадцатой верстѣ отъ станціи «Погость», близъ селенія Любимова (помѣщка Бабкина). Видъ открытъ впередъ вереть на тридцать, и на горизонтѣ разнообразнаго ландшафта лежитъ городъ Ростовъ, на берегу озера. Семь верстъ далѣе отъ этого мѣста заштатный городокъ Петровскъ. Императрица Екатеринѣ II, во-время ея путешествія изъ Ярославля, такъ понравилась мѣстность, что она повелѣла быть тутъ городу, и называться ему, въ память Петра I, по-русски Петровскомъ, какъ основанный на Невѣ городъ названъ по-нѣмецки Петербургомъ. По присланному изъ Петербурга проекту выстроена на избранномъ для города мѣстѣ церковь во имя св. Петра и Павла, которая во всякомъ городѣ была бы красивою, по внутренней архитектурѣ, церковью.

Но Петровскъ не пошелъ, однако, впередъ, и остается донынѣ, какъ былъ съ основанія, бѣднымъ городкомъ, и съ нѣкотораго времени заштатнымъ. Рѣки нѣтъ и не достааетъ другихъ мѣстныхъ условій; промышленность же овощами огородниковъ, начинающаяся отъ Петровска, слабоопыльна сама по себѣ, чтобъ завить городское гнѣздо и оживить населеніе, тѣмъ болѣе, что отъ Петровска въ двадцати одной верстѣ Ростовъ, собственно главный городъ огородниковъ.

Интересна промышленность огородниковъ въ этомъ краѣ! Поселянинъ

существуетъ тамъ не земледѣлемъ; онъ сѣетъ хлѣбное зерно сколько для него необходимо; но усиленно, съ любовію, въ видахъ благосостоянія, разводитъ овощи, именно: сахарный горошекъ и цикорій. По дорогѣ видны всюду гряды, гряды, гряды, весною съ тычинками сухихъ вѣтвей, которыя среди лѣта обвиваются горошкомъ, а мѣстами гряды съ цикоріей.

Ростовъ въ высшей степени важенъ и замѣчательнъ въ религіозно-историческомъ отношеніи, и вотъ почему: Христіанство въ Россіи въ началѣ возникло и утвердилось на трехъ пунктахъ: въ Кіевѣ, въ Новгородѣ и Ростовѣ (въ 1070 году), съ землями суздальскою и муромскою, когда въ нынѣшнемъ московскомъ округѣ народъ еще идолопоклонствовалъ. Эти три пункта были тогда между собою въ непрерывныхъ, прямыхъ, непосредственныхъ сношеніяхъ. Въ концѣ XI вѣка, изъ существовавшихъ въ Россіи епископствъ одно было ростовское; муромскіе князья, уже отдѣльные, были отраслю князей черниговскихъ; четвертый митрополитъ російскій, Ефремъ (1090 г.), жившій въ Переславлѣ въ Украинѣ, украшая этотъ городъ храмами, украшалъ ими и отдаленный Суздаль; въ XII вѣкѣ черниговскій князь Михаилъ, желая получить облегченіе отъ болѣзни, ѣздилъ изъ Чернигова въ Переславль (Залѣсскій), для молитвы къ Никитѣ Столпнику, спасавшемуся въ переславскомъ Никитскомъ-монастырѣ; изъ всѣхъ князей, старавшихся со всею теплотою любви о заведеніи и поддержаніи училищъ въ Россіи, извѣстенъ въ исторіи князь ростовскій Константинъ (1218 г.)

Кафедральный сборъ имѣлъ важное значеніе, при патриархахъ. Поэтому, въ Ростовѣ, соборъ XIII вѣка и оставленные, съ перенесеніемъ кафедры въ Ярославль, архіерейскій домъ въ Кремлѣ, съ красною въ немъ палатою *, и церкви при немъ (всѣ упраздненныя), по размѣру своему яено сами говорятъ, каковы онѣ были во-время пребыванія въ Ростовѣ церковной власти. Церковь Спаса при архіерейскомъ домѣ въ-самомъ-дѣлѣ очень замѣчательный храмъ. Живопись *al-fresco*, какою покрыты многія церкви въ томъ краѣ, довольно свѣжа, хотя очень старинная; въ церкви Спаса и еще въ другой нѣтъ вставленныхъ образовъ въ иконостасахъ; образа написаны на стѣнахъ, отдѣляющихъ алтарь отъ церкви. Въ церкви Спаса, при взглядѣ на алтарь, видишь во всемъ что-то особенное, такъ что подумаешь: не созданіе-ли это итальянскаго художника **? Солея, или передъ-алтарное мѣсто, о семи ступеняхъ, открыто только противъ царскихъ дверей; остальное пространство его возвышенія занято большими клиросами по обѣ стороны. На

* Въ ней митрополитъ угощалъ трапезою Петра I.

** Церковь Спаса выстроена при митрополитѣ Іонѣ, въ 1675.

заднихъ стѣнкахъ клиросовъ сдѣланы колонны, и съ каждой колонны перекинута арка чрезъ всю солею и связана другимъ концемъ съ иконостасною стѣною. Наличники царскихъ вратъ облежены мѣдными листами, которые до-сихъ-поръ сохраняютъ позолоту, хотя она нѣсколько потускнѣла. Съ каждой стороны царскихъ вратъ устроено по кіоту; въ одномъ образъ Спасителя, въ другомъ образъ Божіей Матери. Еще есть старики въ Ростовѣ, которые помнятъ, что лѣтъ за шестьдесятъ ходили въ эту церковь разъ въ годъ, съ крестами, и соборомъ служили въ ней объѣду. Въ одной изъ наружныхъ галлерей при церквахъ въ архіерейскомъ домѣ, украшенныхъ тоже фресками, недавно обновили, для пробы, посредствомъ сывортки, одну картину, изображающую Василя Великаго. Живопись такъ прояснилась, что какъ-будто изображеніе теперь только нарисовано, хотя галлерей, когда то закрытыя, долго оставались и остаются безъ рамъ, подъ влияніемъ воздуха и непогодъ. Это доказываетъ, что климатъ нашъ не истребляетъ этого рода живописи! Церковь блаженнаго Исидора, въ крѣпости, современна Царю Іоанну Васильевичу Грозному. Въ ней, подъ спудомъ, опочиваютъ мощи бл. Исидора. Изъ житія его видно, что онъ былъ иностранецъ, иновѣрецъ, не простаго рода, обошелъ всю Европу, и придя въ Ростовъ, принялъ грекороссійское исповѣданіе, и тутъ кончилъ дни свои.

Спасо-Яковлевскій-Дмитріевъ-монастырь въ Ростовѣ, гдѣ опочиваютъ мощи св. Дмитрія, обстроены изящно, и содержится прекрасно. По угламъ квадрата монастырской ограды и въ срединѣ каждой ея стороны устроены красивыя башенки, въ которыя удобный ходъ по стѣнѣ; одна изъ нихъ находится въ ближайшей связи съ домомъ, гдѣ живетъ настоятель монастыря. Видъ со средины и съ вышки этой башни, на озеро и на мѣстность, превосходный, особенно въ хорошую погоду лѣтомъ. Главными вкладчиками, украсившими Яковлевскій-монастырь, были графъ Н. П. Шереметевъ и графиня А. А. Орлова-Чесменская. Приношенія ихъ истинно боярскія! Въ ризницѣ монастыря, отлично устроенной, интереснѣйшая драгоценность — шапочка, въ которой былъ погребенъ св. Дмитрій митрополитъ, и платокъ миткалевый, бѣлый, оказавшійся въ карманѣ одѣянія, въ которомъ онъ былъ положенъ во гробъ и погребенъ на мѣстѣ, гдѣ опочиваютъ мощи его. Почти пятьдесятъ лѣтъ находившійся въ землѣ, и шапочка и платокъ остались невредимы. Но въ своемъ родѣ неменьшая драгоценность есть одинъ исправленный св. Дмитріемъ канонъ. Свобода почерка, красивость его, по тогдашнему времени, и рѣшительность смѣлыхъ поправокъ доказываютъ, что за великій, опытный труженикъ былъ этотъ достославный святитель.

Приѣхавъ въ Ростовъ поздно вечеромъ, я оставовился близъ Кремля, на постояломъ дворѣ, рядомъ съ женскимъ монастыремъ; потому—что это мѣсто ближе къ пристани на озерѣ, по которому я намѣренъ былъ покататься. Слѣдующимъ утромъ я нанялъ лодку съ однимъ гребцомъ, за пятьдесятъ копѣекъ серебромъ на семь часовъ времени ѣзды и простоя, и поѣхалъ на другую сторону озера, въ село графа Папина, Порѣчье—рыбное, извѣстное промышленностію сахарнаго горошка и цикорія. Отъ пристани противъ собора до пристани въ Порѣчье мы плыли три часа, разстояніе около десяти верстъ. Въ первый часъ путешествія мы плыли по водѣ густой, зеленоватой и отзывавшейся болотомъ; но потомъ — по свѣтлой, обыкновеннаго вкуса, вѣроятно, отъ притока воды рѣки Гды, впадающей въ озеро. Черезъ двадцать пять минутъ ѣзды свѣтлою водою, показалось подъ лодкою мѣлководье; лодочникъ, выйдя въ воду, тащилъ лодку руками. Черезъ полчаса мы были уже въ устьѣ Гды, и ѣхали рѣкою противъ теченія, до порѣчской пристани, около полутора часа. Въ берегахъ рѣки, гдѣ они обнажены, видно множество отверстій, какъ—будто норъ, всѣ въ прямой горизонтальной линіи. Лодочникъ объяснилъ мнѣ, что это отверстія пещерокъ ласточекъ особой породы. Онѣ прорываютъ пещерки сперва прямо, а потомъ всторону; длина ихъ простирается иногда сажени на двѣ.

Порѣчское населеніе (до 2200 душъ) начинается слободою по обѣимъ берегамъ рѣки; къ водѣ устроено множество лѣсенокъ, и при нѣкоторыхъ сдѣланы временные очажки. На нихъ, въ небольшихъ котлахъ съ кипящею водою обвариваютъ сахарный горошекъ въ плетюшкахъ изъ лозы, давая вскипать водѣ бѣлымъ ключемъ отъ двухъ до четырехъ разъ, смотря потому, мелкій или крупный горошекъ. Когда онъ проварится какъ должно, тогда откидываютъ его на полотно, и сушатъ на особо устроенныхъ лежанкахъ. Онъ продается, смотря по урожаю, отъ девяти до двадцати восьми рублей за пудъ; чѣмъ мельче и болѣе одинаковъ, тѣмъ дороже. Поспѣваніе горошка начинается съ Петрова—дня, и тогда же приступаютъ къ сбору его, луценію изъ стручковъ и приготовленію въ прокъ, что продолжается весь іюль и частію августъ. Въ это время, въ Порѣчьи и всюду, гдѣ около Ростова разводять горошекъ, сборъ, луценіе и приготовленіе его составляютъ общую работу; ею занимаются въ каждомъ домѣ огородника, не только всею семьею, но нанимаютъ шипальницъ, платя разно: отъ пяти до тридцати копѣекъ серебромъ въ день, на готовомъ продовольствіи, смотря потому, какъ созрѣваетъ плодъ. Когда созрѣваніе идетъ скоро, тогда спѣшать работами, чтобы горошекъ не переспѣлъ, потому—что тогда онъ годенъ только на сѣмяна. Въ Порѣчьи, и мѣстами по большой

дорогѣ, видѣлъ я почти вездѣ во дворахъ домовъ женщинъ и мужчинъ которые сидятъ кружками и лущать стручья; другіе въ тоже время носятъ безпрестанно плетешки къ котелкамъ, чтобъ обваривать горошекъ. Всегдашняя благодарность тому порѣчскому крестьянину, который первый вывезъ изъ С. Петербурга въ Порѣчье, назадъ тому лѣтъ шестдесятъ, способъ приготовленія горошка въ прокъ; благодарность всегдашняя и тому англичанину въ С. Петербургѣ, который показалъ огороднику способъ готовить такимъ-образомъ горошекъ. Долго промысломъ этимъ занимались исключительно одни порѣчскіе крестьяне; но лѣтъ съ двадцать-пять онъ распространился вокругъ всего Ростова верстъ на двадцать и болѣе. Во все время сбора, каждый рынокъ въ Ростовѣ представляетъ, раннимъ утромъ, самое живое, разнообразное зрѣлище. Вокругъ одного изъ корпусовъ гостинаго двора выставляютъ множество столиковъ, и близъ нихъ устраиваютъ переносные вѣски. При каждомъ столикѣ есть скупщикъ горошка. Крестьяне изъ Порѣчья рѣдко продаютъ свой сборъ на этихъ рынкахъ; по ближайшимъ торговымъ связямъ, они отправляютъ горошекъ въ С. Петербургъ и въ Москву. На рынокъ въ Ростовѣ болѣе сносятъ горошекъ изъ другихъ окрестныхъ селеній, мужики, бабы, дворовые люди, въ мѣшечкахъ, лукошкахъ, крошенкахъ, сколько кто успѣлъ собрать съ гряды; отъ скупщиковъ при столикахъ и отъ продавицъ и продавцевъ дѣлается суматоха, словно на азіатскомъ базарѣ; кто развязываетъ мѣшечекъ, кто открываетъ кузовокъ, лукошко, чтобъ товаръ лицомъ показать, кто пробуетъ горошекъ, сухъ-ли онъ (сырой непрочно сохраняется); тамъ вѣсятъ; одинъ хвалитъ другой критикуетъ, удерживаетъ, сбиваетъ цѣны. Но вотъ чрезъ часъ народъ сваливаетъ, и таже сцена переносится въ рыбныя и всякія лавки въ корпусѣ гостинаго двора, и каждый лавочникъ тоже дѣлается скупщикомъ горошка. Забавите всего старухи; онѣ упорнѣе всѣхъ торгуются и отстаиваютъ достоинство горошка, доказывая, что онъ не *катышь* (то-есть крупный), а лучшій, мелкій. Первому цѣна за фунтъ отъ десяти до двѣнадцати копѣекъ серебромъ, послѣдному отъ двадцати до тридцати-пяти копѣекъ серебромъ. О распространеніи у насъ цикорія, молотаго и въ сушеныхъ зернахъ, приготовленнаго по способу Моренко, напрасно было бы слишкомъ распространяться. Многіе пьютъ цикорій, какъ кофе, въ чистомъ видѣ, или съ примѣсью настоящаго кофе. Патроны съ цикоріемъ теперь необходимый товаръ почти каждой мелочной овощной лавочки. Чаемъ у насъ лакомятся; въ Сибири даже, вмѣсто «просимъ хлѣба, да соли кушать», говорятъ: «просимъ чаю, сахару кушать»; мѣстами созданъ особенный глаголъ «чаевать» то-есть, пить чай прохладно. Но кофе и

цикорій служатъ не только лакомствомъ, согрѣвательнымъ средствомъ, а — замѣняютъ даже, въ Петербургѣ, до нѣкоторой степени, въ недостаточныхъ семействахъ, супъ. На промышленность сахарнымъ горошкомъ и цикоріемъ не обращаютъ у насъ особеннаго вниманія, между тѣмъ огромныя цифры потребленія того и другаго предмета въ столицахъ и вывоза за границу, въ видахъ вышней торговли, удивительны! Жаль, что кто-нибудь не займется у насъ статистическимъ изслѣдованіемъ этой отрасли промышленности. Съ вѣрными цифрами простонародной производительности, по каждому роду промышленности, были бы вѣрнѣе соображенія и выводы въ случаѣ предпріятія чего-либо обширнаго, капитальнаго.

Въ Россіи богатство народа и его нравственная сила проявляются преимущественно въ храмахъ божіихъ. Они могутъ служить представителями сокровеннаго духовнаго и вещественнаго состоянія мѣстонаселенія. Церковь лѣтняя въ Порѣчье, съ ея высокою колокольнею, достойный представитель порѣчанъ. Это не сельская скромная церковь, а великолѣпный городской храмъ, при которомъ тройный причетъ церковнослужителей. О вкусѣ украшеній въ церкви говорить нечего: онъ неизысканъ; но зато богатство такое, какое найдется не во многихъ храмахъ. Утвари и ризница полнѣйшія и великолѣпнѣйшія; одни серебряные сосуды въ 18 фунтовъ, другіе — въ 12 фунтовъ, художественной работы. Впрочемъ, церковь теплая устроена довольно изысканно, во вкусѣ новѣйшей архитектуры, въ видѣ одной огромной свѣтлой галереи безъ особенной трапезы. Царскія двери серебряныя, но изваянія на нихъ таковы, что трудно угадать, къ какой эпохѣ чеканнаго искусства можно отнести эти изображенія! Богатый огородникъ вкладчикъ, разумѣется, совершенный профанъ въ искусствѣ, заказалъ незадолго до смерти своей самую дорогія царскія двери первому серебрянику, на котораго ему указали. Въ другомъ отношеніи, очень удивило меня въ этомъ богатомъ мѣстонаселеніи то, что ни въ трактирѣ въ Порѣчье, и ни въ одномъ домѣ, я не могъ найти себѣ чего-нибудь поѣсть. Какъ сапожникъ безъ сапогъ, порѣчскій мужикъ приготовляетъ лакомый горошекъ, но самъ, кажется, нелакомъ дома ни до него, ни до чего другаго. Порѣчье, однако, далеко нетаково, какъ другое замѣчательное село, ближе къ Ярославлю, о которомъ скажу въ послѣдствіи. Нынѣшнее поколѣніе огородниковъ обвиняютъ въ общей слабости — въ роскоши; говорятъ, что оно проживаетъ то, что отцы наживали. Можетъ-быть, сираведливо, а можетъ-быть, и нѣтъ. Нисходящее поколѣніе у насъ, во всѣхъ состояніяхъ и классахъ, какъ-то причудливо въ своихъ житейскихъ требованіяхъ.

Осмотрѣвъ Порѣчье, и возвратясь тѣмъ же путемъ въ Ростовъ, я поѣхалъ по ярославскому шоссе, далѣе къ Ярославлю, гдѣ еще никогда не бывалъ. Къ Ростову дорога живописна въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по своимъ видамъ; а далѣе, за Ростовъ, она прелестна по обработанности мѣстной почвы и по обстановкѣ аллеями березъ, тѣнистыхъ и болѣе силовныхъ, нежели по сю сторону Ростова. Видъ селеній по пути тоже измѣняется: они чище, лучше обстроены и какъ-то съ виду веселѣе селеній владимірскихъ земледѣльцевъ. Отрасль народного племени тутъ отличная въ сравненіи съ жителями Переславскаго-озера. Есть тоже и тутъ названія мѣстъ и урочищъ необъяснимаго значенія; но вообще народъ ярославскій, по физической природѣ, по очертаніямъ лицъ и по характеру, уже вовсе не тотъ; это лучшее славянское племя: легкое, живое, веселое, шеголеватое и въ одеждѣ и въ образѣ жизни, всякое дѣло выполняетъ будто играючи; женщины въ нѣкоторыхъ мѣстахъ давно свяли сарафанъ, тѣлогрѣю, душегрѣйку, одѣлись въ обыкновенное женское платье, носятъ салоны, прикрываются отъ солнца зонтикомъ, и такъ взыскательны, что дѣвушка, неимѣющая этихъ принадлежностей туалета, скорѣе просидитъ въ праздникъ дома, нежели пойдетъ куда-нибудь со двора.

Ярославцы, въ столицахъ, при своей легкой натурѣ, избираютъ себѣ и болѣе легкія занятія; но въ нѣкоторыхъ службахъ, какъ напримѣръ: въ трактирахъ, ресторацияхъ, мелочныхъ лавочкахъ, баняхъ, приобрѣтаютъ какую-то особеннаго рода ловкость, которая дѣлаетъ ихъ какъ выражается гдѣ-то Го голь «лихачами и мигачами». Но на мѣстѣ, у себя, тѣже ярославцы смотрятъ степеннѣе. Не оттого ли, что тутъ они живутъ въ кругу своихъ семействъ. Или, можетъ-быть, въ столицахъ они кажутся не такими отъ сравненія ихъ съ городскими жителями другихъ состояній; на мѣстѣ же не съ кѣмъ сравнивать ихъ, кромѣ переславскаго тяжелаго народа; а при такомъ сравненіи исключительное преимущество на сторонѣ ярославцевъ.

Подготовленный двухъ-мѣсячною жизнію въ деревнѣ, гдѣ я подчинялъ себя всѣмъ условіямъ натурального провозженія времени, къ болѣе воспримчивости, я въѣхалъ въ Ярославль подъ вліяніемъ самыхъ благоприятныхъ впечатлѣній, которыя произвели во мнѣ какое-то особенное успокоительное настроеніе духа. Если не все, то многое зависить отъ обстоятельствъ, отъ мѣстности, окружающихъ насъ предметовъ и отъ воспримчивости къ впечатлѣніямъ. Призма, преломляя лучи солнца, разлагаетъ и отражаетъ каждый его цвѣтъ порознь; душа, воспринимающая и понимающая свойства предметовъ виѣшняго міра, не тотъ ли же кристаллъ невещественный, такой однако, которому свойственно

отражать неравномерно всѣ качества вѣшнихъ предметовъ, но которое-нибудь одно — болѣе, другое — менѣе, смотря по природному расположенію, или по направленію свойствъ человѣка. На этотъ разъ вниманіе мое, согласно душевному настроенію, обратилось въ ярославскомъ краѣ на духовную сторону въ народѣ. Она тамъ очень развита и поддерживается преданіемъ. Православный край по преимуществу! Съ весны до поздней осени, хожденія изъ города въ городъ и по селеніямъ съ чудотворными иконами почти непрестанныя. Въ каждомъ мѣстѣ время ожиданія принесенія образа — религіозный праздникъ. На срѣтеніе его выходитъ все мѣстное населеніе. Молебны не прерываются. Одинъ образъ чрезъ извѣстное время смѣняется другимъ предъ которымъ такое же искренно-усердное моленіе. Наболѣе чувствуется образъ Божіей Матери. Ея исключительному предстательству и заступничеству предалъ себя весь край со временъ великаго князя Андрея, принесшаго съ собою изъ Кіева чудотворную икону Божіей Матери, находящуюся нынѣ близъ Владиміра, въ селѣ Боголюбовѣ. Образъ этотъ прославленъ побѣдою надъ болгарами. Ходы съ образами вообще представляютъ умиленное народное торжество. Мнѣ случилось быть въ Ярославлѣ, въ день праздника Казанской Божіей Матери. Тысячи людей выходили на срѣтеніе ростовскому образу Владимірской Богоматери; во-время несенія его изъ собора въ Казанскій-монастырь сотни людей, особенно усердныхъ, ложились на землю подъ переносъ, — самое старинное въ народѣ поклоненіе! Ярославль обилень храмами: при тридцати тысячахъ городского населенія до сорока церквей монастырскихъ и приходскихъ; вокругъ одной Ильинской-площади одиннадцать церквей! Всѣ церкви содержатся благолѣпно. Нынѣшній годъ замѣчательнъ въ Ярославлѣ обновленіемъ и украшеніемъ многихъ церквей позлащенными главами, что съ перваго взгляда возвышаетъ понятіе путешественника о благосостояніи и усердіи гражданъ. Церкви внутри соответвуютъ вполне этому понятію, вселяемому наружностію; кромѣ общихъ украшеній на иконостасахъ и образахъ, полы почти во всѣхъ церквахъ устланы войлоками или коврами, конечно во вниманіи къ мѣстному обычаю молиться съ колѣнопреклоненіемъ и съ земными поклонами. Въ Ярославлѣ, день, можно сказать, начинается, какъ должно бы вездѣ его начинать, то есть молитвою: за раннею обѣднею бываетъ въ церквахъ много богомольцевъ. Нельзя не отдать должной справедливости и мѣстному духовенству. Его служеніе въ пользу духовной паствы, по прямому призванію, достойно особеннаго замѣчанія. Въ Ярославлѣ существуетъ особенное заведеніе воспитанія дѣвицъ духовнаго званія. Въ Царскомъ-селѣ существуетъ уже такое-же заведеніе. Кто

всматривался и убѣжденъ въ неразрывной связи успѣховъ общественной нравственности съ предварительнымъ воспитаніемъ дѣтей, тотъ вполне оцѣнить благодѣтельныя послѣдствія подобныхъ женскихъ заведеній для сословія духовнаго

Не служить-ли, между прочимъ, доказательствомъ усердія и любви народа къ церкви и ко всему, что придаетъ большую торжественность церковному, и то, что не только въ городахъ, даже въ селахъ, почти вездѣ *красные звоны*, т. е. праздничные колокола больше обыкновенно бывающихъ при сельскихъ церквахъ, и что въ Ростовѣ городское общество заботится о томъ, какъ бы сберечь красный звонъ на соборной колокольнѣ, и удержать при ней извѣстное число прежнихъ штатныхъ звонарей, которые, преимущественно изъ прежнихъ, умѣютъ особенно гармонически по нотамъ разныхъ строевъ звонить въ колокола, подобранные подъ тонъ. Извѣстно, что митрополитъ Платонъ въ Ростовѣ наслаждался слушаніемъ звона на соборной колокольнѣ.

Въ первыя времена татарскихъ нашествій, въ костромскомъ лѣсу явилась Божія Матерь (Еодоровская). Татары, ограбивъ Ярославль, шли съ добычею и плѣнниками въ Кострому, для грабежа и убійствъ. Ки. Васидій костромской, съ надеждою на явившуюся икону, вступилъ въ бой съ татарами и разбилъ ихъ на берегу озера, названнаго Святимъ. Во дни святителя Петра, Трифонъ, епископъ ростовскій и ярославскій, обозрѣвая свою паству, остановился въ 7 верстахъ отъ Ярославля. Въ полночь увидѣлъ онъ на другомъ берегу рѣчки Толги икону. Божіей Матери въ лучезарномъ свѣтѣ. Съ нимъ была его свита. На другой день, его спутники нашли икону тамъ, гдѣ видѣлъ ее блаженный епископъ. Это было 8 авг. 1314 г. На томъ мѣстѣ построена обитель Толгская, въ томъ же году. Въ ней находится донынѣ явленная святыня—образъ Божіей Матери, къ которому народъ имѣетъ особенное усердіе.—Мѣстность монастыря, на луговой сторонѣ злачной приволжской равнины, чудная! Монастырь, въ которомъ 33 человекъ монашествующей братіи съ послушниками, и 25 штатныхъ служителей, не богатъ, но содержится въ большомъ порядкѣ. Нынѣ настоятелемъ въ немъ архіепископъ Приней. Передъ нимъ управлялъ монастыремъ ярославскій архіепископъ Авраамъ, дожившій въ немъ, на покой, вѣкъ свой. При монастырѣ устроена для богомольцевъ гостинница, въ которой можно имѣть необходимое для подкрѣпленія себя и пользоваться изъ монастырской кухни кушаньемъ, какое готовится для братіи. Гостинница въ нынѣшнемъ году возобновлена. На погостѣ монастыря много надгробныхъ памятниковъ; но болѣе всѣхъ надъ покойниками изъ семейства князей Урусовыхъ. При монастырѣ есть порядочный садъ;

въ немъ пруды, цвѣтники, парники, огородъ. Впрочемъ, лучшее украшеніе—сада, это кедры, кѣмъ посаженные не извѣстно; но они болѣею частію вѣковые, и нѣкоторые только средней величины. Всѣхъ считается до 250 деревьевъ. Благосклонный настоятель монастыря предложилъ мнѣ погулять въ саду, чѣмъ я не преминулъ воспользоваться. Тишина мѣста этого очаровательна, и я тамъ провелъ цѣлый день. На одинъ изъ кедровъ, во-время горѣнія въ старину соборной деревянной церкви, перемѣщался, какъ говоритъ преданіе, самъ собою чудотворный образъ Божіей Матери. Сукъ, на которомъ былъ потомъ обрѣтенъ онъ, въ-послѣдствіи, слишкомъ отросъ, обвисъ и мѣшалъ проходу; почему былъ отнятъ отъ дерева. Въ сосѣднихъ лѣсахъ, которыми изобилуетъ заволжскій край, кедры не растутъ, какъ туземное дерево, но иногда отдѣльные кедровыя деревца попадаются случайно, и онѣ—какъ полагаютъ жители—произрастаютъ отъ заносимыхъ птицами изъ монастырскаго сада кедровыхъ шишекъ. — Кедры составили съ недавняго времени не большой, но довольно выгодный промыселъ для нѣкоторыхъ крестьянъ въ близъ-лежащемъ отъ монастыря селѣ Толгоболѣ (Песочное). Ихъ разводятъ и растятъ для продажи. Нынѣ цѣны на нихъ понизились, и деревца въ $1\frac{1}{2}$ въ $1\frac{3}{4}$ арш. можно покупать по $1\frac{1}{2}$ руб. серебр.; нѣсколько лѣтъ прежде онѣ были гораздо дороже.

Прежде нежели, скажу что должно о Ярославлѣ, упомяну о городѣ Борисоглабскѣ, куда ѣздилъ я, поклониться Нерукотворенному образу Спаса. Соборъ въ честь Воскресенія Христова, гдѣ находится этотъ образъ, обширный, каменный, пятиглавый, византійской архитектуры. Образъ въ прежнемъ деревянномъ зданіи собора стоялъ, вверху въ главѣ, и ликъ его снизу казался обыкновенной величины. Но во-время пожара, истребившаго деревянное зданіе, образъ былъ снятъ, и по отстройкѣ каменнаго собора, въ 1652 году, поставленъ внизу, въ особенномъ кіотѣ, устроенномъ такъ, что можно, наклонясь, подходить подъ образъ и проходить подъ нимъ, что дѣлаютъ многіе вѣрующіе. Величина доски образа въ вышину слишкомъ 4 аршина, въ ширину около 3-хъ аршинъ. Ликъ Спасителя самъ по себѣ не менѣе, какъ около 3-хъ и 2-хъ аршинъ; серебряный вызолоченный вѣнецъ давно украшалъ ликъ; но нѣсколько лѣтъ назадъ устроили на образъ серебряную ризу, вѣсомъ почти въ $2\frac{1}{2}$ пуда, которая съ вѣнцомъ вѣситъ болѣе 3-хъ пудовъ. Писаніе образа темнаго цвѣта, какъ на самыхъ старинныхъ образахъ. Усердіе къ образу безпредѣльное; чудеса, явленныя отъ него въ години народныхъ бѣдствій, навсегда сохраняются въ памяти православнаго народа.

Романовъ, городъ на другой сторонѣ Волги, противъ Борисоглаб-

ска, извѣстенъ особенною породою овецъ сизозёрной шерсти и добротою тулуповъ и полушубковъ, которые считаются лучшими.

Докончимъ наше описаніе взглядомъ на самый Ярославль.

Мѣстность этого города, какъ извѣстно, очень красива; онъ заселился и обстроился на нагорномъ берегу Волги, на мысу, образуемомъ стеченіемъ съ Волгѣю рѣки Которости *. На привольномъ просторѣ, городъ расположился широко, и изстари украшенъ многими церквами, архитектуры нѣсколько отличной отъ стilia старинныхъ московскихъ и владимірскихъ церквей. Въ отдѣлкѣ церквей нѣтъ ничего особенно изящнаго, какъ въ бѣльшей части старинныхъ церквей въ Россіи; однако рѣзные иконостасы, тѣ, которые вновь отзолочены, въ своемъ родѣ красивы и величественны. Отъ старины еще остается донинѣ одна башня крѣпостной стѣны, которую былъ обнесенъ городъ на случай нашествій поляковъ. Предмѣтія города все за Волгою и за Которостью, и можно надѣяться, что получать современемъ видъ тоже городской. Набережная въ городѣ по береговому возвышенію, отъ воды на 8 сажень, хорошо обдѣлана и покрыта бульваромъ съ липами и чугуною рѣшеткою, на пространствѣ около версты. Бульваръ, прерываясь на набережной, продолжается влѣво, къ центру города, и тутъ, по сторонамъ его, выстроены лучшіе дома. Гостинный-дворъ въ Ярославлѣ изобилуетъ всякаго рода товарами, какіе есть въ Москвѣ и въ С. Петербургѣ. Съ послѣднимъ Ярославль находится въ постоянныхъ сношеніяхъ; изъ московскаго же округа онъ заимствуетъ одни мануфактурные и отчасти ремесленные предметы. Съѣтной рынокъ лучше столичныхъ по обилію и дешевизнѣ живой рыбы. Двѣ-три рестораціи русскія, по чистотѣ и простотѣ отдѣлки, не въ чемъ не уступятъ московскимъ трактирамъ, пользующимся особенною извѣстностію. Но цѣны въ нихъ на все одинакія съ московскими; а прислуга рѣшительно лучше: она не имѣетъ московской хватки лихачей. Зимой, говорить, составляется въ Ярославлѣ очень пріятное общество; но на лѣто все разъѣзжаются въ деревни.—Торговцы въ Ярославлѣ извѣстны своимъ богатствомъ; многихъ считаютъ миліонными капиталистами. Нѣкоторые изъ нихъ отличаются, не только торговою спекулятивностію, но и промышленными предпріятіями. Такъ, братья Крохоняткины, у которыхъ на мельницахъ, собственныхъ и арендуемыхъ, перемалывается въ годъ громадное количество четвертей зерноваго хлѣба, и есть нѣсколько пароходовъ по Волгѣ, выстроили въ Ярославлѣ единственную въ своемъ

* Котора-ста наша вода? спрашивали когда-то другъ-друга люди, жившіе на берегахъ двухъ рѣчекъ, которыя, сливаясь, образуютъ одну рѣку *Которость*.

родѣ паровую мельницу, на которой машины, паровая въ 75 силъ и другія—съ заводовъ гг. Шенелевыхъ, а устройство мельничнаго механизма—отечественныхъ механиковъ. На мельницѣ покуда дѣйствуетъ половинное число предположенныхъ поставовъ, то-есть 20, и на нихъ ежесуточно перемалывается по 100 четвертей пшеницы въ восемь различныхъ сортовъ крупъ и муки. Особенно интересно видѣть движеніе небольшихъ ковшичковыхъ изъ жести, придѣланныхъ къ ремнямъ, которые поднимаютъ цѣльное зерно и несутъ его изъ нижняго въ четвертый этажъ, для раздробленія.—Нѣкоторые замѣчаютъ, что на мельницѣ много пропадаетъ паровъ, почему бы, —говорятъ, —не устроить бани, которая могла-бы существовать этими парами, съ особенною пользою для города, гдѣ нѣтъ порядочныхъ общественныхъ бань? Но надобно обождать, окажутся ли излишніе пары, когда отдѣлается другая половина мельницы, и будутъ пущены въ ходъ еще 20 поставовъ.

Судоходство по Волгѣ, бичевное и машинное, слишкомъ извѣстно. Въ послѣднее время эта отрасль получила дальнѣйшее развитіе отъ введенія по Волгѣ пароходовъ, существующихъ нынѣ уже не отъ одной какой-либо компаніи. Точно, пароходы пробѣгаютъ часто, но ни одинъ не останавливается у берега въ Ярославлѣ, а все слѣдуютъ прямо къ Рыбинску. Желательно, чтобъ это поскорѣе измѣнилось, и чтобъ пароходы не только транспортировали грузы, но возили-бы и пассажировъ, въ которыхъ, конечно, не будетъ недостатка при многолудии по Волгѣ и при частныхъ разъѣздахъ мѣстныхъ жителей по всеѣмъ ея бережьямъ, особенно во время Нижегородской-ярмарки.

Вспомнивъ холерный 1830 годъ, когда, въ концѣ августа, меня командировали на ярмарку въ Великое-Село, я желалъ и въ нынѣшній разъ побывать тамъ. Великое-Село лежитъ недалеко отъ большой дороги, между Ярославлемъ и Ростовомъ; близъ него живетъ помѣщикъ хозяинъ, двигатель въ этомъ краѣ полотнянаго дѣла, введшій въ Россіи голландскій способъ обработки льна и бѣленія полотень. Его знаютъ въ кругу хозяевъ, и не только у насъ въ Россіи, но и далѣе. Въ частной жизни селянина, послѣ тридцати-лѣтнихъ скромныхъ трудовъ, онъ достойно оцѣненъ за примѣръ и соревнованіе въ видахъ общей пользы. * Великое-Село — частное имѣніе наследниковъ Яковлева, тѣхъ, которымъ принадлежитъ Новая-Деревня близъ С. Петербурга. Въ немъ до 1800 душъ, которыя изстари усвоили себѣ, какъ исключительное занятіе, ткачество тонкихъ полотень и полотняныхъ платковъ. Главная при-

* Е. С. Карновичъ, членъ учрежденнаго, 10 іюня 1852 г., въ Ярославлѣ, комитета для поощренія и усовершенствованія льняной промышленности.

чина тому малоземелье, отъ чего великоселы не занимаются земледѣлемъ, и почти всю землю свою отдають въ короткое содержание окольнымъ крестьянамъ. Полотняное дѣло вообще главная промышленность въ народѣ ярославской, костромской и вологодской губерній, равно какъ и воздѣлываніе льна, обработка его и ткачество. Нѣтъ, въ трехъ губерніяхъ домовитаго помѣщика, который не имѣлъ бы между дворовыми людьми своихъ пряхъ и ткачей, болѣе или менѣе искусныхъ, и не носилъ бы бѣлья и лѣтней одежды, какъ говорится, «сурова небѣлья, своего руководѣля». Домашнія полотна, платки и коломенка у помѣщиковъ, особенно у тѣхъ, кто любилъ ткацкое производство, какъ любили въ старину въ другихъ мѣстахъ какую-либо охоту, вырабатывались съ удивительнымъ искусствомъ. Безспорно, они обходились очень дорого, и никогда не выдержали бы конкуренціи въ цѣнахъ на тѣ же ткани въ вольной продажѣ; но, по-крайней-мѣрѣ, все это было свое, дорого, да мило, и носилось очень долго. Если гдѣ въ Россіи щеголяли бѣльемъ, то конечно въ этомъ, по преимуществу, полотняномъ краѣ, и центромъ торговли льномъ и ткачества тонкихъ полотенъ и платковъ сдѣлалось издавна, и донинѣ остается, Великое-Село. Странно нѣсколько, что въ немъ, при ткацкомъ промыслѣ, не существуетъ льноводство и пряденіе; причина одна и таже: по малоземелью, крестьяне не сѣютъ, пряденіемъ льна тоже не занимаются; на рынкѣ въ Великомъ-Селѣ всегда можно очень дешево покупать пряжу отъ окольныхъ крестьянокъ, которыя, работая зимою только отъ нечего дѣлать, почти ни во что считаютъ и время и первоначальный матеріалъ; потому, въ Великомъ-Селѣ ткуть полотна и платки изъ скупаемой по другимъ селеніямъ, въ окрестности, пряжи, и то употребляя ее на утокъ; основу же дѣлаютъ изъ пряжи англійской, болѣе крѣпкой и ровной. Продажа льна на великосельскихъ рынкахъ и производство полотенъ дошли до значительныхъ размѣровъ. Льна для машиннаго пряденія на нашихъ фабрикахъ (на которыхъ уже дѣйствуетъ около двадцати-тысячъ веретенъ), и для отправки за границу чрезъ архангелогородскій портъ, скупается ежегодно до сто-тридцати-тысячъ пудовъ, примѣрно по 2 руб. сер. пудъ, на двѣсти-шестьдесятъ тысячъ руб. сер.; ткацкихъ становъ насчитывается до 500; на каждомъ соткутъ въ годъ, по меньшей мѣрѣ, 300 аршинъ, 150,000 аршинъ, по дешевой цѣнѣ, 40 коп. сер., каждый, на шестьдесятъ тысячъ рублей серебромъ. По сравненіи стоимости всѣхъ полотенъ и продажныхъ цѣнъ, можно приблизительно опредѣлить, что въ послѣднія 20 лѣтъ увеличилось производство полотенъ процентовъ на 100, т. е. вдвое; цѣны же понизились, въ тонкихъ полотнахъ процентовъ на 40, а въ среднихъ процентовъ на 20. Это произошло

въ 1839 г., когда былъ уничтоженъ лажъ на ассигнаціи. Следовательно, въ-самомъ-дѣлѣ цѣны не упали почти нисколько: за 5 арш. полотна до 1839 г. стоило заплатить, напримѣръ, шесть рублей по тогдашнему народному курсу, то-есть пяти-рублевую ассигнацію, и послѣ уничтоженія лажа надобно было дать за столько же полотна, по установленному Правительствомъ курсу, также пять рублей, то-есть ту же пяти-рублевую ассигнацію. Судя по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, предвидится въ будущемъ упадокъ цѣнъ на полотна, особенно на тонкія, производимыя въ Великомъ-Селѣ, по непрерывному приливу иностранныхъ такихъ полотень. Въ тонкихъ полотнахъ гораздо менѣе вѣсу, и на нихъ идетъ льну менѣе, хотя льну лучшаго. Торговля льномъ непременно увеличится: требованіе льва на иностранныя фабрики останется такое же, какое есть; а на фабрики въ Россіи оно будетъ годъ отъ году возрастать. Можно полагать, что когда наши льнопрядильни усовершенствуются, тогда машинная пряжа подешевѣетъ до-нельзя, и тогда опять будетъ выгодно ткать тонкія полотна, тѣмъ болѣе, что машиннымъ ткачествомъ производить оныя не вполне удобно. Вообще можно сказать, что доселѣ успѣхи въ распространеніи и усовершенствованіи приготовленія и бѣленія полотень въ Великомъ-Селѣ, въ послѣднія 20 лѣтъ сдѣланы замѣчательныя, такъ что эти наши полотна уже могутъ отчасти соперничать до времени съ иностранными, не взирая на умѣренную, по дѣйствующему тарифу, пошлину на послѣднія; даже аппретура полотень введена уже иностранная. Въ недавнемъ времени, для полотнянаго производства наступилъ новый періодъ: приняты мѣры, могущія способствовать вообще въ Россіи развитію и усовершенствованію льняной промышленности во всѣхъ ея видахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ въ особенности касаются до ярославской, костромской, вологодской и владимірской губерній; именно: установлены особенныя преміи за пряжу и полотна домашняго произведенія и за ленъ и льняно, сѣмя, и въ Ярославлѣ предположено учредить школу ручнаго пряденія для дѣтей бѣднѣйшихъ фабричныхъ преждебывшей большой Яковлевской мануфактуры; а въ Великомъ-Селѣ — школу ткачества подъ руководствомъ лучшаго иностраннаго мастера ткача, на усовершенствованныхъ и снабженныхъ всеми принадлежностями для ткачества, станахъ. Это, какъ ожидать можно, дастъ мѣстной промышленности еще новую силу къ преуспѣванію. Къ счастью для дѣла вообще, и въ особенности для великоселовъ, благопріятствуютъ тому и другія мѣстныя обстоятельства, постоянныя и случайныя. Первые — это добрая нравственность и способности воспримчиваго народа и характеръ помѣщиковъ, столь благонамѣренныхъ во всѣхъ распоряженіяхъ, что подвластные иначе не

называютъ ихъ, какъ своими отцами. Это говорится безъ преувеличенія. И кстати должно сказать, что управленіе Великимъ-Селомъ и на правленіе его ко всевозможно успѣшной цѣли, въ видахъ благосостоянія людей, находится уже около пяти лѣтъ въ рукахъ весьма опытнаго, дѣятельнаго и благонамѣреннаго лица; пользующагося общимъ уваженіемъ и довѣріемъ помѣщиковъ и крестьянъ, которое ничего столько не желаетъ, какъ полнаго и совершеннаго процвѣтанія Великаго-Села *. Для окредитованія великосельскихъ издѣлій въ публикѣ, и вмѣстѣ для пріученія производителей къ болѣе отчетности въ работахъ, предполагается ввести, на мѣстѣ, браковку произведеній, съ тѣмъ, что каждый купившій кусокъ полотна или платковъ за клеймомъ браковымъ, можетъ въ теченіе извѣстнаго времени, если кусокъ окажется съ изъяномъ, возвратить оный, и ему будутъ отданы обратно заплаченные за него деньги.

О наружности Великаго-Села можно сказать, что теперь оно городокъ, а въ будущемъ—городъ. Третья часть домовъ у крестьянъ каменные. Есть уже предположеніе страховать дома отъ огня, какъ это дѣлается въ другихъ селеніяхъ по пути отъ Ростова къ Ярославлю. Есть крестьяне, которыхъ можно считать въ капиталѣ 10—15 тысячъ рублей серебромъ. Церкви въ Великомъ-Селѣ, одна главная, лѣтняя, другая зимняя, и еще третья, новая, заслуживаютъ вниманіе по огромности, по украшенію, а послѣдняя и по изяществу внутренней отдѣлки. Староста церковный, почтенный старикъ, уже 15 лѣтъ заботится съ непримѣрною ревностію о лучшемъ пристройствѣ лѣтѣ, приносимыхъ отъ усердія жителей Великаго-Села; его попеченію собственно обязано село устройствомъ новой церкви. Позднюю обѣдню, которую довелось мнѣ слушать, совершали въ лѣтней церкви; она была полна народомъ. Женщины, по обычаю стояли сзади,—впередѣ все мужчины. Дѣвиць не было; онѣ ходятъ болѣе къ ранней обѣднѣ. Видъ великосельскаго народа, въ многочисленномъ собраніи, вполне соотвѣтствуетъ красивой обстройкѣ села. Одно, чего нельзя было особенно не замѣтить, это то, что въ лѣтней и зимней церквахъ устроены кіоты съ мѣстами для образовъ, и каждое семейство ставитъ тутъ навсегда одну изъ своихъ домашнихъ иконъ, которой молится и предъ коюю теплитъ свои свѣчки. Престолы въ церквахъ во имя праздниковъ богородичныхъ и два во имя св. чудотворца Николая и Дмитрія Солунскаго.

На память о Великомъ-Селѣ, я купилъ нѣсколько полотняныхъ платковъ, по 1 руб. 15 к. ассигн. (Хорошіе платки, а лучшіе по 2

А. И. Черневъ, ярославскій помѣщикъ, членъ комитета поощренія льняной промышленности.

руб. 10 в. ассигнац.) въ домѣ одного богатаго крестьянина, семейство котораго состоитъ изъ трехъ женатыхъ сыновей, четвертаго племянника, самъ—восемнадцать душъ. Живутъ все вмѣстѣ, въ собственномъ каменномъ домѣ, стоящемъ около шести тысячъ рублей ассигнаціями, чисто и роскошно, но просто, по крестьянски.

Замѣчательно, что близъ Великаго-Села и вообще въ ярославской губерніи есть многія фамиліи помѣщиковъ, происходящихъ отъ имени-тыхъ выходцевъ ордынскихъ: Кайсаровы, Мустафины, Архаровы, Ахматовы, Урусовы, Курманалѣевы, Черемисиновы, Самарины, Ендоуровы, Кекуатовы, Аксаковы, Елчаниновы, Арнаутовы. Въ бѣльшей части этихъ родовъ до-сихъ-поръ сохраняется коренной типъ.

Заклучивъ Великимъ-Селомъ мои разѣзды по ярославской губерніи, я возвратился въ переславскую деревню, въ лѣтнее мое убѣжище, чтобы дожить тамъ остальное теплое время. Въ ближайшемъ городѣ Переславль-Залѣскомъ готовились въ это время къ особенному торжеству, которое вскорѣ и было совершено, 17 августа.

Прежде описанія его, скажу нѣсколько словъ объ округѣ Переславль-Залѣскомъ.

Какой народъ жилъ въ древности въ странѣ, названной Залѣскою (со стороны Москвы) * и польскою, или полянскою, гдѣ основанъ Юрьевъ-Польскій, о томъ нѣтъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, если, впрочемъ, не объяснимыя для насъ названія живыхъ урочищъ и мѣстожительствъ, донныя сохраняющіяся, въ своемъ родѣ также не свидѣтельства: языкъ — одно изъ главныхъ отличій народа. (Каово или Неро (озеро); Сара, Векса, Нерль, Гошма (рѣчки); Воржа, Шалава, Шопша, Брембола (деревни и селенія) **); и если при томъ обликъ народа не есть характеристическая черта племени; въ нѣкоторыхъ же лицахъ между жителями около Переславля донныя видно что-то не чисто славянское. Я не говорю уже объ особенныхъ словахъ въ мѣстномъ залѣскомъ нарѣчій. Мокропогодица (сырое, время съ дождемъ), поверокъ (поворотъ), бережа (жерѣба), кумахъ (лихорадка), прытко, отъ слова попрытчило (болѣнь). Это варианты русскихъ словъ. По этому, нынѣшній русскій народъ переславскій, кажется, не туземный, а пришлый, и не отъ Москвы, а отъ сѣверо-запада, откуда, къ сторонѣ

* Впрочемъ даже въ XV вѣкѣ Москва считалась, отъ стороны Переславля, однимъ изъ городковъ залѣскихъ.

** Всего вѣроятно, что это чудскія названія. Болгары, сосѣди того края, состояли изъ смеси чуди съ славянами, а чудь тянулась къ юго-востоку изъ Ливондіи, и въ попутныхъ мѣстахъ застѣдала. Въ древности, тотъ конецъ въ Ростовѣ, гдѣ нынѣ Аврааміевъ-монастырь, назывался чудскимъ.

Волги и далѣ по ея теченію, двигался народъ на юго-востокъ и къ области московской, отдѣлявшейся отъ приволжья дремучими лѣсами. Замѣчательно, что родители св. Сергія пришли въ лѣса радонежскіе также отъ той стороны, изъ ростовской области. Переяславль основанъ въ эпоху образованія городовъ въ приволожской, а не въ московской области. Обратное же направленіе отъ Москвы къ Ростову, и далѣ, куда въ послѣдствіи народъ сталъ расходиться, начинается съ появленіемъ Москвы и возвышеніемъ ея на извѣстную степень городовъ, когда утверждалось и распространялось монашество изъ обители св. Сергія. Это обратное направленіе усиливалось по мѣрѣ основанія монастырей на сѣверо-востокъ, избѣгнувшей татарскаго пребыванія, и по мѣрѣ увеличивавшихся знаменій чудодѣйственной силы въ мощахъ почившихъ въ томъ краѣ подвижниковъ, — этихъ предстателей и молитвенниковъ за угнетенную тогда Россію, прежде нежели ее, разрозненную на удѣлы, сомкнули московскіе великіе князья въ кольцо единодержавія.

Переяславль-залѣсскій округъ въ ближайшее къ нашей эпохѣ время составлялъ нѣчто отдѣльное. Путь туда былъ знакомъ народу и великимъ князьямъ Москвы, ходившимъ на поклоненіе отечественнымъ святынямъ, къ св. Троицѣ Сергію, въ Переяславль и далѣ. Событія въ жизни царя Іоанна Грознаго доказываютъ, что край этотъ всегда былъ спокойнымъ, и не принималъ участія въ современныхъ правительственныхъ интересахъ и управлахъ власти съ боярствомъ и съ сѣверо-западными областями: Новгородомъ и Псковомъ. Смущаемый совѣстію и обстоятельствами, царь московскій, уклонялся туда нетолько подъ сѣнь мѣстной святыни, но какъ въ нейтральную отъ смутъ страну, тихое убѣжище; даже первая супруга Грознаго, изъ рода Захарьиныхъ, была изъ переяславльскаго края, какъ полагать можно, потому—что въ переяславльскомъ уѣздѣ, между дворянскими старинными фамиліями Стушиныхъ, Поливановыхъ, Барьсковыхъ, Свиныхъ, Самсоновыхъ, Малово, еще донынѣ есть Захарьины.

Такъ мирное начало всегда было основнымъ свойствомъ залѣскаго народа, по преимуществу земледѣльческаго*. Онъ не зналъ другихъ тор-

* Переяславцы измѣнили, однако, этому началу въ смутную эпоху самозванцевъ, когда торопѣлый, перебаловавшийся потомъ народъ не зналъ, кому и чему вѣрить, и часто поддавался увлеченіямъ и измѣнялъ присягѣ. Такъ въ бытность митрополита Филарета на ростовской кафедрѣ, переяславцы были увлечены полаками, подступили вмѣстѣ съ ними къ Ростову, осадили соборный храмъ, въ которомъ заперся митрополитъ съ ростовцами, выбили двери, умертвили вѣрныхъ жителей, наполнивъ храмъ трупами (1609), схватили Филарета и отвезли его въ станъ тушинскаго вора. Это, впрочемъ, послѣднее народное событіе въ Ростовѣ, какъ замѣчательно гордо по своему значенію въ исторіи государства (см. Чтенія въ Им. общ. ист. и древн. россіб. при моск. унвер., зазд. 27 сентября 1847, годъ 3-й, статья графа Толстаго: *Ростовъ Великій*.)

жествъ, кромѣ церковныхъ крестныхъ ходовъ съ хоругвями и образами, — когда въ наставшій по волѣ Божіей часъ возрожденія Россіи къ новой жизни, въ окрестностяхъ Переславля, близъ озера, видятъ однажды, въ 1688 году, всадника, ѣдущаго прямо отъ Горницкаго-монастыря по хлѣбному полю, въ сопровожденіи еще трехъ человекъ, верхами. Преданіе описываетъ ѣздока такъ: онъ былъ великъ ростомъ, статенъ, и въ одеждѣ, похожей на охотничью; изъ-подъ шляпы висѣли кудри русскихъ волосъ; его лицо было смугловато, глаза каріе, быстрые, усь только пробивался; на бедрѣ висѣлъ мечъ, за поясомъ торчалъ кортикъ; при немъ былъ небольшой оѳнестрѣль. Строгъ былъ видъ его. Жавшая на полѣ рожъ крестьянка села Веськова, сказала всаднику: Эхче, баринъ, зачѣмъ хлѣбушко-то мнешь! А баринъ отвѣтилъ ей: Не брюзжи, старуха, хорошо вамъ будетъ! и поѣхалъ далѣе съ другими всадниками. Этотъ всадникъ-баринъ — былъ Петръ I, а одинъ изъ трехъ — переславльскій намѣстникъ.

Въ такомъ видѣ сохранило преданіе это событіе, вмѣстѣ съ именемъ крестьянки Устиньи Аароновой.

Въ каждомъ человекѣ, тѣмъ болѣе въ царѣ, пересоздающемъ свой народъ, исторія дѣлъ есть исторія развитія мысли. Ее не лишнее повторить здѣсь вкратцѣ: человекъ, о которомъ говорится, и дѣло его, таковы, что объ нихъ нельзя довольно наговориться. Однажды князь Я. Ѳ. Долгоруковъ рассказываетъ юношѣ Петру о бывшей у него астролябіи, потомъ привозитъ изъ Парижа самую астролябію; Петръ желаетъ извѣдать употребленіе инструмента; находится учитель Тиммерманъ; Петръ начинаетъ прилежно учиться у него ариметикѣ, геометріи и землемѣрію; онъ случайно видитъ въ амбарѣ, въ подмосковномъ царскомъ селѣ Измайловѣ, старый англійскій ботъ; узнаетъ отъ Тиммермана употребленіе бота; отыскивается голландецъ Брантъ, который чинитъ ботъ и ѣздитъ на немъ съ Петромъ, сперва на измайловскихъ прудахъ, потомъ по Яузѣ. Но Яуза узка — ботъ упирается въ берега. «Здѣсь и тамъ немного авантажу сыскалъ — пишетъ самъ Петръ — а охота стала отъ часу болѣе» Петру сказали о Переславскомъ (Плещеевѣ, Клещинѣ) озерѣ. Онъ выпросился туда съѣздить у своей матери, подъ предлогомъ обѣщанія въ Троицкій-монастырь; а потомъ уже сталъ проситься явно, чтобы тамъ дворъ и суды сдѣлать. Событіе совпадаетъ съ открытіемъ астролябіи. Великій ставитъ два эти случая рядомъ, какъ важнѣйшіе и первые, давшіе дальнѣйшее развитіе его способностямъ. Явившійся, въ 1688 году, близъ Переславля Петръ пріѣхалъ туда осмотрѣть озеро. Векорѣ за тѣмъ начали строить на озерѣ суда. Уже въ 1689 году, Брантъ, съ корабельнымъ мастеромъ Кор-

томъ, хлопотали надъ тремя судами. Къ вторичному прїѣзду Царя въ Переславль, въ 1689 году, два изъ нихъ, предъ вскрытіемъ озера, были въ отдѣлкѣ, и самъ Государь трудился надъ ними, по выраженію его «яко Ной (надъ ковчегомъ возрожденія Россіи)». Корть вскорѣ умеръ. Брантъ работалъ съ цѣлою колонією мастеровъ нѣмцевъ, при помощи переславльскихъ рыбаковъ, устраивая нужное, чтобъ юношѣ Государю можно было на слѣдующее за тѣмъ лѣто 1690 года свободнѣе принятъ за изученіе задуманнаго имъ дѣла. Въ 1689 году были совершенно кончены 2 фрегата и 3 яхты, и Петръ учреждаетъ спускъ на воду потѣшной флотиліи. Въ Переславлѣ съ незапамятныхъ временъ, въ шестое воскресенье, выходили на озеро со крестами, изъ двухъ прибрежныхъ церквей при устьѣ Трубежа, для водоосвященія. Шестое воскресенье было въ 1690 году 1 мая, и Петръ назначилъ этотъ день для торжества освященія и для спуска флотиліи; но устроилъ такъ, что священники изъ собора и всѣхъ церквей въ Переславлѣ плыли на лодкахъ, въ двѣ линіи, около береговъ Трубежа, отъ нынѣшняго моста чрезъ рѣку, къ тѣмъ двумъ церквамъ, для служенія въ нихъ литургіи. Въ Переславлѣ уже находилось созданное Петромъ потѣшное войско, съ пушками. Лишь духовная процессія, послѣ обѣдни, приблизилась къ берегу, какъ предводимая Петромъ флотилія отчалила и вошла на средину озера, при громѣ пушекъ, ружей и восклицанійъ народа. По данному знаку все смолкло; священо-дѣйствіе совершилось; тогда снова раздался громъ оружія. Процессія пошла обратно; а Государь началъ тѣшиться по озеру новою своею потѣхою. Съ той поры, къ празднику въ шестое воскресенье присоединено празднованіе рожденія русскаго флота, совершаемое съ церемонією, съ тою однако разностію, что ныне не раздается громъ оружія, не слышно народныхъ восклицаній, на озерѣ нѣтъ флотиліи.

По недостаточности воднаго пространства для настоящей школы мореплаванія, Переславское-озеро вскорѣ было оставлено. Петръ обратилъ было вниманіе, съ тою же цѣлю, на озеро Кубенское, и ѣздилъ въ Архангельскъ, чтобъ видѣть море и плавать на его поверхности. Между-тѣмъ обстоятельства развивались, осложнялись, какъ болѣзни развитія общественнаго организма; Петръ творецъ, Петръ врачъ въ тогдашней Россіи, созидалъ; ему нужна была не флотилія въ Переславлѣ, а суда на Волгѣ и на Донѣ, и изъ письма Государя къ князю Ромодановскому видно, что построенный мастеромъ Классомъ на берегу Переславскаго-озера, корабль проведенъ весною 1698 года по рѣкамъ Вексъ, Сумино и Нерли, въ Волгу. Такая же участь постигла, вѣроятно, и другія суда, годныя къ употребленію.

Впрочемъ, сколько бы ни было построено судовъ на Переславскомъ-озерѣ, оно, какъ колыбель флота, занимаетъ въ его исторіи первый десятилѣтній періодъ времени, отъ 1688 по 1698 годъ. Но на берегу озера жили строители судовъ, нѣмцы; въ Переславль пріѣзжалъ Петръ, и иногда часто, такъ напримѣръ въ 1693 году пять разъ; должно же было находиться еще что-нибудь въ верфи, кромѣ судовъ? Потому скажемъ здѣсь, что тутъ было, что съ бывшимъ сдѣлалось, и что до-сихъ-поръ еще остается.

Нѣмцы жили близъ озера отдѣльной слободою, между Горицкимъ-монастыремъ и селомъ Вельковымъ, на горѣ, которая до-сихъ-поръ слыветъ нѣмецкою, въ 90 саженьяхъ отъ рѣчки Вески и въ 130 саж. отъ озера.

На мѣстѣ, называемомъ донинѣ дворцомъ, былъ дворъ Государевъ; при немъ, вправо, къ Велькову, церковь Вознесенія Господня, кузница, амбары, погреба, колодезь, выкопанный будто-бы самимъ Петромъ. Дворецъ былъ деревянный, о 5 комнатахъ, на 12 вѣнцахъ, 8 сажень; оконницы—слюяныя. Входили во дворецъ отъ озера, въ трое дверей; надъ среднею изъ нихъ былъ двуглавый орелъ изъ листового желѣза; полы были дубовые, печи изразцовыя, муравленныя. О самомъ дворцѣ говорятъ одни, что онъ былъ перевезенъ епископомъ Теофилактомъ (Горскимъ) на берегъ озера Марникина, по московской дорогѣ, въ 7 верстахъ отъ Переславля, гдѣ точно былъ архіерейскій домъ, сломанный только въ началѣ XIX столѣтія; а другіе, что будто дворецъ купилъ купецъ Угрюмовъ, перевезъ его въ Переславль, и что Императрица Екатерина II останавливалась въ этомъ домѣ. Церковь пришла въ ветхость и упразднена. Иконы переданы въ нынѣшнюю церковь въ селѣ Вельковѣ; полагаютъ, не онѣ ли стоятъ въ иконостасѣ, какъ мѣстные образа *.

Остатки флотиліи не возбуждали, кажется, особеннаго вниманія въ мѣстныхъ властяхъ; по-крайней-мѣрѣ, изъ указа Петра переславльскимъ воеводамъ, даннаго въ Переславль 7 февраля 1722, видно, что онъ поставляетъ имъ въ особенную обязанность «беречь остатки кораблей, яхтъ и галеры, подъ отвѣтственностію взыскація съ нихъ и ихъ потомковъ, если они это опустятъ, какъ съ пренебрегшихъ сей указъ.» Послѣ того тщательно хранили остатки флотиліи, и для этого былъ выстроенъ особенный сарай близъ церкви Знаменія Богородицы, прозванной отъ того «при корабляхъ.» Въ-послѣдствіи, во-время пожара, сарай съ остатками флотиліи сгорѣлъ, но не со всѣми вещами: жители успѣли

* Въ церкви въ С. Вельковѣ, при входѣ въ трапезу, нельзя не обратить вниманіе на образа (лики Святыхъ), поставленные надъ входомъ изъ трапезы въ церковь. Они особеннаго писанія.

спасти ботикъ, нѣсколько блоковъ и другихъ снастей, и чтобъ такая же участь не постигла и эти остатки, былъ устроенъ особый деревянный балаганъ на мѣстѣ бывшего Петрова дворца, гдѣ и хранили ботикъ съ другими корабельными вещами до 1802 года, когда одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ мужей своего времени — князь П. М. Долгоруковъ, назначенный во Владиміръ гражданскимъ губернаторомъ, оцѣнивъ драгоцѣнность остатковъ флотиліи, возбудилъ въ дворянахъ соревнованіе исполнѣ къ сооруженію приличнаго зданія, вмѣсто балагана. Участникомъ этого соревнованія оказалъ себя извѣстный сановникъ еще Екатерининныхъ временъ, тамошній помѣщикъ Ст. Ст. Апраксинъ: онъ принялъ на свой счетъ содержаніе одного инвалида-матроса. Въ 1803 году зданіе было готово, и въ немъ помѣщенъ ботикъ и прочіе остатки потѣшной флотиліи и другіе. Черезъ тридцать лѣтъ зданіе было исправлено на счетъ дворянства. Возникалъ было вопросъ о перевозкѣ ботика въ С.-Петербургъ; но остался безъ послѣдствій. По оказавшейся недостаточности примотра за строеніемъ и хранящимися въ ономъ вещами, въ 1842 сооружены каменные казармы со службами, на счетъ дворянства, и вмѣсто одного инвалида-матроса, помѣщены въ нихъ трое такихъ инвалидовъ. Въ 1846 году обстоятельства навели на ту мысль, что мѣсту, ознаменованному дѣйствіями Великаго Петра, не прилично оставаться въ частномъ владѣніи одного лица, и дворянство рѣшилось приобрести на свой счетъ село Вельково, гдѣ это мѣсто, изъ владѣнія Емельянова, въ свою собственность, что исполнено за девяносто тысячъ рублей ассигнаціями. Поэтому случаю Государь Императоръ изволилъ отозваться: «Поступокъ этотъ исполнѣ достоинъ чувствъ Владимірскаго дворянства, какъ Его Величество всегда разумѣлъ оное.»*

Вотъ что сохранилось донынѣ отъ остатковъ потѣшной Петровой флотиліи, и его дворца:

1. Двадцать четыре иконы, которыя отъ времени утратили свѣжесть.
2. Собственноручный Императора Петра I указъ переславльскимъ воеводамъ о сохраненіи ботика, 7 февраля 1722 года.
3. Россійскій гербъ изъ жести, на желѣзномъ шпиль, вѣроятно, бывшій надъ входомъ во дворець, какъ говоритъ преданіе.
4. Ботикъ Петра I, съ тремя кольцами и желѣзною посреднѣ связью.
5. Семь якорей, изъ которыхъ шесть большихъ, двухлапныхъ, а седьмой маленькій, трехлапный, съ тремя кольцами.

* См. Свѣд. Пч. № 217, 1852 г.

6. Нѣсколько оставшихся доскутьевъ отъ парусовъ.
7. Большихъ блоковъ отъ судовъ 47 и малыхъ 48.
8. Деревянныхъ гнилыхъ спицъ, оставшихся отъ палатокъ, 12.
9. Рулей деревянныхъ, съ желѣзными полосками, 19.
10. Мачтъ съ блоками и принадлежащими къ онымъ желѣзными крюками и веревками 18.
11. Два флажныхъ деревца, съ деревянными блоками.
12. Оставшійся отъ часовъ деревянный кругъ, съ желѣзными прутьями и четырьмя колесами.
13. Четыре пушечныя чугуныя ядра.
14. Петель большихъ 11, маленькихъ 9, подставки, цѣпи, закладки, пробой, скобы, кольца.
15. Два желѣзные большіе котла, одно жестяное ведро, 6 кузнечныхъ мѣховъ, корабельное точило, 1 печной и 3 трубные заслона, 4 топора, 2 тѣсла, 2 пазовника, дубовая корабельная петербалка для выниманія якорей.
16. Обоищъ слюдяныхъ рѣшетчатыхъ 150, съ изображеніями китайской живописи 4.—11 зимнихъ твердыхъ втулокъ, обитыхъ войлоками, и 6 ветхихъ; 6 обитыхъ войлоками дверей; нѣсколько войлоковъ.
17. Два большіе стеклянные полштофа, большая деревянная ступа и маленькій ящикъ съ рукояткой, столовая доска съ желѣзными петлями, двѣ деревянные колодки для плетенія лаптей, 14 шестиковъ небольшихъ красныхъ, рѣзной безъ головы левъ, вырѣзанный на доскѣ; нѣсколько вантовъ, снастей съ юнгферами.

Признательному чувству русскихъ нѣтъ границъ. Такъ владимірское дворянство давно уже желало еще чѣмъ-либо упрочить для потомства воспоминаніе объ отдаленно-миновавшемъ событіи на берегу Переславскаго-озера, и въ 1850 году, по случаю проѣзда чрезъ Переславль высокихъ путешественниковъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, оно, чрезъ предводителя своего, изъявило предъ Ихъ Высочествами намѣреніе соорудить близъ зданія, гдѣ хранятся ботикъ и описанныя остатки флотиліи, памятникъ Петру Великому. Августа 17 тогоже года Ихъ Императорскіе Высочества положили первые камни въ основаніе памятника. Онъ сдѣланъ и поставленъ на мѣстѣ на берегу озера, и ровно чрезъ два года послѣ, именно 17 августа 1852 года, дворянство владимірекой губерніи и его предводители, въ присутствіи духовныхъ, военныхъ и гражданскихъ губернскихъ и мѣстныхъ властей, гражданъ города, при многочисленномъ стеченіи горожанъ и изъ окрестныхъ мѣстъ народа, праздновало совершившееся освященіе и открытіе памят-

ника, и вмѣстѣ болѣе нежели полустолѣтіе перваго ботика, дѣдушки русскаго флота *.

Воспоминанія отечественныя всегда придають особенную торжественность подобнымъ праздникамъ; но бывшій по описанному случаю въ Переславлѣ праздникъ можно поставить выше многихъ подобныхъ торжествъ, совершаемыхъ въ Россіи, сколько по полнотѣ церемоній, церковной и военной, и по выраженію народныхъ чувствъ, столько же по самой побудительной причинѣ, и главное, потому, что со времени спуска на озеро въ Переславлѣ потѣшной флотиліи прошло 162 года; а въ эту эпоху, Переславль, съ отнесеніемъ резиденціи въ С. Петербургъ, отстранился почти отъ всѣхъ интересовъ современныхъ дѣлъ въ государствѣ, и жилъ одними воспоминаніями о кратковременномъ проблескѣ своего значенія. Естественно, что безмолвіе покрыло, вмѣстѣ съ мѣстомъ, и блистательное рожденіе русскаго флота, тогда какъ событіе это можно считать первую путеводную звѣздой на горизонтѣ исторіи новѣйшей Россіи.

Этотъ второй народный праздникъ въ Переславлѣ былъ, какъ увѣряють, въ нѣкоторыхъ, неизмѣняемыхъ временемъ отношеніяхъ, выполненъ какъ и первый, въ 1690 году. До тысячи человекъ войска на немъ пили вино, наливаемое изъ штофовъ временъ Петра 1-го.

Все на свѣтѣ имѣетъ свою фізіономію, свой рельефъ. Такъ, въ городѣ, нѣсколько вѣковъ существующемъ, или на мѣстности, извѣстной отъ начала міра, должно же быть, или случиться также что-нибудь свое, особенное, такое, чѣмъ можно бы гордиться, или славиться. Историческія минувшія событія точно могутъ составлять гордость переславцевъ. Но это ихъ прошедшее. Въ настоящемъ, чѣмъ мѣстность города славится? Если нынѣ спросите перваго, кто встрѣтится оттуда: Что есть въ Переславлѣ? — онъ отвѣтитъ: А сельди-то, а леци-то копченые, — развѣ такіе найдутся еще гдѣ-нибудь въ Россіи? И впрямь нѣтъ! Но мѣстные жители, по закону нравственной природы, не цѣнятъ слишкомъ того, что всегда на глазахъ, подъ руками, не цѣнятъ произведенія мѣстнаго рыболовства, по привычкѣ къ нимъ и по возможности имѣтъ всегда, во-время лова, и сельди и леци. Тѣмъ не менѣе та и другая рыба достойны замѣчанія, и вотъ почему. Сельди, какъ извѣстно, живутъ вообще въ моряхъ, то-есть въ соленой водѣ. Но въ Переславскомъ-озерѣ вода прѣсная. По этому ли—(обстоятельство, отчасти не согласное съ натурою сельдей) — или еще и потому,

* Жители Переславля двояко думаютъ о ботикѣ; одни считаютъ его тѣмъ самымъ, который Петръ увидѣлъ въ амбарѣ въ селѣ Измайловѣ; другіе полагають, что онъ построенъ при Петрѣ, въ Переславлѣ.

что грунтъ въ Переславскомъ-озерѣ не иловатый, а чисто песчаный, тамошняя сельдь, по величинѣ нѣсколько больше обыкновенной (голландской такъ-называемой), очень нѣжна, иногда жирна, и непрочна до того, что, копченая, она можетъ сберегаться развѣ недѣли три, разумѣется, безъ особенныхъ предосторожностей, даже въ осеннее, не теплое время. Сельдь въ Переславлѣ ловится въ разное время. Ловля рыбы изъ озера принадлежитъ исключительно крестьянамъ рыбной слободы удѣльнаго вѣдомства, живущимъ на берегахъ озера и рѣки Трубежа, при устьѣ его. Слобода дворцоваго вѣдомства была пожалована 7 декабря 1762 года Императрицею Екатериною II, вмѣстѣ съ селомъ Вельковымъ, Л. Г. коннаго полка ротмистру Бутакову съ сестрою его, фрейлиною. Но въ 1773 году Бутаковы продали слободу въ дворцовое вѣдомство. Этихъ сельдей на мѣстѣ употребляютъ въ пищу въ разныхъ видахъ: вареными съ другими рыбами въ ухѣ, жареными (самое лакомое кушанье), а всего болѣе копчеными, равно какъ лещей и другую рыбу изъ озера, хотя послѣдняя не имѣетъ ни достоинства, ни цѣнности сельдей и лещей. Оптовымъ производствомъ копченыхъ рыбъ сами рыбаки не занимаются; они только продаютъ ихъ протѣжающимъ черезъ Переславль, по мелочамъ, какъ мѣстную особенность, и путешественники охотно покупаютъ рыбу на гостинцы, какъ водится въ Россіи между ѣдущими куда-нибудь въ гости, или возвращающимся откуда-нибудь изъ гостей, затѣмъ, чтобы не явиться съ пустыми руками, и не возбудить въ шутку вопроса: что же, самъ пріѣхалъ, а ничего не привезъ? Уловъ рыбы берутъ на откупъ отъ рыбаковъ производители оной, московскіе спекуляторы, болѣе лавочники — овощники, и вносятъ впередъ за крестьянъ рыбной слободы подати и повинности, принимая потомъ рыбу къ зачету въ откупную сумму. Странно нѣсколько то, что въ Переславлѣ копченая сельдь и лещи покупаются въ розницу иногда дороже, нежели за сколько можно имѣть ихъ въ Москвѣ, изъ овощныхъ лавокъ... Продавцы всегда выигрываютъ на мелочахъ; а покупщики гостинцевъ — проигрываютъ, не имѣя иногда времени, на скорой ѣздѣ, торговаться, тѣшиться (торгъ, говорятъ у насъ, потѣшку любить). Извѣстно, что торгованье въ нашей торговлѣ не есть знакъ бережливости или расчетливости: въ этомъ мы, къ сожалѣнію, еще неповинны; но просто слѣдствіе говорливости, и иногда не для чего другаго, какъ для потѣхи, а при этомъ *авось-что-нибудь*, можетъ-быть, и уторгуется. Это, впрочемъ, свойственно всякому народу, живому, какъ мы. Въ Неаполѣ, напримѣръ, разносчикъ рискуетъ ничего не продать весь день съ своей подвижной лавочки, если велерѣчивымъ, жестикюлативнымъ разговоромъ забавной исторійки, басни, или чего-

нибудь смѣшнаго, не собереть вокругъ себя народа, слоняющагося, почти бѣгающаго толпами по городскимъ улицамъ. Но разскащикъ обаяетъ, и смотришь у него кушить одинъ то, другой другое. Нѣкоторые полагаютъ, что сельди въ Переславскомъ-озерѣ разведены только со времени Петра I. Странно! Для полноты величія Великаго довольно и того, что дѣйствительно сдѣлано при Немъ и Имъ. Сельди же не занимаютъ мѣста въ его исторіи. Герберштейнъ (Ист. г. Р. *Карамз.* Т. VI, прим. 447) пишетъ, между-прочимъ, что коронованному Дмитрію (Донскому въ-послѣдствіи), за великокняжескимъ торжественнымъ обѣдомъ, во исполненіе древняго обычая, подали блюдо *сельдей переславскихихъ*. Этимъ напоминалось новому великому князю, что Москва и Переславль должны быть всегда неразлучны подъ его скипетромъ Дмитрій Донской принадлежитъ XIV вѣку; однако и тогда еще сельди ему подавались по древнему обычаю. Не служить ли это подтвержденіемъ того, что мы сказали выше на счетъ отдѣльности отъ Москвы Залѣскаго края, и тому, что изъ нынѣшняго московскаго округа народъ началъ расходиться въ ту сторону, когда утвердилось монашество въ Свято-Троицкой обители Сергія, современника и боговдохновеннаго сподвижника великаго князя Дмитрія Іоанновича. Тогда ростовскій и залѣсскій край, уже сдѣлавшійся нѣсколько прежде того времени зависимымъ отъ московскаго великаго князя, еще болѣе прикрѣпился къ его области. Желательно, чтобы переславскія сельди были разведены въ Осташковскомъ озерѣ, Селигерѣ (Тверск. губ.). Вода въ немъ тоже прѣсная и грунтъ также песокъ; перевезти же сельди изъ Переславля до Москвы въ бочкахъ, а отъ Москвы по желѣзной дорогѣ, къ ближайшему мѣсту отъ Осташкова, невозможно.

Н. РОЗАНОВЪ

СОВРЕМЕННОЕ.*

ЛИТЕРАТУРА. — Понсарь и его пьесы. — **ОТКРЫТИЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Ныѣшнее состояніе газоосвѣщенія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ (*подробности устройства и дѣйствій газоваго заведенія въ Филадельфій*), статья *В. Карелина.* — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** — Добрый совѣтъ, *разсказъ Сторно де-Соломини.* — Школа художествъ въ Манчестерѣ. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, АНЕКДОТЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ.** — Башня Барнума. — Барнабиты во Франціи. — Выставка въ Нью-Йоркѣ. — Надписи въ Сирийской долигѣ и египетскіе гіероглифы. — Японскіе обычаи: Вѣры, сватовства, женитьба. — Американскіе денди. — Счастье приходитъ иногда во снѣ, но глупому сыну не въ помощь богатство. — Растеніе *Aegilops.* — Соляные и огненные колодцы въ Кіатингѣ (*въ Китаѣ*). — Замѣчательная долина въ Сѣверной Америкѣ. — Новыя желѣзныя дороги въ Сѣверной Америкѣ. — Ночное приключеніе (*разсказъ нѣмецкаго неюціанта*). — Подводный городъ (*изъ записокъ путешественника*). — Банковая облигація (*разсказъ*).

І. ЛИТЕРАТУРА.

Понсарь и его пьесы. — Тому, кто принадлежитъ къ одной литературной школѣ, трудно оцѣнить безпристрастно другую школу, которая старается замѣнить и уничтожить первую. Французы были увлечены поэтическими формами, новыми блестящими идеями, любили произведенія романической школы, потому-что сами были молоды и трудно было забыть и разлюбить то, что доставляло еще такъ недавно наслажденіе. Вотъ отчего долго не отдавали должной справедливости таланту Понсара. Онъ хотѣлъ разрушить воспоминанія молодости нынѣшняго поколѣнія, разбить прежнія мечты, принудить къ строгой, но безпристрастной критикѣ. Послѣ огромнаго и заслуженнаго успѣха по-

* Заимствовано изъ журналовъ: *Revue des deux mondes, Revue de Paris, Revue britannique, Bibliothèque de Genève, Magazin für die Litteratur des Auslandes, Eheaterungen, Novellen-Zeitung, Magazin pittoresque, le Voleur, Moden-Zeitung, Literary-Gazette, Illustration, Gazette des Théâtres* и др.

сѣднѣяго его произведенія онъ имѣеть на это полное право, какъ писатель, заслуживающій уваженіе даже тѣхъ, которые не признають его таланта, и занимающій почетное мѣсто между современными поэтами и драматическими писателями.

Чтобъ оцѣнить вполнѣ характеръ произведеній этого писателя, надобно припомнить событія, способствовавшія его первому успѣху и потомъ расхолодившія вдругъ публику, до того, что авторъ долженъ былъ цѣлые десять лѣтъ бороться съ препятствіями разнаго рода, переносить неудачи и порицанія, часто незаслуженныя...

Лукреція была играна въ 1843 году, въ минуту послѣднихъ усилій падающей романтической литературы. Де-Виньи давно уже замолчалъ, Гюго повторялъ себя въ драмахъ, которыя всѣ были ниже *Гернани*, въ стихахъ, гораздо слабѣйшихъ *Осеннихъ листьевъ*, и въ путевыхъ запискахъ, которыя были признаны плохими сами восторженными почитателями поэта. Мюссе беззаботно игралъ литературой, какъ любимый, но балованный ребенокъ, — и подъ покровительствомъ этихъ почетныхъ именъ составила новая литературная школа, наполненная чудовищными вымыслами, грязными подробностями, рѣзкими сценами и которая своимъ огромнымъ успѣхомъ унижала нравы, общество, здравый смыслъ и вкусъ.

Въ тоже время, какъ-будто бы для контраста, явилась молодая дѣвушка съ удивительнымъ трагическимъ талантомъ, и оживила образцовыя произведенія французскаго театра, забытыя со смерти Тальмы. Герміона, Роксана, Эмилиа, Камилла, Федра, Монима нашли достойную представительницу, которая не дотрогивалась до современнаго репертуара, не поддавалась обольщеніямъ модныхъ авторовъ, но твердо шла по избранной стезѣ, и была любимицей лучшаго общества, благодарнаго ей за то, что она воскресила Расина и Шанмеле.

Униженіе романтизма, гнѣвъ на новую юную литературу, воспоминаніе классицизма, оживленное Рашелью, — вотъ причины необыкновеннаго успѣха *Лукреціи*, которую съ восторгомъ превозласили символомъ литературнаго возрожденія. Теперь, читая эту трагедію, не понимаешь причинъ всего шума, похвалъ и надеждъ. Тогда же не могло быть иначе. Вообразите, что умный и образованный человекъ прочелъ поутру главу изъ *Парижскихъ тайнъ*, накануне перенесъ тяжелое испытаніе въ *Бурирафахъ*, и вдругъ, освободясь отъ грязи и мрака, очутился подъ перестилемъ римскаго храма, съ молодымъ поэтомъ, который увлекаетъ его въ новый міръ, опираясь на Тита-Ливія и на Андре Шенье. Возможно-ли было устоять противъ такого обольщенія. Впрочемъ никто и не сопротивлялся ему, — и *Лукреція* была провозглашена образцовымъ произведеніемъ.

Однакоже трагедія эта далеко не образцовое произведеніе, хотя въ ней много достоинствъ. Авторъ ея былъ убѣжденъ, что пьесы Гюго неестественны, — и хотѣлъ изобразить истину и простоту. Онъ взялъ характеры и происшествія, вѣрныя исторіи, пьеса составлена и ведена искусно, всѣ сцены занимательны, разговоръ вѣренъ — словомъ, *Лукреція* должна была во всякомъ случаѣ сдѣлать имя Понсара

извѣстнымъ публикѣ и приготовить ему блистательную карьеру. Но къ несчастію, заслуженный успѣхъ превратили въ триумфъ и поставили автора въ самое невыгодное положеніе: сдѣлали невозможнымъ успѣхъ слѣдующихъ его произведеній.

Понсаръ, какъ умный человѣкъ, очень хорошо понялъ, что трагедія его только вѣрное и занимательное изображеніе историческаго происшествія, но совсѣмъ не такая пьеса, которая открываетъ новую эпоху или обѣщаетъ много славы въ будущемъ. Послѣ *Гернани* и *Антони* можно было предполагать, что Гюго и Дюма создадутъ рядъ сильныхъ, смѣлыхъ, парадоксальныхъ произведеній съ новыми идеями и формами, которыя возвысятъ страсть до лиризма, или заставятъ ее бороться на жизнь и смерть съ существовавшими условіями сцены; *Лукреція* же только серьезный этюдъ изъ Титъ-Ливія, подражаніе Корнелю, съ которымъ молодой поэтъ, вѣроятно, не надѣялся сравниться. И чего можно было ожидать послѣ *Лукреціи*? Другаго эпизода изъ римской исторіи, который уже нѣвакъ не будетъ имѣть успѣха, потому-что публика въ это время охладится къ воспоминаніямъ изъ книги *de Viris illustribus* и накажетъ второй опытъ за неумѣстный восторгъ къ первому.

Понсаръ понялъ, что ожидаетъ его вторую пьесу, и обратился къ французской исторіи, къ среднимъ-вѣкамъ, куда также перенесъ свою драматическую простоту и вѣрность. Къ несчастію, онъ ошибся въ расчетѣ. Его простота, признанная высокимъ достоинствомъ въ греческихъ и римскихъ сюжетахъ, показалаcя неумѣтною въ персонажахъ, одѣтыхъ въ бархатъ и латы. У публики свои мнѣнія, иногда противорѣчащія, но освященныя преданіями. Если при поднятіи завѣсы она видитъ портикъ съ древними колоннами, между которыми мелькаютъ знакомыя каски и оружіе, если два актера выдѣтуть на авансцену и начнутъ рассказывать исторію, которую всѣ давно знаютъ наизусть, и стало-быть предвидать неминуемую развязку, публика позволяетъ автору простоту и даже не допускаетъ, чтобъ любопытство ея было возбуждено происшествіями, которыя должны быть ей извѣстны. Но если сюжетъ взять изъ архивовъ французской исторіи, которую всѣ знаютъ гораздо хуже греческой или римской, если вмѣсто пеплума и шерстяной туники, публика видитъ шелкъ, бархатъ, сталь, шлемы и перчатки, она не довольствуется уже тремя или четырьмя персонажами и простымъ дѣйствіемъ безъ эффектовъ и неожиданностей, — она требуетъ возрастающаго интереса, запутанной интриги, движенія, шума, толпы рыцарей или народа, словомъ изображенія бурной жизни среднихъ-вѣковъ.

Агнеса де-Мерани не исполнила ни одного изъ этихъ требованій, и потому не могла имѣть успѣха. Ожиданія публики не осуществились, любопытство ея не могло быть возбуждено, и она осталась очень недовольна авторомъ, котораго недавно превозносила.

Не желая вдаваться въ парадоксы, которыми изобилуетъ критика, мы должны однакоже сказать, что послѣ внимательнаго чтенія, *Агнеса де-Мерани* покажется всякому гораздо выше *Лукреціи*. Во-первыхъ выборъ сюжета доказываетъ вкусъ г. Понсара ко всему великому и

возвышенному. Что можетъ быть любопытнѣе, какъ вывести на сцену Филиппа-Августа, побѣдителя въ двадцати сраженіяхъ, который мечтаетъ о благѣ Франціи и о завоеваніи Нормандіи, и который вдругъ остановленъ во всѣхъ своихъ предиріятіяхъ интердиктомъ папы; борьбу между политическою властію и духовною; женщину чистую и преданную, любящую мать и жену, но виновную тѣмъ, что для нея Филиппъ удалил Ингельбергу. Кто выдетъ побѣдителемъ изъ этой борьбы? Кто уступить? Агнеса или легатъ, любовь или интердиктъ? Филиппъ противится — и вдругъ вокругъ него дѣлается пустота; столица похожа на кладбище, бароны и вассалы повинуются интердикту; Агнеса хочетъ бѣжать, но заблужденные, считая ее виновницею всеобщаго несчастія, хотятъ ее убить, и Филиппъ съ трудомъ спасаетъ ее отъ тѣхъ, которые недавно благословляли ее за благодѣянія. Бѣдная женщина понимаетъ, что она не въ силахъ противиться грозной власти папы, и отправляется, прося прощенія легата. Тотъ благословляетъ умирающую и снимаетъ интердиктъ съ Франціи. Раздается крикъ радости рыцарей и отчаянный вопль Филиппа, но побѣды скоро утѣшатъ его, и онъ забудетъ Агнесу, когда овладѣетъ Нормандіею.

Понсаръ думалъ — и отчасти справедливо, — что въ этомъ сюжетѣ соединены всѣ условія занимательности, и что не было никакой надобности увеличивать эффекты и придѣлывать вымышленныя происшествія къ историческому эпизоду. Онъ воображалъ, что публика, растроганная несчастіями *Лукреціи*, не будетъ безжалостна къ *Агнесъ де-Мерани*, тѣмъ болѣе, что это одна изъ страницъ исторіи Франціи. Притомъ же авторъ сдѣлалъ значительные успѣхи въ слогѣ и имѣлъ полное право ожидать новаго триумфа. Но вышло совсѣмъ иначе. Его обвиняли, что въ *Агнесъ* мало дѣйствія, какъ будто въ *Лукреціи* было его больше. Имя Понсара уже не нужно было для уничтоженія какого-нибудь другаго писателя, вѣтренность французовъ обратилась къ другому предмету, и *Агнеса де-Мерани* упала.

Притомъ же Понсаръ забылъ мудрое изрѣченіе Горация: *Semper ad eventum festina*, и растянулъ свой сюжетъ, почитая необходимымъ написать пять актовъ. Поэтому съ третьяго дѣйствія ходъ пьесы останавливается, какъ будто и она сдѣлалась неподвижною, какъ Франція послѣ интердикта легата. Характеры, чувства, разговоры — все вертится вѣкругъ одной точки, нисколько не подвигаясь къ цѣли, и это уменьшаетъ интересъ. Какая разница, еслибы авторъ сбросилъ съ себя классическія правила, какъ Шекспиръ, и изобразилъ вмѣсто монотонныхъ сценъ рядъ картинъ, въ которыхъ бы представилъ со всевозможною историческою вѣрностію любовь Филиппа и Агнесы, приѣздъ легата, печальныя слѣдствія интердикта, и наконецъ смерть Агнесы. Но Понсаръ испыталъ, что ему удалось подражаніе Корнелю и Титу-Ливію, и теперь увлекся другою славою. Онъ хотѣлъ, какъ Расинъ, изобразить внутреннюю борьбу чувствъ, страданія сердца, увлекаемаго любовью и удерживаемаго долгомъ, эгоизмъ страсти и требованія Франціи — словомъ всю превосходную поэзію Расина, разсыпанную щедрою рукою въ *Андромашу*, *Гофолію* и *Беренику*. И надобно признаться, что Понсаръ

достигъ этой высокой цѣли, только онъ забылъ, что его будутъ судить не современники маркизы Севиньи.

Была еще одна немаловажная причина неуспѣха *Агнесы де-Мерани*, и которая нисколько не зависѣла отъ молодого автора. Пьеса была разыграна и обставлена очень плохо, роли были розданы совсѣмъ не по характерамъ дѣйствующихъ лицъ. Это было истинное несчастіе для пьесы, прекрасно написанной, но безъ театральнаго эффекта. Надобно было прочесть ее со всѣми отгѣнками и выставить всѣ красоты стиховъ, а вмѣсто того Филиппъ бормоталъ что-то про себя, Агнеса была безъ голоса, а легать читалъ роль какъ выученный урокъ. Возможно-ли, чтобъ пьеса понравилась при такихъ исполнителяхъ! Правда, что подобное же несчастіе случилось и съ комедіею «Честъ и деньги», которая была представлена не первоклассными артистами, но эту пьесу никакъ нельзя было испортить ничѣмъ, и она всегда бы имѣла блистательный успѣхъ.

Поэтому можно сказать, что *Агнесу* осудили совершенно невинную, но *Шарлотту Корде* нельзя уже ни чѣмъ оправдать, и публика имѣла полное право быть недовольною и холодною.

Понсаръ, признанный главою новой школы и возвратившій театру классическую простоту, изгнавшій со сцены *романтическую оргію*, вздумалъ самъ изобразить почти современный эпизодъ, напоминающій смуты и волненія, гдѣ простота была уже невозможною, и гдѣ Кло и Мельпомена принуждены были кричать, а не говорить. Какая странная перемѣна въ поэтѣ, который послѣ Титъ-Ливія, Корнеля и Расина выбралъ такой опасный сюжетъ, бывший ему не подъ-силу. Публика не хотѣла, чтобъ ей напоминали эту эпоху, говорила, что это не трагедія, а скорѣе идиллія, перемѣшанная съ ораторскими рѣчами, *исторія Жиронды*, рассказанная Тераменомъ.

Положеніе поэта дѣлалось очень щекотливымъ и опаснымъ для будущности его таланта, потому-что публика скорѣе забываетъ успѣхъ, чѣмъ неудачу, и Понсаръ поспѣшилъ написать *Горація и Лидію*, и доказалъ, что древняя поэзія всегда будетъ имѣть неотъемлемую прелесть, если передава умнымъ писателемъ и представлена талантливою актрисою. Г-жа Рашель отказалась отъ ролей Лукреціи, Агнесы и Шарлотты, но взялась сыграть Лидію, и доказала этимъ, что могла бы лучше поддержать серьезныя произведенія поэта, а не бездѣлку, которую онъ самъ, вѣроятно, не очень цѣнилъ.

Потомъ Понсаръ обратился къ Гомеру, къ источнику чистаго вдохновенія. Трагедія его *Улиссъ* и поэма *Гомеръ* заслуживаютъ всеобщаго уваженія и въ послѣдствіи будутъ считаться лучшими произведеніями въ этомъ родѣ. Если же успѣхъ ихъ былъ не очень блистателенъ, то потому, что страсть къ древности, грекамъ и Гомеру уже прошла въ публикѣ, точно такъ же, какъ прошла мода на средніе-вѣка. Понсаръ очень хорошо зналъ, что его *Улисса* не поймутъ и не оцѣнятъ, и что современные Аспазіи будутъ съ улыбкою слушать его превосходные стихи, думая совсѣмъ о другомъ.

Послѣ всѣхъ этихъ произведеній, признанныхъ или непризнанныхъ

геніальными, о талантѣ Понсара нельзя было сказать ничего рѣшительнаго, нельзя было назначить ему мѣста въ литературѣ. Многіе уже начинали сомнѣваться, имѣла-ли успѣхъ и *Лукреція*, а если имѣла, то это была, вѣроятно, случайность, ошибка; говорили, что въ авторѣ нѣтъ нисколько оригинальности, и онъ, бросаясь во все стороны, скоро принужденъ будетъ отказаться отъ театра, какъ вдругъ все сомнѣнія были рѣшены появленіемъ комедіи, возвратившей поэту славу и значеніе, заставившей забыть все его неудачи, все десятилѣтніе нападки и осужденія. Теперь авторъ *Лукреціи* будетъ называться авторомъ комедіи *Честъ и деньги*, что будетъ напоминать лучшее его произведеніе и самый заслуженный успѣхъ.

Съ перваго взгляда, однакоже, кажется, что въ этой пьесѣ нѣтъ ничего оригинальнаго; характеры, интрига, слогъ кажутся очень обыкновенными, но изучивъ ее прилежно и со вниманіемъ, непременно откроются рѣдкія достоинства.

Характеръ Жоржа очень интересенъ, хотя онъ принадлежитъ болѣе драмѣ, нежели комедіи. Въ первомъ актѣ онъ богатъ и счастливъ, во второмъ разоряется по своей волѣ, въ третьемъ его оставляютъ все друзья и бѣгутъ отъ него, какъ отъ зачумленнаго. Честный negociantъ, который сосваталъ за него дочь, отказывается ему отъ дому, послушная дѣвушка, молча, оставляетъ любимаго жениха и идетъ за другаго. Жоржъ раздражается горькими и краснорѣчивыми упреками противъ корыстолюбиваго отца, хладнокровной дочери и низкаго общества, которое отталкиваетъ его гордую бѣдность. Онъ начинаетъ сомнѣваться въ добрѣ и злѣ, онъ клеветаетъ на свѣтъ и людей, и готовъ забыть честь и совѣсть, но къ счастью другъ спасаетъ его отъ гибели; сестра бывшей невѣсты утѣшаетъ его, состояніе его поправляется, счастье и спокойствіе возвратились, и онъ опять вѣрится въ добро, въ честь, въ благородство.

Въ этомъ сюжетѣ соединены интересъ, истина и занимательность, хотя очень мало дѣйствія. Родольфъ, другъ Жоржа, напоминаетъ честныхъ Филинговъ и Альцестовъ. Онъ поддерживаетъ, уговариваетъ, спасаетъ своего друга, потому что самъ много испыталъ и перенесъ бѣдность, изъ которой вышелъ съ такою же чистою совѣстью и безъ малѣйшаго упрека. Но Родольфъ все-таки моралистъ, а не комическій характеръ.

Двѣ молодыя дѣвушки Лора и Люсиль олицетворяютъ—одна покорность, другая вѣтренность и болтливость, которая болѣе идетъ къ служанкамъ Мольера, чѣмъ къ воспитанной молодой дѣвушкѣ, выговаривающей отцу зато, что онъ отказываетъ разорившемуся зятю. Но подобный характеръ необходимъ былъ для развязки пьесы, и хотя онъ не оригиналенъ, но все-таки граціозенъ и милъ.

Въ пьесѣ есть двѣ роли, къ несчастію незначительныя, но въ которыхъ больше всего комизма. Это г. Мерсѣ, отецъ молодыхъ дѣвушекъ, и старая невѣста, которую предлагаютъ Жоржу съ богатымъ приданымъ. Эта богатая старуха совсемъ не смѣшна, и г. Понсаръ сдѣлалъ очень умно, что не вывелъ карикатуру. Она была молода и

прекрасна, но бѣдна, и когда получила богатое наслѣдство, то уже со-старѣлась. У ней доброе и чувствительное сердце; она могла бы составить счастье честнаго человѣка, но бѣдность заставила замолчать ея сердце, а богатство не можетъ возвратить ей молодости. Это лицо совершенно новое и привлекательное, и жаль, что г. Понсаръ не развилъ болѣе этотъ характеръ.

Г. Мерсье превосходенъ по своей глупости, поддѣльной строгости, мелочности и болтливости. Онъ когда-то пѣлъ пѣсни Вольтера, Парни и Беранже, но теперь сдѣлался важнымъ и не любитъ, чтобъ ему напоминали прошедшія глупости. Онъ громко объявляетъ, что презираетъ безчестнаго миллионера и съ гордостью пожиметъ руку благородному бѣдняку, но когда Жоржъ отказывается отъ своего состоянія, чтобъ заплатить долги отца, Мерсье находитъ, что будущій зять его поступилъ необдуманно, что онъ могъ бы устроить такъ, чтобъ не остаться самому въ бѣдности, и наконецъ отдаетъ руку дочери человѣку, отецъ котораго былъ три раза банкротомъ. Позже, когда этотъ новый зять бросаетъ жену и бѣжитъ отъ долговъ, г. Мерсье очень забавенъ въ своемъ гнѣвѣ и говоритъ:

«.....Le drole! le coquin! le bandit!..
L'hypocrite qu'il est nous a tous attrapés.
Il possédait si bien la langue des affaires,
Etait si positif, riait tant des chimères,
Traitait la poésie avec tant de mépris,
Que j'ai cru qu'il serait le meilleur des maris!»

Эта выходка, выражающая характеръ негоціанта, заставляетъ всѣхъ смѣяться, но г. Мерсье совершенно правъ: поэты будутъ всегда не образцовыми мужьями. Впрочемъ вся роль эта выдержана превосходно, и еслибы ее сыгралъ Сансонъ, или Прово, она выиграла бы вдвое.

Что касается до хода пьесы, автору можно сдѣлать много замѣчаній. Нельзя не признать благороднымъ поступокъ Жоржа, который безъ малѣйшаго сожалѣнія разоряется, чтобъ заплатить долги отца, къ чему не былъ нисколько принужденъ. Родольфъ тоже правъ, когда предсказываетъ другу всѣ послѣдствія его жертвы, но общество совсѣмъ не такъ дурно и низко, не такъ неблагодарно, чтобъ не оцѣнить прекраснаго поступка и не наградить геройскаго подвига. Очень можетъ быть, что отецъ откажетъ Жоржу въ рукѣ дочери, что даже друзья удалятся отъ него, боясь жалобъ и займовъ, — это отчасти понятно и часто случается, — но кажется, Понсаръ напрасно клеветаетъ на официальное общество. Послѣ благороднаго поступка Жоржа для него будутъ открыты всѣ должностныя мѣста, объ немъ будутъ рассказывать во всѣхъ собраніяхъ и будуарахъ, и женщины, понимая все высокое, тотчасъ же примутъ въ немъ участіе и выхлопочутъ ему выгодное занятіе, не считая преміи Монтиона, которую онъ получить, и какой-нибудь чувствительной миссъ или романической вдовы, которая предложитъ ему свою руку и миллионы.

Стихи комедіи «Честь и деньги» напоминаютъ Мольера, точно такъ же, какъ «Лукреція» и четвертый актъ «Шарлотты Корде»—Корнеля, и это самая лучшая похвала, какую можно сдѣлать Понсару. Его оригинальное произведеніе будетъ имѣть большое вліяніе на вкусъ нашего времени. Оно истребитъ на сценѣ все неправдоподобное, парадоксальное, невозможное, которымъ восхищались еще такъ недавно, выразитъ безсмертныя истины твердымъ, сильнымъ слогомъ, оживитъ настоящую, благородную, моральную комедію, которая уже начинала слабѣть и упадать. Теперь мы можемъ ожидать многого отъ человѣка съ умомъ и сердцемъ, который десять лѣтъ боролся со всѣми препятствіями, переносилъ твердо неудачи, и наконецъ побѣдилъ всѣхъ, написавъ превосходную комедію, какой не было со времени «Сватъбы Фигаро». Это рѣдкій примѣръ, доказывающій высокій талантъ и дарованіе Понсара.

II. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Ныѣшнее состояніе газосвѣщенія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. — (Подробности устройства и дѣйствій газоваго заведенія въ Филадельфій). Слѣдующія свѣдѣнія о состояніи газосвѣщенія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, собранныя изъ официальныхъ источниковъ, строгая истина которыхъ въ малѣйшихъ подробностяхъ не подлежитъ сомнѣнію, будутъ весьма полезны, какъ вообще для любителей искусствъ, слѣдящихъ за современными и быстрыми ихъ успѣхами, такъ особенно для тѣхъ, которые, участвуя въ этомъ дѣлѣ своими капиталами, болѣе другихъ заинтересованы желаніемъ ознакомиться съ нимъ ближе.

Свѣщеніе газомъ Филадельфій, главнаго города Пенсильваніи, одного изъ Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, устроено частною компаніею въ 1835 году, то-есть болѣе двадцати лѣтъ послѣ всеобщаго введенія въ Англій газосвѣщенія, и слѣдовательно вполне могло воспользоваться успѣхами, сдѣланными газопроизводительнымъ искусствомъ въ теченіе этого времени, чему особенно благопріятствовали весьма близкія и обширныя торговыя связи американцевъ съ Англіею, изобиліе капиталовъ и высокое состояніе промышленности и наукъ въ Америкѣ. Въ 1836 году заведеніе начало дѣйствовать.

По официальному отчету 20 января 1848 года, то-есть двѣнадцать лѣтъ послѣ открытія заведенія, оно имѣло въ дѣйствіи: 1) 120 овальныхъ или эллиптическихъ ретортъ длиною въ семь, шириною въ два и вышиною въ одинъ футъ. Всѣ онѣ размѣщены въ тридцати-восьми отдѣльныхъ печахъ.

2) Восемь газохранилищныхъ котлаковъ или газометровъ, каждый въ 50 футовъ въ поперечникѣ и 18 футовъ вышиною, и одинъ двойной или телескопическій въ 80 футовъ въ поперечникѣ и 40 футовъ въ подъемѣ, такъ-что вмѣстимость всѣхъ простирается до полу-милліона кубическихъ футовъ.

3) Сто-пятнадцать верстъ и сто-тринадцать сажень подземныхъ газопроводныхъ трубъ отъ полутора до шестнадцати дюймовъ въ поперечникѣ.

4) Тысяча четыреста-пятьдесятъ-пять публичныхъ и шестьдесятъ-двѣ тысячи четыреста-семьдесятъ-семь частныхъ рожковъ или горѣлокъ съ принадлежащими къ нимъ побочными газопроводными трубками.

5) По частнымъ домамъ шесть тысячъ двѣсти-девять газомѣрителей, вмѣстимостію каждый на три и до ста рожковъ.

На все это издержки первоначальнаго устройства были слѣдующія:
на русскія ассигнаціи

a) на зданія, газохранилища, печи, реторты и ихъ принадлежности	1,389,960
b) на подземныя газопроводныя трубы	1,520,715
c) на побочныя трубы и газомѣрители	616,655
d) на уличныя лампы	59,070

Итого на первоначальное устройство 3,586,400 рублей.

Ежегодныя издержки на покупку и доставку матеріаловъ, плату смотрителямъ и работникамъ, починки и мелочныя случайныя издержки не входятъ въ этотъ счетъ.

Съ 1836 по 1840 годъ выработано и продано 90,389,000 кубическихкихъ футовъ газа, которыхъ выработка и распродажа обошлись на русскія ассигнаціи 1,105,560 рублей.

Слѣдовательно каждую тысячу кубическихкихъ футовъ свѣтящагося газа слѣзать и продать стоило 10 рублей 25 копѣекъ.

Съ 1840 по 1844 выработано и продано 196,401,000 кубическихкихъ футовъ, и издержано на это 4,472,210 рублей, такъ что каждая тысяча футовъ газа обошлась заведенію въ 7 рублей 50 копѣекъ.

Съ 1844 по 1848 произведено газу 286,662,000 кубическихкихъ футовъ, на что издержано 1,862,100 руб., и каждая тысяча обошлась въ 6 руб. 50 коп.

Въ эти издержки не включены проценты съ капитала, употребленнаго на первоначальное устройство, также изъ нихъ не вычтены суммы, вырученныя за продажу остатковъ газоваго производства: кокса, смолы, извести и аммоніакальной жидкости. Объ этомъ говорено будетъ ниже.

Правительство, дозволяя въ 1835 году частной компаніи устройство освѣщенія Филадельфій газомъ, предоставило однакоже себѣ право во всякое время, по своему благоусмотрѣнію, взять это дѣло въ свое распоряженіе, возврата пайщикамъ ихъ издержки. Скоро въ публикѣ возникло на общество неудовольствіе. Стали говорить, что интересы общества и публики несомѣстны, что общество всегда будетъ стараться продать какъ можно большее количество газа, какого бы онъ не былъ качества, за самую дорогую цѣну, что оно всегда будетъ неприязненно всѣмъ улучшеніямъ и успѣхамъ искусства газоосвѣщенія, и что, наконецъ, предоставитъ въ одні частныя руки этотъ промыселъ

значить, для выгоды нѣсколькихъ лицъ, добровольно лишить публику возможности имѣть когда-нибудь самое лучшее и самое дешевое освѣщеніе.

Слѣдствіемъ этого было то, что газоосвѣщеніе въ 1841 году поступило въ собственность и полное распоряженіе городскаго управленія, и съ того времени дѣятельность заведенія ежегодно и быстро возрастаетъ и совершенствуется. Проценты съ капитала, употребленнаго на первоначальное устройство, уменьшены до половины, газъ сдѣлался гораздо лучшаго качества и продается дешевле противъ прежняго, и несмотря на это, въ 1847 году приходъ заведенія болѣе нежели вдвое превъшалъ расходъ, чему причины сейчасъ увидимъ.

Каменноугольное газоосвѣщеніе Филадельфій отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что въ немъ введено съ 1842 года употребленіе канифоли въ смѣси съ углемъ.

Канифоль въ реторты поступаетъ не въ жидкомъ видѣ, какъ это бываетъ когда газъ добывается изъ нея одной, а просто бросается вмѣстѣ съ углемъ кусками.

Употребленіе ея такъ полезно во всякомъ отношеніи, что количество ея въ сравненіи съ количествомъ угля возрастаетъ ежегодно съ очевидною выгодною, и вѣроятно, дойдетъ до того, что угля будутъ класть въ реторту не болѣе, какъ сколько необходимо для полученія потребнаго для нагрѣванія реторты коксу.

Причину такого благотворнаго вліянія канифоли объяснить не трудно. Въ 1844 году, весьма рачительными опытами въ Америкѣ дознано, что фунтъ канифоли даетъ семь кубическихъ футовъ отличнаго газа, не требующаго никакого очищенія. Фунтъ каменнаго угля, употребляемаго въ Филадельфій на выдѣлку газа, даетъ его менѣе, нежели три и три четверти кубическихъ фута, гораздо низшаго достоинства; такъ что 280 фунтовъ газа выходятъ изъ 75 фунтовъ угля или изъ 40 фунтовъ канифоли. Но 75 фунтовъ, или американскій бушель угля стѣитъ 87 русскихъ копейекъ мѣдью, а 40 фунтовъ канифоли, по обыкновенной цѣнѣ, четыре рубля мѣдью за бочку въ $7\frac{2}{3}$ пудовъ, стѣитъ только 63 копейки съ небольшимъ. Ясно, что канифольный газъ болѣе нежели 50-ю процентами обходится дешевле.

Здѣсь должно замѣтить, что пудъ канифоли, стоящій въ Филадельфій около 50 копѣекъ мѣдью, въ Петербургѣ стѣитъ 350 коп., что необычайная дешевизна канифоли въ Америкѣ, неслыханная въ Петербургѣ, происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ:

1) На довольно большое разстояніе отъ Петербурга, вездѣ, гдѣ есть водяное сообщеніе, лѣсовладѣльцы и промышленники предпочитаютъ продавать свой нестройовой лѣсъ, просто дровами. Въ Петербургъ же привозятъ канифоль изъ Финляндіи въ малыхъ количествахъ и сухимъ путемъ.

2) Всякому извѣстно, что канифоль есть та грубая часть вытекающаго изъ хвойныхъ деревьевъ соку (терпентина), которая остается въ кубѣ при отдѣленіи изъ него чистаго терпентиннаго спирта. Въ Америкѣ, при обширномъ употребленіи послѣдняго на освѣщеніе

улицъ, лавокъ, магазиновъ и другихъ зданій, перегонка природнаго терпентина производится съ раченіемъ, чтобы добыть возможно большее количество изъ него спирту. Вообще русскіе промышленники этимъ не дорожатъ и у насъ въ торговлѣ часто продается подъ именемъ гарпіуса канифоль, содержащая большую часть спирта. Итакъ положимъ, что пудъ терпентина съ дерева собрать и на мѣсто обработки доставить обошлось въ 4 рубля ассигнаціями. Американецъ изъ этого пуда получить десять фунтовъ терпентиннаго спирта и продасть его у себя за 5 рублей, а остающіеся тридцать фунтовъ канифоли придется ему даромъ.

Въ 1847 году, въ Филадельфій цѣны на газопроизводительные припасы были, круглымъ счетомъ, слѣдующія:

Пудъ годнаго для газа каменнаго угля стоилъ	42 коп. мѣдью
Пудъ канифоли	50 " "
Пудъ извести	4 копейки мѣдью.

Съ газоваго заведенія, произведенія его продавались:

Свѣтящійся газъ—за тысячу кубическихъ футовъ	12 руб. 50 коп. асс.
Коксъ изъ ретортъ, за русскую 8-ми четвериковую четверть	1 — 80 — —
Известь отъ очищенія газа — за четверть же	" — 90 — —

Газовая смола оставалась въ заведеніи непроданною, а аммоніакальную воду просто выбрасывали.

Въ томъ же 1847 году, въ томъ же заведеніи выработано и продано: 91,457,000 кубическихъ футовъ газа. На это употреблено: каменнаго угля . . . . . 572,370 пудовъ.
канифоли . . . . . 46,542 —

Для нагрѣванія ретортъ газоваго кокса—40,000 русскихъ восьмичетвериковыхъ четвертей.

Извести для очищенія газа 13,500 — четвертей.

Отъ выдѣлки показаннаго количества газа получено:

Кокса	69,000 четвертей.
Продано выдохшейся извести отъ очищенія	7,720 —
Смолы газовой	32,640 пудовъ.

Общій итогъ всего ежегоднаго расхода на производство и продажу газа (кромя процентовъ на капиталъ первоначальнаго устройства) . . . . . 492,635 руб. асс.

Общій итогъ выручки (кромя непроданной смолы и выброшенной аммоніакальной воды) . . . . . 1,048,420 — —

Въ этомъ общемъ обзорѣнн болѣе всего бросается въ глаза необычайно сильная трата кокса на нагрѣваніе ретортъ (почти 58 процентовъ) и вообще невыгодное и нерадивое употребленіе второклассныхъ отъ производства газа продуктовъ: смолы, кокса, извести и прочаго.

Такъ, на примѣръ, кокса подъ ретортами сожжено почти ровно вдвое больше того, что сожигается на то же количество въ Шеффилдѣ, въ Англій, а въ сравненіи съ новыми печами и ретортами, уже

за нѣсколько лѣтъ введенными Кролемъ съ совершеннымъ успѣхомъ въ Тотенгемѣ, слишкомъ въ два съ половиною раза болѣе.

Извести на очищеніе газа употребляется также непомерно много, слишкомъ четыре пуда на каждую тысячу футовъ газа. Хотя въ Филадельфій употребляется она не въ жидкомъ видѣ, какъ у насъ, а въ сухомъ, при чемъ надобно ея по-крайней-мѣрѣ 60-ю процентами болѣе, но все-таки выходитъ ея тамъ слишкомъ вдвое болѣе, нежели бы надлежало. На петербургскомъ газовомъ заведеніи, на тысячу кубическихкихъ футовъ газа выходитъ менѣе пуда.

Но самая худая сторона дѣйствій американскаго газового заведенія есть неумѣніе или нерадѣніе пользоваться газовой смолою, которая оставалась безъ всякаго сбыта, и это въ началѣ 1848 года, когда употребленіе ея въ Англіи распространялось и росло не по днямъ, а по часамъ, и если по-сіе-время цѣны на нее въ Англіи весьма низки (менѣе четвертака за пудъ, на заводѣ), то это единственно отъ того, что тамъ почти всѣ города и безъ изытія всѣ значительныя фабрики и заводы освѣщены каменноугольнымъ газомъ, и остающееся отъ его добыванія количество смолы такъ огромно, что еще далеко превышаетъ требованія на нее, какъ онѣ ни обширны.

Въ Англіи газовая смола употребляется въ видѣ летучаго масла или особеннаго рода нефти, въ видѣ тяжелаго, въ водѣ тонущаго масла и въ видѣ черной смолы, при обыкновенной лѣтней температурѣ застывающей на открытомъ воздухѣ.

На эти три вида газовая смола раздѣляется самыми немудреными и недорогими способами.

Употребленіе перваго, летучаго, на водѣ плавающаго масла, очень важно и распространяется ежедневно. Оно—душа и основаніе фабрикаціи всѣхъ непромокаемыхъ тканей, введенныхъ Мекивтошемъ, уже нѣсколько лѣтъ извѣстныхъ подъ его именемъ и у насъ, въ Петербургѣ.

Это же самое масло, съ примѣсью втораго, тяжелаго вида, даетъ такъ-называемый морской клей (*glue marine*), одно изъ полезнѣйшихъ современныхъ нововведеній.

Второй видъ газовой смолы (*dead oil*), черная, тонущая въ водѣ жидкость, употребляется въ особеннаго устройства лампахъ для освѣщенія на открытомъ воздухѣ, гдѣ небольшая копоть сносна, но болѣе всего пережигается въ сажу, самую лучшую изъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ, особенно превосходную для книгопечатанія и для эстамповъ.

Наконецъ третій, твердый видъ смолы (*pitch*), въ смѣшеніи со вторымъ, производитъ очень хорошій и прочный лакъ для желѣза и дерева; но болѣе всего передѣлывается на особыхъ заведеніяхъ въ искусственный уголь, съ выгодою употребляемый для паровыхъ котловъ въ дальнихъ путешествіяхъ. Такой уголь уже давно продается по 13 копѣекъ серебромъ за пудъ и у насъ, въ Петербургѣ.

Если въ Англіи, при огромномъ совмѣстничествѣ, многіе капитальные промышленники находятъ выгоды отъ обработки газовой смолы въ разныхъ ея видахъ, то какъ же не обратить вниманія на это дѣло

тамъ, гдѣ совмѣстничества нѣтъ вовсе, и гдѣ газовому заведенію стоить только самому подать примѣръ, чтобы удешевить цѣнность одного изъ главныхъ своихъ произведеній?

Спору нѣтъ, что выдѣлываніе искусственнаго угля, даже сажи, требуя устройства особенныхъ печей и заведенія довольно сложнаго и недешеваго механизма, затрудняетъ газовое заведеніе, и потому должны быть признаны не его дѣломъ; но отдѣленіе легкой смолы — работа самая легкая и простая: тяжелыя смолы, жидкая и твердая, сохранять ту же или еще болѣе большую цѣнность, какую имѣли до отдѣленія отъ нея легкой, а продажа послѣдней, какъ скоро промышленность ознакомится съ достоинствами и пользою ея, такому заведенію, какъ филадельфійское, доставили бы, судя по теперешнимъ цѣнамъ, по крайней-мѣрѣ сто тысячъ рублей ассигнаціями ежегодной прибыли, вовсе не обременяя его новыми издержками и сложными нововведеніями.

Наконецъ аммоніакальная вода, не въ одномъ филадельфійскомъ заведеніи до-сихъ-поръ выбрасываемая, какъ ни къ чему не годный соръ, послѣ трудовъ и опытовъ Кроля и доказанныхъ успѣховъ, заслуживаетъ всякаго вниманія газопроизводителей.

Эта вода заключаетъ сѣрнокислый амміакъ, соль, весьма полезную для выдѣлки нашатыря и другихъ соединений амміака, и особенно замѣчательную по благотѣльнымъ для земледѣлія свойствамъ. Но въ томъ состояніи, въ какомъ получалась она до Кроля, нужно было ее прежде насыщать сѣрною кислотою и выпаривать, и тогда изъ десяти ея фунтовъ выходило съ небольшимъ три четверти фунта кристаллизованной соли, количество столь незначительное, что въ немногихъ случаяхъ вознаграждало за хлопоты и издержки добыванія.

Теперь, по способу Кроля, въ газовомъ производствѣ получается она насыщенная кислотою и по испареніи даетъ соли почти въ шесть разъ болѣе, именно, вмѣсто 14 унцій, получается восемьдесятъ.

Но такая значительная разниа ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣми выгодами, которыя новый способъ доставляетъ газовому производству вообще. Изъ одного и того же угля количество и качество свѣтящаго газа увеличивается, прогараніе ретортъ отъ осаждающагося во внутренности ихъ графита почти исчезаетъ, и несносная и зловредная вонь, неизбѣжная при открываніи очистительныхъ снарядовъ, уничтожается.

Качество свѣтящагося газа выигрываетъ отъ того, что по новому способу весь амміакъ отъ него совершенно отдѣляется, а количество прибываетъ потому, что съ устраненіемъ мокрыхъ очистителей и замѣною ихъ сухими, не бываетъ сильнаго напора столба известковой гущи, препятствующаго свободному выходу газа изъ ретортъ, а вмѣстѣ съ нимъ и значительной потери чрезъ спайки газопроводныхъ трубъ, и даже чрезъ самыя трубныя стѣны, почти всегда болѣе или менѣе поздраватыя.

III. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Добрый советъ. — *Разсказъ Сторно де-Соломини.* Рубини дебютировалъ на театрѣ Scala, въ Миланѣ; молва о немъ пробѣжала уже по всей Италіи, а потому въ ожиданіи этого дебюта между городскими дилеттантами замѣтно было сильное возненіе. Тѣ, которымъ удалось уже слышать его, утверждали, что никогда еще Миланцамъ не случалось слышать ничего подобнаго, и какъ это обыкновенно водится у людей, увѣренія ихъ нашли много невѣрующихъ или по-крайней-мѣрѣ сомнѣвающихся.

Наконецъ насталъ желанный день, или скорѣе желанный вечеръ: Рубини запѣлъ и — не стало сомнѣющихся, ни невѣрующихъ; восхищеніе, громъ рукоплесканій, восторженныхъ кликовъ увлекли, упоили всѣхъ.

Одинъ только человекъ оставался равнодушнымъ, и произнесъ одно, нѣсколько загадочное восклицаніе: *Жаль!*

Человекъ этотъ былъ Горръ, старый Нѣмецъ, нѣсколько уже лѣтъ занимавшій смиренную должность втораго кларнета; однако, несмотря на его скромное званіе, сужденія стараго профессора, — онъ давалъ также уроки музыки, — имѣли большой вѣсъ, потому что всѣ признавали наблюдательность его сужденій и справедливость замѣчаній; предсказанія его о слышанныхъ артистахъ всегда оправдывались на дѣлѣ.

Узнавъ о невольномъ вырвавшемся восклицаніи *жаль!* всѣ захотѣли узнать и причину его.

— Разумѣется, жаль, отвѣчалъ старикъ. Ну, какъ не жаль, когда подумаешь, что лѣтъ черезъ пять отъ такого чистаго, прекраснаго голоса ничего не останется.

Не обращая вниманія на такое предсказаніе, импрессарио поспѣшилъ, послѣ перваго дебюта, предложить контрактъ, который Рубини подписалъ, къ обоюдному ихъ удовольствію.

Слова Горра дошли и до знаменитаго пѣвца. При второмъ дебютѣ, Рубини внимательно разсматривалъ добраго старика, наружность котораго предварительно описали ему; однако и теперь, хотя онъ превзошелъ самого себя, но пріятель его, сидѣвшій нарочно подлѣ суроваго судьи, донесъ Рубини, что мнѣніе старика не измѣнилось.

Рубини не выдержалъ и на другой же день отыскалъ кларнетиста. Послѣ двухъ-часовой бесѣды съ нимъ, прославленный пѣвецъ написалъ къ импрессарио, что обстоятельства особенной важности вынуждаютъ его нарушить контрактъ и не пѣть въ-продолженіе двухъ лѣтъ.

Понятно, что послѣ такой новости, каждому хотѣлось узнать отъ Горра причину неожиданной и необыкновенной рѣшимости, предпринятой, по всѣмъ вѣроятностямъ, въ-слѣдствіе его совѣтовъ.

— Дѣло очень просто, отвѣчалъ старикъ, набивая трубку и прихлебывая изъ стакана пиво; Рубини спросилъ у меня, почему я думаю, что онъ чрезъ пять лѣтъ потеряетъ голосъ; а я откровенно сказалъ ему, что внимательно слушая его, замѣтилъ, что онъ не умѣетъ пе-

реводить дыханіе, доказывая, что въ этомъ заключается существенное искусство для каждаго пѣвца, желающаго долго сохранить свой голосъ, никакъ, впрочемъ, не предполагая, чтобы Рубини согласился съ моимъ убѣжденіемъ, потому-что для этого слѣдовало отказаться отъ настоящихъ успѣховъ, и въ-продолженіе двухъ лѣтъ не пѣть ни одной ноты, а только учиться дышать, словомъ совершенно оставить прежнюю методу, чтобы приобрести новую; но Рубини имѣлъ это мужество, доказывающее, что онъ истинный артистъ, зато и будетъ онъ пѣть до шестидесяти лѣтъ.

Предсказаніе Горра сбылось: Рубини оставилъ сцену, когда уже ему было подѣ шестьдесятъ и въ полномъ блескѣ своего таланта.

—

Школа художествъ въ Манчестерѣ.—Въ 1838 году основана была въ Манчестерѣ съ пособіемъ отъ англійскаго правительства школа рисованья (School of design), которой главная цѣль состояла въ приготовленіи образцовыхъ рисунковъ для набивки на бумажно-хлопчатыхъ издѣлія. Но заведеніе это вскорѣ оказалось несоотвѣтствующимъ предположенной цѣли и ожиданіямъ. вмѣсто того, чтобы руководствуясь классическими образцами и неизмѣнными законами природы, образовывать и развивать искусство и изящный вкусъ, молодые люди покорились требованіямъ фабрикантовъ. Дѣло дошло до того, что въ 1849 году въ нижнемъ парламентѣ представлено было донесеніе, въ которомъ заведеніе это выставлено въ видѣ неудавшейся попытки. Назначена была коммиссія, которая подвергла эту школу строгому надзору, и удостовѣрясь однажды въ основномъ недостаткѣ заведенія, спѣшила измѣнить его, предписавъ для руководства правило: «стараться возвести ремесло до искусства, а не унижать искусство до ремесла.»

Послѣ этихъ измѣненій школа быстро стала усовершенствоваться. Число воспитанниковъ учетверилось,—и требованіе рисовальщиковъ до того повсемѣстно усилилось, что всякій ученикъ, отличающійся прилежаніемъ, увѣренъ въ обезпеченномъ существованіи. Заведеніе это приняло названіе манчестерской школы художествъ, и самое зданіе ея весьма распространено.

—

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Башня Барнума.—Близъ зданія всемірной выставки, открытой нынѣ въ Нью-Йоркѣ, извѣстный спекуляторъ Барнумъ построилъ башню, какой, вѣроятно, нигдѣ нѣтъ. Она изъ желѣза и дерева, въ триста-пятьдесятъ футовъ вышины (50 сажень), — и назначена для помѣщенія въ трехъ этажахъ и на платформѣ посѣтителей, желающихъ за неболь-

шую входную плату видѣть великолѣпную панораму всего Нью-Йорка, гавани его, острова Штатовъ (Staten Island), ближайшихъ городовъ Бруклейна и Вилльямсбурга, моря со всеми бухтами и величественныхъ горъ и лѣсовъ, возвышающихся по ту сторону Гудсоновой рѣки.

Въ разныхъ этажахъ башни устроены концертныя залы, рестораций и refreshing - rooms (прохладительныя комнаты). Съ извѣстнаго пункта посѣтителы поднимаются на платформу посредствомъ машины, освобождаясь отъ тягостнаго входа по лѣстницѣ. Построеніе башни стоило спекулятору до 300,000 руб. серебромъ. Думаютъ, что онъ будетъ съ барышемъ.

Барнабиты во Франціи.—До 1789 года Барнабиты управляли во Франціи почти всеми публичными школами. Во время революціи этотъ орденъ былъ уничтоженъ, и во времена имперіи старался объ ихъ подавленіи прежнихъ правъ. Но ни Наполеонъ, ни Людовикъ XVIII, ни Карлъ X, ни даже Людовикъ-Филиппъ не согласились на ихъ просьбу. Только въ 1853 году дозволено имъ было возвратиться во Францію. За два года тому назадъ, генералъ Барнабитовъ, проживающій въ Римѣ, посылалъ въ Парижъ двухъ патеровъ для усовершенствованія во французскомъ языкѣ. Теперь этотъ орденъ купилъ домъ въ Парижѣ и принялъ уже управленіе нѣсколькими школами, и между-прочимъ Бургъ-Сентъ-Андеольскимъ коллегіумомъ, который до 1789 года находился подъ руководствомъ ихъ. Полагаютъ, что они малопомалу вступятъ въ управленіе всеми провинціальными коллегіумами.

Выставка въ Нью-Йоркѣ.—Промышленная выставка въ Нью-Йоркѣ открылась 15 іюня. Въ Америкѣ, гдѣ все дѣло производится частнымъ обществомъ, гораздо труднѣе было пріискать средство къ открытію, нежели въ Англіи. Всего любопытнѣе и поучительнѣе для иностранцевъ земледѣльческія орудія Америки и другіе ремесленные инструменты. Молотильныя и сѣяльныя машины проще, легче и больше производятъ работы, нежели европейскія. Самые плуги применены къ разнымъ почвамъ, и превосходятъ не только знаменитые фландрскіе и брабантскіе, но англійскіе и шотландскіе. То же можно сказать объ американскихъ боронахъ, косахъ, вилахъ, грабляхъ, и пр. Всего проще и удобнѣе для практики пожарныя ихъ трубы. Съ немногимъ числомъ людей дѣйствуютъ онѣ лучше и скорѣе, нежели тяжелыя европейскія, а особливо германскія.

Надписи въ Синайской долинѣ и египетскіе іероглифы.—Англійскій теологъ Форстеръ, собравъ множество надписей, сдѣланныхъ на

скалахъ Синайской горы, открывъ въ этихъ надписяхъ не только слѣды перехода Израильтянъ по пустынѣ, но и познакомился съ языкомъ, вынесеннымъ Евреями изъ древняго Египта. По мнѣнію его, самые древніе законы были начертаны на томъ-же древнемъ діалектѣ. Въ Талмудѣ уже замѣчено, что начальное слово ихъ не обыкновенное еврейское мѣстоименіе *Ани—я*, но египетско-еврейское *Анохи*, или коптское *Анхъ*.

Въ новѣйшемъ своемъ сочиненіи (*The operprimevol Language*) Форстеръ представилъ новыя доказательства своихъ изслѣдованій. Въ извѣстной надписи на розетскомъ камнѣ нашелъ онъ тотъ же языкъ, какъ и на синайскихъ скалахъ. Онъ вовсе иначе объясняетъ розетскую надпись. Мнѣніе Шампольона давно уже оставлено. Лепсіусъ первый опровергъ его,—и Французы приняли его объясненія. Онъ нашелъ, что іероглифы составляютъ такую же полную азбуку, какъ греческая надпись; эта азбука имѣетъ много сходства съ греческой, еврейской, эфиопской, или гаміаритійской. Слова іероглифическаго текста, содержатъ въ себѣ полный смыслъ изобразительнаго языка, согласный съ греческою надписью. Самыя же изображенія не что-иное, какъ нынѣшняя иллюстрація.

—

Японскіе обычаи. — Вѣра. — Сватовство. — Женитьба. — Ни одинъ Японецъ, ни мужчина, ни женщина, не могутъ обойтись безъ вѣра, держа его всегда въ рукѣ, или повѣсивъ у пояса. Даже солдаты и жрецы ходятъ съ вѣрами. Гости принимаютъ предлагаемыя имъ лакомства на вѣрь. Нищій протягиваетъ вѣрь, прося милостыню. Японскій франтъ играетъ вѣромъ, какъ европейскіе палочкою. Учителю служить онъ вмѣсто прута. Преступникъ знатнаго рода получаетъ извѣстіе о близкой казни посредствомъ особенно сложеннаго вѣра. Во-время же казни, въ ту минуту, какъ онъ протягиваетъ голову къ вѣру, она отсѣкается.

Если Японецъ влюбится въ дѣвушку, то привѣшиваетъ къ дверямъ ея вѣтку *Celastrus Aleatus*. Если дѣвушка оставляетъ ее завядшею, то значить она нечувствительна къ своему обожателю. Если-же отвѣчаетъ на любовь его, то тотчасъ же краситъ себѣ зубы черною краскою. Высшее доказательство любви—выдергиванье бровей — откладывается до дня брака.

Бракъ долженъ быть между людьми одинаковаго состоянія, иначе онъ постыденъ. Общественное положеніе женщины въ Японіи лучше, нежели въ остальныхъ восточныхъ странахъ. Ихъ не запираютъ въ гаремы и онѣ участвуютъ во всѣхъ семейныхъ праздникахъ, принимая гостей. Цѣломудріе ихъ находится подъ покровительствомъ собственнаго чувства чести и страха смертной казни, неминуемо слѣдующей за каждое нарушеніе супружеской вѣрности.

Въ образованности женщины не уступаютъ въ Японіи мужчинамъ. Японская литература имѣетъ много знаменитыхъ писательницъ.

Но если общественная жизнь женщинъ здѣсь въ почетѣ, то по смыслу законовъ она самая незначительная. Во всю жизнь свою находятся онѣ подъ опекою своихъ родственниковъ, не имѣютъ никакихъ судебныхъ правъ, и не принимаются въ свидѣтели. Мужъ имѣетъ неограниченное право на разводъ, тогда какъ жена никогда не можетъ просить объ этомъ.

Американскіе денди. — Одинъ путешественникъ описываетъ слѣдующимъ образомъ ньюіоркскихъ львовъ: «Одно изъ печальнѣйшихъ послѣдствій денежной аристократіи въ Соединенныхъ Штатахъ то, что молодые люди этого сословія почитаютъ своею обязанностью ничего уже не дѣлать на свѣтѣ и всѣмъ надобѣть. Дѣятельность молодости своей употребляютъ они сперва на то, чтобъ обрыскать Лондонъ, Парижъ, Бадень-Бадень. Насладясь трактирною жизнью, возвращаются они уже въ двадцать-пять лѣтъ съ полнымъ разочарованьемъ жизни. Все имъ прискучило, все надобѣло. Имъ кажется, что они все уже видѣли, все испытали. Видѣвши за деньги все лучшее въ Европѣ, они бросаются теперь въ водоворотъ народной жизни въ своемъ отечествѣ, посѣщая устричныя лавки, погреба, харчевни и занимаясь биліардною и кегельною игрою. Самолюбіе ихъ не знаетъ предѣловъ. О чемъ ни заговори, они все знаютъ. Но главный пунктъ всезнанія ихъ состоитъ въ томъ: сколько Ира Гичкокъ сдѣлала сряду шаровъ на биліардѣ, или сколько Андрю Томкинсъ повалилъ кеглей при послѣднемъ пари.

Нарядъ этихъ франтовъ самый фантастическій и безвкусный. Широкія шаравары изъ шотландской матеріи самыхъ яркихъ цвѣтовъ; такіе же точно жилеты до колѣнъ; шляпа надѣта на затылокъ, палка толстая, какъ геркулесова дубина, или тоненькая, какъ вязальная игла. Впрочемъ, они обыкновенно смиренны и не буянятъ; только изрѣдка, схватясь человекъ двѣнадцать подъ руки, гуляютъ они по публичнымъ мѣстамъ и заставляютъ порядочныхъ людей сворачивать съ дороги; но при малѣйшемъ спорѣ, шумѣ, или угрозѣ—они сами расходятся, чрезвычайно дорожа своею красотою, которую неучтивые соотечественники ихъ могутъ тотчасъ же изуродовать.

Всего несноснѣе они для женщины. Если дѣвушка идетъ одна, то за нею тянется цѣлая гурьба львовъ, преслѣдующихъ ее самыми глупыми насмѣшками и остротами. Но если эта дѣвушка встрѣтитъ знакомаго и начнетъ ему жаловаться на негодевъ,—всѣ денди тотчасъ же разбѣгаются.

Счастье приходитъ иногда и во снѣ, но глупому сыну не въ помощь богатство. — Одинъ изъ калифорнскихъ золотопромышленниковъ, сынъ зеленой, счастливой Ирландіи, очень дѣятельно и трудолюбиво работалъ

всякій день на розсыпяхъ,—и добывалъ не менѣе другихъ золота. Но у него рѣдко было въ карманѣ два-три доллара. Какъ добрый другъ и соотечественникъ, оставлялъ онъ ежедневную свою заработку въ одномъ шинкѣ, гдѣ хозяиномъ былъ ирландецъ, у котораго былъ большой запасъ лучшаго *джину* и *виски*.

Однажды добылъ онъ золота больше обыкновеннаго,—сѣдственно, по его логикѣ, ему слѣдовало больше и выпить. Онъ въ точности это исполнилъ, — и еще добросовѣстнѣе заплатилъ золотымъ пескомъ. Но при всемъ грузѣ своей отяжелѣвшей головы, онъ понялъ однакоже, что надобно идти ночевать домой.

Вздумано, — сдѣлано. Не совсѣмъ вѣрными шагами отправился онъ изъ шинка домой; но какъ ночь была очень темна, то мудрено-ли было ирландцу правую руку принять за лѣвую, — и вмѣсто улицы, въ которой жилъ, попасть за городъ, въ лѣсъ? Хозяинъ, запирая двери шинка, видѣлъ, правда, что гость его ошибся, но не хотѣлъ мѣшаться въ чужія дѣла.

Самому ирландцу странно конечно казалось, что около него кружатся деревья; — но если имъ хочется дѣлать это, подумалъ онъ, какое право имѣю я мѣшать имъ въ этомъ занятіи. Еще страннѣе показалось ему, что онъ, чтобъ дойти до своей кровати, долженъ былъ взбираться на какую-то крутую гору, — но онъ подумалъ, что если кровати его вздумалось сыграть съ нимъ такую шутку, то его дѣло было найти ее, гдѣ бѣ она ни была.

Смѣшнѣе всего показалось ему то, что онъ, цѣпляясь нѣсколько времени по какимъ-то утесамъ, вдругъ оборвался и полетѣлъ внизъ. Но тутъ только понялъ онъ всю шутку. Онъ попалъ на что-то мягкое, и хотя отъ воздушнаго полета его немножко встряхнуло, но онъ догадался, что дѣйствительно лежитъ на своей кровати, — и очень спокойно уснулъ.

Проснувшись, онъ чрезвычайно удивился, увидя себя въ какой-то горной расщелинѣ, слабо освѣщаемой свѣтомъ. Долго не могъ онъ припомнить, гдѣ вчера былъ и какъ сюда попалъ; но какъ всѣ размышленія не вели ни къ чему, а надобно было вылезать изъ ямы, то онъ и сталъ придумывать средства къ этому, — иначе ему предстояла весьма непріятная перспектива: не ѣсть и не пить виски до-тѣхъ-поръ, пока не выберется изъ трупобы.

Оцупавъ у себя складной ножъ (безъ котораго золотопромышленникъ никуда не ходитъ) онъ рѣшился дѣлать имъ въ скалѣ углубленія, чтобъ ставя ноги и хватаясь руками, выбраться наконецъ изъ расщелины. Эта работа была довольно продолжительная, но не трудная. Размѣривъ глазами высоту расщелины, онъ догадался, что часа черезъ два выйдетъ на свѣтъ Божій...

Вдругъ, раскапывая себѣ одно углубленіе, увидѣлъ онъ, что ножъ его попалъ на твердое, желтое, блестящее тѣло... О счастье! вскричалъ онъ, — это золото, это самородокъ!

Какъ ни торопился онъ добраться до верху, но потрудился выкопать себѣ около 4-хъ унцій этой бездѣлки, — и радостно побѣждалъ съ

нею опять въ свой шинокъ. На этотъ разъ, онъ уже пропилъ не все, а раньше пошелъ спать домой, чтобъ раньше утромъ опять пуститься въ свою разсѣлину.

Здѣсь въ короткое время вырылъ онъ золота на 6000 долларовъ и пересталъ ходить по вечерамъ въ прежній шинокъ: ему понравилось другое заведеніе. Видя, что судьба ему такъ благопріятствуетъ и что онъ нашелъ неисчерпаемый источникъ богатства, ирландецъ разсудилъ, что судьба непременно дастъ ему случай удесятерить свое золото, въ игорномъ домѣ. Онъ ежедневно сталъ ходить въ другой шинокъ, гдѣ золото-промышленники проводили ночи за картами и костями, и съ величайшею точностію и всякую ночь проигрывалъ все то, что выкапывалъ днемъ.

Наконецъ однажды, придя въ свою заѣтную разсѣлину, съ ужасомъ увидѣлъ онъ, что она уже занята другими, и что онъ смикомъ слабъ, чтобъ ихъ оттуда выгнать. Горестно покачалъ онъ головою, задумчиво пошелъ обратно въ городъ, безотчетно пришелъ въ гавань, и какъ тутъ требовали людей для переноски товаровъ, то онъ рѣшился заняться этою работою, которую и до-сихъ-поръ очень удачно продолжаетъ.

Растеніе Aegilops. — Нѣкто Фабръ, занимающійся садоводствомъ, видя чрезвычайное множество растеній, называемаго ботаниками Aegilops и растущаго по берегамъ Средиземнаго-моря безо всякой пользы, вздумалъ посѣять сѣмяна его у себя въ саду, полагая, что, можетъ-быть, растеніе отъ искусственнаго воздѣльванія измѣнится и улучшится. Дѣйствительно, на первый годъ получилъ онъ зерна хорошаго мучнаго свойства, близко подходящія къ пшеницѣ. Онъ засѣялъ нѣсколько грядъ этими новыми зернами, и на слѣдующій годъ порода ихъ еще болѣе улучшилась. Годъ за годомъ дошелъ онъ наконецъ, чрезъ пять лѣтъ, до того, что зерна эти уже нѣсколько не уступали пшеницѣ. Послѣ этого онъ уже сѣялъ ихъ въ полѣ. Прекрасно, если только все это правда!

Соляные и огненные колодцы въ Вятингѣ (въ Китаѣ). Въ округѣ Се-чу-ань, близъ Кіа-тингъ-чеу (29° 27' сѣв. шир., 12° 33' запад. долг. отъ Пекина) на пространствѣ пяти или шести часовъ, находятся нѣсколько тысячъ соляныхъ ключей, искусственно пробуровленныхъ. Каждый зажиточный человекъ выкапываетъ себѣ одинъ, или нѣсколько колодцевъ, изъ которыхъ каждый приноситъ по 1200—1500 таэлей (таэль стодитъ до 2-хъ руб. сер).

Буровленіе этихъ колодцевъ производится совершенно иначе противъ европейскаго способа. Китайцы производятъ все свои работы медленно и въ маломъ размѣрѣ; въ большемъ масштабѣ они ничего

не предпринимають. Постоянство и терпѣніе ихъ приводитъ однакоже къ той же самой цѣли.

Они не знаютъ, что можно порохомъ взрывать скалы, и однакоже всѣ ихъ колодцы просверлены сквозь кремнистые слои. Нѣкоторые изъ этихъ колодцевъ имѣютъ до 1800 футовъ глубины, но въ діаметрѣ не больше шести дюймовъ.

Сверленіе производится слѣдующимъ образомъ. Сперва втыкаютъ въ верхній слой земли деревянную трубу длиною отъ 3-хъ до 4-хъ футовъ, сверху которой вставляютъ обтесанный камень, имѣющій отверстіе отъ пяти до шести дюймовъ. Послѣ чего начинаютъ дѣйствовать на эту трубу стальною бабою отъ 300 до 400 фунтовъ вѣса. Эта баба внутри пуста, а снизу округлена. Работникъ, находящійся на подстроенныхъ козлахъ, приводитъ бабу въ движеніе посредствомъ рычага, приподнимая ее на два фута и опуская всюю тяжестью на трубу. По временамъ вливають нѣсколько ведръ воды въ слѣзанное въ землѣ отверстіе для смягченія камня и превращенія земли въ кисель. Баба повѣшена на веревкѣ толщиною въ палецъ, но по крѣпости не уступающей нашимъ струнамъ изъ толстыхъ жилъ. Къ этой же веревкѣ прикрѣпленъ треугольникъ, служащій ватерпасомъ для направленія ударовъ перпендикулярно. Днемъ смѣняются въ этой работѣ только двое работниковъ: на ночь поступають новые два.

Когда трубу вколотили на три дюйма, то бабу вынимають посредствомъ большаго цилиндра. Впрочемъ кремнистая почва не сплошная. Часто встрѣчаются слои глины, или угля. Тутъ уже работа становится затруднительною. Спротивленіе ударамъ сверху дѣлается слабѣе, и при мажйшемъ уклоненіи буравленія отъ перпендикулярной линіи вся работа никуда негодится; надобно снова начинать ее въ другомъ мѣстѣ.

Иногда ломается толстое желѣзное кольцо, на которомъ виситъ баба. Тогда надо употребить снова пять, шесть мѣсяцевъ, чтобъ новою бабою разбить старую и превратить ее въ кисель.

Если кремнистая почва благопріятна, то въ сутки сверлятъ ее на два фута глубины. Покуда же пробуравятъ до воды, проходитъ не мене трехъ лѣтъ. Когда надобно поднять воду, то опускаютъ въ колодецъ бамбуковую трость въ 24 фута длины, съ клапаномъ на концѣ, какъ скоро бамбукъ достигнетъ поверхности воды, то сильный работникъ берется за веревку и тянетъ ее. При каждомъ движеніи веревки клапанъ открывается и вода поднимается въ трость. Какъ скоро бамбукъ наполнится водою, трубу буравленія поднимають къ верху посредствомъ цилиндра, приводимаго въ движеніе нѣсколькими быками.

Вода эта сильно напитана солью; испарившаяся даетъ до 20 и даже до 25% соли съ селитрою. Кто не куритъ (но въ Китаѣ почти всѣ курятъ), тотъ отъ употребленія этой соли скоро теряетъ зубы; иные слѣпнуть, другіе глохнутъ, у третьихъ дѣлается воспаленіе въ горлѣ. Для излеченія этихъ больныхъ надобно только употреблять морскую соль, получаемую изъ Кантона, или Тонгъ-Конга.

Газъ, развивающійся изъ этихъ колодцевъ, легко воспламеняется.

Если въ то время, когда вода поднимается въ бамбуковой трости кверху, поднести къ отверстию колодца горящій факелъ, то поднимается огненный столбъ въ 20—30 футовъ, и при громовомъ грохотѣ, съ быстрою молніею истребляетъ все вокругъ.

Есть колодцы, которые не даютъ соленой воды, а одинъ воспламеняющійся газъ. Ихъ закрываютъ бамбукомъ и посредствомъ этого тростника проводятъ этотъ газъ куда угодно, зажигая его восковою свѣчею. Тогда этотъ газъ горитъ синеватымъ огнемъ, струею въ 4 дюйма длины и одинъ ширины.

Впрочемъ огненные колодцы по близости соляныхъ незначительны; они даже не даютъ столько огня, чтобъ вываривать соль. Главные подобныя колодцы находятся на разстояніи сорока часовъ отъ Кіатинга къ Це-лье-цингу.

Для выварки соли употребляютъ чугунные котлы въ пять футовъ объема, но только въ четыре глубины, и въ одинъ толщины. Около котла становятся другіе сосуды, изъ которыхъ подливаютъ въ котель воду. Котель до-тѣхъ-поръ стоитъ на огнѣ, покуда соль превратится въ твердое тѣло. Такой кусокъ соли вѣситъ болѣе 200 фунтовъ. Огонь до того силенъ при этомъ, что котель раскаляется до красна, а вода выбрасываетъ пузыри въ 8—10 дюймовъ. Если соль вывариваютъ огнемъ изъ газовыхъ колодцевъ, то пузыри еще больше и сильнѣе, — и котлы скоро отъ нихъ прогораютъ.

Для выварки изъ всѣхъ этихъ колодцевъ нужно конечно много угольевъ, но они здѣсь въ изобиліи. Только добываніе ихъ очень опасно, потому-что въ угольные копи нельзя ходить съ огнемъ, чтобъ не произвести взрыва отъ воспламененія газовъ. Работники добываютъ ихъ въ потемкахъ, ощупью, употребляя однакоже гнилушки дерева со смолою. Эта смѣсь нѣсколько освѣщаетъ безъ пламени.

При бурованіи встрѣчаютъ часто смолистое масло, горящее на водѣ и дурнаго запаха. Китайцы употребляютъ его для освѣщенія дворовъ, или для обжиганія подводныхъ камней на рѣкахъ.

Замѣчательная долина въ Сѣверной Америкѣ. — Правительство Соединенныхъ Штатовъ употребляетъ значительныя суммы на геологическія съемки. Недавно вышла книга «Report of a Geological Survey of Wisconsin, Iowa and Minnesota» г. Овена, составляющая сводъ изысканій многихъ извѣстныхъ геологовъ. Изысканія эти обнимаютъ пространство отъ 35° до 49 сѣв. широты и отъ 79°39' до 96°30' зап. долготы, то-есть площадь въ 750 миль длины и 250 ширины.

Весьма любопытно, между-прочимъ, описаніе *безплодныхъ земель* г. Эвенса. Они составляютъ у верховьевъ Миссури пространство въ 30 миль ширины и 90 длины, по направленію къ такъ-называемымъ *Мрачнымъ-горамъ*. Самая низменная часть этой долины находится на 300 футовъ ниже морскаго уровня и едва прикрыта небольшою травою. Главная замѣчательность этой весьма углубленной долины состоитъ въ

томъ, что она покрыта тысячами крутыхъ, неправильныхъ, столпообразныхъ массъ или неправильныхъ пирамидъ, отъ 100 до 200 футовъ вышины. Эти возвышенности такъ плотно стоятъ одна подлѣ другой, что путникъ съ трудомъ пробирается между ними, какъ въ лабиринтѣ тѣсныхъ улицъ какого-нибудь стариннаго города. Издали кажутся эти пирамиды искусственными, но вблизи представляютъ одну дикую, пустынную природу.

Жаръ въ этой долинѣ нестерпимъ, потому-что тамъ никогда воздухъ не прохладается вѣтромъ. Но геологи мужественно переносятъ все, потому-что въ этихъ курганахъ находятъ множество остатковъ допотопныхъ животныхъ такихъ эпохъ, которыя предшествовали существованію мамонтовъ и мастодонтовъ. По этимъ остаткамъ видно, что организмъ этихъ животныхъ былъ самый удивительный и разнообразный, соединяя въ себѣ принадлежности многихъ нынѣшнихъ породъ вмѣстѣ. Изображенія всѣхъ этихъ животныхъ приложены при книгѣ Овена.

Новыя желѣзныя дороги въ Сѣверной Америкѣ. — Открыть новый путь чрезъ горныя тѣсины, посредствомъ котораго изъ Альбуверка (въ Новой Мексикѣ) можно въ 25 дней доѣхать, съ нагруженными повозками, въ Санъ-Франсиско. Вѣроятно здѣсь же будетъ проведена и желѣзная дорога, какъ по кратчайшему пути. Есть и другой планъ: хотять провести сѣверную желѣзную дорогу изъ Ювы или Минезотты къ Тихому-океану. Составлена уже коммиссія для изслѣдованія этого пути.

Ночное приключеніе (разсказъ нѣмецкаго негодяя). «Я разскажу вамъ одно происшествіе изъ моей жизни; которое имѣло весьма важныя послѣдствія на всю мою жизнь и которое совершенно измѣнило мой характеръ, отучивъ меня отъ всякой торопливости и необдуманности, тогда какъ я до-тѣхъ-поръ считался въ кругу своемъ самой отчаянной головою. До-тѣхъ-поръ я всегда торопился, сперва дѣйствовалъ, а послѣ уже обдумывалъ. Всѣ неудачи, случившіяся со мною, не исправляли меня, и мнѣ предсказывали, что я состарѣюсь и все буду опрометчивъ. И однакоже всѣ неожиданно ошиблись: происшествіе, о которомъ я сейчасъ разскажу, вдругъ измѣнило всѣ мои идеи и сдѣлало меня человѣкомъ разсудительнымъ.

Начну, однакоже, съ начала. Я былъ еще маленькимъ мальчикомъ, когда родители мои умерли. Они были бѣдны, и я лично былъ единственнымъ наслѣдствомъ, оставшимся послѣ нихъ. Они завѣщали попеченіе обо мнѣ отдаленному родственнику моей матери, маіору Левіусу, жившему уже на пансіонѣ и взявшему меня къ себѣ въ домъ. Не знаю, почему у меня не было ближайшей родни. Вѣрно судьбою было уже мнѣ назначено вести скитальческую жизнь.

Опекунъ мой и воспитатель былъ во мнѣ очень хорошо расположенъ. Онъ былъ добрый, спокойный, безпечный старикъ, исправно платившій за меня въ школу и дававшій мнѣ карманные деньги, предоставляя все остальное случаю. Впрочемъ, онъ точно также поступалъ бы и съ собственнымъ своимъ сыномъ, еслибъ судьба дала ему сына. Онъ поступалъ также и съ единственною своею дочерью Лаурою, которую можно было назвать чуднымъ ребенкомъ. Чѣмъ менѣе онъ объ ней заботился, тѣмъ милѣе, добрѣе и ласковѣе она дѣлалась. Она была душою всего дома; когда же подросла, то сдѣлалась полновластною хозяйкою. Сама же маіорша ничѣмъ не занималась. Она была одарена такою безпечною натурою, что могла быть хорошею компаньонкою, но не хозяйкою. И однакоже, всѣ любили ее за доброту, тихій нравъ и любовь ко всему изящному. Никто не заботился о ней, никто не зналъ никогда, дома ли она, или ушла со двора; но когда всѣ собирались около нея, она была средоточіемъ всеобщей привязанности, несмотря на то, что у нея не было двухъ послѣдовательныхъ идей въ головѣ. Это я говорю потому, что почиталъ всегда несправедливымъ предразсудкомъ мысль, что незначущіе и безхарактерные люди не могутъ быть любимы въ семействѣ.

Не удивляюсь впрочемъ, что я всегда и во всемъ торопился. Это было предчувствіе, что мнѣ самому придется прокладывать себѣ дорогу въ жизни. У маіора было очень ограниченное состояніе. Доходами съ него и своею пенсіею жилъ онъ довольно прилично, и хотя пенсія со смертію его прекращалась, или, по-крайней-мѣрѣ, до половины убавлялась, но Лаура могла еще кое-какъ жить; зато я не могъ уже ни на что надѣяться, хотя въ младенческихъ мечтахъ своихъ никто не былъ богаче и роскошнѣе меня. Эти мечты содѣйствовали къ всегдашней моей веселости и самоувѣренности, составлявшимъ главную основу моего характера. Я жилъ весело и беззаботно, не помышляя о завтрашнемъ днѣ. Напрасно добрая маіорша побранивала меня за эту беззаботность, напрасно Лаура упрекала меня, и даже старый маіоръ иногда сердился на это, я давалъ имъ полную свободу бравиться, не измѣняя всегдашней моей улыбки, и черезъ минуту всѣ мы опять были дружны, потому-что всѣ мы не могли сердиться долго другъ на друга.

Такъ жили мы душа въ душу. Но настала, наконецъ, день разлуки. Я выросъ, и по силѣ мускуловъ могъ, пожалуй, идти въ носильщики, чтобъ доставать себѣ пропитаніе. Но, слава Богу, этого не нужно было. Я приготовился быть купцемъ, хотя маіоръ твердилъ мнѣ часто, что мнѣ бы очень присталъ военный мундиръ. Мнѣ достали мѣсто прикащика одного гамбургскаго дома въ Барселонѣ, и въ одинъ прекрасный день я отправился въ море, выслушавъ сперва поучительную рѣчь Лауры, съ аккомпаниментомъ слезъ, принявъ благословеніе маіорши и трогательный поцѣлуй маіора.

Быстро прошли четыре года. Я еще выросъ, и былъ уже совершенный мужчина, по-крайней-мѣрѣ по росту. У меня были уже усы и бакенбарды. Въ рукахъ своихъ я чувствовалъ силу цѣлой арміи.

Какъ вдругъ домъ, въ которомъ я служилъ, прекратилъ свои платежи. Что мнѣ было начать? Я въ это время не выучился откладывать денегъ на черный день. Маіору я не хотѣлъ быть въ тягость, и очутился безо всякой помощи въ чужой землѣ. Веселость моя конечно не исчезла отъ этого. «Богъ не оставитъ меня!» сказалъ я.

И дѣйствительно, едва я успѣлъ отправить маіору письмо о перемѣнѣ моихъ обстоятельствъ, какъ въ Барселону прибылъ американскій торговый корабль *Анна Джексонъ*, съ шкиперомъ котораго, капитаномъ Спейкомъ, я познакомился при прежнихъ его прїѣздахъ въ Барселону, гдѣ онъ имѣлъ торговыя дѣла съ моимъ хозяиномъ. Узнавъ о моемъ несчастіи, Спейкъ настоятельно требовалъ, чтобы я отправился съ нимъ, и я, по беззаботной своей натурѣ, тотчасъ же, безъ малѣйшаго раздумья согласился на это.

Я поѣхалъ на *Аннѣ Джексонѣ*, которая въ Хересѣ и Кадиксѣ взяла еще грузъ вина, и вскорѣ прибылъ въ Нью-Йоркъ, гдѣ по просьбѣ Спейка хозяинъ корабля опредѣлилъ меня подшкиперомъ.

Съ этимъ кораблемъ совершилъ я еще путешествіе въ Опорто, Кадиксъ и Мадеру, а оттуда въ Ріо-Жанейро, Яву и Суматру, Кантонъ и Манилу. Послѣ двухъ-лѣтнихъ поѣздокъ въ Австралію и Полинезію чрезъ Вальпарайзо и около мыса Горна, я возвратился опять въ Нью-Йоркъ. Здѣсь нашелъ я цѣлый пукъ писемъ изъ родины въ отвѣтъ на разныя мои посланія изъ всѣхъ частей свѣта.

Въ судьбѣ моей предстоялъ переворотъ. Маіоръ требовалъ, чтобы я возвратился въ отечество, гдѣ хотѣли мнѣ достать приличное мѣсто въ одной конторѣ банкира. Лаура написала мнѣ, что прїѣздъ мой въ особенности нуженъ для отца ея, а маіорша объясняла мнѣ эти таинственныя слова, говоря, что Лаура скоро выйдетъ замужъ. Я чрезвычайно обрадовался этому, зная, что выборъ Лауры не можетъ быть дурень и что мужъ ея будетъ вполне счастливъ. Хотя для самолюбія моего нѣсколько и прискорбно было возвратиться на родину не составивъ себѣ состоянія, но я повиновался волѣ маіора, взялъ увольненіе отъ своего хозяина (который очень неохотно отпускалъ меня), и сѣлъ на ливерпульскій пароходъ.

Не прошло и мѣсяца, какъ я уже былъ на родинѣ. Пароходъ нашъ пришелъ уже ночью. Я сошелъ на берегъ, оставя въ конторѣ до утра все мое пожитки. По письмамъ маіора, зналъ я, что онъ переѣхалъ на другую квартиру; но какъ каждый домъ въ городѣ, былъ мнѣ знакомъ, то я смѣло пошелъ по улицамъ, по извѣстному мнѣ адресу. Новое жилище маіора было на краю города, гдѣ во-время моего отсутствія успѣли уже выстроить нѣсколько красивыхъ домовъ. Но я хорошо зналъ мѣстность, и несмотря на темноту, тотчасъ же узналъ по описанію самый домъ и позвонилъ въ колокольчикъ. Съ минуту никто не открывалъ.

Въ груди моей было столько чувствъ, я такъ нетерпѣливо ждалъ радостнаго свиданія, что мнѣ почти хотѣлось сломать двери. Вдругъ я увидѣлъ, что подлѣ подъѣзда есть и ворота, которыя вели во дворъ, а можетъ-быть и въ садъ. Постой! подумалъ я, надобно печаянно

застать, ихъ войдя въ заднюю дверь. Вѣдувано, слѣдено. Въ минуту очутился я на дворѣ, у задней калитки, но и та была заперта. Въ нижнемъ этажѣ надворнаго фасада былъ въ одномъ окнѣ свѣтъ, я заглянулъ туда. Комната была пуста. Повидимому это была столовая, потому-что на столѣ лежали разбросанныя серебряныя ложки, вилки и ножи, и горѣла лампа.

Нечаянно опершись въ окно, почувствовалъ я, что оно растворяется. «Прекрасно! подумалъ я. Влезу и явлюсь загорѣлымъ отъ солнца привидѣніемъ. Какъ закричатъ дѣвушки! Какъ испугается осторожная Лаура, когда я ей поднесу цѣлый серебряный приборъ, оставленный со всѣмъ сервизомъ на произволь проходящихъ.» Однимъ-словомъ, я былъ уже въ комнатѣ, заперъ окно, взялъ серебряный приборъ въ карманъ, и заранѣе смѣялся, какую нотацию прочту Лаурѣ.

Вдругъ услышалъ я стукъ отпирающейся или запирающейся двери на лѣстницѣ. Не знаю, чего я испугался, но самъ вышелъ въ сѣни, чтобъ меня не застали въ этой комнатѣ. Въ сѣняхъ было нѣсколько дверей, и я попробовалъ ихъ всѣ: ни одна не отпиралась. Но въ верхнемъ этажѣ слышалъ я шумъ голосовъ. Желая тихонько подкрасться къ бесѣдѣ, я взошелъ вверхъ по лѣстницѣ, слабо освѣщенной фонаремъ, горѣвшимъ въ сѣняхъ. Но въ то мгновеніе, какъ я входилъ на площадку, вышла изъ одной комнаты нижняго этажа горничная, которая увидѣвъ меня, вдругъ отскочила, закричала и исчезла.

Въ два прыжка взбѣжалъ я въ самый верхъ по лѣстницѣ и вошелъ въ первую комнату, которая мнѣ попалась по дорогѣ. Тутъ вскорѣ услышалъ я тревогу во всемъ домѣ. Всѣ бѣжали по лѣстницѣ внизъ со свѣчами; одинъ мужской голосъ сердился и кричалъ, нѣсколько дѣвичьихъ голосовъ умоляли о чемъ-то, горничная плакала и оправдывалась. Значитъ маіоръ узналъ уже о пропажѣ серебра, подумалъ я, и бранить горничную...

Мало-по-малу голоса утихли, шумъ прекратился; я слышалъ стукъ запираемыхъ дверей и ставней. Голосъ мужчины приказывалъ запереть и ворота, а ключи отдать ему. Послѣ этого услышалъ я опять шаги его по лѣстницѣ, но на этотъ разъ онъ только смѣялся надъ страхомъ горничной, которой почудился небывалый воръ, тогда какъ всѣ двери заперты.

По голосу говорившаго узналъ я, что это былъ не маіоръ. Это заставило меня смутиться. Голосъ говорилъ повелительно. Тутъ я сталъ обдумывать, точно ли я въ квартирѣ маіора? Домъ казался мнѣ слишкомъ обширнымъ и богатымъ, а маіоръ писалъ мнѣ, что занимаетъ только четыре комнаты. У него никогда не было ковровъ, а тутъ они были и по лѣстницѣ и во всѣхъ комнатахъ. Притомъ же у него не было такого серебрянаго сервиза...

Теперь только я понялъ, что ворота подлѣ подъѣзда принадлежали другому дому, и что я попалъ вовсе не туда. Со страхомъ осмотрѣлся я, и при полусвѣтѣ лунной ночи увидѣлъ, что нахожусь въ роскошномъ будуарѣ. Лихорадочная дрожь пробѣжала по жиламъ моимъ. Судорожно схватился я за свой карманъ, въ который положилъ серебря-

ный приборъ; онъ мнѣ теперь казался тяжелѣе центнера. Напрасно я убѣждалъ себя, что у подъѣзда, гдѣ я звонилъ, прибита была жестяная бляха съ фамиліею маіора; напрасно придумывалъ, что мужской голосъ, который я слышалъ, можетъ-быть, принадлежалъ жениху Лауры и, можетъ-быть, по этому случаю видно въ домѣ больше роскоши,—всѣ эти доводы нисколько не успокоивали меня. Быстро выхватилъ я роковой приборъ и сталъ ощупывать пальцами вырѣзанный вензель (видѣть его не могъ я въ темнотѣ). Отъ этого зависѣла участь моя. Но пальцы мои дрожали, и мнѣ казалось, что въ нихъ потеряно всякое чувство осязанія. Мнѣ только показалось что въ вензель больше буквъ, нежели въ фамиліи маіора... Я подошелъ къ окну. На улицѣ горѣлъ фонарь, но несмотря на всѣ мои усилія ни одинъ лучъ не падалъ на мою сторону. Я вспомнилъ о фонарѣ въ сѣняхъ... Тихо растворилъ я дверь... Въ домѣ царствовала глубокая тишина... Какъ настоящій воръ прокрался я внизъ, ступенька за ступенькою, слыша при этомъ самъ, какъ сердце мое бьется отъ страха и какъ несчастный приборъ звенитъ отъ лихорадочнаго дрожанія. Голова моя кружилась... но я добрался до фонаря, взглянулъ на роковой вензель и ясно увидѣлъ буквы: F. W. L., а надъ ними баронскую корону.

Я едва не упалъ въ обморокъ. Всѣ двери кругомъ были заперты. Спасеніе было невозможно. Какъ убитый потащился я опять вверхъ по лѣстницѣ, съ трудомъ держась за перила, потому-что ноги подгибались подо мною. Тихо вошелъ я опять въ прежнюю комнату, ощупью добрался до креселъ и безъ чувствъ упалъ въ нихъ. Біеніе сердца и пульса моего были такъ сильны, что мнѣ казалось весь домъ сбѣжится на этотъ стукъ. Какая-то тяжесть давила грудь мою. Потъ крупными каплями выступалъ на лбу.

Но что же я въ-самомъ-дѣлѣ сдѣлалъ? Бездѣлицу! Влезъ въ окно, утащилъ серебряный приборъ, и сидѣлъ теперь запертый со всѣхъ сторонъ. Какую фигуру буду я представлять завтра поутру, подумалъ я? Что я буду отвѣчать хозяину? Повѣритъ ли онъ словамъ моимъ? Я хотѣлъ дескать пошутить... Очень милая шутка! Украсть приборъ!.. Меня отведутъ въ полицію... Но я честный человекъ... я только влезъ въ чужой домъ и унесъ серебряный приборъ... Полиція! полиція!..

Голова моя трещала, въ глазахъ мелькали какія-то привидѣнія. Разсудокъ отказался служить мнѣ; я могъ сослаться на ошибку, на родство съ маіоромъ, на желаніе явиться нечаянно... Поведеніе мое было всегда безукоризненно... Да и на что мнѣ былъ приборъ?.. Все это хорошо, если объ этомъ судить въ пріятельской бесѣдѣ, но хвалишь.. но полиція!

Я съ отчаянія заплакалъ, предвидя послѣдствія, не обвиненія моего, а гласности дѣла... Въ это мгновеніе чьи-то шаги раздались по лѣстницѣ... Холодный потъ выступилъ на лицѣ моемъ, я почувствовалъ какое-то головокруженіе и ожидалъ какъ бы смертельнаго удара. Но шаги затихли, все замолкло, и я опять упалъ въ свои кресла.

Черезъ нѣсколько минутъ опять послышались шаги и голоса на

лѣстницѣ, въ сѣняхъ; повертывали ключи, продѣвали засовы, тушили фонарь... Еще минута, и все окончательно затихло.

Страшны были мнѣ шаги и голоса, но теперь еще страшнѣе казалось мертвое молчаніе. И однакоже, теперь только могъ я подумать о бѣгствѣ. Прежде всего хотѣлось мнѣ опять отнести несчастный приборъ на мѣсто, гдѣ я его взял. Для этого надобно мнѣ было, правда, спуститься по лѣстницѣ и отыскать столовую, но я отдохнулъ, успокоился и пустился въ опасный путь.

Дверь заскрипѣла, когда я отворилъ ее, а приборъ зазвенѣлъ въ моемъ карманѣ. Однакоже я тихо шагъ за шагомъ спустился по лѣстницѣ въ сѣни... перепробовалъ всѣ двери... онѣ всѣ были заперты!.. Рѣшено!.. Я не могъ сбить съ рукъ украденныхъ вещей... Ощупью почувствовалъ я на поворотѣ лѣстницы, что она еще идетъ въ полаваль. Машинально спустился я туда, но и тамъ дверь была заперта...

Съ отчаяніемъ въ душѣ воротился я опять, кошачьями шагами, вверхъ по лѣстницѣ, въ свою комнату. Тысячи идей кружились въ головѣ моей, одна другой несбыточнѣе... Я вспомнилъ, что видѣлъ пьесу, гдѣ одинъ воръ очень искусно спасается въ окно и подошелъ къ окну... оно выходило на балконъ... я отворилъ... прокрадся на балконъ и посмотрѣлъ внизъ... Но балконъ выходилъ въ садъ, и былъ на высотѣ около 25 футовъ. Садъ отдѣлялся отъ улицы высокою желѣзною рѣшеткою, съ острыми концами... Для настоящаго вора это можетъ быть было бы бездѣлицею, но я былъ еще неопытенъ въ этомъ дѣлѣ...

Покуда я разсуждалъ самъ съ собою на балконѣ, послышались на улицѣ шаги мѣрные, военные... я догадался, что это былъ дозоръ, и со страхомъ бросился въ свою комнату и на свое кресло. Отдохнувъ тутъ нѣсколько, рѣшился я положить свой приборъ на диванъ подъ подушку... Потомъ сталъ ощупывать всѣ стѣны: не открою ли какой-нибудь двери, или другаго убѣжища, гдѣ бы могъ пролежать до слѣдующаго вечера... Но будуаръ оказался самымъ прозаическимъ: столы, диваны, коммоды, туалеты, этажерки, статуэттки и разныя украшения.

Я опять усѣлся и сталъ разсчитывать, давно ли я въ этомъ домѣ, но и этого не могъ я опредѣлить. Часовъ я не видалъ, а для примѣрнаго исчисленія не имѣлъ довольно хладнокровія. Не знаю, долго ли я пробылъ въ такомъ ужасномъ положеніи, но можно ли повѣрить, можно-ль вообразить себѣ, что я уснулъ!

Что за страшные сны мнѣ видѣлись! Меня давили, душили, осыпали проклятіями. Мнѣ казалось, что я даже просыпался повременамъ, но опять безотчетно засыпалъ...

Вдругъ во снѣ послышался мнѣ крикъ ясный, натуральный... Я вскочилъ.

Предо мною, въ полумракѣ разсвѣта, стояла дѣвушка, въ легкой, бѣлой одеждѣ... Она была блѣдна и дрожала отъ страха... Съ просонковъ сомнѣвался я, на яву ли это вижу — и машинально протянулъ руки къ этому видѣнію, но оно затрепетало и безъ чувствъ упа-

ла бы на полъ, еслибъ я не поддержалъ его и не посадилъ въ свое кресло.

— Ради Бога успокойтесь, сказалъ я... Если вы не привидѣніе, то спасите меня и отпустите изъ этого дома.

— И вы меня не тронете... не убьете!.. спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Боже сохрани! сказалъ я. Я совсѣмъ не затѣмъ сюда пришелъ...

— Такъ возьмите все, что вамъ нужно — и уйдите поскорѣе, продолжала она.

— Это легко сказать, но трудно исполнить. Все вокругъ заперто...

Тутъ я описалъ ей ужасное положеніе своей ночи—и не знаю, годосъ ли мой, жалкій ли видъ и добрая натура дѣвушки помогли мнѣ, но она къ концу моего разсказа, смѣясь, спросила меня:

— Да какъ же вы сюда попали?

— Окно въ столовую было отперто, и я хотѣлъ поскорѣе попасть въ этотъ домъ...

— Серебряный приборъ прельстилъ васъ... возьмите его съ Богомъ и уйдите...

Я опять сталъ увѣрять ее, что не думалъ воровать, и показалъ ей спрятанный на диванѣ приборъ...

— Ну хорошо! сказала она, я пожалуй, повѣрю вамъ. Пойдемте со мною, я васъ выведу изъ дому...

— Но я не прежде пойду, пока не увѣрю васъ въ моей невинности...

— Признаюсь, вы очень странный человекъ, и хоть я никогда не видала воровъ, но мнѣ кажется, что вы непохожи на вора...

Я ей разсказалъ, кто я, откуда пріѣхалъ, зачѣмъ спѣшилъ въ сосѣдній домъ...

— Какъ! вскричала она, прервавъ мой разсказъ, такъ вы кузень моей милой Лауры, о которомъ она мнѣ безпрестанно говорила, котораго всѣ ждали и который въ молодости столько проказилъ...

Она остановилась, покраснѣла, видя, что и нынѣшній мой поступокъ такая же проказа.

— Если я дѣйствительно и славился въ молодости проказами, то теперь, клянусь вамъ, что это была послѣдняя...

— Дай Богъ! сказала она со вздохомъ... Но только вы меня ужасно напугали...

— Ради Бога, простите меня, вскричалъ я, силась поцѣловать ея руку...

Тутъ только замѣтилъ я рѣдкую красоту дѣвушки.

Тихо вывела она меня изъ дома, и никто не зналъ потомъ о моемъ ночномъ приключеніи, кромѣ меня и Евгенія.

Нужно ли разсказывать, какъ меня приняли маіоръ, жена его и Лаура?

Съ-тѣхъ-поръ прошло три года, я сдѣлался самымъ разсудительнымъ и неторопливымъ человекомъ. Мужъ Лауры былъ зажиточный

негоціантъ и взялъ меня въ компанію. Я успѣлъ произвести многія удачныя операціи и разбогатѣлъ.

Переменною моего характера обязанъ я этой роковой ночи и знакомству съ Евгеніей.

Всякій пойметъ, что я былъ въ нее влюбленъ, но гордость отца долго не соглашалась на нашъ бракъ. Наконецъ, онъ смягчился просьбами дочери, и я сдѣлался самымъ счастливымъ мужемъ.

Подводный городъ (изъ записокъ путешественника). — Въ жаркій лѣтній день выѣхалъ я изъ Ларошели и направилъ путь къ сѣверу. Эта полоса французскихъ береговъ чрезвычайно живописна. Но тогда цѣль моего путешествія состояла не въ томъ, чтобъ заниматься ландшафтами, а чтобъ узнать мѣстороженіе разныхъ черепокожныхъ и устричныхъ породъ, которыя мнѣ показались такъ вкусны въ ларошельскомъ трактирѣ. Онѣ были такъ мягки, жирны и такого особеннаго вкуса, что я никогда такихъ не ѣдалъ; притомъ же любопытство мое было возбуждено рассказами объ изслѣдованіи мѣста, гдѣ рождаются эти животныя, и образъ ихъ жизни; а потому, взявъ въ одно утро страннической посохъ въ руку (я путешествовалъ пѣшкомъ) и забросивъ котомку за плечи, отправился я по берегу.

Пройдя около семи километровъ, дошелъ я до очень опасной бухты, находящейся между Вандейскимъ и Нижне-Шарантскимъ департаментами и огражденной со стороны моря островами Ре и Олерономъ. Видъ съ высоты скалъ, нависшихъ надъ волнами моря, былъ великолѣпенъ. Съ правой стороны бухта походила на тихое озеро, съ лѣвой стороны взоръ скользилъ чрезъ низменный островъ Ре, съ живописными развалинами и укрѣпленіями, и далеко простирался въ открытое море. Солнце пекло раскаленными лучами; въ воздухѣ было душно; ни малѣйшій вѣтерокъ не охлаждалъ его. Я съ удовольствіемъ сѣлъ подъ тѣнь одной скалы, чтобъ насладиться панорамой моря и работами людей, казавшихся мнѣ издали движущимися точками, въ рыбацьемъ селеніи Эснандъ. Гладкая неподвижная поверхность моря похожа была на зеркало, освѣщенное солнцемъ. Только видъ этотъ вскорѣ утомилъ мое зрѣніе, — и я задремалъ отъ жара и усталости.

Я уже нѣсколько недѣль бродилъ пѣшкомъ и довольно утомился. Эта странническая жизнь начинала мнѣ надоѣдать. Долго ли я проспалъ—не знаю, но когда проснулся и протеръ глаза, то никакъ не могъ понять, гдѣ нахожусь. Я помнилъ, правда, что по утру вышелъ изъ Ларошели и легъ отдыхать на скалѣ у морскаго берега, помнилъ тоже, что любовался, прежде сна, прелестнымъ видомъ на открытое море, а теперь передо мною не было и слѣда моря. Передо мною лежала открытая равнина, посреди которой стоялъ городъ съ многочисленными рядами улицъ и домовъ, расположенныхъ правильно и параллельно и исчезающихъ въ отдаленіи.

Съ усиліемъ протиралъ я глаза и потиралъ себѣ лобъ, чтобъ удо-

стовѣриться, что я еще не сплю. Увѣряясь въ этомъ, убѣдился я также, что лежу на прежнемъ мѣстѣ, потому-что направо видѣлъ тоже селеніе Эснандъ; далѣе возвышался Эгильонскій мысъ, давшій свое названіе и бухтѣ, а налѣво видѣлся островъ Ре, за которымъ синѣли волны океана. Но куда же дѣвался заливъ? и если онъ при сильномъ отливѣ увлеченъ былъ волнами океана, — то откуда взялся видимый мною городъ, возникшій вдругъ изъ моря?

Сперва я подумалъ, что это оптической обманъ, миражъ, и схватился за свою подозрительную трубку, но видимый городъ выдержалъ и это испытаніе. Даже явственнѣе видѣлъ я улицы, зданія, колоннады и лѣса. Внимательнѣе всматриваясь, увидѣлъ я наконецъ, что городъ наполненъ жителями. Это мнѣ показалось необъяснимымъ.

Далѣе видѣлъ я, что между рыбацкимъ селеніемъ Эснандъ и этимъ подводнымъ городомъ производится дѣятельное сообщеніе. Впрочемъ, я замѣтилъ теперь, что пространство, на которомъ стоитъ городъ, не совсѣмъ сухо, потому-что мѣстами блестѣли еще на улицахъ лужицы воды, или ила. На всемъ этомъ пространствѣ видѣлъ я множество людей, катающихся съ удивительною скоростію въ какихъ-то челночкахъ, или лыжахъ. Тзда ихъ производилась не по прямой линіи, а все зигзагами; эти люди какъ будто избѣгали видимыхъ лужицъ. Все это до того подстрекнуло мое любопытство, что я быстро вскочилъ и скорыми шагами пошелъ въ селеніе Эснандъ.

Городъ, который я видѣлъ, былъ дѣйствительно подводный, заливаемый во-время прилива совершенно водою и обитаемый милліонами устрицъ, раковинъ и морскихъ раковъ. Во-время же отлива онъ весь осушается и дѣлается мѣстомъ, гдѣ кипитъ человѣческая промышленность. То, что я видѣлъ, существуетъ уже нѣсколько вѣковъ. Одинъ ирландскій переселенецъ, по имени Вальтонъ, основалъ этотъ подводный городъ. Онъ замѣтилъ, что рыболовныя его сѣти, оставляемые имъ на ночь, покрывались подъ водою морскими растеніями, на которыхъ устрицы и другія морскія животныя бросали свою икру. Онъ сталъ замѣчать потомъ развитіе этой икры и вообще изучать произведенія бухты. Эти наблюденія убѣдили его, что раковинныя животныя чрезвычайно скоро растутъ, размножаются и что они жирны, мягки и вкусны. Онъ сталъ собирать ихъ и продавать въ городъ. Этотъ промыселъ сдѣлалъ его изобрѣтательнымъ. Онъ сталъ мѣстами вколачивать шесты, около которыхъ раковины цѣплялись и бросали икру*; но эти шесты часто не выдерживали напора волнъ и опрокидывались, — а иногда по ночамъ лодки наѣзжали на нихъ и ломали.

Но Вальтонъ не потерялъ бодрости. Планъ его былъ не ошибоченъ, а только недостаточенъ. Нужно было придумать только мѣры къ сильнѣйшему сопротивленію противъ напора волнъ. На иловой почвѣ отлива устроилъ онъ кѣтку изъ шестовъ и гибкихъ лозъ, въ формѣ латинской буквы W, которой острые концы обращены были къ морю, а

* Въ Шлезвигѣ и Ютландіи употребляютъ этотъ же самый способъ, для ловли черепаховыхъ раковинъ.

бока, въ нѣсколько сотъ футовъ длины—къ внутренней сторонѣ бухты, образуя уголъ въ 40—45°. Вдоль каждой линіи укрѣпилъ онъ, на разстояніи трехъ футовъ, высокіе шести, которые связалъ съ боками гибкими вѣтвями, такъ что вся клѣтка представляла видъ плотной, но гибкой сѣти. На углахъ W, остававшихся открытыми для пропуска воды, устроилъ онъ верши изъ ивняка, образующія роль палисада, въ которомъ рыбы, при отливѣ, оставались бы пойманными. Внутри клѣтки навѣсилъ онъ множество сѣтей съ молодыми черепокожными, набранными на берегу, зная, что они пристанутъ къ шестамъ и сдѣлаются жирными отъ ила.

Эти деревянные постройки называлъ онъ *bouchot* (кельтійское слово),—и названіе это осталось за ними до-сихъ-поръ. Но самое устройство теперь значительно улучшено. Мѣсто, гдѣ Вальтонъ основалъ первый свой *бушо*,—въ 1246 локтяхъ отъ Эснанда,—давно уже теперь находится на сушѣ и превратилось въ зеленый лугъ, а въ разстояніи отъ этого пункта на милю въ море устроено теперь 300—400 большихъ *бушо*, съ выдавшимися углами, которые при отливѣ совершенно похожи на домовыя крыши, такъ что зритель съ берега непремѣнно приметъ всю эту массу клѣтокъ за настоящій городъ.

Можно было бы подумать, что опасно отправляться изъ Эснанда къ иловатымъ мѣстамъ сѣтокъ, но тамошніе жители уже привыкли къ этому. У зажиточныхъ есть маленькія лодочки, называемыя *pousse-pied* изъ трехъ легкихъ досокъ. Передняя часть этого челнока округлена и выдалась вверхъ, такъ что скользить по илу. Хозяинъ несетъ это суденышко на плечахъ до берега, кладетъ туда корзины и сѣти, сгибаетъ правое колено, упирается обѣими руками въ борты и отпихиваясь лѣвою ногою, скользитъ по илу съ быстротою лошади. Хотя илъ и довольно крѣпокъ, но по немъ нельзя никакъ ходить. Бѣдные жители, не имѣющіе *pousse-pied* (лодочекъ), дѣлаютъ себѣ лыжи изъ тоненькихъ досокъ, загнутыхъ вверхъ сзади и спереди. Подвязавъ ихъ крѣпко подъ ноги, скользятъ они по илу, балансируя распростертыми руками по тѣмъ частямъ залива, гдѣ отъ песку и каменной почва нѣсколько крѣпче.

Я переночевалъ въ Эснандѣ и рѣшился участвовать въ занятіяхъ жителей. Я не рисковалъ пуститься на *pousse-pied*, а купилъ себѣ лыжи (онѣ дешевле франка),—и ободренный увѣреніями жителей, что тутъ нѣтъ никакой опасности, пустился съ ними въ путь. Мнѣ совѣтовали только смотрѣть на движенія другихъ и не опоздать возвращеніемъ къ берегу, когда начнется приливъ.

Сперва я конечно былъ неловокъ и боязливъ, но послѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ, пройденныхъ мною, уже дѣйствовалъ смѣло и искусно.

Когда мы достигли до подводнаго города, я нашелъ, что дѣйствительно зрѣлище было любопытное. Мы перелетали отъ одного *бушо* къ другому, смотрѣли сколько добычи вынимаютъ изъ каждаго сѣтей и кладутъ въ *pousse-pieds*. Все это дѣлалось съ необычайною торопливостію, какъ-бы налету, такъ что я смѣялся надъ этимъ. И однако-же

эта промышленность питаетъ 3,000 жителей, получающихъ отъ нея до 500,000 фр. дохода.

Новость зрѣлица такъ увлекла меня, что я не замѣчалъ времени и не видѣлъ, что всѣ почти промышленники на лыжахъ уже отправились къ берегу, а остались только одни, на лодочкахъ. Нечаянно оглянувшись вокругъ себя, увидѣлъ я издали съ моря сребристую туманную полосу на горизонтѣ, и показавъ ее окружающимъ меня, спросилъ: что это значитъ? Въмѣсто отвѣта, тѣ съ испугомъ спросили меня: «что я тутъ до-сихъ-поръ дѣлаю?»

Я посмотрѣлъ вокругъ себя, и увидѣлъ что самый запоздалый лыжникъ былъ уже въ получасовомъ пути отъ меня по дорогѣ къ берегу.

— Не безпокойтесь,—сказалъ мнѣ одинъ старикъ, замѣтивъ мой страхъ.—Скоро съ моря нахлынетъ сюда туманъ, но приливъ нетакъ скоро еще за нимъ послѣдуетъ. Сдѣлается только темно, — и не знаяши дороги, можно сбиться...

— Да вы-то зачѣмъ-же еще всѣ здѣсь?—спросилъ я.

— Мы на *pousse-pieds*, и будемъ прежде всѣхъ васъ дома. Туманъ намъ не мѣшаетъ; мы дорогу знаемъ. Да еслибъ и приливъ догналъ насъ, то наши лодочки безопасны, и снабжены на этотъ случай веслами.»

Въ это время собралась вокругъ насъ группа людей, заботившихся о моей участи. Всѣ побѣжали въ разныя стороны и стали звать како-го-то Мишеля.

— О! онъ здѣсь еще! — сказалъ старый рыбакъ. Мишель всегда остается послѣднимъ, чтобъ въ запуски бѣжать съ лодочками. Только берегитесь, чтобъ онъ отъ васъ не ушелъ. Тогда вы будете въ опасности, а съ нимъ ничего не бойтесь. Онъ лучше всѣхъ насъ знаетъ бухту.»

То бранью, то просьбами притащили ко мнѣ Мишеля, парня лѣтъ восемнадцати. Шея, руки и ноги были у него обнажены. По длиннымъ, нерасчесаннымъ кудрямъ его, украшеннымъ цвѣтами, по робкому, блуждающему, но кроткому взору, узналъ я, что это *idiot*, котораго понятливость основана на инстинктѣ, а не на разсудкѣ.

— Онъ васъ безопасно доведетъ до берега,—закричалъ мнѣ рыбакъ. Пора вамъ, пора! Скоро приливъ! Ступай, Мишель! Счастливый путь!»

Мишель медлилъ еще, какъ ребенокъ, котораго отрываютъ отъ любимой игрушки, но одинъ изъ рыбаковъ ударилъ его веревкою по голымъ ногамъ,—и онъ съ крикомъ боли и злости побѣжалъ на лыжахъ. Я послѣдовалъ за нимъ, стараясь догнать его, чтобъ онъ не ушелъ отъ меня. Но онъ, какъ будто угадалъ мои мысли и нарочно дѣлалъ зигзаги, отъ которыхъ дорога только удлинилась. Я уже было хотѣлъ пуститься одинъ, на счастье, но по робости, или осторожности успѣлъ схватить Мишеля за руку, — и тотъ, громко засмѣявшись, полетѣлъ теперь какъ стрѣла. Можно было сказать, что безуміе съ безразсудностію спѣшили рука объ руку.

Осматриваясь повременамъ, видѣлъ я, что туманъ становится все гуще и гуще. Со стороны моря уже ничего было не видно, — а бе-

регъ едва можно было видѣть вдали. Невольный страхъ пробѣжалъ по жиламъ моимъ. Дикіе крики множества голосовъ съ догонявшихъ насъ *pousse-pieds* доказывали, что всѣ мы отстанемъ отъ нихъ. Провожатый мой продолжалъ однако-же попрежнему лавировать не по прямому пути. На всѣ мои вопросы отвѣчалъ онъ такимъ языкомъ, котораго я никакъ не могъ понять.

Наконецъ туманъ скрылъ совершенно всю окрестность; голоса исчезли,—и мнѣ казалось, что провожатый мой править путь нашъ не къ берегу, а въ открытое море. Дикое отчаяніе овладѣло мною. Я такъ громко закричалъ на ухо Мишелю, что тотъ захохоталъ, но когда я сильно стиснулъ его руку, онъ вскричалъ отъ боли, потомъ заговорилъ быстро и громко, стараясь, какъ кажется, меня въ чемъ-то убѣдить. Въстѣ съ тѣмъ усилилъ онъ еще болѣе скорость своего бѣга, такъ что у меня духъ захватывало ..

Вдругъ въ ухахъ моихъ раздался плескъ волнъ. Подъ ногами не было уже песку, а самый зыбкій илъ. Съ отчаянія хотѣлъ я уже оттолкнуть отъ себя Мишеля, какъ вдругъ онъ испустилъ радостный крикъ и указалъ на высокій шестъ съ перекладинками. Но я уже былъ почти въ безпамятствѣ, и только съ помощію Мишеля могъ вскарабкаться на вершину шеста.

Долго не могъ я придти въ себя, наконецъ увидѣлъ, что все пространство подъ нами покрыто уже водою. Вѣтеръ, дувшій съ моря, увеличивалъ еще болѣе силу прилива. Тучи изрѣдка разбѣгались, и полный мѣсяцъ освѣщалъ картину нашего ужаснаго положенія. Мы были почти посрединѣ бухты, и далеко отъ Эснанда. Около насъ грозно бушевали волны, разбиваясь бѣлою пѣною объ нашъ шестъ. По флагу, развѣвавшемуся на верхушкѣ его, понялъ я, что онъ служилъ бакеномъ для утренняго плаванія.

Мишель достигъ своей пѣли. Теперь вспомнилъ я, что онъ не разъ показывалъ мнѣ на бѣгу что-то впереди. Почему пришло ему въ голову привести меня сюда,—Богъ вѣсть! Можетъ-быть послѣдній ударъ рыбака веревкою далъ идеямъ его это направленіе. Теперь онъ, какъ ребенокъ, радовался. Когда мѣсяцъ проглядывалъ изъ-за тучъ, онъ хохоталъ отъ всей души, билъ въ ладоши и пѣлъ какой-то гимнъ, такимъ рѣзкимъ и звучнымъ голосомъ, что ужасъ мой увеличивался.

Между-тѣмъ вода достигла уже до ногъ нашихъ. Я полагалъ, что смертельный часъ мой насталъ. Но тутъ я собралъ всѣ силы разсудка и хладнокровія. Строгимъ голосомъ и сильными движеніями принудилъ я Мишеля сидѣть смирно и привязалъ его и себя флагомъ къ шесту. Это вскорѣ оказалось необходимымъ. Волны прилива были такъ сильны, что окачивали насъ водою, и вѣрно оторвали бы отъ мачты, еслибъ мы не были привязаны.

Впрочемъ вода поднималась медленно. Она достигала намъ уже до колѣнъ. Вѣтеръ крѣпчалъ, тучи сдѣлались гуще, чернѣе; мѣсяцъ уже совсѣмъ скрылся. Какія мысли кружились тогда въ умѣ моемъ! Какія воспоминанія наполняли сердце!

Изрѣдка казалось мнѣ, что голоса издали зовутъ меня. Я съ кри-

нами отвѣчалъ, но голосъ мой исчезалъ въ пространствѣ. Иногда воображалъ я, что лодка подплывала для спасенія моего... Я протягивалъ руки, но кромѣ пѣны морской ничего не было вокругъ меня.

А вода все поднималась выше и выше. Волны шумѣли уже около ушей, и я готовился къ смерти. Мишель все еще пѣлъ свои дикія пѣсни и смѣялся надъ нашимъ забавнымъ положеніемъ. Но я уже не сердился на него. Не за что его было винить. Онъ былъ безпомощнымъ, несчастнымъ созданіемъ, которое не понимало ничего изъ радостей и удовольствій жизни.

Приливъ достигъ наконецъ до высшей точки. Вѣтеръ упалъ,—и я, вида, что не могу уже утонуть, задремалъ.

Это полусонное, полубодрственное состояніе продолжалось нѣсколько часовъ. Громкій крикъ разбудилъ меня. Я открылъ глаза, и увидѣлъ, что уже разсвѣло, а вода опять ушла къ океану.

Мишель успѣлъ въ это время развязать узлы, которыми я его связалъ, и непонятнымъ своимъ языкомъ показывалъ мнѣ на Эснандъ. Нетерпѣніе его было ясно. Отливъ давалъ намъ теперь возможность дойти до берега.

Я спѣшилъ воспользоваться его совѣтомъ и спустился внизъ. Дружно пустились мы къ берегу, но едва ступили на него, какъ Мишель исчезъ. Я узналъ, что онъ сынъ бѣдной вдовы, которую община содержала на свой счетъ. Но здѣсь это было не унизительно. Бѣдность почитаютъ волею судьбы. Здѣсь всякій день бѣдные становятся на берегу, когда промышленники возвращаются на лодочкахъ, и послѣдніе даютъ имъ каждый, что можетъ. Женщины даютъ имъ хлѣба или тѣста два раза въ недѣлю. Все это дѣлается охотно и отъ чистаго сердца.

Впрочемъ, Мишель былъ не такъ бѣденъ. Ему хорошо платили за разныя услуги его въ тяжелыхъ работахъ. Мнѣ сказали, что болѣзнь его—родъ лунатизма и что онъ часто во-время полнолунія проводитъ ночи на на этомъ шестѣ съ флагомъ, куда привелъ и меня.

Долго я буду помнить Эснандъ и подводный городъ.

Банковая облигація. (Разсказъ). Въ одномъ изъ большихъ городовъ сѣверной Германіи Элиза Тунбергъ открыла, въ 1819 году, небольшой модный магазинъ. Хотя наружный блескъ заведенія и не доказывалъ роскоши хозяйки, зато въ самой выставкѣ товаровъ ея видѣнъ былъ изящный вкусъ. Г-жа Тунбергъ была вдова нѣкогда богатаго маклера, который по причинѣ многихъ постигшихъ его несчастій объявленъ былъ несостоятельнымъ, и вскорѣ потомъ умеръ.

Маклерствомъ его овладѣлъ служившій у него пятнадцать лѣтъ бухгалтеромъ нѣкто Клементъ Бертольдъ, человекъ смѣтливый и умный. Онъ умѣлъ привлечь къ себѣ всѣхъ, имѣвшихъ прежде сношенія съ хозяиномъ его.

Подобные случаи такъ часты въ торговлѣ, что на нихъ мало обра-

щаютъ вниманія. Пожалѣли о покойникѣ, о вдовѣ его, пожелали успѣха преемнику его Бертольду, а потомъ забыли обо всемъ. Только изрѣдка доходили слухи о увеличивающейся бѣдности г-жи Тунбергъ и удачныхъ операціяхъ Бертольда. Сперва думали, что бывшій бухгалтеръ Тунберга будетъ помогать его вдовѣ; даже толковали, что побудительною причиною къ этому будетъ нѣжнѣйшее чувство Бертольда къ бывшей своей хозяйкѣ. Хотя при жизни мужа ея всѣ знали, что она была всегда примѣрною женою и матерью, но теперь всѣ бы конечно извинили, еслибъ она вступила во второй бракъ.

Но мало-по-малу и эти слухи умолкли. Хотя Бертольдъ и имѣлъ слабость къ женскому полу, но умѣлъ укрощать свои страсти, чтобъ не повредить торговымъ спекуляціямъ. Бракъ съ бѣдною вдовою казался ему безвременнымъ. Онъ отказался отъ всякихъ сношеній съ г-жею Тунбергъ и устремилъ всѣ свои усилія на приращеніе богатства.

Все ему удавалось, и чрезъ десять лѣтъ сдѣлался онъ однимъ изъ богатѣйшихъ купцовъ города. Ему уже было сорокъ восемь лѣтъ, и съ богатствомъ измѣнился прежній его гибкій и осторожный характеръ. Онъ сдѣлался гордымъ, вспыльчивымъ и самонадѣяннымъ, какъ всѣ выскочки.

Уже нѣсколько лѣтъ прошло, какъ онъ совсѣмъ изъ виду потерялъ г-жу Тунбергъ. Вдругъ его старая ключница Анна (бывшая у него еще нянькою и знавшая всю первоначальную его жизнь) рассказала ему, что бѣдная его бывшая хозяйка уже нѣсколько недѣль лежитъ больною и въ самой крайности.

— Какъ жаль! сказалъ онъ съ нѣкоторымъ волненіемъ. Но кто же во-время болѣзни ея занимается магазиномъ?

— Дочь ея, Марія, отвѣчала ключница. Помните, она при васъ едва начинала бѣгать, а теперь выросла. Прелестная дѣвушка, кроткая, скромная и богобоязненная. Все сидитъ и работаетъ, нигуда не выходитъ, кромѣ церкви по праздникамъ.

— Марія! задумчиво сказалъ Бертольдъ. Неужели она уже такъ выросла?.. А похожа она на мать?..

Едва сдѣлалъ онъ этотъ вопросъ, какъ почувствовалъ всю неосторожность его, и перемѣнилъ разговоръ; но старуха не далась въ обманъ.

— Вы спрашивали, похожа ли Марія на свою мать, сказала она, — да это точно два яйца. И обѣ такія добрыя, честныя, усердныя, а все-таки торговля ихъ не удалась. Сегодня по утру комиссаръ все взялъ у нихъ за долги, и хозяинъ дома велѣлъ къ вечеру выѣхать. Гдѣ онѣ бѣдняжки проведутъ ночь, Богъ вѣсть!

Бертольдъ въ сильномъ волненіи прошелъ, молча, нѣсколько разъ по комнатѣ. Онъ опустилъ руку въ карманъ, и тамъ зазвенѣло золото... Этотъ звукъ внезапно расхолодилъ его; ему вдругъ стало стыдно, что онъ увлекся чувствительностію.

— Мнѣ очень жаль ихъ! сказалъ онъ. Но что же дѣлать? Видно судьбѣ такъ угодно... Однако, Анна, пора обѣдать. Посмотри, и то семь минутъ опоздали.

Анна вздохнула и ушла, а Бертольдъ вскорѣ сѣлъ за обѣдъ. Только Анна замѣтила, что онъ мало ѣлъ въ этотъ день. Волненіе отняло у него аппетитъ, зато онъ выпилъ больше обыкновеннаго, и когда обѣдъ кончился, онъ опять, молча, сталъ ходить по комнатамъ.

— Пстой же, старый скряга, сказала Анна, уходя: я съ тобою сыгравъ штуку. Авось разстанешься съ своимъ проклятымъ золотомъ на доброе дѣло.

Съ четверть часа ходилъ Бертольдъ въ задумчивости. Воображеніе перенесло его въ прошедшія времена и рисовало ему все прелести г-жи Тунбергъ, все хозяйственныя ея добродѣтели, всю привязанность его къ ней... Вдругъ дверь его скрипнула; онъ оглянулся... передъ нимъ стояла г-жа Тунбергъ, но еще прелестнѣе, моложе, нежели была пятнадцать лѣтъ назадъ...

— Что я вижу? вскричалъ онъ, возможно ли!.. Боже мой!.. Ахъ да! вы конечно Марія Тунбергъ?.. Ваше сходство съ маменькою...

Дѣйствительно, это была она. Анна уговорила ее обратиться съ просьбою о помощи къ Бертольду, и Марія рѣшилась на это для больной своей матери. Она со слезами изобразила ему печальное свое положеніе.

Бертольдъ съ величайшимъ, повидимому, вниманіемъ слушалъ рассказъ молодой дѣвушки, а еслибъ кто спросилъ его, о чемъ она говорила, онъ не зналъ бы, что отвѣчать, потому—что все вниманіе его было обращено на просительницу. Такой прелестной дѣвушки онъ никогда не видалъ. Всякое слово ея, всякій звукъ производили на него непостижимое впечатлѣніе. Занятый одними деньгами, онъ никогда еще не любилъ. Горе тому, у кого страсти вспыхиваютъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Онъ тогда губятъ и пожираютъ все.

Когда Марія кончила свой рассказъ, Бертольдъ пришелъ въ себя, и всунувъ ей въ руку кошелекъ съ золотомъ, сказалъ:

— Кланяйтесь маменькѣ. Скажите ей, что я очень радъ, что могу облегчить ея участь. Выкупите поскорѣе все вещи, которыя у васъ сегодня забрали, и заплатите за квартиру... Только ради Бога безъ благодарности: я исполнилъ свой долгъ и почту себя всегда счастливымъ, если чѣмъ-нибудь въ состояніи буду помочь г-жѣ Тунбергъ.

Марія была тронута до слезъ этимъ благородствомъ и великодушіемъ Бертольда. Чувство радости и благодарности сдѣлало ее еще прелестнѣе прежняго, и Бертольдъ не могъ насмотрѣться на нее.

Наконецъ она ушла, спѣша на помощь къ матери.

Четыре дня ждалъ Бертольдъ въ мучительномъ положеніи: не придетъ-ли опять Марія зачѣмъ-нибудь. Наконецъ, волнуемый страстію, онъ пошелъ самъ по извѣстному ему адресу — и явился къ Маріи. Неожиданная вѣсть встрѣтила его. Несчастная г-жа Тунбергъ не пережила случившихся съ нею несчастій. Она скончалась, — и Марія съ глубокою скорбію разсказала Бертольду, что мать, умирая, приказала выразить ему всю свою благодарность за оказанное благодѣяніе.

Бертольдъ былъ сильно пораженъ этою неожиданною смертію и предложилъ Маріи еще денегъ, чтобъ увеличить свой магазинъ и тор-

говлю, — но та со скромностію отказалась, говоря, что будетъ въ состояніи сама себя прокормить работою, — и долгомъ почтеть, при первой возможности возвратить Бертольдъ данную имъ заимообразно суму. Бертольдъ отказался, разумѣется, отъ предлагаемой уплаты и просилъ позволенія навѣщать Марію.

Сильная страсть овладѣла сердцемъ Бертольда. Онъ сталъ часто заходить къ Маріи, навѣдываясь о ея здоровьи, — и всякое посѣщеніе болѣе и болѣе воспаляло его. При этихъ визитахъ замѣтилъ онъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, что у Маріи всякій разъ бываетъ какой-то молодой человѣкъ. Онъ узналъ, что это столяръ Гейнрихъ Штраухъ. Хотя Бертольдъ и смотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, но искра ревности невольно запала въ его сердце.

Онъ былъ правъ. Гейнрихъ былъ давно уже любимъ Маріею, и съ согласія матери. По несчастнымъ обстоятельствамъ принуждены они были въ послѣднее время откладывать свой бракъ, а теперь по случаю траура должны были отсрочить еще на годъ. Гейнрихъ получилъ отъ отца хорошее воспитаніе, но какъ тотъ всегда твердилъ сыну, что только работа рукъ составляетъ вѣрный доходъ, то сынъ и избралъ себѣ столярное ремесло, которое дѣйствительно доставило ему безбѣдное существованіе. Онъ жилъ по сосѣдству съ Маріею, познакомился съ ея матерью, и успѣлъ понравиться дочери.

Посѣщенія Бертольда не пугали Гейнриха. Онъ не боялся вайти въ немъ соперника, слишкомъ хорошо зная сердце Маріи; но ему грустно было видѣть, что старикъ такъ мало уважаетъ ее, что можетъ надѣяться на любовь Маріи, потому-что богатъ.

Впрочемъ, онъ избѣгалъ, по возможности, встрѣчи съ нимъ, боясь, что не всегда равнодушно перенесетъ его грубость и пренебреженіе. Но судьба рѣшила иначе.

Однажды Бертольдъ купилъ у садовника великолѣпнѣйшій букетъ и быстро пошелъ съ нимъ къ Маріи. Никогда еще эта дѣвушка не казалась ему прелестнѣе; никогда сердце его не билось такъ сильно, кровь не волновалась такъ бурно. Марія съ восхитительною улыбкою приняла его букетъ, — и онъ рѣшился въ эту минуту признаться ей въ своей любви и просить руки ея.

Марія никакъ не ожидала этого признанія. Лицо ея покрылось смертною блѣдностію. Она поняла всю опасность своего положенія, но чувствовала, что не должна ни на минуту оставлять Бертольда въ заблужденіи. Съ достоинствомъ и скромностію поблагодарила она его за лестное предложеніе, но объявила, что слово ея и любовь давно уже принадлежатъ Гейнриху, и что покойная мать благословила этотъ союзъ.

Соперничество съ незначущимъ ремесленникомъ взводило самолюбіе Бертольда. Онъ вообразилъ себѣ, что это, можетъ-быть, уловка кокетливости, и съ жаромъ продолжалъ описывать Маріи, какъ-бы она была счастлива за нимъ, владея огромными его богатствами. Замѣтя въ дѣвущкѣ какое-то колебаніе, — бѣдная не знала, какими словами повторить ему свой отказъ, — Бертольдъ сталъ передъ нею на колѣни и съ изступленіемъ страсти убѣждалъ ее согласиться на его предложеніе.

Въ эту самую минуту вошелъ Гейрихъ. Въ порывѣ страсти вообразилъ онъ себѣ, что Бертольдъ осмѣлился покуситься на честь его невѣсты, — и первымъ его движеніемъ было схватить его и отбросить далеко отъ Маріи. Къ счастью Гейриха и Бертольда, съ молодымъ человекомъ вмѣстѣ пришелъ хозяинъ дома, фонъ-Боомъ, который и бросился между соперниками, освободилъ Бертольда и проводилъ его до лѣстницы.

Можно вообразить себѣ всю ярость старика! Онъ заперся у себя дома, и нѣсколько дней не выходилъ. Марія въ тотъ же день прислала ему самое ласковое и трогательное извиненіе, какъ отъ себя, такъ и отъ жениха своего, и просила забыть все случившееся. Но буря кипѣла въ сердцѣ Бертольда. Ему нужно было мщеніе.

Впрочемъ, выйдя опять на биржу, онъ, попрежнему, былъ тихъ и хладнокровенъ. Никто не слыхалъ о происшествіи, случившемся съ нимъ, никто не спрашивалъ о причинѣ его отсутствія, — и все пошло попрежнему. Только старикъ пересталъ ходить къ Маріи, хотя на письма ея и отвѣчалъ ей, что давно забылъ все и простилъ взышку жениха ея.

Одна старая ключница Анна, хорошо знавшая нравъ своего хозяина, предостерегала любовниковъ отъ мстительности его. Оба обѣщали быть осторожными. Гейрихъ часто встрѣчался съ Бертольдомъ, — и оба всегда очень учтиво другъ-другу кланялись. Даже однажды Бертольдъ позвалъ его къ себѣ и заказалъ ему нѣкоторыя столярныя работы для своей конторы. При этомъ случаѣ онъ спросилъ у Гейриха, скоро ли будетъ его свадьба. Это казалось молодому человѣку яснымъ убѣжденіемъ, что Бертольдъ все забылъ и самъ стыдится вспоминать о глупой сценѣ своего любовнаго признанія.

Въ это время въ судьбѣ Гейриха произошла небольшая перемѣна. Столяръ, у котораго онъ первоначально обучался и который потомъ помогъ ему капиталомъ своимъ, чтобы завести собственную свою мастерскую, внезапно умеръ. Наслѣдники его раздѣлили оставшееся имущество, и принудили Гейриха возвратить основной капиталъ, данный ему покойникомъ займообразно. Конечно, Гейрихъ трудолюбіемъ своимъ давно уже скопилъ вдвое больше этого; но все-таки внезапная плата разстроивала его, потому-что въ эту же самую минуту открылась очень выгодная столярная работа на одинъ новостроющійся пароходъ, которую ему предлагали, но для которой нужно было употребить значительный капиталъ, чтобы закупить матерьялы. Онъ бросился къ нѣкоторымъ капиталистамъ, но всѣ отказали ему, не видя достаточнаго обезпеченія въ его векселяхъ.

Всѣхъ добросовѣстнѣе изъ нихъ былъ нѣкто г. Снотъ. Онъ требовалъ, чтобъ кто-нибудь поручился за Гейриха, — и хозяинъ того дома, гдѣ жила Марія, фонъ-Боомъ, согласился быть за него порукою въ небольшой суммѣ. Оба они явились къ Сноту, но имъ сказали, что этотъ банкиръ уже ушелъ на биржу. Они отправились туда, и застали Снота, разговаривавшаго съ Бертольдомъ. Послѣдній, увидя Гейриха, тотчасъ же поклонился ему и вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Э! да вы знакомы! — вскричалъ Снотъ. Такъ зачѣмъ же вы, любезный Гейнрихъ, давно мнѣ объ этомъ не сказали. Зачѣмъ же вамъ искать порукъ? Пусть мнѣ г. Бертольдъ скажетъ слово, — и я вамъ дамъ сколько хотите денегъ.

Гейнрихъ пожалъ плечами, говоря, что онъ не смѣетъ безпокоить г. Бертольда, которому слишкомъ мало извѣстень.

Бертольдъ посмотрѣлъ на него внимательно, и взявъ его подъ руку отвелъ нѣсколько въ сторону.

— Вы, кажется, помните, что я долженъ быть на васъ сердитъ. Но чтобъ доказать вамъ, какъ я не злопамятенъ, и изъ уваженія къ Маріи, я возьмусь за ваше дѣло... Только требую, чтобы вы никому не говорили о моемъ согласіи. Даже не говорите объ этомъ и невѣстѣ своей, а приходите ко мнѣ сегодня вечерому, въ восемь часовъ; я посмотрю, какъ намъ лучше уладить ваше дѣло.

Гейнрихъ молча поклонился, и поблагодаря Снота и фонъ Боома за ихъ готовность къ содѣйствію, ушелъ домой.

Ровно въ восемь часовъ былъ онъ уже въ домѣ Бертольда. Его еще не было дома. Старая Анна ввела его въ кабинетъ хозяина — и разспрашивала Гейнриха о причинѣ, побудившей его придти къ врагу своему. Къ удивленію ея, Гейнрихъ былъ скрытенъ и ничего не отвѣчалъ на ея разспросы.

Съ досады ушла она и оставила его одного, а Гейнрихъ, усѣвшись въ спокойныя, мягкія кресла, началъ мечтать о будущей своей судьбѣ. Мечты, усталость и уединеніе склонили его къ дремотѣ. Онъ заснулъ, и не прежде проснулся, какъ услышалъ у дверей голосъ Бертольда, грубо бранившаго Анну за то, что она *незнакомаго* чело-вѣка оставляетъ одного въ комнатѣ.

Гейнрихъ вскочилъ, и видя вошедшаго Бертольда сталъ передъ нимъ извиняться.

— Не въ извиненіи дѣло, сказалъ тотъ съ видимымъ неудовольствіемъ; а что вамъ здѣсь надобно?..

— Вы приказали... вы назначили мнѣ явиться къ вамъ.

— Я? когда? зачѣмъ?..

— Вы хотѣли помочь мнѣ въ подрядѣ...

— Вы съ ума сошли, съ грубостію вскричалъ старикъ. Да съ чего вы взяли, что я буду всякому встрѣчному бросать деньги на вѣтеръ. Убирайтесь задобра-ума... Нашли мѣсто гдѣ выспаться...

Съ этимъ словомъ отвернулся онъ отъ него и пошелъ въ другую комнату, а Гейнрихъ, совсѣмъ растерявшись и печально склоня голову, тихо побрелъ съ лѣстницы, вышелъ на улицу, свободно вдохнулъ чистымъ воздухомъ, и пошелъ домой, стараясь придумать разгадку внезапной переменны Бертольда...

Вдругъ услышалъ онъ за собою быстрые шаги, невольно оглянулся... передъ нимъ стоялъ Бертольдъ...

— Насилу догналъ васъ, сказалъ онъ. Вы извините меня, я сейчасъ очень сурово обошелся съ вами... Но еслибъ вы знали, какія со мною были неприятели за минуту передъ тѣмъ... Какая огромная

спекуляція ускользнула изъ рукъ... Признаюсь, я даже совѣмъ забылъ, что самъ же пригласилъ васъ къ себѣ... Ну, да я постараюсь поправить свою глупую вспышку. Скажите, пожалуйста, на какую сумму вамъ нужно поручительство у Снота?

— Еслибъ я могъ имѣть кредитъ на четыреста талеровъ, я бы могъ взять подрядъ ..

— Ну, такъ хорошо, что я съ собою захватилъ деньги. Вотъ банковая облигація въ пять сотъ талеровъ. Возьмите. Не нужно будетъ никакихъ процедуръ о поручительствѣ...

— Какъ, г. Бертольдъ! вскричалъ благородный юноша. Вы даете мнѣ собственныя ваши деньги?..

— Ну, да! даю въ займы. Когда вы кончите подрядъ, то отдадите ихъ мнѣ...

— О, вы благороднѣйшій человекъ... Я сегодня же напишу вексель.

— Вздоръ! Никакого векселя не надо. Напротивъ, я требую по прежнему, чтобъ никто объ этомъ не зналъ. Если вы это вѣрно и честно исполните, то я радъ буду всегда вамъ помогать.

Прежде, нежели Гейрихъ могъ опомниться, Бертольдъ уже исчезъ.

На другое утро Гейрихъ отправился къ г. Сноту, выбралъ себѣ все, что ему нужно было для предполагаемыхъ работъ, и съ нѣкоторою важностію подавъ ему потомъ банковую облигацію, полученную отъ Бертольда.

— Какъ! ужъ и денегъ достали! вскричалъ Снотъ. Прекрасно! Гдѣ же это вамъ Богъ далъ?..

— Мнѣ дали... въ задатокъ, отвѣчалъ Гейрихъ съ нѣкоторою разсѣянностію.

— Очень радъ, очень радъ, сказалъ Снотъ. Пойдемте же къ банкиру Блазу, онъ намъ разъяснитъ эту облигацію.

Старикъ кассиръ, служившій у Блаза, зналъ Гейриха и съ удовольствіемъ взялся разъяснить облигацію, но едва взглянулъ на нее, какъ съ испуганнымъ взглядомъ обратился къ Гейриху и спросилъ его:

— Гдѣ это вы взяли эту облигацію?

Голосъ его и взглядъ произвели въ сердцѣ Гейриха какой-то непонятный страхъ. Онъ не зналъ, что отвѣчать.

— Онъ мнѣ сказалъ, что получилъ ее въ задатокъ, объявилъ Снотъ.

— Это странно! продолжалъ кассиръ. Сегодня поутру взяли подъ стражу прикащика г. Бертольда, по подозрѣнію на него... Хозяинъ его объявилъ, что у него пропала облигація въ пятьсотъ талеровъ.

Бѣдный Гейрихъ стоялъ какъ пораженный громомъ; голова его кружилась: онъ вспомнилъ въ эту минуту все увѣщанія Марин, чтобы беречься Бертольда.

— Я тоже слышалъ объ этой исторіи, сказалъ Снотъ, и полагаю, что куда Гейрихъ здѣсь, лучше всего намъ послать за Бертольдомъ...

Крикъ отчаянія вырвался изъ груди Гейриха. Самъ не зная, что онъ дѣлаетъ, бросился онъ опрометью отъ кассира и побѣжалъ къ

Маріи. Никто не преслѣдовалъ его, но черезъ полчаса Снотъ и Кассиръ Блаза явились тоже къ Маріи, гдѣ и застали ее съ Гейнрихомъ въ слезахъ и страхѣ. Кассиръ обратился къ Гейнриху.

— Хозяинъ мой поручилъ мнѣ пригласить васъ, сказалъ онъ — къ себѣ въ кассирскую комнату, гдѣ находитесь и г. Бертольдъ. Оба они желаютъ, чтобъ недоразумѣніе, происшедшее по облигаціи, могло быть миролюбиво между вами кончено, не доводя о немъ до свѣдѣнія полиціи.

— А что говоритъ г. Бертольдъ по этому дѣлу? спросила у кассира Марія.

— Онъ утверждаетъ, что облигація эта украдена у него на столѣ въ кабинетѣ — въ то время, какъ онъ уходилъ со двора, съ половины восьмого до десяти часовъ, и случайно оставилъ на этотъ разъ письменный свой столъ не запертымъ.

— Я погибъ, сказалъ Гейнрихъ со вздохомъ.

— Ступай, Гейнрихъ, съ этими господами, сказала ему Марія съ какою-то таинственною улыбкою и спокойнымъ взглядомъ: теперь я знаю, что ты совершенно невиненъ, и тотчасъ вслѣдъ за тобою туда же приду. Помни только ..

Тутъ она наклонилась къ нему на ухо и сказала что-то тихо, чего не слышали пришедшіе. Но вѣроятно слова Маріи успокоили Гейнриха, потому-что онъ пошелъ за ними веселъ и доволенъ.

Когда они пришли къ Блазу, то нашли у него Бертольда и Ганемана, строителя того парохода, на которомъ Гейнрихъ брался произвести всѣ столярныя работы. У внѣшнихъ дверей стояли однакоже два жандарма, и это обстоятельство снова поколебало мужество Гейнриха.

Бертольдъ при входѣ Гейнриха нѣсколько покраснѣлъ, но гордый и презрительный взглядъ его доказывалъ, что онъ намѣренъ до крайности продолжать свою ужасную клевету. Еще разъ Бертольдъ, въ присутствіи Гейнриха, повторилъ свое объявленіе, что у него украдена эта самая банковая облигація и что къ нему никто не входилъ, кромѣ взятаго уже подъ стражу прикащика, ключницы Анны и столяра Гейнриха.

Г. Ганеманъ, со своей стороны объявилъ, что показаніе Гейнриха будто бы онъ далъ ему задатокъ по принимаемымъ имъ на себя работамъ — совершенно неосновательно.

— Что вы можете отвѣчать на эти обвиненія? строгимъ голосомъ спросилъ у Гейнриха Блазъ... Вы до-сихъ-поръ извѣстны были, какъ честный человекъ и хорошій столяръ... Объясните, по-крайней-мѣрѣ, что-нибудь, еще строже прибавилъ Блазъ, видя, что, несмотря на двухкратную его остановку, молодой человекъ упорно молчалъ.

— Я не могу и не буду ничего отвѣчать, тихимъ голосомъ отвѣчалъ Гейнрихъ, робко поглядывая на дверь.

— Ничего? вскричалъ банкиръ, да вѣдь это сознаніе въ винѣ?... Вѣдь послѣ этого намъ только остается предать васъ въ руки правосудія...

— Позвольте мнѣ сказать слово, сказалъ кассиръ Блазу, вмѣшавшись въ разговоръ. Я, полагаю, что Гейнриху *запрещено* отвѣчать.

— Кѣмъ это?

— Дѣвица Марія Тунбергъ шептала ему что-то на ухо, когда мы отъ нея уходили; но я вскользь разслышалъ: *молчи и не отвѣчай*.

— Быть не можетъ!...

— Извините! это совершенная правда, — сказала Марія, вошедшая въ эту самую минуту.

Появленіе ея удивило всѣхъ и смѣшало Бертольда. Онъ потупилъ голову и покраснѣлъ. Но когда она стала просить Блаза, чтобъ онъ убѣдилъ Бертольда повторить при ней свое обвиненіе, то онъ принужденъ былъ еще разъ рассказать свою выдумку, но на этотъ разъ сбивался, голосъ его дрожалъ, капли пота выступали у него на лбу.

Выслушавъ все это внимательно, Марія сказала:

— Вижу теперь, что все извѣстно, — и потому пришла сюда просить у г. Бертольда прощенія и пощады виновному.

— Прощенія и пощады? — съ удивленіемъ и радостію спросилъ Бертольдъ.

— Да! пощады для дочери того Тунберга, который нѣкогда приютилъ ваше сиротство, поднялъ васъ на ноги, пустилъ въ люди... пощады для той дѣвушки, которую вы еще недавно увѣряли въ самыхъ нѣжныхъ чувствахъ...

Бертольдъ вспыхнулъ, вспомня сцену съ Гейнрихомъ.

— Пѣгъ! вскричалъ онъ. Даже для васъ, Марія, не соглашусь я пощадить виновнаго, кто бы онъ ни былъ, потому-что воръ—лзва гражданскаго общества, которую надобно вездѣ истреблять.

— И это ваше послѣднее, рѣшительное слово?

— Это мой долгъ.

— Ну, такъ и мой долгъ предать въ руки правосудія настоящаго вора, — и я торжественно объявляю, что это не Гейнрихъ.

— Кто же! вскричали всѣ.

— Можетъ-быть, вы сейчасъ удивлялись, господа, что Гейнрихъ не хотѣлъ отвѣчать на ваши вопросы. Но причина молчанія его была самая великодушная. Г. Бертольдъ объявилъ сейчасъ, что уходя со двора въ половинѣ восьмаго положилъ банковскую облигацію въ столъ и не заперъ его. Дальнѣйшій допросъ доказалъ вамъ, что Гейнрихъ пришелъ въ эту комнату уже въ девятомъ часу. Теперь, не угодно ли вамъ спросить у ключницы г. Бертольда Анны, кто былъ у нея за четверть часа до прихода Гейнриха, и входилъ въ ту комнату, гдѣ лежала облигація.

— Вы, сударыня, навѣстили меня, — отвѣчала Анна, (пришедшая вмѣстѣ съ Марією,) — и оставались въ этой комнатѣ, покуда я ходила вамъ за стаканомъ воды.

Крикъ ужаса исторгся изъ груди Бертольда; но Марія, какъ бы не обративъ на это вниманія, продолжала:

— И такъ, господа прошу, васъ выслушать мое объявленіе и признаніе. Я украда эту облигацію!..

— Нѣтъ! это неправда, это ложь, прервалъ ее Бертольдъ съ крикомъ отчаянія и совершенно растерявшись.

— Позвольте, однакоже... сказала Марія.

— Нѣтъ! она лжетъ, продолжалъ съ изступленіемъ Бертольдъ: я не знаю, была ли она въ этой комнатѣ, но знаю, что она не могла украсть облигацію, которой тамъ и не было, которая была при мнѣ и которую я тогда только вынулъ, когда...

Тутъ Бертольдъ вдругъ остановился, онъ опомнился и почувствовалъ, что слишкомъ много сказалъ.

— Когда же вы вынули ее?—съ живостію спросила Марія, подойдя къ нему и быстро глядя ему въ глаза.

Бертольдъ молчалъ.

— Когда же у васъ украли облигацію? спросила она еще разъ.

Бертольдъ почти безъ чувствъ опрокинулся въ кресло и закрылъ лицо обѣими руками.

— Дѣло принимаетъ странный оборотъ,—сказалъ Ганеманъ. Объясните теперь вы, г. Бертольдъ, какъ согласить ваше обвиненіе и слова, которыя сейчасъ у васъ вырвались?..

Слова Ганемана привели опять Бертольда къ полному сознанию своего положенія. Онъ вскочилъ, гордо и угрюмо посмотрѣлъ на всѣхъ, и отрывисто отвѣчалъ:

— Я беру назадъ свое обвиненіе... я совсѣмъ забылъ... я вчера вечеромъ самъ отдалъ эту облигацію столяру... въ видѣ займа... въ видѣ подарка.

Съ этими словами онъ схватилъ шляпу и быстро ушелъ, сопровождаемый словами присутствующихъ:

— Негодяй!

— Бездѣльникъ!

— Гнусный человѣкъ!

Пужно ли рассказывать остальное? Блазь, Ганеманъ и Спотъ открыли у себя Гейнриху навсегда полный кредитъ. Черезъ два мѣсяца потомъ была свадьба Гейнриха и Маріи,—а Бертольдъ уѣхалъ въ Англію, гдѣ еще больше разбогатѣлъ. Когда же, черезъ годъ потомъ, у новобрачныхъ родился сынъ, прислана была по почтѣ, неизвѣстно отъ кого и откуда, въ подарокъ новорожденному Гейнриху, облигація англійскаго банка въ тысячу фунтовъ стерлинговъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Журналы и книги лѣтомъ. — Іюльскіе номера «Отечественныхъ Записокъ», «Библіотеки для Чтенія» и «Современника». — Сѣтованіе «Новаго-Поэта» о томъ, что у насъ нѣтъ будто-бы критики. — Послѣднія книжки «Москвитянина». — Движущіеся столы въ литературѣ. — Отшельникъ, истинное пропещіе, и новая брошюра о холерѣ.

Составитель постоянного обозрѣнія современной журналистики русской въ «Пантеонѣ» объявилъ читателямъ, въ прошедшей книжкѣ, что чувствуетъ необходимость отдохнуть одинъ мѣсяць, освѣжиться силами. Пишущій эти строки, библіографъ «Пантеона», также хотѣлъ послѣдовать соблазнительному примѣру критика журналовъ, тѣмъ болѣе, что въ «книжной» литературѣ, въ настоящее время, не явилось новостей, особенно замѣчательныхъ: но если всѣ сотрудники журнала потребуютъ отдохновенія, то и журналу придется опочить на лаврахъ. И такъ, волею-неволею, надобно сказать нѣсколько словъ о лѣтней нашей литературѣ, которая, платяобщую дань человѣческому утомленію, дремлетъ немножко, среди тяжелыхъ міазмовъ въ воздухѣ. Жестоко было-бы строго взыскивать съ нея, и не должно-ли все-таки сказать доброе спасибо неутомимымъ журналистамъ нашимъ, во-время выдающимъ свои объемистыя изданія, наполненныя отнюдь не хламомъ. Вотъ іюльскія ихъ книжки, произведенія самаго жаркаго, самаго неудобнаго для умственной работы мѣсяца въ году. Взглянемъ на нихъ мелькомъ, не больше, какъ взглянемъ—разбирать нечего, рано еще,—главнѣйше, все тянутся *продолженія*...

Въ «Отечественныхъ Запискахъ»—вторая часть романа г. Михайлова: *Марья Ивановна*, и окончаніе второй части романа Самюэля Варрена: *Тяжба* (переводъ съ англійскаго). Въ «Библіотекѣ для Чтенія»: *Лейтенантъ и поручикъ*, историческая повѣсть К. П. Масальскаго, не новость, потому—что, нѣсколько лѣтъ тому, два раза уже являлась въ «Сынѣ Отечества», не вполне впрочемъ. Въ Современникѣ, исключая *Тифлисской сабли*, повѣсти Я. Н. Полонскаго, талантливаго поэта-прозаика, третья статья *Исторіи генія*, д'Израэли, вторая статья *Путешествія по Польсью и Бѣлорусскому краю*, г-на Шпилевскаго, и четвертая часть романа Бульвера: *Разнообразіе англійской жизни*. «Петербургскія замѣтки», то-есть фельетонъ, занимаютъ въ «Современникѣ» 15, а въ «Отечественныхъ Запискахъ» 23 страницы мелкаго шрифта, и посвящены исключительно описанію дачной жизни и загородныхъ увеселеній, потому—что иныхъ новостей или интересовъ теперь не обрѣтается ни въ городѣ, ни за городомъ. Обѣ хроники прочтутся не безъ удовольствія любителями лѣтнихъ развлеченій. Эти статьи составлять очень трудно и коноптливо: онѣ приготавливаются въ самый краткій срокъ, за нѣсколько дней до печати, и потому всякія замѣчанія, если-бы послѣднія и могли представиться какому-нибудь черезъ-чуръ взыскательному читателю, отлагаемъ въ сторону, какъ неумѣстныя...

Позволяемъ себѣ только остановиться нѣсколько на извѣстныхъ «Замѣткахъ и размышленіяхъ Новаго-Поэта». Они всего состоятъ изъ девяти страницъ, и хвалятъ печатающійся въ «Современникѣ» романъ: *Рыбаки*, г. Григоровича, который, по словамъ Новаго-Поэта, стоитъ «на своей почвѣ *твердыми ногами*» (стр. 87). Здѣсь множественное число употреблено, вѣроятно, опискою или опечаткою... «*Ногою твердой*» статья при морѣ—сказалъ Пушкинъ въ своемъ «Мѣдномъ всадникѣ, и подобная фраза всегда требуетъ числа единственнаго. Новый-Поэтъ, между-прочимъ, вооружается противъ современной нашей критики:

«Ея (то-есть *ее*)—увы! нѣтъ въ нашихъ современныхъ журналахъ, потому—что нельзя же назвать критикой *напыщенныя фразы* и натянутый *навозъ* людей, усиливающихся сказать что-то глубокомысленное и новое, и безсознательно повторяющихъ зады; потому—что нельзя же назвать критикой сухія, *мрачныя* (?) и длинныя статьи... *серьёзныя* (?), скучныя (хотите не серьезныхъ, веселенькихъ)... отличающіяся дикими оборотами, напыщенностію... потому—что нельзя же назвать критикой эти безцвѣтныя библиографическія статейки, и эти вялыя глумленія надъ лубочными московскими романами и *различными* пошлыми стишонками,

и наши бѣглыя фельетонныя замѣтки» (стр. 90). Въ недостаткѣ критики негодующій Новый-Поэтъ упрекаетъ *всѣ* наши журналы, не исключая и «Современника». Жаль только, что, для ясности и отчетливости, онъ не указываетъ, гдѣ именно найдены имъ статьи *мрачныя*, съ *пафосомъ* и *напыщенностью*. Надобно договаривать, или неговорить напрасно, чтобъ самого справедливо не упрекнули въ безотчетныхъ фразахъ и недоказанныхъ восклицаніяхъ...

Далѣе Новый Поэтъ укоряетъ журнальныхъ критиковъ за то, что они не оцѣнили, т. е. не *переоцѣнили*, старыхъ нашихъ писателей, вновь изданныхъ Смирдянымъ. «Вотъ — въ заключеніе говоритъ онъ — г. Кукольникъ съ десятию толстѣйшими томами своихъ сочиненій... Но это еще не все его сочиненія: будетъ еще нѣсколько томовъ. Пусть критика объявитъ намъ положительно (ужь пора!) что такое эти десять томовъ? на сколько они обогатили русскую литературу? какое мѣсто занимаетъ авторъ этихъ десяти томовъ въ русской литературѣ?.. Рѣшеніе этихъ вопросовъ важно, потому-что мнѣніе о г. Кукольникѣ не установилось: одни не признаютъ въ немъ таланта, другіе говорятъ, что изъ всехъ сочиненій его самыя замѣчательныя — повѣсти изъ временъ Петра Великаго, что онъ добросовѣстно изучилъ эту эпоху; третьи безусловно восхищаются *всѣмъ*, что онъ ни написалъ, и при разсматриваніи какого-либо изъ новыхъ его сочиненій, называютъ его не просто г. Кукольникомъ, а *почтеннѣйшимъ Нестроломъ Васильевичемъ*; четвертые ставятъ его выше Пушкина, замѣчая, между-прочимъ, что онъ гораздо *ученѣе* Пушкина; пятые (находились и такіе!) становились передъ нимъ на колѣни и называли его русскимъ Гёте... Эти пятые, впрочемъ, я думаю, просто шутили. Но кому же, однако, вѣрить?.. Что такое эти *Торкваты-Тассы*, *Джули-Мости*, *Домипиканы*, *Санадзары*, *Солманы*, *Роксоланы*? Точно ли это поэтическія произведенія? Что такое эти толпы лицъ, выведенныя г. Кукольникомъ въ его повѣстяхъ, романахъ, комедіяхъ, поэмахъ, фантазіяхъ? Получили ли они право гражданства въ литературѣ? Есть ли въ нихъ на столько художественной жизни, на столько творчества, чтобы они могли безбоязненно выдержать прикосновеніе дѣльной критики?.. Что г. Кукольникъ имѣетъ талантъ, мы въ этомъ не сомнѣваемся. Доказательствомъ тому служить, между-прочимъ, успѣхъ почти каждаго изъ новыхъ его сочиненій; но мы теперь, созерцая эти десять томовъ, желаемъ, чтобы намъ опредѣлили *степень таланта* ихъ автора, чтобы намъ показали, какое мѣсто онъ можетъ занять въ русской литературѣ. Мы указываемъ на нихъ и призываемъ къ дѣлу критику» (стр. 91 и 92).

Потерпите, дайте срокъ! Надобно *перечитать* эти десять томовъ и

выждать выхода остальныхъ. «Поспѣшить — людей насмѣшить!» говорить русская пословица. Да если и напишутъ вамъ дѣльную критику по поводу этихъ десяти томовъ, признаетесь ли, сознаете ли вы, что она удовлетворительна? Вы нигдѣ не видите, или не хотите видѣть ни полсловечка дѣльной критики! То она кажется вамъ *мрачною*, то съ *навосомъ* и напыщенною. Каково это слышать намъ, усерднымъ, хотя и не «глубокомысленнымъ» библиографамъ? Вотъ, хоть бы, наиримѣрь, скромный нашъ «Пантеонъ», съ октября прошедшаго года постоянно представлялъ читателямъ подробные и обстоятельные разборы современныхъ литературныхъ произведеній. Въ немъ, между-прочимъ, съ полною добросовѣстностью и по крайнему разумію, рассмотрѣны были постепенно: *Тамаринъ*, г. Авдѣева; *Большая барыня*, покойнаго Вопляр-лярекаго; *Театраль*; *Очерки Волжскаго Низовья*, г. Небольсина; первые три тома *Исторіи войны Россіи съ Франціей въ 1799 г.*, твореніе гг. Михайловскаго-Данилевскаго и Милютина; *Біографія кн. Пожарскаго*, г. Смирнова; *Дочь булочнаго мастера*, романъ К. Г—на; *Давидъ Копперфильдъ*, романъ Диккенса, въ переводѣ г. Веденскаго; *Воспоминанія дѣтства*, повѣсти, и *Алексій Однорогъ*, историческій романъ г. Николая М.; *Повѣсти и рассказы* г. Писемскаго; *Изъ Рима въ Іерусалимъ*, соч. графа П. В. Адлерберга... Статьи о двухъ послѣднихъ книгахъ явились въ «Пантеонѣ» прежде нежели въ другихъ журналахъ, и мнѣнію его о свойствахъ и степени таланта г. Писемскаго не противорѣчили другіе критики. Вы ничего не замѣтили, *не хотите* замѣчать, и, разумѣется, готовы утверждать, печатно, что всѣ эти разборы никуда не годятся, что они *мрачныя, длинныя, съ навосомъ и напыщенностью*. Коротко спросимъ: чего же собственно, кромѣ правды и отчетливости, требуете вы отъ рецензентовъ, и почему сами, вмѣсто своихъ «замѣтокъ и размышленій», не пишете желаемой вамъ дѣльной, высокой критики? Покажите намъ, для подражанія, неукоризненный образецъ ея, — и мы смиремся, уступимъ, отдадимъ вамъ всѣ книги въ руки!

Статью свою Новый-Поэтъ заключаетъ извѣстіемъ о прекращеніи въ Сиб. Вѣдомостяхъ фельетоповъ Филарета Шаля, по поводу литературнаго процесса его съ г. Буловымъ (директоромъ *Revue de deux Mondes*).

Москвитянинъ продолжаетъ исправно выдавать по двѣ книжки въ мѣсяцъ. Въ 10-й читатель съ любопытствомъ пересматриваетъ біографическій очеркъ «А. С. Пушкинъ», очень впрочемъ коротенькій; въ 12-й матеріалы для біографіи Ломоносова и письма Жуковскаго, Воейкова, Дмитриева къ Ш. А. Маркевичу; въ 13-й новыя подробно-

сти о дѣвицѣ Лупаловой, героинѣ повѣстнаго романа г-жи Коттень и драмы покойнаго Полеваго «Параша-Сибирячка». Книжка эта открывается повѣстью *Деревенскія интриги...* Съ насъ довольно и городскихъ-литературныхъ. О «Москвитянинѣ» подробности поговорить въ-последствіи «Московскій Вѣстникъ», и всѣ замѣчательныя или требующія слова явленія современной журналистики нашей разсмотрятся въ ея специальномъ отдѣлѣ, который не замедлитъ, въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ, возвратиться на страницы «Пантеона», вмѣстѣ съ отдѣломъ библиографіи, устрашенной теперь внезапнымъ нападеніемъ Поваго-Поэта.

На этотъ же разъ примите, о читатель, синеходительно четыре нижеслѣдующія брошюры, не требующія обширныхъ разсужденій:

Отшельникъ. Истинное происшествіе, переводъ съ французскаго. Спб. 1853. Въ типографіи К. Вингебера. Въ 16-ю д. л. 85 стр.

Эксцентрическая исторія! Одинъ чудакъ удалился отъ свѣта въ-слѣдствіе того, что, влюбившись въ мать, которая была вдвое его старѣе, посватался за дочерью. И только! Для чего написана эта страшная книжка? Зачѣмъ переведена, и такъ красиво издава? Переводъ впрочемъ не дуренъ, за исключеніемъ немногихъ обмолвокъ; напримѣръ: «*вошедши въ эту удивительную обитель, мнѣ показалось*» и проч. (стр. 80).

Движущіеся столы. Пустячекъ въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе П. В. Сушкова. Москва, 1853. Въ университ. типографіи. Въ 8-ю д. л. 47 стр.

Движущійся столъ, сцены изъ современной московской жизни. Москва, 1853. Въ типографіи вѣд. моск. городск. полиціи. Въ 12-ю д. л. 70 стр.

Съ-тѣхъ поръ, какъ англичанинъ Западъ умудрился ходить по потолку, движеніе столовъ не составляетъ уже чуда, и въ Петербургѣ давно стало анахронизмомъ, всѣмъ наскучившимъ. Между тѣмъ московская драматургія не приминула воспользоваться сомнительнымъ и курьёзнымъ фактомъ. На сколько воспользовалась литература этими твореніями, не отвѣчаемъ прямо, чтобъ не огорчать авторовъ «Пустячка» и «Сценъ».

Вотъ, лучше, куплетецъ П. В. Сушкова:

Бывало женщину честили;
Теперь насъ цѣнять, не чествятъ;
Бывало головы кружили;
А нынче такъ столы кружатъ!...

Или—полстраницы изъ другаго фарса:

«Прельскій.—Въ моей диссертациі я подробно объясню это. Американцы напрасно приписываютъ себѣ честь этого открытія; оно, достоверно можно сказать, было извѣстно издревле русскимъ. Гадавья на ножицахъ и на караваѣ ясно доказываютъ, что предки наши знали этотъ опытъ, а старинная русская пѣсня:

Холи пѣза, ходи печь,
Хозяину негдѣ лечь!
Почала печка ходить,
За собой гостей водить.»

Пьеска оканчивается таковыми восклицаніями одного изъ дѣствующихъ лихъ, Калимаха Пахомыча: «Хорошо я имянины-то справилъ!.. Не-федь Кузмичъ уѣхалъ... разсердился изволилъ... гости все разошлись,—перессорились... Закуска по полу валяется... водка разбилась... для чего я только убытокъ *прималъ*... на свою шею... Вотъ тебѣ и движущійся столъ!»

Медико-практическія наблюденія, во-время господствованія холерной эпидеміи въ городѣ Павловскѣ Спб. губерніи, въ 1848 и 49 годахъ, составленныя докторомъ медицины, ст. совѣтн. Степаномъ Завадскимъ-Краснопольскимъ. Спб., 1853. Въ типогр. департамента внешней торговли. Въ 12-ю д. л. 48 стран.

Весьма дѣльная, полезная и хорошо, въ литературномъ смыслѣ, написанная брошюра. Приводимъ ея умное и любопытное начало:

«Во-время свирѣпствованія эпидемической холеры въ С. Петербургѣ, въ 1831 году, г. Павловскъ былъ свободенъ отъ ея владычества. Этому благоприятствовали разныя условія, какъ со стороны топографическаго положенія города, такъ и со стороны образа жизни его жителей. Въ то время еще не было проведено желѣзной дороги изъ С. Петербурга; а на разстояніи 29-ти верстъ отъ столицы, Павловскъ казался очень отдаленнымъ отъ нея. Лишь немногіе изъ петербургскихъ жителей посѣщали Павловскъ, а многіе знали о немъ только по слуху. Коренные же павловскіе жители весьма рѣдко посѣщали Петербургъ; тогда ихъ было еще немного, и все они вели жизнь патріархальную, составляя какъ бы одну семью, вовсе не заботясь о свѣтскихъ шумныхъ увеселеніяхъ. Близъ Петербурга, Павловскъ былъ единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ можно было вполне наслаждаться сельскою, самою разнообразною, самою роскошною природою, повсюду испещренною цвѣтами. Тихая, уединенная жизнь павловскихъ жителей была для нихъ наслажденіемъ. Гостепріимные жители не знали и не видѣли ничего, кромѣ олице-

творенной добродѣтели, Царственной Благодѣтельницы своей, въ Бозѣ почивающей, всѣми обожаемой Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Она давала имъ средства къ жизни, заботясь о здоровьѣ каждаго; а въ случаѣ болѣзни не только ихъ, но и всѣхъ безъ изъятія проживающихъ въ Павловскѣ, принимала живое участіе въ нихъ. По словамъ Ев. Матѣ. (Гл. VI, ст. 3), *Ея шуйца не въдала, что творила десница*. Во всемъ городѣ не было никакого трактира, отчего люди низшаго класса не имѣли случая портиться. Пьянство и воровство въ Павловскѣ были неизвѣстными пороками. Лѣтомъ не нужно было заперать ни оконъ, ни дверей дома. Тогда, въ большомъ саду, благородная дама прогуливалась одна, не заботясь ни объ особенномъ приличіи своего наряда, ни объ опасности отъ одинокой прогулки. И этотъ-то, почти невѣдомый, близъ Петербурга, земной рай, въ 1831 году былъ еще неизмѣненнымъ въ своемъ патріархальномъ бытѣ, данномъ ему самою природою и Августѣйшею его Покровительницею.

«Отъ Московекой дороги Павловскъ находится на разстояніи 8-ми верстъ, и тоже рѣдко былъ тогда посѣщаемъ проезжими; а въ эпидемію 1831 года, выѣстъ съ г. Царскимъ-Селомъ, былъ огражденъ карантинною цѣнью Образцоваго кавалерійскаго полка. Это было причиною того, что въ 1831 году ни въ Павловскѣ, ни въ Царскомъ-Селѣ холеры не было. Съ устройствомъ же желѣзной дороги все измѣнилось въ Павловскѣ: онъ сдѣлался какъ-бы частію столицы, и довольно многолюдною, особенно лѣтомъ. Сверхъ коренныхъ жителей его и постоянно пребывающаго въ немъ Образцоваго кавалерійскаго полка, въ лѣто 1848 года, гостило въ немъ около 450-ти семействъ. Отъ сближенія Павловска со столицею во всѣхъ отношеніяхъ, по причинѣ частой и скорой ѣзды по желѣзной дорогѣ; требующей на то лишь одного часа времени, все сдѣлалось общимъ: какъ удовольствія и выгоды, породившія добро, такъ и неудобства отъ многолюдства, познакомившія со зломъ. Вотъ отчего павловскіе, равно какъ и царскосельскіе жители не избавились, въ эпидемію 1848 года, этого всемірнаго бича — холеры! Но въ окрестныхъ деревняхъ Павловска, находящихся въ рѣдкихъ сообщеніяхъ съ Петербургомъ, и въ нынѣшнюю эпидемію, холеры вовсе не было.»

II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Древнiе и современники. — Фельетонъ и его антогонисты. — Дневникъ одного петербургскаго джентльмена. — Анахоретъ. — Екатерингофъ и дачи близъ Нарвской-заставы. — Напрасныя метаморфозы. — «Марьиная-роща», превращенная въ «Монплезиръ», и бывшая «Александриа», переименованная въ «Дорданъ». — Рыцарскiе праздники въ Любекѣ и тапцовальныя вечера въ Полюстровѣ. — Первое июля на Елагиномъ-островѣ. — Цевозмутная тишина въ Муринѣ и непрерывное движенiе въ Новой-деревнѣ. — Тамошнiе потѣшныя огни и бенефисы, живыя картины и восковыя фигуры. Аполлонъ и музы въ Павловскомъ воксалѣ.

Много ли мы знаемъ достовѣрнаго о частной и общественной жизни просвѣщеннѣйшихъ народовъ древняго мiра? У нихъ процвѣтали науки, искусства, но не было книгопечатанiя, журналовъ, газетъ; глашатаи громко кричали на площадяхъ, но голосъ ихъ замиралъ въ концѣ улицъ, и ужъ никакъ не доходилъ до потомства. Отрывчатая, мимоходныя или собственно случайныя, по предложенному вопросу, свѣдѣнiя, встрѣчаются лишь у нѣкоторыхъ древнихъ историковъ, повѣствователей и поэтовъ, преимущественно греческихъ и римскихъ. Неполнота и неудовлетворительность этихъ показанiй влекутъ за собою догадки и гаданiя, произвольныя выводы и сомнѣнiя, множество гипотезъ и мало аксиомъ. Не шевеля давно отжившихъ, въ мелкiй порошокъ истлѣвшихъ грековъ и римлянъ, минуя мрачный лабиринтъ глубокой старины, не забираясь ни вдале, ни вчужь, беремъ ближайшую, мѣстную точку исхода, напримѣръ, петербургское наводненiе 7 ноября 1824 года, которое, конечно, на точку не походило, и скромно спрашиваемъ: могли ли бы мы, дѣти той поры, представить положительныя и подробныя данныя для описанiя здѣшнихъ нравовъ лѣтъ за тридцать передъ настоящимъ? Правда, Гуттенбергово изобрѣтенiе не было на Руси новостью и въ 1624 году; газеты и журналы существуютъ у насъ цѣлый уже вѣкъ: но тогда русскiе повѣсти и романы едва возникали; журналами назывались брошюрки неопредѣленнаго состава; два-три раза въ недѣлю выходили какiе-то тщедушные листки, смѣсь мелкихъ извѣстiй, собранныхъ безъ порядка и цѣли; газеты же *ежедневныя*, въ бѣльшемъ форматѣ и съ значительнѣйшимъ содержанiемъ, появились въ недавнее время, на свѣжей памяти каждаго; еще позднѣе показался въ нихъ *фельетонъ*, словоохотливый, неумолчный вѣстовщикъ...

Не для чего рассказывать о его европейскомъ происхожденiи, отыскивать минуту первоначальнаго, незамѣтнаго его рожденiя, а потомъ развитiя, совпадающаго съ изобрѣтенiемъ паровыхъ машинъ и зажигательныхъ спичекъ. Онъ образовался постепенно, по-мѣрѣ потребности,

выражавшейся послѣдовательными измѣненіями въ общественномъ и частномъ быту... въ-слѣдствіе тѣхъ же условій учредился наконецъ и у насъ, лѣтъ за двадцать тому, мало-по-малу приобретаемая существенность содержанія и совершенствуясь въ формѣ; сначала онъ пріютился въ газетахъ, а въ-послѣдніе годы перешелъ и въ другіе литературные современники, сдѣлался ихъ общимъ достояніемъ и необходимостью, потому-что обязанность его говорить обо всемъ новомъ, или занимающемъ публику въ извѣстный моментъ. Зимой онъ описываетъ балы, маскарады, спектакли; во-время поста — концерты; весною — оживленный тротуаръ невскаго проспекта, и обнаженные липы Лѣтняго-сада, вспоминаетъ зиму и живетъ надеждами лѣта, а лѣтомъ, вмѣстѣ съ публикою, переселяется за городъ..

За что бы, кажется, быть на фельетонъ въ претензіи? Малый онъ добрый, не глупый, не невѣжда, а главное — неутомимый. Безъ-устали рассказываетъ онъ вамъ, такъ и сякъ, все, что интересуетъ васъ болѣе или менѣе, изображаетъ вашу собственную жизнь въ обществѣ, еще интереснѣйшую для тѣхъ, кто въ суетѣ мірской личнаго участія не принимаетъ, по отдаленности ли отъ центра ея, или по недостатку средствъ пользоваться столичными развлеченіями. Довольны имъ современники, потому-что смотрятъ въ него, словно въ зеркало, хотя онъ полъ часъ строить гримасы и показываетъ языкъ; будетъ не безъинтересенъ, не бесполезенъ онъ и внукамъ современниковъ, какъ свидѣтельство объ образѣ жизни и правахъ ихъ отцовъ и дѣдовъ; статья можетъ, скажутъ ему спасенію грядущіе историки и романисты, потому-что, неоспоримо, при богатствѣ матеріаловъ, гораздо легче будетъ написать какую-нибудь монографію или повѣсть изъ временъ половины XIX столѣтія, нежели изъ временъ Немрода, Аскольда или боярина Кучки, слывшаго основателемъ первобытной, въ видѣ селенія, Москвы...

За что бы, право, слишкомъ нападать на невинный фельетонъ? Нѣтъ, такъ выяскались безпощадные зоплы и критиканы!.. «Все описываютъ намъ петербургскія увеселенія!» восклицаютъ или вопрошаютъ эти безвѣстные судьи, безавторитетные цѣнители. Не плакать же намъ съ вами, велемудрые господа, не выдумывать для васъ небывальщину, когда современность и безъ того хитра на выдумки.

Добро бы эти противники фельетонистовъ укоряли ихъ въ бездарности, неловкости, неумѣнн разсказывать новости, замѣчали бы, что фельетонъ, повидимому, самый легкій — вмѣстѣ съ тѣмъ самый трудный родъ прозы, нелишенный поэзіи, требующій ума зорко-наблюдательнаго, таланта, сколько разнообразнаго, столько же гибкаго и оборотливаго. Они ничего не замѣчаютъ, ничего не видятъ, повторяя только

свое стереотипное обвиненіе: «зачѣмъ петербургскіе фельетонисты описываютъ зимою — зимнія, а лѣтомъ — лѣтнія удовольствія?» Странное неудовольствіе, заставляющее предполагать, не желаютъ ли зоицы, чтобъ зима изображалась лѣтомъ, а лѣто зимою? Что жъ, и такъ можно, для противоположности, и выйдетъ недурно, подъ перомъ по-искуснѣ пера угрюмыхъ, не любящихъ веселости критикановъ!

Позвольте вступиться за бѣдныхъ петербургскихъ фельетонистовъ. Они нерѣдко дѣлаютъ болѣе, нежели должно ожидать и требовать, въ иную глухую пору, не обильную новостями: они, для такой оказіи, отменно выучились, что—называется, *толочь воду*, то—есть, изъ *ничего* создавать *нѣчто* или *шито*, и мастера, не хуже французовъ, поразсказать о томъ, о семъ, а пуще ни о чемъ; значить, у нихъ есть слогъ, манера, приемы. Если же, ко всему этому, посчастливится напасть и на *содержаніе*, то вамъ, безъ сомнѣнія, подносятъ блюдо, приготовленное изъ отборнаго куска свѣжаго мяса, приправленнаго вѣрными спеціями, и подъ соусомъ кисло-сладко-горькимъ...

Фельетоны, какъ всякому извѣстно, бываютъ общіе и частные или спеціальныя. Въ первыхъ трактуется обо всемъ, по произволу и выбору автора, и это фельетоны наименѣ затруднительныя, потому—что онъ властенъ переходить, для разнообразія, отъ предмета къ предмету: отъ наукъ къ искусствамъ, отъ нихъ къ литературѣ, и отъ высшей философіи или идеальнѣйшей поэзіи къ соленымъ огурцамъ и пареной рѣпѣ. Винегретъ у Вольфа и палкинская окрошка не могутъ быть вкуснѣ такого энциклопедическаго фельетона. Иное дѣло частный, для одного лишь предмета предназначаемый. За примѣромъ не далеко ходить. Возьмемъ «Пантеонъ». Его «Петербургскій Вѣстникъ» состоитъ изъ четырехъ фельетонныхъ отдѣловъ, отданныхъ въ аренду *журналистикъ, библіографіи, общественной жизни* и *музыкѣ*. Лѣтомъ «Пантеонъ» выходитъ безъ музыки, не разбирая «садовыхъ» полекъ и «воздушныхъ» вальсовъ; но журналы и книги продолжаютъ выходить круглый годъ, а жизнь общественная не прекращается и въ холеру, къ которой мы какъ-то попривыкли съ 1848 года. Каждый отдѣлъ занимается исключительно своею спеціальностью и въ предѣлы другаго хищнически не вторгается; да и зоицамъ тутъ поживы не будетъ: они не въ правѣ потребовать, чтобъ библіографія толковала о рыбныхъ промыслахъ, «журналистика» описывала биржу или толкучій рынокъ, «музыка» пускалась въ разсужденіе объ анатоміи или астрономіи, и, наконецъ, чтобъ отдѣлъ «общественной жизни» не смѣлъ и заикаться объ увеселеніяхъ... Пусть это не нравится лично тѣмъ, которые важно осуждаютъ другихъ за то, чего сами не хотятъ, не

могутъ или не умѣютъ дѣлать, хотя они, возставая противъ фельетонистовъ, незамѣтно пишутъ не что другое, какъ фельетонъ же, только, къ сожалѣнію, плохой — пусть ихъ! Не обращая ни малѣйшаго вниманія на выходы, будемъ продолжать свою простую, беззатѣйную лѣтопись, внося въ нее или собственные замѣтки, или наблюденія другихъ. На этотъ разъ охотно устунаемъ обязанность нашу одному пріятелю, обязательно сообщившему намъ выдержки изъ дневника своего. Не позволяемъ себѣ измѣнить въ нихъ ни слова. Авторъ не извѣстенъ въ литературѣ, не печатаетъ своихъ досужныхъ писаній, но это не мѣшаетъ ему знать грамоту, по меньшей мѣрѣ, не слабѣе всѣхъ насъ, первыхъ изъ послѣднихъ и послѣднихъ изъ первыхъ. Онъ человѣкъ пожилой, бывалый, знакомый съ людьми и свѣтомъ, по книгамъ и на практикѣ, и, какъ свои пять пальцевъ, изучившій Петербургъ, въ которомъ выросъ, возмужалъ и состарѣлся. Раннія морщины и просѣды не занесли еще холода въ его сердце... но намъ неудобно расхваливать пріятеля, — съ одной стороны, чтобъ не заподозрить подлинность его существованія, съ другой, чтобъ не смутить его скромность. Вотъ онъ самъ, на-лицо, съ своимъ добровольнымъ фельетономъ-дневникомъ...

29 мая. Рѣшено. И въ нынѣшнемъ году, по примѣру прошлыхъ, я не выѣзжаю на дачу, остаюсь въ городѣ, которому принадлежу ежедневно, отъ утра до вечера, добросовѣтно исполняя принятыя мною на себя обязанности и заботливо устранивая свои дѣла. Какая же тутъ дача, когда надобно вставать съ первымъ лучемъ денницы, и снова ложиться въ постель передъ закатомъ солнечнымъ, послѣ поздняго обѣда, чтобы этимъ дневнымъ отдохновеніемъ возобновить утомленныя утреннимъ трудомъ силы, возобновить ихъ и для необходимаго вечерняго развлечения, и для предстоящей ночной работы...

Вотъ такъ-то проходитъ жизнь моя, въ-теченіе многихъ, многихъ лѣтъ; такъ-то, не лучше, не хуже, проводитъ ее, во всемъ мірѣ, большинство человѣчества, и вѣчно оправдывается знаменательное слово за-вѣта: «въ потѣ чела будешь снискивать хлѣбъ свой!»

Но не о томъ дѣло: рѣшеніе мое самое благоразумное — можно постоянно жить въ городѣ, и ежедневно бывать за городомъ; къ тому жъ, я такъ люблю свою городскую квартиру, своихъ «ларь» и «пенатовъ», свой удобный кабинетъ и свое холодное, жѣсткое «ложе», котораго не промѣняю на самое пышное, изъ лебяжьего или гагачьяго пуха, подъ роскошною завѣсою изъ драгоцѣннѣйшей ткани.

7 юня. Почти каждый вечеръ я ѣзжу куда-нибудь на дачу, или, правильнѣе никуда, то-есть, странствую безъ цѣли, *fagniente*, собственно для освѣженія себя чистымъ воздухомъ, для отраднаго взгляда на зелень, на деревья, на цвѣты, на голубую воду рукавовъ Невы, которая тамъ, между живописными берегами, течетъ быстрѣе, привольнѣе и прозрачнѣе, нежели въ мутныхъ потокахъ городскихъ каналовъ, скованныхъ гранитомъ и покрытыхъ барками съ грузомъ дровъ... Чѣмъ дальше въ лѣсъ, или, другими словами, чѣмъ дальше за городъ, тѣмъ душѣ моей легче, тѣмъ я дышу свободнѣе, живѣе.. Изъ Лѣтняго-сада пробираюсь я въ Александровскій-паркъ, гдѣ безцеременно и непритязательно прогуливаются смиренные обитатели ближайшихъ улицъ Петербургской-стороны, прохладяясь или согрѣваясь чаемъ въ кофейной и снисходительно слушая играющую на ея балконѣ фальшивую музыку... Изъ парка отправляюсь на Петровскій, а оттуда на другіе острова, то пѣшкомъ, то въ пролеткахъ, которыя за мною слѣдуютъ, по гладкому шоссе и по довольно-умѣренной цѣнѣ; иногда вагонъ царскосельской желѣзной дороги переносятъ меня въ Павловскъ, гдѣ я пахожу что-то похожее на дѣйствительную природу, украшенную искусствомъ, а неуклюжіи дилижансы тащитъ въ Парголово, гдѣ горы не подпираютъ облаковъ и на Парнасѣ нѣтъ поэзій, или къ Лѣсиному-институту, вблизи котораго играетъ оркестръ Шиндлера, когда, между тѣмъ, окрестъ ничто не представляетъ игры воображенію; порою, плыву на пароходѣ къ волшебнымъ садамъ Петергофа, шумящимъ фонтанамъ, заглушающимъ мѣрный, выразительный прибой волнъ широкаго залива. Если прогулка или поѣздка моя была не отдаленная, то около полудни я уже дома... пересматриваю газеты, перелистываю журналы, дѣлаю выписки, извлеченія въ свою огромную тетрадь, заключающую въ себѣ четверть вѣка замѣтокъ и добрую половину мудрости человѣческой... зѣваю надъ нею,—надъ мудростью или тетрадью, все-равно,—принимаюсь потомъ за дѣла прозаическія, и часу въ третьемъ или четвертомъ, отхожу наконецъ ко сну. Случается, закипитъ въ немъ кровь, и глупая, непрошенная греза вдругъ пробудитъ давно угасшую молодость съ ея призраками, обманчивыми, но плѣнительными...

9 юня.— Слушалъ на «Водахъ» элегію и венеціанскій карнаваль, разыгранные на флейтѣ г. Совле; тутъ, не во снѣ, а на яву, припомнилось мнѣ далекое мое дѣтство, когда я, «мальчикомъ у ручья», самъ дулъ въ какую-то дудочку, и воображеніе пригнало звуки пастушескаго рожка, нарисовало въ памяти нашу деревню, наши родныя горы и озѣра... тѣни матушки мелькнула передъ моими глазами, на нихъ проступили забытыя гости, слѣзы, и я поспѣшилъ скрыться изъ тол-

пы, которая никогда не плачетъ, ищетъ вездѣ не трогательнаго, а смѣшнаго; и пришлось бы смѣяться, еслибъ было иначе...

Черезъ недѣлю. Опять на «Водахъ». Бенефисъ Ивана Гунгля, который угощалъ *вальсомъ-преферансомъ, полькою-пигмалиономъ и русскою мелодіей*, на сколько удается она нѣмцамъ...

Спустя двѣ недѣли. «Увлекаемый толпою», я таки частенько посѣщалъ Новую-деревню, гдѣ можно повстрѣчать много знакомыхъ и, безъ большой скуки, созерцать незнакомыхъ. Но о Новой-деревнѣ когда-нибудь послѣ. Июнь прошелъ. Дни, недѣли, мѣсяцы быстро утекаютъ, невидимо слагаясь въ годы. Двѣ трети жизни ускользаетъ незамѣтно, хотя не всегда летишь на крыльяхъ счастья...

6 июля. Ну, ужъ денекъ выдался вчера!.. хотя и праздничный, но ничего «увеселительнаго»... зато свиданіе съ стариннымъ товарищемъ, съ которымъ лѣтъ двадцать не встрѣчался... я даже совершенно потерялъ было его изъ виду и памяти, и во все это время ни разу съ нимъ не столкнувшись, имѣлъ достаточное основаніе предполагать, что его, вѣроятно, давно нѣтъ въ Петербургѣ, а можетъ-быть и въ живыхъ... вдругъ слышу, что онъ живѣхонекъ, цѣлехонекъ, не думалъ покидать столицы, и пребываетъ если не въ самомъ Петербургѣ, то подъ самымъ Петербургомъ; не то въ помѣстьѣ, не то на дачѣ, не то въ лѣтне-зимнемъ загородномъ домѣ, устроенномъ на хозяйственную ногу; изъ этого уединеннаго жилища, зимою и лѣтомъ, каждое утро держитъ онъ, по дѣламъ, путь въ городъ, и часа въ четыре пополудни, къ обѣду, возвращается въ свой оригинальный пріютъ. При этомъ мнѣ объяснили, что сказанныя дѣла, какіе-то обороты, неукоризненно чистые и честные, ведетъ онъ сколько искусно, столько же удачно, приобрѣлъ состояніе и живетъ въ довольствѣ, хотя и на своей, нѣсколько эксцентрической ладъ; въ заключеніе прибавили, что этотъ пригородный аناхоретъ интересуется мною лично и жалѣетъ, что мы совершенно разошлись. Такимъ-образомъ подстрекнули мое любопытство и самолюбіе, и я рѣшился возобновить знакомство и отношенія, давненько прерванныя. Мы когда-то, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, служили вмѣстѣ и были, какъ говорится, хороши между собою; онъ оказывалъ мнѣ что-то въ родѣ сочувствія или дружбы, которой—не израсно ли утвердилось повѣрье—на бѣломъ свѣтѣ не годится, и которая всегда въ черный день измѣняла. Припомнилъ я себѣ этого стариннаго доброжелателя моего... когда мы разстались, ему было лѣтъ тридцать или подъ тридцать... небольшого роста, крѣпкій, здоровый, съ черными, какъ смоль, волосами и бакенбардами, содержимыми рачительно... одѣтый прилично, но безъ малѣйшаго франтовства... трудолю-

бывшій, способный, точный, степенный и характерный, любившій иногда потолковать о литературѣ, исторіи и политикѣ.

Вотъ какой портретъ вертѣлся въ моей памяти, какъ кружащійся столъ отъ прикосновенія пальцевъ или силы воображенія. Но сколько воды утекло съ-тѣхъ-поръ, совершилось событій, міровыхъ и мірскихъ!

Мысль и воспоминанія человѣческія имѣютъ птичье свойство быстро пролетать огромныя пространства мѣста и времени. Для «субъекта» сколько-нибудь образованнаго — а я не изъ числа самыхъ крупныхъ невѣждъ — открывается неизмѣримая даль виѣ предѣловъ личнаго его существованія, міръ историческій и фантазіи. Наканунѣ чередъ моей вечерней прогулки перекинулъ меня въ Екатерингофъ... съ бельведера павильона львовъ, любуясь картиною видныхъ оттуда, почти какъ на ладони, залива съ Кронштадтомъ, Петербурга съ его громадами и островами, красносельскихъ горъ, Стрѣльны, Сергіевской-пустыни, уметвенными взорами, я то переносился за моря и горы не сосѣднія, то въ вѣкъ Петра, такъ живо напоминаемый дворцомъ его въ Екатерингофъ, со старинною мебелью, которая ему служила, съ вещами, къ которымъ онъ прикасался, и опочивальней, въ которой отдыхалъ послѣ трудовъ на пользу, честь и славу Россіи...

Однакожъ, надобно было сойти съ высоты, съ бельведера. Блуждая тамъ и сямъ, по этому безконечному саду, то въ его тѣнистыхъ аллеяхъ, то вдоль береговъ, вблизи которыхъ, въ 1703 году, одержана основателемъ Петербурга первая надъ шведскимъ флотомъ побѣда, сначала я попалъ въ скверъ, гдѣ играло и рѣзвилось очень миловидное, подроставшее поколѣніе, дѣвочки въ коротенькихъ панталончикахъ, и мальчуганы въ длинныхъ рубашечкахъ, — а потомъ на забавы взрослыхъ у итальянской кофейной съ круговымъ ходомъ и «бальнымъ» оркестромъ г. Мейера; танцующихъ впрочемъ тутъ не оказалось, и подъ звуки «бального» мужички грызли орѣхи, какія-то женщины кусали палочки шоколада, расхаживали нѣмцы съ безмолвіемъ и сигарами во рту, и разные, неопредѣленныхъ сословій, русскіе въ нѣмецкомъ платьѣ, внимательно слушавшіе національныхъ пѣсенниковъ, устами своими, при дневномъ свѣтѣ, зажигавшихъ «лучинушку»; медленно проходя мимо одной любопытной группы, я случайно подслушалъ разговоръ о томъ, какъ здѣсь недавно пускали маленькіе воздушные шары, при благопріятныхъ обстоятельствахъ залетавшіе выше березы, а при неблагопріятныхъ спокойно помѣщавшіеся на суку ея... Кто-то изъ разсуждавшихъ объ этомъ вспомнилъ, кстати, о прошлогоднихъ воздухоплаваніяхъ въ обширнѣйшемъ размѣрѣ, о настоящихъ аэростатахъ, уно-

сившихъ въ страшную высь смѣлыхъ авантюристокъ, которымъ некуда уже было падать и которые потому отважно подымались къ облакамъ...

Эта безцвѣтная прогулка происходила наканунѣ другой, нѣсколько болѣе характеристической, хотя и не составлявшей «драмы». Впрочемъ тутъ было одно «печальное положеніе», одно страдательное дѣйствующее лицо: печальное положеніе приходилось на мою долю, страдательное лицо былъ я самъ. Теперь можно смѣяться, играть словами, а вчера чуть я не очутился лицомъ къ лицу съ злодѣйкою холерою, если вѣрить, что ближайшій проводникъ къ ней—сильная простуда.

Все утро отняли у меня незваные, неожиданные и не довольно пріятные посѣтители, которые въ праздничные или воскресные дни ловятъ дома людей занятыхъ, курятъ у нихъ сигары и завтракаютъ... Едва часу въ третьемъ успѣлъ я освободиться отъ этой саранчи, поѣдающей не только ваши завтраки, но и время, вещь, которую нельзя ни купить, какъ сотню устрицъ, ни продать за полцѣны, какъ заемное письмо, ни заложить, какъ испорченные часы, вмѣющіе странную привычку останавливаться у ломбарда. День былъ весьма порядочный, не обѣщавшій грозы, съ нетерпѣніемъ ожидаемой сгущенною атмосферою Петербурга, или обыкновеннаго ненастья, терпѣливо, во всякую пору, ожидаемаго извозчиками, умѣющими изъ грязи извлекать полтинники. Короче, я запасся зонтикомъ не столько изъ предосторожности отъ дождя, сколько для защиты отъ солнца...

Предчувствуя или угадывая въ этотъ день добычу, извозчики гордо отвѣчали на мои «скромныя» предложенія и ломали, что называется, страшную цѣну за разстояніе, не превышавшее десяти верстъ въ одинъ конецъ. Конецъ, правда, не ближній; но, по моимъ соображеніямъ, основаннымъ на опытѣ, трехрублевый былъ бы достаточнымъ вознагражденіемъ аз удовольствіе прокатиться десять верстъ въ дрожкахъ, везомыхъ какою-нибудь хромою и тощею клячей. Я поставилъ на своемъ, и пройдя версты полторы, сошелся въ кондиціяхъ съ однимъ благонамѣреннымъ ванькой, не зараженнымъ еще современною страстью къ непомѣрному любостяжанію...

Лишь только успѣлся я въ дрожкахъ, и распустилъ зонтикъ надъ головою, въ предохраненіе ея отъ «палящихъ лучей знойнаго солнца», какъ онъ мгновенно вырванъ былъ изъ рукъ моихъ внезапнымъ порывомъ откуда ни взявшагося самаго неприличнаго и заносчиваго вѣтра, который одновременно съ тѣмъ засыпалъ глаза мои пылью.

То было начало бѣдствій прихотливаго дня. Безъ малѣйшаго ропота, хотя и совершенно безъ всякаго удовольствія, слѣзъ я съ дрожекъ для поднятія зонтика, который, будто обрадовавшись свободѣ, волчкомъ

прыгалъ по землѣ. Свернувъ его и возвратившись къ моему возницѣ, я въ правѣ былъ считать себя безопаснымъ отъ дальнѣйшихъ покушеній «игриваго зефира», но не догадался, при этой увѣренности, крѣпче надвинуть на лобъ шляпу, и она, не замедливъ слетѣть съ него, быстро завертѣлась по тротуару, какъ-будто бы къ ней вдругъ прикоснулось двадцать самыхъ магнетическихъ рукъ, изъ числа тѣхъ, которыя успѣшно занимаются вращаніемъ столовъ. Безъ неумѣстной досады, но съ явною неохотою принужденъ я былъ снова покинуть свое сѣдалище, поймалъ шляпу, и такъ нахлобучилъ ее на глаза, что они едва могла созерцать видимое и невидимое въ крутящихся столбахъ вихря, вздымавшаго облака пыли...

Спустя минутъ пять, у извозчика моего сперва распряглась лошадь, потомъ оборвались возжи, и наконецъ соскочило одно изъ переднихъ колесъ; все у него оправдывало пословицу: «дешево, да гнило», и я начиналъ уже упрекать себя въ скупости, но миновавъ заставу безъ дальнѣйшихъ приключеній, и замѣчая, что погода унимается, сталъ понемногу утѣшаться... воображеніе льстиво подсказывало мнѣ вѣроятныя подробности пріятнаго свиданія съ стариннымъ сослуживцемъ и рисовало привлекательную картину предстоящей теплой бесѣды...

На пятой верстѣ мечты эти нѣсколько возмущены были недоразумѣніями, возникшими между мною и ванькой, котораго благонамѣренность оказалась сомнительною. Прикидываясь простякомъ, онъ пустился въ нескладное объясненіе, будто бы не хорошо понялъ, куда именно панялся отвезти меня, и ни съ того, ни съ сего потребовалъ прибавки. Спокойно, но твердо я отвѣчалъ ему, что онъ пріобрѣтетъ только половину условленнаго, если не обратится къ правиламъ честности. Несмотря на всю отвлеченность этого возраженія, ванька достаточно уразумѣлъ меня и прекратилъ свои несправедливыя сѣтованія и требованія. Приближаясь къ цѣли поѣздки, я поставленъ былъ въ необходимость, останавливаясь по-временамъ, предлагать, прохожимъ вопросы касательно опредѣлительнаго пункта или мѣстоположенія дачи, на которую ѣхалъ. Получивъ сбивчивыя указанія и неясныя адреса, я заблагодарилъ проститься съ своимъ недовольнымъ возницей, и направилъ стопы къ ближайшему «заведенію», гдѣ разомъ могъ удовлетворить двумъ потребностямъ: во-первыхъ, привести въ благообразіе личность свою и туалетъ, ощутительно потерпѣвшіе отъ пыли; во-вторыхъ, спросить объ отыскиваемой дачѣ. Вода, полотенце, щѣтка и языкъ половаго, цѣною гривенника, отлично послужили мнѣ въ обоихъ отношеніяхъ, и черезъ пять минутъ, на воротахъ сосѣдняго жилища, я, не безъ нѣкотораго волненія, прочиталъ фамилію, которая вѣкогда крупно расчерки-

валась въ скрѣпахъ бумагъ канцеляріи, впервые познакомившей меня съ условіями дѣловаго изложенія...

Волненіе мое увеличилось, когда я вошелъ въ полутемную прихожую, гдѣ случайно встрѣченъ былъ дамою среднихъ лѣтъ съ волосами золотистаго отлива, какъ у Адриенны Кардовиль, и привлекательными чертами меланхолическаго лица. Я догадался, что имѣю честь видѣть супругу... вторую супругу моего знакома, который, по дошедшемъ до меня свѣдѣніямъ, лѣтъ десять тому, лишился первой...

— Вы по дѣлу, вѣроятно? спросила она тихимъ, немного болѣзненнымъ голосомъ.

— Такъ точно,—отвѣчалъ я, чтобъ не вдаваться въ длинныя объясненія, и торопливо снимая пальто, неволью подумалъ: сюда конечно, безъ дѣла, безъ существенной надобности, не ѣздить и не ходить.

— Пожалуйте въ залу, мужъ мой тамъ, прибавила добрая женщина, и скрылась въ смежномъ корридорѣ.

Я вошелъ въ большую квадратную комнату, по множеству оконъ похожую на фонарь, а по убранству диванами и креслами на залу не похожую, и едва показавъ въ дверяхъ, какъ съ одного изъ креселъ, не торопливо, но и безъ медленности, не важно, но и не безъ чувства собственного достоинства, навстрѣчу мнѣ поднялся плотный, здоровый, средняго роста, пожилой мужчина, съ густыми бакенбардами и въ шарикѣ...

Мы узнали другъ друга съ перваго взгляда, и свидѣлись такъ спокойно, такъ равнодушно, какъ будто бы разетались не двадцать лѣтъ тому, а вчера только. Встарину, послѣ долгой разлуки, давніе знакомцы бросались другъ къ другу въ объятія... у насъ же, по-крайней-мѣрѣ съ его стороны, не обнаружилось ни малѣйшаго движенія или поползновенія къ чему-нибудь подобному; не помню даже, подалъ ли онъ мнѣ руку, и протянулъ ли я ему свою...

— Прошу покорно садиться, сказалъ онъ, съ замѣчательнымъ безстрастіемъ, съ чрезвычайною, хотя и холодною учтивостью, указывая на кресло близъ главнаго дивана, гдѣ помѣщался уже какой-то почтенный господинъ, умной и благородной наружности.

Раздѣлявшій насъ круглый столъ озарился какимъ-то страннымъ сіяніемъ, не то отъ лучей солнечныхъ, не то отъ огня каминнаго... но солнце не свѣтило, и ни огня, ни каминна въ комнатѣ не оказывалось. Откуда же этотъ эксцентрическій отблескъ?

Осмотрѣвшись хорошенько, я мигомъ смѣкнулъ причину непонятнаго явленія: по другую сторону стола сидѣлъ низенькій, худощавенькій джентльменъ, обладавшій необыкновенно рыхлыми, почти крас-

ними, огненного цвѣта волосами, которымъ соотвѣтствовали его галстухъ и жилетъ, тоже очень яркіе. Въ добродушѣйшихъ, чтобъ не сказать «умилительныхъ» чертахъ лица его нельзя было не замѣтить нѣкотораго родственнаго сходства съ госпожею, привѣтствовавшею меня въ прихожей...

Минуто или двѣ длилось молчаніе. Пламенный джентльменъ радужно улыбался; почтенный господинъ, задумчиво склонивъ голову, сложилъ руки подъ грудью; хозяинъ, опустивъ глаза къ полу, устланному весьма порядочнымъ ковромъ, вертѣлъ между пальцами маленькую золотую табакерку; я, тѣмъ временемъ, разсматривалъ комнату, въ которой царствовали порядокъ, чистота, симметрія, но все притомъ было какъ-то холодно, мертво и пустынно.

На столѣ лежалъ старый номеръ Сѣверной Пчелы, и изъ столбцовъ ея выглядывалъ какой-то интересный вопросъ. Я ухватился за него, какъ за предлогъ къ завязкѣ разговора, находя слишкомъ обветшалымъ начинать его съ погоды или съ холеры... Хозяинъ издалъ какой-то глухой звукъ, почтенный господинъ коротко выразилъ какое-то неопредѣленное мнѣніе, зато рыженькій словоохотно распространился, не хуже иностраннаго газетчика, толкующаго впрямь и вкось, ради наполненія листа болтовнею «современнаго интереса». Отъ сказаннаго вопроса почтенный господинъ, можетъ-быть, педагогъ, неизвѣстно какимъ путемъ, повернулъ разсужденіе къ воспитанію юношества, потомъ къ Платону и Периклу и наконецъ къ Гораціямъ и Куріаціямъ. Рыженькій джентльменъ, очевидно во всемъ одинаково свѣдующій, не затруднялся выводами и рѣшеніями. Хозяинъ, отъ-времени-до-времени, испускалъ односложное слово или значительно кивалъ головою, размышлявшею, казалось, о чемъ-то иномъ, безъ сомнѣнія о новомъ, занимавшемъ его дѣлѣ или оборотѣ; методически приласкалъ вошедшую было въ комнату малолѣтнюю дочку свою, и мѣрно, черезъ каждыя пять минутъ, нюхалъ табакъ.

Съ любопытствомъ вперялъ я взоръ въ своего стариннаго знакома. Все въ немъ было оригинально и замѣчательно: его заботливо приглаженный парикъ, въ которомъ не отдѣлялось ни одного волоска; воротнички, ровно подпиравшіе подкрашенные бакенбарды; камлотовый сюртукъ, застѣгнутый на все пуговицы, новенькій, чистенькій, безъ морщинки и складки; руки неукоризненной бѣлизны, съ рачительно подстриженными ногтями; сапоги, блиставшіе какъ черное зеркало... приемы, движенія, исполненныя обдуманности и расчитанности, важная молчаливость, медленная, спокойная рѣчь. Двадцать лѣтъ измѣнили его.

Онъ казался философомъ, не «безъ огурцовъ» однакожъ, обильно производимыхъ его огородомъ.

Я не клалъ шляпы; меня не просили положить ее, и я выжидалъ удобнаго мгновенія, чтобъ встать и откланяться; вдругъ вошла хозяйка и пригласила всѣхъ—въ столовую. Хозяинъ молча взялъ меня подъ руку, какъ будто я былъ частый, обычный гость, заранѣе приглашенный къ обѣду...

Я не противился, потому-что отъ хлѣба-соли отказываются только люди снѣсные или потерявшіе аппетитъ, и рѣшился подражать хозяину въ его автоматической роли. За столомъ, послѣ втораго блюда, почтенный господинъ былъ не только уменъ и ученъ, но и любезенъ, а словоохотливость и энциклопедическія познанія рыженькаго достигли крайняго развитія... Отъ двухъ, трехъ рюмокъ хереса онъ сталъ еще краснѣе и воспламенительнѣе: я такъ и боялся какой-нибудь вешки, впрочемъ не опасной, потому-что на дворѣ шелъ проливной дождь. Трапезу нашу мы совершали въ полутемнотѣ: сырая погода не позволяла открыть оконъ, выходившихъ въ садъ, гдѣ деревья, цвѣты и трава жадно принимали въ себя благодатную влагу, долженствовавшую освѣжить тяжелый, душный воздухъ, и растворить растительность живительному благоуханію. .

Кромѣ описанныхъ выше лицъ, безмолвную часть сотрапезниковъ составляли двѣ маленькія дочери угрюмаго амфитріона и дѣвушка лѣтъ семнадцати, съ блѣднымъ, печальнымъ лицомъ и съ выраженіемъ въ чертахъ его безотвѣтной покорности — то, вѣроятно, была или близкая родственница хозяина, или дочь его отъ перваго брака. Я смотрѣлъ на нее съ участіемъ.

Старинный сослуживецъ мой, въ кругу своего сложнаго семейства, не дѣлалъ никому различія въ обращеніи, одинаково, съ соблюденіемъ личнаго достоинства, благосклонный ко второй женѣ, ко всѣмъ дѣтямъ и—гостямъ. Ни почтенный господинъ, ни рыженькій говорунъ, угрожавшій волосами своими зажечь скатерть и всю дачу, ни я, посѣтитель неожиданный, не воспользовались отъ него ни малѣйшею льготою. Уклончивый, экононый въ словахъ, онъ изрѣдка обращался къ каждому съ отмѣнною разборчивостію,—изысканною, но не приторною и не навязчивою вѣжливостію. Вотъ, въ-самомъ-дѣлѣ, *характеръ!* подумалъ я, — характеръ, выработанный временемъ, обстоятельствами и опытомъ...

Напрасно всячески старался я втянуть его какъ-нибудь въ разговоръ, въ словопреніе; употребляя всевозможныя средства, прямыя и

ковенныя, чтобъ разломать эту твердую кору, снять эту непроницаемую маску, заглянуть хоть мелькомъ въ затаенную душу этого чело-вѣка, отнюдь не «общественнаго»; всѣ успія мои ни къ чему не послу-жили.

Къ концу стола, когда тутъ же, за столомъ, оригинально подали кофе въ стаканахъ, съ густыми, точно деревенскими сливками и до-машнимъ бѣлымъ хлѣбомъ, совершенно впрочемъ лишнимъ послѣ сыт-наго обѣда, къ концу его, хочу сказать, явился новый гость, веселый говорливый, остроумный. Онъ оживилъ нашу вялую, неклеившуюся бе-сѣду, разсказалъ нѣсколько забавныхъ анекдотовъ. Всѣ смѣялись, ис-ключая хозяйна, который едва позволилъ себѣ слегка улыбаться...

Послѣ обѣда я не вытерпѣлъ; улучивъ удобную минуту, въ свою очередь, взявъ подъ-руку моего амфитріона, отвелъ его въ сторону, и прямо, откровенно сказалъ:

- Послушайте, я васъ не узнаю?
- Находите, что очень постарѣлъ, отвѣчалъ онъ простодушно.
- Не то: я разумѣю характеръ...
- Измѣняется съ лѣтами...
- Ну, а помните... Одилошъ Барро?
- Пустѣйшій чело-вѣкъ!
- А ваши философы?

Онъ презрительно улыбнулся и насмѣшливо сказалъ: всѣ эти фи-лософскія системы, съ своими Спинозами, Фихте, Якоби, Шеллингами и Шлегелями, шарлатанизмомъ остроумнаго кощуна Вольтера и па-стушескими парадоксами нѣжно-страстнаго Руссо, не выучатъ васъ выиграть самаго простаго процесса: а мудрости и добродѣтели не у нихъ я стану учиться — есть другая книга....

— Кто, почтеннѣйшій, говоритъ о процессахъ,—для нихъ не фило-софія, а «Опытный Стряпчій»... Дѣло въ томъ, что вы подъ самую столицю живете строжайшимъ анахоретомъ... Въ-продолженіе столь-кихъ лѣтъ мы нигдѣ ни разу не встрѣчались: значить, вы никогда не по-сѣщаете ни общественныхъ собраній, ни театровъ.... Любите, по-край-ней-мѣрѣ, какъ прежде, литературу, искусства?

— Театръ, литература, искусства? повторилъ онъ проницески. Пушкинъ, Брюлловъ, Каратыгинъ умерли....

— И, помилуйте! не все умерло съ ними. Сиротѣютъ семейства, а не чело-вѣчество, не народы. Геній не перестаетъ обитать между ни-ми, не отлетѣлъ еще съ земли. Оглянитесь, вемотритесь только хоро-шенько...

— Въ такомъ случаѣ, я попрошу васъ въ слѣдующее посѣщеніе... ласкаю себя надеждою, что вы, отъ-времени-до-времени, будете посѣщать меня... я попрошу васъ привезть съ собою тѣ современныя произведенія, которыя бы подтверждали мнѣніе ваше, въ которыхъ бы высокая, не тщеславная мысль соединялась съ истинною красотою выраженія... Я съ удовольствіемъ займусь ихъ чтеніемъ, на досугѣ, за утреннимъ чаемъ, между дѣломъ и сномъ. У меня на все часы. Я живу, или, точнѣе, доживаю систематически: безъ пользы и назначенія не допускаю ни одной лишней минуты. Кстати, посѣщеніе ваше не имѣетъ ли особенной цѣли... не дѣло-ли какое привлекло васъ въ мое уединеніе? Я къ вашимъ услугамъ...

Послѣ этого значительнаго отвѣта-монолога, мнѣ оставалось только взяться за шляпу, чтобы, въ противномъ случаѣ, не похитить у систематика-хозяина лишней минуты. Я оглянулся, отыскивая взглядомъ этимъ шляпу свою и увидѣлъ, что въ комнатѣ никого уже не было. Здѣсь, вѣроятно, такъ заведено, уходятъ не прощаясь. Я однакожъ простился съ моимъ стариннымъ знакомцемъ, пояснивъ, разумѣется, что не имѣю къ нему никакого дѣла и непременно воспользуюсь обязательнымъ его приглашеніемъ. Онъ проводилъ меня до прихожей и безмолвно откланялся. Вотъ человѣкъ, затворившій отъ всего свѣта свою душу и сердце, ради спокойствія и возможнаго счастья оградившійся ледяною холодною! Счастье? Счастливъ-ли онъ? Не обманчивая ли это наружность, и подъ маскою этой мнимой неподвижности не скрывается ли глубокая житейская драма, достойная изученія романиста и психолога?...

Разсѣянно и задумчиво вышелъ я изъ воротъ дачи. Дождь не лилъ, но грязь далеко еще не высохла. Я былъ съ зонтикомъ, да безъ колошъ, то-есть съ тѣмъ, въ чемъ не оказывалось надобности, по-крайней-мѣрѣ, въ настоящую минуту, и безъ того, что представляло настоятельную необходимость. Разсужденіе это пришло ко мнѣ гораздо позже; тогда же я пробирался безсознательно, самъ не вѣдая куда, по какой-то дорожкѣ, извивавшейся прямо отъ дачи, и замѣтилъ свою разсѣянность не раньше, какъ спустя около часа, когда попалъ въ незнакомое и глухое мѣсто. Обязательность одного случайнаго прохожаго, довольно порядочно одѣтаго и вооруженнаго всеми отъ сомнительной погоды предосторожностями, вывела меня на путь, ближайшій къ Петербургу. Указавъ мнѣ дорогу, услужливый «незнакомецъ» ловко поклонился и быстро исчезъ въ густотѣ одного сада, окружавшаго домикъ, крыша котораго едва виднѣлась изъ-за вершинъ деревьевъ, медленно колыхавшихъ отяжелѣвшими вѣтвями своими. Мнѣ, впрочемъ, удалось усмотрѣть и бал-

конь, и на немъ граціозную женскую фигуру... не къ ней ли спѣшилъ добрый мой провожатый?

Ну, теперъ я не заблужусь, и, вѣрно, встрѣчу извозчика, подумалъ я, оглядываясь кругомъ и убѣждаясь, что выбрался на петергофское шоссе. Извозчиковъ, однакожь, не видать... только у края садовъ, на извѣстныхъ призаборныхъ возвышеніяхъ, крытыхъ и некрытыхъ, красуются головы и головки, къ которымъ, можетъ-быть, равнодушны разныя сердца. Все вдыхаетъ въ себя послѣдождевые ароматы, не глотая вмѣстѣ съ ними обычной шоссеиной пыли, которая, въ сухое время, какъ пудрою, посыпаетъ зелень. Вдыхаю и я, съ нѣгою и наслажденіемъ, стоя подъ широкими вѣтвями развѣсистой березы... съ нихъ, отъ-времени-до-времени, сливаются «влажныя жемчужины»... Вотъ эти серебристыя росинки закапали вдругъ чаще и чаще... головки, одна за другою, скрываются отъ взглядовъ «сердцевъ»... ого! дождь опять полилъ... Черезъ нѣсколько минутъ, какъ сказалъ нѣкогда Карамзинъ,

Сокрылось все подъ вѣрный кровъ...

Надобно и мнѣ поискать пріюта...

Дѣлаю нѣсколько шаговъ, по обѣимъ сторонамъ дороги озирая дачи, чтобы найти между ними гостепріимную, съ завлекательною вывѣскою. Поиски мои быстро увѣнчиваются успѣхомъ: направо красивое, или, по крайней-мѣрѣ, раскрашенное зданіице, на которомъ крупными золотыми буквами выпечатано: Монплезиръ. Мое почтеніе!

Вхожу. Внутренняя красивость далеко уступаетъ наружной. Въ первой комнатѣ буфетъ, не отличающійся щегольствомъ и опрятностью, равно какъ и сосѣдняя съ нимъ билліардная; далѣе комнаты, соревнующія буфету въ отрицательныхъ достоинствахъ и даже превосходящія его античистотою; зала выводитъ на балконъ или террасу, а отсюда выходъ въ садъ, или, пожалуй, въ рощу... да, точно въ рощу, потому что этотъ мнимый «Монплезиръ» не что-иное, какъ старинная Марьяна-роща», въ которой бы вѣчно прогуливаться Ивану да Марьѣ, отнюдь не офранцузиваясь и не «куражась», не подъ стать, заморекими прозваніями?

Въ саду не было ни души, по той же причинѣ, которая заставила меня войти въ это «увеселительное» заведеніе; купы деревьевъ шумѣли подъ мѣрными вспрысками дождя, и на песчаныхъ дорожкахъ, кое-гдѣ усыпанныхъ кирпичемъ, образовался корячевый кисель грязи; пусть былъ павильонъ, предназначенный для оркестра, и вѣтеръ свистѣлъ ме-

жду грубыми декораціями другаго павильона, устроеннаго для представленія пантомимъ, и чествуемаго здѣсь громкимъ названіемъ «театра». Зато на недостатокъ посѣтителей не могли посѣтовать буфетъ, билліардная, зала и наконецъ просторный балконъ, гдѣ, на стульяхъ и скамейкахъ, помѣщались диллетанты, внимавшіе какимъ-то незнавшимъ устали смычкамъ. На одномъ изъ столиковъ лежала печатная афишечка, съ пышнымъ заглавіемъ: «программа музыкальнаго вечера въ Монплезирѣ»; въ ней значились пьески обоихъ Гунглей, марши, кадрили и вальсы Штрауса, и—о Монплезирѣ! — имена Донизетти, Обера, Верди; да, тутъ разыгрывали или покушались разыгрывать финалъ изъ Лукреція, каватинну изъ Эрнани, увертюры Фра-дьяволо и Фенеллы... Что-жь! почему же нѣтъ? Смѣлость, по пословицѣ, города беретъ... Подъ номеромъ одиннадцатымъ (всего давалась дюжина) выставялась «ballon polka von Jwasckewitsch»... Впервые здѣсь узналъ я о существованіи этого новаго композитора, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и дирижеръ монплезирскаго оркестра...

Слушатели его, обоего пола, одѣтые въ нѣмецкое платье, но люди, большею-частью, совершенно русскіе, принадлежали къ неопредѣленнымъ сословіямъ, которыя можно было только угадывать по рѣчамъ и ухваткамъ; тутъ же прогуливались артисты и артистки пантомимнаго театра, представленіе въ которомъ отмѣнялось по случаю дурной погоды; одну изъ послѣднихъ кто-то угощалъ пивомъ, потому что и вы, о жрецы и жрицы искусства! суть также слабые смертные, требующіе пищи и питія, тепла и прохлады, бифтекса съ картофелемъ, телятины съ огурцами и стакана съ мадерою...

— Высокій талантъ! сказалъ нѣкто, съ притязаніемъ на фешенъ въ этомъ не фешенебельномъ обществѣ. Высокій талантъ! повторилъ онъ, безцеремонно указывая рукою на неутомимаго капельмейстера...

Я взглянулъ по указанію и, впереди десятка музыкантовъ, увидѣлъ мужчину среднихъ лѣтъ, и такого же роста, если это значитъ что-нибудь въ эстетической оцѣнкѣ, не измѣряемой ни возрастомъ, ни аршиномъ.

— Былъ «первою скрипкою» у Гунгля, прибавилъ басистый голосъ, разомъ опораживая большую рюмку съ какою-то жидкостью темнаго цвѣта, носившею, вѣроятно, фирму хереса.

— У котораго Гунгля, позвольте спросить? величаво возразилъ молодой человѣкъ въ порядочномъ пальто и съ довольно-порядочными приемами, случайно, безъ сомнѣнія, сюда попавшій.—Югана или Иосифа?

— Не умѣю вамъ сказать рѣшительно... у котораго-то былъ первую скрипкою... отвѣчалъ басъ.

— Вы ошибаетесь. Онъ только *здѣсь* первая скрипка, и хорошо дѣлаетъ. Лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ Римѣ.

Провзнеся эту обветшалую фразу Юлія-Цесаря, юный джентльменъ съ достоинствомъ удаллся. Я послѣдовалъ за нимъ, потому что дождь пересталъ. Сквозь толпу въ залѣ трудно было пробраться. Охотниковъ повеселиться даромъ набралось изрядно, несмотря на погоду. Входъ въ Монплезиръ *ничего не стоитъ*. Хозяинъ очевидно устроилъ эту «виллу» для «своего удовольствія», если только не разчитываетъ на доходы буфета. А низшему сословію то и другое на руку.

Нѣсколько извозчиковъ стояло во дворѣ; но все они оказались «занятыми», и не удостоили, на спросъ мой, повернуть головы...

За воротами нашелся, правда, одинъ «пустой» возница, но онъ заломилъ такую цѣну, что я предпочелъ лучше подвергнуться всеѣмъ «ужасамъ» пѣшеходнаго путешествія, нежели удовлетворить его наглою корысти.—«Беремъ, подь случай, и больше», сказалъ онъ, заламая шляпу и вѣзжая во дворъ....

Какъ бы то ни было, дальнѣйшее странствованіе съ посохомъ въ рукѣ, который замѣнялся у меня зонтикомъ, отнюдь не составляло наслажденія, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ «грязная необходимость» заставляла медленно переступать съ камня на камень, по окраинѣ шоссе, столь удобнаго для прогулки въ экипажѣ. Въ часъ я не успѣлъ пройти и двухъ, трехъ верстъ, порядкомъ приусталъ, достаточно уже утомленный въ-теченіе дня. Ноги мои отказывались идти далѣе, руки держать надъ головою зонтикъ, потому-что дождь не переставалъ накрапывать. Къ счастью, снова «зрю» пригласительную надпись: *Заведеніе Дорданъ*, изображенную блѣдными буквами на перекладинѣ, покрывающей два неокрашенные столба — нѣчто въ родѣ воротъ безъ затворовъ... Но вездѣ безмолвіе. Ни смычекъ не звучитъ, ни сверчокъ не сверчитъ, ни комаръ не жужжитъ и носа не кусаетъ; лишь только капля за каплей меланхолически упадаетъ на безотвѣтный булыжникъ, и шелестятъ листья на смокшихъ деревьяхъ...

То была дача г. Блока, называвшаяся прежде «Александріей». Въ довольно-помѣстительномъ саду, чистенькомъ, не лишенномъ привлекательности, съ ручейками и мостиками, красуется, во-первыхъ, двухъярусное деревянное строеніе, обращенное въ загородный трактиръ, а во-вторыхъ навильонъ, въ которомъ три раза въ недѣлю, по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ, играетъ порядочный, изъ 25 музыкантовъ,

оркестръ, подъ управленіемъ небезъизвѣстнаго капельмейстера Шивдлера, чѣмъ впрочемъ не ограничивается программа «Александріи-Дордана». Здѣсь поетъ хоръ русскихъ пѣсенниковъ; пляшутъ по-русски г. Ивановъ съ г-жею Синицыной, и по-тирольски не какіе-нибудь штирійцы, а тоже наши переимчивые танцоры, г. Екимовъ и г-жа Спиридонова; декламируетъ нараспѣвъ «дида-рудого» «сотрудникъ» стараго знакомца нашего, Карпенки, все еще ищущаго любителей юмора малороссійскаго; исполняютъ казацкій танецъ какой-то Жанъ и нѣкоторая дѣвица Александрина; къ нимъ порою присоединяются еще какіе-то танцоры Бомбовы—въ «загородныхъ артистахъ лѣтняго сезона» недостатка у насъ нѣтъ, и «Дорданъ» общается въ афишахъ разныя «увеселенія», съ неизбежными иллюминаціями и фейерверками *, которые затѣвались здѣсь и въ прежніе годы. Помню, напримѣръ, «праздникъ», данный на этой дачѣ, въ 1850 г., въ пользу Общества посѣщенія бѣдныхъ...

Когда я вошелъ въ садъ, по аллеямъ его прохаживались мѣстные дачники и нѣсколько изъ помянутыхъ артистовъ, свободные отъ «представленій», отложенныхъ до болѣе сухой погоды. Трактирный чичероне-офиціантъ, попавшійся навстрѣчу и привѣтствовавшій меня, хотя я впервые его встрѣчаю, по какой-то особенной словоохотливости и обязательности, указалъ мнѣ на «танцовщицу Александрину», которая артистическій досугъ свой снисходительно посвящала игрѣ въ колечко съ молодымъ человѣкомъ пріятной наружности, и очень игриво досадовала, если оно не попадало на крючокъ, вколоченный въ дерево. Въ признательность за это любопытное указаніе, я неосторожно спросилъ стаканъ холоднаго лимонада, и жадно выпилъ его: жаръ палилъ мою внутренность; забывая о послѣдствіяхъ и опасномъ времени эпидеміи, я чувствовалъ только необходимость удовлетворить нестерпимой настоящей потребности...

— Дорданъ? Чтò такое Дорданъ? Откуда вы взяли такое названіе? спросилъ я своего услужливаго чичероне, взобравшись на балконъ кафе-ресторана и усаживаясь въ поданныя мнѣ кресла.

— Это былъ «увеселительный» городъ въ древности: объ немъ написано большое сочиненіе, смѣло и рѣшительно отвѣчалъ ученый офиціантъ.

* Общанія эти частію уже исполнены. По примѣру г. Излера, Дорданъ публикуетъ и о своихъ (будто бы) «большихъ музыкальныхъ и увеселительныхъ вечерахъ». Монплеэвръ тоже не хочетъ отстать отъ сосѣда, назначилъ плату за входъ, въ нѣкоторые дни, и потѣшаетъ разными забавами своихъ невзыскательныхъ посѣтителей. Въ концѣ лѣта загородье наше разгуляется не на шутку, а учредители забавъ шуткою устроятъ свои дѣла и дѣлишки.

— Дордона рѣка во Франціи, впадающая въ Гаронну, въ Дордонскомъ департаментѣ, гдѣ главный городъ Периге, съ римскими древностями,—вмѣшался появившійся тутъ же на балконѣ юноша, вѣроятно, свѣдущій въ географіи:—неподалеку отсюда рѣка Ло, при которой стоитъ городъ Кагоръ, извѣстный своимъ краснымъ виномъ...

— Такъ точно, подхватилъ догадливый прислужникъ: у насъ отличное кагорское, прямо отъ Елисева...

— Дорданъ или Дарданъ? повторялъ я про себя, вспоминая старинную, глѣющую въ моей разноколиберной библіотекѣ книгу, подъ заглавіемъ: «Dictionnaire abrégé de la fable ou de la mythologie, pour l'intelligence des poètes, de l'histoire fabuleuse, de tableaux, de statues, des médailles etc.», въ которой теперь, когда пишу эти строки, нахожу на стран. 93 слѣдующее: «*Dardanus*, fils de Jupiter et d'Electre, une des filles d'Atlas, bâtit, au pied du mont Ida, une ville qu'il appella de son nom Dardanie et qui fut la célèbre Troie. Son règne fut long et heureux, et, après sa mort, ses sujets reconnoissans le mirent au nombre des immortels. (Дарданъ, сынъ Юпитера и Электры, одной изъ дочерей Атласа, построилъ, у подошвы горы Иды, городъ, по имени его названный Дарданія, въ-послѣдствіи знаменитая Троя. Его царствованіе было продолжительное и счастливое. По кончинѣ его, благодарные подданные включили его въ число безсмертныхъ). И такъ нашъ Дарданъ—Троя! Воображалъ ли кто, слушая Шиндлера, что оркестръ его помѣщается у подошвы горы Иды, въ стѣнахъ города, десять лѣтъ не сдававшася древнимъ грекамъ и воспѣтаго Гомеромъ...

Утоливъ жажду и отдохнувъ, я опять пустился въ мой одинокій и печальный путь. Возницъ не было по-прежнему. Два, три извозчика, возвращавшіеся домой, въ Тентелеву-деревню, ради шутки, вѣроятно, запрашивали цѣну, за какую, во времена болѣе патриархальныя, можно было съѣздить въ Москву. Такимъ-образомъ, скрѣпя душу и промочивъ ноги, я, волею-неволею, добрелъ пѣшкомъ до Калинкина-моста, гдѣ, наконецъ, смиренный ванька усадилъ меня на свои дребезжащія дрожки.

Только добравшись до своей квартиры и бросившись на диванъ, вполне почувствовалъ я, въ какой мѣрѣ утомленъ, разбитъ, простуженъ совершннымъ путешествіемъ. Настоящею развалиной воротился я изъ Монплезира и новой Трои. Въ груди моей не стало голоса, въ горлѣ звуковъ: но нѣсколько стакановъ чаю, съ примѣсью добраго ямайскаго, возвратили меня къ жизни и отвратили послѣдствія, которыя, въ нынѣшнее эпидемическое время, не всегда проходятъ даромъ. Уснулъ я крѣпко, и на утро до такой степени возобновился силами, что могъ

записать въ дневникъ свои вчерашнія, въ буквальномъ смыслѣ, похождения...

25 июля. Въ-теченіе около трехъ недѣль ни слова не прибавилось въ моей лѣтописи. Сказать правду, исторія и литература немного теряютъ отъ этого лѣниваго пропуска. Однакожь я жилъ, не проспалъ двадцать дней летаргически. Гдѣ же я былъ? что дѣлалъ?

Дѣлалъ я дѣла, дѣла разныя, достойныя всякой похвалы и поощренія, потому—что выказалъ много трудолюбія, терпѣнія и усидчивости, а по вечерамъ, когда ужъ мнѣ становилось не подъ силу, тяжело, душно въ городѣ, уѣзжалъ за городъ, уходилъ въ лѣсъ...

Чтобъ надышаться вдоволь тамъ
Струею свѣжею прохлады,
Предаться въ тишинѣ мечтамъ,
Добыть на-часъ душѣ отрады...
Припомнить мелькомъ старину
И лучшихъ дней очарованье;
Вглянуть на звѣзды, на луну,
Небесъ ночное ликованье...
Ахъ, юность, *младость* и друзья—
О васъ все сокрушаюсь я —
Куда вы скрылися, какъ гѣнь?
И гаснетъ мой безцвѣтный день...
Живу безъ страсти. безъ желанья,
Холодной мыслию одной,
И годъ за годомъ прозябанья
Бѣжить безсмѣнной чередой...

И такъ, продолжая безстрастною прозою, по вечерамъ я ѣздилъ за-городъ, слушалъ, то-есть, слышалъ музыку, пѣсни цыганскія, нѣмецкія, тирольскія и — русскія... эти я слушалъ порою, потому—что ихъ родимые звуки не пролетаютъ безответно мимо моего слуха, который старается уловить въ нихъ воспоминація дѣтства, полей... и когда плещетъ невская волна, мнѣ чудится въ ней ропотъ другой рѣки, на крутомъ берегу которой впервые привѣтствовалъ я прелесть природы и бытія...

Куда, подумаешь, какъ музыкаленъ сталъ Петербургъ въ послѣдніе годы! Зимю ни одна порядочная зала не остается безъ концертистовъ, требующихъ злата и славы, вѣнковъ и депозитокъ, журнальныхъ восторговъ и рукоплесканій публики; лѣтомъ, въ окрестностяхъ здѣшнихъ, рѣдко отыщешь тѣнистое дерево, подъ которымъ бы не отдыхалъ фут-

ляръ скрипичный съ турецкимъ барабаномъ и флейтою, раздутою живыми соками груди. Кромѣ двухъ главныхъ оркестровъ обоихъ Гунглей, въ Павловскѣ и въ Заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ, да хорошаго оркестра Ладе въ воксалѣ петергофскомъ, музыка играетъ на всѣхъ приневскихъ островахъ и чуть не во всѣхъ пригородныхъ деревушкахъ, неселенныхъ дачниками. Не говорю уже о мелодіяхъ у лѣтнихъ трактировъ, какъ, напримѣръ, у русскаго на Крестовскомъ, гдѣ пляшущіе на канатѣ крѣпче держатся на ногахъ, нежели нѣкоторые изъ прогуливающихся здѣсь, или у «Любека», среди Петровскаго острова, гдѣ, не довольствуясь національностью и желая потѣшить нѣмецкихъ подмастерьевъ, даютъ «рыцарскіе праздники», съ цыганскими пѣснями, «готическими» иллюминаціями, изверженіемъ Везувія. Отъ времени до времени раздаются музыкальные звуки близъ павильона Лѣтняго-сада, замирающими тонами разносясь по его длиннымъ, правильнымъ аллеямъ, съ наступленіемъ темныхъ вечеровъ начинающимъ пустѣть, и каждый понедельникъ, каждую среду, играетъ тотъ же, перебирающійся изъ Петергофскаго воксала, Ладе—въ саду нѣмецкаго клуба, у Измайловскаго-моста, гдѣ еще играютъ—въ преферансъ по копейкѣ, въ заключеніе наслажденія проматывая полтинникъ на ужинъ, не обременяющій желудка, не опустошающій кармана... Гремить музыка наконецъ (если только это еще конецъ) въ далекомъ, уединенномъ Полюстровѣ, гдѣ днемъ берутъ цѣлебныя ванны, а вечеромъ усиливается возбудить испарину танцами — послѣднее средство предлагается впрочемъ только въ субботу, чтобъ помнили, мечтали о ней, — не о субботѣ собственно, а о ней, той красавицѣ, которая, въ вальсѣ или мазуркѣ, плѣнила чье-нибудь свободное сердце... Гдѣ же тишина и совершенный покой, не возмущающій сердце, не наполняющій души пустотою, ни вывѣтривающій кармановъ? Въ одномъ развѣ Муринѣ. Но природа не отличается въ немъ особенною привлекательностью; живутъ въ немъ лишь созерцаніемъ сосѣднихъ горъ финляндскихъ, вечернихъ тумановъ надъ низменными полями, да еще воспоминаніемъ былого тутъ движенія, «ко случаю» изящныхъ иллюминацій въ 1848 и 1849 годахъ, да скачекъ съ препятствіями, происходившихъ лѣтомъ 1847 года, и въ свое время подробно описанныхъ въ фельетонѣ одной петербургской газеты... Въ нынѣшнее лѣто, въ концѣ іюня, была тамъ тоже иллюминація, только въ другомъ родѣ, днемъ, и не увеселительная: внезапный пожаръ испепелилъ одну дачу, лишивъ обитателей ея всего имущества, какъ о томъ извѣщено было печатно...

Но если въ Муринѣ все тихо, безмятежно,
И тамъ встаютъ вдали лишь горы да туманъ,

То есть у насъ вблизи волненья край безбрежный,
 Гдѣ все шумить, кипить, мятется, какъ вулканъ...
 Кабилы скачутъ тутъ, препятствія не зная,
 Со всѣхъ сторонъ, кругомъ, симфоніи звучать;
 То флейта слышится, то пѣсня удаля,
 И въ сумракѣ ночномъ огни, въ цвѣтахъ, горять...
 Въ картинахъ здѣсь живыхъ, предъ вами баядерки...
 Картины разныя — ихъ всѣхъ не перечеть...
 Въ недѣлю раза три большіе фейерверки,
 Сюрпризы, праздники «особь прекрасныхъ въ честь»!..

Что весной, осенью и зимой—Невскій—проспектъ, то, для Петербурга, лѣтомъ—Новая-деревня съ своими искусственными минеральными водами. Тамъ всѣ, то—есть, большинство, притягиваемое словно магнитною стрѣлкою и стремящееся туда стрѣлою. Насмѣшники и «верхоглядь» могутъ думать и говорить что имъ угодно — никто не повѣритъ, потому—что они сами тамъ же первые, наравнѣ съ нами, простыми смертными. Вѣрно то, что учредитель новодеревенскихъ забавъ угадалъ вкусъ и расположеніе большинства, которое можетъ ошибаться, но съ которымъ въ этомъ отношеніи спорить мудрено—да и не изъ чего: лучшаго, покажетъ, умники не выдумали. Въ маѣ на «Водахъ» разыгрывается прелюдія, въ іюнѣ увертюра, въ іюлѣ открывается самое дѣйствіе и до исхода сентября продолжается съ «возрастающимъ интересомъ».

На «Водахъ» не пропадаетъ ни одинъ вечеръ, будь онъ дождливый, или принадлежащій другому, общему увеселенію. Такъ случилось и подъ конецъ народнаго праздника 1-го іюля на Елагиномъ—островѣ. Многочисленныя толпы, смотрѣвшія тамошній фейерверкъ, надъ великолѣпными щитами котораго, горѣвшими брилліантовымъ блескомъ, поэтически выслся яркій мѣсяць,—многочисленныя толпы эти, разными дорогами, потянулись въ Новую-деревню, на «музыкальный и увеселительный вечеръ», *безплатно* предложенный. «Увлеченный общимъ потокомъ», я, съ мостика близъ Каменноостровскаго театра, тоже смотрѣлъ фейерверкъ, его роскошно распадающіяся звѣздочки, разноцвѣтные букеты, золотистые снопы, бисерныя искры, и потомъ тихо поплелся за одну группу, въ которой мнѣ нравился звонкій голосокъ какой-то веселой и притомъ хорошенькой говоруньи... Такъ, куря между-тѣмъ сигару, очутился я у пресловутой Новой-деревни...

Подлѣ самаго берега стояла барка. Въ полутемнотѣ едва виднѣлась вывѣшенная надъ баркою огромная полотняная картина, изображавшая Фридриха II и Наполеона I, и приглашавшая въ кабинетъ восковыхъ фигуръ. Не видавши ихъ еще, я поддался зазыву, спустился по при-

ставленной къ берегу лѣстницѣ, въ потьмахъ чуть не сломалъ себѣ шею, наткнувшись на какой-то безногій столикъ, упавшій съ трескомъ—заплатилъ четвертакъ, и для меня засвѣтили десятка три стеариновыхъ свѣчей, въ явный убытокъ хозяина: но это богатое освѣщеніе, къ сожалѣнію, нисколько не увеличило достоинства плохихъ фигуръ. Ихъ руки, ноги, грудь, весь корпусъ, зря набитый соломою, не представляли образа человѣческаго, да и самыя восковыя лица слабо напоминали тѣхъ историческихъ мужей, которыхъ мнили изобразить. Благородный профиль Наполеона походилъ на профиль какого-то простоумнаго чухонца; въ чертахъ Фридриха нельзя было признать глубокомыслия и проницательности; герой Карлъ XII, воротившійся изъ Бендеръ и встрѣчаемый «со слезами» сестрою своею, принцессой Ульрикой, не выражалъ ничего, ни горести, ни той холодной гордости, которая такъ ему была свойственна... Не заняли меня послѣ ни извѣстная женщина съ бородою, ни докторъ Шмидтъ, на старости лѣтъ обрадованный тройнею дѣтей, ни жидь-автоматъ, показывающій фокусы, ни другія движущіяся фигуры, ни даже восковая дѣвушка, съ которою хозяинъ такъ мило протанцовалъ польку подъ музыку. Я торопился скорѣе выбраться на свѣжій воздухъ, но былъ удержанъ предложеніемъ заглянуть еще, за тотъ же четвертакъ, и въ кабинетъ анатомическій... Скелетъ, висѣвшій у входа въ этотъ кабинетъ; сердце человѣческое, давно переставшее биться,—все это было такъ мало привлекательно, что я усерднѣйше попросилъ обязательнаго моего путеводителя немедля потушить свѣчи и выпустить меня...

Къ Излеру валяли тысячи: ни въ залахъ, ни въ саду негдѣ было упасть яблоку или пролетѣть самой бойкой мухъ. Довольные посѣтители прославляли безкорыстіе достопочтеннаго «Ивана Ивановича», пустившаго ихъ даромъ... цыганскій хоръ пѣлъ громче нежели когда-нибудь, затѣмъ, чтобъ его слышали при всеобщемъ говорѣ... буфетчики едва успѣвали удовлетворять требованіямъ... Спасая бока свои, я поспѣшилъ на пароходъ, и попалъ, что называется изъ огня въ полымя; стиснутому двумя рослыми юношами и какою-то полновѣсною дамою, мнѣ было жарко, какъ въ котлѣ, который, густыми облаками, выбрасывалъ дымъ изъ трубы...

Еслибъ я былъ фельетонистъ, и въ достаточномъ количествѣ обладалъ остроуміемъ, юморомъ, сарказмомъ, то непременно бы со всею подробностью описалъ послѣдовавшіе затѣмъ три на водахъ бенефиса, 7, 12 и 19 іюля: 1) труппы арабовъ-кабильовъ, дававшихъ «чрезвычайное африканское представленіе»; 2) самого Ивана Ивановича, съ «фантасти-

ческою иллюминаціей» и 3) Югана Гунгля, устроившаго, «въ честь прекраснаго пола, большой праздникъ: *Ночь въ царствѣ Флоры*» (текстъ афиши). Но, ради памяти прошедшаго и пролетающаго, внося въ свою тетрадь только скромныя, непритязательныя и бѣглыя замѣтки видѣннаго, ограничусь самымъ простымъ и короткимъ разсказомъ.

Двойныя и тройныя сальто-мортале, игры на массивномъ камнѣ, отчаянныя прыжки чрезъ бочки, штыки и батальный огонь дѣйствительно доказывали «чрезвычайную» африканскую силу, искусство и ловкость кабиловъ. Почти все они молодцы, смугловатыя ребята, исключая одного малорослаго и сверхъ-того лишеннаго лучшаго украшенія лица человѣческаго—носа, еще въ юности похищеннаго золотухою. Объ удивительныхъ «пирамидахъ» этихъ арабовъ и говорить нечего: десять человекъ взбираются на сильнѣйшаго, составляя разнообразныя и живописныя фигуры, какъ-будто изъ испалинскаго мрамора изваянныя... наклоняются, изгибаются, представляютъ собою огромную вертящуюся чашу и вообще творятъ такія штуки, которыя легче изобразить рисунками, чѣмъ словами. Все это, однакожь, удивляетъ, а не восхищаетъ образованнаго человекъ... пусть дикари, сыны степей, ломаются, прыгаютъ, скачутъ, истый европеецъ подражать имъ не станетъ, ни въ физическомъ, ни въ моральномъ смыслѣ...

О «фантастической иллюминаціи» еще менѣе подобаетъ распространяться: она была на водахъ первою въ нынѣшнее лѣто, и послѣдующія, вѣроятно, далеко превзойдутъ ее, гораздо болѣе удовлетворятъ «фантастическимъ» требованіемъ публики, избалованной г. Излеромъ, который любитъ соблюдать постепенность, и затѣйливѣйшее приберегаетъ къ концу лѣтняго сезона. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, велось въ прошедшіе годы.

«Ночь въ царствѣ Флоры» была дождливая, и только въ повтореніе этого «праздника» можно было выполнить все обѣщанія обширной программы. Главныя части сада убрались новыми декораціями; тераса и фасадъ помѣщенія оркестра обратились въ цвѣточныя храмы, соединенныя транспаранами; около другой эстрады красовались колоссальныя букеты, въ живописныхъ вазахъ, хорошо нарисованныя; насупротивъ, въ формѣ огненныхъ цвѣтовъ изъ фольги расположена была огромная надпись: «въ честь прекраснаго пола». Лучше всего удалось художественное устройство арки, раздѣлявшей двѣ площадки сада, и бросались въ глаза, яркою пестротой, роскошныя люстры и канделябры; китайскіе фонарики и разноцвѣтныя шкалики довершали узоры иллюминаціи; на нѣкоторыхъ транспаранахъ представлялись разныя фигуры, между-прочимъ, кажется, портреты Шек:

спира и Мольера, которые, вѣроятно, нѣсколько изумлены были этою неожиданною почестью. Въ первый вечеръ «Флоры», передъ дождемъ, публика забавлялась «волшебнo-фантастическою воздушною охотою»: летали механическіе человѣчки, собаки, другія животныя или звѣри; а въ прочіе вечера Флора одаряла сюрпризами дамъ, бросая имъ букеты цвѣтовъ, ароматомъ которыхъ тотчасъ же можно было наслаждаться, потому что они прилетали прямо чуть не къ носу. Дарамъ этимъ предшествовала живая картина: роль Флоры исполняла красивѣйшая изъ особъ труппы г-жи Беккеръ; въ заключеніе бенефицианту поднесли серебряный капельмейстерскій жезлъ, изящной работы г. Сазикова и порядочной цѣнности.

Бенефисы, какъ водится, оканчивались потѣшными огнями; этимъ удовольствіемъ посѣтители Искусственныхъ минеральныхъ водъ наслаждаются уже со 2-го іюля... сколько пламенныхъ каскадовъ, вазъ, урнъ, блестящихъ рѣшетокъ, колесъ, звѣздъ, мельницъ сожжено тамъ!.. сколько лопнуло цвѣтистыхъ ракетъ, бураковъ, сіяло римскихъ свѣчей и пылало страшныхъ змѣвидныхъ колецъ и тому подобнаго, воображаемаго и невообразимаго! А новыя вальсы, польки, и въ числѣ ихъ полька «Иванъ—Ивановичъ», впервые явившаяся въ его бенефисъ! — И, кромѣ всего, давноизвѣстнаго, неистощимаго репертуара на «Водахъ», отличные военные пѣсенники, которые въ-самомъ-дѣлѣ могутъ напомнить лагерную, походную или боевую жизнь, исполненную обаяній и поэзіи.

Руже и Готи, десять лѣтъ украшавшіе сцену Михайловскаго-театра, оставляютъ Петербургъ, между тѣмъ какъ теперь на Каменно-островскомъ дебютируютъ Невиль и Тестаръ, а русская сцена, вдругъ утратившая первыхъ своихъ корифеевъ, Каратыгина и Брянскаго, испытываетъ силы новичковъ, гг. Яковлева и Максимова... Носится слухъ, бурто бы Рубини пріѣдетъ къ намъ осенью и будетъ опять пѣть... Но это зимнія новости, осеннія пѣсни. Лѣто не уступаетъ правъ своихъ; афиши призываютъ 26 числа въ Павловскъ, на бенефисъ Іосифа Гунгля: «Привѣтствіе Музъ», и великолѣпный праздникъ, устроенный даровитымъ г. Вальцемъ, съ которымъ на «Водахъ» соперничествуетъ преемникъ его, старательный г. Фохтъ...

Кто побѣдитъ въ семъ новомъ спорѣ?
Кого въ немъ «Муза» предпочтетъ!
Увидимъ мы, рѣшится вскорѣ,
Лишь лѣто красное пройдетъ!...
Но тише, тише, дуновенья
Ужъ близкихъ къ намъ осеннихъ дней:

Не охладите вдохновенья
Изобрѣтателей ватѣй!..

Этимъ стихотворнымъ финаломъ прерывается дневникъ пріятеля нашего, законченный наканунѣ бенефиса Юсифа Гунгла, и намъ остается прибавить какую-нибудь страницу для посильнаго описанія сказаннаго «праздника, — великолѣпнаго, артистическаго и аллегорическаго», по точнымъ словамъ огромной, въ цѣлый печатный листъ, афиши.

Противъ воксала, надъ прудомъ, возвышалась обширная декорація, изображавшая тронъ Нептуна, окруженный тритонами, нимфами, наядами, nereидами, которымъ недоставало только жизни и красоты, чтобы окончательно обворожить зрителя, припоминавшаго одно изъ лучшихъ антологическихъ стихотвореній Пушкина:

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
Сокрытый межъ деревь, едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала...

Фасадъ воксала, соотвѣтственно уборкою обращенный въ «храмъ Аполлона и музъ» (о Аполлонъ и музы, помогите!) обвивался зелеными пальмами, — разумѣется, искусственными, огневыми, — живописными гирляндами и круглыми транспаранами съ именами русскихъ писателей, художниковъ, артистовъ, композиторовъ, живыхъ и мертвыхъ или безсмертныхъ, чѣмъ отчасти нарушалась скромность первыхъ, которые, конечно, не домогались этого почета и не хотѣли заживо быть помѣщенными въ храмъ безсмертія, да еще и съ грамматическими ошибками, едва ли снискавшими одобреніе музъ и Аполлона...

За исключеніемъ этой, не совѣмъ удачно придуманной и исполненной, семейной выставки знаменитостей, все остальное отличалось вкусомъ и даже изяществомъ. Отъ балконовъ обоихъ ярусовъ воксала до пруда, съ освѣщеннымъ шкаликами мостикомъ, раскидывалась кругомъ привлекательная, граціозная иллюминація... особенно хороши были горѣвшіе изумрудными отблесками колонки верхней галлерей, и площадка сада, превращеннаго какъ бы въ залу сверкающихъ цвѣтовъ... ихъ волнующіяся переливами огня нити—соединялись въ прозрачный куполь, и надъ павильономъ, гдѣ игралъ военный оркестръ, ниспадали большою, чрезъвычайно-эффектною люстрою, подъ роскошнымъ зонтикомъ, словно

выложеннымъ изнутри шелковою нѣжныхъ оттѣнковъ матеріей, между тѣмъ какъ надъ эстрадой, гдѣ помѣщался оркестръ бенефицианта, висѣлъ, повитый лаврами транспарантъ, представлявшій Аполлона, проводившаго вѣщими перстами по златострунной лирѣ. Нарисованная лира, безъ сомнѣнія, молчала: ее замѣнялъ превосходный оркестръ Юсифа Гунгля... Ода-симфонія Фелисьена Давида «*Ночь пустыни*», увертюра изъ его же оперы «*Бразильская жемчужина*», «*Римскій карнавалъ*», Берліоза, «*La fille de S.-Marc*» — Бальфа, большое "популяріи изъ оперы «*Осада Генга*», соч. бенефицианта, «летучіе листы» Штрауса, новыя танцевальныя пьески Леопольда Маурера и Вальца, машиниста, декоратора и музыканта, — попеременно звучали разнообразными мелодіями, внушавшими радость и меланхолю, веселье и грусть, игривую беззаботность и поэтическую тоску... слышались то арфа Цабеля, то виолончель Мендорфа, то флейта Мейера или нѣжная скрипка Кламрота, лучшихъ артистовъ Юсифа Гунгля, который, искусствомъ своимъ, при строгой, элегической наружности, далеко выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ «садовыхъ» кашельмейетеровъ, любящихъ немного пококотничать передъ публикою...

Въ десять часовъ вечера зажегся хорошенькій фейерверкъ, состоявшій изъ десяти красивыхъ перемѣнъ или декораций, сіявшихъ самоцвѣтными алмазами, и тронъ Нептуна озарился бенгальскимъ огнемъ, отражаясь въ водѣ съ своими нимфами и наядами; потомъ, въ особомъ зданіи, показывались туманныя картины Клоцфера: изъ-за одного живописнаго ландшафта, въ полусвѣтахъ и полутѣняхъ, выступалъ другой, еще живописнѣе, и очаровательные пейзажи смѣнялись уморительными карикатурами... за тѣмъ раздался звонокъ, и въ началѣ двѣнадцатаго потянулся въ Петербургъ длинный поѣздъ. «Прекрасно!» восклицали въ вагонахъ: «а на *Водахъ* все-таки *позамысловатѣй*: тамъ—чего хочешь, того просишь!»!

На *Водахъ* въ этотъ вечеръ повторялась, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, *Ночь въ царствѣ Флоры*, и «всякая особа, взявшая билетъ у кассы, получала, при входѣ въ концертную залу, сюрпризъ» (см. афишу) — цвѣты или конфеты...

Но покамѣтъ эти строки лягутся въ печати, на *Водахъ*, всеконечно, воздвигнется какая-нибудь новая ночь, самая свѣтлая, самая блистательная, на ночь вовсе не похожая, и все, что ни написалъ авторъ дневника, станетъ анахронизмомъ, древней исторіей. Такъ, 28-го іюля, когда мы заканчиваемъ статью, объявлена уже «ночь на берегахъ Босвора», и не видать береговъ затѣямъ...

Въ заключеніе нѣсколько словъ о томъ, что въ настоящую минуту составляетъ въ Петербургѣ господствующую моду.

Прогулки загородныя ввели въ моду садовую музыку, садовая музыка — разные новые инструменты, не предвидѣнные законодателями теоріи звуковъ, какъ на пр. хлопущки, пищалки, колокольчики; выстрѣлы, пѣніе птицъ и даже крикъ младенцевъ; но какъ все изобильное скоро прискучиваетъ, то къ музыкальнымъ потѣхамъ мода присоединила иллюминаціи и фейерверки, а это тройное освѣщеніе загородныхъ гуляній породило, въ свою очередь, новыя моды для дамскихъ нарядовъ. Вотъ нѣкоторые, наиболѣ замѣчательные изъ этихъ нарядовъ:

Первый нарядъ. Шемизетка съ рукавами à la russe, доверху. Юбка тюлевая или кисейная бѣлая, гладкая. Сверхъ ея тюника тафтяная, съ корсажемъ, но безъ рукавовъ, съ эполетками. Эполетки, верхъ корсажа и низъ тюники обшиты рюшемъ изъ той-же матеріи. Напередѣ тюники — карманчики, украшенные кругомъ перламутровыми пуговками и оканчивающіеся бантиками изъ гроденаплевыхъ лентъ подъ цвѣтъ тюники. Перчатки трико шелковыя, сквозныя.

Второй нарядъ. Юбка изъ двойнаго гласе, въ три волана, на которыхъ вышить богатый узоръ черными шелками. Кофточка à la pousquetalaigе, съ перехватомъ, изъ той же матеріи, сдѣланная въ видѣ казакина, напередѣ открытая и застегнутая только въ талии. Рукава короткіе съ широкими раструбами. До пояса на кафтанѣ съ обѣихъ сторонъ узорчатая черныя петлицы изъ аграманту. Фалды и обшлага кофты также узорчатые. Манишка съ маншетами. Подрукавники двойные, изъ кружевъ. Прическа вѣничкомъ: коса, перевитая черной бархаткой, накладывается вокругъ головы на темени, въ видѣ вѣнка, а отъ висковъ идутъ косички, ниже ушей, къ гребню.

Третій нарядъ. Платье изъ шерстяной легкой матеріи, съ постепенно расширяющимися къ подолу полосами. Кофта такая-же, забранная напередѣ бантиками, а въ талии схваченная поясомъ съ длинными концами изъ той-же матеріи. Манишка и подрукавники англійскаго шитья фестонами.

Четвертый нарядъ. Юбка и кофта безъ талии, съ короткими рукавами, въ два ряда обшита воланами гофре изъ гроденапля подъ цвѣтъ платья. Корсажъ-шемизетка съ фалдочками. Грудь сборчатая, гладкая, у шеи узенькій воротничекъ. Фалдочки и подрукавники вышиты. Въ талии шемизетка перехвачена бѣлымъ поясомъ изъ ленты моаръ.

Пятый нарядъ. Гладкая юбка изъ шелковой матеріи. Кофточка утренняя изъ жаконету, обшита англійской вышивкой. Шемизетка по-

дуоткрытая изъ такого-же шитья. На рукахъ браслетки изъ бархатокъ съ длинными концами.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Удовлетворяя только многочисленнымъ и настоятельнымъ требованіямъ гг. подписчиковъ на «Пантеонъ», изъясняемымъ безпрерывно въ письмахъ, редація рѣшилась наконецъ приложить портретъ самого редактора, въ числѣ прочихъ писателей для театра. Портретъ этотъ, безъ вѣдома редаціи, приготовленъ гг. Даутендеемъ, Клюквинымъ и Тюлевымъ, вмѣсто другаго, предназначеннаго для этого нумера, и потому, противъ желанія ея, долженъ теперь выдти въ свѣтъ. Къ слѣдующему номеру приложится портретъ любимицы нашей публики, г-жи Віардо-Гарсіи, такъ какъ она есть, безъ живописной лести. Портретъ похожъ поразительно и снятъ съ нея нынѣшней весною, посредствомъ дагерротипа, извѣстнымъ нашимъ художникомъ А. Л. Левицкимъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ВИОЛОНЧЕЛИ.

- BOISSAUX.** 6 Etudes pour le violoncelle seul. (1 p. 15 к.)
DOTZAUER. 24 Caprices. Op. 35. (1 p. 72 к.) Violoncelle-Flageolet-Schule. (2 p 30 к.)
GROSS. Elémens du Violoncelle. (2 p. 85 к.)
KUMMER. Dix Etudes mélodiques. Op. 57. (1 p 43 к.)
LEE. 40 Etudes mélodiques et progressives pour le violoncelle seul, formant suite de sa methode. Op. 31. Suite 1. 2. (Chaque 1 p. 72 к.)
MERK. 20 Exercices pour le violoncelle. (3 p 43 к.)
STRANSKY. 24 Leichte Uebungsstücke. Op. 17. (1 p. 15 к.)

ПЬЕСЫ ДЛЯ ВИОЛОНЧЕЛИ СЪ ФОРТЕПЬЯНО.

- BATTA.** Fantaisie sur l'opéra Puritani (Nouv. édition). (1 p. 72 к.)
DOTZAUER. Le Carnaval de Venise. Morceau brillant. (2 p.)
KUMMER. Potpourri sur des motifs de Préciosa de C. M. de Weber. Op. 3. Nouv. édition. (85 к.) Adagio et variations sur l'opéra: Montecchi ed i Capuletti. (1 p. 72 к.) Piece de salon sur des motifs de Dom Sebastian de Donizetti. (1 p. 43 к.) Deux Divertissemens sur des motifs de l'opéra: Siège de Gand. Op. 97, № 1. 2. (Chaque 1 p. 15 к.) Fleurs de Salon. 4 Mélodies de Gumbert, transcrites. Op. 96. (1 p. 72 к.) Air et danse Suédois nationaux. Op. 98. (1 p. 30 к.) Marche funèbre de Chopin et Idylle de Schulhof. Op. 99. (1 p. 30 к.) Romance de Krebs. Op. 101. (60 к.)
LINDNER. Six morceaux de salon sur des thèmes favoris. Op. 18: № 1. Ständchen de Schubert. № 2. Ave Maria de Schubert. № 3. Lob der Thränen de Schubert. № 4. Letzte Rose, aus Martha. № 5. Adelaïde de Beethoven. № 6. Hymne de Stradella. (Chaque 85 к.) Scene et air de soprano de l'opéra: Freyschütz. (75 к.)
MERK. Divertissement facile; op. 28. (1 p. 43 к.) Fantaisie sur l'opéra: Martha. Op. 29. (1 p. 43 к.) Air suisse varié et rondeau. Op. 32. (1 p. 43 к.) Morceau de salon, sur l'opéra: Lucia. Op. 33. (1 p. 15 к.)
PIATTI. Divertissement sur un air napolitain. Op. 12. (1 p 30 к.)
SERVAIS. Grande fantaisie sur des motifs de l'opéra: Lestocq, d'Auber. Op. 12, (2 p. 85 к.)
STRANSKY. Transcriptionen beliebter Lieder, Gesänge und Romanzen. Op. 15. № 1. Schiffers Gruss. № 2. Widmung № 3. Der Vöglein laubhüttenfest. № 4. Die stillen Wanderer. № 5. Sängers lebewohl. № 6. Die beiden Nachtigallen. (Chaque 85 к.) Trois Nocturnes. Op. 16. № 1. 2. 3. (каждый 1 p 15 к.) Morceaux élégants et caracteristiques. Op. 18. № 1. 2. 3. (каждый 1 p. 15 к.) Bouquet de Mélodies des opéras favorites. Op. 19. № 1, Il Guiramento. № 2. Robert le Diable. № 3. Lucia di Lammermoor. № 4. La fille du Regiment. № 5. Ernani. № 6. Rigoletto, (каждый 60 к.)
VEIT. Les adieux. Romance. Op. 26. (85 к.)

ПЬЕСЫ ДЛЯ ОДНОЙ ФЛЕЙТЫ.

- DIABELLI.** Der Musikalische Gesellschafter in einsamen Stunden. Periodisches Werk für eine flüte. № 69. Lucia di Lamermoor. № 70. Parisina. № 71. Puritani. № 72. Lieder von F. Schubert. № 73. 74. Linda di Chamounix. № 75. Nabucodonosor. Don Pasquale. № 77. Maria di Rohan. № 80. La fille du Regiment. № 81. Ernani. № 83. Lombardi. № 87. Zigeunerin. № 88. Rigoletto (каждый по 1 р. 15 к.)
- DORUS.** Echos des lagunes. Fantaisies, melanges sur des mélodies de Donizetti. 4 suites. (Каждый 72 к.)
- REMUSAT.** Album du jeune flûtiste. Six airs variés. 1-е suite, № 13, etc. Beatrice, Thème original. Othello.—2-е suite, Roberto Devereux, Cendrillon. I Capuletti (60 к.)

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФЛЕЙТЫ СЪ ФОРТЕПЬЯНО.

- BRIGGALDI.** Deux fleurs. Morceaux de salon, pour la flüte et piano. Op. 63. № 1. La Pensée. (85 к.) № 2. La Rose (1 р. 43 к.) Caprice. Op. (64 1 р. 74 к.) Concerto. Op. 65. (2 р.)
- DABELLI.** Productionen im häuslichen Freundschafts-Zirke. № 44. Elisir d'amore. № 66. 67. 68, Allesandro Stradella. № 72, Schwedische-Volkslieder. № 73. 74, Ernani, (каждый 1 р. 43 к.)
- FURSTENAU.** Fantaisie gracieuse et brillante sur l'opéra: Les Guelfes et les Gibelins. (1 р. 15 к.) Introduction et Rondino sur Lucrezia Borgia et Lucia di Lamermour. (1 р. 72 к.) Rondino sur l'opéra: La Part du Diable. (1 р. 15 к.) Rondino sur des motifs de Struensee de Meyerber. (1 р. 15 к.)
- IANSA.** Der junge Opernfreund. Ausgewählte melodien aus den beliebtesten opern. № 27. La Favorite. № 28. Les Mousquetaires de la Reine. № 29. Das Mädchen vom Lande. № 30. La Part du Diable. № 31. Haydée ou le Secret.
- TULOU.** Thème varié, Op. 89. (1 р. 89 к.)

Всѣ эти новости и рѣшительно всѣ русскіе романы и пѣсни можно получить

ВЪ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

въ Большой-Морской, въ домъ Лауферта.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы они ни были изданы, или объявлены въ какомъ-либо каталогѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: Выписывающіе нотъ не менѣ, какъ на три руб. сереб., получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе же не менѣ, какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб. сер. пользуются гораздо значительнѣйшею уступкою. Магазинъ И. Пецы точнымъ и скорымъ выполнениемъ требованій приобрѣлъ довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія ГГ. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первою отходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейсъ-курантъ итальянскимъ струнамъ, рассылаются при посылкахъ безденежно.

Тутъ же продаются отличнаго достоинства итальянскія скрипичныя струны, употребляемыя знаменитыми скрипачами: гг. Леонаромъ, Эрнстомъ и Вьетаномъ. Прейсъ-курантъ струнамъ раздается безденежно.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 7.

УРОКЪ МУЖЬЯМЪ.

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДВѢЙСТВІИ.

НИКОЛАЯ КРЕСТОВСКАГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ИВАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОРСКІЙ

АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА, его жена.

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ ОЗЕРОВЪ, богатый помѣщикъ, отставной ротмистръ.

СОФІЯ НИКОЛАЕВНА, его жена.

Дѣйствіе происходитъ въ загородномъ домѣ Горскаго.

Сцена представляет садъ, направо бесѣдка, дверь къ актерамъ, окномъ къ зрителямъ; на заднемъ планѣ заборъ съ калиткой, примыкающей къ барскому дому, изъ котораго выходъ на сцену. Посрединѣ на авансценѣ цѣтникъ, окружающій съ 3-хъ сторонъ садовую скамью, Фруктовая деревья, цвѣты и прочія принадлежности роскошнаго сада.

I.

ГОРСКАЯ одна, сидитъ на скамьѣ и читаетъ книгу.

Безъ книгъ въ деревнѣ бѣда! Можно умереть со скуки... Муж мой съ гостями ловить рыбу, а я ненавижу эту сонную страсть... Толи дѣло книги? Напримѣръ это. О! чудный, незабвенный Пушкинъ! (*читаетъ*).

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,

Сидѣла дѣва молодая.

Туманный, неподвижный взоръ

Безмолвный выражалъ укоръ;

Блѣдна, какъ тѣнь, она дрожала;

Въ рукахъ любовника лежала

Ея холодная рука;

И наконецъ любви тоска

Въ печальной рѣчи излилася.

«Ахъ, Русскій, Русскій, для чего,

Не зная сердца твоего,

Тебѣ на вѣкъ я предалася!

Ужель на вѣкъ погибла радость?..

Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть

Мою неопытную младость,

Хотябъ изъ жалости одной,

Молчаньемъ, ласкою притворной;

Я услаждала-бъ жребій твой

Заботой нѣжной и покорной;

Ябъ естерегла минуты сна,

Покой тоскующаго друга,

Ты не хотѣлъ... Но кто жъ она,

Твоя прекрасная подруга?
Ты любишь, русский? Ты любимъ?
Понятны мнѣ твои страданья...
Прости-жь и ты мои рыданья,
Не смѣйся горестямъ моимъ.»
Умолкла. Слезы и стенанья
Стѣснили бѣдной дѣвы грудь.
Уста безъ словъ роптали пѣни;
Безъ чувствъ обнявъ его колѣни,
Она едва могладохнуть.
И пѣвникъ, тихою рукою
Поднявъ несчастную, сказалъ:
«Не плачь: и я гонимъ судьбою,
И муки сердца испыталъ.
Нѣтъ, я не зналъ любви взаимной:
Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымный,
Забутый средь пустыхъ долинъ.
Умру вдали береговъ желанныхъ;
Мнѣ будетъ гробомъ эта степь;
Здѣсь на костяхъ моихъ изгнанныхъ
Заржавитъ тягостная цѣпь.
Свѣтила ночи затмѣвались;
Въ дали прозрачной означались
Громады свѣтлоснѣжныхъ горъ;
Главу склонивъ, потупя взоръ,
Они въ безмолвіи разстались.»

II.

ГОРСКАЯ и ОЗЕРОВЪ, въ утреннемъ деревенскомъ костюмѣ, входятъ не замѣченный, и слушая стихи, становится противъ нея, любуясь ею.

ГОРСКАЯ (по окончаніи чтенія, увидѣвъ его). Ахъ! Это вы, Павелъ Петровичъ? Ну, какъ удили?

ОЗЕРОВЪ (не отвѣчая цѣлуетъ руку Горской и потомъ смотритъ на нее съ нѣжностью).

ГОРСКАЯ (въ-сторону). Что съ нимъ? (Грозко) Вы мнѣ не отвѣчаете... я васъ спрашиваю, удачна ли была ловля?

ОЗЕРОВЪ. Помилуйте, я тамъ началъ дремать... вдругъ, какая-то рыба такъ рванулась съ крючкомъ, что я удочку выпустилъ изъ рукъ и чуть самъ не упалъ въ воду.

ГОРСКАЯ. Ха, ха, ха! это преуморительно!

ОЗЕРОВЪ. Вашъ почтенный супругъ съ моей дражайшей половиной досихъ-поръ хохочуть на домной. Вотъ у нихъ такъ страсть къ этой скучной ловлѣ... Я не понимаю, что тутъ хорошаго.

ГОРСКАЯ. А какъ же Sophie увѣрила, что вы любили эту забаву?

ОЗЕРОВЪ. Да, я любилъ ее въ прежнія времена, отъ нечего дѣлать.

ГОРСКАЯ. А теперь разлюбили?

ОЗЕРОВЪ. Терпѣть не могу.

ГОРСКАЯ. Странно!

ОЗЕРОВЪ. Вотъ видите, Александра Андреевна, когда мы, празднующійся народъ, съ пустымъ сердцемъ и холодной душой, не находимъ предмета, достойнаго души и сердца, тогда вымышляемъ подобныя забавы, чтобъ только убить время.

Безъ дѣла я, мнѣ нуженъ моционъ:

Съ кѣмъ въ рукахъ — хожу вокругъ бильярда;

Я пресыщенъ, я жизнью утомленъ:

И въ карты ночь играю до азарта;

Позавтракавъ, мнѣ надо отдыхать:

Тамъ съ удочкой, — здѣсь съ трубкой на диванѣ;

А для того, чтобъ даромъ не дышать,

Отъ скуки я играю на чеканѣ.

Но когда встрѣтишь предметъ любви, когда сердце и душа заняты одною только мыслію, тогда совѣмъ перерождаешься, начинаешь жить новою жизнью... лѣность, праздность, охота, рыбная ловля, вся это дурь пройдетъ.

ГОРСКАЯ. Понимаю: любовь къ хорошенькой женѣ истребила страсть къ рыбной ловлѣ... не такъ ли?

ОЗЕРОВЪ. Совѣмъ не такъ; жена ни въ чемъ не измѣнила меня.

ГОРСКАЯ. Не понимаю... Что-жъ заставило васъ измѣниться? (*Озеровъ молча смотритъ на Горскую*). Вы молчите?

ОЗЕРОВЪ. Молчу, потому-что о многомъ думаю.

ГОРСКАЯ. Думаете! Нельзя ли думать велухъ? Это будетъ и учтивѣе и не такъ скучно.

ОЗЕРОВЪ. Думать велухъ? О какъ бы мнѣ хотѣлось открыть свою думу... но... всему есть границы; при васъ я не смѣю, не могу всего высказать...

ГОРСКАЯ (*перебивая*). А! Въ такомъ случаѣ я и не требую невозможнаго. (*Въ-сторону*). У него что то недоброе на умѣ? (*Вслухъ*). А знаете ли, что я замѣчаю: прежде вы были гораздо любезнѣе, веселѣе. Не скучно ли вамъ у насъ? Я, какъ хозяйка, объ этомъ васъ спрашиваю.

ОЗЕРОВЪ. Прежде я былъ вѣтренъ, глупъ, человѣкъ безъ чувства, безъ души... прежде я не зналъ васъ...

ГОРСКАЯ (*въ большомъ удивленіи*). Что такое?

ОЗЕРОВЪ. Проклинайте меня, браните, откройте все моей женѣ, предайте меня вашему мужу, мнѣ все-равно... жребій брошенъ, я не могу таить любви моей къ вамъ.

ГОРСКАЯ (*смѣется и напываетъ*). Ah, bravo, Figaro, Bravo bravissimo. Да вы славный актеръ; я и не знала за вами этого таланта. Вѣдь какъ натурально прикинулся влюбленнымъ.

ОЗЕРОВЪ (*нѣсколько смущенный*). О! не смѣйтесь надо мною, умоляю васъ! Я открылся предъ вами въ любви, зная, что это преступленіе... но что-же мнѣ дѣлать, когда я не въ силахъ молчать, потому что люблю васъ, какъ безумный! Я ничего не надѣюсь, не смѣю ждать взаимности;—только умоляю объ одномъ: не смѣйтесь надо мною, не презирайте меня, позвольте мнѣ любить, страдать безнадежно—и я счастливѣйшій человѣкъ на свѣтѣ.

ГОРСКАЯ (*серьозно*). Послушайте... то, что я слышала сейчасъ, можетъ быть понято двояко: или вы говорили серьезно, въ такомъ случаѣ это оскорбленіе, котораго я не заслужила, и которое, несмотря на дружбу мою съ вашей женой, заставило-бы меня просить васъ оставить мой домъ; если же все сказанное вами шутка, комедія, сцена, превосходно вами разыгранная, то я готова отъ всей души посмѣяться этой забавной выдумкѣ.

ОЗЕРОВЪ. Вы ангель! вы такая красавица, какихъ на свѣтѣ нѣтъ... и думаете, что я шучу. Нѣтъ я съ ума схожу отъ любви къ вамъ! Если вамъ угодно, чтобъ я уѣхалъ, я уѣду; умру съ тоски, а уѣду. Но повторяю, что люблю васъ и буду любить до гроба!.. И такъ... и такъ прикажете проститься съ вами?

ГОРСКАЯ (*подумавъ, потомъ улыбаясь и перелистывая книгу, говоритъ*). Проститься... нѣтъ; но до свиданія.

ОЗЕРОВЪ (*въ восторгѣ*). Что я слышу! Какое счастье!

ГОРСКАЯ (*хладнокровно*). Чему вы обрадовались? Во-первыхъ я не хочу огорчать вашу жену и унижать васъ передъ моимъ мужемъ; а во-вторыхъ я любовь ваша мнѣ неопасна (*Смотря въ книгу*). Вотъ кетати, послушайте мнѣніе Пушкина, «Чѣмъ меньше мы стараемся нравиться женщинамъ, тѣмъ больше мы ей нравимся». А согласитесь, что вы не такъ ловко начали? Притомъ же вы согласны любить и безъ надежды... (*Смѣясь и уходя*). Тутъ ужъ для меня рѣшительно нѣтъ ни малѣйшей опасности, и я вамъ снова повторяю: до свиданія. (*Уходитъ смѣясь*).

III.

ОЗЕРОВЪ одинъ.

Гмъ! вотъ что-сь. Всякій на моемъ мѣстѣ повѣсилъ бы носъ... а я... не даромъ она вспомнила о Фигаро! Вы, душечка, хороши, какъ Су-санна, даже лучше ея; зато и я похитрѣ графа Альмавивы. И Пуш-кинъ правъ съ одной стороны, но я помню дѣдушку Крылова: «Что въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ». Притомъ же у меня своя метода: я бью навѣрняка.

IV.

ОЗЕРОВЪ и ОЗЕРОВА, входя въ калитку.

ОЗЕРОВА. Ты здѣсь? Ахъ, сколько мы съ Иваномъ Михайловичемъ наловили окуней! А ты, Поль, какой неловкій! Мы все хохотали надъ тобой.

ОЗЕРОВЪ. Да, да, я всю дорогу слышалъ вашъ адскій смѣхъ.

ОЗЕРОВА. Я нарочно торопилась сюда, чтобъ рассказать Александринѣ, какъ тебя шука въ воду стащила.

ОЗЕРОВЪ. Она ужъ знаетъ, я сей-часъ самъ рассказывалъ; она тоже осмѣяла меня. (*Въ-сторону*). Странная вещь, мнѣ передъ ней немножко совѣстно. (*Вслухъ*). Прощай.

ОЗЕРОВА. Куда же ты?

ОЗЕРОВЪ. Надо переодѣться.

ОЗЕРОВА. Ну, хорошо, иди и приходи скорѣй сюда; сядемъ въ розовомъ павильонѣ; я буду читать, а ты пожалуй засни, мнѣ и это пріятно: я все таки буду съ тобой; хорошо? (*Горская выходитъ, и замѣтивъ, что Озеровъ хочетъ идти изъ дому, останавливается за павильономъ, и дѣлаетъ Озеровой знакъ, чтобы она ничего не говорила*).

ОЗЕРОВЪ. Хорошо, мой другъ, хорошо; подожди здѣсь, я сей-часъ. (*Цѣлуетъ ее въ лобъ, въ-сторону*). Какъ она меня любитъ, а я, не-благодарный! Пойду къ той. (*Входитъ въ домъ*).

V.

ОЗЕРОВА и ГОРСКАЯ.

ГОРСКАЯ (*по выходу Озерова хохочетъ*). Соня! душечка! какую я расскажу тебѣ диковинку, невообразимую, удивительно-невѣроятную.

ОЗЕРОВА (*смѣясь*). Ахъ, скажи, скажи пожалуйста.

ГОРСКАЯ. Изволь, но съ условіемъ, что ты будешь смѣяться точно такъ же какъ и я.

ОЗЕРОВА. Пожалуй хоть больше! Я сегодня расположена къ смѣху; мы съ Иваномъ Михайловичемъ все утро хохотали надъ моимъ мужемъ.

ГОРСКАЯ. И теперъ давай смѣяться надъ нимъ же.

ОЗЕРОВА. Очень рада. Ну, что же онъ еще напроказилъ?

ГОРСКАЯ. Вообрази, мужъ твой... (*хохочеть*).

ОЗЕРОВА. Ну?

ГОРСКАЯ. Да не могу... (*хохочеть*).

ОЗЕРОВА (*тоже хохочеть*). Миѣ на тебя смѣшно. Да говори...

ГОРСКАЯ (*хохочеть*). Онъ влюбленъ.

ОЗЕРОВА. Влюбленъ! Мой мужъ влюбленъ? Въ кого же это?

ГОРСКАЯ. Въ меня.

ОЗЕРОВА. Въ тебя?

ГОРСКАЯ. Да, влюбленъ, влюбленъ въ меня. Чтѣжъ ты не смѣешься? Ты собираешься плакать, ребенокъ... да что съ тобой, милочка, душечка, что съ тобой?

ОЗЕРОВА (*въ слезахъ*). И ты спрашиваешь, что со мною?

Этотъ случай подстрекаетъ,

Самолюбіе твое;

Ты не знаешь, какъ страдаетъ

Сердце бѣдное мое.

Хоть твоей я вѣрю чести,

Но могу-ль быть весела?

На моемъ и ты-бы мѣстѣ

Веселиться не могла. —

О мужа, мужа, какъ больно?

Вашу вѣтренность сносить:

Вы заставите неволью,

Вамъ невѣрностью платить.

ГОРСКАЯ. Это къ чему! Слишкомъ много чести... Мужъ твой молодъ, вѣтренъ, и даже, должно сознаться, немножко самолюбивъ... такъ надо его одурачить, Я и сказала тебѣ съ тѣмъ, чтобы условиться, какъ бы хорошенько проучить его, да попрохладить излишній жаръ... (*Смотритъ въ садъ*). Ахъ, вотъ кетати и мой мужъ, онъ будетъ нашимъ сообщникомъ. Да полно же, Соничка, морщить брови, улыbnись, душечка; ун улыbnись же... вотъ такъ.

VI.

ГОРСКАЯ, ОЗЕРОВА въ задумчивости и ГОРСКИЙ.

ГОРСКАЯ. Иванъ Михайловичъ, Иванъ Михайловичъ! въ вашемъ присутствіи мы разберемъ уголовное дѣло между мужемъ и женой.

ГОРСКИЙ. Чтѣ такое случилось? Впрочемъ видно хорошія вѣсти: ты такъ весела, что любо на тебя смотрѣть... однако мы съ тобою не видались сегодня. (*Цѣлуетъ ее въ лобъ*).

ГОРСКАЯ. Помилуйте, гдѣ же вамъ видѣться со мною, когда вы чѣмъ свѣтъ встаете и ухаживаете за нашей гостьей: вотъ какую рыбку вы ловите!..

ГОРСКИЙ. Такъ, это меня-то вы и собираетесь отдать подъ судъ?

ГОРСКАЯ. Совеѣмъ нѣтъ, и хоть вы тоже грѣшный человѣкъ, но съ вами послѣ расправа будетъ. Взгляните на эту бѣдняжку: вотъ жертва, я донощикъ, вы судья.

ГОРСКИЙ (*взглянувъ на Озерову*). Въ-самомъ-дѣлѣ, чтѣ это значить? Я недоволенъ этимъ печальнымъ личикомъ, которое привыкъ видѣть веселенькимъ. Чтѣ съ вами Софья Николаевна? (*Озерова закрываетъ лицо платкомъ*).

ГОРСКАЯ. Не спрашивай ее, мой другъ. Я все тебѣ разекажу послѣ, только нездѣсь. Ты также, Соничка, приходи въ мою комнату. Ахъ, да вотъ нашъ злодѣй... при немъ ни слова о нашей тайнѣ.

ГОРСКИЙ. Какая тайна? Я вѣдь ничего не понимаю.

ГОРСКАЯ. И не нужно. Только будьте поразвязнѣе и ухаживайте за Соничкой.

ГОРСКИЙ. Какъ, ухаживать!

ГОРСКАЯ. Ну, разумѣется, какъ ухаживаютъ влюбленные...

ГОРСКИЙ. Не понимаю.

ГОРСКАЯ. А это ясно: бывало вы волочили тамъ многихъ по дѣламъ, теперь извольте волочиться сами.

ГОРСКИЙ. Да чтѣ ты, шутишь или серьезно?

ГОРСКАЯ. Ничего не сдѣлаешь безъ взятки. (*Цѣлуя его*). На, возьми плуть. Тсъ! комедія начинается. Станьте подлѣ Сонички. (*Горскій переходитъ*).

VII.

ТЪ ЖЕ и ОЗЕРОВЪ, расфранченный.

ОЗЕРОВЪ. А наконецъ все наши собралось. Mesdames, чтѣ прикажете? Какую прогулку назначите? Конную или пѣшую?

ГОРСКИЙ. А вотъ, прежде позавтракаемъ, а потомъ и выдумаемъ что-нибудь.

ОЗЕРОВЪ. Честь имѣю донести, что завтракъ тамъ готовъ. (*Горскій хочетъ перейти*).

ГОРСКИЙ (*къ Озерову*). А знаешь ли что, mon cher...

ГОРСКАЯ (*ему тихо*). Стойте и говорите что-нибудь нѣжное Соничкѣ.

ГОРСКИЙ (*тихо ей*). Да что-же говорить?

ГОРСКАЯ (*также*). «Какъ вы сегодня прелестны!»

ГОРСКИЙ (*Озеровой*). Какъ вы сегодня прелестны!

ГОРСКАЯ (*тихо*). Вдыхайте передъ ней.

ГОРСКИЙ. Ахъ!

ГОРСКАЯ. Что это, мой другъ, ты глазъ не сводишь съ Сонички, вдыхаешь, говоришь комплименты...

ГОРСКИЙ. Да ты же ве.....

ГОРСКАЯ (*перебивая*). Да, да, я начинаю ревновать! А вы ничего за нами не замѣчаете, Павелъ Петровичъ?

ОЗЕРОВЪ. Давно замѣтилъ. И рыбу ловятъ вмѣстѣ, и смѣются надо мной... (*Переходя къ женѣ*). Только Иванъ Михайловичъ во всякомъ случаѣ мнѣ неопасенъ.

ГОРСКАЯ (*тихо Озеровой*). У тебя мигрень, уйди въ спальню. (*Гролко*). Что съ тобой, Соня, ты что-то не весела!

ОЗЕРОВЪ (*беретъ руку жены и смотритъ съ участіемъ*). В-самомъ-дѣлѣ, что съ тобой?

ОЗЕРОВА. У меня мигрень.

ГОРСКАЯ. Что-жъ ты здѣсь мучишь себя? Ступай къ себѣ въ комнату, бѣдиськая, и запишись въ ней, а я велю, чтобъ не шумѣли въ домѣ. Ступай, душечка. (*Озерова идетъ. Горская тихо мужу*). Идите за ней.

ГОРСКИЙ (*тихо ей*). Зачѣмъ?

ГОРСКАЯ (*также*). Она вамъ все объяснитъ. Да идите же. (*Горскій идетъ*). А ты куда, плутишка?

ГОРСКИЙ. Да ты же велъ...

ГОРСКАЯ (*перебивая и толкая его*). Иди, иди. Тебѣ надо переодѣться; а я пойду на ферму.

ОЗЕРОВЪ. И вы уходите?

ГОРСКАЯ. Извините, мнѣ надо навѣстить больную на фермѣ.

ОЗЕРОВЪ. И я пойду съ вами.

ГОРСКАЯ. Нѣтъ, нѣтъ, останьтесь, позавтракайте. Я сейчасъ ворочусь и мы поѣдемъ кататься. До свиданія. (*Уходитъ въ калитку*).

VIII.

ОЗЕРОВЪ одинъ.

Ушла. Гмъ! боится остаться со мной наединѣ. Это хорошій знакъ. Кому же неизвѣстно, что отъ этой боязни до любви одинъ только шагъ.

IX.

ОЗЕРОВЪ и ОЗЕРОВА, вбѣгаетъ въ смущеніи.

ОЗЕРОВА. Это ужасно! это непростительно! Какъ осмѣливаться на такой поступокъ?

ОЗЕРОВЪ. Что съ тобой?

ОЗЕРОВА. Поль! намъ должно отсюда уѣхать, непременно, сей-часъ же уѣхать.

ОЗЕРОВЪ (*всторону*). Ай, ай, она все узнала. (*Громко*). Ъхать, мой другъ, зачѣмъ ѣхать?

ОЗЕРОВА. Затѣмъ, что меня здѣсь оскорбили.

ОЗЕРОВЪ. Оскорбили! Кто-же?

ОЗЕРОВА. Иванъ Михайловичъ.

ОЗЕРОВЪ. Горскій?

ОЗЕРОВА. Горскій.

ОЗЕРОВЪ. Вотъ это удивляетъ меня. Какъ же это случилось?

ОЗЕРОВА. Я давно замѣтила его странное поведение въ отношеніи ко мнѣ... онъ вздыхаетъ, говоритъ приторныя нѣжности, особливо, когда мы бываемъ вдвоемъ.

ОЗЕРОВЪ. Какъ напримѣръ, сегодня, на рыбной ловлѣ.

ОЗЕРОВА. Да, какъ сегодня, такъ и всегда. Вотъ почему я и просила тебя быть всегда со мною.

ОЗЕРОВЪ (*шутя*). Ай да Иванъ Михайловичъ!

ОЗЕРОВА. Но это все бы ничего; я такъ вела себя, что и виду не подавала, будто понимаю его намеки. (*Съ нетерпѣніемъ*). Но ты, кажется, равнодушно это принимаешь? Развѣ ты не слышишь? Горскій... Понимаешь ли ты, наконецъ, почему намъ должно отсюда ѣхать?

ОЗЕРОВЪ (*всторону*). Онъ самъ помогаетъ мнѣ. (*Вслухъ*). Не вижу, въ этомъ никакой надобности, мой другъ; напротивъ, мы не уѣдемъ, мы останемся здѣсь.

ОЗЕРОВА. Чего же ты хочешь?

ОЗЕРОВЪ. А вотъ чего, слушай: во-первыхъ, нужно согласиться на свиданіе.

ОЗЕРОВА Ты меня удивляешь, Польша.

ОЗЕРОВЪ (*оглядывая садъ*). И мѣстомъ свиданія избрать эту бесѣдку. Я потомъ объясню тебѣ, для чего все это надобно. Во вторыхъ, и это необходимо: не говори ни о чемъ его женѣ.

ОЗЕРОВА. Это зачѣмъ?

ОЗЕРОВЪ. За тѣмъ... за тѣмъ, чтобъ не опечалить ее; бѣдная, она такъ любитъ своего мужа.

ОЗЕРОВА. Странныя требованія! Согласиться на свиданіе, и тихонько отъ его жены! На что это похоже! какія послѣ этого будутъ мои отношенія къ ней. Нѣтъ, этому не бывать.

ОЗЕРОВЪ. Дитя! неужели ты думаешь, что я въ такомъ важномъ обстоятельстве дамъ тебѣ совѣтъ, не обдумавъ его? Если мы съ ними поссоримся и уѣдемъ, все сосѣди Богъ знаетъ что заговорятъ; начнутъ дѣлать разныя догадки, толки, подозрѣнія... еще пожалуй, вмѣсто его оклеветаютъ меня; сочинятъ, будто я признался въ любви его женѣ. (*Озерова съ удивленіемъ смотритъ на него*). Да, да, не удивляйся, злые языки чего не выдумаютъ! Между-тѣмъ, въ чемъ дѣло? Горскій, хоть и старъ, но увлеченъ одной изъ тѣхъ причудъ, которымъ часто бываютъ подвержены старики... понимаешь?

ОЗЕРОВА. Да Горскій вовсе не старикъ...

ОЗЕРОВЪ. Т. е. онъ хорошо очень сохранился, но все-таки, повѣрь мнѣ, онъ старикъ... понимаешь? Ты должна дать ему урокъ, прочесть хорошенькую нотацію... понимаешь?

ОЗЕРОВА. Не совѣмъ. Но будь по твоему.

ОЗЕРОВЪ. Если хочешь... если въ-самомъ-дѣлѣ ты боишься быть наединѣ съ сорокалѣтнимъ Донъ-Жуаномъ, то я буду при этомъ свиданіи невидимкою, вотъ хоть въ этой бесѣдкѣ.

ОЗЕРОВА. Нѣтъ, я этого не хочу.

ОЗЕРОВЪ. Почему?

ОЗЕРОВА. Вотъ видишь, если я буду знать, что меня подслушиваютъ... тогда я плохо разыграю свою роль, престо не съ умѣю ничего путнаго сказать. Общай же мнѣ, что ты не будешь присутствовать при свиданіи моемъ съ Горскимъ.

ОЗЕРОВЪ. Изволь, общаю.

ОЗЕРОВА. Честное слово?

ОЗЕРОВЪ. Вотъ рука.

ОЗЕРОВА. И такъ покуда прощай. (*Уходитъ, но не доходя до дверей, останавливается*). Дай еще мнѣ обѣщаніе.

ОЗЕРОВЪ Какое?

ОЗЕРОВА. Что ты не будешь брать примѣръ съ Ивана Михайловича, и никогда мнѣ не измѣнишь.

ОЗЕРОВЪ (*трагическимъ тономъ*). Можно ли мнѣ объ этомъ говорить! Стыдно, стыдно, сударыня! (*Озерова уходитъ*).

X.

ОЗЕРОВЪ одинъ.

А! вотъ что, почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ. Вы вздумали подражать нашему брату? Прекрасно! Еще сперва мнѣ было совѣстно немножко волочиться за вашей женой... а теперь... теперь все обратится на вашу голову!.. Есть люди, которые думаютъ, что нѣтъ существа хитрѣе женщины. Я бы желалъ посмотрѣть на женщину, которая съумѣла бы меня обмануть.

XI.

ОЗЕРОВЪ и **ГОРСКАЯ**, выходятъ изъ калитки, и увидѣвъ Озерова, хотятъ уйти въ домъ.

ОЗЕРОВЪ. Не уходите, ради Бога не уходите! Мнѣ необходимо сказать вамъ два слова наединѣ. Не о себѣ, не о любви моей хочу говорить. (*Горская подходитъ къ Озерову*). Если давишимъ объясненіемъ я имѣлъ несчастіе огорчить васъ, то клянусь любить и страдать молча... (*Горская хочетъ уйти*). Про васъ, про васъ и про вашего мужа я хочу говорить.

ГОРСКАЯ (*возвращаясь*). Ну-съ? Что скажете хорошенькаго?

ОЗЕРОВЪ. Какъ вы думаете, почему я давеча, безъ малѣйшаго приготовления, такъ вдругъ, неожиданно, признался вамъ въ любви?

ГОРСКАЯ. Послушайте, вы хотѣли говорить про моего мужа?

ОЗЕРОВЪ. Я про него и говорю.

ГОРСКАЯ. Какъ про него? Вы опять съ этой любовью...

ОЗЕРОВЪ. Помилуйте, вы ужъ знаете, что я васъ люблю давно и страдаю... къ чему мнѣ повторять это... Да, я бы и никогда не осмѣлился признаться въ любви.

ГОРСКАЯ. Это скучно. (*Хочетъ идти*).

ОЗЕРОВЪ (*скоро вслѣдъ ей кричитъ*). А теперь именно хочу говорить о вашемъ мужѣ.

ГОРСКАЯ (*издаив*). Котораго вы оскорбляете!.. (*Подходя*). Ну, говорите объ немъ, я васъ слушаю.

ОЗЕРОВЪ. Такъ угадайте же, почему я сегодня признался вамъ въ любви?

ГОРСКАЯ (*смѣясь*). Такъ это рѣчь о мужѣ?

ОЗЕРОВЪ. Именно. Вы только слушайте до конца. И такъ почему я, несмотря на мою скромность и природную застѣнчивость, вдругъ, такъ неожиданно для васъ признался въ любви? Вы не угадаете... да...

ГОРСКАЯ. Напротивъ, это очень ясно: именно потому-то вы и рѣшились на такой дерзкій поступокъ, что въ васъ нѣтъ, не только скромности и застѣнчивости, а даже извините, по моему, въ васъ нѣтъ никакого стыда!

ОЗЕРОВЪ (*трагически*). Вотъ, что я долженъ переносить за любовь мою къ вамъ!

ГОРСКАЯ. Довольно. Что же я ничего не слышу о моемъ мужѣ?

ОЗЕРОВЪ. Я не зналъ, какъ сказать, не рѣшался огорчать васъ; но вы требуете, и такъ узнайте: въ то время, какъ я любилъ васъ и молчалъ, вашъ мужъ явно волочился за моей женой.

ГОРСКАЯ (*съ притворною обидой*). Что? это ложь, ложь! Вы говорите вздоръ, и вздоръ обидный! Мы любимъ другъ-друга, наша любовь основана на взаимной довѣренности. Мужъ мой никогда не рѣшится поступить противъ супружескихъ обязанностей... и я сдѣлаю преступленіе противъ этихъ обязанностей, если буду васъ слушать...

(*Хочетъ уйти*).

ОЗЕРОВЪ (*кричитъ*). Слово и дѣло! Вы теперь не имѣете права уходить. Онъ никогда не рѣшится преступить обязанностей, говорите вы?

ГОРСКАЯ. Да!

ОЗЕРОВЪ. Вы въ этомъ увѣрены?

ГОРСКАЯ. Совершенно увѣрена.

ОЗЕРОВЪ. Такъ разувѣрьтесь. Вашъ мужъ съ самаго пріѣзда нашего ухаживаетъ за моей женой, а нѣсколько минутъ тому назадъ вошелъ въ ея комнату, объяснялся въ любви и просилъ свиданія.

ГОРСКАЯ (*съ притворнымъ изумленіемъ и негодованіемъ*). Не можетъ быть!..

ОЗЕРОВЪ. Спросите у Сони. Она была здѣсь передъ вами, и все мнѣ рассказала. Она непременно хотѣла бѣжать отсюда. Я насилу уговорилъ ее остаться (*Смотритъ съ нѣжностью на Горскую*). Волочиться за другими, тогда какъ Богъ послалъ ему жену молодую, прекрасную, очаровательную... Измѣнить такой красавицѣ... И кто-же

этотъ пзмѣнникъ? Такъ, пустой человѣкъ, глупецъ... чуть не старикъ! Это не простительно! это гнуено! (*Въ-сторону, смотря на нее*). Дѣйствуетъ, дѣйствуетъ.

ГОРСКАЯ (*въ сильномъ волненіи*). Узнайте, гдѣ будетъ свиданіе. Чтобы повѣрить тому, что вы говорите, мнѣ нужно видѣть все собственными глазами. И если вы сказали правду...

ОЗЕРОВЪ. Тогда?

ГОРСКАЯ. Тогда... О! я отомщу ему! (*Убѣгаетъ въ домъ*).

ХІІ.

ОЗЕРОВЪ одинъ, чрезвычайно доволенъ собой, потому **ГОРСКІЙ**

ОЗЕРОВЪ. Теперь кончено! Ревность—это опиумъ, приводящій въ опьянѣніе; только надо умѣть пользоваться ею во-время... А! вотъ нашъ амфитріонъ. (*Входитъ Горскій. Увидя его, Озеровъ принимаетъ задумчивый видъ*).

ГОРСКІЙ (*расфранченный*). А я ужъ позавтракалъ; что же вы не приходили?

ОЗЕРОВЪ. Я берегу аппетитъ къ обѣду. (*Въ-сторону*) Онъ еще можетъ ѣсть.

ГОРСКІЙ (*весело*). Я встрѣтилъ жену; она велѣла вамъ сказать, что хочетъ ѣхать верхомъ. Что вы такъ скучны, Павелъ Петровичъ?

ОЗЕРОВЪ (*въ-сторону*). А ты чему радуешься, любезный; вѣдь есть-же такіе безопасные мужья.

ГОРСКІЙ. Да полно, другъ, о чемъ думаешь?

ОЗЕРОВЪ. О женѣ.

ГОРСКІЙ. О своей женѣ! Счастливая Софья Николаевна.

ОЗЕРОВЪ. Счастливая! отчего такъ?

ГОРСКІЙ. Оттого, что вы думаете о ней. А какъ много женъ, о которыхъ вовсе не думаютъ мужья.

ОЗЕРОВЪ (*въ-сторону*). Какъ онъ доволенъ! Вотъ чудакъ! (*Громко*). Въ такомъ случаѣ и я скажу, счастливая Александра Андреевна, потому-что, конечно, никто болѣе васъ не любитъ жены своей и не думаетъ о ней.

ГОРСКІЙ (*улыбаясь*). Вы такъ полагаете?

ОЗЕРОВЪ. Развѣ я ошибаюсь.

ГОРСКІЙ. Хе, хе, хе! Еслибъ можно было положиться на вашу скромность, то я бы поразказалъ кое-что.

ОЗЕРОВЪ (*въ-сторону*). Да это комедія (*Громко*). Иванъ Михайловичъ, я васъ не узнаю! Да вы, просто, повѣса.

ГОРСКІЙ. Я второй Донъ-Жуанъ!

ОЗЕРОВЪ. Вы пожалуй и до меня доберетесь?

ГОРСКІЙ. Пожалуй.

ОЗЕРОВЪ. А дружба?

ГОРСКІЙ. Въ этихъ случаяхъ я дружбу подъ сукно.

ОЗЕРОВЪ. Молодецъ!

ГОРСКІЙ. О! я ужасный человекъ! Я часто нарочно рассказываю в се мужьямъ; такъ сказать предупреждаю ихъ; и все-таки обману:

ОЗЕРОВЪ. Да вы просто разбойникъ! Ну, а если съ вами кто-нибудь тоже сдѣлаетъ? У васъ же такая красавица жена...

ГОРСКІЙ. Никому не удастся: я такъ ее настроилъ, что она любитъ меня безъ памяти, и совершенно увѣрена въ моей любви.

ОЗЕРОВЪ (*тихо*). Какъ самолюбивъ, уродъ! (*Вслухъ*). Смотрите, не попадитесь въ просакъ.

ГОРСКІЙ. Да, неужодно-ли попробовать?

ОЗЕРОВЪ. Куда мнѣ! (*Въ-сторону*). Я же докажу тебѣ дружбу.

ГОРСКІЙ. Современемъ я вамъ расскажу все мои похождения; это вамъ пригодится... вы еще молоды, неопытны, я васъ сформирую.

ОЗЕРОВЪ. Покорно васъ благодарю.

ГОРСКІЙ. Надо, чтобъ жены наши любили насъ, вѣрили намъ, а главное, чтобы сами были откровенны во всемъ.

ОЗЕРОВЪ (*въ-сторону*). Просто комедія! О! Мольеръ! гдѣ ты? Ха, ха, ха, ха! (*Оба хохочутъ, пожимая руки другъ другу. Въ-сторону*). Погоди же, пріятель!

ГОРСКІЙ (*въ-сторону*). Погоди же, предатель!

ХІІІ.

ТѢЖЬ И ГОРСКАЯ, въ амазонкѣ.

ГОРСКАЯ. Какое у васъ веселье! А я пришла разлучить Ореста съ Пиладомъ. Monsieur Озеровъ! вы мой кавалеръ. Этого господина съ мѣста не сдвинешь, а Sophie все еще страдаетъ отъ мигрена. Поѣдьте вдвоемъ.

ОЗЕРОВЪ. Я къ вашимъ услугамъ.

ГОРСКАЯ. Прекрасно. (*Дѣлаетъ знакъ Горскому, чтобъ онъ вышелъ*). А ты куда?

ГОРСКИЙ. Я черезъ садъ пройду къ управителю: проклятые счета! Нужно отдать еще кое-какія приказанія; я тотчасъ ворочусь, а между-тѣмъ пошлю въ городъ за докторомъ для Софьи Николаевны.

ГОРСКАЯ. Поцѣлуй же меня, мой другъ. Мы скоро воротимся. Прощай, прощай. (*Тихо показываетъ, чтобъ онъ ушелъ налево*).

ОЗЕРОВЪ. До свиданія, Донъ-Жуанъ.

ГОРСКИЙ. До свиданія, Нулинъ. Прочтатъ онъ тебя! (*Озеровъ и Горская уходятъ въ калитку. Горскій закулисы налево. На сценѣ нѣсколько секундъ нѣтъ никого*).

XIV.

ГОРСКАЯ И ОЗЕРОВЪ.

ГОРСКАЯ (*выходя тихо и смотря за мужемъ*). Онъ далеко. Никого нѣтъ. Гдѣ же назначено свиданіе?

ОЗЕРОВЪ. Здѣсь въ саду, даже въ этой бесѣдкѣ: я такъ и просилъ жену назначить... Соня сейчасъ выйдетъ...

ГОРСКАЯ. Смотрите! Бѣда, если вы солгали на моего мужа.

* **ОЗЕРОВЪ.** Тогда дѣлайте со мной, что хотите. А если вы сами убѣдитесь во всемъ, тогда...

ГОРСКАЯ. Тогда... я знаю что мнѣ дѣлать.

ОЗЕРОВЪ (*въ-сторону*). Она моя! (*Смотря налево*). Вотъ, вотъ и звѣрь нашъ идетъ въ западню. Спрячесь, — мужъ вашъ возвращается. Вотъ павильонъ, изъ котораго мы услышимъ все, что здѣсь говорится.

ГОРСКАЯ. Все это прекрасно придумано. Пойдемте. (*Оба подходятъ направо отъ актеровъ къ павильону*). Войдите скорѣе, кажется идутъ. (*Вталкиваетъ его въ дверь*).

ОЗЕРОВЪ (*въ дверяхъ, оборачиваясь*). А вы, развѣ не войдете со мной?

ГОРСКАЯ. Нѣтъ, я здѣсь буду въ кустахъ; не забывайте, что я еще ни въ чемъ неувѣрена! (*Запираетъ за нимъ дверь ключемъ, снаружи*).

Ты обмануль Пизада,
Такъ тебѣ и надо,
А я Ореста,
Не выпущу изъ подъ ареста!..

(*Проходя мимо публики и показывая на ключъ*). Bravo! bravo! я, кажется, сочиняю стихи; хоть и не такъ хороши, ну, да онъ лучшихъ и не стоить!

ОЗЕРОВЪ (*показываясь въ окнѣ, противъ зрителей*). Скучновато мнѣ будетъ одному; но почему не перетерпѣть минуту скуки;— тѣмъ пріятнѣе будетъ вознагражденіе. Поемтѣсь же я надъ этимъ сорокалѣтнимъ мотылькомъ. (*Горская, между-тѣмъ, какъ онъ говоритъ, подходитъ тихонько къ дому и выводитъ Озерову*).

XV.

ГОРСКІЙ, ГОРСКАЯ, ОЗЕРОВА смѣются тихо. **ОЗЕРОВЪ** въ павильонѣ.

ГОРСКАЯ (*входящему мужу*). Да ну, неловкій волокита! Насилу ноги волочить. Начинайте, начинайте... онъ тамъ.

ГОРСКІЙ (*съ притворною нѣжностью*). Sophie, Sophie! Войдите, никого нѣтъ.

ОЗЕРОВА. Точно—ли никого нѣтъ?

ГОРСКІЙ. Рѣшительно никого; мы одни, прекрасная Sophie. А наши бѣдняжки скачутъ теперь по полямъ. Сядьте сюда... (*Горскій садится на одинъ конецъ скамьи, Озерова на другой. Горская посрединѣ. Озерова громко хохочетъ*).

ОЗЕРОВЪ (*въ павильонѣ*). Чему она обрадовалась? Какъ хохочетъ?

ГОРСКІЙ. Чему вы такъ весело смѣетесь?

ОЗЕРОВА (*продолжая хохотать*). Вашей удивительной выдумкѣ.

ГОРСКІЙ. Вотъ видите, а вы боялись.

ОЗЕРОВА. Да какъ же не бояться: мнѣ казалось, что онъ ужъ началъ подозрѣвать мою любовь къ вамъ.

ОЗЕРОВЪ (*въ павильонѣ*). Что такое?

ГОРСКІЙ. Для того то я и научилъ васъ пожаловаться ему на меня. Ну, расскажи, Sophie, какъ онъ это принялъ?

ОЗЕРОВА. Очень покойно, потому—что онъ самолюбивъ; и теперь совершенно увѣрекъ во мнѣ.

ОЗЕРОВЪ (*про себя, въ окнѣ*). Что-жь это такое! Хоть бы мнѣ провалиться сквозь землю!

ОЗЕРОВА. Ваша образцовая выдумка уничтожила всякій поводъ къ недоувѣрчивости. Я такъ и сказала ему, что вы мнѣ признались въ любви и просили свиданія; но что я этимъ оскорблена, и хочу непременно ѣхать; онъ сталъ уговаривать меня остаться, а потомъ настоялъ, чтобъ я пришла на свиданіе; вотъ услужливый мужъ. (*Оба смѣются*).

ОЗЕРОВЪ. Какое безстыдство! Въ какомъ вѣкѣ мы живемъ?..

ОЗЕРОВА. Онъ знаетъ, что я теперь съ вами здѣсь наединѣ, и совершенно спокоенъ. Правда, что онъ поручилъ мнѣ отдѣлать васъ хоро-

шенько, прочитайте нотацию, просто одурачить васъ, и совершенно увѣренъ, что комиссію его я исполню въ точности. (*Оба хохочутъ*).

ОЗЕРОВЪ. Боже мой! до чего дошли нынче женщины!

ГОРСКІЙ. Sophie! вы восхитительны! (*Беретъ руку жены своей и цѣлуетъ ее нѣсколько разъ. Озеровъ въ навильонъ въ сильномъ волненіи*).

ОЗЕРОВА. Вѣдь онъ воображаетъ, что нашелъ во мнѣ скромненькую, простодушную женщину, изъ которой можетъ сдѣлать, что ему вздумается. Не правда-ли, какъ онъ смѣшенъ.

ГОРСКІЙ. Уморителенъ!

ОЗЕРОВЪ. Не женщина, а дьяволъ! Я съ ума сойду!!!

ГОРСКІЙ. Но забудьте о немъ. Какъ я вамъ благодаренъ, милая Sophie! за то, что вы не отказали мнѣ въ этомъ свиданіи. (*Цѣлуетъ руку жены*).

ОЗЕРОВЪ. Цѣлуются!.. Нѣтъ... это мнѣ вѣрно послышалось.

ГОРСКАЯ (*тихо*). Да ну, ври, что-нибудь.

ГОРСКІЙ. (*также*). Я и то цѣлый день вру на себя небылицы.

ГОРСКАЯ. Я буду суфлировать. (*Шепчетъ ему*).

ГОРСКІЙ. Конечно, я васъ вижу здѣсь каждый день, но все этого мало: боишься и вашего чудака, и моей дурочки. Ахъ, какое сладостное удовольствіе быть наединѣ съ такой душечкой! Глазами впиваться въ это личико, и твердить: люблю, люблю, люблю... Ахъ, какъ пріятно повторять это слово, и въ особенности слышать его взаимно изъ устъ обожаемой женщины. (*Озеровъ въ навильонъ, въ сильномъ безпокойствѣ задѣваетъ за мебель и шумитъ*). Повтори, повтори, что и ты любишь меня. (*Цѣлуетъ руку своей жены*).

ОЗЕРОВА. О да, и я люблю! люблю! (*Горскій цѣлуетъ жену, Озеровъ ломится въ дверь, потомъ бросается къ окну и выскакиваетъ изъ него въ садъ*).

ОЗЕРОВЪ. Нѣтъ! Все кончено! я убью ихъ! (*Выскочивъ бѣжитъ на нихъ въ бѣшенствѣ*). А! измѣнники! (*Всѣ хохочутъ. Увидя ихъ сидящихъ въ прежнемъ положеніи, въ сильномъ изумленіи пятится назадъ и говоритъ къ публикѣ*). Вотъ сръзлся-то! Что мнѣ дѣлать?.. Смѣяться? Но у меня такъ вынянулось лицо, что мускулы не двигаются... Не сердиться же: это всего глупѣе. (*Вслухъ подходя и опускаетъ смиренно голову*). Приношу повинную голову.

ВСѢ. Ха, ха, ха!

ОЗЕРОВЪ. Смѣйтесь, смѣйтесь, я кругомъ виноватъ.

ГОРСКІЙ (*вставая*). Нѣтъ! будетъ смѣяться! Тсъ! тише! перестаньте! Я вступлюсь за него! Помилуйте, да вы съ ума сведете хоть кого. Па-

вель Петровичъ, я тутъ ни въ чемъ виновать, что я ни дѣлалъ, что я ни вралъ на себя, все по ихъ приказу.

ОЗЕРОВЪ (*подавая ему руку*). Я виновать!

ГОРСКАЯ (*лукаво смѣясь*). А мнѣ вы никогда не простите...

ОЗЕРОВЪ (*перебивая*). Этого урока? Напротивъ, я долженъ благодарить васъ за него. (*Переходя къ женѣ*). Только, теперь я узналъ, какъ люблю жену мою и какимъ сокровищемъ не дорожилъ...

ОЗЕРОВА. Въ чемъ же доказательство этой любви?

ОЗЕРОВЪ. Во-первыхъ, въ томъ, что я чуть не умеръ отъ ревности, и будь я хоть въ пятомъ этажѣ, точно также выскочилъ бы изъ окна, какъ и теперь.

ОЗЕРОВА. А во-вторыхъ, чѣмъ ты докажешь свою любовь?

ОЗЕРОВЪ (*становясь на колѣни*). Признаніемъ и исправленіемъ.

ОЗЕРОВА. А въ-третьихъ, чѣмъ заслужишь прощенье?

ОЗЕРОВЪ. Вѣчною, неизмѣнною любовью.

ГОРСКАЯ. Я въ томъ порука.

ГОРСКОЙ. И я.

ГОРСКАЯ. Да ну же, полно прикидываться злою.

ОЗЕРОВА (*мужу*). Встаньте. (*Озеровъ цѣлуетъ ея руку*). Но при первой вѣтренности вашей, я непременно отомщу вамъ... сама знаю какъ

ГОРСКАЯ (*удерживая ее*).

Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! Съ мужьями къ мести
Ты никогда не прибѣгай;
Сама вѣрна будь долгу, чести,
А ихъ любовью исправляй.
На всякій случай будь готова,
Какъ нынче мужа обмануть:

(*Показывая на Озерова и грозя шутя*).

Чтобъ онъ не пикнулъ слова,
Не смѣль-бы и взглянуть!
Въ подобныхъ случаяхъ ведутъ себя различно.
Что жъ остается намъ?

(*Показывая на публику*). Вотъ обратиться здѣсь къ неподкупнымъ судьямъ:
Прошу васъ защитить публично:
Урокъ мужьямъ.

УПРЯМСТВО И НАСТОЙЧИВОСТЬ.

(DIEU MERCI LE COUVERT EST MIS.)

КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Соч. Г. БЕНЕДИКТА (на нѣмецкомъ.)

ПЕРЕДѢЛАННАЯ ДЛЯ РУССКОЙ СЦЕНЫ

Г. А. СТОЙКОВИЧЕМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГОРИНЕВЪ.

ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА, жена его.

АНДРЕЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ БУРЛИНЪ, дядя и посаженный отецъ **ГОРИНЕВЫХЪ.**

ЕКАТЕРИНА СЕРГѢЕВНА, жена его.

ИВАНЪ. } Въ услуженіи у **ГОРИНЕВЫХЪ.**
САША. }

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ домѣ Гориневыхъ.

(Театръ представляетъ комнату въ домѣ Гориневыхъ. Одна дверь въ глубинѣ сцены, двѣ другія съ обѣихъ сторонъ. Посрединѣ, но такъ, чтобы передняя часть сцены была свободна для дѣйствующихъ, полунакрытый столъ. Справа отъ задней двери небольшой столъ съ бутылками, стаканами и другими принадлежностями обѣденнаго стола. На передней части сцены еще два столика: налѣво, подлѣ дивана, дамскій для шитья, направо, подлѣ кресель, — съ журналомъ и развернутымъ листомъ газеты; въ одномъ изъ угловъ полузавѣшанная клѣтка попугая.)

I.

ИВАНЪ и САША.

ИВАНЪ (*продолжаетъ накрывать на столъ, приговаривая за каждымъ движеніемъ*). Дѣло, кажись, не мудреное—накрыть на столъ на четыре прибора, а все-таки нужна сноровка: молодой баринъ будетъ разрѣзывать, — ему ножъ повострѣе, старому барину кресло по покойнѣе, молодой барынѣ — разливную ложку подъ руку. Ну вотъ, кажется, и все въ порядкѣ у Ивана.

САША (*за дверью, которая въ глубинѣ сцены*). Иванъ, Иванъ, отвори. (*Иванъ отворяетъ, и Саша входитъ съ двумя блюдами въ рукахъ*).

ИВАНЪ. Экъ набрала! Смотри уронишь. Дай-ка маленько пособию. (*Помогаетъ ей ставить блюда на столъ и цѣлуетъ ее въ щеку*). Это пошлина.

САША (*отбиваясь*). Часто больно берешь; того и смотри въ бѣду попадешь съ тобой... неравно увидать.

ИВАНЪ. Увидать? Есть кому! — На то и шука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ.

САША. Да и баринъ не дремлетъ, то и смотри войдетъ.

ИВАНЪ. Въ томъ-то и дѣло, что не вошелъ.

САША. Ну, а если застанетъ? Тогда что скажешь? «Небойсь (*Голосомъ мальчика*) ненарокомъ.»

ИВАНЪ. Скажу: «виноватъ, сударь, съ радости»... Анъ и ничего не будетъ.

САША. Тебѣ ничего, а мнѣ совѣстно будетъ передъ бариномъ, отъ стыда сгорю ..

ИВАНЪ (*потирая руки*). Посмотрѣлъ бы, какъ ты *горть* то будешь... Вотъ быстрые глазенки-то распрыгаются! Да нѣтъ! и совѣститься—то некого, у молодого барина у самого только поцѣлуй на умѣ: женатъ всего три мѣсяца.

САША. Вотъ въ томъ-то и дѣло, что *женатъ*, а мы...

ИВАНЪ. И мы скоро обвѣчаемся. (*Жметя къ ней*) Да, Сашенька, — такъ Сашурочка, — скоро и на нашей улицѣ...

САША (*уклоняясь*). Только не торопись теперь пока... Посмотри лучше, все-ли на столѣ, какъ быть должно. (*Обходятъ столъ съ правой стороны.*)

II.

ТѢЖЕ И ГОРИНЕВЪ.

Боковая дверь съ правой стороны отворяется, Гориневъ останавливается на порогѣ и смотритъ нѣсколько времени на происходящее; потомъ тихонько притворяетъ двери, и остается невидимымъ зрителемъ всей слѣдующей сцены.)

САША. Старые господа не замедлятъ къ обѣду. Ихъ чай такъ и тянетъ сюда къ родной племянницѣ.

ИВАНЪ. Не нарадуются на счастье молодыхъ. И то правда, что день, то праздникъ имъ, живутъ въ довольствѣ и согласіи, какъ дай Богъ всякому, хоть бы и намъ съ тобою. Жаль только, что моему—то счастью и порадоваться будетъ некому.

САША. Самъ порадуешься.

ИВАНЪ. И то правда: и для двоихъ нѣтъ лишняго, и безъ дѣлежя обойдемся. Вотъ одинъ такъ не обойдешься. (*Останавливаясь и осматривая столъ*) Ну, теперь точно все въ порядкѣ... (*Выходятъ на авансцену*) Слава Богу, столъ накрытъ.

САША (*занимаясь туалетомъ, выходитъ тоже на авансцену, равнодушно, вполголоса*). Да, накрытъ.

ИВАНЪ. Чтѣ ты говоришь?

САША (*громче прежняго*). Говорю, что точно накрытъ.

ИВАНЪ. Говоришь, что накрытъ, а не сказала: *Слава Богу*.

САША (*равнодушно*). Не сказала.

ИВАНЪ. Не сказала, такъ скажи.

САША (*шаловливо, шутя*). Не скажу теперь.

ИВАНЪ. Трудно чтѣ-ль тебѣ сказать?

САША. Трудно—то не трудно, да и нужды большой нѣту.

ИВАНЪ (*съ легкимъ упрекомъ*). Вѣрно есть нужда, когда другіе говорятъ; оно такъ слѣдуетъ.

САША. Съ чего-жь ты взялъ, что *слѣдуетъ*.

ИВАНЪ (*не съ совершеннымъ спокойствіемъ духа, но по прежнему добродушно и съ увѣренностью*). Говорятъ тебѣ *слѣдуетъ*, такъ видно, что *слѣдуетъ*. Начнешь какое дѣло, аль покончишь его, скажи: «Слава тебѣ Господи.» Такъ меня учили, я и говорю: Слава Богу — столъ накрыть.

САША. Тебя учили, такъ ты и говори.

ИВАНЪ. Меня учили, и я тебя учу уму-разуму.

САША. Ученаго учить только портить. (*Нетерпливо*) Экъ учитель еще выискался!

ИВАНЪ (*съ досадою и колкостью*). Вѣдь не трудно сказать.

САША. Знаю безъ тебя. (*Не смотря на него*). Присталъ, скажи, да скажи.

ИВАНЪ (*ласково*). Ну, не сердись, Саша, я не пристаю, а только попросилъ;—уважь для меня.

САША (*тоже спокойно*). Не хочу.

ИВАНЪ. Ну, потѣшь меня.

САША (*вздернувъ носъ*). Вишь! куклу нашель, стану я всякаго тѣшить.

ИВАНЪ. Всякаго не всякаго, а меня, кажись, можно тебѣ послушаться.

САША. Да и тебѣ, кажись, можно бы не приставать ко мнѣ.

ИВАНЪ. Трудно повторить слово! Да это и глупый попугай *сдѣлаетъ*. (*Указывая на клятку*).

САША (*твердо*). А я попугаемъ не была, да и не буду; видно не такъ еще глупа.

ИВАНЪ (*не обращаясь прямо къ ней*). Не можетъ уважить въ такой малости, а еще замужъ собирается.

САША (*надувая губки и указывая на клятку*). Женись на попкѣ, если онъ тебѣ больше нравится.

ИВАНЪ (*скрадчиво*). Не думалъ, не гадалъ, Саша, чтобъ ты меня да такъ обидѣла! Яль тебя не любилъ, не берегъ!..

САША. За доброе — спасибо, а мучить не зачѣмъ.

ИВАНЪ. Какое-жь тутъ мученіе, прошу только сказать.

САША. А я прошу, — отетань пожалуйста.

ИВАНЪ (*теряя терпѣніе*). Чтò ни говори, какъ къ стѣнѣ горохъ.

САША (*съ насмѣшкою*). Не бросай гороху, женѣ на супъ пригодится.

ИВАНЪ (*упрекая*). Еще жениться на тебѣ собирался.

САША (*сильно вспыхнув*). Ужъ раздумалъ что-ль? (*Скрывая за сплѣхомъ досаду*) Захотѣлъ, чтобъ по твоей дудкѣ плясала!

ИВАНЪ (*въ сердцахъ рѣшительно*). Такъ ты не хочешь сказать?

САША (*также очень рѣшительно*). Да что-жь ты присталъ, въ-заправду! Оглохъ что-ль? Ахъ бѣлены объѣлся? Сказала разъ, что нѣтъ, такъ и полно. (*Отворачивается отъ него*).

ИВАНЪ (*злобно*). А вотъ увидимъ.

САША (*грубо*). Протри глаза, такъ и увидишь, что дуришь.

ИВАНЪ (*тоже грубо*). Я и то вижу, что ты, точно лошадь, съ норовомъ.

САША (*явно насмѣшливо и поддразнивая его жестами*). А все-таки по твоей дудкѣ плясать не стану.

ИВАНЪ (*схватывая ее за руку*). Не запляшешь, такъ завоюешь.

САША (*стараясь вырваться, громко*). Пусти, не то закричу.

ИВАНЪ (*жметъ ей руки, совершенно повелительно*). Ну послушаешь ли ты меня наконецъ?

САША (*очень громко и стараясь вырваться*). Ай, ай! больно! (*Вырывается и отбѣгаетъ отъ него*).

ИВАНЪ. Ну вотъ и съ синяками.

САША (*смотря на свои руки и вдругъ поворачиваясь къ Ивану*). Я съ синяками, а ты съ носомъ. (*Дѣлаетъ ему приличный жестъ*).

ИВАНЪ (*колко и холодно*). Прощайте, Александра Егоровна! Я вамъ больше не суженый.

САША (*также присѣдая*) И безъ васъ найдется, Иванъ Васильчъ! Свѣтъ не клиномъ вышелъ.

ИВАНЪ (*какъ бы всторону*). Вотъ и вся любовь въ печь.

САША (*также будто всторону*). Самъ швырнулъ ее.

ИВАНЪ (*также*). Изъ-за одного каприза.

САША (*также*). Изъ-за сущей бездѣлицы. (*Молчаніе. Оба ходятъ медленно, съ разныхъ концовъ стола, наблюдая другъ за другомъ*).

ИВАНЪ (*совершенно перемѣняя тонъ*). Саша, душенька, прошу тебя, сдѣлай милость.

САША (*тоже другимъ тономъ, съ готовностію и улыбкою*). Что тебѣ?

ИВАНЪ (*съ неловкостію, имъ самимъ чувствуемою*). Скажи: Слава Богу, столъ накрытъ.

САША (*въ удивленіи и досадѣ*). Опять за то же? (*Рѣшительно*) Сказала нѣтъ, такъ вотъ: нѣтъ! нѣтъ!! нѣтъ!!!

ИВАНЪ (*сердито топнувъ ногой*). Ну, такъ убирайся вонъ.

САША (*уклоняясь назадъ на нѣсколько шаговъ*). И впрямъ, по-дальше отъ него!

ИВАНЪ (*грозя ей*). Допеку-жь я тебя!

САША (*убѣгая и подсмѣиваясь, оборотившись къ нему*). А вотъ увидимъ, чья возьметъ! (*Иванъ за нею*).

ИВАНЪ (*удерживая Сашу за платье у среднихъ дверей, обыкновеннымъ голосомъ*). Ну, полно упрямиться, скажи, повтори за мною.

САША (*насмѣшливо, но не грубо, и указывая на клетку попугал*). Ступай, проси свою возлюбленную. (*Отворяетъ дверь*).

ИВАНЪ (*въ дверяхъ*). Нѣтъ, ты скажи.

САША (*въ дверяхъ*). Не хочу, не хочу. (*Уходитъ*).

III.

ИВАНЪ и ГОРИНЕВЪ.

ИВАНЪ (*показывая руками*). Не сказала!!.. просилъ, угрожалъ, и даже (*Движеніе, показывающее что онъ дѣлалъ*). Нѣтъ! все таки стойтъ на своемъ. (*Въ сильномъ гнѣвѣ*). Досадно... такъ досадно... у-у-у... что вотъ кажется. (*Съ сильнымъ жестомъ*) тутъ бы и конецъ ей. (*Онъ подвигается во-время этой рѣчи впередъ, къ правой сторонѣ стола, гдѣ и встрѣчаетъ его неожиданно вышедши изъ дверей Гориневъ*).

ГОРИНЕВЪ (*выходя на сцену улыбаясь*). Эхъ, Иванъ! На что же убивать бѣдную дѣвку изъ-за слова! Вѣдь мертвая ужъ никакъ не скажетъ его, а живая еще, можетъ-быть и надумается.

ИВАНЪ (*конфузясь*). Ахъ, сударь, вы слышали?

ГОРИНЕВЪ (*весело*). Вашъ споръ и перебранку? Да, слышала мелькомъ. Упряма... что жъ дѣлать?

ИВАНЪ (*откровенно*). Вѣдь какъ была всегда послушна, сударь! Такъ внимательна, какъ только хорошей дѣвкѣ быть слѣдуетъ. А вотъ сегодня забрала себѣ вдругъ что-то въ голову, ну и сбилась съ толку... совсѣмъ съ толку сбилась... (*Въ раздумьѣ*). Не приложу ума, отъ чего бы это!?

ГОРИНЕВЪ (*съ участіемъ*). Эхъ братъ, чтобы разгадать такую загадку, такъ и не твоей головѣ не подъ силу. (*Хладнокровно*). Однакожь хересу на столѣ, я вижу, нѣтъ, а дялюшкѣ безъ него завтракъ не въ завтракъ, обѣдъ не въ обѣдъ. Сбѣгай-ка скорѣе за бутылкой, да получше.

ИВАНЪ (*уходя*). А вотъ я ее поприжму, такъ она и скажетъ. (*Уходитъ*).

IV.

ГОРИНЕВЪ одинъ, выходя на авансцену.

Скажете, либо нѣтъ, — какъ возьмешься! (*Помомавъ, съ ироніей*).
Захотѣлъ разгадать, отчего? нѣтъ братъ, тутъ ужъ такіе мудрецы, и древніе, сѣдые и плѣшивые, и новѣйшіе, многоволосые, голову ломали, да тоже толку не добились. Судили, рядили, а покоячили тѣмъ, что женщина задача — де неразрѣшимая.

V.

ГОРИНЕВЪ и ГОРИНЕВА.

ГОРИНЕВА. Ба! ты ужъ переодѣлся, Александръ? (*Они здороваются*). Виць-мундиръ сброшенъ, портфель и дѣла отложены до завтрашняго дня, и время принадлежитъ опять нераздѣльно намъ.

ГОРИНЕВЪ. День опять нашъ, милая Лиза, какъ вчерашній такъ и завтрашній. Отдыхъ послѣ труда и не тяжелый трудъ, какъ-будто только для того, чтобы сдѣлать отдыхъ желаннѣе и пріятнѣе, а ты, вѣнецъ и сладость этого отдыха, съ каждымъ днемъ милѣе, прекраснѣе. (*Горинева качаетъ недовѣрчиво головой, и улыбалась, прозитъ мужу пальчикомъ*). Право, право, я вѣрю, что женщина создана для того, чтобъ нравиться, знаю, что искусство дало ей тысячу средствъ разнообразить красоту свою, но смотря на тебя, не знаю, туалеть ли украшаетъ тебя, или ты придаешь ему всю прелесть?

ГОРИНЕВА. Женщина всегда одѣта къ лицу, когда желаетъ и надѣется нравиться. Въ этомъ, мой другъ, заключается вся тайна нашего женскаго туалета. И онъ, и я, мы оба прекрасны только отсвѣтомъ того счастья, которое даемъ, и которое намъ дается взаимно. Но для мужчинъ, говорятъ, счастья любить и быть любимымъ недостаточно.

ГОРИНЕВЪ. Вообще для мужчинъ, можетъ-быть, но не для того, кто имѣетъ такую жену, какъ ты...

ГОРИНЕВА. О льстець! Какъ легко вѣрится тому, чему желаешь вѣрить; но какъ, вмѣстѣ, боишься потерять то, что составляетъ все счастье жизни.

ГОРИНЕВЪ. Къ чему же, моя милая, примѣшивать страхъ воображаемой и невозможной утраты къ ощущеніямъ дѣйствительнаго и невозмутимаго счастья?

ГОРИНЕВА. Да! три мѣсяца прошли, какъ одинъ день блаженства. Но кто знаетъ, блая жизнь можетъ пройти, какъ в прошломъ три мѣсяца! Тетушка увѣряетъ, что мужчины точно вѣторъ перемѣнчивы: сего-

дня облакъ, о нагонить, завтра тучу нанесеть. Дядюшка опять твердить, что бракъ не вѣчное триумфальное шествіе, съ барабаннымъ боемъ, и что въ немъ, какъ и на морѣ, продолжительная тишь иногда предвѣщаетъ бурю.

ГОРИНЕВЪ. Э, другъ мой, дядюшка говоритъ это, какъ старый морякъ, только для того, чтобы перейти къ своему обожаемому морю. Но посмотри на его семейное счастье, и ты убѣдишься, что, несмотря на постоянную тишь своего житейскаго моря, онъ проплылъ въ немъ, безъ всякихъ бурь, почти три четверти обыкновеннаго и вѣроятнаго пути, и изъ всѣхъ полусѣдыхъ волосъ своихъ не можетъ указать ни на одинъ волосокъ, который могъ бы служить памятникомъ семейнаго огорченія. Повѣрь мнѣ, мой другъ, семейное счастье, не измѣняется, подобно погодѣ, отъ случайности вѣтра, и наше счастье стоитъ прочно на гармоніи нашихъ характеровъ и желаній и на взаимной уступчивости.

ГОРИНЕВА. Уступчивость, это правда... мнѣ стоить только пожелать, и ты ужъ согласенъ со мною.

ГОРИНЕВЪ. Неудивительно! Потому-что ты предъугадываешь мои желанія, и только высказываешь ихъ прежде меня.

ГОРИНЕВА. А ты мои.

ГОРИНЕВЪ. Разумѣется, потому-что я читаю ихъ въ глазахъ твоихъ гораздо прежде, чѣмъ ты успѣешь ихъ высказать.

ГОРИНЕВА. Да, да, ну теперь? (*Подставляетъ ему свое лицо*).

ГОРИНЕВЪ. Теперь ты просишь поцѣлуя?..

ГОРИНЕВА. Нѣтъ, я хочу дать его тебѣ въ награду за милые слова.

ГОРИНЕВЪ. Дать и получить взаимно,— въ желаніяхъ нашихъ небольшая разница. А вотъ и выполненіе, (*Цѣлуетъ ее; весело*) и доказательство гармоніи нашего желанія.

ГОРИНЕВА (*весело*). И нашей постоянной уступчивости. (*Смѣются; Гориневъ продолжаетъ смѣяться одинъ*). Чему ты такъ весело смѣешься? Вотъ я и не угадываю.

ГОРИНЕВЪ. Мнѣ пришла на умъ смѣшная сцена, которой я былъ здѣсь сейчасъ нечаяннымъ свидѣтелемъ, и въ которой уступчивость играла главную роль. Иванъ и Саша накрывали этотъ столъ, и когда все было приведено въ порядокъ, Иванъ счелъ нужнымъ воздать благодареніе Богу за успешное окончаніе этого труда. Мысль была естественная, выраженіе ея очень просто: «Вотъ, слава Богу, столъ накрытъ», сказалъ онъ, и просилъ Сашу повторить эти наивныя слова благодарности; но Саша молчала. Иванъ упрасивалъ, Саша не соглашалась; Иванъ доказывалъ, Саша оставалась непреклонною и отвѣчала

колдостями. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія такимъ непонятнымъ упорствомъ Саши, Иванъ прибѣгнулъ къ насилію, жаль ей руки, заставлялъ ее кричать отъ боли, а когда и это послѣднее средство не могло ее понудить къ уступкѣ, онъ объявилъ ей, что не желаетъ такой упрямой жены, и что между ними все кончено.

ГОРИНЕВА. Какъ, изъ-за такой бездѣлицы!?.

ГОРИНЕВЪ. И двое влюбленныхъ, двое счастливыхъ разошлись врагами изъ-за одной пустой фразы, изъ *упрямства* и отказа повторить пару словъ.

ГОРИНЕВА. Или изъ-за *настойчивости* заставлятъ повторить ихъ.

ГОРИНЕВЪ. Но вѣдь ей было такъ легко сказать эти слова, и исполнить просимое; это было такъ просто, такъ естественно.

ГОРИНЕВА. Но и ему не трудно было отказаться отъ своего требованія. Это было даже еще проще и естественнѣе.

ГОРИНЕВЪ. У всякаго своя фантазія, моя милая, Иванъ просилъ о выполненіи своей; Саша была его невѣстой, *ей можно бы сдѣлать* ему угодное.

ГОРИНЕВА. Но ей пришла тоже *своя фантазія*; повтореніе фразы казалось ей лишнимъ и неумѣстнымъ, и какъ вѣжливый женихъ, онъ *могъ бы*, кажется, тоже уступить невѣстѣ и будущей женѣ своей.

ГОРИНЕВЪ. Онъ просилъ ради любви своей, ради ихъ будущаго семейнаго счастья.

ГОРИНЕВА. Къ чему же было впутывать въ эту ничтожную прихоть такіе драгоценные предметы?! Не значило ли это не понимать ихъ и слишкомъ высоко цѣнить мелочныя желанія свои? Не безразсудно ли это? Не безразсудно ли было бы съ моей стороны, напимѣръ, просить у тебя именемъ любви твоей новыхъ нарядовъ, и безжалостно раззорять тебя въ надеждѣ на незаслуженное сожалѣніе къ моимъ прихотямъ.

ГОРИНЕВЪ. Но, милая Лиза, то была прихоть невинная, выполненіе которе ничего не стоило.

ГОРИНЕВА. Прихоть ничего не стоящая и совершенно бесполезная, отказаться отъ которой не составляло тоже никакого лишенія.

ГОРИНЕВЪ. Однакожъ, въ чемъ же и состоятъ взаимная уступчивость, какъ не въ выполненіи желаній?

ГОРИНЕВА. Но кому же высказывать эти желанія, и кому опять дѣлать уступки? Неужели всегда одной сторонѣ?

ГОРИНЕВЪ. Разумѣется той, которую объ этомъ просятъ.

ГОРИНЕВА. Прекрасно! А если одна сторона будетъ всегда просить, какую роль будетъ играть другая, всегда только уступающая? Не будетъ

ли она унижена, уничтожена? Не останется ли она съ однимъ правомъ слѣпаго повиновенія? Не потеряетъ ли она, наконецъ, даже способности имѣть свои желанія?

ГОРИНЕВЪ. Какая роль кажется тебѣ выше, моя милая, того ли кто протягиваетъ руку за милостыней, или того кто подаетъ ее?

ГОРИНЕВА (*подавая мужу объ руки и ласкаясь къ нему*). О! ты пользуешься преимуществомъ дара слова, ты знаешь, что я не найду вдругъ возраженія.

ГОРИНЕВЪ (*привлекая жену къ себѣ*). Моя милая умница! (*Встопону*). Я говорилъ, что нужно лишь взяться... (*Громко*). Я былъ увѣренъ, что если бы мы были на мѣстѣ Ивана и Саши, то сцена кончилась бы совершенно иначе... не правда-ли?

ГОРИНЕВА (*стараясь слегка уклониться отъ мужа и бросая на него испытующій взоръ*). Что?

ГОРИНЕВЪ (*спокойно и съ увѣренностью*). Еслибъ я просилъ тебя повторить тѣ слова, ты вѣрно бы не отказала мнѣ?

ГОРИНЕВА (*опускаетъ голову, и снова вдругъ поднимая ее, съ улыбкою*). Какъ милостыню?

ГОРИНЕВЪ (*съ меньшей увѣренностію*). Нѣтъ, безусловно.

ГОРИНЕВА. Почему жъ безусловно?..

ГОРИНЕВЪ (*мѣшаясь*). Ну такъ безусловно?.. потому—что слово милостыня мнѣ не нравится.

ГОРИНЕВА (*съ выраженіемъ*). Аа...

ГОРИНЕВЪ. Мы дѣлаемъ другъ-другу угодное изъ любви, не изъ сожалѣнія.

ГОРИНЕВА (*съ выраженіемъ*). Дааа.

ГОРИНЕВЪ (*прося*). Лиза! повтори же эти слова.

ГОРИНЕВА. Перестань Александръ, поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

ГОРИНЕВЪ (*настойчивѣе*). Нѣтъ, я желалъ бы знать, скажешь ли ты ихъ?.. Скажи, милая Лиза.

ГОРИНЕВА (*въ борьбѣ съ собой*). Ахъ! перестань, прошу тебя.

ГОРИНЕВЪ. Моя просьба выражена ранѣе, она старше, и я — жду отвѣта.

ГОРИНЕВА (*ласкаясь къ мужу*). Ну полно же, полно, Александръ, это наведетъ скуку.

ГОРИНЕВЪ. Твой другъ, твой пѣжный другъ проситъ тебя.

ГОРИНЕВА. Ну, право это скучно. Слова эти вовсе неумѣстны теперь, проси чего-нибудь другаго.

ГОРИНЕВЪ. Мужъ твой проситъ тебя.

ГОРИНЕВА. Что я отвѣчала другу, тоже скажу и мужу.

ГОРИНЕВЪ. Права мужа сильнѣе, его желанія священнѣе. Другъ можетъ только просить, мужъ можетъ желать, можетъ требовать, можетъ...

ГОРИНЕВА (*нетерпливо*). Что же можетъ еще мужъ?... Хороши права, которыя вамъ самимъ неловко высказать.

ГОРИНЕВЪ (*тверже прежняго и растягивая*). Мужъ можетъ *при-ка-зать*.

ГОРИНЕВА. *Приказать?* право? Если мужу угодно *приказывать*, такъ женѣ можетъ придти желаніе *не послушаться*.

ГОРИНЕВЪ. Лиза, я не узнаю тебя. Какъ, ты ли это, мой милый другъ, моя милая, прекрасная подруга, моя жена, тихая и послушная!

ГОРИНЕВА (*въ негодованіи*). Послушная? А я, къ несчастью, узнаю въ тебѣ обычный характеръ мужчинъ. Я вижу, что тетушка не ошибалась, что она меня не обманывала.

ГОРИНЕВЪ Лиза, — опомнись...

ГОРИНЕВА (*съ жаромъ*). Нѣтъ, нѣтъ, я могла уступить вашей просьбѣ, но не уступлю *приказаніямъ*. Я не допущу васъ создать свою силу на моей безотвѣтной слабости; я не соглашусь легковѣрной уступчивостью лишать себя воли существа разумнаго и сравнять съ безсловеснымъ животнымъ; я не хочу дозволить обратить свою волю въ флюгеръ, движущійся по желанію вашей прихоти.

ГОРИНЕВЪ (*подходя къ ней*). Лиза.

ГОРИНЕВА (*отодвигая назадъ*). Нѣтъ, нѣтъ! я не унижу достоинства женщины, я не унижу правъ жены, подруги и совѣтницы, до послѣдняго положенія рабыни и невольницы.

ГОРИНЕВЪ. Милая Лиза!..

ГОРИНЕВА (*съ увлеченіемъ и постепеннымъ переходомъ къ слезамъ*). Требуйте, приказывайте, прибѣгайте къ вашему любимому, спасительному средству насилія; вотъ вамъ мои руки, возьмите, раздавите ихъ, сравняйтесь въ дѣйствіяхъ съ вашимъ лакеемъ, вы, доказывающіе необходимость уступчивости, такъ краснорѣчиво проповѣдующіе, что законъ любви для всѣхъ одинаковъ и что все различіе ея лишь въ формахъ выраженія, — раздавите эти руки, прикосновеніе которыхъ вызывало васъ къ словамъ любви, къ увѣреніямъ неизмѣнной преданности, ласки которыхъ давали вамъ счастье, минувшее счастье! (*Она садится на диванъ. Послѣднія слова ея сопровождаются рыданіемъ*).

ГОРИНЕВЪ (*сидясь быстро къ женѣ*). Минувшее счастье, Лиза?... Нѣтъ, мы удержимъ его, и не сомнемъ даже крыльевъ этой своенравной бабочки. Нѣтъ, она не улетитъ отъ такого роскошнаго цвѣтка, какъ ты, моя Лиза! (*Открываетъ ея лицо*). Улыбнись мнѣ снова и

отри свои слезы, пусть будут они тоже, что капли росы для разсвѣтающаго лѣтнаго дня! Дай мнѣ свои ручки, я сожгу ихъ поцѣлуями въ воспоминаніе прошедшаго и въ залогъ будущаго. Подай мнѣ ихъ сюда, я сожму ихъ крѣпко, но такъ нѣжно, такъ бережно, что они не будутъ бояться меня.

ГОРИНЕВА (*протягивая къ мужу руки, которыя тотъ цѣлуетъ жаромъ*). Такъ мучить меня изъ пустяковъ, безъ всякой цѣли. *лыбаясь*). И даже безъ всякой пользы....

ГОРИНЕВЪ (*впадая въ ея рѣчь*). Безъ всякой пользы, хочешь ты сказать? Согласись Лиза, что въ эту минуту, ты увѣряешь себя въ бесполезности моихъ убѣжденій. Ты радуешься высказанному тобою упорству, какъ какой-нибудь побѣдѣ, и радость эта такъ жива, что ты высказываешь ее въ минуту примиренія.

ГОРИНЕВА. Согласись и ты, Александръ, что гордость мужчины не позволяетъ тебѣ извинить и забыть мою справедливую твердость, и что если я невольно высказала радость, то ты скрываешь досаду на то, что въ минуту примиренія не успѣлъ выманить у меня просимой уступки.

ГОРИНЕВЪ. Выманивать я ничего не хотѣлъ; но я могъ конечно ожидать, что разсудокъ и сердце укажутъ тебѣ на приличіе уступки, отъ которой я добровольно отказался.

ГОРИНЕВА. Еслибы ты точно отказался отъ страннаго, несправедливаго желанія, то пересталъ бы и думать о немъ. Я не спрашиваю совѣта у сердца, по поводу прихоти, въ которой и твое сердце не могло имѣть никакого участія. А разсудокъ говоритъ мнѣ, что уступать въ томъ, что ты и самъ призналъ уже ненужнымъ, было-бы по истинѣ безразсудно.

ГОРИНЕВЪ (*отворачиваясь*). Безъ уступчивости семейная жизнь не общается счастья.

ГОРИНЕВА (*тоже отворачиваясь*). Пустыя прихоти не ведутъ тоже къ нему.

ГОРИНЕВЪ (*вставая*). Намъ пріятны и прихоти того, кого мы любимъ.

ГОРИНЕВА (*тоже вставая*). Но это не помѣшало тебѣ назвать мою прихоть упрямствомъ и упорствомъ.

ГОРИНЕВЪ. А тебѣ мое желаніе неумѣстной настойчивостью и насилиемъ. (*Они ходятъ порознь*).

VI.

ТѢЖЕ, ИВАНЪ и САША.

ИВАНЪ (*входя поспѣшно съ бутылкой вина въ среднія двери*). Вотъ вино, да и господа, кажется, подъѣхали.

ГОРИНЕВЪ. Поставь на столъ и иди встрѣчать. (*Обращается съ тихимъ разговоромъ къ женѣ*).

САША (*вбѣгая изъ боковыхъ дверей съ лѣвой стороны*). Господа пріѣхали! (*Гориневъ дѣлаетъ ей знакъ, чтобы шла встрѣчать, а сама остается подлѣ жены, и тихо разговаривая съ нею, беретъ ее за руку. Саша останавливается и смотритъ на нихъ, приближаясь къ среднимъ дверямъ*).

ИВАНЪ (*у дверей Сашѣ*). Экъ выскочила. Знаютъ безъ тебя, что пріѣхали. Куда болтлива, когда не спрашиваютъ.

САША. Отстань, медвѣдь, ступай въ свою берлогу (*Уходитъ*).

ИВАНЪ. Съ норовомъ (*Уходитъ за ней*).

VII.

ГОРИНЕВЪ и ГОРИНЕВА.

ГОРИНЕВА (*надувши губки, отворачиваясь отъ мужа*). Мнѣ все равно, чтобъ ни сказали. Невесела, такъ что же дѣлать. Не я тому причиной.

ГОРИНЕВЪ. Однакожь.

ГОРИНЕВА. Я не дѣлала никакихъ требованій, я не предъявляла никакихъ претензій, не перемѣнялась сама и не желала мѣнять обычной радости на несносную скуку, — исполняла свои обязанности и не присвоила себѣ ничьихъ правъ.

ГОРИНЕВЪ. Одна изъ главнѣйшихъ обязанностей хозяйки встрѣчать пріятныхъ гостей съ веселымъ лицомъ, и не разрушать пріятнаго расположенія духа, съ которымъ они входятъ въ домъ. Семейная жизнь чуждается публичности. Мелкія непріятности ея не должны, подобно рѣпейнику, приставать къ каждому проходящему черезъ порогъ дома.

ГОРИНЕВА. Ну, пожалуй, давай улыбаться насильно.

ГОРИНЕВЪ. Вся задача жизни, моя милая, состоитъ въ томъ, чтобъ подычасъ умѣть пересилить себя.

ГОРИНЕВА (*впадая ему въ рѣчь*). Или пересилить другую.

ГОРИНЕВЪ. Ты доказала мнѣ сегодня, что это тоже иногда очень трудно... Но вотъ и дорогіе гости... Лиза, вспомни обязанности хозяйки дома.

VIII.

ТЪЖЕ, БУРЛИНЪ СЪ ЖЕНОЮ, ИВАНЪ И ПОТОМЪ САША.

БУРЛИНЪ (*входя въ среднія двери въ легкомъ лѣтнемъ сюртукъ нараспашку, съ толстой тростью въ рукахъ, снимая шляпу*). Здорово дѣти, я иду на вѣхъ парусахъ и спѣшу къ берегу. (*Горинева идетъ ему навстрѣчу*).

ГОРИНЕВЪ (*принимая изъ рукъ Бурлина трость и шляпу, которыя немедленно передаетъ Ивану, и указывая на накрытый столъ*). Не разбейтесь только объ эту скалу, дядюшка.

БУРЛИНЪ (*останавливая и прикрывая глаза рукой, какъ бы отъ солнца, весело*). Скалу? Ты худо видишь дружище, протри свою зрительную трубку. (*Указывая на столъ и бутылку*). Я вижу берегъ и дружественный флагъ на немъ, и готовъ сейчасъ салютовать его, послѣ васъ разумѣется. (*Онъ пожимаетъ руку Гориневу и цѣлуетъ въ лобъ племянницу*). Вотъ такъ.

ГОРИНЕВА. А тетушка?!

БУРЛИНЪ. Тетушка? (*Оглядываясь*). Э, она бросаетъ еще тамъ якорь, отпускаетъ несчастную пролетку, на которой мы притрапались сюда... (*Весело*). Ну, что вы, молодой народъ, все попрежнему еще? Все веселы? Ничѣмъ невозмущаемая тишина и согласіе. Весь міръ утонулъ въ розовомъ цвѣтѣ собственного счастья, и въ этомъ мірѣ одни вы, и другъ на друга не посмотритесь, не нарадуетесь? (*Горинева въ смущеніи*).

ГОРИНЕВЪ. Дядюшка...

БУРЛИНЪ. Знаю, братецъ, что ты хочешь сказать, и вполне согласенъ съ тобой. Да, медовой мѣсяцъ можетъ продолжиться и долѣе мѣсяца; для маленькихъ семейныхъ стычекъ довольно еще времени впереди. Всѣ молодые стараются набирать въ это время свѣтлыхъ воспоминаній на всю жизнь. Точно корабли въ гавани, передъ отплытіемъ въ безбрежный океанъ, (*Съ удареніемъ*) гдѣ иногда бываютъ бури, и довольно сильныя!

ГОРИНЕВА. Дядюшка...

БУРЛИНЪ. Знаю, знаю, вамъ не вѣрится въ существованіе этихъ бурь, пока вы еще у берега. У мужа нѣтъ еще требованій, у жены избытокъ мягкости, уступчивости. Хе, хе, хе, золотой вѣкъ, страна счастливой Аркадіи, міръ идилій. (*Бурлина входитъ въ среднія двери*).

ГОРИНЕВЪ (*перебивая Бурлина*). А, вотъ и тетушка!

БУРЛИНЪ. Да, да, прежняя пастушка моя.

ГОРИНЕВЪ. Здравствуйте, тетушка!

ГОРИНЕВА. Здравствуйте, милая тетушка!

БУРЛИНА (*раскланиваясь съ Гориневымъ, цѣлуется съ женою его. Гориневой*). Ну, что новинькаго въ нашемъ раю. (*Горинева въ смущеніи*).

ГОРИНЕВЪ (*торопливо*). Только васъ ждали, тетушка, чтобъ сѣсть за столъ... Угодно, дядюшка? (*Бурлина дѣлаетъ знакъ Гориневой, что поняла въ чемъ дѣло, и грозитъ ей мужу за спиной его*).

БУРЛИНЪ (*добродушно*). Угодно ли? Странный вопросъ, мой другъ. Ты знаешь, что съ-тѣхъ-поръ, какъ я оставилъ службу и море, столъ сдѣлался главнымъ полемъ моей дѣятельности, и я считаю дни обѣдами. Старый морякъ и бездѣтный пенсіонеръ, я не хочу другихъ занятій на землѣ, кромѣ этого, и покуда не пришло еще время улечься мнѣ въ ней, я старательно укладываю въ себя ея произведенія.

ГОРИНЕВЪ. Такъ займемся же этимъ укладываніемъ (*Указывая на мѣсто*). Дядюшка, тетушка, (*Горинева надуваетъ губки и занимаетъ мѣсто, указанное дядь, такъ что дѣйствующія лица принимаютъ у стола слѣдующее положеніе. Горинева, Бурлинъ, Гориневъ, Бурлина*).

БУРЛИНЪ (*сидясь замѣчаетъ измѣненіе мѣста*). Славно придумано, жена. Съ удовольствіемъ вижу, что ты дѣлаешь успѣхи въ морской тактикѣ! Бóльшая часть морскихъ сраженій между англичанами и французами была проиграна послѣдними только потому, что англичане искуснымъ маневромъ разрѣзывали на двое эскадру ихъ, и оставляли за вѣтромъ одну часть ея. Ты сдѣлала, я вижу, тотъ-же маневръ, и дала намъ возможность обѣдать подъ живой перестрѣлкой разговора, безъ котораго, какъ безъ вина, обѣдъ не въ обѣдъ для меня. Ну, племянничекъ, хорошо, что ты пришелся мнѣ съ борту; дѣло будетъ жаркое; заряжай орудія. (*Наливаетъ вина ему и себѣ. Между-тѣмъ Саша приноситъ суповую чашку, ставитъ ее на столъ и отходитъ въ сторону. Иванъ подходитъ къ ней, и между ними происходитъ живой, но не смѣшной разговоръ, сопровождаемый выразительными жестами, изъ котораго видно, что Иванъ чего-то проситъ, а Саша отпихивается*). И такъ выпьемъ въ честь медоваго мѣсяца. (*Поднося свой стаканъ къ рюмкѣ Горинева*). Давай Богъ еще много такихъ дней, какъ сегодняшній. А? какъ это тебѣ кажется!

ГОРИНЕВЪ (*берется за стаканъ, но видимо медлитъ принять; тостъ*).

БУРЛИНЪ (*весело*). Полно, полно, трусить при первомъ выстрѣлѣ

пardonу не дамъ, стукнемся и пли! Еще много такихъ дней, какъ сегодняшній! (*Гориневой*). Разрѣши же ему, Лиза, поддержать меня. (*Не опуская своего стакана, смотритъ въ недоумльннй на молодыхъ*). Что-же это такое!? Или вы дали обѣдъ молчанія? Этотъ тоста не принимаетъ, а та надула губки... лица такія серьезные. (*Лиза утираетъ украдкой слезы, Бурлинъ замлчаетъ движеніе племянницы, опускаетъ стаканъ свой*). Ба! Это еще что? (*Лиза закрываетъ лицо руками*).

БУРЛИНА. Охъ, какъ ты неловко ихъ допрашиваешь! (*Обращаясь къ племянницѣ*). Скажи мнѣ, душенька, что такое случилось съ тобой. Здорова ли ты?

ГОРИНЕВЪ. Ничего, тетушка, право ничего, такъ пустяки, шутки. (*Дѣлаетъ знакъ людямъ, которые уходятъ, продолжая жестиковать между-собою*).

БУРЛИНЪ. Маленькій семейный фейерверкъ, для разнообразія?

ГОРИНЕВЪ. Я пошутилъ, а она такъ чувствительна, обидчива.

ГОРИНЕВА (*въ слезахъ*). Вотъ еще,—я же обидчива!

ГОРИНЕВЪ (*женѣ*). По твоимъ слезамъ душенька, можно подумать и Богъ знаетъ что.

БУРЛИНА. Успокойся, моя милая, за все и про все плакать, такъ и глазъ не хватить твоихъ; мало ли что въ жизни случается!

БУРЛИНЪ. Да не все и слезъ стоить; небо не всегда ясно и безоблачно; лѣто не бываетъ безъ дождика.

ГОРИНЕВА. Я, можетъ-быть, и виновата въ томъ, что не могла удержать слезъ и скрыть огорченія, но оно такъ ново, такъ неожиданно для меня, такъ чувствительно, что несмотря на всё усилія мои... (*Она закрываетъ лицо руками и начинаетъ рыдать*).

БУРЛИНА (*полушутливо Гориневу*). Ай, ай, г-нъ супругъ!

БУРЛИНЪ (*серьозно женѣ*). Матушка, пожалуйста не вмѣшивайся не въ свое дѣло. Не при насъ поспорили,—безъ насъ и опять уходятся. Самы разберутся межъ собой.

ГОРИНЕВЪ. Выраженія и слезы моей жены могутъ, конечно, подать поводъ предполагать какое-нибудь оскорбленіе съ моей стороны, но я расскажу вамъ, какъ все было, и вы увидите—безъ всякаго преувеличенія...

БУРЛИНЪ. Нѣтъ, лучше не рассказывай, братъ; между мужемъ и женой никто не долженъ вмѣшиваться, всякій лишнимъ будетъ. Это дѣло домашнее и семейное, и для всякаго сторонняго покрыто, какъ говорится, мракомъ неизвѣстности.

ГОРИНЕВЪ. Но я бы желалъ оправдаться именно въ вашихъ глазахъ...

БУРЛИНЪ. Право не нужно, оправдаетесь уже промежъ себя.

ГОРИНЕВЪ. Вы можете вообразить и подумать, что...

БУРЛИНЪ. Ничего не воображаемъ и не думаемъ; наше дѣло сторона.

БУРЛИНА Да дай же имъ хоть рассказать. (*Гориневу*). Расскажите, Александръ Ивановичъ... Мы васъ слушаемъ. (*Бурлинъ выражаетъ нетерпѣніе*).

ГОРИНЕВЪ. Рассказъ не длиненъ и не труденъ. Возвратясь сегодня домой, я спѣшилъ, по обыкновенію, изъ кабинета своего съ привѣтствіемъ къ женѣ, и проходя чрезъ эту комнату, сдѣлался нечаяннымъ свидѣтелемъ горячаго спора, происходившаго здѣсь между нашими лакеемъ и горничной. Споръ начался изъ сущей бездѣлицы. Иванъ, накрывши столъ, сказалъ: Слава Богу столъ накрытъ, и просилъ Сашу повторить за нимъ эти слова; Саша не согласилась; они поспорили, наговорили другъ-другу кучу дерзостей, и совершенно разсорились. Замѣтите, что они неравнодушны другъ къ другу, жили до сего дня въ постоянномъ согласіи, и собирались вскорѣ обвѣнчаться. Я рассказалъ все это женѣ своей, она взяла сторону служанки. Удивляясь ея сужденію, и не сомнѣваясь еще въ ея любви ко мнѣ, я просилъ ее повторить тѣже слова, и получилъ такой же отказъ. Конечно, мы не могли слѣдовать въ нашемъ спорѣ ни выраженіямъ, ни дѣйствіямъ прислуги нашей, мы не могли ни разсориться, ни развѣнчаться; но однакожъ *пустая шутка* моя довела ея раздражительность до упрековъ, слезъ и обвиненій, и все краснорѣчіе моего сердца не могло понудить ее отказаться отъ упорства, ничѣмъ не извиняемаго...

ГОРИНЕВА (*съ жаромъ*). Вотъ, сами слышите теперь... упорство, упрямство, неуваженіе, раздражительность, капризы,—все приписываетъ онъ мнѣ. Начавъ съ пустой, по словамъ, его шутки, онъ довелъ ее до предѣловъ серьезнаго, жалѣеть, что мы не могли ни развѣнчаться, ни разсориться еще болѣе, и упрекаетъ меня въ невольномъ вырвавшихся слезахъ и обвиненіи... Во всемъ теперь виновата я!! Но вы знаете, была ли я когда-нибудь раздражительною; вы знаете, была ли я когда-нибудь капризною?

БУРЛИНЪ. О-о-о! Милая Лизанька, ты слишкомъ ужъ многого отъ насъ требуешь.

БУРЛИНА. Ахъ, нѣтъ, Андрей Андреевичъ, ты несправедливъ къ ней, ты обижаешь ее. Кому же лучше нашего знать характеръ ея; я не знаю никакихъ капризовъ за ней. (*Гориневой*). Успокойся, ду-

шенька! Мы не желаемъ быть ни судьями вашими, ни обвинителями; я увѣрена, что все окончится примиреніемъ и новыми ласками.

ГОРИНЕВА. Но онъ не перестаетъ стоять на своемъ, онъ не отказывается отъ своего требованія.

БУРЛИНА. Какъ, Александръ Ивановичъ, вы не хотите сдѣлать ни одного шага къ возстановленію семейнаго согласія?!

ГОРИНЕВЪ. Прошу васъ, тетушка, оставимте покуда это дѣло нерѣшеннымъ, и не будемъ возобновлять объясненій, и безъ того слишкомъ утомительныхъ. *(Онъ занимается разрываніемъ жаркаго)*

БУРЛИНЪ. И я тоже прошу—оставимте это и будемъ говорить о чемъ-нибудь болѣе пріятномъ. Я ждалъ живой, веселой бестды, и нашелъ ѣдкую и скучную; думалъ найти согласіе, и встрѣтилъ взаимныя обвиненія; хотѣлъ быть счастливымъ зрителемъ, а меня тащатъ насильно въ судьи... Вы желали угостить меня, господа молодые супруги, и нарушили мое душевное спокойствіе, лишили меня аппетита, *(Беретъ кусокъ жаркаго изъ предлагаемаго ему Гориневымъ блюда)* и вычеркнули обѣдъ и день изъ жизни моей... Но ты, Лизанька, ты моя родная племянница, дочь брата моего, и я имѣю полное право сказать тебѣ, что хотя ты теперь уже дама и женщина, но вела себя какъ глупенькая дѣвочка. *(Женъ, которая хочетъ говорить).* Позволь, позволь, дай мнѣ высказаться. *(Гориневу).* А вамъ, любезный племянникъ и мужъ, какъ старшій васъ лѣтами и опытностью, какъ посаженный отецъ вашъ и откровенный морякъ, скажу я, что вамъ можно бы смотрѣть покуда сквозь пальцы на слабости молодой жены, и извинить ея маленькое и первое упрямство, по причинѣ ея трехъ-мѣсячной неопытности. Я не обвиняю и не оправдываю никого изъ васъ, и буду искренно радъ вашему примиренію, которое навѣрно не замедлитъ. Хе, хе, хе. Я увѣренъ, что съ вашимъ умомъ и ея добрымъ характеромъ, несогласія, подобныя нынѣшнему, будутъ рѣдкостью; но повѣрьте мнѣ, они будутъ и должны быть иногда. Въ мірѣ ужъ такъ устроено. Вотъ корабль, напримѣръ, онъ не имѣетъ собственной воли, но повинуется лишь опытной и привычной рукѣ,—рукѣ и уму, которые узнали всѣ его качества, всѣ, такъ-сказать, добродѣтели и недостатки его, а на это необходимо время и время. И не менѣе ума, опытности и времени нужно, для той же цѣли, и въ супружествѣ... Подожди, какъ я, такъ и твоя теперь молодая жена станетъ во всемъ, всегда и вездѣ повиноваться тебѣ, какъ вотъ моя старушка... И она когда-то имѣла свою голову и свой маленькій звонкій голосокъ, а вотъ теперь не знаетъ, что значить спорить и прекословить, забыла и слова эти, и ихъ значенія. *(Улыбаясь, жемъ).* Не правда-ли, матушка? *(Жена*

молчитъ). Выполняетъ немедленно и съ готовностію все мои желанія, и еслибы я попросилъ ее теперь же...

БУРЛИНА. Не проси, пожалуйста, теперь ничего!

БУРЛИНЪ. Что ты говоришь?

БУРЛИНА. Я говорю, что ты не станешь выражать такихъ пустыхъ желаній.

БУРЛИНЪ. Однакожь, если это придетъ мнѣ въ голову?

БУРЛИНА. Ты слишкомъ разсудителенъ, чтобы подобная идея могла придти тебѣ.

БУРЛИНЪ. Однакожь, еслибы...

БУРЛИНА (*теряя терпѣніе*). Еслибы, еслибы! Еслибы ты сталъ просить нехотати того же, чего такъ нехотати желали отъ нея, (*Указывая на Гориневу*) въ такую минуту и послѣ твоего унижительнаго для меня предисловія, то я бы... я была бы вынуждена отказать тебѣ... и... отстань отъ меня, пожалуйста!

ГОРИНЕВЪ. Прошу васъ, будемте говорить о чемъ-нибудь другомъ.

БУРЛИНЪ (*женъ, недоверчиво*). Ты шутишь? (*Гориневу*). Она шутить, племянникъ.. она пускаетъ вамъ пыль въ глаза..

БУРЛИНА (*нетерпѣливо*). Какія тутъ шутки!.. я говорю серьезно, и очень серьезно!

ГОРИНЕВЪ. Умоляю васъ, дядюшка, будемте говорить..

БУРЛИНЪ (*отодвигая съ гнѣвомъ тарелку отъ себя*). Нѣтъ, этого еще не бывало... этого еще не случалось со мной!.. это нужно сію же минуту вывести на чистоту!.. Ну—ка, матушка, прошу тебя..

ГОРИНЕВА. Милый дядюшка..

БУРЛИНЪ (*горячо*). Нѣтъ! сказалъ, нѣтъ! Въ жизнь свою не опускалъ флага ни передъ турками, ни передъ шведами! (*Отбросивъ голову назадъ на спинку кресель, важно и громко*). Жена, прошу тебя, повтори за мной: «Слава Богу, столъ накрытъ». Ну—вотъ!

БУРЛИНА (*съ хладнокровнымъ упорствомъ*). Оставь меня въ покоѣ!

БУРЛИНЪ. Повтори—и я оставлю.

БУРЛИНА (*рѣшительно*). Не хочу!

БУРЛИНЪ. Катерина!

БУРЛИНА. Нѣтъ!

БУРЛИНЪ. Катишь...

БУРЛИНА. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

БУРЛИНЪ. Катенька! я прошу...

БУРЛИНА. Не хочу! не хочу!

БУРЛИНЪ (*Встаетъ въ гнѣвъ изъ за стола, роняетъ тарелку.*

которая разбивается объ полъ; онъ ударяетъ ножками своего кресла о разбитые куски ея. На шумъ этотъ входятъ Иванъ и Саша. Саша подходитъ и наклоняется собрать разбитые куски; но такъ-какъ Иванъ дѣлаетъ тоже, то она боязливо уклоняется и отходитъ въ глубину сцены. Иванъ собираетъ черепки и выходитъ съ ними въ среднюю дверь, дѣлая угрозы Сашѣ, которая отворачивается отъ него. Между-тѣмъ Бурлина продолжаетъ съ горячностью.) Э! да это ужъ не шутка! это уже явное неповиновеніе!.. Такъ вотъ что!.. Этакъ ты меня стыдишь передъ людьми!.. Такъ ты такой примѣръ подаешь племянницѣ! А-а! Такъ ты дожила до сѣдыхъ волосъ— и не научилась еще послушанію!..

ГОРИНЕВЪ (*подходя къ Бурлиной*). Тетушка, прошу васъ, сдѣлайте угодное...

БУРЛИНА (*съ негодованіемъ*). Ну-да, такъ и есть! Только что дѣло коснулось до униженія женскаго пола, вотъ они и заодно! Мужъ идетъ противъ жены, дядя—противъ родной племянницы! Что-жъ вы лакея еще не пригласите сюда? Вѣдь изъ-за него началось все, такъ чтобы и онъ то же видѣлъ... (*насмѣшливо*) ваше торжество.

БУРЛИНЪ. Я ни за кого, и ни для кого! я самъ за себя стою! Ихъ распри до меня не касаются: пусть вѣдаются межъ собой, какъ знаютъ, какъ умѣютъ—и какъ хотятъ! — У меня свое дѣло, дѣло до тебя, и я прошу выполненія моего желанія.

БУРЛИНА. Не для чего было просить такихъ пустяковъ.

БУРЛИНЪ. Пустяки или нѣтъ, это все-равно теперь. Тутъ важенъ не смыслъ словъ, важно ихъ повтореніе.

БУРЛИНА. Я жена, не попугай. (*Указываетъ на клятку*).

БУРЛИНЪ. Жена обязана мужу послушаніемъ, и эти слова сдѣлались теперь *оселкомъ* послушанія.

БУРЛИНА. Мнѣ не нужно *никакихъ оселковъ*. Пусть, кто хочетъ, удерживаетъ за собой упорство осла; а я не хочу и не могу имѣть ослинаго терпѣнія! Жены—не рабыни, а подруги мужей. (*Племянницѣ*). Не такъ-ли, мой другъ?

ГОРИНЕВА. И могутъ изслѣдовать желанія, прежде выполненія ихъ...

БУРЛИНА. И не выполнять желаній пошлыхъ и пустыхъ...

ГОРИНЕВА. Никогда, никогда!

БУРЛИНЪ (*твердо и громко*). Матросъ долженъ безпрекословно повиноваться капитану своего корабля, жена повиноваться своему мужу и начальнику!.. Сказано.

ГОРИНЕВА (*въ смущеніи потупивъ голову*). Я не слыхала.

БУРЛИНА. А я не помню... забудешь въ пятнадцать лѣтъ непре-
рывныхъ заботъ.

БУРЛИНЪ. Ну, такъ я напомию вамъ. Я говорю: твердость харак-
тера, сила воли—составляютъ достоинство мужчины; упорство и упрям-
ство суть несноснѣйшіе изъ недостатковъ женщины.

БУРЛИНА. А я говорю: твердость характера, непоколебимость воли—
высокія, къ несчастію рѣдкія добродѣтели женщинъ;—а настойчивость
и своеволие обыкновенные недостатки, даже пороки мужчинъ.

БУРЛИНЪ (*насмѣшливо*). Чудесная добродѣтель женщинъ: повто-
рить слова не захотѣлось;—а въ другое время унять нельзя, трещить
словно трещетка, кудахтаетъ безъ умолку, словно курица.

БУРЛИНА (*тоже насмѣшливо*). Высокая добродѣтель мужчины: за-
хотѣлъ чего, такъ подай ему, откуда хочешь, хоть тресни; а подь-часъ не
стукни и не пикни, на цыпочкахъ ходи, вишь, занять, глубокія со-
ображенія, дѣла самонужнѣйшія, какія-нибудь тамъ пустяки.

БУРЛИНЪ. Просятъ, умоляютъ, укоряютъ, угрожаютъ, и все не въ
помощь. (*Горинева дѣлаетъ приличные знаки жень*).

БУРЛИНА. Пристаютъ, надоедаютъ, кричатъ, бранятся, шиплютъ,
ломаютъ мебель, бьютъ тарелки; а ты за это улыбайся, и смотри имъ
въ глаза точно моська.

ГОРИНЕВА (*приставая къ Бурлиной, которая вызывала ее на
это взглядами*). Забываютъ всю любовь, все счастье настоящихъ ми-
нута. (*Поглядывая въ свою очередь на горничную*). Готовы разру-
шить все счастье будущаго.

БУРЛИНЪ (*съ увѣренностью*). Рѣшеное дѣло: всѣ женщины ка-
призны.

БУРЛИНА. Всѣ мужчины деспоты!

БУРЛИНЪ (*выбѣгая на авансцену*). Ну-вотъ, рѣшите хоть вы,
судьи почтенные и нелицепріятные... кто правъ и кто виноватъ, и
отхлопайте правой сторонѣ. Сущность дѣла въ томъ, что я совершенно
убѣжденъ и вы не могли тоже не убѣдиться...

БУРЛИНА (*выбѣгая тоже на авансцену*). Нѣтъ, Андрей Авдренчъ,
съ другими судьями, какъ знаешь, а меня тутъ не проведешь!.. Вздума-
лъ рѣчь говорить, заискивать у кавалеровъ!.. Такъ нѣтъ же, не
удастся! (*Оборачиваясь къ Гориневой и Сашѣ, которыя подбѣ-
гаютъ къ ней съ обѣихъ сторонъ*). Сюда!.. (*Къ зрителямъ*). Вотъ
барыни-сударыни, вотъ мы, представительницы ваши, постоитъ за насъ и
за себя! Не выдавать! Эхъ, жаль, что я не могу и тутъ, и тамъ... ужъ
показала бы имъ, мужчинамъ-то. Они: хлопъ; хлопъ, а мы дробью,
въ пристукочку: тррр... Курочка по зернышку клюетъ, да сыта бы-

ваеть. Не выдать!! (*Женщины и мужчины расходятся на сцену въ разныя стороны, мужчины занимаютъ правую сторону*).

ГОРИНЕВЪ (*Бурлину громко*). Храбрый дядюшка, наша возьметъ!

БУРЛИВА (*Гориневой громко*). Не робѣть! нашего полку прибыло!

БУРЛИНЪ (*Гориневу тихо*). Эхъ, братъ, плоховато наше дѣло: все женское поколѣніе вооружили противъ себя.

ГОРИНЕВЪ (*Бурлину тоже тихо*). Что-жь дѣлать намъ теперь?

БУРЛИНЪ. Дѣлай что хочешь; а я знаю только, что день мой испорченъ, спокойствіе нарушено,—и пятнадцать лѣтъ трудовъ обратились въ ничто... хоть опять начинать!

ГОРИНЕВЪ. Нельзя же и уступать намъ теперь.

БУРЛИНЪ. А подумалъ-ли ты о послѣдствіяхъ? Просишь пальца, а у тебя и руку оторвутъ... Вотъ къ чему упорство привело.

ГОРИНЕВЪ. Какъ упорство!? Вы полагаете?

БУРЛИНЪ. Разумѣется, упорство... что же иначе? Требовать неотступно чего-нибудь, это тоже упрямство, какъ и несогласіе выполнить требуемое.

ГОРИНЕВЪ. Какъ же вы увѣрили сейчасъ, что неправы онѣ.

БУРЛИНЪ. Да, увѣрялъ, хотѣлъ себя поддержать... анъ видишь, какъ дѣло-то повернулось теперь?.. Со всѣхъ бортовъ палать... (*Продолжаютъ тихо разговаривать*).

ГОРИНЕВА (*на лѣвой сторонѣ сцены, Бурлиной*). Ну—право, тетушка, еслибъ я только знала, что это доведетъ до такихъ сценъ, я приняла-бы все за шутку, и всему бы конецъ... Но теперь, теперь ужъ не знаю, какъ и уступить.

БУРЛИНА. Уступи... попробуй-ка... такъ разомъ влягутъ!.. точно пѣшкой понукать стануть.

ГОРИНЕВА (*съ душкомъ*). А? когда такъ! Такъ я покажу ему характеръ свой! Докажу, что и у меня сила воли есть!

БУРЛИНА (*одобрительно*). Ну, да. Ни шагу уступки теперь. Держись на чемъ свѣтъ стоитъ. Помни, что на тебя смотрятъ женщины, и не будь отступницей. А мой старикъ долго напросится, покуда я ему эту штуку забуду и прощу.

ГОРИНЕВА. И меня научите и поддержите, тетушка.

БУРЛИНА. Разумѣется... надѣйся какъ на стѣну каменную.

ГОРИНЕВА. Почему же не «какъ на женщину?»

БУРЛИНА. Ахъ, камень тверже, душенька, потому—что безчувственнѣе. (*Онѣ продолжаютъ тихо разговаривать*).

БУРЛИНЪ (*на правой сторонѣ сцены, Гориневу*). Уступаетъ не

всегда слабѣйшій; но тотъ кто умнѣе и смышленѣе... даже и на войнѣ, въ морскихъ сраженіяхъ...

ГОРИНЕВЪ. А честь?

БУРЛИНЪ. Одинъ пустой предлогъ. Досадно и больно самолюбію, такъ и сворачиваемъ на честь и какія-то права и обязанности... А вотъ, еслибы удалось теперь, какъ-нибудь, обратить все это въ шутку, тогда бы и самолюбіе не страдало, и честь была бы спасена...

ГОРИНЕВЪ (*радостно*). Въ шутку?! Пойдите, дядюшка, я съѣлаю разомъ всему конецъ. (*Уходитъ въ боковую дверь направо*). (*Барыни продолжаютъ тихо разговаривать. Изъ жестовъ видно, что Бурлина старается поддержать упдающую духомъ племянницу. Съ минуту обѣ стороны поглядываютъ другъ на друга. Хитрое, улыбающееся лицо Бурлина становится серьезнымъ всякій разъ, когда онъ поворачиваетъ его къ барынямъ. Видно, что онъ что-то обдумываетъ, и наконецъ принимаетъ рѣшеніе*).

БУРЛИНЪ (*добродушно*). Ну, барыни, половина моей эскадры отплыла прочь, и одному стоять противъ такого грознаго союза, какъ вашъ, не въ моготу мнѣ болѣе. Поэтому я, какъ въ сказочномъ мірѣ, подкрѣплю себя живой водицей передъ боемъ, а какъ водится въ мірѣ существенномъ, прибавлю къ водѣ поболѣе вина и жареной говядины. Подражай, кто хочетъ, а я снова усаживаюсь и приношу благодареніе Богу за насущный хлѣбъ... (*Садится на прежнее мѣсто, кушаетъ и пьетъ съ большимъ аппетитомъ; тихо про-себя*). «Слава-Богу, что и сегодня столъ накрытъ».

ГОРИНЕВА. Тетивька, не съѣсть-ли и намъ за столъ?

БУРЛИНА. И точно. Довольно было тревоги—изъ упрямства пустаго; не стать же намъ еще себя голодомъ морить. Давай-ка. (*Садятся*).

IX.

ВСѢ ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ГОРИНЕВЪ (*входя изъ боковой двери направо, съ двумя кашемировыми, французскими шалами, по одной въ каждой рукѣ и подходя съ авансены къ женѣ*).

ГОРИНЕВЪ. Милая Лиза, худой миръ лучше доброй ссоры; а хорошій, какой можетъ быть у насъ съ тобой, и еще того лучше. Но чтобы нашъ миръ былъ вполне хорошъ, то я, какъ неповинно-виновный въ началѣ войны, подношу тебѣ пристойную дань. Вотъ, выбирай любую, душенька. (*Показываетъ платки, развертывая ихъ то на одной, то на другой рукѣ*).

ГОРИНЕВА (*въ смущеніи опуская глаза, но тотчасъ поднимая ихъ на платки и мужа*). Ахъ, Александръ, я право не знаю...

ГОРИНЕВЪ. Посмотри и выбирай.

ГОРИНЕВА. Не въ томъ затрудненіе... но въ такую минуту...

ГОРИНЕВЪ. Хорошее во всякую хорошо.

ГОРИНЕВА (*молча указываетъ торопливо на одинъ изъ платковъ*).

ГОРИНЕВЪ (*улыбаясь*). Эту? которая направо? (*Горинева дѣлаетъ знакъ головой и опускаетъ глаза и голову*).

ГОРИНЕВЪ (*кладетъ другую шаль на спинку стоящаго близъ стола кресла или стула, а избранною обертываетъ плечи и станъ слегка повертывающейся при этомъ жены*). Какъ къ лицу, да иначе и быть не можетъ, ты такая хорошенькая!

ГОРИНЕВА (*смотря мужу въ глаза, сквозь слезы*). Потому-что опять такъ счастлива, такъ вполне счастлива!!.. (*Оглядывая себя*). Милый Александръ!!

ГОРИНЕВЪ. Теперь, милая Лиза, ты видишь, я сдѣлалъ три четверти пути къ восстановленію между нами прежняго согласія; ты не откажешься, можетъ-быть, тоже сдѣлать одинъ послѣдній шагъ... я говорю: можетъ-быть...

ГОРИНЕВА (*бросаясь къ нему на шею, радостно и громко*). Ахъ! Слава-Богу! (*Тихо, почти на ухо мужу, но внятно и съ разстановкою*) «столъ накрытъ».

БУРЛИНЪ (*который пересталъ ѣсть и внимательно смотрѣлъ на все со времени прихода Горинева, вскакивая со стула и поднимая вверхъ руки, и въ одной изъ нихъ вилку съ большимъ кускомъ говядины, громко*). Браво, дѣти! Вотъ славно покончили ссору!

ГОРИНЕВЪ. И навсегда, чтобъ болѣе не начинать!

ГОРИНЕВА. Никогда! (*Ласкаясь къ мужу*). Другъ мой!

БУРЛИНА (*улыбаясь тихо Гориневой*). Отступница!

ГОРИНЕВА. Женщина не камень, тетушка

БУРЛИНЪ. Ну, теперь на абордажъ. (*Тащитъ племянника къ столу; всѣ садятся на прежнія мѣста, Гориневы придвигаются другъ къ другу*).

ГОРИНЕВЪ. Иванъ! Поскорѣй бутылку шампанскаго! (*Иванъ, у котораго шелъ опять живой разговоръ жестами съ горничной, поспѣшно выходитъ*).

БУРЛИНА (*засматривается на другой платокъ, поглядываетъ на мужа и улыбается*). Андрей Андреичъ!

БУРЛИНЪ (*не замѣчая ничего, добродушно*). Что тебѣ?

БУРЛИНА. Погляди-ка сюда. (*Указывая на платокъ*). Тутъ и еще одна...

БУРЛИНЪ (*дѣлая видъ, будто бы не догадывается*). А, шаль? Ну, что-жъ, мы ей ничего не сдѣлаемъ; пусть лежитъ себѣ.

БУРЛИНА. Что-жъ ты скажешь?! мировую, а?

БУРЛИНЪ. То-есть тебѣ поднести? Э, матушка, дорогонько.

БУРЛИНА. Да ты обдумай.

БУРЛИНЪ. Обдумаль, что слишкомъ дорого. Другое дѣло: молодому мужу для молодой жены и на первой порѣ супружества... а намъ, старикамъ, право ужъ не стоить, излишняя роскошь... Да и онъ въ мои лѣта не будетъ дѣлать такихъ жертвъ.

БУРЛИНА (*мужу*). Фи, сударь.

БУРЛИНЪ (*отмахивая женъ рукой*). Такъ, такъ, матушка.

ГОРИНЕВА (*мужу, подавая ему руку*). Нѣтъ, я надѣюсь, Александръ...

ГОРИНЕВЪ (*цѣлуя руку женъ*). Надѣйся, душенька, надѣйся всегда на будущее; но еще болѣе, не забывай настоящаго и умѣй пользоваться имъ.

БУРЛИНА. Нѣтъ, Александръ Ивановичъ, право любопытно-бы знать теперь ваши настоящія мысли объ этомъ предметѣ.

БУРЛИНЪ. Нѣтъ, нѣтъ! Я протестую противу всякихъ дальнѣйшихъ объясненій; будетъ того на сегодняшний день, что и старья благополучно покончили.

ГОРИНЕВЪ (*громко и съ выраженіемъ*). A-bas все философскія разсужденія въ супружествѣ! Это не наука, а законъ. (*Иванъ входитъ съ бутылками и бокалами. Наливаетъ бокалы*).

ГОРИНЕВЪ. Но позвольте!.. общій миръ заключенъ, а главная виновница (*Указывая на горничную въполголоса*) мпнувшихъ тревогъ осталась ненаказанною. (*Саша хочетъ уйти, Иванъ ее удерживаетъ*).

БУРЛИНЪ. Давай ее сюда, сюда ее! Она испортила мнѣ сегодняшний обѣдъ.

ГОРИНЕВЪ И ГОРИНЕВА (*въполголоса*). Она возмутила наше семейное счастье!

БУРЛИНА (*всторону*). Шали лишила меня и глупость сдѣлать заставила. Сюда ее! Я придумала ей приличное наказаніе. (*Громко Сашѣ*). Твое упрямство непростительно. Ты не хотѣла повторить нѣсколькихъ словъ, когда тебя просилъ о томъ женихъ твой, такъ говори-же ихъ теперь по приказанію.

БУРЛИНЪ. Bravo, жена! Славно придумала! Не давай потачки!

БУРЛИНА (*кивая дружественно мужу*). Не бойсь, не дамъ. (*Сашь*).
Говори громко и внятно, а нето заставлю повторить. (*Иванъ дѣлаетъ издали Сашь побѣдные знаки*).

САША (*переминается, хочетъ говорить, но видя знаки Ивана, вдругъ останавливается*). Нѣтъ, сударыня, я рада васъ слушаться... да за что-жь мнѣ его-то тѣшить. (*Указывая на Ивана*).

ГОРИНЕВЪ. Не для него, а для насъ. Тѣшить его не зачѣмъ тебѣ теперь. Вѣдь вы разсорились, онъ сдѣлался чужой тебѣ.

САША. Какъ же можно, чужой... (*Потупивъ голову*). Онъ хочетъ жениться на мнѣ.

ГОРИНЕВЪ (*въ недоумѣннй, смотря то на Сашу, то на Ивана*). Да вѣдь я самъ слышалъ? я слышалъ все.

ИВАНЪ. А послѣ, сударь, опять поладили...

ГОРИНЕВЪ (*въ удивленнй*). И она сказала, повторила, какъ просилъ?

ИВАНЪ (*запинаясь*). Только въ этомъ одномъ и не согласились. (*Бодрые*). Да общалась, что послѣ слушаться будетъ, такъ ужъ Богъ съ ней.

ГОРИНЕВЪ. Такъ пусть сейчасъ повторить. (*Саша молчитъ*).

БУРЛИНА (*приступая къ Сашь*). Ну, что-жь ты раздумываешь? Забыла что-ли? Пустая увертка, матушка. На, повторй за мной! Слышишь? За мной повторй! (*Громко*). «Слава-Богу, столъ накрытъ». (*Бурлинъ и Горинева переглядываются между-собой во-время ея рчи, дѣлаютъ другъ-другу знаки, и при послѣдней фразѣ Бурлиной раздражаются веселымъ смѣхомъ*).

БУРЛИНА (*въ удивленнй оборачиваясь къ нимъ*). Чтѣ такое?

ГОРИНЕВЪ. А сами и повторили теперь!

ГОРИНЕВА. Сами сказали, тетушка!

БУРЛИНЪ (*приподнимаясь со стула, весело*). Благодарю, матушка, за то, что исполнила мое желаніе.

БУРЛИНА (*закрывая себѣ ротъ рукой*). Ахъ, батюшки, проболталась. (*Сашь*). Ну, такъ ужъ ты теперь, какъ хочешь, а непременно говори? Спуску тебѣ не будетъ! (*Гориневой*). Откажи ей отъ мѣста, душенька, если не скажетъ. (*Сашь*). Капризница, упряmica этакая!..

БУРЛИНЪ. Худая трава изъ поля вонъ. (*Встаетъ*).

ГОРИНЕВЪ. Пожалуй, и я согласенъ. (*Встаетъ*).

ИВАНЪ (*приближаясь къ Гориневу, съ участіемъ*). Ужъ простите ее, сударь, меня ради... общалась слушаться, когда будетъ женой...

ГОРИНЕВЪ. Нѣтъ, Иванъ, пусть скажетъ.

САША (*переминаясь, сквозь слезы*). Право не могу. (*Гориневой, съ выраженіемъ*). Сударыня!!!

ГОРИНЕВА (*вставая и подходя къ ней*). А если скажешь, такъ на будущей недѣлѣ свадьба твоя, и я буду посаженой матерью...

САША (*встрепенувшись, радостно*). На будущей недѣлѣ?

ИВАНЪ (*тоже въ радости, и къ Сашѣ съ боязнію*). Сашечка!!

САША (*живая Ивану головой, торопливо*). Скажу, скажу... (*Останавливается и оглядывается вокругъ*).

ГОРИНЕВА И ГОРИНЕВЪ. Ну, Саша!

БУРЛИНЪ (*съ выразительнымъ жестомъ*). Разомъ! Пли!

БУРЛИНА. Нѣтъ, громко и не спѣша!..

САША (*дѣлая усиліе, громко и не спѣша*). Слава-Богу.. (*Закрываясь фартукомъ, не такъ громко и торопливо*). Столъ накрыть! (*Быстро убѣгаетъ*).

БУРЛИНА. Дѣвка съ характеромъ, изъ нея выйдетъ прокъ.

БУРЛИНЪ. Знаетъ границы упрямства, толкъ будеть.

ГОРИНЕВА. Какъ посаженная мать, я дамъ ей хорошій урокъ о томъ, какъ слушаться своего мужа.

ГОРИНЕВЪ. А я Ивану, о томъ, какъ умѣть желать и приказывать.

ПАНТЕОНЪ

выходить ежемѣсячно, въ 20-хъ числахъ. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 номерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему лигюграфіи, гравюры, ноты, состоящія изъ: *фотолитографическихъ портретовъ русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; новѣйшей музыки русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсенъ, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.*

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАВІЕ:

12 р. 50 к. с., съ пересылкою или доставкою на домъ: 14 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

исключительно

Въ С. Петербургъ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москву: Въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ П. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ, вначалѣ или среди года, непременно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, **СО ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.**

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю **ВЕДОРУ АЛЕКСѢВичу КОНИ**, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургъ, у Чернышева моста, въ домѣ Лыткина.»